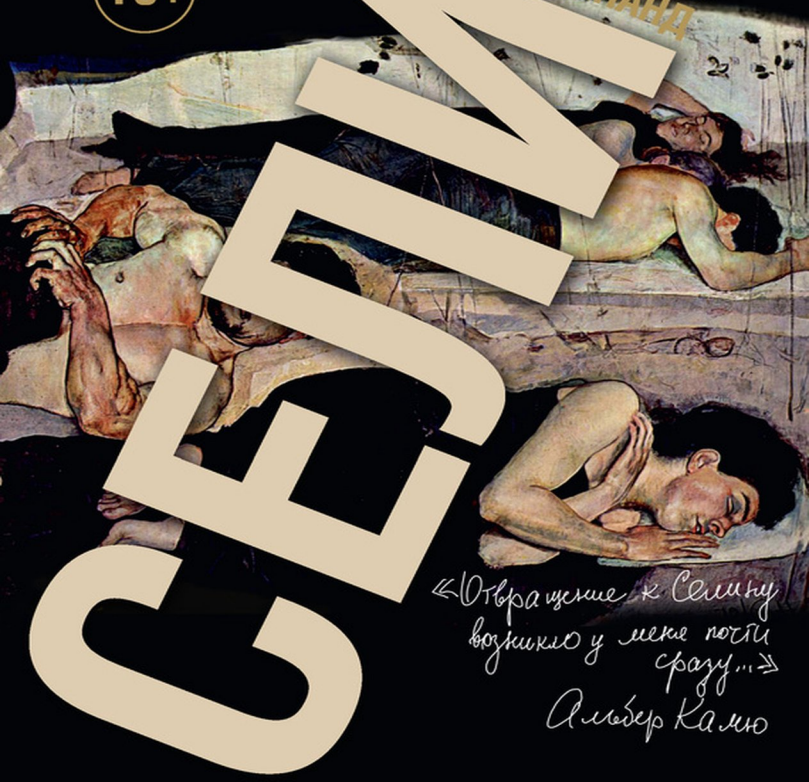
Смерть в кредит

ЛУИ-ФЕРДИНАНД

18+



СЕЛИН

«Отвращение к Селину возникло у меня почти сразу...»

Альбер Камю

Смерть в кредит
Луи-Фердинанд Селин

Аннотация
Луи-Фердинанд Селин. Смерть в кредит
Предисловие
* * *
— — —
* * *
— — —
* * *
— — —

| * | * | * |

| * | * | * |

| * | * | * |

| * | * | * |

| * | * | * |

*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*

Аннотация

Луи-Фердинанд Селин (1894–1961) – самый скандальный, самый противоречивый, самый несчастный и самый талантливый французский писатель XX века. Всю жизнь он стремился вырваться из нищеты – и всю жизнь работал, как проклятый, за гроши. Пытался растолкать одурманенный алкоголем и одураченный правителями народ – а в ответ получал ненависть. Указывал на истинных зачинщиков кровопролитных войн – а его клеймили как нациста и антисемита. Будучи по образованию врачом – сам серьезно болел из-за полученного на войне ранения и тягот тюремного заключения. Страстно любил Францию – а пришлось быть изгнанником в Данию. Одни возвеличивали его как гения, другие ниспровергали как амбициозное ничтожество. «Селин остается самым великим из современных французских романистов… с могучим лирическим даром», – утверждал драматург Марсель Эме. «Отвращение к Селину возникло у меня почти сразу… Терпеть не могу литературу, бьющую на эффект, ибо

она охоча до клеветы и копания в грязи, ибо взывает к самому низменному в человеке», – возражал нобелевский лауреат Альбер Камю.

Сам же себя Селин называл «мандарином бесчестия» и «рыцарем Апокалипсиса».

Одна из самых шокирующих его книг – «Смерть в кредит» (1936). В ней писатель, не стесняясь в выражениях, жестко и надрывно описал все уродства жизни парижского дна, которые он наблюдал в юности. Читая о воинствующем аморализме, вы всеми порами ощутите мерзость окружающей обстановки с ее беспросветной безысходностью и ложью. Однако роман вызывает неоднозначные эмоции. С одной стороны картины абсурда и несправедливости пробуждают чувство негодования и протеста. А с другой – вызывает удивление какое-то почти мазохистское упоение автора хаосом. Но в этом и есть весь Селин, произведения которого до сих пор вызывают яростные споры и разноголосицу мнений.

Луи-Фердинанд Селин
Смерть в кредит

© Editions Gallimard, Paris, 1952
© Маруся Климова, перевод
© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Предисловие

Потребовалось почти шестьдесят лет, чтобы «Смерть в кредит» была опубликована в России. Благодаря таланту и упорству переводчицы Маруси Климовой русская публика сможет наконец открыть для себя это важнейшее произведение Селина, которое единодушно считается одним из самых значительных французских романов XX века.

Чтобы лучше понять, почему между публикацией романа в Париже в мае 1936 года и выходом этого шедевра на русском языке минуло столько лет, нужно постараться до конца представить, кто же такой Селин, а для этого придется немного углубиться в историю.

Селин (настоящее имя Луи Детуш) родился в пригороде Парижа 27 мая 1894 года. Его детство прошло в одном из парижских кварталов среди мелких торговцев, всю жизнь пытавшихся разбогатеть. Его мать содержала маленькую лавочку, в которой продавались старинные кружева и антиквариат, и была великой труженицей, безропотной и забитой, в то время как отец, скромный

служащий страховой компании, постоянно «вопил» о несправедливостях судьбы, евреях, о бездушии технократической цивилизации и всего современного мира.

Будучи единственным сыном в семье, свое детство Селин провел в среде эгоистической и унылой, постоянно наблюдая дичайшие проявления социального неравенства. Чуть позже ему довелось участвовать в первых сражениях войны 1914–1918 годов, он стал свидетелем одной из самых великих исторических боен и вернулся с нее убежденным пацифистом, до конца своих дней сохранив и в своем теле (Селин был ранен. — *Прим. переводчика.*) и в душе отметины ужасов пережитой им трагедии. Несколько лет спустя, после длительного пребывания в Африке, где Селин столкнулся с нищетой туземцев и бесчинствами колонизаторов, он поступил на службу врачом в диспансер одного из парижских пригородов, где опять-таки вынужден был постоянно соприкасаться с болезнями и страданиями людей. Имея за плечами подобный опыт, мог ли Селин избежать увлечения коммунистическими идеями? В то время все обездоленное человечество верило, что пролетариат, придя к власти, воспользуется ею таким образом, что среди на-

родов раз и навсегда установится мир, сила и оружие отступят, и будет наконец-то построено свободное и справедливое общество. К несчастью, судьба распорядилась иначе.

Испытывая потребность писать, Селин опубликовал в 1932 году в Париже роман «Путешествие на край ночи», который произвел большой переполох и даже, можно сказать, что-то вроде революции во французской литературе. Французские писатели-коммунисты поспешили причислить Селина к «своим», увидев в нем последователя Барбюса, тоже ветерана Первой мировой войны. Арагон, проникшись к писателю дружескими чувствами, обращался к нему в журнале «Коммюн»: «Когда настанет час неизбежного сражения, я надеюсь увидеть вас на стороне эксплуатируемых, а не эксплуататоров». Супруга Арагона Эльза Триоле перевела «Путешествие…» на русский язык, его исковерканная версия была опубликована в Москве в 1934 году с предисловием Ивана Анисимова, который увидел в книге «гигантскую фреску современной жизни» и «настоящую энциклопедию умирающего капитализма».

Книга вызвала большой резонанс, хотя среди интеллигенции мнения о ней полярно раздели-

лись. Так, на Первом съезде советских писателей, состоявшемся в Москве в 1934 году при участии Луи Арагона и Андре Мальро, Максим Горький заявил: «Герой этой книги, Бардамю, человек без родины; он презирает людей, называет свою мать «сучкой», а любовниц — шлюхами, он безразличен к любому преступлению и, не имея никаких данных «примкнуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для принятия фашизма». (Здесь и далее цитаты из русских авторов переведены с французского текста. — *Прим. переводчика.*)

Наивысших похвал Селин удостоился от Льва Троцкого, который, после того как поприветствовал «зрелого мужа, искушенного в медицине и искусстве, наделенного абсолютным презрением к академизму и исключительным чутьем к жизни и языку», написал о нем в 1933 году из своей ссылки на Принкипо: «Селин такой, каким мы его знаем, происходит из французской реальности и французского романа. И ему не приходится за это краснеть. Французский гений нашел в романе свое несравненное выражение. Ведя свое начало от Рабле, который, кстати, тоже был врачом, за четыре века своего существования великолепная французская проза простерлась от жизнеутвер-

ждающего смеха до отчаяния и опустошения, от ослепительного рассвета до края ночи».

«Смерть в кредит», опубликованная в Париже в мае 1936 года, была довольно-таки холодно встречена французской критикой и еще хуже — советской. Почти все отмечали отталкивающий анархизм Селина, грубость некоторых его тем и его «презрение к человечеству».

Селин интересовался буквально всем, ему хотелось все увидеть и прочувствовать самому, поэтому в сентябре 1936 года он на короткое время приезжает в Ленинград, откуда возвращается с убеждением, что коллективизм может принести стране лишь несчастья и нищету. Тогда-то и был написан короткий и резкий антисоветский памфлет «Mea culpa» («Моя вина»), опубликованный издательством Деноэля в конце 1936 года. Так закончился медовый месяц между писателем и коммунистами, отныне он становится для них олицетворением «темных сил».

Селин ненавидел любые повторения, среди них — неизбежные пробуждения ненависти и насилия, сопровождающие все революции, так же как и периодически повторяющиеся войны между народами, между социальными классами, между людьми, которых он сам хотел бы видеть

живущими в мире и согласии.

Селин обладал удивительным даром предчувствия катастроф, он инстинктивно чувствовал их приближение задолго до начала тридцатых годов. По своему темпераменту он не имел себе равных во французской литературе XX века и потому не мог спокойно наблюдать разыгрывающуюся в Европе трагедию, которая была лишь предвестником жесточайшей бойни, охватившей вскоре почти весь мир. Он был не в состоянии сдержаться и не выразить ту ненависть, которую испытывал к самой ненависти, в выражениях настолько резких и разрушающих общепринятые нормы, что это и сегодня сохраняет за ним репутацию писателя отверженного и проклятого, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия.

Селин был одинок и свободен, и в этом главный источник его силы, равно как одиночеству и свободе он обязан своей странной славой предвестника, провидца и революционера.

Без него французская литература, без сомнения, безмятежно продолжала бы шествовать своей дорогой, а французские писатели нынешнего века продолжали бы писать так, как это делали их отцы в прошлом веке.

Селин оказался способен продвинуть француз-

ский роман на сто лет вперед, создав произведения в высшей степени сильные, оригинальные и актуальные. Читая роман «Смерть в кредит», каждый сам может убедиться в том, что на книге, написанной почти полвека назад, до сих пор не появилось ни одной морщинки. Свежесть стиля, богатейший мир чувств и образов, юмора и нежности, что присутствуют на каждой странице книги, делают роман поразительно современным.

Мне хотелось бы, чтобы все русские читатели сумели оценить и полюбить эту книгу. Я также искренне надеюсь, что в ближайшее время будут переведены и напечатаны книги, написанные Селином после Второй мировой войны. Тогда читатель откроет для себя «Из замка в замок», «Север», «Ригодон» — восхитительную трилогию, созданную лишенным иллюзий человеком, который познал все человеческие беды, прошел войну, тюрьму, больницу, ссылку, одиночество и тоску, которого травили, как бешеную собаку, и который, смеясь надо всем этим, дает тем, кто его читает, не только урок превосходного стиля и юмора, но и впечатляющий урок гуманизма, жизненной силы и гениальности.

Франсуа Жибо
Париж, 18 июля 1993 года

* * *

Люсьену Декаву

Вставай! Бери свои штаны!
То коротки, а то длинны.
И куртку грубую!
Рубашку, скомканный берет.
Ботинкам этим сносу нет,
Носи до гроба их!..

Тюремная песня[1]

Вот опять я один. Это так тяжело, так ужасно, так мучительно… Скоро я стану старым. И все это наконец закончится. Множество людей побывало здесь, в моей комнате. Они о чем-то говорили. Я даже не помню о чем. Их больше нет. Разбросанные по всему свету, они состарились, обрюзгли и опустились.

Вчера в восемь часов умерла мадам Беранж, консьержка. Из ночной темноты поднимается

---

[1] Примечания: 1

Селин не является автором песни. Это третий куплет одной из песен заключенных, собранных аббатом Крозе, бывшим исповедником тюрьмы «Гранд Рокетт» с 1860 по 1870 г. Песня посвящается новичкам, которые впервые надевают на себя тюремную робу.

ураган. Здесь, на самом верху, мы чувствуем, как трясется дом. Она всегда была так добра, внимательна и преданна мне. Завтра ее хоронят на улице Соль. Ей было уже много лет, в самом деле, очень много. Я сказал ей в первый же день, когда она закашляла: «Ни в коем случае не ложитесь! Сидите в кровати!» Я опасался худшего. А потом… Стало совсем плохо…

Я ведь не постоянно занят этой дерьмовой медициной. Я напишу, что мадам Беранж умерла, тем, кто знал меня, кто знал ее. Где они?..

Я хотел бы, чтобы ураган становился все сильней и сильней, чтобы обвалилась крыша, чтобы весна больше не пришла, чтобы наш дом исчез.

Мадам Беранж знала, что все огорчения приходят вместе с письмами. Я даже не представляю, кому написать… Все эти люди далеко… Они уже совсем не те, они слишком забывчивы и непостоянны, им не до того…

Бедная мадам Беранж, ее одноглазую собаку заберут, уведут…

Все горе, принесенное письмами, вот уже почти двадцать лет копилось у нее. Оно там, в запахе недавней смерти, в ее невыносимом остром привкусе… Горе вышло наружу… Оно там… Рыщет… Оно знает нас, теперь мы тоже знаем его. Оно не

уйдет больше никогда. Надо погасить в комнате свет. Кому я буду писать? У меня больше никого нет. Никого, с кем я мог бы спокойно встретить благородный дух смерти… а потом спокойно поговорить… Ты один и надейся только на себя!

Под конец моя бедная старушка не могла даже говорить. Она задыхалась, хватала меня за руку… Вошел почтальон. Он видел, как она умирает. Легкая икота. Все. Когда-то многие заходили к ней спросить обо мне. Все они далеко, очень далеко, они растворились, разъехались в поисках счастья. Почтальон снял кепку. Я мог бы выразить свою ненависть прямо сейчас. Это я умею. Но всему свое время. А пока я буду рассказывать. И расскажу такое, что со всех концов света они приедут только для того, чтобы меня убить. Тогда с этим будет покончено, и я буду удовлетворен.

* * *

В больнице, где я работаю, при институте Линюси, у меня уже были неприятности из-за моих рассказов… Мой кузен Гюстен Сабайо категоричен: мне следовало бы изменить стиль. Он тоже врач, но на другом берегу Сены, в Шапель-Жонксьон. Вчера у меня не было времени сходить к нему. Я как раз хотел поговорить с ним о мадам Беранж. Но я немного опоздал. Консультировать — тяжелое ремесло. К вечеру он тоже устает. Почти все люди задают утомительные вопросы. Торопиться бесполезно, все равно им приходится повторять все предписания по двадцать раз. Им доставляет удовольствие мучить тебя, заставлять говорить… Они и не подумают следовать твоим советам. Но они подозревают, что ты недостаточно усердствуешь, и для большей уверенности требуют: банки, рентген, анализы… Чтобы их простукали сверху донизу… Чтобы все измерили… Артериальное давление и тупость… Гюстен занимается этим в Жонксьон уже тридцать лет. А я своих придурков в один прекрасный день

пошлю в Вилетт[2] пить теплую кровь. Надеюсь, это утомит их уже с самого утра. Я еще толком не знаю, что бы такое сделать, чтобы их отвадить…

Позавчера я наконец смог пойти навестить Гюстена. Его дыра в двадцати минутах ходьбы от моей, сразу же за Сеной. Погода была не очень. Все же я собрался. Я решил поехать на автобусе. Заканчиваю прием. Удираю через перевязочную. Но тут какая-то баба вцепляется в меня. Она растягивает слова, как и я. Это от усталости. У нее сиплый голос, это уже от пьянства. Она ноет, тащит меня куда-то. «Доктор, идемте, я вас умоляю!.. Моя доченька, моя Алисочка!.. Это на улице Рансьен!.. В двух шагах!..» Я не обязан туда идти. В конце концов, я уже закончил прием!.. Она настаивает… Мы уже вышли. Мне осточертела эта херня… Я починил сегодня уже тридцать мудил… Не могу больше… Пусть они кашляют! Харкают кровью! Развалятся на части! Пусть их вывернет наизнанку! Пусть они улетят на собственных газах!.. Мне наплевать на это!.. Но плакальщица хватает меня, бесцеремонно вешается на шею, дышит на меня своим отчаянием. Оно здорово отдает «бормотухой»… У меня нет сил сопро-

[2] Примечания: 2

Вилетт — район в окрестностях Парижа, где раньше находились городские бойни. Теперь там устроен большой парк.

тивляться. Она не отстает от меня. Может быть, на улице Касс, длинной и без фонарей, я дам ей ногой под жопу и смоюсь… Все же я слизняк… Я уже сник… И снова начинается та же песня: «Моя доченька!.. Я вас умоляю, доктор!.. Моя Алисочка!.. Вы же знаете ее?..» Улица Рансьен не так уж близко… Ну и влип же я… Я знаю, где это. За кабельным заводом. Я слушаю ее как в тумане… «Мы получаем только восемьдесят три франка в неделю… а у нас трое детей!.. И мой муж так ужасно со мной обращается!.. И сказать стыдно, дорогой доктор!..»

Я знаю наизусть всю эту дребедень. Воняет сгнившим зерном, в ее дыхании клокочет мокрота…

Вот и конура…

Я вхожу. Наконец могу сесть… Малышка в очках.

Я располагаюсь у ее кровати. Она вяло играет с куклой. Я пытаюсь ее развлечь. Я могу быть забавным, если постараюсь… Соплячка не так уж плоха… Она тяжело дышит… Все ясно, это воспаление… Я смешу ее. Она задыхается. Я успокаиваю мать. Эта корова хочет воспользоваться тем, что я попал в ее хлев, и тоже проконсультироваться. По поводу множества синяков на ляжках. Она за-

дирает юбки: прожилки, как на мраморе, и даже глубокие ожоги. От кочерги. Вот каков ее безработный. Я даю совет… При помощи веревочки я заставляю ходить безобразную куклу… Она поднимается, опускается, доходит почти до дверной ручки… Все-таки это лучше, чем разговаривать.

Я слышу множество хрипов. В конце концов, это не так уж страшно… Я снова ее успокаиваю. Два раза повторяю одно и то же. Это начинает надоедать… Девочка уже смеется. И опять начинает задыхаться. Я пытаюсь помочь. Она синеет… Может, это дифтерит? Надо бы посмотреть… Взять мазок?.. Завтра!..

Приходит папаша. На свои восемьдесят три франка он может нажраться только сидром, на вино не хватает. «Я здорово пью. От этого хочется ссать!» — сообщает он мне сразу же. Пьет из горлышка. Показывает мне свой член… Мы пьем за то, что малыш не так уж плох. Меня больше интересует кукла… Я слишком устал, чтобы заниматься взрослыми и диагнозами. Все взрослые — настоящие сволочи! До завтра я не хочу видеть больше ни одного.

Мне плевать, что меня не принимают всерьез. Я пью еще за здоровье. Моя помощь бесплатна и к тому же сверхурочна. Мать опять напомина-

ет мне о своих ляжках. Я даю последний совет. И спускаюсь по лестнице. По улице ковыляет маленькая собачонка. Она увязывается за мной. Сегодня ко мне все цепляются. Собачонка — крошечный фокс, черный с белым. Мне кажется, она потерялась. Эти наглые безработные меня даже не проводили. Уверен, что они уже начали драться. Слышны вопли. Пусть же он запихнет свою кочергу целиком ей в задницу! Чтобы образумить эту шлюху! Это ее отучит беспокоить меня!

Я иду налево… Точнее говоря, по направлению к Коломб. Собачонка бежит за мной… За Аньер находится Жонксьон[3], там мой кузен. Но собачонка сильно хромает. Она смотрит на меня. Не могу видеть, как она тащится. Пожалуй, лучше вернуться. Возвращаюсь через мост Бине и заводскую окраину. Больница еще не закрыта… Я говорю мадам Ортанз: «Покормим собачку. Пусть кто-нибудь купит мяса… Завтра позвоним… За ней приедут из „Общества защиты“. На ночь ее нужно запереть». И ухожу, успокоившись. Но собачонка оказалась очень пугливой. Ее, наверное, сильно били. Улица жестока. На следующий день, едва мы открыли окно, она не стала ждать,

[3] Примечания: 3
Коломб, Аньер, Жонксьон — ближайшие пригороды Парижа.

а выпрыгнула наружу, нас она тоже боялась. Она думала, что ее хотят наказать. Она ничего не понимала. И никому уже не верила. И это было ужасно.

* * *

Гюстен прекрасно меня понимает. Когда он голоден, от него можно услышать замечательные вещи. Ему доступен самый высокий стиль. Его мнению можно доверять. Он совершенно не завистлив. Он не требует от жизни слишком много. Когда-то он пережил разочарование в любви и не хочет с ним расставаться. Он говорит об этом очень редко. Это была легкомысленная женщина. Гюстен — исключительный человек. Он всегда остается верен себе.

А пока он пьет…

Сон для меня — мучение. Если бы я всегда хорошо спал, я никогда бы не написал ни строчки…

«Ты мог бы, — говорит Гюстен, — рассказать что-то приятное… иногда… В жизни не одна только грязь…» В определенном смысле это довольно верно. Мною владеет настоящая мания, я необъективен. А ведь было время, когда у меня постоянно гудело в ушах, когда меня лихорадило гораздо чаще, чем теперь, и я не был столь пессимистичен… Меня посещали прекраснейшие мечты… Моя секретарша мадам Витрув тоже

делает мне замечания на этот счет. Она хорошо осведомлена о причинах моих страданий. Когда человек одарен, он невнимателен к своим шедеврам, способен их потерять. Я говорю себе: «Эта шлюха Витрув наверняка где-то их припрятала…» Настоящие жемчужины… куски Легенды[4]… просто бесподобные… Я настроен всерьез заняться ими… Для большей уверенности я перерываю все свои бумаги… И ничего не нахожу… Я звоню Делюмелю[5], моему агенту, и крою его, на чем свет стоит… Я хочу, чтобы он скрежетал зубами от злости… Чтоб он сдох! Ему на это наплевать! Он миллионер. Он мне советует взять отпуск… Наконец приходит моя Витрувиха. Я не доверяю ей. У меня для этого достаточно оснований. Куда ты девала мое гениальное произведение? — сразу нападаю я на нее. У меня есть по меньшей мере сотня причин подозревать ее…

---

[4] Примечания: 4

Легенда — многочисленные документы указывают на то, что Селин в 1930-е гг. собирался написать, и даже начал, средневековый роман из народной жизни. Правда, романа не получилось, вместо него он начал писать легенду о короле Крогольде, которая так и не была завершена и опубликована. В самом начале работы над «Смертью в кредит» Селин пишет своему издателю Деноэлю: «Как только вернетесь, пришлите мне мою Легенду, она лежит у вас. Я хочу как-нибудь ее использовать».

[5] Примечания: 5

Делюмель — намек на Робера Деноэля, первого издателя Селина.

Больница Линюси находилась около Порт Перейр. Она приходила туда почти ежедневно к концу приема и приносила мне то, что напечатала. Маленькое временное здание давно снесли. Мне там не нравилось. Все было расписано буквально по минутам. Линюси, крупный миллионер, создавший больницу, хотел, чтобы все лечились и выздоравливали бесплатно. Чертовы филантропы. Меня бы больше устроила работа в муниципальной больнице… Прививки… Справочки… Даже душ с ванной… В общем, лафа. Совсем другое дело. Но я не какая-нибудь важная птица, не франкмасон, даже не студент педагогического института и не умею как следует преподнести себя, я слишком много трахаюсь, к тому же у меня плохая репутация… Уже пятнадцать лет вся округа наблюдает, как я барахтаюсь: эти паршивые люмпены добились всяческих свобод и глубоко меня презирают. Еще счастье, что меня не выгнали. Я могу отвести душу только в литературе. Грех жаловаться. Мамаша Витрув печатает мои романы. Она ко мне привязалась. «Послушай, — говорю я ей, — дорогая мамуля, я последний раз повторяю! Если ты не найдешь мою Легенду, можешь считать, что нашей дружбе конец! Больше не будет трогательного сотруд-

ничества!.. Ни кайфа!.. Ни выпивки!.. Конец всему!..»

Тут она разражается жалобами. Она в равной мере отвратительна, эта Витрувиха, и как человек, и как работник. Просто наказание. Она села мне на шею еще в Англии. Я дал клятву. Мы знакомы с ней уже давно. В Лондоне ее дочь Анджела заставила меня поклясться, что я буду всегда помогать ей. Надо сказать, что я это делал. Я сдержал обещание. Я поклялся Анджеле. Это было еще во время войны. К тому же она многое умеет. Ладно. В общем-то, она не болтлива, только любит предаваться воспоминаниям… Ее дочь Анджела была личностью. Глядя на ее мерзкую мамашу, в это трудно поверить. Анджела плохо кончила. Я расскажу все, если уж начал. У Анджелы была еще сестра, Софи-Лапша, она устроилась в Лондоне. А здесь жила ее племянница Мирей, такая же, как и все, — настоящая шлюха высокого класса.

Когда я переехал из Ранси в Порт Перейр, они обе последовали за мной. Теперь в Ранси все по-другому, уже нет ни крепостной стены, ни

Бастиона[6]. Огромные черные развалины торчат из мягкой насыпи, как остатки гнилых зубов. И это не предел — город уничтожает свои старые десны. Через развалины, как ураган, проносится скорый поезд. Скоро везде будут только новые полунебо-полуземле-скребы. Вот увидите. Мы постоянно ругались с Витрувихой из-за перенесенных несчастий. Она все время пыталась доказать, что много страдала. Я этого не выношу. Но морщин у нее, конечно, больше, чем у меня! Бесчисленные морщины, отвратительные следы плотских наслаждений прошлых лет. «Наверное, это Мирей куда-то дела ваши бумаги!»

Я иду с ней, провожаю по набережной Миним. Они живут вместе около шоколадной фабрики Битронель, в так называемом отеле «Меридьен».

Их комната — невероятная груда хлама, разная дребедень, белье, все самое плохое и самое дешевое.

Мадам Витрув и ее племянница — обе потас-

---

[6] Примечания: 6

Бастион — окружавшая Париж крепостная стена (в народе называвшаяся «укреплениями»), на которой было девяносто четыре бастиона. Ее начали разрушать в 1920 г. Это разрушение местами сопровождалось расширением границ города. Так на границе с Клиши в 1930 г. к Парижу были присоединены район бывших укреплений и кладбище Батиньоль («город уничтожает свои старые десны»). С тех пор Париж, ранее ограниченный Бульварами Маршалов, расширился до дороги Револьт.

кухи. У них есть три инъектора, куча разных приспособлений и резиновое биде. Все это размещается между двумя кроватями, и плюс огромный пульверизатор, прыскать из которого они так и не научились. Я не хочу сказать ничего плохого о Витрувихе. Возможно, она страдала в жизни гораздо больше меня. Это заставляет меня быть снисходительным. Иначе я вообще не дал бы ей спокойно жить. В глубине камина она прячет «ремингтон», так и не оплаченный до конца… Естественно… Я недорого плачу за печатание, всего шестьдесят пять сантимов страница. Но к концу эта сумма утраивается… Особенно, когда большой объем.

Что касается косоглазия Витрувихи, то я никогда не видел ничего подобного. На нее было страшно смотреть.

Когда она гадала, ее дикое косоглазие придавало ей значительность. Она сулила своим клиентам шелковые чулки… будущее… все в кредит. Впадая в безразличие или задумчивость, она водила глазами по картам, как настоящая лангуста.

Она приобрела влияние в округе только благодаря лотерее. Она знала всех рогоносцев. Показывала мне их через окно, и даже троих

убийц: «У меня есть доказательства!» Я подарил ей старый аппарат Лобри для измерения артериального давления и научил делать массаж при расширении вен. Это пополнило ее побочные доходы. Но подлинной ее страстью были аборты, от них она отказалась бы разве что ради участия в кровавой революции, о которой бы все говорили и писали в газетах.

Наблюдая, как она роется в своем барахле, я испытывал отвращение, которое невозможно передать. А тем временем во всем мире вполне приличные люди попадают под грузовики… От мамаши Витрув исходил острый запах. У рыжих это бывает. Я думаю, что рыжие чем-то схожи с животными, их скотство по-своему трагично и предопределено их мастью. Я полностью в этом убедился, выслушав ее откровения… У нее постоянно жгло в заднице, и поэтому ей было трудно получить удовлетворение. Во всяком случае, с пьяным мужчиной. Даже когда было очень темно, ей не везло! Мне было ее немного жаль. Я в области высоких чувств достиг гораздо большего. Ей же это казалось несправедливым. Но когда придет мой час, я смогу умереть, ни о чем не жалея. Всю жизнь я был на содержании у Красоты. Я трахал ее в задницу, и делал с ней что

хотел… Я должен в этом исповедаться. Я познал абсолютно все.

У нее не было сбережений, а стоит ли говорить, как быстро улетучиваются деньги. Чтобы жрать и продолжать наслаждаться жизнью, ей нужно было веселить или хотя бы удивлять клиентов. Это был настоящий ад.

Как правило, после семи часов эти жирные твари возвращаются домой. Жены моют посуду, а самцы запутываются в радиоволнах. Тогда-то Витрувиха и оставляла мой очередной роман, чтобы заняться кое-чем поинтересней. То на одной, то на другой лестничной площадке она демонстрировала свои чулки в сеточку и бесформенные вязаные кофты. Перед кризисом ее еще выручал кредит и способность заставать врасплох клиентов, теперь же она была вынуждена довольствоваться жалкой подачкой, которую в качестве компенсации обычно получают назойливые неудачники, проигравшиеся в карты. Это было уже слишком. Я пытался объяснить ей, что все это из-за япошек… Она мне не верила. Я сказал ей, что она нарочно выбросила мою замечательную Легенду на помойку…

— Это шедевр! — добавил я. — Зато теперь я уверен, что ее найдут!

Она просто завралась… Мы вместе рылись в куче хлама. Наконец с большим опозданием пришла племянница. Ее ляжки надо видеть! Просто туши свет… юбка в складку… Стиль выдержан до конца. Гармошка с разрезом… Все выставлено напоказ. Безработные всегда отчаявшиеся, чувственные и слишком бедные, чтобы платить. Липнут. «Ну и жопа!» — орут они ей… Прямо в лицо. Просто чтобы лишний раз подрочить в коридоре. Юнцы с тонкими, незаматеревшими чертами лица тоже стараются быть как все и раствориться в потоке жизни. Это уже гораздо позже она опустилась до самозащиты!.. После множества неприятностей… А тогда это ее забавляло…

Она тоже не смогла найти мою прекрасную Легенду. Она плевала на «Короля Крогольда»… Это волновало только меня. Она получила воспитание в «Корзиночке», клубе в Порт Брансьон, недалеко от железной дороги.

Когда я впадал в бешенство, они не спускали с меня глаз. Как «трахнутый», по их определению, я был вне досягаемости! Онанист, застенчивый, интеллектуальный и все такое. Но сейчас, к моему удивлению, они боялись, что я сбегу. Если бы я решился на это, интересно, что бы они стали делать? Я уверен, что тетка размышляла на эту

тему довольно часто. Как только я заикался о путешествиях, по их лицам пробегали судорожные усмешки…

У Мирей, кроме удивительной задницы, были еще и романтические глаза, проникновенный взгляд, но при этом внушительный нос, шнобель, настоящее проклятие. Когда я хотел ее немного унизить, я говорил: «Кроме шуток! Чтоб мне пусто было, Мирей! У тебя совершенно мужской нос!..» Она умела замечательно рассказывать и любила плести небылицы, как моряк. Сначала она выдумывала всякую всячину, чтобы доставить мне удовольствие, а потом — чтобы меня позлить. Послушать хорошие истории — моя слабость. Она дурачила меня, вот и все. Наши отношения нужно было прекратить любым способом, ведь она уже тысячу раз заслужила взбучку, и именно от меня. Она наконец ее дождалась. Я действительно был очень великодушен… Я наказал ее за дело… Все это говорили… Те, кто был в курсе…

* * *

Не умаляя достоинств Гюстена Сабайо, я могу повторить еще раз, что ему не приходилось рвать на себе волосы из-за неправильных диагнозов. Он ориентировался по облакам.

Выходя из дома, он первым делом смотрел вверх. «Фердинанд, — сообщал он мне, — сегодня точно разыграется ревматизм! Ставлю сто су!..» Он говорил все это в небо и никогда сильно не ошибался, потому что досконально знал все о температуре и темпераментах.

— А! Вот внезапная сильная жара после холода! Запомни! Понадобится каломель[7], можно сразу сказать! Желтуха уже витает в воздухе! Погода меняется!.. Ветер дует с запада! Дождь холодный капает!.. Бронхит в течение пятнадцати дней! Не стоит особенно волноваться, пусть они сами лезут вон из кожи! Если бы это было в моей власти, я выписывал бы рецепты, лежа в кровати!.. По сути дела, Фердинанд, когда они приходят, начинается сплошная болтовня!.. Тем, кто на этом

[7] Примечания: 7

Каломель — хлористая ртуть, в медицине применяется как желчегонное и противомикробное средство.

делает деньги, это простительно… но нам… Врачуй не врачуй… Знаешь, с чем это рифмуется?.. Я бы лечил их не глядя, этих придурков! Прямо отсюда! Они не будут задыхаться ни больше, ни меньше! Они не будут больше блевать, не будут менее желтыми, менее красными, менее бледными, менее скотоподобными… Такова жизнь!..

По правде говоря, Гюстен был абсолютно прав.

— Ты думаешь, что они больны?.. Они стонут… они рыгают… они хромают… они покрываются гнойными прыщами… Ты хочешь очистить свою приемную? Моментально? Даже от тех, которые хрипят от удушья?.. Предложи им бесплатное кино!.. аперитив!.. Увидишь, сколько их тогда останется… Они цепляются к тебе только от скуки. Ведь никого из них ты не увидишь перед праздниками… Несчастным, запомни мои слова, не хватает занятий, а не здоровья… Все, что они хотят, — это чтоб ты их развлекал, возбуждал, интересовался их отрыжками, газами… похрустыванием в костях… чтобы ты обнаружил у них лихорадку, изжогу… урчание и бульканье… что-то небывалое!.. Чтобы ты прогибался перед ними… жаждал им помочь!.. Для этого тебе дали диплом… Забавляться со своей смертью и самому ее приближать — таков Человек, Фердинанд! Они

сами пестуют свой триппер, свои сифилитические язвы, все свои опухоли. Они им нужны! А то, что у них протекает мочевой пузырь и жжение в заднепроходном отверстии, не имеет значения! Но если ты хлопочешь о них, если ты сможешь их заинтриговать, они будут ждать тебя и перед самой смертью — вот заслуженная благодарность! Они не отвяжутся от тебя до конца.

Когда снова начинал лить дождь на трубы электростанции, он мне объявлял: «Фердинанд, вот и ишиас!.. Если их сегодня придет меньше десяти, я готов сдать свой диплом!» Когда же на нас с Запада налетала сажа, с самого сухого склона над печами Битронель, он растирал сажу на носу: «Я согласен, чтобы меня выебли в жопу! ты слышишь? если сегодня ночью все плевротики не будут харкать кровью! Черт побери!.. Меня еще двадцать раз разбудят!..»

Вечером он действовал просто. Он залезал на лесенку перед огромным шкафом. Происходила совершенно бесплатная и далеко не торжественная раздача лекарств…

— Сердечко пошаливает? Эй ты, оглобля? — спрашивал он у бесцветного существа. — Да нет вроде!.. — У вас нет жжений? А несварение?.. — Да! немного… — Тогда принимайте это, я думаю…

На два литра воды… Это принесет вам огромное облегчение!.. А связки? Не болят?.. У вас нет геморроя? А как стул?.. В порядке?.. Вот свечи Пепе… Глисты тоже? Заметили?.. Вот двадцать пять чудесных капель… И в постель!..

Он предлагал на выбор все свои полки… Там были средства от всех расстройств, любых диатезов и маний… Больной, как правило, ужасно жаден. Стоит бросить ему в кулечек любую гадость, и он не попросит больше ничего, он хочет только смыться и очень боится, чтобы о нем не вспомнили.

Еще замечательней были консультации, которые проводил Гюстен. Он ограничивал их десятью минутами, тогда как они могли бы длиться два часа, если бы велись по всем правилам. Но мне не надо было учиться сокращать. У меня была своя отработанная система.

Я хотел поговорить с ним именно о моей Легенде. Ее начало нашлось под кроватью Мирей. Я очень разочаровался, когда прочел его. Моя поэма ничего не выиграла с течением времени. После годов забвения все это выглядело как прошедший праздник, плод больного воображения… У Гюстена обо всем было свое собственное мнение.

— Гюстен, — сказал я ему, — ты не всегда был

так туп, как сейчас. Тебя задавили обстоятельства, работа, нереализованные желания, губительные наставления… Можешь ли ты хоть на мгновение возродить в себе поэзию?.. Ощутить небольшой подъем в сердце или хотя бы в члене? Чтобы выслушать феерическую, немного трагическую, но возвышенную… эпопею?.. Ты способен на это?..

Гюстен продолжал дремать на своей скамеечке перед лекарствами в широко распахнутом шкафу… Он и слова не вымолвил… он не хотел меня прерывать.

— Речь идет, как я уже говорил, о Гвендоре Великолепном, Принце Христиании… Начнем… Он испускает дух… в этот самый миг, когда я с тобой разговариваю… Кровь течет из двадцати ран… Армия Гвендора только что потерпела сокрушительное поражение… Сам король Крогольд отыскал Гвендора во время боя… Он разрубил его пополам… Крогольд не чистоплюй… Он сам вершит правосудие… Гвендор его предал… Смерть надвигается на Гвендора, и его конец близок… Послушай немного!

«Шум битвы стих вместе с последними проблесками дня… Вдали скрылись полки короля Крогольда… Тьму пронизывают хрипы огромной агонизирующей армии… Победители и побеж-

денные как могут прощаются с жизнью… Тишина постепенно подавляет крики и хрипение, которые становятся все слабее и реже…

Погребенный под кучей соратников, Гвендор Великолепный еще истекает кровью… На рассвете перед ним предстает Смерть.

— Ты понял, Гвендор?

— Я понял, о Смерть! Я понял уже в начале этого дня!.. Я почувствовал в моем сердце, и в моих руках, и в глазах моих друзей, даже в походке моей лошади грустное и медленное очарование сна… Моя звезда угасла в твоих ледяных руках… Все исчезает! О Смерть! Столько угрызений совести! Я чувствую стыд!.. Посмотри на этих несчастных!.. Тишина вечности не может его облегчить!..

— В этом мире нет облегчения, Гвендор! Нигде, только в сказках! Все царства заканчиваются сном!..

— О Смерть! Дай мне немного времени… день или два! Я хочу знать, кто меня предал…

— Все предают, Гвендор… Страсти не принадлежат никому, особенно любовь, это лишь цветок жизни в саду молодости.

И Смерть совсем бесшумно забирает принца… Он не сопротивляется. Он сделался невесомым… А потом прекрасный сон овладевает его ду-

шой… Сон, который он часто видел, когда был маленьким, в меховой колыбели, в комнате для Наследников, около своей моравской кормилицы, в замке короля Рене…»

У Гюстена руки свисали между колен…

— Разве это не прекрасно? — спросил я его.

Он был осторожен. Не хотел снова становиться молодым. Он защищался. Необходимо, чтобы я ему еще раз изложил… Все «почему?». И все «как?»… Это не так легко… Это хрупко, как бабочка. Вдруг рассыпается, пачкает вас. Что толку? Я не настаивал.

* * *

Чтобы завершить мою Легенду, я мог бы обратиться к людям утонченным… которым знакомы чувства… тысячи различных оттенков любви…

Я предпочитаю выпутываться сам.

Часто утонченными становятся люди, не способные получить удовлетворение. Им приходится прибегать к самобичеванию. Подобное никогда не проходит даром. Я опишу вам замок короля Крогольда:

«…Восхитительный монстр в гуще леса, затаившаяся, подавляющая, высеченная в скале громада… окаменевший водопад… колонны, истерзанные фризами и уступами… разные башни… Издалека, от самого моря… вершины деревьев волнуются и разбиваются о стены замка…

Часовой, которого заставляет таращить глаза страх быть повешенным… Еще выше… На самом верху… На вершине Моранда, на Башне Королевской Казны, под порывами ветра трепещет стяг… На нем королевский герб. Перерубленная у шеи кровоточащая змея! Горе предателям! Гвендор испускает дух!..»

Гюстен не мог выдержать больше. Он спал… Он даже похрапывал. Я сам закрыл его заведение. Я сказал ему: «Пошли! Прогуляйся вдоль Сены!.. Тебе будет лучше…» Он предпочитал не двигаться… Я настаиваю, и он наконец соглашается. Я предлагаю ему пойти в маленькое кафе на другом конце Собачьего Острова… Там, несмотря на кофе, он тоже засыпает. И правильно, около четырех часов самое время поспать в бистро… В эмалированной вазе торчат три искусственных цветка. Все заботы оставлены на набережной. Даже старый пьяница у стойки примирился с тем, что хозяйка больше его не слушает. Я оставляю в покое Гюстена. Первый же буксир его, конечно, разбудит. Кот оставил свою даму и пришел поточить когти.

Когда Гюстен спит, он выворачивает руки ладонями вверх, и можно легко определить его будущее. Здесь есть решительность и твердость. У Гюстена наиболее сильна линия жизни. У меня, пожалуй, сильнее линия удачи и судьбы. Для меня осталась неясна продолжительность моей жизни… Я спрашиваю себя, когда это будет? У самого основания моего мизинца — бороздка… Может быть, маленькая артерия разорвется в мозгу? На изгибе Роландовой извилины?.. В

складочке третьей доли?.. Мы с Метипуа часто рассматривали в морге это место… Это слегка шокирует… Небольшое отверстие, как след от булавочного укола, в серых бороздах… Через него вышла душа, фенол и все остальное. А может, это будет, увы, неофунгозное образование в прямой кишке… Я бы много дал за маленькую артерию… Что вам больше нравится?.. Метипуа был настоящим знатоком, мы провели с ним много выходных, рассматривая борозды… определяя причины смерти… Это воодушевляло старика… Он хотел немного помечтать. Он явно отдавал предпочтение внезапному славному разрыву двух сердечных желудочков, когда пробьет его час… Он был слишком избалован!..

«Самая восхитительная смерть, запомните это хорошенько, Фердинанд, это та, что поражает нас в наиболее чувствительных тканях…» Он говорил жеманно, изысканно, тонко, этот Метипуа, как люди времен Шарко[8]. Ему очень пригодилось

[8] Примечания: 8

Невропатолог Жан-Мартен Шарко (1825–1893) возглавлял медицинский факультет парижского университета. Один из его учеников, известный писатель Леон Доде, хорошо знавший Селина, уделяет ему значительное место в своих мемуарах. Вот как он описывает консультации Шарко: «Внезапно им овладевает рассеянность, он рассказывает вам о похожем случае, цитирует строки Расина, Мольера, своего любимого Шекспира, вспоминает картину Хальса или Веласкеса, и весь этот живописный спектакль навсегда врезается в вашу память».

исследование Роландовой извилины, третьей доли и серого вещества… Он умер в конце концов от сердца, при далеко не славных обстоятельствах… от приступа грудной жабы, криз продолжался двадцать минут. Он хорошо держался сто двадцать секунд, одолеваемый своими классическими воспоминаниями, намерениями, примером Цезаря… но восемнадцать минут он вопил, как хорек… Что ему вырывают диафрагму… Что ему в аорту вставляют десять тысяч бритвенных лезвий… Он пытался нам их выблевать… Это были не шутки. Он ползал по залу… Он разрывал себе грудь… Он скулил в ковер… Несмотря на морфий. Скулеж и вопли разносились по этажам и были слышны даже на улице… Он кончился под роялем. Когда маленькие артерии миокарда разрываются одна за другой, получается необыкновенная арфа… К несчастью, от грудной жабы не оправляются. А то на всех хватило бы мудрости и вновь обретенных познаний.

Нужно было кончать с размышлениями, приближалось время венерических. Они приходили в Пурнев, на той стороне Гаренны. Мы отправлялись туда вдвоем. Как я и предполагал, загудел буксир. Пора было идти. Обычно венерические очень изобретательны. В ожидании уколов

больные гонореей и сифилитики делились своими познаниями. Сначала смущенно, потом с удовольствием. Как только зимой становилось темно, они сразу же собирались около скотобойни в конце улицы. Эти больные всегда очень нетерпеливы, они боятся, что больше не смогут, что у них не будет семьи. Когда мамаша Витрув пришла ко мне, она это сразу усекла… Подхватив свой первый триппер, эти милые молодые люди становятся очень грустными и огорченными. Она ждала их у выхода… Она играла на их чувствах… на их трогательном одиночестве… «У тебя очень сильно жжет, мой маленький?.. Я знаю, что это… я лечила… Я знаю удивительное снадобье… Пойдем ко мне, я тебе сделаю…» Еще две или три чашки кофе с молоком, и юнец давал ей отсосать. Однажды вечером у стены произошел скандал: один араб, возбужденный, как осел, трахал маленького кондитера, как раз около будки полицейского. Этот легавый, привыкший к детишкам, все слышал: шепот, жалобы и, наконец, вопли… Паренек бился, его держали четверо… Он все же вырвался и бросился в вонючую конуру, чтобы его защитили от этих мерзавцев. Тогда тот закрыл дверь. «Он дал себя кончить! Это точно!» — уверяла Витрувиха, комментируя происшедшее.

«Я видела легаша через жалюзи! Они там поймали кайф вдвоем! Что большой, что маленький — один черт!..»

Она не верила в чувства. Она судила заземленно и была близка к истине. Чтобы попасть в Пурнев, мы должны были сесть на автобус. «У тебя есть еще пять минут!» — сообщил мне Гюстен. Он совсем не спешил. Мы уселись на скамейку у перил моста.

Именно на этой набережной в доме № 18 мои добрые родители влачили унылое существование зимой девяносто второго года, что отбрасывает нас далеко в прошлое.

Тогда еще существовал магазин «Шляпы, цветы и перья». В витрине красовались всего три модели, мне об этом часто рассказывали. В том году Сена замерзла. А я родился в мае. Я — это весна. Пусть это неизбежно, но так тяжело стареть, видеть, как изменяются дома, трамваи, люди и их головные уборы. Короткое платье или шляпка колоколом, колесный пароход, аэроплан в небе — всегда одно и то же! Заставляет вас расчувствоваться. Я не хочу больше меняться. Я мог бы пожаловаться на многое, но я уже свыкся со всем, я грущу и любуюсь собой так же, как и гниением Сены. Тот же, кто заменит загнутый крючком

фонарь на углу у двенадцатого номера, доставит мне большое огорчение. Все тленно — это факт, но мы уже достаточно «растлились» для нашего возраста.

Вот баржи… У каждой есть сердце. Оно бьется в полную силу, большое и тяжелое, в темном отзвуке арок моста. Этого достаточно, я раскисаю. Я уже не жалуюсь. Но не надо больше меня трогать. А в этом гнусном мире не стоит никогда слишком сильно вдохновляться, иначе можно умереть от перебора с поэзией. В каком-то смысле это было бы даже удобно. В отношении соблазнов и самых незначительных увлечений Гюстен придерживался моего мнения, только для достижения полного забвения он предпочитал выпивку. Пусть… В его галльских усах всегда оставалось немного браги и горечи…

Лечение венерических в основном заключалось в линиях, которые мы постепенно вычерчивали на большом листе бумаги… Этого было достаточно. Красная полоса: свежак… Зеленая: ртуть!.. И поехали! Навык довершал остальное… никаких проблем… Оставалось только колоть приправу в ягодицы, в сгибы рук… Для придурков это было как бальзам… Зеленый!.. Рука!.. Желтый!.. Ягодицы!.. Красный!.. два раза ягодицы!.. Ни черта

не получилось! Опять в ягодицу! Висмут! Блядь! Вена течет! Черт!.. Жопа!.. Тампон!.. Не сбиться с ритма. Дежурства и снова дежурства… Очередям не видно конца… Обвисшие члены! На любой вкус! Головки в каплях! Сочащиеся! Гноящиеся! Плотное накрахмаленное белье, жесткий картон! Гонорея! Вперед! Королева мира! Задница ее трон! Греет летом и зимой!

Холодно только тому, кто сперва осторожничает! А потом доверяется тысячам блядских способов, чтобы влипнуть еще сильнее! Больше!.. Ведь Жульена в этом ничего не смыслит… Не возвращаться… Солгать нам! Вопя от радости… В мочеиспускательном канале иглы! Растянутая мотня! Член в рот! Впереди дырка!

Вот «История болезни-34», служащий в черном пенсне, застенчивый маленький хитрец, он специально ловит свою спирохету каждые шесть месяцев в публичном доме, чтобы искупить грехи собственным членом… он наполняет бритвенными лезвиями мочевые пузыри своих случайных знакомых, найденных им по объявлению в газете… «Она сама хотела!» — как он любит говорить… Этот «34» — огромный микроб! Он написал в нашем сортире: «Я гроза влагалищ!.. Я трахнул в задницу свою старшую сестру… Я

был женат 12 раз!» Это пациент спокойный и не тяжелый, и он всегда счастлив, когда возвращается к нам.

Для нашего брата это просто подарок, во всяком случае, гораздо легче, чем делать железнодорожную насыпь.

Когда мы приехали в Пурнев, Гюстен выдал мне: «Скажи все же, Фердинанд… пока я спал, не пытайся мне врать… ты рассматривал линии на моей руке… Что же ты увидел?»

Я отлично знал, что его беспокоит печень, уже давно чувствительный выступающий край, и ужасные кошмары по ночам… У него начинался цирроз…

Часто по утрам я слышал, как его рвет в раковину… Я старался внушить ему, что для волнений нет причин. Помочь ему уже было нельзя. Важно, чтобы он не бросал работу.

В Жонксьон он почти сразу получил место в Бюро Благотворительности. После окончания учебы, благодаря небольшому аборту, иначе не скажешь, сделанному близкой подруге муниципального советника, бывшего в то время большим консерватором… Там он и пристроился, этот Гюстен, как крыса в норке. Все шло прекрасно. Его рука еще не дрожала. В следующий раз это

случилось с женой мэра. Опять успех!.. В благодарность его назначили врачом для бедных.

Сначала в этой должности он понравился, причем всем. А потом, в один прекрасный момент, он перестал нравиться… Им надоела его рожа и его манеры… Они не могли больше его выносить. Тогда в ход было пущено все… Они доставляли ему неприятности. В свое время все прикладывались к его склянкам; теперь же его обвиняли практически во всем: что у него грязные руки, что он ошибается в дозах, что он не знает ядов… Что, наконец, у него пахнет изо рта… Что у него ботинки на пуговицах… Только когда его затравили до такой степени, что ему стыдно было выйти, и несколько раз повторили, что из него могут сделать мокрое место, все вдруг изменили мнение, его стали терпеть, без какого бы то ни было повода, только потому, что устали считать его таким противным и ленивым…

Вся мерзость, похоть, короста округа проходила перед ним. Он чувствовал желчную злобу канцелярских крыс из своей конторы. Утренняя изжога 14 000 алкоголиков этого округа, мокрота, изнурительные задержки мочи, которые не удавалось прекратить у 6422 больных гонореей, разрывы яичников у 4376 климактеричек, любопытству-

ющая тоска 2266 гипертоников, непримиримое презрение 722 желчных, страдающих мигренями, подозрительное упорство 47 носителей солитеров, потом 352 мамаши аскаридных детей, беспокойная орда, сброд мазохистов с разными причудами. Экземные, белковые, сахаристые, зловонные, трясущиеся, вагинозные, бесполезные, «слишком», «недостаточно», страдающие запорами, поносами, кающиеся, вся грязь, весь мир в восприятии подонков выплеснулся ему прямо в лицо и маячил перед его пенсне тридцать лет, день и ночь.

В Жонксьон он влачил такое же жалкое существование, прямо над рентгеновским кабинетом. Там, в доме из обтесанного камня, у него были три комнаты, без перегородок, как и по сей день. Чтобы защищаться от жизни, нужны были плотины в десять раз выше Панамской и маленькие невидимые шлюзы. Он жил там со времен Большой Выставки, с прекрасных дней Аржантейля.

Теперь большие «билдинги» стоят вокруг этого учреждения.

Время от времени Гюстен еще пытался отвлечься… Он приглашал какую-нибудь девочку, но это случалось не часто. Как только появлялось чувство, к нему возвращалось его великое

разочарование. После третьей встречи… Он предпочитал напиваться… На другой стороне улицы было бистро: зеленый фасад, по воскресеньям банджо, жареный картофель, хозяйка его прекрасно готовила. Спирт сжигал Гюстена, а я даже не пытался пить с тех пор, как у меня начало гудеть в ушах днем и ночью. Это убивает меня, вид у меня становится как у чумного. Иногда Гюстен меня осматривает. Он не говорит мне того, что думает. Это единственная запретная тема. Надо сказать, у меня тоже не все в порядке. Он знает об этом и старается меня подбодрить: «Валяй, Фердинанд, почитай мне эту, как бишь ее! читай, только не слишком быстро! Не жестикулируй. Это тебя утомляет, а на меня напускает туману…»

«Король Крогольд, его витязи, его брат Архиепископ, духовенство, весь двор после битвы отправились под сень шатра посреди бивака. Тяжелый золотой полумесяц, дар Халифа, не был обнаружен на месте во время передышки… Он венчал королевский балдахин. Капитан каравана, ответственный, был нещадно бит. Король ложится, он хочет уснуть… Он еще страдает от ран. Он не спит. Сон не идет к нему… Он ругает храпящих. Встает. Перешагивает, потирает руки, выходит… Снаружи так холодно, что он ежится.

Хромает, но все же идет. Длинная цепь повозок окружает лагерь. Стража уснула. Крогольд идет вдоль защитных рвов… Он говорит сам с собой, спотыкается, опять восстанавливает равновесие. В глубине рва что-то блеснуло, огромное мерцающее лезвие… Там мужчина, который держит в руках переливающийся предмет. Крогольд бросается на него, опрокидывает, скручивает его (это солдат), перерезает ему горло, как свинье, своим коротким ножом… „Хо! Хо!“ — кудахчет вор через дыру. Он весь обмяк. Конечно. Король наклоняется, подбирает полумесяц Халифа. Он снова поднимается на край рва. Он засыпает там, в тумане… Вор наказан».

* * *

Ко времени кризиса мне угрожало увольнение из диспансера. Еще и из-за сплетен.

Я был предупрежден об этом через Люси Керибен, которая устроилась модисткой на бульваре Монконтур. У нее было огромное количество знакомых. Которые много сплетничали. Она приносила мне очень мерзкие сплетни. До такой степени отвратительные, что могли исходить только от Мирей… Я не ошибался… Ясно, откровенная клевета… Говорили о том, что я устраиваю пьяные оргии с клиентами из квартала. В общем, кошмар… Люси Керибен втайне была довольна, что я немного подмочил свою репутацию… Она была завистлива.

Итак, я жду Мирей, я притаился в тупике Вивиан, она обязательно там пройдет. Я не скопил еще достаточно денег, чтобы позволить себе быть писателем… Я мог впасть в нищету. Мои дела были плохи. Я вижу, как она идет… подходит. Я отпускаю ей такой пинок под зад, что она слетает с тротуара. Она сразу же поняла меня, но это не заставило ее говорить. Она просто собиралась

встретиться со своей теткой. Она не хотела сознаваться, падаль. Ни в чем.

Больше всего меня волновало, зачем распространяются эти небылицы. И на следующий день я решил во всем разобраться.

Грубость ничего не давала. Особенно с Мирей, она становилась только еще более подлой, ей хотелось замуж. За меня или все равно за кого. Ей уже надоели заводы. К шестнадцати годам она успела побывать на семи в Западном пригороде.

«С меня хватит!» — говорила она. На «Хэппи Сьюс», на заводе английских конфет, она накрыла директора, когда его пердолил подмастерье. Ах! Славный завод! В течение шести месяцев она бросала всех дохлых крыс в большой чан с глазурью. В Сент-Уэне баба — главный мастер — взяла ее в оборот и приставала к ней в туалетах. Они вылетели оттуда вместе.

Капитализм и его законы — Мирей поняла их, когда у нее еще не начались месячные. В лагере в Марти-на-Уазе были мастурбации, свежий воздух и красивые речи. Она хорошо развилась. Каждый год в День федератов, воздавая почести Благотворительному обществу, именно она потрясала Лениным на конце длинного шеста от Куртин до Пер-Лашез. Легавые не могли прийти

в себя, такая она была крутая! Ее великолепная задница поднимала за собой бульвар не хуже, чем «Интернационал»!

На танцульках, которые она посещала, «коты» даже не отдавали себе отчета в том, что у них в руках. Эта малолетка уже питала недоверие к «нравственности». В настоящий момент она гуляла с Робером, Жеженом и Гастоном. Но эти мальчики были обречены. Она бы с удовольствием отделалась от них.

С Витрувихой и ее племянницей приходилось быть готовым к чему угодно, старуха знала слишком много, чтобы однажды этим не воспользоваться.

Я давал ей деньги, но крошка хотела больше, она хотела все. Если я начинал говорить с ней нежно, ее это настораживало. Я повезу ее в Лес[9], говорил я себе. Она затаила злобу против меня. Нужно ее заинтриговать. В Лесу у меня были свои планы, я расскажу ей занятную историю, польщу ее тщеславию.

«Спроси у своей тетки, — говорю я ей… — Ты вернешься до полуночи… Жди меня в кафе „Би-

---

[9] Примечания: 9

Лес — имеется в виду Булонский лес, большой парк на западной окраине Парижа. Там расположены ипподромы Лонгшам и Отей, парки Багатель и Пре-Катлян, Ботанический сад.

занс“!»

И вот мы отправились вдвоем. Когда мы прошли Порт-Дофин, ее физиономия засветилась от удовольствия. Она любила богатые кварталы. Клопы в отеле «Меридьен» ужасали ее. Когда она снимала рубашку, оставаясь где-нибудь на ночь, ей было стыдно за следы укусов. Такие, как она, знали, каковы волдыри от клопов… Они все хорошо разбирались в разных дезинфицирующих средствах для прижиганий… Мечтой Мирей была комната без паразитов. Если бы она сейчас смылась, тетка бы снова ее впутала. Тетка рассчитывала, что та будет ее кормить, но я знал, что у нее уже есть «котик», который тоже претендует на это, Бэбер из Валь де Грас. Он кончил на кокаине. Он читал «Путешествие»…

Когда мы подошли к «Каскаду», я начал излияния…

«Я знаю, что у тебя есть почтовый служащий, который берется за плетку каждый раз, когда…»

Поначалу она была довольна, кокетничала со мной и откровенничала. Она рассказала мне все. Но когда мы добрались до Катлан, она не осмелилась идти вперед, темнота пугала ее. Она думала, что я позвал ее, чтобы в Лесу отомстить. Она ощупала мой карман, чтобы узнать, не взял

ли я револьвер. У меня ничего не было. Она щупала мой член. Сославшись на проходящие автомашины, я предложил ей поехать на Остров, где можно было побеседовать спокойно. Она была настоящей шлюхой, ей трудно было получить наслаждение, а опасность ее завораживала. Гребцы на борту действовали беспорядочно, все время запутывались в ветках, ругались, падали, сбивали свои маленькие фонарики.

— Послушай, как утки в воде задыхаются от мочи!

— Мирей, — сказал я ей, едва мы уселись, — я знаю, ты сильна врать... правда тебя не волнует...

— Ну уж, — ответила она, — если бы я повторяла хоть четверть того, что слышу!..

— Хорошо, — остановил я ее, — я чувствую к тебе сострадание и даже симпатию... Не из-за твоего тела... не из-за твоего носа... Только твое воображение привлекает меня к тебе... Я вуайер! Ты будешь мне рассказывать разные гадости... Я посвящу тебе часть прекрасной Легенды... Хочешь, подпишемся вместе?.. Фифти-фифти? Ты заработаешь!..

Она любила разговоры о деньгах... Я рассказал ей, в чем дело... Я гарантировал ей, что кругом

будут принцессы и настоящие бархатные шлейфы… и сплошь расшитые подкладки… меха и драгоценности… Столько, что их перестаешь замечать… Мы прекрасно договорились обо всех мелочах и украшениях, и даже о костюмах. И наконец, началась наша история.

«Мы находимся в Бредонне, в Вандее… Пора Турниров…

Город готовится к приему… Вот галантные маски… Вот нагие борцы… скоморохи… Их тележка проезжает, рассекает толпу… Вот жарятся блинчики… Группа рыцарей, облаченных в доспехи из дамасской стали… они приехали издалека… с Юга… с Севера… бросают друг другу мужественные вызовы…

Вот Тибальд Злой, трувер, он подходит к воротам города на закате дня, тащится по тропинке. Он доведен до изнеможения. Он прибыл в Бредонн искать убежища и крова… Он приехал к Жоаду, угрюмому сыну прокурора. Он собирается напомнить ему грязную историю, убийство лучника в Париже, у моста Менял, когда они были еще студентами…

Тибальд приближается… На переправе Сен-Женевьев он отказывается заплатить десятую часть франка и дерется с паромщиком… Прибе-

гают лучники… валят его на землю… волокут. И вот его, со связанными руками, разъяренного, в лохмотьях, тащат к Прокурору. В бешенстве он отбивается, выкрикивает ему в лицо эту мерзкую историю…»

Мирей понравился стиль, она хотела еще что-нибудь добавить. Уже давно мы так хорошо не понимали друг друга. Наконец пришло время возвращаться.

В аллеях Багатель[10] гуляло лишь несколько парочек. Мирей была довольна. Ей захотелось понаблюдать за ними. Забыв про мою замечательную Легенду, она пустилась в рассуждения о том, всегда ли женщины согласны удовлетворить друг друга… Например, если бы Мирей захотелось поразвлечься со своими приятельницами?.. трахнуть их?.. особенно маленьких, хрупких, настоящих газелей?.. Мирей, которая, как атлет, покачивала при ходьбе плечами и тазом…

«Да у них, кажется, искусственные члены! Да они ж ради этого хотят, чтобы мы посмотрели! Вблизи, как они кончают! А вдруг это их еще больше заведет? Чтоб их вывернуло! Чтобы они там себе все разорвали, суки! Умылись собственной кро-

---

[10] Примечания: 10
Багатель — см. примеч. выше.

вью! Захлебнулись собственным скотством!..»

Она прекрасно знала весь этот сказочный мир, Мирей, моя крошка! Она развлекалась, как могла… Внезапно я сказал ей: «Если ты расскажешь об этом в Ранси… я заставлю тебя съесть твои туфли!..» И схватил ее за горло под газовым фонарем… У нее уже был торжествующий вид. Я чувствую, она разнесет повсюду, что я веду себя как вампир!.. В Булонском лесу! Меня душит ярость… Подумать только, опять я оказался в дураках! Я отвешиваю ей несколько оплеух… Она хихикает, она меня не боится.

Из леса, из кустов, отовсюду появляются люди, чтобы посмотреть на нас, по двое, по трое, целыми группами. Мужчины держат свои хреновины в руках, юбки у дам задраны спереди и сзади. Наглые, насмешливые, бесцеремонные…

«Давай, Фердинанд!» — подбадривают они меня. Ужасный шум. Он доносится из леса. «Отделай как следует эту шлюху! Ее все равно ничем не прошибешь!» Ободряющие крики вынуждают меня быть грубым.

Мирей удирает, испуская пронзительные вопли. Тогда я догоняю ее, я стараюсь изо всех сил… Я пинаю ее ногами под зад. Звуки получаются тяжелые и глухие. К развратникам

присоединяются новые, они толпятся сзади и спереди…

Они заняли все лужайки, их уже тысячи в аллее. И все время из темноты появляются новые… Все платья изорваны… сиськи трясутся… отрываются… маленькие мальчики без штанов… Кувыркаются, прыгают, подскакивают на лету… Некоторые повисают на деревьях… зацепившись задом… Старая карга, англичанка, таращится на меня из своего автомобильчика… Никогда ни у кого я не видел таких счастливых глаз… «Ура! Ура! Славный мальчик! — кричит она мне в радостном порыве. — Ура! Ты проткнешь ей матку! Люди окажутся среди звезд! Ты выпустишь из нее вечность! Да здравствует Христианская наука!»

Я прибавляю шагу. Я обгоняю ее машину. Я отдаю все силы, истекаю потом! В спешке я продолжаю думать о своей работе… Точно, я ее потеряю. Дрожь проходит у меня по коже при мысли об этом: «Мирей! Пощади! Я обожаю тебя! Подождешь ли ты меня, грязная тварь? Поверишь ли мне?»

Когда мы прибываем к Триумфальной арке, толпа начинает бег по кругу. Вся орда преследует Мирей. Везде уже полно мертвецов. Некоторые вырывают у себя органы. Англичанка одной ру-

кой крутит над головой автомобиль! Ура! Ура! Она сбивает им автобус. Три ряда вооруженных солдат преграждают движение. Так нас торжественно встречают. Платье слетает с Мирей. Старая англичанка прыгает на нее, вцепляется в грудь, брызги, все течет, все в красном. Все валятся, барахтаются, задыхаются. Всеобщее беснование.

Пламя из-под Арки поднимается и поднимается, отрывается, рассекает звезды, рассыпается по небу… Везде пахнет копченой ветчиной… Вот и Мирей, она говорит мне на ухо: «Фердинанд, дорогой, я люблю тебя!.. Мы договоримся, у тебя так много идей!»

Падает огненный дождь, все хватают огромные огненные куски… Запихивают себе в ширинки, они трещат, клубятся. Дамы украшают себя огненными букетами… Все засыпают, свалившись друг на друга.

25 000 агентов очистили площадь Конкорд. Там больше никто не валяется. Невыносимое жжение. Дым. Это ад.

* * *

Моя мать и мадам Витрув волнуются, ходят взад-вперед по комнате в ожидании, когда у меня спадет жар. Меня привезла машина «скорой помощи». Я лежал на решетке проспекта Мак-Магон. Меня заметили полицейские на роликах.

Даже когда нет жара, у меня постоянно до такой степени гудит в ушах, что я уже готов ко всему. Это у меня с войны. Безумие преследовало меня все двадцать два года. Оно заигрывало со мной, испробовало пятнадцать тысяч шумов, ужасный гвалт, но я неистовствовал больше, чем оно, я не сдавался и опередил его у финиша. Вот! Я победил его и заставил оставить меня. Но настоящий мой враг — это музыка. Она застряла и гниет в глубине моего котелка… Не прекращая агонизировать… Она глушит меня звуками тромбона, защищается день и ночь. Все шумы природы, звуки ниагарской флейты… Я прогуливаюсь по барабану и горе тромбонов… Целыми днями я играю на треугольнике… Мой горн вселяет в меня отвагу. У меня есть целый вольер, и в нем 3527 маленьких птичек, которые постоянно щебечут…

Я — орга́н Вселенной… Мне уже не принадлежат плоть, рассудок и дыхание… Часто у меня бывает изнуренный вид. Мысли спотыкаются и валятся. Я не могу с ними справиться. Я сочиняю Оперу Потопа. Падает занавес, полуночный поезд подходит к вокзалу… Стеклянная крыша наверху разбивается вдребезги и рушится… Пар вырывается через двадцать четыре клапана… рычаги подскакивают вверх… В открытых настежь вагонах триста пьяных музыкантов сотрясают воздух всеми сорока пятью аккордами…

Уже двадцать два года каждый вечер он хочет увезти меня… ровно в полночь… Но я тоже умею защищаться… при помощи двенадцати целомудренных симфоний для кимвалов, двух соловьиных водопадов… целого стада тюленей, которых жарят на медленном огне… Вот занятие для холостяка… Нечего сказать. Это моя тайная жизнь. О ней никто не знает.

Я все это говорю, чтобы объяснить, что в Булонском лесу у меня случился небольшой приступ. Я часто произвожу много шума, когда разговариваю. Я говорю слишком громко. Мне делают знак говорить потише. Я сбиваюсь… Мне надо делать над собой страшные усилия, чтобы обращать внимание на знакомых. Я бы совсем забыл о них.

Я слишком занят. Иногда меня рвет на улице. Тогда все прекращается. Наступает временное успокоение. Но стены снова начинают качаться, а машины пятиться. Я дрожу вместе со всей землей. Я молчу об этом… Жизнь продолжается. Когда я попаду к Господу Богу, я проткну ему ухо, внутреннее, я уже решил. Я хотел бы посмотреть, как это ему понравится. Я — начальник дьявольского вокзала. В день, когда меня там не станет, увидите, поезд сойдет с рельсов. Месье Бизонд, бандажист, для которого я изготавливаю разную «мелочь», заметит, что я стал еще бледнее. Он будет доволен.

Я думаю обо всем в своей кровати, в то время как моя мать и Витрув бродят рядом.

Ворота в ад, находящиеся в ухе, — это маленький ничтожный атом. Если его переместить хотя бы на волосок… если его сдвинуть только на микрон, если посмотреть через него насквозь, тогда — кончено! все! ты приговорен навсегда! Ты готов? Нет? А вы могли бы? Но просто так не издыхают! Нужно представить Даме прекрасный саван, вышитый историями. Последнее мгновение ко многому обязывает. Фильм «Конец концов»! Но посвящены далеко не все! Во что бы то ни стало надо готовиться! Что касается

меня, то я скоро буду в состоянии… Я услышу, как мои часы издают последнее тиканье! неясное… потом бац! еще… Что-то затрясется в аорте… все выйдет из равновесия. Закончится. Они вскроют ее, чтобы убедиться… На покатом столе… Они не увидят там ни моей красивой Легенды, ни моего свистка… Смерть заберет все… Да, мадам, скажу я ей, уж вы-то в этом разбираетесь!..

* * *

Даже когда я без сознания, я думаю о Мирей…

Я уверен, что она растреплет абсолютно все.

«Ах! что бы сказали в Жонксьон… Этот Фердинанд стал невыносим! Он едет в Лес, чтобы выпендриваться!.. (Хотя, возможно, это сказано слишком грубо.) Он тащит с собой эту Мирей!.. Он развращает всех девушек!.. Мы пожалуемся в мэрию!.. Он запятнал свою должность! Это насильник и бунтарь!..»

Уж такой, какой есть! Когда я представил себе эти бредни, я просто закипел в своей постели, я стал мокрым, как жаба… Я задыхался… извивался… Начал метаться… Разбросал одеяла… Я обнаружил в себе сволочную силу. Все же нас точно преследовали сатиры!.. Я чувствую, как отовсюду пахнет горелым! Огромная тень накрывает меня… Это шляпа Леонса… Шляпа профсоюзного активиста… Поля широкие, как велодром… Она должна потушить огонь… Это Пуатра Леонс! Я уверен в этом! Он всегда следит за мной… Этот парень преследует меня! Он заходит в префектуру чаще, чем надо… После шести часов… Он там

усердствует, подстрекает подмастерьев, ратует за аборты… Я ему не нравлюсь… Я порчу ему настроение. Он ждет моего конца. Он сам это признает…

В клинике он работает бухгалтером… Еще он носит лавальер[11]. Он вклинивается в мой сон вслед за своей шляпой… Мне кажется, что жар увеличился… Я сейчас взорвусь… Леонс Пуатра — ловкач, на собраниях он — стена… Когда союз организует очередной шантаж, он способен вопить целых два часа. Никто не заставит его замолчать… Если же его предложение отклоняют, он буквально вне себя от бешенства. Орет громче, чем полковой командир. Телосложением он напоминает шкаф. В бахвальстве и ебле ему нет равных, ибо он вынослив, как вол. Ему чертовски везет. Да. Он секретарь «Синдиката Кирпичей и Крыш» в Ванв ля Револьт. Избранный секретарь. Дружки гордятся Леонсом, он такой бесшабашный, такой крутой. Это сутенер высшего класса.

Однако, когда он бывает не в настроении, он завидует мне, моим идеям, моей одухотворенности, тому, что все меня называют «доктор». Он затаился в стороне среди своих дам… На что

---

[11] Примечания: 11
Лавальер — галстук, завязанный большим бантом.

я решусь? Может, я наконец исчезну?.. Я его не устраиваю!.. Я ему осточертел… Но я все же останусь на земле!.. я превзойду самого себя!.. Я даже готов его поцеловать, если он сдохнет от этого!.. От инфекции!..

Этажом выше что-то бренчит… Доносится шум… Это артист дает уроки… Он тренируется… Он взволнован… он, должно быть, один… До!.. до!.. до!.. Никак не выходит!.. Си!.. си!.. Еще немного… Ми!.. Ми!.. Ре!.. Может, все уладится!.. А потом арпеджио налево!.. А потом направо… Слишком темпераментно… Си диез!.. Господи!

Из моего окна виден Париж… Он расстилается внизу… А потом начинает карабкаться вверх… к нам… к Монмартру… Крыши теснят друг друга, заостренные, вонзаются в небо, ранят, свет сочится, как кровь, улицы в голубом, красном, желтом… Потом, еще ниже — Сена, бледный туман… с тяжелым вздохом проходит буксир… Еще дальше — холмы… все сливается в одно… Ночь опускается на нас. Может, это моя старушка стучит в стену?

Мне надо взлететь, чтобы помочь ей подняться… Мамаша Беранж слишком стара, чтобы одолеть все этажи… Как же она сможет войти?.. Она тихонько проходит по комнате… Не касается

земли… Даже не смотрит ни вправо, ни влево… Выходит из окна в пустоту… Вот она идет в темноте над домами… Уходит туда…

* * *

Ре!.. фа!.. соль диез!.. ми!.. Черт побери! Он никогда не закончит! Должно быть, это начинающий… Когда жар спадает, жизнь разбухает, как брюхо после бистро… Ты погружаешься в водоворот внутренностей. Я слышу, как моя мать на чем-то настаивает… Она рассказывает свою жизнь мадам Витрув… С самого начала, чтобы та поняла, как ей было со мной трудно!.. Транжир!.. Безответственный!.. Ленивый!.. Как я совсем не похож на своего отца… Он был таким щепетильным… таким трудолюбивым… достойным всяческих похвал… но таким неудачником… что скончался как-то зимой… Да… Она не рассказывает ей о тарелках, которые он разбивал о ее котелок… Нет! Ре, до, ми! ре бемоль!.. Теперь ученик пускается во все тяжкие… Он карабкается по двойным восьмым… Он повторяет за пальцами учителя… Его заносит… Ему не справиться… у него полные руки диезов… «Темп!» — ору я громко.

Моя мать не упоминает, как Огюст волочил ее за патлы по комнате за лавкой. Действительно, там было тесновато для дискуссий…

Обо всем этом она молчит… Мы погружены в поэзию… Правда, жили в тесноте, но страшно любили друг друга. Вот что она рассказывает. Отец просто обожал меня, он очень заботился о моем поведении… Волнения… мои рискованные авантюры, моя испорченность ускорили его смерть… Конечно, от огорчения… Ведь это отражалось на сердце!.. Трах! Вот как рассказывают сказки… Все это довольно верно, но опять дополнено кучей грязной, мерзкой лжи… Эти две шлюхи так оживляются, когда несут свою чушь, что перекрывают звуки пианино… Я могу блевать сколько захочу…

Витрувиха не отстает во вранье… она перечисляет свои жертвы… Мирей — вся ее жизнь!.. Я не все понимаю… Мне надо пойти в туалет, у меня рвотные позывы… Скорее всего, это малярия… Я привез ее из Конго… Меня проносит со всех концов.

Когда я снова ложусь, моя мать вся в воспоминаниях о своей свадьбе… в Коломб… Когда Огюст занимался велосипедным спортом… Другая, не оставаясь в долгу… расплывается, как блин… и рассказывает, как она жертвует собой, чтобы спасти мою репутацию… у Линюси… Ах! Ах! Ах! Я приподнимаюсь… Я больше не могу… Я не в со-

стоянии двинуться… Я наклоняюсь, чтобы меня вырвало на ту сторону кровати… Чем слушать этот бред, я предпочитаю погрузиться в свои собственные фантазии… Я вижу Тибальда-трувера… Ему всегда нужны деньги… Он убил отца Жоада… одним отцом будет меньше… Я вижу, как на потолке разворачиваются великолепные турниры… Вижу, как начинается танец… Вижу самого Короля Крогольда… Он прибыл с Севера… Он приглашен в Бредонн вместе со своим двором… Я вижу его дочь Ванду, белокурую, ослепительную… Мне хочется подрочить, но я слишком ослаб… Жоад мучительно влюблен… Такова жизнь!.. Мне опять надо туда… Вдруг меня рвет желчью… Я кричу от усилий… Даже мои старухи услышали… Они прибежали, стараются мне помочь. Я снова их выгоняю… В коридоре они опять начинают разглагольствовать. Увидев меня в таком жалком виде, они немного изменили стиль… Меня слегка хвалят… От меня многое зависит… Вдруг все переворачивается… Они увлекаются… Ведь это я зарабатываю деньги… Моя мать получает мало у месье Бизонда, известного бандажиста… этого бы не хватало… В ее возрасте трудно сохранить место. Это я помогаю мадам Витрув и ее племяннице разными хитроумны-

ми способами… Они вдруг почувствовали, чем рискуют… Пытаются выкрутиться…

«Он груб!.. сумасброд!.. Но он великодушен…». Это надо признать. Это уж точно. Ведь впереди плата и паек… Не надо слишком поливать его грязью. Они стараются успокоить себя. Моя мать — не какая-нибудь работница… Она повторяет это как молитву… Она лавочница… В нашей семье готовы удавиться ради чести лавки… Мы не какие-нибудь пьяницы-рабочие, у которых полно долгов… Ах! нет. Отнюдь!.. Не надо путать!.. Три жизни — моя, ее и особенно моего отца были принесены в жертву. Никто не знает, чего это им стоило… Они выплатили все долги…

Сейчас моя мать изо всех сил старается вернуть смысл нашему существованию… Она вынуждена выдумывать… Наши жизни исчезли… наше прошлое тоже… Она постоянно изощряется… пытается все поднять… а потом все снова неизбежно разваливается!..

Она ужасно раздражается, стоит мне закашлять, потому что у моего отца была здоровенная грудная клетка и крепкие легкие… Я не могу больше ее видеть, она мне надоела! Она хочет, чтобы я бредил вместе с ней… Я плохой! Я приношу несчастья! Я в свою очередь тоже хочу избавиться

от нее… До! ми! ля! ученик ушел… Маэстро развлекается… он весь в «Колыбельной»… Хорошо бы пришла Эмили… Она приходит по вечерам убирать у меня… Она почти не разговаривает… Я ее не заметил! Смотри-ка, она уже здесь!.. Она хочет, чтобы я выпил рому… Где-то орут пьяницы…

— Знаете, у него ужасный жар!.. Я очень обеспокоена! — говорит мама еще раз.

— Для больного он очень мил!.. — гнусит Витрувиха в свою очередь…

Мне было так жарко, что я дотащился до окна.

«По направлению к Звезде плывет мой прекрасный корабль…[12] он погружается в темноту… пока не обгонит ее… Его паруса наполнены… Он направляется прямо к Центральной больнице… Целый город стоит на Мосту, безмолвный… Я узнаю всех умерших… Я даже знаю того, кто за штурвалом… Я на „ты“ с лоцманом… Учитель

---

[12] Примечания: 12

«По направлению к Звезде плывет мой прекрасный корабль…» — Отрывок вызывает несколько вопросов. Первый касается знаков препинания — абзац начинается кавычками, которые так и не закрываются. Здесь можно увидеть скрытую цитату из Аполлинера: «Мой прекрасный корабль/О моя память». Почему Мост написан с прописной буквы? Имеется ли в виду один из мостов через Сену? А что значит фраза: «Он теперь плывет медленней, чем прошлой ночью»? О прошлой ночи на предыдущих страницах речи не было. Возможно, это намек на переход мертвых в небо, который наблюдают Бардамю и Таня в «Путешествии на край ночи». Если это так, то найдена еще одна нить, связывающая два романа.

понял… он играет мотив, который нам нужен… „Черный Джо“[13]… В плаваниях… Чтобы лучше почувствовать Время… Ветер… ложь… Если я открою окно, сразу станет холодно… Завтра я пойду и убью месье Бизонда, который дает нам подработать… этого бандажиста в его лавке… Я хочу, чтобы он отправился в путешествие… Он никогда не выходит… Мой корабль застрял и болтается над парком Монсо… Он теперь плывет медленней, чем прошлой ночью… Сейчас он наткнется на статуи… Вот два призрака спускаются на Комеди Франсез… Три огромных облака уносят арки Риволи. За окном завывает сирена… Я толкаю тяжелую раму… Врывается ветер… Моя мать выпучила глаза… Она отчитывает меня… Мне опять будет плохо!.. Витрувиха тоже подгавкивает! Шквал поучений… Я взбунтовался… Я ругаю их… Мой корабль еле тащится. Эти бабы портят всю бесконечность… он сбивается с курса, позор!.. Он дает крен на левый борт… Нет ничего более грациозного, чем он, под парусами… Мое сердце следует за ним… Они должны были бы

---

[13] Примечания: 13

«Черный Джо» — известная английская песня «Старый негр Джо», написанная в 1860 г. Это песня менестрелей, сочинение Стивена Коллинза Форстера. Речь идет о старом негре, который вспоминает прошедшие прекрасные дни: «Gone are the days when my heart was young and gay» («Прошли дни, когда мое сердце было молодым и веселым»).

убежать, эти шлюхи, вместе с крысами, которые портят такелаж!.. Никогда он не сможет пришвартоваться, так крепко затянуты его фалы!.. Надо бы ослабить… Я выкрикиваю все это над крышами… А потом моя конура утонет!.. Я оплатил ее до конца! Все оплатил! до единого су! Всем своим дерьмовым существованием!.. Я обоссался в своей пижаме! Все промокло насквозь… Ужасно плохо! Сейчас я буду над Бастилией. «Ах! Если бы здесь был твой отец!..» Я слышу эти слова… Они меня бесят! Она еще здесь! Я поворачиваюсь. Я обзываю своего отца падалью!.. Я надсаживаюсь от крика!.. «Не было большей сволочи во всей вселенной от Дюфайеля до Каприкорна!..» Сначала она остолбенела! Застыла! Стоит в оцепенении… Потом приходит в себя. Она обращается ко мне как к пустому месту. Я не знаю, куда деваться. Она плачет горючими слезами. Закутывается в шаль скорби. Становится на колени. Снова поднимается. Тычет в меня зонтиком.

Она бьет меня большим зонтом прямо по голове. Ручка трещит у нее в руке. Она заливается слезами. Витрувиха бросается между нами. «Она бы предпочла никогда меня больше не видеть!..» Вот как она ко мне относится! Она сотрясает всю комнату. Ее воспоминания и куча неприятностей

— это все, что оставил мой отец… Ею владеют воспоминания! Чем дальше его смерть, тем больше она его любит! Как собака, которая не может забыть… Но я-то не намерен! Я не смирюсь, пока не сдохну! Я повторяю ей, что он был ханжа, лицемер, грубиян и неудачник во всем! Она снова бросается в бой. Она даст убить себя за своего Огюста. Я отлуплю ее. Черт побери!.. Я ведь болен малярией. Она оскорбляет меня, она закусила удила, забыла о моем состоянии. Тогда я наклоняюсь, в ярости задираю ей юбку. Я вижу там ее иссохшие икры, тощие, как палки, обвислый зад, все это смердит!.. Я это видел когда-то давно… Меня сильно рвет…

— Ты сумасшедший, Фердинанд! — она отступает… Подпрыгивает!.. Удирает! — Ты сумасшедший! — снова орет она на лестнице.

Я спотыкаюсь. Падаю на пол. Я слышу, как она ковыляет вниз. Окно осталось распахнутым… Я думаю об Огюсте, он тоже любил корабли. В сущности, он был художником… Ему не повезло. Время от времени он рисовал шторм на моей грифельной доске…

Служанка осталась стоять у кровати… Я сказал ей: «Ложись туда не раздеваясь… Мы путешествуем… Мой корабль потерял все фонари на причале

в Лионе… Я передам Капитану, чтобы он вернулся на причал Араго[14], когда поднимут гильотины… Причал Утра…»

Эмили хихикает… Она не понимает шуток… «Завтра! — сказала она… — Завтра!..» Она пошла за своим мальчуганом.

Теперь я действительно один!

Я вижу тысячи и тысячи лодочек на левом берегу… В каждой маленький сморщенный мертвец под парусом… и его история… вся его маленькая ложь… она поможет ему поймать ветер…

---

[14] Примечания: 14

Причал Араго — имеется в виду бульвар Араго перед тюрьмой Санте, где проходили последние публичные казни. Ближе к концу романа Селин снова вспоминает это место. 19 октября 1933 г. он вместе с приятелем сам присутствовал при казни. По свидетельству одного журналиста, он так прокомментировал это событие: «Гильотина — это Гонкуровская премия за преступление». Однако его приятель рассказывает о совершенно иной реакции. Селин говорил ему после: «Я прошел вместе с ним (приговоренным)!.. Я почти был на его месте!.. Я говорил с головой, упавшей в корзину… „Тебе не больно?..“ Веки и губы шевелились, желая ответить. „Где у тебя болит?..“ Она хотела что-то сказать, эта голова… Она умерла в моих руках… По меньшей мере, через две минуты после удара!..»

* * *

Я могу говорить о прошлом веке, я еще застал его… Он ушел по дороге из Орли… Шуази-ле-Руа… Там, в Рюнжи, жила тетка Армида, моя прабабка.

Она рассказывала о многом, чего уже никто не помнил. Осенью выбирали воскресенье, чтобы навестить ее до наступления самых суровых месяцев. Чтобы потом снова заехать лишь зимой и удивиться, что она еще жива…

Давние воспоминания неотвязны… они хрупки, непрочны… Я точно помню, что мы садились у Шатле на омнибус, запряженный лошадьми… Мы с кузенами залезали на скамейки империала. Мой отец оставался дома. Кузены шутили, они говорили, что мы уже не найдем в Рюнжи тетку Армиду, ведь у нее нет прислуги и она одна в доме, она точно погибла во время наводнения, потому что ее, наверное, не успели предупредить…

Вот так мы и тряслись всю дорогу до Шуази по берегу реки. Это продолжалось много часов. Я дышал свежим воздухом. Вернуться мы собирались на поезде.

Когда мы прибывали на конечную остановку,

нужно было торопиться! Широкими шагами мы шли по булыжным мостовым. Моя мать тащила меня за руку, чтобы я не отставал… Мы встречали других родственников, которые тоже приехали повидать старуху. Моей матери мешали шиньон, вуаль и соломенная шляпка. Вуаль намокала оттого, что она нервно жевала ее. На улицах по дороге к тетке Армиде было полно каштанов. Я не мог их собирать, у нас не было ни минуты… За дорогой были деревья, поля, насыпи, пригорки, потом деревня… а еще дальше незнакомые страны… Китай… А потом совсем ничего.

Мы так торопились, что я наделал в штаны… впрочем, дерьмо на заднице было у меня до самой армии, так я торопился всю свою юность. Наконец мы дошли, совершенно взмокшие, до первых домов. Это была красивая деревенька, теперь я это понимаю, с маленькими тихими уголками, улочками, мхом, поворотами, всеми живописными прелестями. Очарование кончалось, как только мы доходили до ограды. Раздавался скрип ворот. Вот уже пятьдесят лет тетка брала напрокат свой парадный наряд в Карро дю Тампль[15]… Все ее сбережения ушли на этот домик в Рюнжи.

---

[15] Примечания: 15
Тампль — рынок в Париже, в 3-м округе.

Она сидела в глубине комнаты перед камином в своем кресле. В ожидании, что придут ее навестить. Она всегда закрывала ставни из-за своего зрения.

Ее домик был в швейцарском стиле, в то время это было модно. Перед домиком в вонючем пруду томились рыбы. Мы шли еще немного, подходили к крыльцу. Погружались в сумрак. Я утыкался во что-то мягкое. «Подойди, не бойся, мой маленький Фердинанд!..» Она хотела меня приласкать. Я не противился. Сперва было что-то холодное и шершавое, потом чуть теплее, в уголке рта, с пугающим привкусом. Зажигали свечу. Родственники образовывали кружок сплетников. Когда они видели, как я целую прабабку, они приходили в волнение. Этот единственный поцелуй внушал мне сильное отвращение… И слишком быстрая ходьба тоже. Но когда она начинала говорить, все были вынуждены молчать. Они не знали, что ей отвечать. Она употребляла только время импарфэ дю сюбжонктиф. Это были устаревшие формы. Так она подчеркивала свою исключительность. Она слишком зажилась.

В камине позади нее никогда не зажигали огонь. «Вот если бы тяга здесь была получше…» На самом деле, это делалось из соображений

экономии.

Перед тем как всем разойтись, Армида предлагала печенье. Высохшие бисквиты из хорошо закрытой коробки, которая открывалась два раза в год. Все, конечно, отказывались… Они же не дети… Это печенье для меня!.. От волнения, от удовольствия мне предлагалось подпрыгнуть, увидев его… Для чего моя мать меня щипала… Изображая, что шалю, я быстро убегал в сад, чтобы выплюнуть все это рыбкам…

В темноте за моей прабабкой, за ее креслом, находилось все, что уже прошло: мой дедушка Леопольд, который не вернулся из Индии, Дева Мария, месье де Бержерак[16], Феликс Фор[17] и Люстюкрю[18], и импарфэ дю сюбжонктиф. Вот.

Я давал прабабке поцеловать себя еще раз, на прощание… А потом все внезапно выходили и быстро шли через сад. У церкви прощались с кузенами, которые поднимались на Жювизи. Когда

---

[16] Примечания: 16

Бержерак — имеется в виду Сирано де Бержерак (1619–1655) — французский прозаик, драматург и одновременно литературный герой.

[17] Примечания: 17

Феликс Фор (1841–1899) — президент Франции с 1895 по 1899 г.

[18] Примечания: 18

Люстюкрю — папаша Люстюкрю (от франц. «l'eusse-tu-cru?», что примерно можно перевести как «не поверишь!»), комический глупец, неизменный персонаж французских старинных песен и водевилей.

они целовали меня, от них исходили всевозможные запахи, из-под манишки несло потом. Моя мать хромала еще больше, потому что сидела целый час, и ноги у нее затекли.

Проходя мимо кладбища Тье, мы заскакивали туда. У нас там было два покойника в конце аллеи. Мы едва успевали взглянуть на их могилы. Мы убегали оттуда, как воры. В День поминовения темнеет быстро. Мы догоняли Клотильду, Гюстава и Гастона на развилке Бель-Эпин. Моя мать волочила ногу, постоянно спотыкалась. Она даже получила настоящий вывих, когда пыталась перенести меня через железную дорогу.

Мы торопились добраться до большой аптеки, пока не стемнело. Это была Центральная улица, знак, что мы спасены… Под светом фонаря двери бистро открывались и закрывались, оттуда доносилась музыка. Мы чувствовали себя в опасности. Быстро переходили на другую сторону, моя мать боялась пьяных.

Внутри вокзал напоминал ночлежку, зал ожидания с мигающей масляной лампой под потолком был заполнен чадом. Вокруг маленькой печки, поеживаясь в тепле, сбились в кучу кашляющие и беспрестанно харкающие путешественники. Вот вылетает поезд, грохот, можно

подумать, что он все сметет. Пассажиры суетятся, торопятся изо всех сил, в ураганном темпе навьючивают на себя свою кладь. Мы остаемся вдвоем. Я получаю затрещину, потому что отпускаю материнскую руку.

В Иври приходится выйти, мы пользуемся этим, чтобы зайти к работнице мадам Эронд, штопальщице кружев. Она занимается вышивками и кружевами, часто очень старыми, ветхими, которые трудно починить.

Она живет почти на другом конце Иври, на недостроенной улице Палисс, посреди полей. В хижине. Каждый раз, приходя сюда, мы стараемся поторопить мадам Эронд. У нее никогда ничего не готово к назначенному сроку. Клиентки жестоки и скупы до невозможности. Я почти всегда видел, как страдает моя мать из-за нерасторопности работницы и кружев, которые она возвращает не вовремя. Если клиентка обижалась на задержку с валансьенскими кружевами, то не приходила целый год.

Долина над Иври была гораздо опасней, чем дорога к тетке Армиде. Никакого сравнения. Постоянно навстречу попадались хулиганы. Они окликали мою мать. Если я оборачивался, то получал оплеуху. Когда грязь становилась такой

жидкой и липкой, что можно было потерять башмаки, значит, мы были уже близко. Хибара мадам Эронд одиноко возвышалась среди поля. Нас облаивала собака. Она гавкала изо всех сил. Нас замечали в окно.

Наша работница штопала при свете керосиновой лампы. Она задыхалась от дыма и портила себе глаза. Моя мать приставала к ней, чтобы та провела газ: «Это действительно необходимо».

Мадам Эронд портила себе сетчатку над крошечными прошивками, паутинками. Моя мать говорила ей это не столько из корысти, сколько по дружбе. Я всегда попадал в хижину мадам Эронд только ночью.

«Нам проведут газ в сентябре!» — говорила она всякий раз. Это была ложь, просто чтобы не приставали… Моя мать, несмотря на ее недостатки, очень ее ценила.

Мать до ужаса боялась работниц, нечистых на руку. Мадам Эронд была порядочной, как никто. Никогда она не обсчитала нас ни на сантим. Она влачила жалкое существование, а через ее руки проходили настоящие сокровища! Венецианские кружева с риз, увидеть которые теперь можно только в музее! Когда моя мать говорила об этом в минуту откровенности, она очень воодушев-

лялась. У нее выступали слезы. «Эта женщина была настоящей волшебницей! — признавалась она. — К сожалению, она не умела держать слово! Никогда ничего не сделала вовремя!..» Эта волшебница умерла, не дождавшись газового освещения, от усталости, гриппа, а также от огорчений, причиненных ей ее слишком ветреным мужем… Она умерла в родах… Я хорошо помню ее похороны. Это было в Малом Иври. Нас было только трое, я и мои родители, муж даже не побеспокоился! Это был красивый мужчина, он пропивал все, до единого су. Он годами торчал в баре на углу улицы Гайон. По меньшей мере, еще лет десять его видели там. А потом он исчез.

Когда мы выходили от работницы, наши гонки еще не заканчивались. У вокзала Аустерлиц мы снова переходили на галоп, а потом ехали омнибусом до Бастилии. Рядом с Зимним цирком была мастерская Вюрцемов, краснодеревщиков, это было семейство эльзасцев. Именно они гримировали под «старинный стиль» всю нашу мебель, консоли, столики. Двадцать лет они делали это в первую очередь для Бабушки, а потом уже для остальных. Инкрустации никогда не держатся, это всегда создает проблемы. Вюрцем был артистом в своем деле, ему не было равных.

Они даже спали в стружках — его жена, тетка, шурин, два кузена и четверо детей. У него тоже никогда ничего не было готово. Его страстью была рыбалка. Часто он неделями пропадал на канале Сен-Мартэн, вместо того чтобы выполнять заказы. Моя мать от злости багровела. Он отвечал вызывающе. Потом извинялся. Семья разражалась слезами, плакали девять человек, а нас было только двое. Они жили не по средствам. Им пришлось даже выехать и устроиться в трущобах на улице Колэнкур, потому что они не платили за квартиру.

Их халупа находилась внизу, в овраге, туда мы добирались по доскам. Уже издали были слышны вопли, и мы направлялись на свет фонаря. Когда я бывал у них, мне всегда хотелось сбросить на пол горшок с клеем, который постоянно дребезжал на плитке. Однажды я решился. Когда мой отец узнал об этом, он сразу предупредил маму, что когда-нибудь я его задушу, мои задатки позволяют это предположить. Так он думал.

У Вюрцемов было приятно, потому что они были не злопамятны. После самых бурных скандалов, как только им давали немного денег, они принимались напевать. Они ни в чем не видели трагедии, легкомысленные рабочие! Не такие

щепетильные, как мы! Моя мать всегда ссылалась на их пример, чтобы напугать меня. Я же находил их очень симпатичными. Я засыпал в их стружках. Меня нужно было встряхнуть, чтобы я мог бежать до бульвара и вскочить в омнибус, идущий до Винного рынка. Он казался мне великолепным, потому что внутри большой стеклянный глаз отбрасывал свет на лица сидящих. Это было восхитительно.

Полицейские скачут по улице Мартир, все останавливаются, чтобы пропустить их. Мы все же добираемся до лавки, но с огромным опозданием.

Бабушка уползает в свой угол, мой отец Огюст натягивает на уши фуражку. Он прохаживается, как лев на корабельном мостике. Моя мать падает на табуретку. Она виновата, и говорить нечего. Все, что мы сделали по дороге, никому не нравится — ни Бабушке, ни папе. Наконец мы закрываем магазин, вежливо говорим друг другу «до свидания». Мы втроем отправляемся спать. Еще надо дотащиться до нашего дома. Это по ту сторону Толкучки.

У моего отца был тяжелый характер. Он носил морскую фуражку. Он всегда мечтал стать капитаном дальнего плавания. Из-за этой мечты он

и озлобился.

Окна нашей квартиры на улице Бабилон выходили на «Миссии». Кюре часто пели, даже ночью они вставали, чтобы снова пропеть свои гимны. Нам было их не видно из-за стены, которая почти целиком загораживала наше окно. От этого было темновато.

В «Коксинель-Инсенди» мой отец зарабатывал немного.

Когда мы шли через сад Тюильри, меня часто приходилось нести. В то время у всех полицейских были толстые животы. Они неподвижно стояли под фонарями.

Сена завораживает ребенка, отсветы на воде дрожат под ветром, внизу огромная бездна, которая движется и урчит. Мы поворачиваем на улицу Вано и наконец приходим. Когда надо было зажечь лампу, опять начиналась комедия. Моя мать не умела этого делать. Мой отец Огюст копался, чертыхался, изрыгал проклятия, ломал каждый раз фитиль и колпачок.

Мой отец был полным блондином, приходившим в ярость из-за пустяков, с совершенно круглым, как у младенца, носом над огромными усами. Когда на него находила ярость, он свирепо вращал глазами. Он думал только о неприятно-

стях. У него их были сотни. В страховом бюро он зарабатывал сто десять франков в месяц.

В самом деле, вместо того чтобы пойти во флот, он попал на семь лет в артиллерию. Он хотел быть сильным, благополучным и уважаемым. В конторе «Коксинель» с ним обращались пренебрежительно. Он страдал от самолюбия и однообразия. У него не было ничего, кроме диплома бакалавра, усов и щепетильности. С моим рождением они еще больше погрязли в нищете.

Мы с утра ничего не ели. Мать гремела кастрюлями. Она была в нижней юбке, чтобы при стряпне не запачкаться. Она ныла, что Огюст не ценит ее добрых намерений, не понимает трудностей торговли… Он раздумывал над своими неприятностями, облокотившись на угол стола. Время от времени он демонстрировал недовольство… Она всегда старалась его успокоить. Но как только она снимала с крюка подвесную лампу, красивый желтый шар, он моментально приходил в ярость. «Клеманс! Слушай! Боже мой! Ты устроишь нам пожар! Я тебе сколько раз говорил брать двумя руками!» Он испускал ужасные крики и не находил слов от возмущения. Когда он впадал в транс, то становился кирпичного цвета, весь раздувался, глаза вращались, как у дракона.

На него было страшно смотреть. Мы с матерью боялись его. А потом он разбивал тарелку, и все отправлялись спать…

«Повернись к стене, маленький мерзавец! Не оборачивайся!» У меня не было желания… Я и так все знал… Мне было стыдно… Я видел мамины ноги, одна худая, другая толстая… Она все ковыляла из одной комнаты в другую… Он уговаривал ее… Она возражала, что надо помыть посуду… Чтобы разрядить обстановку, она пыталась затянуть песенку[19]…

А солнце через дыры

Спускалось с крыши к нам…

Огюст, мой отец, читал «Родину»[20]. Он садился у моей кровати-клетки. Она подходила и целовала его. Он смягчался… Вставал и смотрел в окно. Казалось, он ищет что-то в глубине двора. Он громко выпускал газы. Это была разрядка.

Она тоже пускала газы, тихонько, из солидар-

---

[19] Примечания: 19

Песенка — эта песенка могла существовать на самом деле, но Селин мог и придумать ее. Во всяком случае, она до сих пор не обнаружена.

[20] Примечания: 20

«Родина» — существовавшая до Первой мировой войны газета правой ориентации, имевшая большую популярность. Это был еженедельник с крупными заголовками, который охотно обсуждал скандалы и в трудные времена призывал к антипарламентаризму, антисемитизму, англофобии, антимасонству и т. д.

ности, а потом игриво ковыляла на кухню.

Потом они закрывали дверь… дверь своей комнаты… Я спал в столовой. Гимны миссионеров раздавались за стеной… А по улице Бабилон шагом шла лошадь… Бум! Бум! она тащила фиакр…

* * *

Мой отец, чтобы прокормить меня, брал дополнительную работу. Его начальник Лепрент всячески унижал его. Я знал этого Лепрента, он был рыжий, уже поблекший, с длинной золотистой бородой. У моего отца был стиль, ему от природы была свойственна элегантность. Это раздражало Лепрента. Он мстил в течение тридцати лет. Он заставлял отца заново переписывать почти все письма.

Когда я был совсем маленьким, меня отдали кормилице в Пюто, и мои родители по воскресеньям приходили туда навещать меня. Там был чистый воздух. Они все рассчитывали заранее. Никогда ни су долга. Даже когда были крупные неудачи. В Курбвуа моя мать из-за множества забот и от того, что во всем себе отказывала, начала кашлять. Кашель не прекращался. Ее спас сироп из улиток и метод Распая.

Месье Лепрент боялся, что мой отец с его манерами возомнит о себе невесть что.

В Пюто из сада моей кормилицы был виден Париж. Когда отец поднимался туда, чтобы со

мной повидаться, ветер взъерошивал ему усы. Это было моим первым воспоминанием.

После банкротства магазина шляп в Курбвуа моим родителям пришлось работать вдвое больше, выбиваться из сил. Она — продавщицей у Бабушки, он, сколько мог, сверхурочно в «Коксинель». Но только чем больше демонстрировал он свой прекрасный стиль, тем более отвратительным находил его Лепрент. Чтобы не озлобиться окончательно, он погрузился в акварели. Он занимался этим вечерами после ужина. Меня привезли в Париж. Я видел, как он рисовал поздно вечером, в основном корабли, корабли в океане, трехмачтовые, при сильном бризе, красками и карандашом. Это было его заветное… Позже пошли воспоминания об артиллерии; выдвижения на боевую позицию и священники… По просьбе клиентов… Из-за их роскошного одеяния… И наконец, танцовщицы с объемистыми ляжками… В обеденный перерыв моя мать предлагала их на выбор продавцам на галереях… Она делала все, чтобы я жил, но рождаться-то мне не следовало.

После нашего банкротства, у Бабушки на улице Монторгей, она часто харкала кровью, по утрам, когда украшала витрину. Она прятала свои носовые платки. Внезапно появлялась Бабушка…

«Клеманс, вытри глаза!.. Слезами делу не поможешь!..» Чтобы прийти пораньше, мы вставали с рассветом, закончив дела по хозяйству, шли через сад Тюильри, а отец убирал постели.

Весь день я скучал. Редко случалось, чтобы я не проплакал почти все время после обеда. В магазине я получал больше затрещин, чем видел улыбок. Я должен был просить прощения из-за любого пустяка, и просил прощения за все.

Мы постоянно остерегались кражи или случайной поломки, старые вещи непрочны. Я перепортил, сам того не желая, тонны хлама. Старье до сих пор вызывает у меня отвращение, однако оно нас кормило. Осколки времени — это ужасно… мерзко, противно. Их покупали по доброй воле или втюхивали насильно. Клиента доводили до отупения. На покупателя обрушивали каскад небылиц… обещаний неслыханных выгод… безо всякой пощады… Невольно ему приходилось уступать доводам… Вопреки здравому смыслу… Клиент выходил из дверей восхищенный, с выкопанной где-то чашкой времен Людовика XIII, с веером, на котором были вырезаны кошечки и пастушки, завернутым в шелковую бумагу. Не передать, до какой степени мне внушали отвращение взрослые люди, покупавшие подобную

дребедень…

Бабушка Каролина пряталась целый день за «Блудным сыном», огромным гобеленом. Каролина боялась остаться внакладе. Все покупатели ненадежны, чем они зажиточнее, тем более нечисты на руку. Маленькое кружево Шантильи мгновенно могло оказаться в манжете хорошо натренированной клиентки.

К тому же в магазине никто не мог пожаловаться на избыток света… Зима — самая коварная пора из-за воланов… бархата, накидок, мехов, которыми трижды обматывают сиськи… А с плеч еще свисают всевозможные боа, потоки волнистого муслина… Как большие печальные птицы… Покупательница важно расхаживает, перерывает груды безделушек, кудахча, начинает все сначала. Все разбрасывает… снующая туда-сюда, дурно пахнущая, готовая поскандалить только ради удовольствия. Чтобы угадать ее желание, все в этой конуре лезли вон из кожи, а выбрать было из чего… Бабушка не останавливается перед тем, чтобы сбыть залежалый товар… Она тащит все: картины, написанные маслом, аметисты, кусты канделябров, тюль, вышитый гладью, кабошоны, дароносицы, соломенные корзиночки, доспехи и солнечные зонтики, золоченую

японскую рухлядь и раковины из мест еще более отдаленных, хлам, у которого нет названия, и вообще неизвестные штуки.

Покупательница приходит в возбуждение от сокровищницы осколков. Перед ней образуется куча. Она роется, все гремит, кружится. Она пришла ознакомиться. Идет дождь, и ей просто нужно укрыться. Когда ей все надоедает, она отделывается обещаниями. Нужно очень постараться, чтобы снова собрать все барахло. На коленях нагибаешься как можно ниже, шаришь под мебелью. Все ли здесь… носовые платки… безделушки… разные стекляшки… всякая дрянь… наконец вздох облегчения.

Моя мать опускается на стул, массирует себе ногу, из-за того, что она так долго топталась, у нее судорога, она совсем не может говорить. Под конец перед самым закрытием из темноты появляется застенчивый клиент. Он входит тихо, объясняется шепотом, он хочет загнать одну вещицу, семейную реликвию, он достает ее из пакета. Ему предлагают низкую цену. Эту штуковину моют в раковине на кухне. А заплатят ему завтра утром. Он исчезает, едва сказав «до свидания»… Мимо лавки, как смерч, проносится омнибус «Пантеон — Курсель».

Из конторы приходит отец, каждую минуту он смотрит на часы. Нервничает. Нужно собираться.

Он кладет свою шляпу. Берет с гвоздя фуражку.

Пора жрать лапшу и отправляться на доставку.

* * *

В лавке гасят свет. Моя мать никогда не умела стряпать, у нее всегда получалось какое-то варево. Если это была не хлебная похлебка с яйцами, то конечно макароны. Никаких поблажек. После лапши мы некоторое время находились в неподвижности, чтобы улеглась еда. Мать пыталась нас развлечь. Если я не отвечал на вопросы, она ласково говорила: «Ты знаешь, ведь она с маслом». За гобеленом мигал свет газовой горелки. В тарелках трудно было что-либо разобрать. Подавая нам пример, мать добавляла себе еще лапши… Нужен был добрый глоток красного вина, чтобы она не полезла обратно.

Угол, где мы ели, был одновременно и местом для стирки, и хранилищем всякой дряни… Там были целые вороха, кипы того, что было уже невозможно починить, невозможно продать, даже показать. Самое дерьмо. С форточки в суп свешивались простыни. Я не знаю, каким образом оставалось пространство для большой плиты с огромным вытяжным колпаком, которая занимала половину всей комнаты. Под конец

тарелки возвращали, чтобы получить десерт с конфитюром.

Декорация грязного музея.

Со времени нашего переезда из Курбвуа моя Бабушка и отец не разговаривали. Мать старалась болтать без передышки, чтобы они ничем не бросали друг в друга. Переварив лапшу и десерт с конфитюром, мы пускались в путь. Проданную вещь мы «наряжали». Как правило, это была мебель, столик, иногда пудреница. Отец взгромождал крупный товар на голову, и мы шли к площади Конкорд. Около Фонтан Жиклез мне становилось страшно. Когда мы поднимались по Елисейским Полям, было уже совсем темно. Он бежал, как вор. Я с трудом за ним поспевал. Можно было подумать, что он не прочь меня потерять.

Мне хотелось, чтобы он со мной поговорил, но он только бормотал ругательства в адрес прохожих. Когда мы добирались до площади Этуаль, я был уже весь в поту. Мы ненадолго останавливались. В доме клиента нужно было еще найти «служебный вход».

Когда случалось идти в Отей[21], мой отец бы-

[21] Примечания: 21

Отей — бывшая деревня под Парижем, сегодня входит в состав 16-го округа (арондисмана) Парижа.

вал добрее. Он не так часто доставал свои часы. Я залезал на парапет, он показывал мне буксиры… зеленые огни… объяснял значение сигнальных свистков… «Он скоро будет у „Пуан дю Жур“»! Мы восхищались этим допотопным суденышком… Желали ему счастливого плавания…

Вечером, когда мы направлялись к площади Терн, у него было ужасное настроение, особенно если дело касалось баб… Они вызывали у него отвращение. Напряженность чувствовалась уже с самого начала. Я помню, как мы ходили на улицу Дэмур. Перед церковью он отвесил мне здоровенный подзатыльник, чтобы я не отставал. Когда мы подходили к дому покупательницы, я уже заливался слезами. «Мерзавец, — вопит он. — Я научу тебя, как себя вести!» Взгромоздив на голову круглый одноногий столик, он поднимается за мной по лестнице. Мы ошибаемся дверью. Прислуга выглядывает с любопытством… Я упираюсь, как теленок… Я делаю это нарочно. Хочу его разозлить! Вопли! Наконец мы находим нужный звонок. Нас встречает горничная. Она сочувствует мне. Шелестя платьем, появляется хозяйка: «О! Маленький злодей! Негодник! Он рассердил своего папочку!» Отец уже не знает, куда деваться. Готов спрятаться. Хоть в ящик.

Покупательница пытается меня утешить. Она наливает моему отцу коньяку. И говорит ему: «Друг мой, протрите, пожалуйста, столик до блеска! Я боюсь, что дождь его испортил…» Горничная подает тряпку. Он принимается за работу. Дама предлагает мне конфетку. Я иду за ней в комнату. Горничная идет с нами. Там покупательница ложится на кружевную постель. Внезапно она задирает свой пеньюар, показывает мне толстые ляжки, бедра и волосатый бугорок, сучка! Она роется там внутри пальцами…

«Возьми все это, моя крошка!.. Иди сюда, моя любовь!.. Иди, полижи мне там, внутри!..» Она зовет меня очень ласковым голосом… очень нежным… со мной так никогда не говорили. Она раздвигает ноги, оттуда что-то течет.

Горничная не может сдержать смех. Именно это меня остановило. Я убежал на кухню. Я больше не плакал. Моему отцу дали чаевые. Он не решается положить их в карман и смотрит на них. Горничная все еще смеется. «Может, тебе они не нужны?» — спрашивает она. Он выскакивает на лестницу, забыв про меня. Я бегу за ним по улице. Зову его: «Папа! Папа!» Я догнал его только на площади Терн. Мы сели. Было холодно. Он редко меня обнимал. Он сжимает мою руку.

«Ничего, мой малыш!.. Ничего, мой малыш!..» — повторяет он… уставившись прямо перед собой… Все же у него было сердце. У меня оно тоже было. Но для жизни сердце не нужно. Мы возвращаемся прямо на улицу Бабилон.

* * *

Мой отец страдал от чрезмерного воображения. Он разговаривал сам с собой в углу. Он старался сдерживаться… Внутри у него, должно быть, все кипело…

Родился он в Гавре. Он знал все о кораблях. Он часто вспоминал имя капитана Дируана, который командовал кораблем «Виль де Труа». Он видел, как этот корабль уходил в море, как он отдал швартовы в бухте де ля Бар.

Он так и не вернулся. Его обломки затерялись в просторах Флориды. «Чудесный трехмачтовый бриг!»

Другой корабль назывался «Гондриолан», это было грузовое норвежское судно, которое повредило себе днище в шлюзе… Отец рассказывал и об этом неудачном маневре. Даже сейчас, через двадцать лет, это его ужасало… Он все еще возмущался… А потом снова удалялся в свой угол. И начинал пережевывать то же самое.

Его брат Антуан был совсем другим. Он поистине героически подавлял в себе все разгульные порывы. Он тоже родился совсем недалеко от

большого Семафора… Когда умер их отец, преподаватель риторики, он сразу же устроился в «Меры и Весы» — вне всякого сомнения, надежное место. Для большей уверенности он женился на девушке из «Статистики». Но подавленные желания возвращались и волновали его… По своей природе он был ветреным, все время чувствовал беспокойство и старался обуздать себя.

Они с женой приходили к нам только на Новый год. Жили они очень экономно, питались очень плохо, совершенно ни с кем не общались, и поэтому, когда они неожиданно исчезли, в квартале о них никто даже не вспомнил. Они умерли франкмасонами, он — от рака, она — от воздержания. Жену, его верную половину, позже обнаружили в Бют-Шомон[22].

Именно там они обычно проводили отпуск. Они положили сорок лет на то, чтобы вместе медленно покончить с собой.

Сестра отца, тетка Елена, была не такая. Ее забросило в Россию. Она стала кокоткой в Санкт-Петербурге. Одно время у нее было все: карета, трое саней, собственная деревня, носившая ее имя. Она заезжала к нам дважды, проездом,

---

[22] Примечания: 22
Бют-Шомон — большой парк на окраине Парижа.

вся обвешанная барахлом, великолепная, как принцесса, счастливая и все такое. Она кончила трагически: ее жизнь оборвал выстрел одного офицера. Ей не хватало сдержанности. Она вся была — плоть, желание, музыка. От одной мысли об этом моего отца начинало мутить. Узнав о ее кончине, моя мать сказала: «Какой ужасный конец! Это конец эгоистки!»

Был еще дядя Артур, тоже не идеал! Плоть также переполняла его. Мой отец чувствовал к нему определенную симпатию, какую-то слабость. Он жил среди богемы, вне общества, в мансарде, сойдясь со служанкой. Благодаря чему ему часто удавалось неплохо поесть. Артур был разбитной малый с бородкой, в бархатных штанах, остроносых башмаках, с длинной трубкой. Он был беззаботен. Неравнодушен к женщинам. Часто и довольно серьезно болел — как правило, когда надо было отдавать долги. Порой он оставался в постели восемь дней кряду вместе с одной из своих подружек. Когда мы по воскресеньям приходили его навестить, он вел себя не очень прилично, особенно с моей матерью. Слегка за ней волочился. Это выводило моего старика из себя. Уходя, он призывал в свидетели сто двадцать тысяч дьяволов, клялся, что ноги его больше

здесь не будет.

«Этот Артур! он ведет себя неприлично!» Все же мы приходили снова.

Он рисовал под слуховым окном на большой доске корабли, яхты, вспенивавшие волны, и чаек вокруг, это был его любимый жанр… Даже собирался заказать себе каталог, но у него было столько долгов, что желание быстро пропадало. Он всегда был в хорошем расположении духа, когда ничего не делал.

Недалеко от его дома стояли кавалеристы, откуда доносились звуки труб. Артур знал наизусть все эти мотивы. Он распевал на них непристойные песни. Моя мать и служанка вскрикивали: «Ох! ох!» Отец возмущался, потому что все это слышал я.

Но самым неустроенным из всей семьи был, конечно, дядя Рудольф, уже довольно пожилой. Когда с ним говорили, он тихонько смеялся. Он беседовал сам с собой. Это могло продолжаться часами. Он хотел жить только на открытом воздухе. И потому не желал работать ни в магазине, ни в конторе, ни хотя бы ночным сторожем. Он даже ел на скамейке, на улице. Он боялся помещений. Только очень сильный холод вынуждал его зайти в дом. Провести там вечер. Ему вечно не везло.

Случайный заработок давала ему работа носильщика на вокзале, он предавался ей с увлечением. Более двадцати лет. Пока был в силах, таскал чемоданы и бегал, как заяц, за фиакрами с багажом. Больше всего он любил время, когда все возвращались из отпусков. На такой работе он всегда был голоден, и его всегда мучила жажда. Кучера его любили. За столом он вел себя забавно. Высоко поднимал стакан, пил за здоровье присутствующих, затягивал песню… Не закончив, внезапно замолкал… Начинал смеяться без всякого повода, зажимая рот салфеткой…

Его отводили домой. Он все смеялся. Жил он на улице Лепик рядом с «Рандеву Пю-де-Дом»… Все его пожитки лежали на полу, у него не было даже стула или стола. Во время Выставки[23] он изображал трубадура и на набережной перед картонными тавернами олицетворял «Старый Париж». Его наряд был сшит из разноцветных лоскутков. «Добро пожаловать в Средние века!..» — кричал он и пританцовывал, чтобы согреться. Вечером, когда он приходил к нам обедать в своем карнавальном наряде, моя мать делала

[23] Примечания: 23

«Выставка» — имеется в виду Универсальная выставка, проходившая в Париже в последний раз в 1900 г. и охватившая собой практически весь город — от площади Конкорд и Собора Инвалидов до Марсова Поля.

ему грелку. У него все время мерзли ноги. Настоящие неприятности начались, когда он связался с «блудницей», которую изображала Розина возле противоположной двери в притон из раскрашенного картона. Бедняжка харкала уже остатками своих легких. Не прошло и трех месяцев, как все было кончено. Она умерла в своей комнате в том же «Рандеву». Он не хотел, чтобы ее увозили. Запер дверь. Приходил каждый вечер и ложился рядом. Все раскрылось из-за запаха. Он пришел в ярость. Он не понимал, что такое смерть. Пришлось прибегнуть к силе, чтобы забрать и похоронить ее. На кладбище он хотел нести ее сам и самой длинной дорогой.

Когда он опять появился на Площади, моя мать сокрушалась: «Оделся, как на карнавале! Ведь ему же холодно! Это просто ужасно!» Особенно ее возмущало, что он не надевает пальто. У него было одно, подаренное отцом.

Меня посылали посмотреть, как он там, потому что я был маленький и мог пройти через турникет бесплатно.

Он был все еще там, за решеткой, наряженный трубадуром. Он весь расплывался в улыбке. «Привет, — говорил он мне. — Привет, малыш!.. Ты видишь мою Розину?..» Он показывал мне

куда-то вдаль, за Сену, на какую-то точку в тумане… «Ты ее видишь?» Я отвечал ему «да». Я не противоречил ему. Я выполнял волю родителей. Блаженный Рудольф!

В конце 1913-го он уехал с цирком. Никто так и не знает, что с ним стало. Он исчез навсегда.

* * *

Мы переехали с улицы Бабилон, надеясь, что теперь нам наконец-то повезет, и обосновались в Пассаже Березина, между Биржей и Бульварами. У нас было трехэтажное жилье, три комнаты, расположенные по спирали. Моя мать, прихрамывая, ковыляла вверх-вниз без передышки. Та! па! Там! Та! па! Там! Она опиралась на перила. Отца это раздражало. У него было плохое настроение, оттого что время тянулось слишком долго. Он без конца смотрел на часы… Мать со своей ногой выводила его из себя.

В самой верхней комнатушке была застекленная крыша, и поэтому были установлены решетки от воров и кошек. Это была моя комната, там же рисовал мой отец, когда возвращался с доставки. Он старательно работал над своими акварелями, а в перерывах иногда делал вид, что ушел, чтобы застать меня врасплох за занятием онанизмом. Он прятался на лестнице. Но я был хитрее. Он застал меня только один раз. И задал мне взбучку. Я пытался сопротивляться. Под конец я попросил прощения за грубость…

Чтобы отвязаться, ибо на самом деле я и не думал раскаиваться.

Он сам грубо обращался со мной. Однажды, наказав меня, он долго стоял у окна и смотрел на звезды, луну и темноту над ними. Это был его капитанский мостик. Я-то это знал. Он воображал себя командующим Атлантики.

Если мать прерывала его занятия и звала спуститься, он снова выходил из себя. Они сцеплялись в темноте, в тесной клетушке между верхней и нижней комнатами. Повсюду разносились звуки ударов и ругань. Та! ра! рам! Та! ра! рам! Вспыхивая от обиды, она снова спускалась в подвал пересчитывать товар. «Когда же наконец меня оставят в покое? Проклятый бордель! Чем я прогневил Небеса?..» Весь дом сотрясался от его надрывного крика. Потом он отправлялся в тесную кухню и наливал себе красного. Больше не произносилось ни звука. Он снова обретал спокойствие.

Днем я оставался с Бабушкой, она понемногу учила меня читать. Хотя сама толком не умела, ибо научилась слишком поздно, когда у нее уже были дети. Я не могу сказать, что она была нежной или ласковой, но много не говорила, и это уже было огромным облегчением, и потом, она

никогда меня не била!.. Она ненавидела моего отца. Просто не могла его выносить, с его образованностью, его претензиями, его бешенством из-за лапши, со всем его дерьмовым выпендрежем. Свою дочь она тоже считала идиоткой, потому что та вышла замуж за такое убожество из страховой компании с семьюдесятью франками в месяц. О сопляке, каким я был, она еще не составила окончательного мнения, она только наблюдала за мной. Это была женщина с характером.

В Пассаже, пока у нее хватало сил, она поддерживала нас остатками своего состояния. Мы зажигали только одну витрину, потому что лишь ее могли украсить… Там была разная дребедень, вещи, совершенно устаревшие, всякий хлам, но это было еще ничего… Мы держались только благодаря экономии… лапше и маминым серьгам, которые отправлялись в ломбард в конце каждого месяца… Мы были на волосок от полного краха.

Только заказы на починку приносили нам небольшой доход. Их искали везде, где только можно. Ради сорока су район парка Сен-Мор проходили вдоль и поперек.

«Нахальство — второе счастье», — шутливо замечала моя мать. Ее спасал оптимизм. А за-

держки мадам Эронд уже не лезли ни в какие ворота. Каждый раз ожидание перерастало в драму, все стонали. С пяти часов вечера, когда мой отец приходил из конторы, его уже трясло от нетерпения, и он не выпускал свои часы из рук.

«Я повторяю еще раз, Клеманс, сотый… Если эта женщина позволяет себя обворовывать, что мы можем сделать?.. Ее муж разбазаривает все!.. Он не вылезает из борделя, я это точно знаю!.. Это же очевидно!..»

Он поднимался на третий этаж. Там опять вопил. Потом снова возвращался в лавку. Наша хибара превращалась в настоящий аккордеон. Она сотрясалась сверху донизу.

Я поджидал мадам Эронд на улице Пирамид. Если я не видел ее с огромным пакетом, который был больше, чем она сама, я возвращался домой несолоно хлебавши. Потом снова убегал. Наконец, уже отчаявшись, я случайно натыкался на нее на улице Терез, где она задыхалась в людском водовороте, сгибаясь под тяжестью свертка. Я тащил ее за собой до Пассажа, она падала на стул, едва войдя в лавку. Моя мать благодарила Небо. Мой отец не хотел присутствовать при этой сцене, навязчивые мысли снова овладевали им. Он готовился к новому скандалу и к Концу

Света, который не заставит себя ждать… Он репетировал…

* * *

Мы с матерью отправились к Пинезам. Мы собирались предложить им набор гипюра — подарок к свадьбе.

Они жили во дворце, напротив моста Сольферино. Я помню, что меня больше всего поразило в первый момент… Китайские вазы, такие огромные, что в них можно было спрятаться. Они стояли всюду. Это были очень богатые люди. Нас пригласили в салон. Очаровательная мадам Пинез и ее муж были уже там… они нас ждали. Они всегда принимали нас очень любезно. Моя мать сразу же раскладывает перед ними весь товар… на ковре. Для удобства она становится на колени. Она заливается соловьем, она уже осмелела. Те тянут, не могут решиться, кривят губы и шепчутся.

Мадам Пинез в пеньюаре с лентами разлеглась на диване. А он прохаживается позади меня, дружески похлопывая по плечу и слегка его сжимая… Моя мать старается изо всех сил, достает тряпки и трясет ими… От напряжения прическа у нее разваливается, по лицу течет пот. На нее

страшно смотреть. Она задыхается! Волнуется, подтягивает чулки, ее прическа в полном беспорядке, волосы падают на глаза.

Подходит мадам Пинез. Они с мужем развлекаются тем, что дразнят меня. Моя мать говорит без умолку. Но все ее старания безрезультатны. Я рассматриваю свои штаны… Внезапно я заметил, как Пинезиха стащила носовой платок. И засунула его себе между сисек. «Я вас поздравляю! У вас, мадам, очень милый малыш!..» Но это для вида, им больше ничего было не надо. Мы быстро собираем свои пакеты. Пот градом течет по лицу мамы, но она все же улыбается. Она не хочет никого обижать… «Может быть, в следующий раз!.. — вежливо извиняется она. — Я огорчена, что вас ничем не удалось соблазнить!..»

Уже на улице перед портиком она шепотом спросила меня, не видел ли я, как Пинезиха засунула платочек под корсет. Я ответил, что нет.

«Твой отец не переживет этого! Это был платочек, который нам дали для продажи! Из валансьенских кружев! Он принадлежит Греге! Он не наш! Подумать только! Если бы я его отняла, мы бы потеряли этих клиентов!.. И всех их друзей!.. Был бы скандал!..»

«Клеманс, ты растрепана! Волосы лезут тебе в

глаза! Ты вся позеленела, бедняжка моя! На тебе лица нет! Ты загнешься от этой беготни!..»

Это были его первые слова, когда мы вошли.

Чтобы не терять из виду свои часы, он повесил их на кухне, как раз над лапшой. Он снова посмотрел на мою мать. «Ты бледна, как мертвец, Клеманс!» Часы, наверное, должны были напоминать, что все скоро кончится — склоки, проблемы, лапша… вся усталость и даже то, что нас ждет в будущем. Ему все надоело.

«Я что-нибудь приготовлю», — предложила она. Но он не хотел, чтобы она к чему-либо прикасалась… Когда она готовила, он начинал чувствовать еще большее отвращение ко всему. «Посмотри! У тебя грязные руки! Ты устала!» Если она, накрывая на стол, роняла тарелку, он выходил из себя и начинал драться. В нашей комнатушке было так тесно, что мы все время натыкались друг на друга. Его злоба не находила себе выхода. Стол трясся, стулья вальсировали. Начинался ужасный хаос. Они спотыкались друг о друга, осыпали друг друга ударами, наконец вспоминали о салате из лука. Наступало время душевных излияний…

«В общем, ты ничего не продала?.. Все это зря?.. Моя бедняжка!..»

Он жалел ее, испуская надоедливые вздохи. И в будущем нам не выбраться из дерьма…

Тут она и выкладывает ему все… о том, что у нас стащили платочек… и как все это произошло…

«Как?! — он не мог понять. — Ты не закричала, что они воры? Ты позволяешь себя обкрадывать?! Это же наш труд!» Казалось, что он взорвется, в такую ярость он пришел… Его куртка трещала по всем швам… «Но это ужасно!» — кричал он. Моя мать лепетала что-то вроде извинений… Но он уже не слышал. Он схватил нож и всадил его в тарелку, дно треснуло, соус из лапши растекся повсюду. «Нет! Нет! Я больше не могу!» Он бегает по комнате, заводясь все больше и больше, пытаясь опрокинуть маленький буфет в стиле Генриха III, трясет его, как сливу. Наконец хлынула лавина посуды.

Мадам Меон, корсетница из лавки напротив, подходит к окну, чтобы развлечься. Это наш злейший враг, она всегда нас ненавидела. Перукьеры, продавцы книг, чей магазин подальше, даже открывают окно. Им нет надобности стесняться. Они просто прилипают к витрине… Мама получит взбучку, это точно. Что касается меня, то я ни за кого. Я думаю, что по своему скотству они не уступают друг другу… Она бьет меня не

так сильно, но чаще. Кого бы я предпочел видеть убитым? Пожалуй, папу.

Мне не позволяют смотреть. «Поднимайся к себе, мерзавец!.. ложись! Не забудь помолиться!..»

Взревев, он стремительно нападает, взрывается, вот-вот разнесет кухню, останутся только гвозди… Все кастрюли уже разбросаны… все брызжет… растекается… звенит… Моя мать на коленях просит пощады у Неба… От сильного удара отлетает стол… и опрокидывается на нее…

«Беги, Фердинанд!» — успевает она мне крикнуть. Я прыгаю. И перебираюсь через кучу осколков и обломков… Он трясет пианино, которое заложила одна клиентка… Он уже невменяем. Забирается на него ногами, клавиатура трещит… Теперь очередь моей матери, он принимается за нее… из своей комнаты я слышу ее вопли: «Огюст! Огюст! Отпусти меня!..» А потом короткий всхлип…

Я спускаюсь на несколько ступенек, чтобы посмотреть… Он тащит ее вдоль перил. Она цепляется за него. Сжимает ему горло. Это ее спасает. Теперь уже он старается высвободиться… Опрокидывает ее. Она летит кувырком… Со ступеньки на ступеньку… Раздаются шлепающие звуки… Внизу она пытается подняться… Тогда он уходит…

Выходит из магазина на улицу… Наконец ей удается встать… Она опять идет в кухню. Волосы у нее в крови. Моется над раковиной… Плачет… Задыхается… Подметает осколки… В таких случаях он возвращается поздно… Снова воцаряется спокойствие…

* * *

Бабушка понимала, что мне нужны развлечения, что нездорово все время сидеть в лавке. Ее просто тошнило от глупостей, которые постоянно выкрикивал мой бесноватый отец. Она купила щенка, чтобы я мог немного поиграть, ожидая покупателей… Я обращался с ним, как отец со мной. Я отвешивал ему удары, когда мы оставались одни. Он забивался под шкаф и скулил. Потом приползал просить прощения. Он делал это точно так же, как я.

Но мне не доставляло удовольствия бить его, мне тогда больше нравилось его целовать. Потом я начинал его тискать. Он вырывался. Он ходил с нами везде, даже в кино на утренние сеансы по четвергам. Платила, конечно, Бабушка. Мы смотрели по три сеанса подряд. Цена была за любое место одна и та же — франк. В полной тишине, без разговоров, без музыки, без слов, только шум мотора. Потом опять сначала… Мы уставали до такой степени, что могли только спать и видеть

сны. И снова увидеть «Путешествие на Луну»[24]… Я и сейчас помню его наизусть.

Часто летом на первом сеансе мы были в зале одни. Каролина и я. В конце билетерша давала нам знак, что пора уходить. Я будил собачку и Бабушку. Потом мы пробирались сквозь толпу, Бульвары и сутолоку. Каждый раз мы опаздывали. И приходили совсем запыхавшимися.

«Тебе понравилось?» — спрашивала меня Каролина. Я ничего не отвечал, я не любил такие вопросы. «Скрытный ребенок», — говорили обо мне соседи…

Когда мы возвращались, на углу Пассажа она покупала для меня у торговки «Занимательные приключения с картинками»[25]. Она прятала их себе в штаны, под три толстые юбки. Отец не хотел, чтобы я читал всякую чушь. Он говорил,

---

[24] Примечания: 24

«Путешествие на Луну» — театр Робер-Гудэн, по имени знаменитого фокусника Гудини (1805–1871), находился в доме № 8 на Бульваре Итальянцев. В 1888 г. его купил Жорж Мелисс, который показывал там свои фильмы. «Путешествие на Луну», фильм продолжительностью в шестнадцать минут, был создан в 1902 г. Селин вспоминал об этом в 1959 г. по поводу запуска спутника «Лунник».

[25] Примечания: 25

«Занимательные приключения с картинками» — действительно с 1904 г., когда Луи Детушу было 10 лет, выходил детский журнал «Занимательные приключения с картинками». Там печаталась история, персонажи которой очень напоминали персонажей легенды о короле Крогольде.

что это сбивает меня с толку, не готовит к жизни, лучше бы я учился грамоте по серьезным произведениям.

Мне скоро должно было исполниться семь лет, и я готовился пойти в школу, не следовало сбивать меня с толку… Другие дети лавочников тоже собирались в школу, так что было уже не до шуток. Приходя с доставки, он произносил мне небольшие проповеди о сложности жизни.

Но этой болтовни все же было недостаточно.

* * *

Мой отец, предчувствуя, что я, без сомнения, буду вором, начинал выть, как тромбон. Однажды я вместе с Томом опустошил сахарницу. Этого он не мог забыть. К тому же у меня был еще один недостаток: все время грязный зад, я не вытирал его, у меня не было времени, оно и понятно, все вокруг очень спешили… Всякий раз, когда я собирался хоть как-то подтереться, я получал пощечину за опоздание… потому торопился… Оставлял дверь открытой, чтобы слышать, не идет ли кто… Я какал, как птичка, в перерыве между грозами…

Я убегал на другой этаж, чтобы спрятаться… Неделями я ходил с коркой на заднице. Я знал, что от меня пахнет, поэтому немного стеснялся людей.

«Он грязный, как стадо свиней! Он совершенно себя не уважает! Он ничего не добьется в жизни! Его выгонят с любой работы!..» Мое будущее представлялось ему ужасным…

«От него воняет!.. Он будет висеть на нашей шее!..»

Отец все усложнял, он заглядывал слишком

далеко вперед. Он подкреплял свои слова латынью: Sana… Corpore sano… Моя мать не знала, что ответить.

* * *

Поблизости от нас в Пассаже жила семья переплетчиков. Их дети никуда не выходили.

Мать их была баронесса де Караваль. Она боялась, что ее дети научатся грубым словам.

Круглый год они играли за решеткой, через которую могли высунуть только носы и руки. Лица их были цвета цикория.

Раз в год мадам Караваль уезжала в отпуск навестить своих кузенов в Перигор. Она всем рассказывала, что родители встречали ее на вокзале в собственном экипаже, запряженном четырьмя великолепными лошадьми. Они ехали по своим бесконечным владениям… На аллею, ведущую к замку, сбегались крестьяне и становились на колени на всем пути следования кареты… Так она рассказывала.

Однажды она взяла с собой своих мальчиков. Вернулась она одна, зимой, гораздо позже, чем обычно. В глубоком трауре. Ее лица не было видно за вуалью. Ничего не объясняя, она поднялась наверх и легла. Больше она ни с кем не разговаривала.

Для мальчиков, которые никогда не выходили, переход из одного состояния в другое оказался слишком резким. Они умерли от свежего воздуха!.. Эта трагедия заставила всех задуматься. От улицы Терез до площади Гайон говорили только о кислороде… Так продолжалось больше месяца…

* * *

Что касается нас, то мы могли часто выезжать за город. Дяде Эдуарду, маминому брату, очень хотелось доставить нам удовольствие. Он предлагал ездить на прогулки. Папа никогда не принимал подобных приглашений. Он всегда находил предлог, чтобы отказаться. Он не хотел быть обязанным никому, это был его принцип.

Дядя Эдуард был очень современным и хорошо разбирался в технике. Он был ловок и своими руками мог делать все что угодно. У него не было лишних денег, и он не собирался нам навязываться, но без него любая поездка обошлась бы нам довольно дорого… «Сто су, — говорила моя мать, — улетучиваются сразу, как только выходишь на улицу!»

Грустная история Караваль настолько взволновала Пассаж, что последствия не замедлили сказаться. Вдруг оказалось, что все вокруг «бледненькие». В лавках и магазинах друг другу давали советы… Теперь думали только о микробах и эпидемиях. Дети ощутили, как возросла родительская забота. В них пытались влить бутылки,

целые цистерны рыбьего жира. Откровенно говоря, это ничего не давало… И вызывало только рвоту. Они все зеленели — на воздух они не выходили, и рыбий жир отбивал у них всякий аппетит.

Надо сказать, что Пассаж был идеальным местом для гниения. Он был просто предназначен для того, чтобы подыхать медленно, но верно в собачьей моче, уличной грязи, дерьме и запахе газа. Здесь было более смрадно, чем в тюрьме. Солнце вставало за стеклянной крышей такое тусклое, что даже свеча казалась ярче. Все начали задыхаться. Теперь Пассаж осознавал, что он задыхается!.. Теперь говорили только о горах, долинах и прочих красотах…

Эдуард в очередной раз предложил нам прогуляться в воскресенье до Фонтенбло. Отец наконец согласился. Он приготовил нам одежду и припасы.

Первый трехколесный мотоцикл дяди Эдуарда был одноцилиндровый, приземистый, как гаубица, с полуфиакром.

В это воскресенье мы встали еще раньше, чем обычно. Мне тщательно вытерли задницу. Целый час мы ждали на улице Гайон, пока придет машина. Отправиться в такую длительную поездку

было непросто. Мы вшестером толкали мотоцикл от моста Бине. Мы заправились. Форсунка постоянно протекала. Руль прокручивался в обратную сторону… Один за другим раздавались ужасные взрывы. Пробовали заводить, то резко, то плавно… После трех попыток… или шести… Раздается сильный взрыв!.. Мотор начинает работать… Еще раза два или три он загорался… Его тушили… Мой дядя сказал: «Садитесь, господа, садитесь! Я думаю, что он наконец разогрелся! Мы можем ехать!..»

Нужно было большое мужество, чтобы сесть туда. Вокруг собралась толпа. Мы втиснулись на сиденье. Каролина, мать и я. Мы были так завалены разными вещами, что я мог двигать только языком. Перед отъездом мне отвесили хорошую оплеуху, давая понять, что мне далеко не все позволено.

Машина сперва встала на дыбы, потом рухнула на три колеса… Дернулась два-три раза… Ужасный треск и чиханье… Толпа в испуге отхлынула. Казалось, что все кончено… Но колымага, вся сотрясаясь, поехала по улице Реомюр… Мой отец взял напрокат велосипед. На каждом подъеме он подталкивал нас… Малейшая остановка могла оказаться роковой… Нас, в сущности, все время

нужно было подталкивать… У сквера Тампль сделали остановку.

Потом опять рванули с места. Всю дорогу дядя лил масло во все дыры. Наша машина напоминала пассажирское судно. В переднем отсеке намечался аврал. Моей матери уже было плохо. Но если остановить машину, мотор может больше не завестись… Он заглохнет, и мы пропали!.. Моя мать держится героически. Дядя, в своем шлеме, сидя за рулем в самом аду, окруженный множеством язычков пламени, умоляет нас держаться крепче!.. Отец едет за нами по пятам. Он жмет на педали и готов прийти к нам на помощь. Он подбирает все, что отваливается по дороге: части двигателя и болты, маленькие винтики и большие детали. Даже за треском мотора слышно, как он ругается и все проклинает.

И все это из-за мостовых… На мостовых в Клиньянкуре[26] нас подбрасывает выше деревьев… У переезда Ванв[27] наши передние рессоры полетели… Мы растеряли все фары и клаксоны в придорожных канавах Вилетт… Ближе к Пик-

---

[26] Примечания: 26
Клиньянкур, Ванв — ближайший парижский пригород.

[27] Примечания: 27
Ванв — парижский пригород.

пю[28] и Большой дороге мы потеряли столько всего, что отец сбился со счета…

Я слышал, как он ругается сзади: «Это будет конец света!.. Если нас в дороге застанет ночь!»

Том бежит впереди нас и оставляет везде следы из дырки под хвостом. Ему удавалось пописать везде. Дядя Эдуард был просто гением в механике. К концу поездки он держал все в своих руках. Его пальцы были… как инструменты, в промежутках между толчками он жонглировал стержнями и запросто исправлял поломки, он касался поршней, как клапанов кларнета. Только потом все детали опять начинали сыпаться на дорогу… Машина кренилась, вихляла и ползла в сторону кювета. Все трещало, брызгало, фыркало и грозило развалиться.

Все это происходило под аккомпанемент воплей моего отца… Машина издала последний хрип: «Буаа!» И все было кончено! Эта дрянь успокоилась!

Воздух был отравлен отвратительным зловонием отработанной смазки. Все выбрались из катафалка… И вместе толкали его до Аньер, там был гараж. Мой отец работал своими мощ-

---

[28] Примечания: 28

Пикпю — бывшая деревня, ныне один из кварталов Парижа в 12-м округе.

ными икрами в шерстяных чулках… Местные дамы любовались им. Моя мать была горда… Для охлаждения мотора у нас имелось маленькое пластмассовое ведерко. Мы пошли к фонтану. Наша трехколесная машина была настоящим чудом. Пока мы ее толкали, мы изорвали себе одежду в клочья: отовсюду торчали разные крючки и острые концы…

У шлагбаума дядя и отец зашли в бистро выпить пива. Я и дамы упали на скамейку перед бистро и, откашливаясь, дожидались лимонада. Все были измучены. Над нашей семьей опять нависла гроза. Огюсту нужна была разрядка, он долго искал какой-нибудь предлог. Сопел и принюхивался, как бульдог. Лучше всего подходил я. Другие могли бы ответить… Он выпил стакан перно, что было против его правил, скорее, это можно было назвать причудой… За то, что я разорвал брюки, меня ожидает большое наказание. Мой дядя пытается вступиться, это злит отца еще больше.

Перед возвращением из деревни я получаю несколько сильных оплеух. На переездах всегда бывает много народу. Я нарочно заревел изо всех сил, чтобы его разозлить. Я старался привлечь всеобщее внимание, упал и катался под столика-

ми. Он был ужасно смущен, весь покраснел. Он не выносил, когда все на него смотрели. Чтоб он сдох! Мы уехали на своем драндулете, трусливо пригнувшись.

Всякий раз, когда мы возвращались с прогулки, было столько шума и скандалов, что дядя в конце концов отказался от своей затеи.

Все говорили: «Мальчику, несомненно, полезен свежий воздух!.. Но автомобиль плохо на него действует!..»

* * *

Не передать, какой сволочью была мадам Меон из лавки напротив. Она цеплялась к нам по малейшему поводу, сплетничала, к тому же была завистлива. Но у нее хорошо продавались корсеты. За сорок лет у старухи сложилась постоянная клиентура из мамаш и их дочек. Причем таких, что далеко не всякому согласились бы показывать свою грудь.

Это Том подлил масла в огонь, и все из-за своей привычки гадить у витрин. Правда, он был не одинок. В нашей округе все собаки делали то же самое. Пассаж был местом их прогулок.

Меонша явилась специально, чтобы спровоцировать мою мать на скандал. Она орала, что наш паршивый пес загадил ей всю витрину… Слова разносились из магазина до самой стеклянной крыши. Прохожие слушали с интересом.

Этот спор оказался роковым. Бабушка, всегда сдержанная, ответила ей довольно резко.

Когда отец вернулся из конторы и все узнал, он впал в такую бешеную ярость, что страшно было смотреть! Он так ужасно таращил глаза на вит-

рину этой почтенной дамы, что мы опасались, как бы он ее не задушил. Мы удерживали его, повиснув на его пальто… Он вдруг стал сильным, как трехколесная машина. Волочил нас за собой по лавке… Вопил, что сейчас растерзает в клочья эту проклятую корсетницу… «Мне не надо было тебе этого рассказывать!..» — лепетала мать. Но зло было уже сделано.

* * *

В течение последующих недель меня оставили в покое. Отец был поглощен другим. Как только у него выдавалась свободная минута, он начинал пялить глаза на Меоншу. Она занималась тем же. Они следили друг за другом из-за занавесок. Вернувшись из конторы, он обдумывал, что она теперь может сделать. Все происходило визави… Когда она находилась в кухне на первом этаже, он тоже забивался в угол нашей кухни. Он изрыгал ужасные проклятия…

«И как только эта старая сволочь не отравится!.. Не обожрется грибами и не проглотит свою вставную челюсть!.. Да и толченое стекло она, наверное, не любит!.. Ах, падаль!..» Он наблюдал за ней постоянно. Его больше не интересовали мои дурные наклонности… В некотором смысле это было даже удобно.

Другие соседи старались избегать лишнего шума. Собаки гадили всюду, и на их витрины тоже, не только на витрину Меонши. Напрасно они окуривали все серой, Пассаж Березина оставался своеобразной сточной канавой. Желание

помочиться привлекало сюда всех. На нас мог мочиться каждый, кто хотел, даже взрослые, особенно когда на улице шел дождь. Сюда заходили специально для этого. А в небольшую канавку на улице Приморгей даже срали. Жаловаться было некому. Часто это делали наши покупатели, с собаками и без них. Наконец, моему отцу стало недостаточно одной Меонши, и он стал цепляться к Бабушке.

— Посмотрите на эту старую сволочь с ее грязным кобелем, я знаю, что она задумала!.. Ты не понимаешь!.. Она хитрая!.. Лживая! Она ее соучастница! Точно! Они хотят мне все испортить!.. И уже давно! Ах вы, две суки!.. Зачем? Ты меня еще спрашиваешь? Чтобы вывести меня из себя! Вот! Вот зачем!..

— Да нет, Огюст, я тебя уверяю!.. Ты выдумываешь! Ты преувеличиваешь каждую мелочь!..

— Я выдумываю? Может, еще скажешь, что я вру?.. Оставь! Это ты выдумываешь! Ах! Клеманс! Ты неисправима! Жизнь ничему тебя не научила!.. Нас преследуют! Нас попирают! Над нами издеваются! Меня бесчестят! А ты что говоришь? Что я преувеличиваю?.. Дальше просто некуда!

И вдруг он разрыдался… Пришла и его очередь.

* * *

В Пассаже не одни мы продавали круглые и овальные столики и маленькие обитые репсом стулья времен Людовика XVI. Наши конкуренты заняли сторону Меонши. Этого и следовало ожидать. Отец потерял сон. Ему казалось ужасным, что каждое утро, перед тем как отправиться в контору, он должен был чистить двор и все канавы перед нашей лавкой.

Он выходил с ведром, метлой, мешком и маленькой лопаткой, предназначенной, чтобы собирать фекалии и бросать их в опилки. Для такого образованного человека это было большим унижением. Фекалий становилось с каждым днем все больше и больше, и именно перед нашим домом. Это было похоже на заговор.

Меонша скалила зубы из своего окна первого этажа, глядя, как отец сражается с говном. Весь день она ходила веселая. Прибегали соседи, чтобы сосчитать кучи дерьма.

Заключались пари, что он не сможет убрать все.

Он торопился, ему нужно было еще надеть

воротничок и галстук. Он должен был поспеть в «Коксинель» раньше других, чтобы разобрать почту.

Барон Мефэз, директор, мог положиться только на него.

* * *

Именно тогда в семье Кортилен произошла трагедия. Любовная драма в 147-м в Пассаже. Об этом восемь дней писали во всех газетах. Огромная толпа зевак галдела перед их лавкой.

Я часто видел мадам Кортилен, потому что мама продавала ей ирландские корсажи с гипюровыми вставками. Я хорошо помню ее длинные ресницы, исполненные нежности взгляды и то, как она строила глазки даже мне. Я часто дрочил на нее.

Во время примерки обнажаются плечи, грудь… Как только она уходила, я бросался в уборную на третий этаж, чтобы снять возбуждение. Я спускался вниз с кругами под глазами.

У них тоже часто бывали сцены, но в основном из-за ревности. Ее муж не разрешал ей никуда отлучаться. Он ходил все время один. Это был маленький вспыльчивый брюнет, офицер в отставке. Он торговал резиновыми изделиями в 147-м. Дренажи, инструменты, разная мелочь…

В Пассаже все говорили, что она слишком красива для такой лавки…

Однажды ревнивец внезапно вернулся. Он обнаружил, что его красотка беседует на первом этаже с двумя господами, этого оказалось достаточно, чтобы он выхватил револьвер и выстрелил сперва в нее, а потом себе в рот.

Они умерли в объятиях друг друга.

Он отсутствовал всего пятнадцать минут.

* * *

Револьвер моего отца представлял собой модель устаревшего образца и хранился в ночном столике. Он привез этот огромный револьвер из армии.

Драма Кортилен могла дать моему отцу лишний повод для еще больших истерик и ругани. Но он, напротив, замкнулся. Он больше почти не говорил с нами.

Перед нашей дверью и в канаве фекалий было в избытке. Мимо ходило столько народу, что они спрессовывались. Он все чистил. Он не говорил больше ни слова. Это так не походило на его обычное поведение, что мама стала следить за ним, когда он запирался в комнате. Он оставался там часами, пренебрегая доставкой. Он больше не рисовал. Она подсматривала за ним в замочную скважину. Он брал свою пушку в руки, крутил барабан, раздавалось «щелк! щелк!..» Можно было подумать, что он тренируется.

Однажды он куда-то ушел и вернулся с целой коробкой патронов, открыл ее перед нами, чтобы мы хорошенько рассмотрели. Он не сказал ни

слова, поставил ее на стол рядом с лапшой. Моя мать бросилась перед ним на колени и умоляла его выбросить все это на помойку. Но он уперся. Ничего не отвечал. Грубо ее оттолкнул. Один выпил целый литр красного вина. Он не хотел есть. Моя мать так приставала к нему, что он затолкал ее в стенной шкаф. Сам он залез в погреб. И закрыл за собой люк.

Слышно было, как он стреляет: «Бах! Бах! Бах!..» Он вошел в раж, раздавался треск, бухало сильное эхо. Должно быть, он стрелял в пустые бочки. Моя мать надрывалась, кричала через щель…

— Огюст! Огюст! Я тебя прошу! Подумай о малыше! Подумай обо мне! Фердинанд, позови своего отца!..

— Папа! Папа! — вопил я в свою очередь…

Я ломал голову: кого же он собирается убить? Меоншу? Бабушку Каролину? Обеих, как Кортилен? Но их же нужно было еще подкараулить вдвоем.

Бах! Бах! Бах!.. Он не прекращал стрельбу… Сбежались соседи… Они думали, что здесь произошло убийство…

Наконец у него кончились патроны. Он поднялся… Когда он открыл люк, он был бледен как смерть. Его окружили, взяли под руки, усадили в

кресло времен Людовика XIV в центре магазина. С ним говорили очень ласково. Револьвер еще дымился у него в руке.

Мадам Меон наложила в штаны от страха, услышав эту пальбу… Она прибежала, чтобы посмотреть. Тогда при всех моя мать высказала ей все, что она о ней думает. Удивительно, как она решилась.

— Входите! Посмотрите! Посмотрите, мадам! До какого состояния вы его довели! Честного человека! Отца семейства! У вас нет совести! Ах! Вы низкая женщина!..

Меонша ничего не ответила. Она быстро вернулась к себе. Соседи смотрели на нее осуждающе. Они поддерживали отца. «Мне все надоело!» — пробормотал он тихо. Месье Визьо, торговец трубками, семь лет служивший на флоте, увещевал его.

Моя мать завернула оружие в газету, а потом в индийскую шаль.

Отец лег. Она поставила ему банки. Его трясло еще часа два…

«Пойдем, малыш!.. Пойдем!..» — позвала она меня, когда мы остались одни.

Было уже темно, когда мы добежали по улице Пирамид до Королевского моста… глянули напра-

во, налево, нет ли кого. И бросили пакет в воду.

Назад мы вернулись еще быстрее. Отцу сказали, что провожали Каролину.

На следующее утро он был весь разбит… не мог даже выпрямиться. Еще по крайней мере неделю мама убирала двор сама.

* * *

Бабушка очень не доверяла всевозможным затеям с Выставками[29]. Одна из них, в 1882 году, только повредила мелкой торговле, ибо вынудила всяких идиотов тратить деньги на пустяки. От этой шумихи, волнений и суматохи осталось только две или три больших площадки, так заваленных строительным мусором, что и через двадцать лет никто не хотел его убирать… Не говоря уже о двух эпидемиях, которые ирокезы, дикари, черные, желтые и коричневые завезли из своих стран.

Новая Выставка наверняка будет еще хуже. Не обойдется без холеры. Бабушка была уверена в этом.

Покупатели уже стали экономить, они припасали карманные деньги, отговаривались и кривлялись, ждали, когда «начнется»! Грязная

[29] Примечания: 29

Универсальные Парижские выставки состоялись соответственно в 1855 г. (Дворец Индустрии), в 1867 г. (Марсово Поле), в 1878 г. (Марсово Поле и Трокадеро, постройка Дворца Трокадеро), в 1889 г. (Марсово Поле и Трокадеро, постройка Эйфелевой башни и галереи Машин) и в 1900 г. (постройка Гран-Пале и Пти-Пале). В 1882 г. никакой выставки не было — Селин путает даты.

банда отвратительных крикунов. Мамины серьги уже не покидали ломбард.

— Если бы нужно было заставить крестьян уйти из деревни, им предложили бы бал в Трокадеро!.. Там хватит места для всех! Они не остановились бы перед тем, чтобы ради этого полностью разрушить город и перекрыть Сену!.. Но подобная авантюра не стоит таких затрат! Нет!

Вот какие доводы приводила Бабушка Каролина. Как только она ушла, отец сразу начал ломать себе голову и гадать, что она хотела сказать этими горькими словами…

Он обнаружил скрытый смысл… личные намеки… Что-то вроде угрозы… Он сразу решил защищаться…

— Я запрещаю рассказывать ей о моих делах!.. Выставка? Клеманс, знаешь, что я тебе скажу? Это предлог! Чего добивается твоя мать? Хочешь знать? Я это почувствовал с самого начала. Нашего развода!.. Вот!..

Потом он указал на меня, я сидел в углу, неблагодарный! Маленький скрытный иждивенец… Ради которого стольким жертвовали… Я… с дерьмом на заднице… Мои фурункулы… и огромное количество обуви, которая мне нужна… Я был здесь!.. Все это касалось меня, я всегда был козлом

отпущения…

— Ах! Господи Боже мой! Если бы только его не было! Ах! Какой кошмар? Ну и ну! Уфф! Ах! Я уверяю тебя, что это нужно было сделать уже давно!.. Очень давно! Ни секунды более! Ты слышишь? Сейчас же! Черт побери! Если бы не было этого сопливого дерьма! Она бы не лезла к нам! Я-то знаю! Развод! Ах! Развод!..

Он корчился в судорогах. Становился похожим на дьявола, совсем как в кино, и к тому же ругался…

— Ах! проклятый сволочной бордель! Свобода! Ах! Самоотверженность? Да! Отречение? Да! Лишения? Ах! Ах! Все! Все! Все! Все и всегда только ради этого дерьмового выродка! Ах! Ах! Свобода! Свобода… — Он исчезал за кулисами. Бил себя в грудь, и глухие звуки раздавались все громче.

При одном слове «развод» моя мать начинала биться в конвульсиях…

— Но я делаю все что могу, Огюст! Ты же прекрасно знаешь! Я разрываюсь на части! На десять частей! Ты же видишь! Все будет хорошо! Я клянусь тебе! Я тебя умоляю! Когда-нибудь мы будем счастливы втроем!..

— Я тоже делаю все что могу! Хо! Ах! — отвечал он надменно. — Сколько можно!

Она целиком предавалась своему горю, это уже напоминало потоп.

— Он будет порядочным человеком! Увидишь! Клянусь тебе, Огюст! Не нервничай! Позже он все поймет!.. Он тоже будет делать все что сможет… Он будет, как мы! Он будет таким, как ты! Увидишь! Он будет, как мы!.. Да, малыш?..

* * *

Мы снова отправились на доставку. Мы видели, как на углу площади Конкорд сооружают огромные монументальные ворота. Они были так изящно и искусно сделаны, все в разных завитках и безделушках снизу доверху, что напоминали гору в подвенечном платье. Каждый раз, когда мы проходили мимо, мы видели, как мастерят что-то новое.

Наконец леса сняли. Все было готово к приему посетителей… Сначала мой отец старался не обращать внимания на эти сооружения, но однажды в субботу все же отправился туда один…

Ко всеобщему удивлению он был в восторге… Счастливый, довольный, как ребенок, который увидел Фею…

Все соседи из Пассажа, конечно кроме Меонши, прибежали послушать его. Было уже десять часов вечера, а он все очаровывал их своими россказнями. Меньше чем за час отец все успел рассмотреть, все посетить, все изучить и даже больше, чем изучить, — все, от павильона с гор-

ными змеями до Галереи Машин[30] и Северного полюса с каннибалами…

Визьо, который, будучи в свое время марсовым, путешествовал гораздо больше отца, заявил, что это восхитительно. Он никогда бы не подумал!.. Ведь он кое-что в этом понимает. Мой дядя Рудольф, с самого начала изображавший на аттракционах трубадура, присутствовал здесь не как иллюстрация рассказа. Он просто находился в лавке вместе с другими, наряженный в лохмотья, хихикал без причины, делал птичек из бумаги и ждал ужина.

Мадам Меон в своем окне была очень обеспокоена тем, что все соседи собрались у нас. Она подозревала, что готовится заговор. Бабушке возбуждение отца внушало отвращение. Она не приходила к нам восемь дней. Каждый вечер он начинал свой рассказ, и все с новыми подробностями. Рудольф получил бесплатные билеты, и в воскресенье мы все втроем устремились в эту толчею.

На площади Конкорд толпа буквально втянула нас внутрь. Не успев прийти в себя, мы очутились в Галерее Машин, происходящее напоминало

---

[30] Примечания: 30
Галереи Машин.

стихийное бедствие в прозрачном соборе, сделанном из стекла. Здесь стоял такой шум, что моего отца уже не было слышно, но он все же продолжал надрываться. Пар вырывался изо всех отверстий. Там были чудесные кастрюли высотой в три дома, сверкающие рычаги, проникающие, казалось, в самый ад… Под конец мы дрогнули, не выдержали и вышли… Мы пошли посмотреть большое Колесо… Но все-таки на берегу Сены было лучше.

Площадь была украшена просто потрясающе… Два ряда огромных пирогов, фантастические пирожные с кремом, забитые балконы, пляски цыган, закутанных в яркие ткани, при свете маленьких лампочек, горевших, хоть и был день. Расточительность. Бабушка была права. Мы пошли дальше, стиснутые со всех сторон. Я находился на уровне ног, было столько пыли, что я не видел, куда иду. Я глотал ее и выплевывал что-то вроде цемента… Наконец мы дошли до «Северного полюса»… Приветливо улыбающийся путешественник, закутанный в меха, что-то рассказывал, но так тихо, как будто по секрету, почти ничего не было слышно. Отец сразу ввел нас в курс дела. Наступило время кормления тюленей… Они так сильно верещали, что выдер-

жать было невозможно. Мы опять ушли.

В большом Лимонадном дворце мы издалека увидели на красивом движущемся прилавке прекрасный бесплатный оранжад… Но нас от него отделяла целая толпа… Возбужденные люди стремились добраться до стаканов. Жажда безжалостна. От нас вообще ничего не осталось бы, решись мы туда полезть. Мы ретировались через другой выход… И пошли к туземцам…

Мы увидели только одного за решеткой, он варил себе яйцо. Он не смотрел на нас, поворачиваясь к нам спиной. Здесь было тихо, и мой отец снова принялся с воодушевлением разглагольствовать, ему хотелось посвятить нас в экзотические обычаи тропических стран. Он никак не мог остановиться, негру это тоже надоело. Он ушел в свою хижину, предварительно плюнув в нашу сторону… Но я уже ничего не видел и не мог открыть рот. Я так надышался пылью, что у меня все было забито. Мы двинулись к выходу, попадая из одного водоворота в другой. Я ковылял и спотыкался до самого Собора Инвалидов. Нас едва можно было узнать, до такой степени мы были измяты, задерганы, измучены усталостью и волнениями. Мы пошли самой короткой дорогой… К рынку Сент-Оноре. Дома мы первым

делом выпили на кухне всю воду.

Сразу же пришли соседи: Визьо, наш марсовый, торговец парфюмерией из 27-го, перчаточница мадам Грата, Дориваль, кондитер, месье Перукьер, им не терпелось узнать новости, послушать наши рассказы… Обо всем… Везде ли мы были?.. Не потерялся ли я?.. Сколько потратили?.. У каждого турникета?..

Папа рассказывал все с тысячей подробностей… самых точных… и незначительных… Моя мать была довольна, она чувствовала себя вознагражденной… В кои-то веки Огюста все уважают… Она гордилась им… Он выпятил грудь. Его все слушают… Она понимала, конечно, что это вранье… Но в этом и заключается образованность… Она страдала не зря… Она доверяла ему свою судьбу… Он умен… Сейчас это особенно заметно. Остальные придурки слушали, раскрыв рты… От восхищения.

Отец рисовал перед ними картину за картиной так же легко, как дышал… в нашей лавке появилось что-то волшебное… Газ потух. Он один развертывал перед нами представление в тысячу раз более удивительное, чем четыре дюжины Выставок… Его не устраивало газовое освещение!.. Только свечи!.. Наши знакомые, владевшие

пунктом проката, принесли свечи, найденные на антресолях. К нам стали захаживать каждый вечер, чтобы послушать отца, и все просили рассказывать и рассказывать…

Его авторитет ужасно возрос… Никто никогда не слышал ничего подобного. А Меонша под конец заболела… противоречивые чувства переполняли ее… Ей передавали все, каждое слово…

Примерно на пятнадцатый вечер она не выдержала… Она вышла совсем одна и прошла через Пассаж… Ее можно было принять за привидение… В ночной рубашке. Она постучала в нашу витрину. Все обернулись. Она не сказала ни слова. И приклеила бумагу, на которой было написано коротко большими печатными буквами: «ВРАЛЬ»…

Все рассмеялись. Очарование было разрушено… Все разошлись по домам… Отцу больше было нечего сказать…

* * *

Гордостью нашей лавки был круглый столик на одной ножке времен Людовика XV, он стоял посередине, единственная вещь, в подлинности которой мы были уверены. К нему часто приценивались, но мы не спешили его продавать. Нам нечем было бы его заменить.

Бретонте, наши знакомые клиенты из Фобур, приметили его уже давно… Они попросили одолжить его для театральной постановки, они ставили в своем особняке комедию вместе с другими представителями высшего общества. Они дружили с Пинезами, и с Курманшами, и с Доранжами, у которых были совершенно косоглазые дочери, и со многими другими, кого так или иначе тоже можно было считать нашими клиентами… Жирондэ, Камадур и де Ламбист, родственники послов… Сливки общества!.. Все это должно было состояться в воскресенье. Мадам Бретонте была уверена, что их постановка будет иметь большой успех.

Она раз десять приходила к нам в магазин и приставала… Мы не могли ей отказать, к тому же

это было с благотворительной целью.

Чтобы с нашим столиком ничего не случилось, мы сами отвезли его утром на фиакре, завернув в три одеяла. Мы пришли точно в назначенное время, чтобы занять три места, три табуретки, рядом с выходом.

Занавес еще не подняли, но все было восхитительно, дамы в роскошных туалетах шушукались и обмахивались веерами. От них исходили одуряющие запахи… Моя мать узнавала на них все достопримечательности своего магазина. Болеро, кружевные брыжи, из коллекции «Шантильи». Она даже помнила, что сколько стоило. Она восхищалась фасонами… Как эти кружева им к лицу!.. Как все это им идет!.. Она сияла.

Перед тем как выйти из лавки, меня предупредили, что, если я буду распространять вонь, меня скрутят прямо во время спектакля. Я подтерся так основательно, что все возможные источники запахов были перекрыты. Даже мои ноги в тесных башмаках «модного» фасона были вымыты…

Наконец все расселись. Нас призвали к тишине. Занавес поднялся… Появился наш столик… на самой середине сцены… совсем как у нас в лавке… Это нас успокоило… Удар по клавишам пианино… и звучат первые реплики… Ах! какие

изысканные интонации!.. Все персонажи уходят, приходят и прохаживаются в ярком свете… Какие они замечательные… Они спорят… Ругаются… Приходят в ярость… Но становятся все обворожительнее… Я полностью очарован… Я хотел бы, чтобы они повторили все сначала… Я не все понимаю… Но я покорен душой и телом… Все, к чему они прикасаются… Их малейшие жесты… самые обычные слова околдовывают меня… Все вокруг стали аплодировать, мы с родителями не осмеливаемся…

На сцене я узнаю мадам Пинез, она просто божественна, я и сейчас вижу ее бедра, трепетание грудей… Она грустит в своем воздушном пеньюаре… на диване, обитом шелком… Она измучена, рыдает… Она страдает из-за Доранжа, другого нашего клиента… Он разносит ее в пух и прах, она уже не знает, куда деваться… Но он, коварный, чтобы сорвать поцелуй, заходит сзади, пользуясь тем, что она плачет, облокотившись на наш столик, ибо душа ее растоптана. А затем еще тысячи ласк… Для меня это в диковинку… Тогда она признает себя побежденной… грациозно откидывается на канапе… Он целует ее взасос… Она теряет сознание… испускает дух… Вот это работа!.. Он вертит задом…

Меня захватывает пьеса… изысканная вежливость… сочная глубокая мелодия… Сколько поводов подрочить!..

Следует отметить, что наш столик очень все украшает!.. Все! Он облагораживает руки, локти, животы, прикасающиеся к нему… Пинезиха прижалась к нему так сильно, что даже на расстоянии было слышно, как он затрещал, но самым ужасным был момент, когда красавец Доранж в самую трагическую минуту захотел сесть на него… У мамы кровь застыла в жилах… К счастью, он тотчас же вскочил… почти сразу… В антракте она беспокоилась, не вздумается ли ему это повторить… Мой отец понимал все в этой пьесе… Но он был слишком взволнован, чтобы об этом говорить…

На меня это тоже произвело впечатление. Я даже не притронулся к напиткам и печенью, которые предлагали в антракте… Это у аристократов такая привычка — смешивать жратву с возвышенными чувствами… Этим обезьянам все равно! Только бы жевать… Они никогда не прерывают это занятие. Они способны проглотить за один присест розу и дерьмо…

Снова начался спектакль… Второй акт прошел как сон… Потом чудо закончилось… Мы опять

очутились среди совершенно обычных людей и вещей. Мы втроем оставались на своих табуретках, не решаясь пошевелиться… Мы терпеливо ждали, пока разойдется толпа, чтобы забрать наш столик… Потом подошла какая-то дама и попросила нас подождать еще немножко… Мы согласились… Мы увидели, как занавес снова поднимается… Мы узнали всех недавних актеров, они сидели вокруг нашего столика. И играли в карты. Пинез, Колуманш, Бретонте, Доранж и старый банкир Круан… Они сидели лицом друг к другу.

Круан был забавный старичок, он часто заходил к моей Бабушке на улицу Монторгей, он всегда был очень любезен, душился фиалкой, от него разило на всю лавку. Единственное, что его интересовало, это шнурки от колокольчиков стиля ампир, он их коллекционировал.

Партия за столиком началась весьма благопристойно. Все очень любезно обменивались картами, а потом немного разозлились и стали разговаривать чуть суше, совсем как в театре… Они беседовали как будто понарошку. Называли цифры. Карты хлопали, как затрещины. Дочери Доранж за спиной своего отца ужасно косили. Матери, жены — каждая болела за своего. Они

скорчились на стульях у стены, затаив дыхание. Игроки поменялись местами. На столике скапливались деньги… Груда увеличивалась… Старый Круан обеими руками вцепился в столешницу… Куча перед Пинезами все увеличивалась, раздувалась… как живое существо… От этого они даже побагровели… Бретонте напротив… Они проигрывали… Были совсем бледные… перед ними не оставалось больше ни одного су… Мой отец тоже побледнел. Я спрашивал себя, что он сейчас предпримет! Мы уже по меньшей мере два часа ждали, когда это кончится… Они совсем забыли про нас…

Вдруг Бретонте выпрямились… Они предлагали новую ставку… Свой замок в Нормандии! Они во всеуслышание заявили об этом… На три карточных тура!.. Выиграл маленький Круан… Но нельзя сказать, что у него был очень довольный вид… Отец семейства Бретонте встал снова… Он прошептал: «Я ставлю особняк!.. Особняк, в котором мы находимся!..»

Мою мать как будто громом поразило… Она подпрыгнула, как пружина… Отец не успел ее удержать…

Прихрамывая, она взобралась на сцену… Очень взволнованным голосом она сказала азартным

игрокам: «Месье, медам, нам с мальчиком нужно уходить… Ему уже пора спать… Мы забираем наш столик…» Никто не стал возражать. Они просто потеряли голову… И смотрели перед собой пустыми глазами… Мы взяли наш столик… И стремительно унесли его… Мы боялись, что о нас вспомнят…

Дойдя до моста Сольферино, мы ненадолго остановились… Чтобы передохнуть…

Много лет спустя отец пересказывал все это… с неподражаемой мимикой… Моя мать плохо переносила этот рассказ… Он напоминал ей о слишком сильных волнениях… Отец показывал очень точно место на самой середине столика, откуда, как мы видели, улетучивались миллионы и миллионы, честь семейства и замки.

* * *

Бабушка Каролина потихоньку учила меня. Все же наконец я научился считать до ста и даже стал читать лучше, чем она. Мы уже дошли до таблицы умножения. Это было перед поступлением в школу.

Выбрали начальную школу на улице Женер, в двух шагах от нас, сразу за перекрестком Франк-Буржуа.

Пройдя по длинному коридору, мы попадали в класс. Окна его смотрели на маленький дворик, огороженный такой высокой стеной, что неба не было видно. Двор огородили черной жестью, чтобы мы не глазели на улицу. Мы должны были заниматься только домашними заданиями и не беспокоить преподавателя. Я с трудом узнал бы его, я помню только его очки, длинную трость и манжеты.

Восемь дней Бабушка сама водила меня туда, на девятый я заболел. В середине дня меня привела домой уборщица…

Когда я пришел в лавку, у меня началась рвота. Я чувствовал, как по моему телу проходят волны

лихорадки… разливается такой сильный жар, что мне казалось, это уже не я. Было бы даже приятно, если б меня так не выворачивало. Моя мать сперва не принимала всего всерьез, она думала, что я просто объелся конфет… Но это было на меня не похоже… Она умоляла меня удерживать рвоту. В лавке было полно народу. Когда она вела меня в уборную, она боялась, что я запачкаю ей кружева. Мне становилось все хуже. Я наблевал целую раковину. Моя голова накалилась. Я не мог больше сдержать веселья… Развлечения, шалости стучали у меня в висках.

У меня всегда была большая голова, гораздо больше, чем у других детей. На меня никогда не налезали их береты. Мама вдруг вспомнила этот ужасный факт, пока меня рвало… Она начинала волноваться все больше.

«Послушай, Огюст, а вдруг у него менингит? Вот повезло-то!.. Нам только этой неприятности не хватало!.. Тогда уж действительно будет полный букет!..»

Под конец я уже не блевал… Я был нашпигован жаром… Я не скучал… Никогда не думал, что у меня в башке столько всего… Фантазии. Причудливые мечты. Сначала я видел все в красном цвете… как раздувшееся кровавое облако… Оно

поплыло на середину неба… А потом развалилось… Оно приняло форму покупательницы небывалого размера! Колоссального роста. Она начала командовать нами… Там, наверху… В воздухе… Она ждала нас… Висела там… Она приказывала, мы должны были повиноваться… Делала знаки… Пусть все собираются!.. Пусть выметаются из Пассажа… И живо!.. Все вместе!.. Нельзя терять ни секунды!

А потом она спустилась, вошла под стеклянную крышу… Она заняла весь наш Пассаж… Она расхаживала, выпрямившись во весь рост… Она хотела, чтобы ни одного лавочника не осталось в лавке… ни одного нашего соседа в своей конуре… Даже Меонша пошла с нами. У нее выросли три руки, на которые были натянуты четыре перчатки… Я видел, что все идут веселиться. Слова танцевали вокруг нас, как вокруг актеров в театре… Живой ритм, неожиданные переходы, чудесные мелодии… Незабываемые…

Огромная покупательница набрала себе целую охапку наших кружев… Она стаскивала их прямо с витрины, даже не пытаясь спрятать, она вся была увешана гипюром, целыми мантиями, этого хватило бы на ризы для двадцати кюре… Она постепенно увеличивалась, шелестя ажурными

вставками…

Вся шантрапа, вся шушера из Пассажа… перекупщики зонтиков… Визьо с кисетами для табака, дочери кондитера… Все ждали… Роковая мадам Кортилен тоже была здесь, рядом с нами… револьвер у нее за поясом источал благоухание… Оно окутывало все вокруг… Мадам Гунуйу в вуалетке, проведшая столько лет взаперти из-за своих гноящихся глаз, и сторож в треуголке переговаривались, нарядившись, как на праздник, у своего 31-го номера, и даже Гастон, один из умерших малышей из семьи переплетчиков, специально вернулся. Он сосал грудь своей матери. Он послушно лежал у нее на коленях и ждал, когда с ним пойдут гулять. Она держала его серсо.

С кладбища в Тье появилась тетка Армида, в Пассаж она приехала в коляске. Решила прокатиться… Она так состарилась с прошлой зимы, что у нее совсем не стало лица, только какая-то бесформенная масса… Я все же узнал ее по запаху… Она подала руку маме. Мой отец Огюст был уже готов, немного впереди всех, как всегда. Его часы висели у него на шее, здоровенные, как будильник. Он был одет необычно — в редингот, канотье, на пальце внушительный перстень, на эбонитовом велосипеде, чулки плотно облегали

икры. В петлице у него был цветок, он всячески старался задеть меня своими насмешками. Моя бедная мать осыпала его комплиментами… Том примостился среди перьев на шляпе у старой клячи Меон и старался удержать равновесие… Она позволяла ему кусать всех прохожих.

Мы шли вслед за огромной покупательницей, к нам присоединялось все больше народу, она шествовала во главе процессии… Она все увеличивалась… Ей уже приходилось идти согнувшись, чтобы не разбить стеклянную крышу… Изготовитель визитных карточек выскочил из подвала, как раз, когда мы проходили мимо, он толкал перед собой тележку с двумя непонятными приспособлениями, он шел очень быстро… еще он тащил ворох банковских билетов… Все бумажки по сто франков… Только фальшивые… Это его темные делишки… Торговец музыкальными инструментами из 34-го, у которого был граммофон, шесть мандолин, три волынки и пианино, не желал ничего оставлять… Он хотел забрать все. На его витрину надавили, еще усилие — и она рухнула… Ужасный грохот!

Из кафе «Светский чердак»[31] напротив 96-го

[31] Примечания: 31

«Светский чердак» — имеется в виду театр «Буфф-Паризьен», занимающий дома № 63–67 в Пассаже Шуазель.

вываливается оркестр великолепных музыкантов… Они располагаются вдали от великанши. Повторяют три популярных аккорда… Скрипки, волынки и арфы… Тромбоны и валторны выдувают ноты все выше и выше, получается так красиво и громко, что вся толпа вопит от восторга…

Вдруг скачут изящные худенькие официантки в воздушных чепчиках… Они порхают среди мандаринов… В 48-м три старухи, сидевшие взаперти с сорока двух лет, всегда такие предупредительные и внимательные с покупателями, крушат свой магазин ударами дубины… две старухи со вспоротыми животами издыхают на мостовой… Три старые карги привязывают себе к задницам жаровни, чтобы бежать быстрее… Огромная дама разбрасывает повсюду разные вещи… Краденые безделушки. Они сыплются у нее изо всех складок… Она растеряла все… И пытается подобрать… Около лавки ювелира Сезара ей кое-как удается сделать это…

Она вся покрыта фальшивыми цепочками и жемчугами… Все смеются… Она берет из миски и разбрасывает через окошечко в крыше пригоршни аметистов… Все становится фиолетовым. Топазами из другой миски она изрешетила стек-

лянную крышу… Сразу же все стало желтым… Мы прошли почти весь Пассаж… Огромная толпа впереди и позади нас… Продавщица писчебумажных товаров из 86-го, у которой я стащил множество карандашей, цепляется за мои штаны… А вдова, торговавшая старинными шкафами, в которые я столько раз писал, повсюду меня ищет!.. Я больше не смеюсь… Меня спасает продавец зонтиков, он прячет меня под зонтом.

Если меня заметит тетка Армида, мне придется поцеловать ее сырную голову…

Теперь дядя Эдуард на своем трехколесном мотоцикле едет за отцом, так наклонившись к асфальту, что его мотоцикл весь сплющивается. Из его ноздри торчит большой булыжник. Мотор воркует нежно, как влюбленный голубь, но глаза Эдуарда висят на двух стебельках у самой дороги, чтобы все видеть… За рулем, зарывшись в подушки, сидит тетка Армида и подвязывает себе слюнявчик с помощью какого-то господина в черном. Он держит огромный термометр, в четыре раза больше меня… Это врач Гесперид[32], он пришел осмотреть ее… Его удрученное лицо излучает свет…

---

[32] Примечания: 32

Гесперииды — нимфы, охраняющие сад богов, где росли золотые яблоки, дарующие бессмертие.

При виде этого все соседи начинают раздеваться. А потом показывают свои задницы. Он плюет на них… У него даже нет времени сделать перерыв. Все дружно бросаются к выходу… Толпа запрудила Бульвары…

Проходя через Вандомскую площадь, покупательница все больше раздувается от порывов ветра. У Оперы она увеличилась еще в два раза… в сто раз!.. Все соседи, как мыши, бросаются ей под юбку… И тут же, обезумев, выскакивают… Потом опять скрываются там… Это создает ужасный беспорядок.

Повсюду бегают собачки из Пассажа, они прыгают, гадят, кусаются. Хозяйка парфюмерной лавки мадам Жювьен кончается перед нами под грудой лиловых цветов жасмина… Она задыхается… Три проходящих мимо слона растаптывают ее, обрывая агонию… Снизу поднимаются, медленно разливаясь повсюду, тонкие струйки аромата…

Четверо подмастерьев булочника Ларжантейля проносятся с огромной трубкой из лавки «Магометанский табак», которую обычно зажигают только после шести… Напротив рынка Сент-Оноре при входе в павильон они разбивают у нее головку… Врываются в правый павильон… где «Домашняя птица». А потом в левый, где «Рыба».

Однако остановиться уже невозможно! Особенно великанше! Той самой! У которой две планеты вместо грудей… Тут меня сбивают с ног… Мой отец напрасно пытался меня поддержать… Он запутался в спицах своего велосипеда… И прищемил Тому хвост. Тот путался у него под ногами и лаял, но почему-то совсем бесшумно…

Мне помог подняться на ноги сторож, одетый в длинный сюртук… С колбасным хвостиком внизу… Он смешит нас своей длинной палкой для зажигания газа… Которую почти целиком засунул себе в нос.

Переходя через улицу Риволи, она споткнулась на пешеходной дорожке и раздавила дом, вылетевший оттуда лифт выбил ей глаз… Все идут прямо по развалинам. На улице Женер из моей школы выходит мой приятель, горбатый Эмиль Оржа… Он всегда был бледным, с большим пятном винного цвета около уха… Но теперь он выглядит иначе. Он стал бодрым, розовощеким и симпатичным, я был страшно рад за него.

Все наши знакомые уже исчезли под Дамой, в ее штанах, стиснутые под ее юбками, они бегали по улицам и кварталам… Повсюду они следовали за ней. Теснота увеличивалась. Мать не отпускала мою руку… Все вперед и вперед… На площади

Конкорд я понял, что она ведет нас на Выставку… Это было довольно мило с ее стороны… Она решила всех развлечь…

Все серебро, все деньги лавочников были у Дамы, у покупательницы, она спрятала их в штаны… Платить должна она… Возле Дамы становилось все жарче… Среди оборок я разглядел еще тысячу подвешенных вещей. Все, что она стащила… Тут мне на голову, поставив синяк, упало маленькое зеркальце, то самое, которое многие месяцы искали на улице Монторгей… Если бы я мог, я бы закричал о своей находке… Но я не мог его даже поднять, так меня сжали… Настал момент, когда все почувствовали, что пора еще уплотниться… Нас зажало в монументальных воротах, поднимавшихся к небу наподобие причудливой прически… Мысль о том, что придется платить, всех ужасала… К счастью, нас уносит поток нижних юбок… Все толкаются, задыхаются, становятся на четвереньки… Покупательница наклоняется, чтобы пройти. Может, это уже конец?.. Может, мы уже на дне Сены? К нам приближаются акулы, и сейчас мы заплатим за все?.. А? Так всегда бывает, когда куда-нибудь пролезешь бесплатно… И тут я испустил такой пронзительный и резкий крик, что покупательница испугалась!

Она вдруг подняла вверх все юбки вместе с воланами… панталоны… выше головы… до самых облаков… На нас обрушился настоящий ураган, леденящий ветер, такой резкий, что вокруг завыли от боли… Покинутые, дрожащие, все застыли на набережной в тоскливом ожидании. Около пристани, где стояли три баржи, покупательница улетела!.. Все соседи из Пассажа побледнели до неузнаваемости… Она провела всех! Эта покупательница с украденными вещами… Выставки уже не было!.. Она давно закрылась!.. Слышно было, как на Кур ля Рен воют волки…

Пора было уносить ноги… Все разбегались… Суетились… Я, такой крошечный, раздавил Меоншу…

Моя мать подобрала юбки… Но бежала все медленнее… оттого что ее ноги… вдруг стали как ниточки… и в то же время такими мохнатыми, что цеплялись друг за друга… совсем как у паука… Она ковыляла впереди нас… За ней бежали… Внезапно появились омнибусы… Они ехали со страшной скоростью… Промчались по всей улице Рояль… Голубые, зеленые и лимонно-желтые… Раздался треск, и все детали разлетелись по площади до самых деревьев Тюильри. Я сразу понял, что произошло… Я испугался… Кричу… Подби-

раю… Показываю, где надо собирать… В обратном порядке, начиная с тротуара возле Оранжереи… Все напрасно! Бедного дядю Эдуарда раздавили вместе с его мотоциклом у подножия статуи… Чуть позже он появляется у моста Сольферино со сплющенным драндулетом, приросшим к спине, как раковина улитки… Его уводят… Нужно торопиться, бежать быстрее, потому что появились сотни автомобилей… «Рен Серполле»[33] из салона… Их огни мелькают у Триумфальной арки. Они несутся что есть мочи вместе с нами…

Около памятника Жанне д'Арк, как вспышка, мелькает лицо улыбающегося Рудольфа… Он продает своего «Трубадура» с аукциона… Чтобы купить себе «Генерала»… Не время его беспокоить… Покрытие на дороге раздроблено… В одном месте образовалась огромная пропасть… Все проваливаются… Я прохожу по самому краю… Успев схватить портфель тетки Армиды как раз перед тем, как она исчезла… На нем бисерным почерком написано: «На добрую память…» Внутри стеклянный глаз. Все удивленно смеются…

---

[33] Примечания: 33

«Рен Серполле» — популярная в то время модель автомобиля, созданная конструктором Леоном Серполле, неоднократно побеждала в различных соревнованиях, в частности три раза выигрывала Кубок Ротшильда в Ницце.

Это привлекает со всех сторон огромную толпу… На этот раз людей так много, что они заполнили всю улицу Терез до высоты четвертого этажа… Все продолжают карабкаться на эту гору живого мяса… От нее воняет навозом, и запах этот поднимается до самых звезд…

По дороге домой осталось преодолеть еще четыре очень крепких решетки… Это пытаются сделать сразу сотни и тысячи, они толкают ворота… Пытаются пролезть туда… Ничего не получается… прутья сгибаются, а потом резко выпрямляются и бьют нас по морде, как резиновые… Какой-то призрак спрятал наш ключ!.. Он требует за него все или ничего!.. Его посылают подальше!.. «Пошли к черту!..» — отвечает он нам… Его снова зовут. Нас десять тысяч, и все давят на решетку…

До улицы Гомбу доносится эхо сотен тысяч воплей… Произошла катастрофа… Это крики тех, кого давят на площади Гайон… Омнибусы безумствуют… хаос продолжается… «Клиши — Одеон» перемалывает остатки обезумевших… «Пантеон — Курсель» напирает сзади… Летят тысячи обрубков… Все это стекает на наши витрины. Рядом со мной стонет отец: «Ах, если бы у меня была труба!..» От отчаяния он готов рвать

на себе волосы, он карабкается на Французский банк, добирается до часов… Вырывает минутную стрелку… И спускается с ней. Он держит ее на коленях… Это его забавляет… И утешает… Можно было бы и всем поразвлечься… Но вот группа конных полицейских появляется на улице Меюль… «Мадлен — Бастилия» сталкивается с ними, опрокидывается и падает на решетку… Наконец-то она выломана! Омнибус воспламеняется, огромная машина горит и потрескивает… кондуктор стегает кнутом кучера… Вперед, вперед… Полицейские штурмуют улицу Мулэн, заполняют ее и проносятся как огненный смерч… Толпа рассасывается, рассыпается, разбиваясь о «Комеди Франсез»… Все объято пламенем… крыша отрывается, поднимается и, пылая, улетает в облака… Очаровательная актриса старательно декламирует стихи… стихи очень возвышенные, она готовит их для сцены. Она так старательно работает языком, что он начинает заплетаться… застревает у нее в горле… Она испускает жуткий крик… Пламя поглощает все…

Больше ничего не видно, только огонь… Ужасная раскаленная палка стучит у меня в висках, все смешивает… давит… Эта палка, как ложка, размешивает огненную похлебку внутри моего

черепа… Она никогда больше не оставит меня…

* * *

Я очень долго не мог поправиться. Выздоровление затянулось на два месяца. Я был серьезно болен… Под конец появилась сыпь… Часто приходил врач. Он советовал отправить меня в деревню… Легко сказать, но для этого нужны средства… При малейшей возможности мне старались дать подышать воздухом.

В конце января Бабушка Каролина собралась в Аньер, чтобы получить деньги со своих съемщиков. Мне представился случай выехать за город. Там у нее на улице, которая называлась «Веселой», в рабочем квартале было два небольших дома, из кирпича, крытые саманом. Это была ее собственность, ее хозяйство…

Мы вдвоем отправились в путь. Я шел очень медленно. Еще долго после болезни я чувствовал слабость, у меня часто шла носом кровь, а кроме того, шелушилась кожа. Мы пошли к вокзалу… Проспект Федэрб… площадь Карно… У Мэрии повернули направо, потом пошли через Народный сад.

На площадке для игры в шары между решеткой

и водопадом постоянно собиралось множество впавших в детство возбужденных старичков, щуплых, кашляющих и хрипящих пенсионеров-весельчаков… Каждый раз перед началом игры они осыпали друг друга градом насмешек… Взрывы смеха… Я понимал все их шутки… и с каждым разом все лучше… Смешнее всего была их манера мочиться… они прятались за дерево… каждый по очереди… При этом остальные ужасно беспокоились… «Не потеряй его, малыш!..» Так у них было принято… И все хором повторяли… Я находил их неотразимыми. Я смеялся так громко, что Бабушке стало неловко. Я слишком долго стоял на зимнем ветру — запросто можно было опять подхватить какую-нибудь болячку…

Бабушке было не особенно смешно, но ей хотелось развлечь меня… У нас дома было невесело… Она это понимала… Это было недорогое удовольствие… Мы постояли еще немного… Когда игра закончилась, и мы расстались со старичками, было уже совсем темно…

Домики Каролины находились за Бургиньоном… за долиной Марэше… которая тогда простиралась до самых Ашэр…

Чтобы не провалиться в грязь и не утонуть в черноземе, мы шли по дощечкам… Нужно было

соблюдать осторожность, чтобы не повредить теплицы… длинные ряды саженцев… Я все еще хихикал, идя позади Бабушки… Балансируя, вспоминал удачные шутки… «Тебе действительно было весело? — спрашивала Бабушка. — Скажи, Фердинанд».

Мне не нравились такие вопросы. Я сразу замыкался… Излишняя откровенность приносит только неприятности.

Наконец мы дошли до «Веселой» улицы. Настоящая работа начиналась здесь. Взимание платы никогда не обходилось без драм… и протестов жильцов. Сначала они нас изводили, а под конец отдавали только часть денег… Никогда полностью… Они защищались с остервенением… Всегда мы являлись не вовремя. Пререканиям не было конца… Они начинали орать по любому поводу, задолго до того, как Бабушка к ним обращалась… Уборные у них больше не работали… Жалобы раздавались беспрерывно… изо всех окон хибары… Они требовали, чтобы их починили… И немедленно!.. Они опасались, что с них собираются содрать три шкуры… Вопили, что не хотят ничего слышать про расписки… Не желают даже на них смотреть… Нечистоты из плотно закрытого резервуара растекались

до самой улицы… Зимой его сковывал лед, и он при малейшем прикосновении трескался… Как правило, это обходилось в восемьдесят франков… Эти подлюги все изгадили!.. Таким образом, они брали своеобразный реванш… И еще они делали детей… Каждый раз у них появлялись новые… Одежды на всех не хватало. Некоторые ходили уже нагишом… Спать их укладывали в шкафу…

Самые нетрезвые и грязные из жильцов и вовсе держали нас за недоумков… Они с интересом наблюдали, как мы стараемся привести все в порядок. Даже спускались с нами в подвал… Когда мы отправлялись за палкой, которой прочищали канализационные трубы… Но шутки в сторону… Бабушка большими булавками высоко подкалывала свои юбки, оставляя только короткую рубашку. А потом начинала действовать… Нам требовалось много горячей воды. Ее приносили в кувшине от сапожника напротив. Жильцы не дали бы ее ни за какие деньги. Каролина копалась в глубине резервуара с нечистотами. Она решительно пихала туда трость, прочищала забитые отверстия. Одной трости было недостаточно. Она погружала туда обе руки, жильцы приходили вместе с детьми, чтобы посмотреть, как вытаскивают их дерьмо, а затем мусор… и тряпки…

Они нарочно забивали трубы… Каролина была не брезглива, эта женщина ничего не боялась…

Жильцы понимали: раз она пришла, все будет прочищено… Они ценили ее старания… Они не хотели оставаться в стороне… Кончалось тем, что они нам помогали… Затем предлагали промочить горло… Бабушка пила с ними… Она не была злопамятна… Все поздравляли друг друга с Новым годом… от всего сердца… и вполне искренне… Неважно, что нужно было отдавать деньги… Это были не мелочные люди… Если бы она вдруг решила их выгнать, они успели бы отомстить еще до того, как покинут свою конуру… Они бы все окончательно порушили… Два дома уже были в проломах… Всякий раз мы пытались их заткнуть… Все было напрасно… Они делали их постоянно… Мы специально привозили замазку… Трубы, антресоли, стены и пол напоминали какие-то подштопанные лохмотья… Но больше всего доставалось горшку в уборной… Он был весь измят по краям… Бабушка не могла сдержать слез, когда видела его… Решетка ограды тоже была в ужасном состоянии. Наполовину сплющенная… Можно было подумать, что это солодковый корень… Однажды к ним определили очень добродушную старую консьержку… Она не

продержалась и восьми дней… Бедная старушка в ужасе сбежала… Не прошло и недели, как двое жильцов попытались ее задушить… в постели… из-за каких-то половиков…

Домики, о которых я рассказываю, все еще там. Изменилось только название улицы: она стала не «Веселой», а «Гнилой»… В соответствии со вкусами…

Сменилось множество жильцов, одиноких, семейных, целые поколения… Они продолжали дырявить стены, разводить крыс, мышей, клопов и мокриц… Дыры уже никто не заделывал… Все это перешло к дяде Эдуарду. Дома постепенно стали напоминать решето… Никто больше не платил за квартиру… Жильцы состарились и устали от бесконечных споров… Мой дядя, естественно, тоже… Даже уборные им надоели… Их больше не ломали. Их просто не было. Там устроили кладовые. Сложили туда свои тачки, лейки и уголь… Теперь точно даже неизвестно, кто живет в этих домах… Они подлежат сносу… и скоро исчезнут… По-моему, сейчас там проживает четыре семьи… А может, и много больше… Кажется, это португальцы…

Никто больше не пытается поддерживать порядок. Бабушка так старалась, но все напрасно…

В сущности, это и подорвало окончательно ее здоровье… Она чуть дольше обычного возилась сперва в холодной воде, а потом в горячей… В январе, на сильном ветру, законопачивая паклей насос и размораживая краны.

Вокруг ходили жильцы со свечками, чтобы посветить нам и посмотреть, как продвигается работа. С оплатой они просили еще немного подождать. Нам нужно было снова зайти на следующей неделе… Мы отправились на вокзал…

Подойдя к кассе, Бабушка Каролина почувствовала головокружение, схватилась за перила… Это было на нее не похоже… Ее знобило… Мы снова перешли через площадь, зашли в кафе… В ожидании поезда выпили грог на двоих… Когда мы добрались до Сен-Лазара, она сразу же отправилась домой. У нее больше не было сил… Появился жар, как тогда у меня в Пассаже, но у нее был грипп, а потом началась пневмония… Врач приходил утром и вечером… Она была так больна, что мы даже затруднялись сказать соседям в Пассаже что-нибудь определенное…

Дядя Эдуард сновал, как челнок, между лавкой и ее квартирой… Состояние все ухудшалось… Она больше не хотела измерять температуру, не хотела, чтобы знали, сколько там градусов… Она

сохранила все свое мужество… Том прятался под мебелью, не двигался, почти не ел… Мой дядя принес в лавку кислород в огромном баллоне.

Однажды вечером мать не вернулась к обеду… На следующий день еще не рассвело, когда дядя Эдуард растолкал меня на постели и велел быстро одеваться. Он сказал мне: «Нужно попрощаться с Бабушкой…» Я не совсем понял… Я еще не проснулся… Мы шли быстро… По улице Роше… Консьержка еще не ложилась… Она специально принесла лампу, чтобы посветить нам в коридоре… Наверху в передней мама рыдала, стоя на коленях рядом со стулом. Она причитала, тихонько стонала, как от боли… Отец стоял… Он ничего не говорил… Только выходил на лестничную площадку и возвращался… Смотрел на часы… Пощипывал свои усы… Потом я увидел Бабушку на кровати в дальней комнате… Она тяжело дышала, хрипела, задыхалась, издавала жуткие звуки… Врач ушел… Он пожал всем руки… Тогда мне позволили войти… Я видел, с каким трудом дышала Бабушка. Ее лицо стало теперь желтовато-красным и было все в поту, как тающее масло… Она посмотрела на меня пристально, но все еще ласково, Бабушка. Мне велели ее поцеловать… Я полез на кровать… Она

жестом остановила меня… Слабо улыбнулась… и хотела что-то сказать… В глубине горла у нее беспрерывно хрипело… Все же ей это удалось… только очень тихо… «Трудись добросовестно, мой маленький Фердинанд!» — прошептала она… Я не боялся ее… Мы, в сущности, понимали друг друга… Потом, в общем-то, я неплохо работал… Но это никого не касается…

Моей матери она тоже хотела что-то сказать. «Клеманс, девочка моя… слушай внимательно… не забывай о себе… я прошу тебя…» — смогла она сказать… Она ужасно задыхалась… Она дала знак, чтобы мы удалились… Ушли в соседнюю комнату… Все повиновались… Мы слышали ее хрипы… Они заполняли всю квартиру… По меньшей мере час мы сидели как в столбняке. В дверь вошел дядя. Ему очень хотелось ее видеть. Но он не осмеливался ослушаться. Он только приоткрыл дверь, стало лучше слышно… что-то вроде икоты… Моя мать вдруг выпрямилась… Издала резкий звук! Как будто ей сдавило горло. Она упала мешком назад на ковер, между креслом и моим дядей… Рука ее так сильно сжала рот, что невозможно было разжать…

Когда она пришла в себя, она принялась кричать, не переставая: «Мама умерла!..» Она уже

ничего не замечала вокруг… Мой дядя остался дежурить возле нее… Мы отправились в Пассаж на фиакре…

Закрыли лавку. Опустили шторы… Нам было немного стыдно… Мы чувствовали себя виноватыми… Не осмеливались пошевелиться, чтобы не спугнуть свое горе… Мы с мамой плакали даже за столом. Мы не могли ничего есть… Ничего больше не хотели… Мы и так были не особенно значительны, но хотелось стать еще меньше… Просить прощения у кого-нибудь, у всех… Мы прощали друг друга… Обещали любить друг друга… Боялись потеряться навсегда… как Каролина…

И вот похороны… Дядя Эдуард один взял на себя все хлопоты… всюду ходил… Хлопот было достаточно… Он не подавал виду… Не любил показухи… Он пришел за нами в Пассаж только перед самым выносом тела…

Все… соседи… любопытные… заходили сказать нам: «Мужайтесь!» Мы остановились на улице Довиль[34], чтобы купить букет… Взяли самые лучшие… Только розы… Это были ее любимые цветы…

---

[34] Примечания: 34

Улица Довиль — в Париже не существует улицы Довиль, но в северной части Больших Бульваров есть улица Отвиль, которая пересекает бульвар Бон Нувель у площади Ференца Листа.

* * *

Теперь, когда ее не стало, все почувствовали себя беспомощными… Даже моего отца это коснулось… Теперь для скандалов остался только я… Но даже после выздоровления я все еще был так слаб, что не представлял никакого интереса. Я казался ему таким бледным, что он не решался меня изводить…

Я переползал с одного стула на другой… За два месяца я похудел на шесть фунтов. Болезнь вывела меня из строя. Весь рыбий жир был потрачен даром…

Мать думала только о своем горе. Лавка разорялась… Ничего не продавалось, даже по ничтожным ценам… Нужно было возместить огромные потери, вызванные Выставкой… Покупатели же были непреклонны. В починку отдавали очень мало… Торговались из-за ста су…

Мама проводила целые часы, не двигаясь, подогнув под себя больную ногу, в неестественной позе, как оглушенная… А когда вставала, то бродила по дому, как неприкаянная… Тогда отец начинал быстро ходить с этажа на этаж, вверх-

вниз. От одного только звука его шагов можно было рехнуться…

Сделав вид, что мне нужно, я отправлялся развлечься в уборную… Я дергал себя за член, но он у меня никак не вставал…

Кроме двух домов, доставшихся дяде Эдуарду, Бабушка оставила в наследство еще три тысячи франков… Но это святое… Мама так сразу и сказала… Их нельзя трогать… Пришлось за бесценок отдать серьги, которые пропали в ломбардах, одна в Клиши, другая в Аньер…

Тем временем все вещи в лавке окончательно потеряли товарный вид, все было испорчено, сломано… Выставлять это было уже невозможно…

Бабушка еще умела выйти из положения, она доставляла нам «кондиционный» товар… То, что залеживалось у других торговцев и что они соглашались ей передать… Но мы — другое дело… Они нам не доверяли… Они считали нас неизворотливыми… Мы разорялись с каждым днем…

Мой отец, приходя из конторы, начинал строить прогнозы… Самые мрачные… Он сам готовил нам хлебный суп… Мама не могла… Он чистил фасоль… Говорил, что можно отравиться, если широко открыть дверцу плиты. Мать даже не реагировала… Он переходил к «франкмасонам»…

Ругал Дрейфуса!.. И остальных преступников, которые мешают нам жить!

Мать потеряла способность ориентироваться… Даже ее жесты стали какими-то странными… Она и раньше была неловкой, но теперь роняла буквально все. Разбивала по три тарелки в день… Она не могла выйти из этого состояния… Вела себя как сомнамбула… В магазине ей было страшно… Не желая больше чем-либо заниматься, она все время проводила на третьем этаже…

Однажды вечером, когда она собиралась ложиться, и мы уже никого не ждали… объявилась мадам Эронд. Она постучалась в дверь лавки, позвала нас… О ней уже все забыли. Я открыл. Мать ничего не хотела слышать, она отказывалась даже говорить с ней… Прихрамывая, она ходила кругами по кухне. Наконец мой отец сказал:

— Ну, Клеманс, что ты решила?.. А то я ее отправлю отсюда!..

Она еще минуту подумала, а потом спустилась. Попробовала сосчитать кружева, которые та принесла… У нее не получалось… Горе все спутало в ее голове… Мысли, цифры… Мы с отцом помогли ей…

Потом она снова поднялась и легла… А потом вдруг встала и снова спустилась… Всю ночь она

яростно и упорно перебирала товар в магазине.

К утру все было в идеальном порядке… Она стала другим человеком… Ее было не узнать… Ей вдруг стало стыдно…

Находиться перед мадам Эронд в таком жалком состоянии, тогда как та видела ее когда-то такой благополучной, ужасно стыдно!

— Как подумаю о моей бедной Каролине!.. О том, какая энергия переполняла ее до последней минуты! Ах! Если бы она увидела меня такой!..

К ней внезапно вернулось мужество. За одну ночь у нее родилась тысяча планов… Если покупатели не придут, то мы, мой маленький Фердинанд, сами пойдем их искать!.. И даже к ним домой! Как только будет хорошая погода, мы на время оставим лавку… Пойдем торговать за городом… Шату!.. Везине!.. Буживаль[35]!.. там прекрасные виллы… и богатые люди… Все-таки это будет веселее, чем прозябать здесь!.. Чем ждать неизвестно чего!.. К тому же ты будешь на свежем воздухе.

---

[35] Примечания: 35

Шату, Везине, Буживаль — пригороды на западе Парижа.

* * *

Моего отца не особенно воодушевляла затея с выездной торговлей… Рискованная авантюра!.. Он и думать об этом не хотел… Он предсказывал нам крупные неприятности… Мы только потеряем то, что у нас еще осталось!.. И потом, нас выгонят местные торговцы… Мама не перебивала его… Она уже твердо решила…

Главное, что выбора просто не было! Ели мы уже довольно редко… Вместо спичек давно пользовались бумажками.

Однажды утром наступил час отъезда, мы устремились к вокзалу. Мой отец тащил огромный тюк с товаром… Всем, что оставалось на складе более или менее стоящего… Мы с мамой тащили коробки… На перроне Сен-Лазара он еще раз повторил нам свои опасения по поводу этой авантюры. И побежал в контору.

В то время, о котором я говорю, чтобы попасть в Шату, нужно было совершить настоящее путешествие. День еще только начинался, а мы уже были на месте… Мы подкупили сторожа… Он нас и устроил… Мы получили прилавок… У нас

было довольно хорошее место… Между женой мясника и торговцем птичками. Но нас нельзя было увидеть сразу… С первого взгляда.

Стоявший за нами продавец масла и яиц был недоволен. Он находил нас наглецами с кучей побрякушек. Делал гнусные намеки!..

Это была не самая удобная аллея, но все же рядом с садами… И в тени великолепных тополей… В полдень настало время покупательниц… Они торгуются и жеманничают… И тут, не дай Бог, подует ветерок! При первом же дуновении все вздымается, взвивается с шелестом… чепчики, шляпки с воланами, носовые платочки и воздушные чулки… Они просто просятся в полет, легкие, как облака. Их пришпиливают булавками и крючками. Наш прилавок напоминает ежа… Капризные покупательницы проходят мимо… Порхают, как бабочки, сопровождаемые одной или двумя кухарками… Потом возвращаются… Мать расхваливает им свой товар… Обращает их внимание на вышивку… На болеро по заказу… На кружева «брюссельского фасона»… Или на воздушные произведения мадам Эронд…

— Как это мило, что мы вас здесь встретили!.. На этом рынке!.. Но у вас же магазин!.. Дайте мне вашу карточку!.. Мы обязательно к вам зайдем!..

И они, шурша платьями, проходят дальше, им не удается ничего всучить… Но все-таки это была реклама!..

Время от времени наши кружева сдувает на эскалопы того типа, который стоит рядом… Он демонстрирует нам свое отвращение…

Чтобы успешней торговать, нам следовало бы захватить из Парижа красивый манекен с мощным бюстом, который подчеркивал бы изысканность линий… завитков муслина и сатина… тысячи причуд «феи Альфора»… Чтобы вопреки всему сохранить среди овощей и требухи стиль Людовика XV, ту утонченную атмосферу, мы привезли в деревню настоящую музейную вещь, маленький шедевр, кукольный комод розового дерева… Мы хранили в нем бутерброды.

Еще больше, чем ветер, нас пугали дожди!.. Все наши воздушные вещи превращались в блины!.. Золотая краска стекала с них по двадцати желобкам… даже тротуар становился от нее клейким. Мы собирали все губками… Но хуже всего была обратная дорога. Отцу мы никогда не жаловались.

Неделей позже был Энгьен, по четвергам иногда Клиньянкур… Ля Порт… Мы размещались на «Блошином рынке»… Мне очень нравилась

такая торговля… Из-за нее я не ходил в школу. На воздухе я становился неуправляемым… Когда вечером мы возвращались домой, отец вел себя гнусно… Вечно он был недоволен… Приходил встречать нас на вокзал… Мне так и хотелось уронить комодик ему на ногу, чтобы посмотреть, как он запрыгает.

В Клиньянкуре покупатели были не те… Там мы раскладывали только худшее, самые дрянные тряпки, те, что годами лежали в подвале. Мы отдавали их за гроши…

На «Блошином рынке» я познакомился с малышом Пополем. Он работал на торговку, которая располагалась за два ряда от нас. Он продавал ее пуговицы в проходе и у ворот, шатался по рынку с дощечкой на животе, привязанной за шею. «13 штук за два су, мадам!..» Он был моложе меня, но гораздо предприимчивее… Мы сразу подружились… Меня восхищало в Пополе то, что он не носил обуви, только подметки на веревочках… Его ноги привыкли к этому… Я тоже снимал башмаки, когда мы отправлялись на прогулку.

Он мгновенно продавал свои наборы, их даже не успевали толком рассмотреть, костяные, перламутровые… После этого мы были свободны.

Более того, у него оставалось время, чтобы зара-

ботать самому. «Это просто», — объяснил он мне… Когда у нас уже не было секретов друг от друга. На насыпи Восемнадцатого бастиона и в закоулках трамвайных путей у Вилетт он встречался с педиками и разными темными личностями, которых он удовлетворял. Он предлагал и мне с ними познакомиться. Но все это происходило слишком поздно, и я не мог туда пойти… За это можно было получить пятифранковую монету, иногда больше.

За киоском с весами он продемонстрировал мне, хотя я его об этом не просил, как взрослые у него сосали. Пополь старался вовсю, он не упускал случая, я до этого еще не дошел. Однажды он заработал пятнадцать франков за вечер.

Чтобы улизнуть, я врал, говорил, что иду за жареным картофелем. Моя мать хорошо знала Пополя, она не выносила его даже издали, она запрещала мне к нему ходить. Но мы все же удирали вместе прошвырнуться до Гонесс. Я находил его неотразимым… Когда он чего-нибудь пугался, у него начинался нервный тик, он внезапно засасывал язык, а на лице у него появлялась ужасная гримаса. В конце концов, и я начал ему подражать.

Галантерейщица давала Пополю, когда он

отправлялся торговать, смешную куртку, необычную, как у обезьяны в цирке, всю усеянную пуговицами: большими, маленькими, средними, спереди и сзади, целый набор образцов — перламутровых, железных и костяных…

Страстью Пополя был абсент, галантерейщица наливала ему немного каждый раз, когда он возвращался, удачно все продав. Это поднимало ему настроение. Он курил солдатский табак, мы сами делали самокрутки из газетной бумаги… Ему было не противно сосать, он был настоящей свиньей. Когда мы встречали на улице взрослого, мы спорили, какого у него размера. Моя мать не могла ни на минуту оставить барахло в таком квартале. Я же все больше отбивался от рук. А потом произошло следующее.

Я думал, что Пополь надежный, честный и верный. Я ошибался на его счет. Он повел себя, как сука. Надо рассказать, как было дело. Он все время говорил мне об аркебузе. Я не вполне представлял, что это за штуковина. Однажды он принес ее. Это была длинная резинка, натянутая особенным образом, что-то вроде рогатки, сдвоенный крюк, такое приспособление для охоты на птиц. Он сказал мне: «Потренируемся! А потом разобьем витрину!.. На проспекте есть одна подходящая…

Потом пульнем в легавого!..»

Ага! Вот! Это идея! Проходим мимо школы. Он говорит: «Начнем здесь!.. Школьники как раз выходят, будет легче смотаться». И передает мне эту штуку… Я заряжаю ее здоровенным булыжником. Натягиваю до отказа… вцепившись в конец резинки… И говорю Пополю: «Смотри-ка вверх!» И клак! Бум!.. Трах!.. Прямо в часы… Все вдруг разлетается… я одеревенел. Не могу прийти в себя от этого грохота… циферблат разлетелся на кусочки! Сбегаются прохожие… Меня хватают на месте преступления. Я съежился, как крыса… Меня тащат, пиная по дороге. Я кричу: «Пополь!..» Он испарился!.. Его и след простыл!.. Они волокут меня к матери. Устраивают ей скандал. Ей придется за все заплатить, иначе меня упекут в тюрьму. Она дает свою фамилию, адрес… Я напрасно пытаюсь объяснить: «Пополь!..» На меня обрушивается столько затрещин, что в глазах помутилось…

Дома все начинается сначала, разражается гроза… настоящий ураган… Отец волочит меня по полу, пинает ногами, бьет, ходит по мне, срывает с меня штаны. А после орет, что я его убиваю!..

Что мне место в Рокетт[36]! Уже давно!.. Моя мать умоляет, хватает его, голосит, что «в тюрьме они становятся еще более жестокими». Я хуже, чем можно было бы себе вообразить… Я на волосок от эшафота. Вот как все обернулось!.. Пополя тоже вспоминали, а также улицу и прогулки… Я даже не пытался оправдаться…

[36] Примечания: 36
Рокетт — парижская тюрьма.

* * *

Неистовство продолжалось целую неделю. Отец был так разъярен, его лицо так наливалось кровью… казалось, что его хватит удар. Дядя Эдуард специально приехал из Роменвиля, чтобы убедиться во всем самому. Дядя Артур не имел такого веса из-за недостаточной серьезности. Рудольф же был далеко, где-то в провинции с цирком Капитоль.

Соседи и родители — все в Пассаже придерживались мнения, что следовало бы дать слабительного мне и моему отцу, это пошло бы на пользу нам обоим. Размышляя о причинах моей испорченности, они решили, что это, конечно, из-за глистов… Мне дали лекарство… Я видел, как говно пожелтело, а потом стало каштанового цвета. Однако я почувствовал некоторое успокоение. Реакция моего отца была другой, он по меньшей мере недели три оставался абсолютно безмолвным. Только время от времени поглядывал на меня… долго… внимательно… Я был его мукой, его крестом. Мы продолжали принимать слабительное, каждый свое. Он — воду Жано, я

— касторку, она — ревень. После этого они решили больше никогда не торговать на рынках, ибо улица — это гибель для меня. Мои преступные наклонности вынуждают от многого отказаться.

С тысячами извинений моя мать снова привела меня в школу. Пока мы дошли до улицы Женер, ее настроение несколько раз менялось. Все ей говорили, что я не продержусь и восьми дней. Однако я вел себя тихо, и меня не выгнали. Хотя я ничему так и не научился, это факт. Школа вызывала у меня отвращение, учитель с бородкой постоянно рассказывал нам только о своих проблемах. От одного его вида у меня портилось настроение. С Пополем я познал вкус бродяжничества, и меня угнетала необходимость целыми часами сидеть и слушать чьи-то бредни.

Дети пытались хоть немного развлечься во дворе, но и эти жалкие попытки разбивались о стену, возвышавшуюся над нами, мгновенно пропадало даже само желание веселиться. Им оставалось вернуться назад и усердно учиться… Черт побери!..

Во дворе росло только одно дерево, на которое всегда прилетала одна и та же птица. Эти сопляки подстрелили ее из рогатки. Кот жрал ее всю перемену. Учился я средне. Я боялся, что меня оставят

на второй год. Меня даже отметили за хорошее поведение. А дерьмо на заднице было у всех. Еще я научил их собирать в бутылочки свою мочу.

Дома продолжалось нытье. Моя мать опять начала обсасывать свое горе. По любому поводу она вспоминала свою маму… Например, перед закрытием лавки к нам заходил, наконец, единственный посетитель, чтобы предложить какую-нибудь безделушку, а она вдруг заливалась слезами… «Если бы была жива моя мать!..» — принималась причитать она — она, всегда так хорошо умевшая торговаться!.. Вот к чему приводит чрезмерная склонность к размышлениям…

Одна наша приятельница довольно ловко сумела воспользоваться маминым настроением… Ее звали мадам Дивонн, она была почти ровесница тетки Армиды. После войны семидесятого года они с мужем сколотили себе состояние на торговле «овечьими» перчатками в Пассаже Панорама. Это была известная лавка, и у них была еще одна в Пассаже Сомон. Одно время у них работало восемнадцать служащих. От покупателей не было отбоя. Бабушка часто об этом рассказывала. Ее муж свихнулся от такого количества денег. Внезапно он потерял сразу все на Панамском канале и еще залез в долги. Мужчинам недостает муже-

ства; вместо того, чтобы попытаться подняться, он укатил черт знает куда с какой-то шлюхой. Все было продано. Мадам Дивонн жила чем придется. Ее спасала музыка. У нее оставались небольшие средства, но такие мизерные, что ей едва хватало на еду. И то далеко не каждый день. Ей помогали знакомые. За перчаточника она вышла по любви. Сама она была не из семьи торговцев. Ее отец был императорским префектом. Она прекрасно играла на пианино. У нее были нежные руки, поэтому она не снимала митенки, а зимой постоянно носила толстые рукавицы, украшенные розовыми помпонами. Кокетство никогда не покидало ее.

Она пришла в лавку, она уже давно не была у нас. Смерть Бабушки ее потрясла. Она просто не могла прийти в себя. «Такая молодая!» — то и дело повторяла она. Она с чувством рассказывала о Каролине, об их прошлом, мужьях, о Сомон и Бульварах… Очень подробно и чрезвычайно тактично. Она действительно была хорошо воспитана… Я видел это… По мере того как она рассказывала, все окутывалось каким-то неясным очарованием. Она не снимала ни вуаль, ни шляпу… под предлогом заботы о цвете лица… И, конечно, из-за парика… Обед у нас был не слишком обильным… Все же ее приглашали… Но в тот

момент, когда она доедала суп, она все-таки снимала шляпу, вуаль и остальные причиндалы… Она жадно пила прямо из тарелки… Она считала, что так гораздо удобнее… Конечно, из-за вставной челюсти. Было слышно, как та щелкает… Она не признавала ложек. Лук-порей она обожала, но его нужно было разрезать, это было слишком хлопотно. Трапеза заканчивалась, а она и не собиралась уходить. Она становилась развязной. Садилась к пианино, заложенному и забытому одной клиенткой. Никто его не настраивал, но оно все еще хорошо звучало.

Так как моего отца раздражало все, она тоже действовала ему на нервы, эта старая перечница со своими ужимками. И все же он смягчался, когда она начинала наигрывать мелодии вроде «Лючии ди Ламмермур»[37], а особенно «Лунную сонату».

Она приходила все чаще. Уже и без приглашения… Она видела, что дела у нас расстроены. Пока в лавке прибирали, она забиралась наверх, на третий этаж, усаживалась на табурет, ис-

---

[37] Примечания: 37

«Лючия» — имеется в виду опера Доницетти «Лючия ди Ламмермур», поставленная по роману Вальтера Скотта (1835). «Лунная соната» — одна из самых известных сонат Бетховена. «Вертер» — лирическая драма Массне, поставленная по роману Гете (1893). «Шале» — комическая опера Адама (1834).

полняла два или три вальса, потом «Лючию», а потом «Вертера». У нее был свой репертуар, вся опера «Шале» и «Фортунио»[38]. Нам приходилось подниматься к ней. Она никогда не прерывала музыки, пока мы не садились за стол. «Ку-ку!..» — говорила она, увидев нас. Во время обеда она очень трогательно плакала вместе с матерью. Но это не отбивало у нее аппетита. Лапша ее не смущала. Меня всегда шокировала ее манера просить добавки. Она проделывала этот трюк с воспоминаниями во многих местах, у множества в разной степени безутешных торговцев в других лавках, где только можно. Она знала более или менее хорошо всех покойников в четырех кварталах, Май и Гайон[39]. И всегда кончалось тем, что ее кормили.

---

[38] Примечания: 38

«Фортунио» — имеется в виду либо лирическое произведение Оффенбаха «Песня Фортунио», либо «Фортунио» Мессаже.

[39] Примечания: 39

В четырех кварталах, Май и Гайон — раньше Париж делился в основном на кварталы (так было удобнее для полиции), а не на округи (арондисманы), как теперь. Здесь речь идет о четырех кварталах второго округа, а именно: Гайон, Вивьен, Май, Бон Нувель. Квартал Гайон, ограниченный с севера бульварами Капуцинов и Итальянским, а на востоке улицами Грамон и Сент-Анн, включает в себя Пассаж Шуазель. Квартал Вивьен, ограниченный с севера Итальянским бульваром и бульваром Монмартра, а с востока улицами Монмартра и Нотр-Дам-де-Виктуар, включает в себя Пассаж Панорама. Квартал Май, ограниченный с севера бульваром Пуассоньер, а с востока улицами Пуассоньер, Пти-Карре и Монторгей, включает в себя улицу Женер и

Пассаж Сомон (ныне улица Башомон). Квартал Бон Нувель ограничен с севера бульваром Бон Нувель и Сен-Дени, а с востока бульваром Севастополь.

Она знала все семейные истории в Пассаже. Более того, если где-то попадалось пианино, ей не было равных… Несмотря на то что ей было за семьдесят, она могла еще спеть «Фауста», но соблюдала все предосторожности. Она давилась сырыми яйцами, только чтобы не сорвать себе голос… Она одна могла изобразить целый хор, руками делала рожок. «Вечная слава!..»[40] Ей удавалось одновременно стучать ногами и нажимать на клавиши.

В конце концов, никто не мог сдержаться, все просто умирали со смеху. Прямо при ней. Мадам Дивонн не останавливали подобные мелочи. Настоящая артистическая натура. Мама стеснялась, но тоже хихикала… Ей это было очень полезно…

---

[40] Примечания: 40

«Вечная слава» — «Вечная слава нашим предкам» — слова звучащие в хоре солдат в начале 4-го акта оперы Гуно «Фауст» (1859).

* * *

Моя мать больше не могла без нее обойтись, несмотря на все ее недостатки и капризы. Она брала ее с собой повсюду. Вечерами ее провожали до Порт Бисетр. Она возвращалась пешком в Кр-эмлэн, что рядом с психиатрической больницей.

В воскресенье утром она заходила за нами, и мы вместе шли на кладбище. Наше кладбище — это Пер-Лашез[41], сорок третий квартал. Мой отец никогда туда не ходил. Он панически боялся могил. Он шел только до Рон-Пуан напротив Рокетт. Там он читал газету и ждал, пока мы вернемся.

Склеп Бабушки содержался очень хорошо. Там постоянно были то лилии, то жасмин. Неизменно привозились розы. Это была единственная роскошь, которую наша семья себе позволяла. Меняли цветы в вазах, чистили до блеска плиты. Внутри был просто кукольный театр с разноцветными статуэтками и настоящими кружевными салфетками. Моя мать все время приносила но-

[41] Примечания: 41

Пер-Лашез — могила семьи Гийу находится на кладбище Пер-Лашез в 63-м районе. Там похоронены Селина Гийу, ее муж Жюльен Гийу, ее брат Виктор Лежан, ее дочь Маргарита, муж дочери Фернан Детуш, ее сын Луи Гийу.

вые, это ее утешало. Она тщательно отделывала интерьер.

Во время уборки она не переставала рыдать… Каролина была там, внизу, далеко… Я все время вспоминал Аньер… То, как мы там лезли вон из кожи ради жильцов. Я как бы снова видел все это. Несмотря на то что каждое воскресенье здесь все мыли и чистили, из глубины поднимался какой-то странный, едва ощутимый запах… немного острый, тонкий, кисловатый, что-то напоминающий… стоит его один раз почувствовать… как потом он уже преследует всюду, несмотря на цветы… даже в запахе цветов… Вас выворачивает от этого… он идет снизу… можно подумать, что ничего нет, вы ошиблись. И вот он снова!.. Я ходил в конец аллеи за водой для цветов… Пока мы работали… я молчал… А потом опять начинал ощущать слабый затхлый запах… Тяжелая дверь запиралась… Мы читали молитву… Возвращались в Париж…

Мадам Дивонн на ходу не прекращала болтать… у нее проснулся аппетит оттого, что так рано встали, потратились на цветы и так долго всхлипывали… К тому же у нее был диабет… Может, поэтому она постоянно хотела есть… Как только мы вышли с кладбища, она захотела пере-

кусить. Она не переставала говорить об этом, это походило на настоящую манию. «Ты знаешь, Клеманс, чего бы мне хотелось? Чтобы не показаться чревоугодницей!.. Маленький квадратик галантина на маленьком кусочке не очень черствого хлеба… Что ты об этом скажешь?»

Моя мать ничего не отвечала. Она была в растерянности… Я вдруг почувствовал, что меня тошнит… Что меня сейчас вырвет… Я думал о галантине… О том, какая должна быть сейчас голова у Каролины там, внизу… о всех червях… жирных… толстых… они грызут… копошатся внутри… Гниль… все переполнено гноем, зловонный ветер…

Отец был там… Он едва успел затащить меня за дерево… меня вырвало на решетку люка… Отец отскочил… Он не успел увернуться…

«Ах, мерзавец!..» — закричал он… Ему попало на брюки… На нас смотрели люди. Ему стало стыдно. Он быстро пошел один в другую сторону, к Бастилии. Он не хотел больше нас знать. Мы с дамами зашли в маленькое бистро выпить липового отвару, чтобы мне полегчало. Это было очень маленькое кафе, как раз напротив тюрьмы.

Позже я часто проходил там. И каждый раз я туда заглядывал. Там всегда было пусто.

* * *

Дядя Артур запутался в долгах. От улицы Камбронн до Гренель он занимал так много и никому никогда не отдавал, что жизнь его стала невыносима, он вконец промотался. Однажды ночью он тайком переехал. Ему помогал один его дружок. Они погрузили барахло на тележку, запряженную ослом. И отвалили в пригород. Мы уже легли, когда они заехали нас предупредить.

Артур воспользовался случаем, чтобы заодно избавиться и от своей подружки, служанки… Она поговаривала о серной кислоте… Одним словом, пришло время сматываться!

Они с приятелем нашли хижину, где никто не смог бы его побеспокоить, на склонах Атис-Мон. Уже на следующий день на нас обрушились кредиторы. Они не покидали Пассаж, скоты!.. Доставали отца даже в конторе «Коксинель». Какой позор! Мой отец был вне себя… Он снова начал скандалить…

— Что за шайка! Что за отродье!.. Что за грязная сволочь вся эта семейка! Ни минуты спокойствия! Меня достают даже на работе!.. Мои братья

ведут себя, как каторжники! Моя сестра торгует своей задницей в России! Мой сын уже насквозь испорчен! Как я влип! Как мне везет!..

Моя мать не находила, что сказать… Она больше не пыталась спорить… Он этим пользовался…

Кредиторы хорошо понимали, что отец дорожит честью семьи… Они не отпускали его ни на шаг. Они не вылезали из нашей лавки… Нам и так уже не хватало на еду… Если бы мы заплатили долги, то и вовсе бы сдохли…

«Мы поедем к нему в следующее воскресенье!.. — решил тогда мой отец. — Я поговорю с ним как мужчина с мужчиной!..»

Мы выехали пораньше, для большей уверенности, что застанем его еще трезвым… Сперва мы заблудились… Наконец нашли дорогу… Я ожидал увидеть дядю Артура поникшим, раскаивающимся, трясущимся от страха: где-то в углу пещеры, затравленным тремястами жандармами, гложущим засохших крыс… Словом, то, что я видел в «Занимательных картинках» при описании беглых рабов… Но дядя Артур… оказался совсем другим… Мы нашли его уже за столом бистро «Прекрасная Адель». Он устроил нам праздник под сенью деревьев… И пил он отнюдь не уксус, а хорошее сухое, причем в кредит!.. Маленький

стаканчик розового мюскаде… Лучших сортов… Он был в отличной форме… Никогда он не чувствовал себя лучше… Он развлекал всех соседей. Его находили неподражаемым… Приходили специально, чтобы его послушать… Никогда еще в «Прекрасной Адели» не было столько посетителей… Все стулья были заняты, даже на ступеньках сидели люди… Все мелкие собственники из Жювизи… в панамах… и все рыбаки в сабо заходили в «Прекрасную Адель» выпить аперитив и поглядеть на дядю Артура. Никогда они столько не смеялись.

Развлечения на любой вкус! Любые игры! Любые аттракционы! Разговоры!.. Головоломки!.. Под деревьями!.. Для дам… Дядя Артур был само воодушевление… всеобщий любимчик… Он суетился, лез повсюду… При этом не снимал с головы коричневый артистический берет. Даже сейчас, в разгар лета. И пот тек с него ручьями… Он ничуть не изменился… Остроносые башмаки, бархатные штаны… огромный галстук в форме салатного листа…

У него была слабость к служанкам, и он нашел себе уже трех… Они были так счастливы служить ему и любить его… Он не хотел, чтобы ему напоминали о нищете на улице Вожирар… Это уже

в прошлом!.. Он не дал даже закончить моему отцу… К чему вспоминать всякие глупости… Расцеловал нас всех по очереди… Он был очень рад нас видеть…

«Артур! Послушай меня хоть немного!.. Твои кредиторы осаждают наши двери!.. с утра до вечера!.. Они не дают нам покоя!.. Ты слышишь?» Артур одним жестом отмел все эти жалкие воспоминания. А мой отец выглядел как несчастный упрямый болван… В общем, он уже вызывал жалость! «Идите же все сюда!.. Иди, Огюст! Ты расскажешь потом! Я покажу вам самый замечательный вид в этой местности!.. Сен-Жермен ничто в сравнении с этим… Сперва тропинка вверх… потом налево, а там под зеленым сводом… моя мастерская!..»

Так он называл свою хижину… Она действительно была очень славная. Оттуда открывался вид на зеленую долину… Сена до Вильнев-Сен-Жорж, а с другой стороны леса Сенар. Нельзя представить себе ничего лучше. Ему повезло. Он не платил за жилье ни полушки. Само собой разумеется, он охранял пруд владельца…

Пруд заполнялся лишь зимой, летом он пересыхал. Дядю здесь часто навещали дамы. От служанок отбоя не было. Еды тоже хватало, причем с

избытком!.. Мускат, такой же, как в деревне, колбаса, артишоки и сливочные сырки… Конечно, все в полном беспорядке! Моя мать обожала такие сырки… Он совсем не был несчастен… Рассказывал о заказах, которые получил… Вывески для бистро, бакалейных лавок, булочных… «Другим польза, а мне удовольствие!» Это был его девиз… На стенах висело множество эскизов: «Фаршированная щука» — дохлая ядовито-красно-голубая рыба… «Прекрасная купальщица», — срисованная с одной его подружки-прачки, — огромные сиськи и невиннейшее выражение лица… За будущее можно было не беспокоиться. Живи и наслаждайся.

Прежде чем возвратиться в деревню, он все рассовал в три или четыре кувшина, всю жратву, как обычно прячут сокровища перед тем, как их зарыть… Он не хотел оставлять даже объедки. Остерегался случайных прохожих. На дверях он написал мелом: «Скоро вернусь».

Мы направились к шлюзу, где у него были знакомые моряки. Долго тащились по крутым тропинкам, мать ковыляла сзади. Когда дошли, ей стало плохо, она села на тумбу. Мы смотрели на буксиры, на парусные шлюпки, двигающиеся в шлюзах, такие беззащитные, такие хрупкие,

словно стеклянные в сравнении со стеной… Они не решаются нигде причалить.

Опухший смотритель шлюзов три раза сплюнул табак, засучил рукава и с хрипом вскарабкался на свою махину… Поворотная дверь задрожала, заскрипела и медленно пришла в движение… Забурлили водовороты… Створки дрогнули и подались… «Артемида» издала длинный гудок… двинулась вперед…

И вот Вильнев-Сен-Жорж… Серая лента Иветт… потом холмы… Внизу деревня… равнина… все усиливающийся ветерок… налетает на реку… раскачивает судно… Непрекращающийся плеск… Ветви хлещут по воде… С берега… Отовсюду… Долги уже забыты… О них даже не вспоминают… Воздух опьяняет нас… Никто больше не ругается с дядей Артуром… Он предлагает прокатиться на тот берег. Моя мать не соглашается сесть в лодку… Тогда он забирается в ялик один. Сейчас он покажет нам, на что он способен. Он гребет против течения. Мой отец оживляется, засыпает его советами, призывает к осторожности. Даже моя бедная мать встрепенулась. Опасаясь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного, она хромает за нами по берегу реки.

Дядя Артур мешает рыбакам, которые, сидя на

своих скамеечках, подбрасывают корм в воду… Те осыпают его бранью… Он застревает в кувшинках… Но сейчас все будет в порядке… Он дышит, как трое атлетов. Поворачивает, попадает в узкий проход, теперь ему нужно срочно выруливать, отступать к карьерам от огромного колесного парохода. Тот заявляет о себе издалека. «Цветок Карьеров» движется не спеша, с оглушительным грохотом… Он почти задевает дно реки… Поднимает все… тину, щук и тела утопленников… Забрызгивает грязью и распахивает оба берега… Повсюду, где он проходит, хаос и разрушение… Флотилия лодок раскачивается, натыкается на вехи… Шлюз почти затоплен… Для судов это губительно! «Цветок Карьеров» появляется из-за моста. Он раскачивается из стороны в сторону всем корпусом, всеми своими причиндалами, адскими механизмами. За ним тащится по меньшей мере двадцать барок, набитых мелким углем… Не самое удачное время для прогулок!.. Мой дядя хватается за пеньковый трос… У него уже нет времени, чтобы добраться до берега… Ялик поднимается на волнах. Его великолепная шляпа падает в воду… Он наклоняется, пытается дотянуться… Роняет весло… Он в растерянности… Хочет достать… Теряет равновесие… И падает в

воду навзничь, совсем как в кино… К счастью, он умеет плавать!.. Все бросаются к нему, обнимают, подбадривают… Апокалипсис миновал… спустился вниз к Рис-Оранжи и сеет там новые ужасы.

«Жареный пескарь» — место встреч рыбаков и рабочих из шлюза, здесь все собираются, поздравляют друг друга… Есть повод выпить… Едва обсушившись, дядя Артур присоединяется к остальным… У него идея!.. Создать клуб «Друзья паруса». Рыбаки не очень воодушевляются… Он собирает членские взносы… Его подружки в восторге… Мы остаемся ужинать… Облепленный бумажными фонариками и комарами, перед тарелкой супа дядя затягивает романс: «Поэт сказал однажды…»[42] Никто не хочет, чтобы дядя Артур

---

[42] Примечания: 42

«Поэт сказал однажды…» — начало припева песни «Звезда любви» (слова К. Файо, музыка П. Дельме), которую исполнял в начале века Лоранс Дешам:

«Один поэт однажды путешествовал во сне
И сказал мне, что есть в сияющем небе
Звезда, на которой все продолжается вечно
И любящие сердца никогда не расстаются.
Звезда любви, звезда опьянения,
Где любовники и любовницы
Любят друг друга день и ночь.
Поэт сказал однажды мне,
Что есть звезда,

На которой любят вечно».

возвращался к пруду… Его не отпускают… Он просто не знает, куда деться…

Мы отправились на вокзал… Мы исчезли незаметно, пока он продолжал ворковать… Но мой отец остался неудовлетворен… Особенно немного поразмыслив… Его терзали сомнения… Он не мог себе простить, что не сказал того, что хотел… Ему не хватило решительности. Мы поехали туда еще раз. У Артура уже была новая лодка с настоящим парусом… и даже с маленьким кливером на конце… Он лавировал, напевая «Соле мио». Его красивый голос разносился над песчаными карьерами. Он весь сиял… Отец больше не мог этого видеть… Так не могло продолжаться… Мы бежали, как трусы, даже не дождавшись аперитива… Никто не видел, как мы уехали… мы никогда больше не приезжали… Это было невозможно… Он нас развращал…

* * *

После десяти лет службы в «Коксинель» мой отец получил пятнадцатидневный отпуск, причем оплачиваемый… Ехать куда-нибудь втроем было неразумно… Слишком дорого… Но стояла ужасная жара, и в Пассаже можно было сдохнуть, а я был таким бледным и страдал от болезней роста. У меня был худосочный вид. Меня показали врачу, он сказал, что опасается за мое здоровье… «Не пятнадцать дней! А три месяца ему нужно было бы провести на воздухе!..» Вот что он сказал…

«Ваш Пассаж, — прибавил он, — это настоящая помойная яма… Здесь вы не заработаете ни гроша! Это просто бездонный писсуар… Уезжайте!..»

Он был так категоричен, что мать опять ударилась в слезы… Нужно было найти какой-то выход. Тратить унаследованные три тысячи франков не хотелось… Тогда они решили еще раз попробовать торговать на рынке: в Мерэ… в Онивале и особенно в Дьеппе… Я должен был дать обещание вести себя хорошо… не бить часов… не общаться с хулиганами… не отходить от матери ни на шаг… Я пообещал все, что они требовали… что я

буду умным и даже, когда вернусь, попытаюсь получить аттестат…

Успокоившись, таким образом, на мой счет, они решили, что можно ехать. Магазин закрыли. Сперва мы с матерью отправимся в Дьепп примерно на месяц… В наше отсутствие мадам Дивонн будет присматривать за лавкой, чтобы чего-нибудь не случилось… Отец присоединится к нам позже, он приедет на велосипеде… И проведет с нами две недели…

Приехав, мы устроились без особых хлопот. В Дьеппе мы жили над кафе «Синица», снимали комнату у одной почтовой служащей, спали прямо на полу, на двух матрацах. Единственным неудобством была вонючая раковина.

Когда настало время идти торговать на Большую площадь, моя мать вдруг испугалась. У нас с собой была целая коллекция изящных безделушек, вышивок и украшений. Слишком опасно раскладывать все это под открытым небом в незнакомом городе… Подумав, мы решили сами ходить к покупателям, это труднее, но меньше риска быть обворованными… Идя по набережной, мы стучались в каждый дом… Ну и работенка! Шмотки весили немало. Приходилось ждать перед домом на скамейке. Наиболее благо-

приятный момент наступал сразу после обеда… Нужно было дождаться звуков пианино… Вот они направляются в салон!..

Моя мать вскакивает и бросается к звонку… Иногда ее принимали, иногда нет… Все же ей удавалось кое-что сплавить…

Я так надышался воздухом, что буквально обалдел от него. Я даже стал плохо спать. Повсюду мне мерещились члены, задницы, корабли и паруса… Один вид развешенного на веревках белья способен был вызвать у меня судороги… Вот оно надувается… Возбуждает… женское нижнее белье…

Сначала море пугало нас… По возможности мы старались ходить по тихим улочкам. От сильного ветра можно было схватить лихорадку. Я дрочил без остановки…

В комнате рядом жил сын торгового агента. Мы делали уроки вместе. Он иногда щупал мой член, а дрочил он еще больше, чем я. Он приезжал сюда каждый год, поэтому хорошо знал типы всех кораблей. Он изучил все досконально: и такелаж, и фок-мачты… Трехмачтовые барки… Кают-компании… Трехмачтовые шхуны… Я с увлечением штудировал все это, пока мама ходила по виллам.

На пляже ее уже знали так же хорошо, как и продавца «коко»[43]… потому что видели, как она постоянно ошивается там со своим свертком… В нем были вышивки, выкройки, дамские украшения и даже утюги… Она бы продавала и потроха, кроличьи шкурки, лапки — все что угодно, только бы «протянуть» эти два месяца.

Совершая свои вылазки, мы старались держаться подальше от порта, опасаясь подходить близко из-за труб и тросов, о которые можно было легко споткнуться. Это было самое коварное место. Стоит упасть в тину, и ты пропал, останешься там, в глубине, тебя сожрут крабы, и никто не найдет…

Утесы также были опасны. Ежегодно целые семьи гибли на скалах. Малейшая неосторожность, неловкий шаг, рассеянность… Огромный камень катится на вас… Чтобы меньше рисковать, мы старались ходить только по улицам. Вечером сразу после ужина мы опять обзванивали всех подряд. Мы совершали настоящие турне… в один конец, потом в другой… По всему проспекту Казино…

Я ждал перед домами на скамейках… Слушал, как мать расхваливает товар… Она ужасно ста-

[43] Примечания: 43

«Коко» — напиток с добавлением цикория и лимона, который продавец разносил в специальном резервуаре на спине.

ралась… Я знал наизусть все, что она скажет… Я знал всех местных бродячих собак… Они подбегали, принюхивались и снова убегали… Я знал всех разносчиков, как раз в это время они обычно возвращались домой со своими тележками… Они толкают их перед собой рывками… На них никто не обращает внимания. И они не стесняются, хрипят… Харкают себе под ноги… и по сторонам… Прожектор рассекает тьму… Свет падает на человечка… Волна накрывает камни… рассыпается… накатывает снова… дробится… снова возвращается… затихает…

* * *

Афиши гласили, что пятнадцатого августа, после ярмарки, состоятся автомобильные гонки. Это должно было привлечь много народу, особенно англичан. Моя мать решила остаться еще ненадолго. Нам не очень везло, июль месяц был и вовсе плох, покупательницы сидели дома и занимались глупостями… Мы не смогли продать ни шляпки с воланами, ни болеро, ни даже «дамские рукоделия»… Если бы это им вообще было нужно!.. Но их интересует бог знает что… На берегу моря они сплетничали не меньше, чем в городе… Как и все светские дамы — исключительно о служанках и детском поносе…

Они совершенно отупели, им нужно было по двадцать раз повторять одно и то же, а они продолжали тупо пялиться на образцы…

Мой отец больше не верил нам. В письмах он выражал беспокойство. Он боялся, что мы совсем без денег. Было растранжирено более тысячи франков… Мать посоветовала ему взять деньги из наследства. Это было чрезвычайно благородно, но могло плохо кончиться. Я уже предвидел, что

меня ждет. Он ответил, что приедет. Мы ждали его у церкви. Наконец он появился на забрызганном грязью велосипеде.

Я думал, что он сразу начнет цепляться ко мне, обвинять меня во всех грехах, я уже приготовился к стремительной атаке… но ничего подобного!.. Напротив, он, казалось, был счастлив, что находится в нашем обществе и видит нас. Он похвалил меня за хорошее поведение и сказал, что я прекрасно выгляжу. Я был очень растроган. Он сам предложил прогуляться до порта… Он знал толк в кораблях. Решил тряхнуть стариной. Он разбирался в маневрах. Мы отпустили маму с ее тряпками и отправились к докам. Я очень хорошо помню трехмачтовый русский корабль, совсем белый. Недавно начался прилив, и он взял курс на узкий вход в гавань.

В течение трех дней он бороздил открытое море, боролся с волнами… все его кливера были в водорослях… Он вез опасный груз, незакрепленные бруски, целые горы в полном беспорядке, на всех палубах, в трюмах, везде один лед, огромные ослепительные кубы с поверхности реки, которые везли из Архангельска специально, чтобы продавать в кафе… Во время шторма он дал сильный крен и оказался в бедственном положе-

нии. Мы приходили с отцом посмотреть, как он болтается между маяком и гаванью. Волны так потрепали его, что большая рея задевала воду… Я как сейчас вижу капитана, огромного увальня, орущего в рупор в десять раз громче, чем мой отец! Его молодцы карабкались по вантам, подбирали паруса, гафели, фалы, даже те, что под большим Андреевским флагом… Все думали, что ночью его выбросит на скалы. Спасатели не хотели выходить в море, оставалось надеяться только на Бога… Потерялось шесть рыбачьих судов. Даже судно военно-морского корпуса, проходившее мимо, получило сильный удар о рифы Трото… Можно себе представить, что это было.

Перед кафе «Шалунья» шкоты переплетались… швартовые тумбы были расположены так, чтобы избежать опасности в случае, если судно отнесет… Но там все настолько напились, что им было все равно… Очевидно, слишком сильно натянули швартовы… Форштевень уперся в мол, где располагалась таможня… Великолепная фигура Девы на носу врезалась в него обеими сиськами… Это было грандиозно… Просто искры полетели… Бушприт разбил стекло… Протаранил бистро… Кливер оцарапал лавку…

Вокруг в ужасе визжат… Разбегаются по сто-

ронам. Слышны ругательства… Наконец все успокоились… Славный корабль пришвартовался… Встал у причала, обвитый пеньковыми тросами… В завершение последний парус падает у него на фок-мачте… распластавшись, как чайка.

Якорная цепь на корме стонет в последний раз… Земля принимает корабль. Из камбуза выходит кок, он бросает клекочущим птицам огромную миску еды. Верзилы, жестикулируя, стоят вдоль бортов, пьяницы из береговой команды не соглашаются установить трап… шкоты висят…

Военный писарь в рединготе поднимается первым… Наверху болтается шкив с куском бруса… Снова раздается ругань… Все опять шумят… У фалов копошатся грузчики… Открываются крышки люков… Это настоящий айсберг!.. И еще лес!.. Только успевай!.. Подъезжает повозка… Больше нам здесь нечего делать, мы переполнены впечатлениями.

Мы возвращаемся к семафору, теперь сигнал подает угольное судно. Оно проплывает мимо скалы Гиньоль, покачиваясь на волнах.

Шлюпка лоцмана вертится и скачет вокруг него с одной волны на другую. Он обезумел… Его все время отбрасывает… наконец он цепляется

за лестницу… карабкается… взбирается на борт. От Кардиффа суденышко с трудом пробивалось сквозь шторм… О его борта бьется водяная пыль и пена… Оно сопротивляется… Его относит к молу… Наконец море немного успокаивается, натиск его ослабевает, можно пройти в устье… Подходя, оно от напряжения дрожит всем корпусом, волны все еще преследуют его. Оно ворчит, хрипит на всех парах. Его снасти взвизгивают под порывами ветра. Дым стелется по гребням волн, отлив тащит его к дамбам.

Сейчас уже можно разглядеть Каске[44], судно вошло в узкий пролив… Во время отлива обнажились маленькие скалы…

Показались две одномачтовые яхты… Приближается развязка, нельзя терять ни минуты… Все взволнованы, сбились в кучу возле колокола, подающего сигнал тревоги… Рассматривают происходящее в бинокли… Один из соседей уступает нам свой. Порывы ветра становятся такими сильными, что невозможно открыть рот. Все уже задыхаются… Ветер вздувает море… оно осыпает брызгами прожектор… поднимается до самого

[44] Примечания: 44

Каске — группа островов недалеко от Великобритании, но от Дьеппа они расположены довольно далеко, так что разглядеть их оттуда невозможно.

неба…

Мой отец нахлобучивает фуражку… О возвращении думать еще рано… Три рыбацких судна без мачт достигают берега… Их гудки раздаются в глубине фарватера… Они окликают друг друга… Сталкиваются веслами…

Мама беспокоится, поджидая нас в «Мышке», кабачке, где собираются торговцы дарами моря… Она почти ничего не продала… Мы говорим только о дальних путешествиях.

* * *

Мой отец хорошо плавал, он был просто помешан на купаниях. Я же не очень любил купаться. Пляж в Дьеппе был не ахти какой. Но отпуск есть отпуск! К тому же здесь я стал еще грязнее, чем в Пассаже.

В «Синице» у нас был один тазик на троих. Я никогда не мыл ноги. От меня уже воняло почти так же, как от раковины.

Для купания требовалось немалое мужество. Вспененный, вставший дыбом, полный сотен тысяч мелких камней, ревущий гребень разбивается о берег и тащит за собой.

Продрогший трясущийся ребенок едва удерживается на ногах… Целый град булыжников обрушивается на меня среди пены и водяных хлопьев. Под обстрелом камней голова содрогается, втягивается в плечи… Каждая секунда кажется последней… Мой отец в полосатой майке между двух ревущих стен надсаживается от крика. Он появляется передо мной… Отплевывается… ругается… Новый вал переворачивает его, тащит назад, ноги мелькают в воздухе… Он дрыгает

ими, как лягушка… Ему уже не подняться, он сломлен… Тут мне в грудь летит новый залп гальки… Я сгибаюсь… Тону… Ужас. Я сметен волной… меня выбрасывает к ногам матери… Она пытается схватить и удержать меня… Но новая волна вырывает меня и уносит. Она дико вопит… Сбегается весь пляж… Но все усилия напрасны… Купальщики взволнованы… Меня то тянет в глубину, то выносит наверх, я хриплю и задыхаюсь… Как вспышки, мелькают люди, обсуждающие мое бедственное положение… Разноцветные: зеленые… голубые, призрачные, желтые… лимонные… меня разрывает на части… Я уже ничего не вижу… Меня душит спасательный круг… Выбрасывает на скалы, как кашалота… Мне в рот льют лекарства, растирают арникой… Я весь горю под повязками… Проклятые растирания… Я связан по рукам и ногам тремя пеньюарами…

Все вокруг говорят… Что море слишком неспокойно для меня! Прекрасно! Хватит! С меня довольно!.. Это была жертва… Ради очищения…

* * *

Прошло уже целых десять дней. На следующей неделе все завершится. Мой отец вернется в контору. Стоит об этом подумать, как начинает болеть живот. Нельзя терять ни минуты.

Торговля идет так вяло, что мы вдруг впадаем в настоящую панику и отваживаемся на путешествие… Решено ехать в Англию… Предстоящее возвращение лишает нас рассудка… и толкает на крайности…

Выезжаем с восходом солнца сразу после кофе с молоком… Остатки бабушкиных сбережений… все равно!.. половины уже нет!..

Мы пришли на корабль задолго до отплытия… Удобные места, почти у форштевня… Прекрасно виден весь горизонт… Я должен был первым заметить чужой берег… погода стояла неплохая, но как только мы отошли от берега и потеряли из виду маяк, начинается качка… Она все усиливается, это уже похоже на настоящее плавание… Моя мать цепляется за поручни… Ее первую рвет на палубу… На мгновение ей становится легче…

«Займись ребенком, Огюст!» — стонет она…

Этого было достаточно, чтобы силы снова покинули ее…

Остальные тоже корчатся в неестественных позах… над бортами и релингами… при такой болтанке можно блевать, не стесняясь, не обращая ни на кого внимания… Единственный туалет… Сразу четверо, обалдев от рвоты и вцепившись друг в друга, уже забились туда… Море все раздувается… После каждого толчка, подъема на волну следует целый залп блевотины… При спуске по меньшей мере еще двенадцать, только более обильных, более насыщенных… Ураганный ветер срывает промокшую вуаль с моей матери… и затыкает ею рот дамы на другом конце палубы… корчащейся в рвотных судорогах… Никакой стойкости! Извергается все!.. конфитюры… салат… телятина с грибами… кофе со сливками… рагу!..

Стоя на коленях на палубе, моя мать силится улыбнуться, у нее течет слюна…

— Вот видишь, — говорит она, — при носовой качке… ужасно… Вот видишь, Фердинанд, у тебя в желудке еще остался тунец!.. Попробуем еще раз вместе. Буа!.. Буа!.. Она ошиблась! это блинчики!.. Думаю, что с таким же успехом я мог бы выдать и жареный картофель… без особых усилий… Просто вывернув свои внутренности и извергнув

их на палубу… Я стараюсь… лезу вон из кожи… Еще одна попытка… огромный вал обрушивается на бортовое ограждение, грохочет, заливает, сбивает с ног, откатывается, сметая все с нижней палубы… Пена бурлит, клокочет, перемешивается с блевотиной… Опять начинается рвота… При каждом погружении ты расстаешься с душой… при подъеме она возвращается в потоке слизи и вони… соленая, стекает по носу, это выше человеческих сил!.. Какой-то пассажир просит пощады… Божится, что уже пуст!.. Напрягается изо всех сил!.. И все-таки выдает малину!.. Он с испугом уставился на нее… Он намерен выблевать оба глаза… И прилагает к этому усилия… Изгибается дугой у рангоута… Старается блевать через все отверстия… Мама падает на перила… Она вся изблевалась… Из нее вышла морковка… кусочек жира… и целый хвостик барабульки…

Наверху, рядом с капитаном, блюют пассажиры первого и второго класса, они наклоняются, и все это летит на нас… При каждом подъеме на волну на нас льется настоящий поток, летят целые куски пищи… нас хлещет объедками… кусками тухлятины… Все это разносится порывами ветра… красуется на вантах… Вокруг ревет море, клокочет пена… Отец, затянув под

подбородком ремешок фуражки, дает нам советы… расхаживает взад-вперед, ему везет, у него морская душа!.. Он советует нам еще сильнее согнуться… поползать… Появляется какая-то пассажирка… Она, качаясь, идет прямо к маме… устраивается поблевать… Тут же подбегает песик, ему так плохо, что он гадит прямо ей на юбку… Он переворачивается, показывая нам живот… Из уборной доносятся ужасные крики… Те четверо, что заперлись там, не могут больше ни блевать, ни помочиться… даже посрать… Они тужатся над очком… Вопят, как будто их убивают… А ураган все усиливается, напряжение возрастает, судно снова погружается… проваливается в бездну… в зеленую мглу… Оно все истрепано… У нас в брюхе снова переворачиваются внутренности…

Какой-то наглый приземистый тип прямо перед нами помогает своей супруге блевать в бачок… Он подбадривает ее…

«Давай, Леони!.. Не бойся!.. Я здесь!.. Я держу тебя!» Вдруг она поворачивает голову по направлению ветра… Вареное мясо, приправленное луком, салом и чесноком, клокотавшее у нее в глотке, летит мне прямо в физиономию… У меня набивается полный рот фасоли, томата… а ведь мне уже нечем было блевать!.. Теперь снова есть

чем… Я слегка напрягаюсь… внутренности снова поднимаются… Ну, держись!.. Пошло!.. Весь набор уже у меня в горле… Я выверну ей прямо в рот все мои кишки… Я приближаюсь ощупью… мы тихонько подползаем… Беремся за руки… падаем… Крепко обнимаемся… и блюем друг на друга. Мой добрый отец и ее муж пытаются нас разнять… Они тащат каждый в свою сторону… Им не понять, что происходит…

Прочь, низменные чувства! Буа!.. Этот муж просто грубый упрямый чурбан!.. О крошка, мы поблюем вместе!.. Я выдаю его красотке прекрасный клубок лапши… с томатным соусом… Трехдневный сидр… Она возвращает мне швейцарский сыр… Я посасываю его волоконца… Моя мать запуталась в канатах… пытается выбраться… Песик тащится за ней, вцепившись в юбку… Все уже измучились с женой этого детины… Меня грубо оттаскивают… Чтобы вырвать меня из ее объятий, он лупит меня ботинком по заднице… в стиле «боксер-тяжеловес»… Мой отец пытается его задобрить… Но он не успевает сказать и двух слов, как тот отвешивает ему такой удар кулаком прямо в желудок, что отец растягивается на лебедке… Но это еще не все!.. Эта скотина прыгает ему на спину… Он уже разбил ему всю физионо-

мию… И наклоняется, чтобы добить его… У отца течет кровь из носа… она мешается с блевотиной… Он, пошатываясь, цепляется за мачту… Наконец падает… Но муж все еще не удовлетворен… Воспользовавшись тем, что меня относит волной… он бросается на меня… Я отползаю… Он отбрасывает меня в уборную… Как настоящий таран… Я упираюсь… И со всего маху влетаю в двери… Попадаю к изнеможенным субъектам… ворочаюсь в этой куче… Я попал в самую середину… Они все без штанов!.. Я тяну за цепочку… На нас обрушивается настоящий смерч! Мы буквально утонули в горшке… А поток блевотины не иссякает… Я уже не знаю, жив я или мертв…

* * *

Всех привела в чувство сирена. Одни потащились в туалет. Другие прилипли к иллюминаторам… Вдали виднеется огромное кружево свай… Мы смотрим на Англию, как будто приплыли в Потусторонний Мир…

Здесь тоже есть зелень и скалы… Но гораздо более темные, неровные, чем показалось в первый момент… Вода уже стала совсем гладкой… Можно спокойно блевать… Но позывы прекратились. Моя мать периодически начинает плакать, вспоминая, как она блевала… Я весь в синяках… Перед подходом к берегу в рядах пассажиров воцаряются тишина, страх и беспокойство. Мертвецы не могли бы вести себя тише.

Судно бросает якорь, еще два-три раза дергается и, наконец, встает. Мы начинаем рыться в поисках билетов… Пройдя таможню, пытаемся хоть как-то прийти в себя. Моя мать выжимает юбку, с нее течет ручьем. Отец сильно потрепан, у него отсутствует кончик уса. Я стараюсь не смотреть, у него под глазом темнеет фингал. Он прикладывает к нему платок… Все понемногу

успокаиваются. Дорога еще покачивается. Мы идем вдоль лавок, крошечных, как у них принято, с закрытыми ставнями и маленькими ступенями, выкрашенными белой краской.

Моя мать старается изо всех сил, она не хочет быть нам в обузу, но все равно ковыляет сзади… Хорошо бы найти гостиницу, сразу же снять комнату, чтобы она могла отдохнуть… хоть минуту… Мы уже не собираемся в Лондон, мы слишком вымокли… Мы рискуем заболеть, если продолжим путешествие… И башмаки не выдержат. Они уже давно просят каши и издают такие звуки, будто идет целое стадо.

Вот и гостиница… На фасаде надпись золотыми буквами… Но перед самой гостиницей мы вдруг дрогнули… Повернули назад… Дождь все усиливается. Как только подумали, сколько здесь все может стоить… Стало страшно… Заходим в чайную… Это как раз для нас… Садимся, смотрим на чемодан… Но это же не тот!.. На таможне в суматохе мы ошиблись!.. Поспешно возвращаемся… Нашего чемодана нет!.. Тот же, что был у нас, отдают начальнику вокзала… В результате мы остаемся ни с чем!.. Хуже ничего нельзя себе представить!.. Такое могло случиться только с нами!.. В каком-то смысле это действительно

так… Мой отец прав… Не во что переодеться… не осталось ни одной рубашки! Все же нужно идти… Вся деревня видит, как мы втроем тащимся под проливным дождем. Настоящие бродяги! Нужно выбрать, по какой дороге идти… Мы пошли по первой попавшейся… За последним домом…

«Brighton»… Так написано на дощечке, он в четырнадцати километрах отсюда… Это не страшно, так как мы всегда были хорошими ходоками. Правда, мы никогда не ходили вместе. Мой отец все время держится впереди… Он не очень-то горд тем, что идет с нами… Даже теперь, промокший, грязный, разбитый, он старается отделиться… Одна мысль о том, что мы с ним заговорим, причиняет ему страдание… Он сохраняет дистанцию.

Моя мать уже высунула язык, так ей больно тащить свою ногу. Она дышит, как побитая собака.

Дорога вьется между скал. Ливень усиливается. Внизу, в бездне, полной облаков и камнепада, шумит океан.

Морская фуражка отца нахлобучена почти до подбородка. Его пыльник так облегает формы, что задница напоминает луковицу.

Мама, ковыляя, снимает шляпку, ту самую, с жаворонками и вишенками. Ее оставляют на

память кусту… Вокруг вьются и кричат чайки. Они, должно быть, как и мы, поражены видом тяжелых грозовых туч… Сгибаясь под порывами ветра, мы не теряем присутствия духа… Скалы, подъемы, как волны, еще и еще… бесконечно… Мой отец постепенно скрывается в тумане… Растворяется в потоках ливня… Видно, как он уменьшается вдали, на другом склоне.

«Поднимемся еще на эту, Фердинанд!.. И я отдохну! Как ты думаешь, он уже видит этот «Бриштон»? Как ты думаешь, еще далеко?..» Ее силы на исходе. Присесть невозможно. Все пригорки размокли… Ее одежда села так, что рукава доходят лишь до локтей… Ботинки раздулись, как бурдюки… Вдруг нога матери подгибается… Подается под ее весом… И она падает вниз, в рытвину… Ее голова запрокинулась… Она не в состоянии даже шевельнуться… Пускает пузыри, как лягушка… Дождь в Англии — это подвешенный в воздухе океан… В нем постепенно тонешь…

Я громко зову на помощь отца… Мама сползает все дальше! Я тащу ее изо всех сил. Дергаю. Все напрасно!.. А вот и наш путешественник. Он обалдел от тумана. Мы напрягаемся вместе… Тянем и тянем, раскачиваем ее. Выкорчевываем из густой грязи… Она продолжает улыбаться. Ей доставляет

особое удовольствие снова видеть своего Огюста. Она спрашивает у него, что нового… Не слишком ли он устал?.. Что он видел на краю утеса? Он ничего не отвечает… Только говорит, что нужно пошевеливаться… Необходимо вернуться в порт поскорее… Еще сто подъемов, сто спусков… до полного изнеможения. Наша дорога стала неузнаваема, настолько гроза ее перепахала… Наконец показались огни… порт и маяки… Уже глубокая ночь… Держась друг за друга, пошатываясь, мы снова проходим мимо того же отеля… Ничего не истратив… Никого не встретив… Никакой одежды у нас больше нет, лишь те жуткие лохмотья, что на нас… У нас такой изможденный вид, что на судне к нам проявляют участие… Разрешают перейти из третьего во второй класс… предлагают лечь… На вокзале в Дьеппе мы ложимся прямо на скамейки… С возвращением больше нельзя медлить… В поезде разыгрывается еще одна сцена по поводу маминых запоров…

— Ты не ходишь уже восемь дней!.. Значит, ты больше никогда не сходишь!

— Но я схожу дома…

Его выводило из себя то, что она не ходит регулярно, это неотступно его преследовало. Поездки вызывают запоры. Он думал теперь только о

какашках. В Пассаже наконец-то можно было обсушиться. Мы все трое схватили насморк. Мы еще легко отделались. У отца был замечательный синяк. Можно было подумать, что это лошадь лягнула его, когда он подошел к ней сзади…

Мадам Дивонн была любопытна, ей хотелось знать все. Все подробности приключений… Она тоже была в Англии во время свадебного путешествия. Чтобы лучше слышать рассказ, она даже прерывает игру на пианино… На самой середине «Лунной сонаты».

Месье Визьо тоже падок до всего необычного и занимательного… Эдуард пришел с Томом послушать новости… У меня и мамы были кое-какие свои впечатления… Но отец не желал, чтобы мы об этом рассказывали… Он один говорил без умолку… Можно было подумать, что он успел увидеть нечто замечательное… и фантастическое… неслыханное… совершенно невообразимое… в конце дороги… там, за утесом… Когда скрылся в тумане… между «Бриштоном» и ураганом… Отец совсем один, отдельно ото всех!.. затерявшийся в вихре… между небом и землей…

Он уже больше не стеснялся, расписывал им настоящие чудеса… Брызгал слюной до изнеможения!.. Мама ему не противоречила… Она

всегда была счастлива, когда он имел успех… «Не так ли, Клеманс?» — спрашивал он, когда байки становились совершенно неправдоподобными… Она все одобряла и подтверждала… Она, конечно, понимала, что он преувеличивает, но это же доставляет ему удовольствие!..

— Ну, а в Лондоне вы были? — спросил похожий на ребенка месье Лерозит, торговец очками из 37-го, получавший из Лондона стекла…

— Конечно! Но только в окрестностях… Мы видели главное!.. Это порт! В сущности, единственное, что заслуживает там внимания! И еще пригороды… У нас было всего несколько часов!..

Мама оставалась невозмутимой. Он врал напропалую… Во время кораблекрушения поднялся такой шум… Женщин начали вытаскивать на утес при помощи лебедки… А как он прогуливался по Лондону, с теми, кто уцелел… В основном это были иностранцы! Его уже было не остановить!.. Он даже подражал их акценту.

Каждый вечер после обеда снова начиналось сборище… Чудеса… еще чудеса!.. Мадам Меон в своей хибаре опять заволновалась… Она расположилась прямо напротив, но не переходила дорогу… Ведь мы поссорились насмерть… Она заводила свой граммофон, чтобы прервать отца…

Вынудить его остановиться… Чтобы шум не мешал, мама закрывала магазин. Спускала шторы… Тогда Меонша стала стучать в стекла, провоцируя отца, чтобы он вышел и вступил с ней в перебранку… Моя мать встала между ними… Это вывело всех соседей из себя… они все были на нашей стороне… Они уже почувствовали вкус к путешествиям… Однажды вечером, возвращаясь с прогулки, мы не услышали ни Меонши, ни ее граммофона… Обычные участники вечеров собирались по одному… Устраивались в комнате за лавкой… Отец начинает свой рассказ… но уже совсем по-новому… Когда вдруг со стороны этой гадины раздается… Тарарах!.. ужасный грохот!.. Взлетают ракеты!.. Целый сноп огня! Взрыв! Совсем рядом с лавкой!.. Дверь отскакивает! И мы видим, как эта старая кляча жестикулирует факелом и ракетами… Она поджигает порох!.. Раздается свист, все кружится! Вот что она придумала, чтобы разрушить очарование! Она беснуется, как дьявол! Огонь попадает на ее юбку, она тоже воспламеняется! Все бросаются к ней! Набрасывают на нее занавески, тушат ее! Но ее корсетная лавка уже горит! Прибывают пожарные! Эту сволочь больше никто не видел!.. Ее

увезли в Шарантон![45] Она осталась там навсегда! Никто не хотел ее возвращения! По Пассажу была пущена бумага для сбора подписей, что она сумасшедшая и ее невозможно выносить…

[45] Примечания: 45

Шарантон — психиатрическая больница, называемая «Шарантон», находилась на территории городка Сен-Морис.

* * *

Снова настали плохие времена… Больше не было разговоров ни об отпуске, ни о рынках, ни об Англии… Наша стеклянная крыша гудела под ливнями, в галерее было не продохнуть от острого запаха прохожих и их собачек.

Наступила осень…

Я постоянно получал подзатыльники за то, что валял дурака, вместо того чтобы учиться. В школе я многого не понимал. Мой отец опять обнаружил, что я настоящий кретин. На море я подрос, но стал еще более ленивым. Я погряз в безделье. Он снова устраивал ужасные скандалы. Кричал, что я подлец. Мама опять принялась ныть.

Торговля шла очень плохо. Мода постоянно менялась. Изменились фасоны шляп, снова вернулись батистовые кружева, клиентки обкладывали себе ими сиськи, натыкали в волосы, украшали ими сумочки. Мадам Эронд спешно попыталась перестроиться. Она изобрела болеро «в строгом ирландском стиле», рассчитанном на двадцать лет. Но, увы, это было лишь мимолетное веяние! Удостоившись Гран-при, вскоре

они уже использовались только для украшения абажуров… Иногда мадам Эронд так уставала, что путала все заказы, однажды она вернула нам «нагрудник», украшенный вышивкой, предназначенной для пододеяльников… Происходили грандиозные скандалы… клиентки заливались слезами и грозили судом! Ее горе не знало границ, мы возмещали все убытки, а потом следовали два месяца лапши… Накануне моего аттестата в лавке разразилось настоящее землетрясение. Мадам Эронд выкрасила в цыплячий желтый цвет ночную сорочку, которую нужно было превратить в «подвенечное платье»! Это был удар ниже пояса!.. Ужасная оплошность! Клиентка сожрет нас!.. Ведь все совершенно ясно написано в записной книжке!.. Мадам Эронд рыдала на плече моей матери. Отец первым вышел из себя!

— Ах, ты навсегда останешься такой! Ты слишком добра. Разве я тебя не предупреждал? Они доведут нас до суда! Эти твои работницы!.. Ах! представь, что я хоть чуть-чуть ошибся в «Коксинель»!.. Ох! я так и вижу себя в конторе! — Предположение было настолько ужасным, что он почувствовал себя уже уволенным!.. Он побледнел!.. его усадили… Все!.. Я снова принялся за арифметику… Это он заставлял меня зубрить…

Если я не мог ответить, он отвешивал мне подзатыльники, потому что сам запутывался в своих собственных объяснениях. Я слушал невнимательно… Понимал плохо… Витал в облаках… Он анализировал мои недостатки… Находил меня неисправимым… Я же считал его совершенно невменяемым… Он то и дело принимался что-то хрипеть по поводу моего «деления». Полностью запутывался… Еще раз давал мне по башке… Ему хотелось, чтобы я ревел… Ему казалось, что я хихикаю… что я издеваюсь над ним… Тут прибегала моя мать… Его ярость удваивалась… Он орал, что хочет умереть!

* * *

В утро экзамена мать закрыла лавку, чтобы иметь возможность подбодрить меня. Он проходил в общине Сен-Жермен-л'Оксеруа, в том же внутреннем дворе. В напутствие она дала мне совет чувствовать себя уверенно. Момент был торжественный, она вспомнила Каролину и немного всплакнула…

По дороге она заставила меня пересказать басни и список департаментов… Ровно в восемь мы были там перед решеткой, чтобы записаться. Одеты все были тщательно, мальчики вымыты, но нервы у всех были напряжены до предела, и у матерей тоже.

Сначала был диктант, потом задачи. Это было нетрудно, я помню, нужно было только списать. Сдавали те, кто провалился осенью на предыдущей сессии. Почти для всех это было трагедией… Особенно для тех, кто хотел стать подмастерьями… На устном я очень удачно попал к толстому человечку с носом, сплошь усеянным бородавками. Он носил большой галстук-бант, почти в стиле дяди Артура, но не был артистом… Это был

аптекарь с улицы Гомбу. У нас были общие знакомые. Он задал мне два вопроса про растения… Этого я не знал совершенно… Он ответил сам себе. Я смутился. Тогда он спросил у меня расстояние от Солнца до Луны, а потом до Земли и обратно… Я не осмелился слишком вылезать. Ему пришлось меня выручать. О временах года я знал немногим больше. Я пробормотал что-то неопределенное… По правде говоря, он не был слишком требователен… На все он отвечал за меня.

Тут он задал мне вопрос о том, что я буду делать, когда получу аттестат.

— Я займусь торговлей, — подобострастно ответил я.

— Торговля — это тяжелое дело, малыш!.. — ответил он мне… — Могли бы вы еще подождать?.. Может быть, на следующий год?..

Он, должно быть, не считал меня здоровяком… Внезапно я подумал, что провалился… Я представил себе возвращение домой, драму, которую вызову… Я почувствовал головокружение… Мне показалось, что я сейчас упаду… меня как будто уже колотили… Я схватился за стол… Старик увидел, как я побледнел…

— Да нет, мой мальчик! — сказал он. — Успокойтесь же! Это все ерунда! Я приму у вас! Вы

вступите в жизнь! Раз вы так этого хотите!

Я снова уселся на скамью у стены!.. Я был потрясен. Я спрашивал себя, не была ли это просто уловка с его стороны… Чтобы отделаться. Моя мать сидела около церкви на стульчике, ждала результатов…

Закончили еще не все… Еще оставались мальчики… Теперь я заметил их. Они бормотали свои ответы, уткнувшись глазами в пол… карта Франции, континенты…

После его слов о вступлении в жизнь я смотрел на своих маленьких товарищей так, как будто увидел впервые… Страх не пройти пригвоздил их к столу, они корчились, как в ловушке.

Вот так и вступают в жизнь? Даже в это мгновение они старались уже не быть мальчиками… Старались придать лицам такое выражение, как у взрослых мужчин…

Одетые в фартуки, все они немного походили друг на друга. Это были такие же, как я, дети мелких торговцев из центра, имевших свои лавки или магазины… Все они были довольно хилые… Таращили глаза, силясь ответить старику…

Сидящие вдоль стен родители следили за этой процедурой… Они наблюдали за своими детьми, бросая на них суровые взгляды, чтобы настро-

ить их на серьезный лад. Мальчики все время сбивались… Съеживались все больше… Старик был неутомим… Он отвечал за всех… Это была сессия кретинов… Матери постепенно выходили из себя… Они грозили жестокой расправой… В комнате пахло убийством… Наконец всех ребят проэкзаменовали… Оставалось огласить список получивших аттестат… Чудо из чудес!.. Экзамен выдержали абсолютно все! Инспектор Академии объявил об этом со сцены… На животе у него была цепочка с большим брелоком, который подпрыгивал при каждой фразе. Он немного запинался, перепутал все имена… Это уже не имело никакого значения…

Воспользовавшись случаем, он сказал несколько проникновенных слов… очень сердечных… очень ободряющих… Он заверил нас, что, если мы будем вести себя в жизни достойно, мы можем быть уверены, что позже будем вознаграждены.

Я описался и обкакался, мне было трудно двигаться. Я был не одинок. Все дети бегали через двор. Но моя мать сразу же почувствовала запах, когда сжимала меня в объятиях… От меня так воняло, что пришлось держаться подальше от остальных. Я не мог даже попрощаться со своими приятелями… занятия закончились… Чтобы по-

быстрее вернуться, мы сели в фиакр…

Там устроили сквозняк. При помощи забавных окошечек, которые хлопали всю дорогу. Она снова заговорила о Каролине. «Как бы она была счастлива, узнав, что ты выдержал экзамен!.. Ах! Если бы она была жива!..»

Мой отец, не зажигая света, ждал на первом этаже результатов. Он был так взволнован, что уже принялся приводить в порядок товар на витрине…

— Огюст! Он выдержал!.. Ты слышишь меня?.. Он выдержал!.. Он легко прошел!..

Он крепко обнял меня… Зажег свет, чтобы меня видеть. Он смотрел на меня с любовью. Он был невероятно взволнован… Его усы дрожали…

— Прекрасно, мой мальчик! Ты заставил нас сильно поволноваться!.. Теперь я поздравляю тебя!.. Ты вступаешь в жизнь… Будущее в твоих руках!.. Нужно найти достойный пример для подражания!.. Идти прямой дорогой!.. Работать!.. Упорно трудиться!..

Я попросил у него прощения за то, что всегда был таким неблагодарным. Расцеловал его от всего сердца… Но от меня так сильно воняло, что он стал принюхиваться…

— А! Что? — он оттолкнул меня. — Ах! свинья!..

Засранец!.. он весь в дерьме!.. Ах! Клеманс! Клеманс!.. Отведи его наверх, прошу тебя!.. Не выводи меня из себя! Он омерзителен!..

Излияния кончились.

Меня вычистили с ног до головы, протерли одеколоном. На следующий день приступили к поискам по-настоящему приличного дома, где я мог бы заняться торговлей. Места, где ко мне были бы построже, где бы мне ничего не спускали.

Не помучишься — не научишься! Таково было мнение Эдуарда. У него был двадцатилетний опыт. Остальные думали так же.

* * *

Самое главное в торговле — это внешний вид. Служащий, который не следит за собой, бросает тень на хозяев… Ваша репутация зависит от обуви!.. Не жалейте денег на ноги!..

Около Центрального рынка находился известный магазин «Принц Регент»… Как раз то, что нужно! Жесткие и заостренные формы всегда производят впечатление… стиль «утиные носы». Ногти впиваются вам в мясо, это чрезвычайно изящно! Моя мать купила мне сразу две пары, которые практически невозможно было носить. Потом мы пошли в магазин верхней одежды «Высший класс»… Чтобы закончить мою экипировку, мы воспользовались магазином уцененных товаров.

Она заплатила за три пары безупречных и прочных брюк, взятых с запасом на десять лет. Я рос быстро. Куртка тоже была самая темная, на руке у меня была повязка, траур по Бабушке. Я должен был производить серьезное впечатление. Ни в коем случае нельзя было ошибиться в выборе воротничков… В молодости, когда у

тебя тонкая шея, их ширина чем-то подкупает. Единственным дозволенным украшением был галстук-бабочка, повязанный особым образом. И конечно, цепочка от часов, но тоже из-за траура выкрашенная в коричневый цвет. Все это у меня было. Я был корректен. Предупредителен. Отец тоже носил часы, но золотые, настоящий хронометр… Он считал на них секунды… Большая, быстро бегущая стрелка гипнотизировала его. Он часами, не двигаясь, мог смотреть на нее…

Моя мать повела меня к месье Берлопу в «Ленты и оборки» на улице Мишодьер, сразу за Бульварами.

Она была настолько щепетильна, что обо всем предупредила его заранее… Что они со мной намучаются, что от меня можно ждать чего угодно, что я довольно ленив, совершенно непослушен и чрезвычайно легкомыслен. Таково было ее мнение… Я же всегда старался изо всех сил. Более того, она сказала, что я постоянно ковыряю в носу и это настоящая мания. После ее рекомендации мне стало стыдно. Конечно, они все время пытались меня исправить, но немногого достигли… Месье Берлоп, слушая эти подробности, неторопливо чистил себе ногти… Он оставался серьезным и озабоченным. На нем был замечательный жилет,

весь усеянный золотыми пчелами… Еще я помню его веерообразную бороду и круглую вышитую ермолку, которую он не снял и при нас.

Наконец он ответил… Он попытается меня воспитать… Он даже ни разу не взглянул на меня… Если я проявлю добрую волю, ум и старательность… Ну, а там видно будет… После нескольких месяцев работы в отделе он, может быть, переведет меня на другое место… К коммивояжеру… Носить коробки с образцами товаров… Я познакомлюсь с покупателями… но перед тем как меня взять, нужно посмотреть, на что я способен… Есть ли у меня коммерческая жилка!.. Призвание к торговле… Компетентность… Преданность…

Впрочем, после всего, что сказала моя мать, это становилось весьма сомнительным…

Во время беседы месье Берлоп причесывался, прихорашивался, у него всюду были зеркала… То, что он нас принял, было честью для нас… Впоследствии мама часто повторяла, что хозяин проявил любезность, удостоив нас личной беседы.

«Берлоп и сын» не брали кого попало на воспитание, даже бесплатно!

На следующий день, ровно в семь часов, я был уже на улице Мишодьер перед их жалюзи… Я сразу же помог мальчику поднять их… Я вертел

ручку… Мне хотелось сразу же продемонстрировать усердие…

Ну конечно же, сам Берлоп не занимался моими первыми шагами, это делал месье Лавлонг… Без сомнения, редкая сволочь. Он следил за вами весь день, с первой же минуты… Ходил за вами по пятам, подошвы его были подбиты войлоком… Весь изгибаясь, сзади, из коридора в коридор… С руками, висящими вдоль тела, готовый прыгнуть, наброситься на вас… Он собирал сигареты… даже самые маленькие окурки… брошенные неизвестно кем…

Не успел я снять пальто, как он меня уведомил:

— Я ваш непосредственный начальник! Как вас зовут?

— Фердинанд, месье…

— Так, я вас предупреждаю… В этом доме не паясничать! С сегодняшнего дня начинается испытательный срок, месяц… В моей власти выставить вас на улицу! Вот! Ясно? Понятно?

Проговорив это, он исчез, как призрак, между штабелями коробок… Он постоянно что-то бормотал… Мог появиться в любой момент, когда его совсем не ждали… Он был горбун. Прятался за спинами покупателей… Продавцы тряслись пе-

ред ним с утра до вечера. Он все время улыбался, но как-то странно… Настоящая зараза…

* * *

Когда весь товар перемешан в беспорядке, иметь дело с шелком хуже, чем с любой другой тканью. Все куски, отрезы, образцы, начатые рулоны разбрасываются, разматываются, бесконечно путаются… К вечеру на это невозможно смотреть. Попадаются чудесные нагромождения, совершенно невероятные, как кусты.

Весь день девушки на посылках, швейки кудахчут у прилавков. Они роются, что-то находят, ругают товар. Лихорадочно перешептываются. Ленты змеятся под ногами…

После семи часов начинают сматывать полотнища! Многие работают кое-как… В этом можно задохнуться. Настоящая оргия тряпок. Тысячи и тысячи красок… Муар, сатин, тюль… А когда собираются бабы и начинают галдеть и торговаться, то лучше умереть. Нет ни одной пустой коробки. Все номера перепутаны. На тебя сыплются ругательства… Тебя гонят все кому не лень! Эти жирные приказчики с прилизанными волосами

и челками, как у Майоля[46].

Ученики обязаны снова складывать товар. Они старательно наматывают на бобины куски ткани, прикрепляют ленты на подставки, сматывают их в клубки… все начатые рулоны, плетеный шнур, бергамский бархат… Тафта играет, переливается… Вся эта мешанина, бесформенная куча «непроданного» достается тебе одному. Но едва все намотано на прямоугольники, как появляются новые гадины, и все разматывается опять!.. Вся наша работа летит к чертям…

О, эти ужимки, это кудахтанье, отвратительное кокетство, «ридикюли» в руках, вечный поиск другого оттенка, именно того, которого нет…

Кроме того, в соответствии с достаточно исчерпывающей инструкцией, мне вменялось в обязанность таскаться вверх-вниз в склады. Примерно раз пятьдесят в день. Они были расположены на восьмом этаже. Я перебирал коробки. Там оставались только те, что были наполнены браком, беспорядочно перемешанным хламом или обрезками. Остальные я забирал. Маркизет,

---

[46] Примечания: 46

…как у Майоля — Феликс Майоль (1872–1941) — известный комический певец, был изображен на афишах того времени с челочкой на лбу, очень элегантно одетый, с веточкой ландыша в петлице. Достиг вершины славы в 1909 г. Именно тогда он купил парижский Концертный зал, который долгое время потом назывался «Концертный зал Майоля».

большие отрезы, все, что было в моде в этом сезоне, я таскал через семь этажей. По-настоящему каторжная работа. От нее можно было загнуться. Мой галстук-бабочка от постоянных усилий хлопал меня по ушам. Недаром его крахмалили в двойном растворе.

Месье Лавлонг относился ко мне крайне предвзято. Стоило появиться покупательнице, как он делал мне знак, чтобы я убирался. Я не должен был оставаться. Меня нельзя было показывать… Из-за густой пыли в складах и из-за обильного пота я постоянно был в грязи с головы до ног. Но стоило мне уйти, как он начинал орать, что меня нет на месте. Его указания невозможно было выполнить…

Остальных скотов из отдела забавляло то, как я надрывался, как бегал с бешеной скоростью с этажа на этаж. Лавлонг не хотел давать мне ни минуты покоя.

«Молодость, спорт!..» — так он все объяснял. Только я спускался, как он давал мне новое задание!.. «Пошевеливайся, куколка! Меня не проведешь!»

В то время в магазинах Сантье блуз не носили, это было не принято. От подобной работенки моя замечательная куртка быстро протерлась.

«На тебя будет потрачено больше, чем ты заработаешь!» — забеспокоилась мама. Это было вполне реальным, ведь я совсем ничего не получал. Правда, при обучении некоторым ремеслам подмастерья сами платили за обучение. Так что мне еще повезло… Со временем мне станут платить. Коллеги меня прозвали «белкой» — так много рвения я выказывал, когда карабкался в хранилище. Только Лавлонг, несмотря ни на что, продолжал меня третировать. Он не мог простить, что меня взяли по указанию самого месье Берлопа. Ему неприятно было даже видеть меня. Он не мог понять, кто я. Ему хотелось меня унизить.

Он нашел повод придраться даже к моим башмакам, мол, от них много шуму на лестницах. Действительно, я немного шаркал ногами, у меня ужасно болели пятки, когда я возвращался вечером, на них места живого не было.

«Фердинанд, — обращался он ко мне. — Вы невыносимы! От вас одного здесь больше шуму, чем от омнибуса!..» Это он, конечно, загнул.

Моя куртка уже порядком поизносилась, костюмы на мне просто горели. Нужно было сшить мне другой, из старого костюма дяди Эдуарда. Мой отец теперь ворчал беспрерывно, к тому же

у него в конторе тоже были неприятности, и все более и более серьезные. Всевозможные мерзавцы, редакторы, воспользовались его отпуском, наговорили про него с три короба…

Месье Лепрент, его начальник, верил каждому их слову. У него началось обострение гастрита. Когда ему становилось совсем плохо, ему мерещились черти… Это не способствовало благополучному разрешению ситуации.

* * *

Я уже не знал, что предпринять, чтобы понравиться у Берлопа. Чем быстрее я носился по лестнице, тем больше раздражал Лавлонга. Он видеть меня больше не мог.

В пять часов, когда он отправлялся жрать, я, воспользовавшись перерывом, ненадолго снимал башмаки, то же я делал и в уборной, когда никого не было. Стоило кому-нибудь, кого пробрал понос, начать стучать в дверь, Лавлонг тут же бросался туда, я был его манией… Он ни на шаг не отходил от меня.

«Вы выйдете оттуда? Маленький бездельник! И это называется работой? Дрочить по углам!.. Это так вы учитесь? Не правда ли? Болтать яйцами! Махать членом!.. Вот программа молодежи!»

Я забивался в другое убежище, чтобы там дать подышать ногам. Я подставлял их под кран. Меня со всех сторон дергали из-за моих башмаков, а моя мать, всегда такая уступчивая, ни за что не соглашалась, что они слишком узки. Всему причиной моя лень! Отсутствие старания! Мне нечего было возразить.

Наверху, на складах, куда я бегал с коробками, работал малыш Андре, он приводил в порядок коробки, ставил на них черные номера при помощи ваксы и кисти. Андре поступил сюда еще в прошлом году. Он жил далеко, в пригороде, чтобы приехать сюда, ему нужно было совершить настоящее путешествие… его дыра находилась за Ванв и называлась «Кокосовые пальмы».

Чтобы не тратить денег на трамвай, ему приходилось вставать в пять часов. Он носил с собой корзину. Там был весь его скарб, закрытый железной скобой с висячим замком.

Зимой он вообще не выходил, ел в хранилище, но летом отправлялся перекусить на скамейку в Пале-Рояль. Он убегал немного пораньше, чтобы успеть ровно к полудню, к выстрелу из пушки[47]. Ему это нравилось.

Он старался не показываться на люди, у него был постоянный насморк, он все время сморкался, даже в разгар августа.

Обноски у него были еще хуже моих, одни лохмотья. Остальные ученики из отдела не прочь

---

[47] Примечания: 47

…к выстрелу из пушки — еще несколько лет назад в южной части сада Пале-Рояль в Париже рядом со статуей Эвридики была пушка, установленная там в 1799 г. Расположенная на парижском меридиане и действующая при помощи сложной оптической системы, она стреляла ровно в полдень, с мая по октябрь, до 1914 г.

были его отлупить, потому что он был хилый, у него по куртке были размазаны сопли, и он постоянно мямлил… Он предпочитал находиться наверху, где никто не мог его тронуть.

Его тетка тоже обращалась с ним плохо, особенно из-за того, что он мочился в постель; она устраивала ему ужасные взбучки, он подробно мне их описывал, все мои невзгоды были ничто в сравнении с ними. Он уговаривал меня сходить с ним в Пале-Рояль, он хотел показать мне шлюх, утверждая, что беседовал с ними. Еще там были воробьи, которые клевали у него хлеб. Но я не мог туда пойти. Я не мог позволить себе опоздать ни на минуту. Отец поклялся, что упрячет меня в Рокетт, если я буду где-нибудь шляться.

Все, что касалось женщин, ужасало моего отца; стоило ему заподозрить во мне желание дотронуться до них, как он становился особенно жестоким. Достаточно и того, что я занимался онанизмом. Он говорил мне об этом каждый день по малейшему поводу. Малыш Андре не внушал ему доверия… У него были манеры простолюдина… Он из семьи какого-то проходимца… Я — это совсем другое дело, у меня порядочные родители, мне не следует об этом забывать, мне напоминали об этом каждый вечер, когда я, совершенно обес-

силенный, одуревший, возвращался от Берлопа. Я получал взбучку за малейшую попытку что-то возразить!.. Мне нельзя распускаться!.. У меня и так достаточно неизвестно откуда взявшихся дурных наклонностей!.. Если я буду общаться с малышом Андре, я конечно стану убийцей. Мой отец в этом не сомневался. К тому же мои пороки были главной причиной его неприятностей и несчастий, которые посылала нам Судьба…

У меня просто пугающие наклонности, это было неоспоримо и ужасно. Да, он уже не знал, как меня спасти… Я же не знал, как искупить свою вину… Ведь бывают же безгрешные дети.

От малыша Андре плохо пахло, от него исходил запах еще более едкий, чем от меня, запах настоящей бедности. Он отравлял воздух в своих складах. Его тетка сама подстригала ему волосы ножницами, в результате на голове у него получалось что-то вроде газона с торчащим пучком волос спереди.

От пыли, которой он дышал, корки в его носу превращались в настоящую замазку. От них невозможно избавиться… Любимым его развлечением было их сдирать, а потом потихоньку есть. Из-за того что он сморкался в ладонь и постоянно пользовался ваксой, козявки становились

абсолютно черными, как номера.

Малышу Андре нужно было обработать по меньшей мере триста коробок за день… Он изо всех сил таращил глаза, чтобы лучше видеть в этой каморке. Его штаны держались только на веревочках и булавках.

С тех пор как я стал выполнять роль лебедки, он больше не спускался в отделы, ему это было только на руку. Он избегал пинков. Он приходил со двора, пробирался мимо консьержки по черной лестнице… Если «регистрационных номеров» было слишком много, я задерживался, чтобы помочь ему. В такие моменты я снимал башмаки.

Здесь, в этом углу, можно было спокойно поговорить. Мы устраивались между двумя балками, стараясь, из-за его носа, укрыться от сквозняка.

Что касается ног, то ему везло. Андре больше не рос. Двое его братьев жили у другой тетки, в Лиля. Сестры остались в Обервилье[48] с его стариком. Его папаша проверял газовые счетчики в районе… Он почти не видел сына, у него не было времени.

Иногда мы показывали друг другу свои члены. Кроме того, я рассказывал ему новости о том, что

---

[48] Примечания: 48
Лиля, Обервилье — парижские пригороды.

затевается в отделах, кого собираются уволить, всегда были субъекты, висевшие буквально на волоске… эти придурки только и думали, как бы сожрать друг друга… какую бы пустить грязную сплетню… или обсуждали множество способов, при помощи которых можно рассмотреть задницу покупательницы, когда она садится.

Среди девушек на посылках попадались довольно порочные… Они иногда специально так ставили ногу на лесенку, чтобы все было видно, и убегали с хихиканьем… Одна из них, когда я проходил мимо, показывала мне свои подвязки… Она издавала звуки, как будто сосала… Я поднялся наверх, чтобы рассказать об этом Андре… Мы рассуждали о том, что может быть у нее между ног. Сильно ли оттуда течет? желтое? красное? жжется ли? А какие ляжки? Мы тоже издавали звуки языком и слюнями, имитировали поцелуй… Но все же мы обрабатывали от двадцати до тридцати кусков материи в час. Малыш Андре научил меня одной хитрости — главному, когда разворачиваешь материю с одного конца… После первого надреза надо наискось немного отвернуть атлас. И именно так аккуратно и точно закрепить… Нужно уметь не запачкать гладкую лицевую сторону… Сперва надо вымыть руки.

Это настоящее искусство.

* * *

Дома понимали, что мне долго не продержаться у Берлопа, что мой дебют не удался… Лавлонг, встречая маму то там, то тут в квартале, когда она делала покупки, все время наговаривал на меня. «Ах! Мадам, ваш мальчик не злой, это верно! Но какой же он легкомысленный!.. Ах! как вы были правы!.. Безмозглая голова!.. Я просто не знаю, что с ним делать!.. Он все портит. Все, до чего ни дотронется!.. О! ля! ля!..»

Это была ложь, грязная клевета… Я прекрасно это осознавал. Мне уже было все равно! Эта вонючая трепотня нужна лишь для того, чтобы я еще больше ишачил!.. Он использовал моих родителей… Потому что они еще могли меня содержать… Он обесценивал мою работу, чтобы заставлять меня вкалывать бесплатно. Я мог говорить и делать что угодно, мои старики все равно не поверили бы мне, только орали бы еще больше…

Малыш Андре, как бы он ни был плох, все же зарабатывал тридцать пять франков в месяц. На большее он не был способен… Мой отец ужасался,

думая о том, что меня ждет в будущем. Где я смогу устроиться? Он себе не представлял… Для контор я не подходил… Вне всякого сомнения, еще больше, чем он!.. У меня совсем не было образования… Если я буду отлынивать от торговли, все полетит к чертям! Он отпускал язвительные замечания… Просил пощадить его… Однако я делал все что мог… Не жалел себя… Приходил в магазин на час раньше… Только чтобы быть на хорошем счету… Уходил позже всех… И все же обо мне сложилось плохое мнение… Я делал только глупости… Я был в панике… Я все время ошибался…

Нужно пройти через все это, чтобы до конца понять себя…

Теперь мне часто встречаются недовольные… Но это всего лишь несчастные задолбанные задницы… мелкие людишки, неудачники, цепляющиеся за наслаждения… Их злоба, как укус клопа… За нее не надо платить, она достается почти даром… Жалкие недоумки…

Откуда им знать это… Не из лицея же… Трепотня, блеф. Настоящая ненависть идет изнутри, из молодости, растраченной на непосильную работу. Такую, от которой сдыхают. Только тогда она будет так сильна, что останется навсегда. Она проникает всюду, ее достаточно, чтобы отравить

все, чтобы победить всю подлость среди живых и мертвых.

Каждый вечер, когда я возвращался, моя мама-ша интересовалась, неужели я еще не получил жалованье… Она все время готовилась к худше-му. За ужином об этом начинали говорить снова. Эта тема была просто неисчерпаема. А если я вообще его никогда не получу?..

Эти разговоры, особенно во время еды, были очень тяжелы для меня. Я почти не осмеливался просить добавки. Я торопился покончить с едой. Моя мать тоже ела быстро, тем не менее я ее раздражал.

«Фердинанд! Сколько раз тебе говорить! Ты даже не замечаешь, что ешь! Ты глотаешь, не прожевывая! Ты жрешь, как собака! Посмотри на себя! Ты же весь прозрачный! Зеленый!.. Разве это может пойти тебе на пользу? Для тебя делают все, что могут, но ты только понапрасну перево-дишь пищу!»

* * *

На складе у малыша Андре было относительно спокойно. Лавлонг почти никогда туда не поднимался. Если он исправно писал номера, ему особенно не надоедали.

Андре любил цветы, что часто бывает с убогими, он привозил их из деревни и расставлял в бутылки… Он украсил ими все балки своего чердака… Однажды утром он привез огромную охапку боярышника. Все это видели… Было решено, что подобное непозволительно. Все так долго обменивались мнениями по этому поводу при Лавлонге, что тот сам решил подняться и посмотреть… Андре изругали и заставили выбросить все во двор…

Внизу, в больших отделах, работали только старые козлы, «экспедиторы». Я никогда не видел более лицемерных и склочных ублюдков… А им впору было бы подумать о мире ином.

Там был один продавец, долговязый Магадю из «Парижской доставки», козел из козлов. Он и настроил против меня Андре… испортил наши отношения… Они часто вместе шли по дороге из

Порт де Лиля… Он сделал все, чтобы Андре почувствовал ко мне неприязнь… Это было нетрудно: тот легко поддавался влияниям. Сидя часами в одиночестве в углу своего хранилища, он весь издергался. Стоило кому-то что-нибудь наболтать, дать понять ему, что он в опасности… Его было уже не переубедить… Неважно, что это было вранье… Придя к Андре, я нашел его возмущенным…

— Это правда, Фердинанд? — спросил он. — Это правда? Что ты хочешь занять мое место?..

Я ничего не понимал… Я стоял как олух… Я был поражен… Андре продолжал…

— Ах! Я прошу тебя, уходи! Не прикидывайся! Все в магазине это уже давно знают! Только я один сомневался!.. Я просто болван, вот и все!..

Всегда мертвенно-бледный, он пожелтел; со своими выбитыми зубами, весь в соплях, он был просто ужасен, на него было противно смотреть, к тому же он волновался… Прыщавое лицо, взлохмаченные волосы, вонь. Я не мог ничего ему сказать… Мне было неприятно…

Он подозревал, что я хочу занять его место… Да в тысячу раз больше я бы хотел, чтобы меня немедленно вышвырнули за дверь… Но куда бы я потом пошел? Это было бы прекрасно… Но я не

мог себе этого позволить… Напротив, я должен был цепляться, стараться изо всех сил, выкручиваться… Я попытался его переубедить. Он мне больше не верил. Эта сволочь Магадю его хорошо обработал.

С этого момента он остерегался каждого моего движения. Он больше не показывал мне член, он боялся, что я об этом всем расскажу. Он уходил один в уборную, специально, чтобы спокойно покурить. Он больше не говорил о Пале-Рояле…

На седьмом этаже, между лестничными пролетами, я, скинув свою ношу, забивался в угол, снимал башмаки, куртку и ждал, когда же все это кончится…

Андре делал вид, что не видит меня, он специально принес к себе наверх «Замечательные иллюстрированные приключения». Он читал их, раскладывая по полу… Если я заговаривал с ним, даже очень громко… он делал вид, что не слышит. Он выписывал свои цифры кистью. Все, что я говорил или делал, казалось ему подозрительным. В его глазах я был предателем. Если он потеряет место, тетка устроит ему такое, что он попадет в больницу… Конечно! Я всегда об этом знал… Все же я не мог вынести, что он считает меня подлецом.

— Послушай, Андре, — сказал я ему в конце концов. — Пойми ты наконец, что я совсем не хочу тебя подсиживать!..

Он ничего не ответил, продолжал бормотать над своими картинками… Он читал вслух. Я подошел ближе посмотреть, про что там… Это была история про Короля Крогольда… Я прекрасно ее знал… Давно… Еще когда Бабушка Каролина была жива… Мы учились по ней читать… Потрепанная, старая книжка…

— Слушай, Андре, — предложил я ему. — Хочешь, я расскажу, что там дальше! Я знаю это наизусть!..

Он ничего не ответил. Но все же на него подействовало… Он заинтересовался… У него же не было продолжения…

— Слушай, я расскажу тебе дальше… — Я воспользовался обстоятельствами. — «Все население Христиании укрылось в церкви… В соборе, огромном, в четыре раза большем, чем Нотр-Дам… Все встают на колени… в соборе… Ты слышишь?.. Они боятся Короля Крогольда… Просят прощения у Неба за то, что ввязались в войну… За то, что защищали Гвендора!.. Принца-изменника!.. Им некуда деться… Под сводами церкви их несколько тысяч!.. Выйти не осмеливается никто!.. Все

так перепуганы, что даже забыли молитвы!.. Они бессвязно бормочут! Старики, торговцы, юнцы, матери, кюре, трусы, маленькие дети, смазливые шлюхи, архиепископы, полицейские, все наделали в штаны… Все жмутся друг к другу… Это ужасное месиво… Оно бурлит, стонет… Никто даже не смеет вздохнуть, так им тяжело… Все умоляют… Просят… Чтобы Король Крогольд не сжигал все… Пусть он сожжет только пригороды… Пусть он не сжигает все, чтобы наказать их!.. Центральный рынок просит об этом! склады, весы, дом священника, дворец Правосудия и Собор!.. Святая Христиания… Самая чудесная на свете! Им некуда деться! Все так съежились… Как будто бы хотели исчезнуть…

Из-за стены слышно, как нарастает ужасный шум… Это передовой отряд Короля Крогольда… грохот железа по подъемному мосту… Ах! Да, точно! Кавалерийский эскорт!.. Король Крогольд у ворот… Он привстает в стременах… Слышно, как гремят доспехи… Рыцари проезжают через пригород Станисла… Огромный город кажется пустыней… Нигде ни души… За королем следует шумная толпа слуг… Ворота недостаточно широки… Повозка застревает в проходе… Высокие стены крушатся с двух сторон… Все

рушится!.. Крытые повозки, легионеры, варвары проталкиваются вперед, катапульты, слоны, гидравлические насосы проходят через пробоину… В городе царят безмолвие, оцепенение… Дозорные башни… Монастыри… Дома… мастерские ремесленников… Все неподвижно…

Король Крогольд останавливается возле паперти… Вокруг него лают, прыгают, встают на задние лапы двадцать три дога… Эта свора уже отличилась в битвах с медведями и с зубрами… Эти огромные псы разносили в щепки целые леса… от Эльбы до Карпат… Сквозь шум Крогольд слышит звуки гимнов… которые поет затаившаяся толпа, спрятавшаяся, загнанная под своды… Черная месса… огромные двери поворачиваются… И Крогольд видит, что рокочет перед ним… В глубоком мраке… Скрывается целый народ?.. Он боится подвоха… Органы рокочут… Их гул слышен на паперти… Но он не верит!.. Это предательский город!.. Он всегда останется таким!.. Он бросает Судье приказ сейчас же освободить весь Собор… Три тысячи слуг все сминают, бьют… растаскивают… Толпа подается, окружает их… напирает на двери… расползается вдоль стен… Сопротивление подавлено… Ружья не нужны… Король ждет в седле… Его першерон, большой и мохна-

тый, бьет копытом. Король пожирает огромный кусок мяса, целую баранью ногу; он вгрызается в нее, отрывая большие куски… Он рвет ее на части, приходит в ярость… Что там застряли?.. Король вдруг поднимается в стременах… Из всей орды он самый крепкий… Он свистит… Зовет… Собирает свору вокруг себя… Потрясает мясом над головой… И с размаху бросает его далеко в темноту… Оно падает посреди церкви… Прямо среди сидящих на корточках… Вся свора с визгом и рычанием бросается туда… Доги рвут направо и налево… душат… грызут… Страшная паника. Стоны усиливаются… Вся толпа в ужасе бросается на ступени… Давка… толчея, человеческая лавина достигает подъемных мостов… Людей давят о стены… Пиками и повозками… Теперь путь перед Крогольдом свободен… Собор принадлежит ему… Он пришпоривает лошадь… Въезжает… Требует полной тишины… Пусть замолчит свора… люди… орган… войско… Он еще немного проезжает вперед… проезжает три портика… медленно слезает… Обнажает огромную шпагу… Чертит ею большой крест… А потом отбрасывает ее далеко… далеко вверх… На самую середину алтаря!.. Война окончена!.. Подходит его брат, архиепископ… Он становится на колени… Сейчас

он споет „Верую“…»

Конечно, что ни говори, а рассказ возымел определенное действие. Малыш Андре не прочь, чтобы я продолжил… с подробностями… Он очень любил занимательные истории… Но он боялся попасть под мое влияние… Он копошился в своей конуре… перебирал тряпки… Он не хотел, чтобы я его заворожил… Чтобы мы, как раньше, опять стали друзьями…

Чуть позже я поднимаюсь снова уже с другим грузом… Он все не разговаривает со мной… Я очень устал и сел. Мне хочется, чтобы он со мной заговорил. И я начинаю: «Слушай, я знаю еще одну главу, в которой все купцы отправляются в Палестину… с Тибальдом в крестовый поход… Они оставляют трубадура стеречь замок с принцессой Вандой… Ты ничего не знаешь об этом? Это очень интересно! Особенно про месть Ванды, как она смывает кровью нанесенное ей оскорбление… как унижает своего отца».

Малыш Андре развесил уши. Он меня не прерывал, но я услышал в коридоре шуршание… Мне жаль было разрушать очарование. И тут в маленьком окошке я заметил рожу Лавлонга!.. Я вскакиваю. Он, должно быть, поднялся специально, чтобы меня поймать… Я подхожу… шмыгаю

носом… Он делает мне знак…

«Прекрасно! Прекрасно, Фердинанд! Мы разберемся с этим чуть позже! Оставайтесь на месте, мой мальчик!..»

Долго ждать не пришлось. На следующий день в полдень, не успел я прийти, как моя мать мне выкладывает…

«Фердинанд, — с ходу начинает она, уже смирившись с неизбежным, полностью расстроенная… — Месье Лавлонг был здесь!.. собственной персоной!.. Знаешь, что он мне сказал?.. Он не хочет больше видеть тебя в магазине! Так-то! Вот такие дела! Он давно уже был недоволен, но сейчас его терпению пришел конец! Он говорит, что ты часами сидишь, спрятавшись на чердаке!.. И это вместо того, чтобы работать!.. И ты развращаешь малыша Андре! Он поймал тебя! Не отрицай!.. Ты рассказывал истории, просто отвратительные!.. Тебе нечего возразить! Ребенку из народа! Беспризорному! К счастью, месье Лавлонг знает нас уже десять лет! Боже мой! Он знает, что мы не просто так это затеяли! Он знает, как мы трудимся! Вдвоем — твой отец и я, чтобы дать тебе все!.. Он понимает, чего это стоит! Он нас уважает! Всегда предупредителен с нами. Он просил меня забрать тебя… Из сочувствия к

нам он тебя не уволит… Он избавит нас от этого оскорбления!.. Ах! Когда я скажу об этом твоему отцу!.. Он этого не переживет!..»

Он как раз вернулся, пришел из конторы. Едва он открыл дверь, она начала свой рассказ… Слушая, он держался за стол. Он не верил своим ушам… Смотрел на меня сверху вниз, поднимал плечи… Потом в изнеможении опускал… От такого чудовища, как я, голова идет кругом! Он не вопил… Даже не бил меня… Он спрашивал себя, как это вынести?.. У него опускались руки. Он раскачивался на стуле… «Гм!.. Гм!.. Гм!..» — повторял он, покачиваясь взад-вперед… Наконец он все же произнес:

«Значит, ты гораздо больше развращен, испорчен и лжив, чем я мог себе представить, Фердинанд?»

После чего посмотрел на мою мать, приглашая ее в свидетели, мол, что тут сделаешь… Я неисправим…

Я же был совершенно ошеломлен и силился понять, в каких ужасных пороках, неслыханных извращениях я, в конце концов, повинен?.. Я не понимал… Я был в полном недоумении. Я находил в себе множество недостатков, но остановиться на чем-то определенном не мог…

Мой отец поднялся со стула, пошел в комнату, он хотел все обдумать в одиночестве… Я заснул и видел кошмары… Мне снилось, что малыш Андре рассказывает что-то ужасное месье Берлопу.

На следующие утро мы с мамой отправились за моим аттестатом… Месье Лавлонг вернул нам его лично… Более того, он захотел со мной побеседовать…

— Фердинанд! — сказал он. — Из уважения к вашим добрым родителям я вас не увольняю… Они вас просто забирают!.. По собственному желанию! Вы осознаете разницу?.. Поверьте, мне неприятно, что вы от нас уходите. И тем не менее! Ваше поведение подорвало дисциплину во всех отделах!.. Я же отвечаю за это, не правда ли!.. Я строг! Но справедлив!.. Пусть же этот срыв заставит вас серьезно задуматься! То немногое, чему вы здесь научились, пригодится вам в другом месте! Любой опыт полезен! Вы встретите других хозяев, может быть, еще более взыскательных!.. Это как раз тот урок, который вам был нужен… Ну ладно! Вы его получили, Фердинанд! И пусть он пойдет вам на пользу!.. В вашем возрасте надо учиться!..

Он убежденно пожал мне руку. Моя мать была сильно взволнована… Она прослезилась.

— Извинись, Фердинанд! — приказала она, когда мы встали, чтобы уходить… — Он еще молод, месье, слишком молод!.. Поблагодари месье Лавлонга, ведь он дал тебе, несмотря ни на что, прекрасную характеристику… Ты знаешь, что не заслужил этого!

— Но это сущие пустяки, дорогая мадам, сущие пустяки, поверьте мне. Это все не страшно! Фердинанд не первый молодой человек, который не слишком удачно начинает! Э! ля! ля! нет. Лет через десять он сам, я уверен в этом, придет и скажет мне… здесь же… Именно мне, лично: «Месье Лавлонг, вы правильно поступили! Вы благородный человек! Благодаря вам я многое понял!..» А сегодня ему неприятно меня видеть!.. Но это же нормально!..

Моя мать протестовала… Он похлопал меня по плечу. И показал нам на дверь.

На следующий день они взяли другого ученика… Я узнал об этом… Он не продержался и трех месяцев… Он спотыкался о каждую ступеньку… Он спекся на этой работе.

Но независимо от того, был я виновен или нет… Я становился настоящей обузой для семьи. Дядя Эдуард начал поиски другого места для меня, чтобы я попытался начать все сначала. Было

удобнее, чтобы этим занялся он… Он хотел, чтобы я сменил занятие…

У меня уже был опыт… Впрочем, об этом лучше не вспоминать. На том и порешили.

* * *

Как только потрясение прошло, мой отец опять принялся за старое… Он снова и снова перечислял все мои недостатки… Отыскивал пороки, скрытые в глубине моей натуры, будто это были какие-то явления природы… Вопил не своим голосом… впадал в невменяемое состояние… Ему казалось, что его преследует целое скопище чудовищ… Повсюду он подозревал происки врагов… Самых разных… Евреев… заговорщиков… карьеристов… И особенно франкмасонов… Я не понимал, при чем здесь они… Он постоянно нес эту чушь… И так зациклился на этом, что почти забыл про меня…

Он обрушивался на Лепрента, желая ему новых обострений гастрита… на барона Мефэза, своего генерального директора… без разбору на всех и вся, только бы распаляться и кипеть… Он устраивал ужасные скандалы, которые слышали все соседи…

Моя мать ползала у его ног… Он не прекращал орать… Его снова начала волновать моя судьба… Он прозрел во мне ужасающие наклонности…

Неслыханную испорченность! После всего этого он просто умывает руки!.. Как Понтий Пилат!.. так он говорил… Он давал понять, что снимает с себя всякую ответственность…

Моя мать смотрела на меня… своего «окаянного»… Она делала трагический выбор… Она не хотела бросать меня… Было совершенно ясно, что я кончу на эшафоте, она должна быть со мной до конца…

* * *

Единственное, что объединяло нашу семью в Пассаже, — это тоска и заботы. Их хватало. Я повстречался с ними, едва появившись на свет… Они окружили меня сразу же… Весь дом был заполнен ими…

Страх полностью подчинил нас себе. Во всех комнатах страх неудачи буквально сочился сквозь стены… Из-за него мы даже ели впрок, стараясь незаметно припрятать еду. Мы вечно торопились и прыгали, как блохи, по парижским кварталам от площади Мобер до площади Этуаль, в страхе перед разорением, перед квартплатой, перед служащим газовой компании, неотвязно думая о налогах. У меня даже не было возможности как следует подтереться, потому что всегда требовалось куда-то спешить.

С тех пор как меня выгнали от Берлопа, прибавился еще страх, что я никогда не устроюсь… Я уже знал о нищих и безработных, о сотнях людей здесь и во всем мире, находящихся на волосок от полного краха… Они были совсем беззащитны!

А меня уже развлекало это постоянное лавиро-

вание, своеобразное соревнование с хозяевами… Я всегда заранее чувствовал готовящуюся подлость… Был начеку… Стоит мне заметить, что работа уплывает… И я уже готов чем-то ответить. Хозяин — это всегда сволочь, он только и думает, как тебя выгнать… В глубине души у каждого живет страх остаться однажды «на бобах», без работы… Потом я всегда тянул лямку, какой бы гнусной эта работа ни была… Не спеша… Торопиться некуда… Едва сводя концы с концами, я продолжал этим заниматься всегда и везде. Я занимался чем-то, что невозможно даже как-то назвать, пощупать или определить… Мне абсолютно все равно… Все это не имеет никакого значения. Чем работа бессмысленнее, тем больше она меня успокаивает…

Я испытываю отвращение к любой работе. Стоит ли их тогда различать?.. Пусть их воспевают другие… Будь моя воля, я вообще положил бы на это… Но обстоятельства иногда оказываются сильнее вас…

* * *

Дядя Эдуард все больше и больше преуспевал в механике. Он торговал фарами и оборудованием для автомобилей, главным образом в провинции. К несчастью, я был слишком мал, чтобы ездить с ним. Нужно было немного подождать… Я еще нуждался в присмотре…

Дядя Эдуард в отношении меня был не столь пессимистичен, он считал, что все еще можно поправить! Он говорил, что, если я ничего не стою в сидячей работе, то, возможно, я еще покажу себя отличным агентом, настоящим асом в качестве коммивояжера.

Нужно было попробовать… Главное — это внешность, особенно одежда… Чтобы я выглядел солиднее, меня состарили на два года, я получил сверхжесткий воротничок из целлулоида, а все прочие уничтожил. Вдобавок на мои башмаки натянули серые гетры, чтобы мои ноги не казались такими большими и мои опорки занимали меньше места на половиках. Мой отец относился к этому скептически, он уже не верил в мое будущее. Все делали соседи, они буквально засыпали

меня советами… Они тоже не особенно надеялись на мой успех… Даже сторож в Пассаже был обо мне невысокого мнения… Когда зажигались фонари, он ходил по лавкам. Разносил сплетни. Он без конца повторял, что я кончу канцелярской крысой, как и мой отец; по его мнению, о лучшем нельзя и мечтать, если хочешь изводить людей… К счастью, существовал еще Визьо, марсовый, который был более доброжелателен, он понимал мои трудности и придерживался мнения, что я не злой мальчик. Вообще было много разговоров… но я оставался по-прежнему не у дел… Мне нужно было найти хозяина.

Тут все стали ломать голову, что же я буду рекламировать?.. Что до моей матери, то ее самым большим желанием было видеть меня ювелиром… Это казалось ей очень престижным. Холеный коммивояжер, прекрасно, с иголочки одетый… И потом, стоя за роскошным прилавком, он держит в своих руках целые сокровища. Но быть ювелиром довольно опасно! Нужно все время трястись за эти побрякушки! Тут в два счета могут ограбить, задушить и поджечь!.. Ах!..

Самое главное, что здесь требуется, — это кристальная честность! В этом отношении нам нечего было бояться! Мои родители, всегда столь

щепетильные, маниакально приверженные чести в делах, были прекрасными поручителями!.. Я мог идти представляться любому хозяину!.. Самому известному, самому мнительному: со мной он мог быть абсолютно спокоен! Никогда, сколько мы себя помним, в нашей семье не было ни одного вора, ни одного!

Посоветовавшись, мы решили закинуть удочку. Мама отправилась на разведку сначала к тем, кого знала… Им никто не требовался… Несмотря на мое искреннее желание, мне было действительно трудно найти работу, даже на испытательный срок.

Чтобы придать мне товарный вид, меня вновь экипировали. На мое содержание уходила уйма денег, почти как на инвалида. Я истрепал свой костюм… Износил башмаки… В дополнение к хорошо подобранным гетрам я получил новую пару башмаков фирмы «Брумфилд», английской марки, с сильно выступающими подметками, настоящие утюги. Их специально взяли на два размера больше, чтобы я мог носить их по меньшей мере два года… Я стойко переносил тесноту и неудобства. На улице меня можно было принять за водолаза в скафандре…

Когда таким образом я был снаряжен, мы с

матерью решили на следующий день пойти по адресам. Адреса своих знакомых дал нам дядя Эдуард, остальные мы нашли в адресной книге Боттэн. Мадам Дивонн стерегла лавку до полудня, все время, пока мы бродили в поисках работы. Будьте уверены, мы не гуляли. Мы обошли весь Марэ[49], каждую дверь, и все окрестные улицы, Кэнкампуа, Галант, Урс, Вьей-дю-Тампль… Все эти места мы буквально исползали, каждый этаж…

Моя мать с трудом ковыляла… Та! га! дак! Та! га! дак!.. Она предлагала меня в семьи мелких надомников, постоянно просиживающих за бутылкой в своей конуре… Предлагала ненавязчиво… Как лишнюю домашнюю утварь… Маленький поденщик, очень полезный… неприхотливый… чрезвычайно сообразительный, старательный, энергичный… И очень шустрый! В общем, очень выгодно… Уже хорошо выдрессированный, такой послушный… На наш звонок они едва приоткрывали дверь… выглядывали с опаской… всегда с сигаретой в руке… разглядывали меня поверх очков… довольно долго на меня пялились… Но не находили меня привлекательным… Моя мать заводила свою шарманку, стоя перед этими лич-

---

[49] Примечания: 49

Марэ — один из самых старых районов Парижа.

ностями в мятых халатах:

— Вам не нужен юный агент? Месье… Я его мама. Я привела его… Он делает все прекрасно… Это очень приятный молодой человек… Впрочем, пожалуйста, судите сами… Мы уже двенадцать лет живем в Пассаже Березина… Ребенок с детства привык к торговле!.. Его отец работает в конторе «Коксинель-Инсенди». Вы, конечно, слышали?.. Мы небогаты, но у нас совсем нет долгов… В делах для нас главное — честное имя… Его отец работает в страховом бюро…

По утрам, как правило, мы обходили примерно человек пятнадцать; кого среди них только не было… Оправщики, шлифовщики, мастера по изготовлению цепочек, литаврщики, резчики по агату и даже лудильщики, которые буквально тонули в позолоченном серебре…

Они снова и снова рассматривали нас… Чтобы лучше видеть, надевали очки… Не бандиты ли это… не воры, бежавшие из тюрьмы!.. Успокоившись, они становились более любезными, даже выражали сочувствие!.. Но только им никто не нужен… В данный момент! У них нет средств… Они сами вынуждены искать дополнительный заработок… Они трудились всей семьей в своих тесных комнатках… На всех этажах прекрасных

старых домов были как бы вырыты норки, крошечные пещеры, ячейки мастерских… Тут не до внешнего лоска. Они все сгрудились там внутри. Жены, дети, бабушки — все принимали участие в бизнесе… Зачем им еще ученик, к тому же перед новогодними праздниками…

Когда моя мать, отбросив все попытки их очаровать, предлагала взять меня хотя бы на пробу… это вызывало у них резкий отпор. Они вдруг как-то съеживались. И захлопывали перед нами дверь! Они опасались чрезмерной уступчивости! Особенно самые мнительные. После этого все нужно было начинать сначала! Моя мать пыталась войти в доверие. Очевидно, на это больше не приходилось рассчитывать. Отдать меня просто в ученики к оправщику или резчику по металлу?.. Слишком поздно… Мои пальцы уже никогда не приобретут нужной сноровки… Языком же я работать еще мог, торговый агент, располагающий к себе «приятный молодой человек»… Время шло, мое будущее во всех отношениях оставалось неясным…

Когда мы возвращались домой, отец интересовался, что у нас нового… Из-за неудач, которые нас постоянно преследовали, он буквально ошалел. По вечерам его мучили кошмарные видения.

Один он мог бы заменить всех пациентов в двадцати сумасшедших домах…

У мамы из-за бесконечных хождений ноги окончательно вышли из строя… Это постоянно напоминало о себе и было довольно забавно… Она ужасно гримасничала за столом… У нее были прострелы в бедрах… Ее мучили судороги…

Все же каждый день рано утром мы отправлялись по новому адресу… улица Реомюр, улица Гренета… Бастилия и Женер… особенно Вогезы… Несколько месяцев заискиваний, грязных лестниц, бесконечных хождений, усталости, всевозможных унижений — и мама стала подозревать, а не написано ли у меня на лбу, что я просто разболтанный, ни на что не годный бездельник?.. У моего отца сомнений уже не оставалось… Он давно был в этом уверен… Он не уставал повторять нам это каждый вечер, когда мы возвращались ни с чем… Ошалевшие, задыхающиеся, изможденные, вымотанные быстрой ходьбой, промокшие до нитки от дождя и пота…

«Избавиться от него гораздо сложнее, чем ликвидировать эту лавку… да, Клеманс, все же это довольно трудно!»

Он получил образование не зря, он умел сопоставлять и делать выводы.

Мой прежний костюм уже порядком поизносился, брюки сильно вытянулись на коленях: лестницы — это не шутка. К счастью, со шляпами проблем не было, я мог пользоваться старыми отцовскими. У нас был один размер. Но шляпа, как правило, была не первой свежести, и я старался держать ее в руках. Хотя потрепаны были только края, я так и носил ее в руке, не надевая… А чрезмерная вежливость в те времена пугала.

* * *

Наконец наступил долгожданный момент, когда дядя Эдуард подыскал мне подходящее место. Наши дела шли все хуже и хуже. Просто ужас. Мы уже не знали, что предпринять. И вот наконец все разрешилось!.. Он явился в полдень, сияющий, возбужденный. Дело верное. Он сам говорил с этим типом, моим будущим хозяином, ювелиром. Он обязательно меня возьмет! Все обговорено!

Горлож, так его звали, жил на улице Эльзевир, в квартире на пятом этаже. В основном он занимался кольцами, брошами, браслетами, а также мелкими починками. Вообще он брался за все, что подворачивалось. Трудился не покладая рук. У него был легкий характер, он со всеми был в хороших отношениях…

Эдуард вселил в нас надежду. Мы заторопились. Даже не доели сыр, побежали туда вместе с мамой… Сели в омнибус… Бульвары, улица Эльзевир… Пятый этаж… Они были еще за столом, когда раздался звонок. Они тоже ели хлебный суп огромными ложками, а потом лапшу, обваленную в сухарях, и орехи на закуску. Они ждали

нашего визита. Мой дядя расхвалил им меня. Мы пришли в удобный момент… Они не стали пускать нам пыль в глаза. Ничего особенного не обещали… С разными украшениями дела у них шли хуже некуда… Они сразу же сообщили об этом… Уже двенадцать лет они влачат нищенское существование… Не теряя надежды на удачу… Бывало по-всякому, но подняться окончательно не удавалось… Клиентов становилось все меньше и меньше. Они находились на грани разорения.

Месье Горлож тем не менее не сдавался, делал все что мог… У него еще была надежда… Он чем-то походил на дядю Артура… вылитый свободный художник с бородкой, бантом на шее, в остроносых башмаках и блузе, заляпанной винными пятнами… Он сидел, развалившись, курил, полностью скрываясь за клубами дыма. И разгонял дым рукой.

Мадам Горлож сидела напротив на низком табурете, навалившись грудью на верстак. Она была очень пухлая, с великолепными формами… которые так и выпирали из-под передника. Она колола орехи кулаком… со всего размаху, мощным ударом, которым можно было разнести всю мебель. Мастерская сотрясалась… замечательная натура… Настоящая античная модель… Чуть

позже я поближе узнал ее. Как раз то, что мне всегда нравилось.

Об оплате мы даже не заикались. Боялись показаться нескромными. Об этом можно договориться позже… Я думал, что он совершенно ничего не предложит. И все же перед самым уходом мы решились. Он сказал, что я могу рассчитывать твердо… на 35 франков в месяц… включая оплату дорожных расходов. Более того, я мог надеяться… на солидную премию, если своими стараниями буду способствовать процветанию их ремесла. Он находил, что я еще слишком молод… но это не имело значения, ибо во мне горел священный огонь… ибо я был сыном, последовавшим по стопам своего отца… Ибо я родился в лавке!.. Этот ласкающий слух аккорд… завершил нашу приятную беседу…

В Пассаж мы вернулись совершенно воодушевленные… В самом радужном настроении. Пообедали. Съели варенье. Отец трижды наливал себе вина. Громко выпустил газы… Так у него почти никогда не получалось… Дядю Эдуарда носили на руках… Штиль кончился, нам снова удалось поймать попутный ветер.

* * *

Рано утром следующего дня я отправился на улицу Эльзевир за рекламным комплектом.

Месье Горлож встретил меня с таким удивлением, как будто впервые видел… Он сидел перед распахнутым настежь окном и созерцал крыши… На коленях у него стояла большая чашка кофе со сливками… Его никто не интересовал, это было совершенно очевидно. Он весь был поглощен открывающейся перед ним перспективой… тысячами двориков небольшого Марэ… Его взгляд был исполнен задумчивости… Он как бы блуждал в забытьи… Надо сказать, что это действительно может заворожить… Замечательное кружево крыш… Все эти отблески… Обилие красок. Переплетение водосточных труб. Всюду порхают птички… Легкий дымок вьется над большими темными провалами…

Он жестом попросил меня помолчать, прислушаться… Полюбоваться на эту красоту… Ему не нравилось, что его побеспокоили… Должно быть, он счел меня недостаточно вежливым. Его лицо исказилось невольной гримасой.

Весь дом сверху донизу и двор посередине представляли собой настоящий кукольный театр… отовсюду настороженно выглядывают чьи-то рожи… красные, бледные, здоровенные… Раздается визг, свист, топот шагов… Иногда добавляются посторонние шумы… Вот опрокидывается лейка, подпрыгивая, кувыркается по грубой мостовой… Герань соскальзывает с подоконника. Летит прямо на будку привратницы. Разлетается на мелкие кусочки. Старушка выскакивает из своей конуры… Вопит в пустоту. Караул! Подлые убийцы!.. Весь дом приходит в волнение… Эти придурки подходят к окнам… Все крайне возбуждены… Переругиваются… Толкаются на краю бездны… Орут… Уже непонятно, кто виноват…

Месье Горлож высовывается из окна… Он боится упустить малейшую подробность происходящего… Этот спектакль его ужасно интересует… Он огорчен, что все успокаиваются… Вздыхает… потом еще раз… И возвращается к своим бутербродам… Он наливает себе еще чашку… Предлагает мне кофе…

— Фердинанд, — говорит он мне наконец, — я должен вас еще раз предупредить, что работа с моими изделиями будет нелегкой!.. У меня уже было десять агентов… Это были чрезвычайно спо-

собные мальчики! И очень бойкие!.. Впрочем, вы уже двенадцатый, потому что я сам, видите ли, пытался этим заниматься… Ну ладно!.. Приходите завтра!.. Сегодня я чувствую себя не в форме… Ах! Нет, постойте! Останьтесь еще ненадолго!.. А! ладно, идите!.. Я сам скажу ему, что принял вас на работу!.. Для него это будет настоящей неожиданностью!.. Он терпеть не может торговых агентов! Это мой лучший работник… Фактически начальник мастерской!.. У него тяжелый характер! Ах! это точно! Вы сами увидите! Но он незаменим! А! нужно признаться!.. Я познакомлю вас также с малышом Робером, нашим учеником… Он очень славный! Вы подружитесь, я уверен! Он выдаст вам образцы товара… Из стенного шкафа внизу… Уникальнейший набор… вы даже не представляете… Кстати, довольно тяжелый… Килограммов четырнадцать-пятнадцать… одни только образцы!.. Медные, свинцовые… Первые делал еще мой отец!.. У него были замечательные вещи! Уникальные! Просто уникальные! Я видел у него Трокадеро!.. Ручной работы! в форме диадемы! Вы представляете себе? Его дважды награждали премиями… У меня даже есть фотография. Я вам как-нибудь ее покажу…

Горложу надоело говорить со мной… Он снова

впал в апатию. Сделал еще усилие… Положил ноги на стол… Тяжело вздохнул. На нем были вышитые тапки, я как сейчас их вижу… С маленькими кошечками, бегающими в круг…

— Ну хорошо, идите! Фердинанд!.. Передавайте привет вашей матери… От меня!.. Когда будете проходить мимо консьержки, попросите ее позвонить от угольщика из двадцать шестого… Пусть позвонит в «Отель трех адмиралов»… Надо узнать, не заболел ли Антуан… Странный парень… Не случилось ли с ним чего?.. Вот уже два дня, как он не приходит… Пусть она крикнет мне со двора… Скажите ей, пусть посмотрит в телефонной книге… «Отель трех адмиралов»! Передайте ей, пусть она принесет мне молока… Хозяйка неважно себя чувствует!.. Скажите ей, пусть пришлет мне газету!.. Все равно какую!.. Лучше «Спортивную»!

* * *

Утром следующего дня я наконец увидел набор образцов. Горлож скромничал… 15 килограммов!.. По крайней мере, вдвое больше. Он довольно расплывчато обрисовал мне некоторые способы «рекламы»… Во всяком случае, ни на чем не настаивал… Он сам, как правило, не придерживался ни одного из них. Я могу действовать по собственному усмотрению. Он полностью доверял моему вкусу… Я ожидал увидеть нечто ужасное, но, признаюсь, и я дрогнул, увидев все это собственными глазами… Просто невероятно… Никогда я не видел ничего более жуткого… Немыслимо… Какой-то карманный паноптикум…

Все было омерзительно… Плоды больного воображения… свинцовые чрезмерно украшенные, противоестественно изогнутые, отвратительно аляповатые… Настоящее издевательство над символами… Обрывки кошмарных видений… «Ника Самофракийская»… Всевозможные «Виктории» в виде часиков… Медузы, соединенные змеями, составляли колье… и снова химеры!.. сто аллегорий для перстней, одна гаже другой… Работа

мне предстояла нешуточная… Все это должно было перейти на пальцы, пояса, галстуки. Это должно было висеть в ушах?.. Невероятно!.. Это должны были покупать? Кто? Боже мой! Кто? Не было недостатка и в драконах, демонах, домовых, вампирах… Отвратительная нечисть… Бессонница всего мира… Буйство психиатрических больниц… Меня бросало то в жар, то в холод… Даже в Бабушкином магазине на улице Монтергей самый залежалый хлам не мог пойти ни в какое сравнение с этим…

Никогда не приходилось мне иметь дело с подобными чудовищами. Я начинал понимать тех десятерых недоносков, что были до меня. Представляю, какой они имели бледный вид… Таких пугающих изделий больше ни у кого в продаже не было. Со времени последних романтиков их стыдливо прятали… Может быть, их передавали друг другу в семьях?.. в момент наследования, но с множеством предосторожностей… Нужно было иметь немало мужества, чтобы разложить подобный набор перед неподготовленными людьми… Весь сногсшибательный комплект… Они могли подумать, что над ними издеваются!.. Даже Горлож больше не осмеливался… То есть сам лично, собственной персоной! Он устал противостоять

вкусам толпы!.. Эта героическая миссия была возложена на меня!.. Я стал главным торговым агентом!.. Никто еще не продержался больше трех недель…

Сам он вынужден был собирать крохи… Нужно было поддерживать мастерскую до тех пор, пока вернется мода… У него сохранились знакомства во многих лавках… Друзья, оставшиеся с лучших времен, не хотели, чтобы он полностью разорился. Подкидывали ему мелочевку… Неприятные починки. Правда, сам он к этому и не притрагивался… Всем занимался наш Антуан. Призванием Горложа была резьба… Он не хотел портить себе руку на такой неквалифицированной работе, терять из-за какой-то ерунды свой класс и репутацию. Ничего не скажешь, в этом отношении он был непреклонен.

В девять часов я поднимался по улице Эльзевир. Не дожидаясь, пока появится сам хозяин, я сразу же бросался в центр Парижа, вооруженный собственным усердием и «килограммами» образцов… Поскольку я работал на улице, на меня навесили сразу все!.. Так уж вышло. От Бастилии до Мадлен… Я преодолевал огромные расстояния… Все Бульвары… Все ювелирные магазины один за другим… Не считая маленьких

окрестных улочек… Меня уже трудно было чем-нибудь смутить… Я готов был на все, только бы снова привить покупателю вкус к резьбе. Я готов был сожрать этих драконов. В результате я даже начал воспроизводить их жуткие гримасы во время ходьбы… Исполненный рвения и усердия, я просиживал часами в лавках, на скамейке для коммивояжеров, рядом с покупателями.

В конце концов, я окончательно уверовал в возрождение искусства резьбы! Я в это поверил, черт побери! Я даже перестал замечать своих собратьев по профессии. Меня не волновали их рожи, перекашивавшиеся при одном упоминании моего имени. Когда подходила моя очередь, я приближался, вежливый и медоточивый. Тихонько из-за спины я доставал свой маленький ларчик, наименее отпугивающий… На подставочке… Эти скоты даже не пытались мне ничего объяснить… Они делали мне знак убираться… Как будто я сам какая-то нечисть…

Тогда я шел дальше. Меня ничто не способно было остановить. В любое время года, в любую погоду, мокрый от пота или задыхаясь от жажды, я заходил в самые маленькие лавочки, к самым ничтожным жуликам-часовщикам, корчившимся между бутылкой и масляной лампой в

пригородах Парижа…

Я обошел всех, от Шапель до Мулино. Я пробудил интерес к своей продукции у старьевщика из Пьерфитт и тряпичника из Сен-Мор. Я не забыл и тех, что прозябают вокруг Пале-Рояля со времен Демулена[50] под арками Монпасье… знаменитой выставки «открытий»… разуверившихся во всем мертвенно-бледных торговцев, застывших за своими прилавками… равнодушных уже и к жизни, и к смерти. У Одеона я обошел последних парнасских ювелиров, о которых даже нельзя было сказать, что они подыхают с голоду. Они просто жрали пыль. У них у всех были такие же образцы, почти идентичные, из свинца, которых хватило бы им на тысячи гробов и новых мифологических ожерелий… От нагромождения бесформенной массы всевозможных амулетов они вросли в землю вместе со своими прилавками… Они были почти полностью завалены, буквально тонули в них, напоминая египтян. Они больше не реагировали на меня. В них было что-то пугающее…

Я обегал все пригороды… Иногда в порыве энту-

---

[50] Примечания: 50

…со времен Демулена — 12 июля 1789 г. французский публицист и революционер Камилл Демулен (1760–1794) выступал перед толпой у кафе Фуа, находившегося в домах № 57–60 галереи Монпансье в Пале-Рояле. Он был казнен во время революции, когда Дантон пришел к власти.

зиазма я забирался так далеко, что, застигнутый надвигающейся ночью, почти заблудившийся, я вынужден был тратиться на омнибус, чтобы вернуться не слишком поздно. Из 35 франков в месяц мои родители оставляли мне 15… Они полностью уходили на транспорт. Поневоле я обходился дорого… В принципе, конечно, мне следовало бы ходить пешком… но тогда пришлось бы чаще тратиться на обувь!

* * *

Месье Горлож в поисках мелкого ремонта всегда ходил на улицу де ля Пэ. Он вполне мог бы нравиться, если бы не его борода, настоящее его проклятие. Она постоянно была в перхоти… «Сикоз»[51], так он ее называл…

Я часто замечал, как он, закрыв дверь, яростно чешется… Он всегда выходил в приподнятом настроении. В карманах у него неизменно было несколько перстней, которые нужно было починить, уменьшить или увеличить. Брошка, которую нужно было запаять… со сломанной застежкой. Цепочка, которую нужно сузить… какая-нибудь безделушка… что-нибудь еще… Этого хватало, чтобы поддерживать существование нашей конторы… Он был не слишком привередлив.

Антуан, его единственный компаньон, выполнял эту работу. Сам Горлож к ней не прикасался. Поднимаясь по Бульварам, я часто встречал его, его можно было узнать издалека… Он шел не так,

---

[51] Примечания: 51

Сикоз — хроническое воспаление волосяных мешочков у мужчин в области бороды и усов.

как другие… Его чрезвычайно занимала толпа… Глаза у него разбегались в буквальном смысле этого слова… Я видел, как вращается его шляпа. Он выделялся еще и своим жилетом в мелкий горошек… в стиле мушкетера…

— Ну как, Фердинанд?.. Всегда в строю? Во всеоружии? Как дела? Хорошо?

— Все в порядке! Все в порядке, месье Горлож!..

Я вытягивался в струнку, отвечая ему, несмотря на ужасный вес моей поклажи… Мой энтузиазм не ослабевал. Правда, из-за того, что я ничего не зарабатывал, ничего не продавал и все время ходил с такой тяжестью, я худел все больше и больше. Конечно, мускулы не ослабевали. У меня окрепли ноги. Окрепла душа. Я стал выше… И возвышеннее…

* * *

Покончив с комплектом, я бегал еще в несколько мест за покупками для мастерской. К одному надомнику, к другому. В «контору» за футлярами. Все это находилось на той же улице.

Малыш Робер, ученик, должен был гнуть оправы, доделывать «недоделки» или просто подметать комнату. Семейная жизнь Горложей была далека от идиллии. Они ругались по-черному, еще сильнее, чем мы. Чаще всего вспыхивали ссоры между Антуаном и хозяином. От взаимного уважения не оставалось и следа, особенно в субботу вечером, когда подводили итоги. Антуан всегда был недоволен… Получал ли он мелкую монету или крупную купюру, все равно он всегда ругался. Однако же других рабочих у его хозяина не было. «Да идите вы в жопу вместе со своей грязной конурой! Я вам это уже тысячу раз говорил…»

Вот как они разговаривали. Хозяин смешно гримасничал. Скреб себе бороду… От волнения начинал грызть ногти.

Иногда вечерами Антуан так разъярялся из-за

денег, что угрожал заткнуть бутылку ему в глотку… Каждый раз я думал, что он так и сделает… Но ничего подобного!.. Это были просто привычные формы выражения чувств, совсем как у нас дома…

Однако мадам Горлож не сдерживала себя, как мама… она без конца закатывала скандалы и истерики. Малыш Робер, как только дело принимало трагический оборот, мгновенно прятался под верстак… стараясь не упустить ничего из представления. Без малейшего смущения. Он просто-напросто развлекался…

Когда в субботу все попытки успокоить Антуана ни к чему не приводили, в последний момент в каком-нибудь ящике находили еще монетки, чтобы дополнить сумму… Хоть чуть-чуть. В большом стенном шкафу на кухне оставалась еще шкатулка… Скопление камней… Сногсшибательный склад!.. Это был наш стратегический запас!.. Сказочное сокровище!.. На самый крайний случай.

В голодные времена я их продавал на вес кому попало… и где попало!.. В Виллаж Сюис… в Тампль… Даже около Крэмлэн… Обычно это приносило сто су…

С тех пор как Горлож перестал заниматься резьбой, золото в его мастерской не задержива-

лось дольше трех дней. То, что оставалось после починки, требовали вернуть в течение недели. Никто никому особенно не доверял… Три или четыре раза по субботам я ходил спортивным шагом на доставку к площади Вогезов, на улицу Рояль! Трудности в те времена еще не пугали. Это много позже стали отлынивать от работы. Тогда можно было наблюдать только первые симптомы. Когда я возвращался, выполнив все поручения, в разгар лета около семи часов, возле Пуасоньер было не очень свежо. Я помню, как рядом с «Амбигю»[52] под деревьями все пили воду из фонтанчика, даже толпились ради этого в очереди… Некоторые отдыхали, сидя прямо на ступеньках театра. Повсюду были изнывающие от жары доходяги. Прекрасный насест для всякого сброда, «сандвичей», букмекеров, «жучков», мелких агентов по продаже, барыг и безработных всех мастей, которые собирались здесь в огромном количестве, целыми дюжинами… Все говорили о трудностях, небольших ставках, которые можно сделать… о лошадях, на которых лучше поставить, и о новостях с велодрома…

---

[52] Примечания: 52

«Амбигю», или «Амбигю-Комик» — театр, находившийся по адресу: бульвар Сен-Мартэн, дом № 2, в 10-м округе. Это был довольно большой театр, где до Первой мировой войны ставили драмы и мелодрамы.

Передавали друг другу «Родину», просматривая курс и объявления…

Уже напевали «матчиш»[53], модный в то время мотивчик… Буквально все насвистывали его, толпясь вокруг киоска… Ожидая, когда можно будет пописать… А потом снова все возвращались на перекресток. Больше всего пыли было возле Тампль… Где рыли метро… Затем начинался зеленый сквер, тупики, Гренета, Бобур… Улица Эльзевир около семи часов — это что-то особенное! Это уже совсем в другом конце квартала.

---

[53] Примечания: 53

«Матчиш» — танец, пришедший из Бразилии в 1902–1903 гг. Хотя его танцевали в ритме марша, он все равно считался очень «сладострастным». В 1903 г. появилась партитура мелодии, сделанная Шарлем Борель-Клерком. Слова были написаны в 1905 г. Бриолле и Лельевром, и песню стал петь Майоль. Как известно, в России матчиш также был очень популярен. У нас тоже распевали слова:

«Пламенный матчиш – прелестный танец,
К нам его завез американец…»

и т. д.

* * *

Мать малыша Робера, ученика, жила в Эпернон, он отсылал ей весь свой заработок, 12 франков в неделю, его кормили, а спал он под верстаком на матраце, который сам сворачивал каждое утро. Я старался держаться подальше от этого мальчишки! Я был крайне осторожен, не рассказывал историй, я все время был начеку…

Антуан, единственный рабочий, был очень строг и шпынял его за каждую мелочь. Но место ему все же нравилось, потому что после семи часов его оставляли в покое. Он мог развлекаться на лестницах. На дворе было полно котов, и он носил им объедки. Поднимаясь по лестнице, он заглядывал во все замочные скважины… Это было его любимым занятием.

Когда мы сошлись поближе, он рассказал мне об этом. И продемонстрировал свою систему подглядывания в туалеты, чтобы лучше видеть, как ссут бабы. Прямо на нашей площадке было две дырки на верху двери. Он вставлял туда маленькие затычки. Так он видел всех, включая мадам Горлож, она была самая настоящая блядь, это он

заметил по тому, как она задирала свою юбку.

Подглядывание было его истинным призванием. Кажется, у нее были бедра, как у монумента, огромные ляжки, шерсть на лобке такая густая, что напоминала мех и доходила ей до пупка… Малыш Робер разглядел все это, когда она испражнялась, во время месячных… все вокруг было красным, кровь текла из щели и забрызгивала всю уборную. Невозможно было представить себе такое необычное сранье… Он обещал показать мне кое-что покруче, еще одну дырку, которую он проделал в стене комнаты, как раз над кроватью. И как лучше смотреть… Забираешься на плиту… в углу кухни, заглядываешь туда — и вся кровать видна.

Робер специально для этого вставал по ночам. Он часто наблюдал, как Горложи трахаются. На следующее утро он рассказывал мне все, правда, вид у него был какой-то отсутствующий… У него слипались глаза…

В основном, малыш Робер занимался филигранью… различными повреждениями… Он орудовал лезвиями толщиной в волос… Потом покрывал все патиной… Это была мелкая сетка… настоящая паутинка… Из-за того что он постоянно напрягал зрение, у него начинали болеть глаза.

Тогда он делал перерыв и убирал мастерскую.

Антуан ничего ему не спускал и держал его в черном теле. Меня он тоже не выносил. Нам хотелось накрыть его, когда он трахался с хозяйкой. Кажется, такое бывало… Робер все время говорил об этом, но не был до конца уверен… Возможно, это были всего лишь сплетни. За столом Антуан держал себя так, что никто не решался ему перечить. Малейшее возражение выводило его из себя, и он кидался собирать вещи. Ему обещали увеличение зарплаты… 10 франков… даже 100 су…

— Идите в жопу! — отвечал он несчастному Горложу… — Вы на меня сели и поехали!.. Вы сами без штанов!.. Что вы мне можете обещать?.. Опять болтовня!..

— Не волнуйтесь, Антуан! Я вас уверяю, что все поправится! Со временем!.. Я в этом убежден!.. Скоро… Гораздо раньше, чем вы думаете!..

— Поправится, как же!.. Это все равно, что лечить покойника! Да я быстрее стану архиепископом!..

Так они разговаривали. Их уже ничего не сдерживало. Хозяин сносил все. Он боялся, что тот уйдет. Не хотел ничем обременять себя… Пачкать себе руки. В ожидании перемен… Он предпочитал

пить кофе со сливками и смотреть в окно, покуривая трубку… Панорама Марэ… Особенно когда идет мелкий дождь… Его раздражали разговоры… Можно было делать все что угодно, только ни о чем его не просить. Он сам откровенно заявил нам: «Поступайте так, как будто меня здесь нет!»

* * *

Я так и не нашел покупателей, ни оптом, ни в розницу… Мои чудовища и химеры по-прежнему оставались у меня на руках… Между тем я делал все что мог… От Мадлен до Бельвиль… Все обежал… все испробовал… Не было ни одной двери от Бастилии до Сен-Клу, в которую я бы не постучался… Все лавки старьевщиков… часовые магазины… от улицы Риволи до кладбища Банье. Самые жалкие евреи знали меня… Все темные личности… все торговцы золотом и серебром… Но меня преследовали неудачи… Никто ничего не хотел покупать… Так не могло продолжаться вечно… От неудач тоже устаешь…

Наконец однажды мне повезло. Чудо произошло на углу улицы Сен-Лазар… Я же проходил здесь каждый день!.. И никогда даже не останавливался. Магазин китайских вещей… В ста метрах от Трините[54]. Я все же заметил, что и там тоже склонны к чему-то несуразному, причем огромных размеров! У них этим были заполнены

[54] Примечания: 54

Тринитэ — церковь Св. Троицы, находящаяся на одноименной площади в центре Парижа.

все витрины! И не для смеха, а для настоящего устрашения! По стилю, в сущности, совсем как у меня… В общем, такое же уродство… Правда, у них в основном были саламандры… летающие драконы… будды с огромными животами… позолоченные… вращающие бешеными глазами… Они курили, сидя на подставках. В стиле «грезы опиума»… Еще груды аркебуз и алебард до самого потолка… с бахромой и звякающими бусами. Тут не до смеха. Оттуда ползли тысячи рептилий, плюющихся огнем… На полу… На колоннах… сотни зонтиков на стенах, полыхающих пламенем, и, наконец, дьявол около двери, в натуральную величину, весь окруженный жабами, в глазах которых светилось десять тысяч фонариков…

Так как они продавали подобные вещи… мне в голову пришла идея… А вдруг им понравится и то, что продаю я?

Тогда я, набравшись нахальства, вошел в лавку… разложил товар… Поначалу я сильно волновался… но наконец собрался с духом…

Передо мной был маленький человечек, с головой, крепко обтянутой кожей, и голосом старой сводни, очень хитрый, неприметный, в платье из шелка с разводами и в шлепанцах на дощечках, одним словом, настоящая обезьяна, к тому же

в какой-то бесформенной шляпе… Сначала он почти ни на что не реагировал… Но все же я заметил, что поразил его таким большим выбором колдовских штуковин… мандрагорами… всеми этими медузами в форме спирали… самофракийскими брошками… Для китайца это заманчиво!.. Потребовалось довольно много времени, чтобы осмотреть весь мой ассортимент…

Наконец он отбрасывает свое показное равнодушие… Он откровенно взволнован… Даже воодушевлен… Просто ликует… От нетерпения путает слова… В конце концов он говорит мне следующее: «Я думаю, мой милый юноша, что я в состоянии вам помочь…» И продолжает…

Он знает одного ценителя около Люксембургского сада… Одного чрезвычайно приличного господина… Настоящего ученого… который страстно любит драгоценности, выполненные в высоком стиле и с большим искусством… как раз то, что мне надо… этот тип — маньчжурец, он приехал в отпуск… Китаец сообщает мне, как надо держать себя… Не следует говорить слишком громко… Тот не выносит шума… Он дает мне его адрес… Правда, не в каком-нибудь там шикарном отеле, а на улице Суфло… Китаец с Сен-Лазар просит для себя лишь «комиссионные»… Если

я получу заказ… только пять из ста… Это еще по-божески… Я подписываю его бумажку… И не теряя ни секунды… Тут же, на улице Мартир, вскакиваю в омнибус «Одеон».

* * *

Я нахожу моего ценителя. Показываю свои карточки, представляюсь. Раскладываю образцы. Он еще более сморщенный, чем тот… И тоже носит длинное платье. Он просто очарован тем, что я принес… От вида таких великолепных вещей он становится чрезвычайно разговорчивым…

Показывает мне на карте, откуда он… С конца света… и даже еще дальше, влево за поля карты… Это был настоящий мандарин в отпуске… Он хотел, чтобы ему сделали украшение, и обязательно резное… У него была даже намечена модель. Он хотел, чтобы я ему выполнил настоящий заказ!.. Он объяснил мне, где я могу ее скопировать… В музее Гальера[55], на третьем этаже, в центральной витрине… Чтобы я не ошибся, он набросал маленький эскиз. И написал большими буквами название: ШАКЬЯ-МУНИ, так это называлось… Бог Счастья!.. Ему хотелось иметь точь-в-точь такого же, в форме булавки для галстука, ибо он

[55] Примечания: 55

…в музее Гальера — Музей Гальера, где нет ни одного произведения восточного искусства, расположен в 16-м округе Парижа, в нескольких шагах от музея Гиме, где как раз и находятся крупнейшие коллекции восточного искусства.

меня предупредил: «Я одеваюсь по-европейски. Я вершу справедливость!»

Удивительно… Он полностью мне доверял. Он вручил мне 200 франков прямо в руки, на покупку драгоценного металла… Так было удобнее. Чтобы не терять времени…

Я уверен, что сам стал похож на Будду, когда брал у него две купюры… Я не привык к подобному обращению… Поднимаясь по Бульварам, я напевал… Потребовались бы немалые усилия, чтобы привести меня в чувство, у меня буквально помутилось в голове…

Наконец, я прихожу на улицу Эльзевир… Рассказываю, что со мной приключилось… Вот она, неожиданная удача!.. Возрождение ремесла резьбы! Как и предсказывал Горлож!.. Все дружно чокаются, пьют! Меня обнимают!.. Мирятся между собой!.. Надо разменять двести франков! Это уже больше, чем сто пятьдесят…

* * *

Вместе с Горложем мы отправляемся в музей, чтобы срисовать знаменитую фигурку. Очень забавная, совершенно одна в маленькой витрине, невозмутимо сидела на крошечном стульчике, улыбаясь сама себе, рядом был посох…

Это заняло у нас много времени, сначала надо было срисовать, а потом уменьшить эскиз в сто раз… Мы сделали маленький макет… Все шло замечательно. Я пошел с Робером на улицу Франкер в еврейско-швейцарский магазин купить золото 18-й пробы, сразу на сто франков и плюс на 50 для пайки… Этот маленький сверток тщательно прячут и закрывают в ящике на два оборота… Вот уже четыре года не случалось такого, чтобы металл всю ночь оставался на улице Эльзевир… Когда моделировка была закончена, фигурку отправили в формовку… Три раза подряд ее там портили! И каждый раз нужно было начинать сначала… Литейщики ничего в этом не смыслят!.. Время шло… Уже все стали нервничать… И вот они все же что-то уловили. В общем, это было неплохо… Бог начинал обретать форму…

Оставалось его закончить, очистить поверхность металла и приступить к работе резцом…

Как раз в это время произошла небольшая неприятность… За Горложем явились жандармы… Весь дом пришел в волнение… Ему нужно немедленно отправиться на четырехнедельные сборы… Отсрочка невозможна… Он уже все исчерпал… Он больше не может уклоняться от больших маневров… Приходилось оставлять «Бога Счастья» незавершенным… Здесь нельзя было заканчивать на скорую руку… Требовалась тщательная отделка.

Так как договориться было уже нельзя, Горлож решил следующее… Пусть Антуан закончит дело… Он завершит работу не спеша… А я ее доставлю… Останется только получить сто франков… За ними Горлож пойдет сам!.. Он об этом недвусмысленно заявил… Как только вернется со сборов… Он по-прежнему никому не доверял…

Если работа понравится нашему китайцу, мы сделаем ему других Шакья-Муни, целиком из золота! Мы, конечно же, не остановимся на такой малости. Будущее представлялось нам в розовом свете… Кто знает, может быть, возрождение ремесла резьбы придет с Дальнего Востока… Ах! вся наша лестница буквально гудела от этой

истории, от нее лезли на стенку мастера со всех этажей, наша удача оглушила их! Необыкновенный взлет! Повсюду рассказывали, что мы получаем чеки из Пекина!

Горлож тянул до последней секунды. У него могли быть неприятности. Они продолжали заниматься с Антуаном маленьким человечком. Последние совсем бессмысленные детали, такие крошечные и незначительные, что даже в лупу их нельзя было как следует рассмотреть… Неуловимая улыбка… Это было трудно передать!.. Они вырезали каждую черточку острым резцом, заточенным, как коготь… Прибавить было почти нечего… Это была копия «тик в тик»! Но все же лучше, чтобы Антуан еще подумал… Дня четыре или пять… Тогда это будет превосходная работа…

Горлож наконец решился, ему все-таки нужно было ехать. Жандармы пришли опять…

На следующий день я застал его полностью облаченным в солдатскую форму… Он был в огромной куртке, собиравшейся в складки, с двумя пуговицами и воротничком, с уголками, отогнутыми, как у кулечка с жареным картофелем… В кепи с зеленым помпоном и хорошо подогнанных штанах красного цвета… В таком виде он и вышел… Малыш Робер нес его сумку.

Она была основательно нагружена, во-первых, тремя камамберами, разумеется, самыми «зрелыми», что заметили все[56]… плюс двумя литрами белого и маленькими бутылочками пива, сменой носков… и вязаной ночной рубашкой для сна на воздухе…

Соседи толпой спускались вниз, одетые по-домашнему, в шлепанцах… Они с шумом заполнили двор… Все желали ему удачи… Я проводил Горложа до самого Восточного вокзала за перекрестком Мажента. Отъезд сильно взволновал его, особенно из-за заказа. Он снова и снова повторял свои наставления. Он никак не мог смириться с тем, что не может закончить все сам… Наконец он попрощался со мной… Наказал мне быть умным… И стал читать расписание… Вокруг было полно всякого сброда… Какие-то хрипящие субъекты перегородили дорогу и знаками выражали нам свое расположение… Мне надо было сматываться…

На улице Эльзевир, когда я проходил мимо будки привратницы, старушка окликнула меня.

— Эй, послушай! — сказала она. — Иди сюда, Фердинанд!.. Скажи-ка, он уехал?.. Все же решил-

[56] Примечания: 56

«Зрелый» камамбер — сыр камамбер часто кладут «дозревать» при комнатной температуре, в результате чего он обретает резкий специфический запах, особенно ценимый некоторыми любителями.

ся! И он хорошо подготовился?.. Ему там не будет холодно! Скорее жарко! К счастью, он взял, что выпить. Эти маневры ему еще выйдут боком! Черт! Подложили свинью! Этому твоему рогоносцу придется попотеть!..

Она говорила это, чтобы ввести меня в курс дела и самого заставить немного разговориться. Я ничего не отвечал. С меня уже было достаточно сплетен. Ах! конечно же! Возможно, я становился излишне подозрительным… Но я был прав… Скорее, я был слишком доверчив!.. Очень скоро я убедился в этом.

* * *

Как только хозяин отвалил, малыш Робер больше не сдерживался. Он сгорал от нетерпения увидеть, как трахаются Антуан с хозяйкой.

Он говорил, что это должно произойти и что это неизбежно… Страсть к подглядыванию была у него в крови.

В течение первой недели ничего особенного не было заметно… Теперь я должен был заниматься поддержанием функционирования мастерской, искать починку на улице Прованс и на Бульварах… Я приносил все, что попадалось. Этого только-только хватало! Я больше не шатался со всей коллекцией. Мое положение изменилось…

Антуан продолжал работу над маленькой статуэткой, доводил ее до совершенства. Он был способным. И вот через неделю хозяйка вдруг переменилась ко мне. Она, всегда державшаяся на расстоянии и почти не разговаривавшая со мной в присутствии Горложа, внезапно стала любезной, кокетливой и нервной. Сначала я думал, что это притворство. Но в конце концов все же поддался. Я решил, что, возможно, это потому,

что я стал приносить больше пользы… Потому что находил небольшую работу?.. Правда, надо сказать… денег это не давало…

Никому не доверявший Горлож четко обговорил, чтобы в кассу не поступало ни одной банкноты! Он должен был получить все сам, когда вернется. Клиентам был предоставлен кредит.

Однажды утром, придя рано, я обнаружил, что мадам Горлож уже встала и прогуливается в мастерской… С таким видом, будто что-то ищет у верстака… Она была в пышном пеньюаре… Мне она показалась такой загадочной и одинокой… Она приблизилась… И сказала мне:

— Фердинанд! Сегодня вечером, когда вы вернетесь после своих дел, было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы преподнесли мне маленький букетик! Это так освежит дом… — Она глубоко вздохнула… — С самого отъезда моего мужа я не осмеливалась выйти…

Она все ходила вокруг и трясла своими сиськами. Она меня соблазняла. Это было очевидно. Дверь была широко открыта… в ее комнату. Я видел ее постель… Я не шевелился… Даже не пытался ничего сделать… Антуан и Робер пришли из бистро… Я никому ничего не сказал…

Вечером я принес три пиона. Это все, что я смог купить. В кассе больше ничего не было. Для меня и это было много. Я знал, что мне никто ничего не компенсирует.

* * *

А потом и Антуан в свою очередь вдруг стал очень вежливым, совершенно своим парнем… Раньше он только орал на нас… А теперь стал просто очарователен… Даже не хотел, чтобы я ходил в поисках починки… Он говорил мне так:

— Отдохните!.. Побудьте немного в мастерской… Займитесь мелкой работой!.. Можно пойти чуть позже!..

Тянуть уже не было смысла, булавка была закончена… Она вернулась от полировщика. Настал мой черед ее отнести… Как раз в этот момент хозяйка получила письмо от Горложа… Он просил не торопиться, поберечь драгоценность дома… Подождать его возвращения. Он сам отнесет ее маленькому китайцу… А пока я могу показать это великолепное украшение некоторым покупателям-любителям…

Тут я совсем потерял голову! Все действительно восхищались этой маленькой статуэткой… Он хорошо смотрелся на своей подставочке, этот золотой Шакья-Муни!.. Все же в нем было металла на 18 карат!.. А по тем временам о лучшем нельзя

было и мечтать!.. Все соседи, знатоки, поздравляли нас… Репутация дома окрепла!.. Клиенту не на что будет жаловаться!.. Горлож вернется только через десять дней… И у меня еще достаточно времени, чтобы покрасоваться с ней в лавках…

— Фердинанд! — советовала мне хозяйка. — Оставьте ее вечером здесь, в вашем ящике… Вы же знаете, никто ее не тронет! Вы заберете ее завтра утром!

Я же предпочитал хранить ее в моем бумажнике и уносить домой. Мне казалось, что так надежнее… Я заколол ее двойными булавками, одной огромной и двумя маленькими с каждой стороны… Все смеялись и говорили: «Он ее не потеряет!»

* * *

Наша мастерская была крыта шифером, отчего там стояла ужасная духота, даже в конце сентября. Просто сдохнуть можно, поэтому все постоянно и напивались.

После полудня Антуан был уже совсем хорош. Он так громко орал песни, что его было слышно во всем дворе до самой будки консьержки… Он накачался абсентом, закусив огромным количеством печенья. Мы тоже все немного перекусили. Вместе с Робером мы ставили охлаждаться под кран на лестничной площадке все пивные бутылки, которые нам принесли. Их накупили в кредит целые корзины. Правда, с большим трудом… бакалейщики были скрягами… В каком-то смысле это было безумием… Просто все потеряли голову от жары и свободы.

Хозяйка была с нами. Антуан уселся рядом. Мы хихикали, глядя, как они тискаются. Он нащупывал ее подвязки. Задирал ей юбку. Она блеяла, как коза. Ему было чем полакомиться, такая она пышная… Он достал ее сиську. Ей это понравилось, и та так и осталась висеть. Он вылил нам

все, что оставалось в бутылке. Мы с Робером прикончили это. Даже стаканы вылизали. Это лучше, чем лимонад… Наконец все напились. Начался разгул страстей. Тут Антуан задрал хозяйке сразу все юбки! Выше головы!.. Он встал и прямо так, закутанную, втолкнул ее в комнату. Она все время гоготала… На нее напал безумный смех… Они закрыли за собой дверь… Она квохтала без остановки…

А мы с Робером полезли на кухонную плиту смотреть спектакль. Место было выбрано удачно… Мы полностью ушли в наблюдение… Видно было все… Антуан сразу же одним махом поставил толстуху раком… Она так и осталась с голой жопой… Он щупал ее… Не мог найти дырку… И рвал воланы. Срывал все. А потом буквально впился в нее. Вытащил свой член… и начал ее долбать. Он работал на совесть… Никогда бы я не подумал, что у него такой здоровый… Мне было не по себе. Он сопел, как свинья… Она тоже хрипела… и по мере того как он ее пердолил, все громче… Робер говорил правду, описывая ее жопу… Теперь ее было прекрасно видно… Все красная… огромная, просто пунцовая!.. Под конец полетели штаны, от них остались одни лохмотья… Антуан всаживал ей все глубже…

Каждый раз там что-то хлюпало… Они возились, как дикие звери.

Он так на нее набрасывался, что вполне мог задушить… Его штаны волочились по полу… Блузу, которая ему мешала, он сорвал одним махом… Она упала перед нами… Теперь он был в чем мать родила… На нем остались только тапки… тапки хозяина… с вышитыми кошечками… В этой трахофонии он стащил с кровати ковер и стукнулся башкой о прутья… Он сопел… Ощупывал свою башку… у него уже были шишки. Он отодвинулся… А потом в ярости снова взялся за дело… «Ах, сука, — вопил он. — Ах, блядь!» И бил ее коленом в бок. Она жеманно пыталась заслониться…

«Антуан! Антуан! Я не могу больше!.. Я умоляю тебя, любовь моя, оставь меня!.. Осторожно!.. Не сделай мне ребенка! Я уже вся мокрая!» — просила она…

«Давай! Давай! Сука! Заткни свою пасть! Подставляй дырку!..» Не слушая ее, он засунул ей член, предварительно отвесив три сильных удара в брюхо… Звуки были глухие… Эта шлюха начала задыхаться… Она пыхтела, как кузнечные мехи… Я подумал, что он собирается ее убить… Прикончить на месте… Он продолжал колотить ее… Они рычали, как звери… Она билась в экс-

тазе… Роберу стало не по себе. Мы спустились с нашего помоста. Вернулись к верстаку. И старались держаться потише… Хотели спектакль… И получили!.. Только это оказалось опасно… Коррида все продолжалась. Мы спустились во двор… за ведром и швабрами, для уборки… Зашли к консьержке… в случае, если он ее задушит, лучше находиться там…

* * *

Ни драмы, ни трупа не случилось… Они снова появились, и вполне довольные… Просто для нас это было впервые!..

Несколько дней спустя провизия стала поступать отовсюду, даже от трех бакалейщиков с улицы Экуф и улицы Бобур, которых мы совсем не знали… Жратвой была забита вся комната, кроме того, у нас оказался целый склад пива и шипучего вина «Мальвуазэн». Мы становились жуликами…

Под разными предлогами я старался не обедать у родителей. На улице Эльзевир шло настоящее веселье, мы постоянно обжирались. Теперь уже нас не сдерживало ничто. После полудня мы с Робером ждали открытия корриды… Мы больше не дрейфили… Но и эффект был уже не тот.

А Антуан начал сдавать позиции, он уже не особенно рвался к ее жопе и выдыхался по пустякам… Примерялся по десять раз… Копался у нее в дырке… Все время ставил ее раком… Подкладывал ей под брюхо перину… Поднимал ей голову высоко на подушки… Позиция получалась забав-

ная… Он вцеплялся ей в патлы… Она испускала страстные вздохи…

Но этого было мало… Он хотел засадить ей в жопу… Она защищалась… Сопротивлялась… Но это только усиливало страсть. Было довольно забавно… Она орала, как дикая ослица!.. Он старался и так и этак… Но у него больше не получалось… Тогда он спрыгнул с кровати и устремился на кухню. Мы были на плите, но он, к счастью, был настолько возбужден, что не заметил нас… Он прошел совсем рядом с нами и начал рыться в стенном шкафу, прямо в чем мать родила, в одних тапках… Он искал горшок с маслом… всюду тычась своим членом…

«Ох! Ай, ай! Ой, ой! Ай, ай!» — вопил он без остановки. Он был так смешон, что нам стало невмоготу… нас просто распирало…

«Масло! Боже мой, масло!»

Наконец он нашел масленку… Залез туда рукой… И унес полную пригоршню… Быстро подбежал к постели… Она все еще ломалась… Продолжала изгибаться… Он намазал ей маслом всю жопу, дырку, края, и так медленно и деловито, совсем как рабочий свой станок… Эта сучка вся лоснилась!.. Наконец у него получилось… Он ей засадил… Вошло хорошо… Они поймали жут-

кий кайф… Все вокруг сотрясалось от их криков… Потом они завалились на бок… И захрапели…

Это было уже неинтересно.

* * *

Первыми взбунтовались бакалейщики с улицы Берс… Они больше не хотели поставлять нам жратву авансом и даже слушать ничего не желали… Они явились к нам со счетами. Мы услышали, как они поднимаются… И затаились…

Они снова спустились к привратнице… Ужасно кричали… Жизнь начинала становиться невыносимой. А тут еще Антуан с хозяйкой стали постоянно бегать пожрать на улицу, их рожи уже примелькались во всех забегаловках квартала… Я старался помалкивать обо всем этом при своих… А то это вышло бы мне боком. Они бы обязательно решили, что во всем виноват я!

Но главным оставался футляр!.. Золотой Шакья-Муни… я не позволял ему шляться, он не часто появлялся на свет Божий! Я благоговейно хранил его в глубине моего бумажника, закрепив еще тремя булавками. Я больше никому его не показывал. Я никому не доверял… Я ждал возвращения хозяина.

В мастерской мы с Робером больше не появлялись… Антуан тоже почти не работал. Закончив

развлекаться со своей дамой, он вместе с ней выходил побазарить с нами. В мастерской было все перевернуто вверх дном. Порой они часами спали после полудня… Ничего не скажешь — веселая семейка!

Но однажды вечером произошла драма! Мы забыли закрыться на замок… Время было обеденное… Многие ходили взад-вперед по лестнице… И вот один из разъяренных трактирщиков, самый злой из них, взлетел наверх, перепрыгивая через несколько ступенек! Мы заметили его слишком поздно! Он толкнул дверь, вошел… И увидел, как они валяются вдвоем на кровати! Антуан и толстуха! Тут он захрипел громче, чем тюлень!.. Глаза у него налились кровью… Он хотел тут же избить Антуана! Размахнулся своей огромной плеткой… Я подумал, что он ему вмажет…

Конечно, мы ему были должны кучу всего… По меньшей мере 25 литров… белого… розового… коньяка высшего сорта… и даже уксуса… Произошло настоящее сражение… Только ввосьмером мы смогли усмирить эту гориллу… Позвали всех дружков… Антуану пришлось туго. Он заработал две огромные шишки… голубую и желтую…

И снизу, со двора, он продолжал угрожать нам. Этот безумец обзывал нас как мог: «Жулье!.. Сво-

лочи!.. Пидоры!..»

— Подождите, дармоеды! Вы еще обо мне услышите!.. Недолго вам осталось, гады! Подождите, скоро придет комиссар!

Дело принимало серьезный оборот!..

* * *

На следующий день в полдень я сказал Роберу: «Послушай, малыш! Мне нужно выйти. Сегодня утром опять приходили за брошью от Тракара, вот уже по меньшей мере восемь дней, как мы должны были ее отнести!..» «Хорошо, — ответил он мне, — я тоже должен идти… У меня встреча с одним корешом на углу возле „Матэн“[57]»…

Мы вместе сбежали вниз… Ни Антуан, ни хозяйка еще не вернулись после завтрака…

На третьем этаже я услышал, как она поднимается. Она тяжело дышала, вся покраснела, просто пылала… Наверняка они опять обожрались…

— Куда это вы направились, Фердинанд?

— По делу… На бульвар… к одной клиентке!

— Ах! Вы так не уйдете!.. — возразила она… — Поднимитесь наверх!.. Мне нужно вам кое-что сказать…

Хорошо. Я пошел за ней… Робер убежал на свое свидание.

Как только мы вошли, она запирает дверь, тща-

---

[57] Примечания: 57

«Матэн» — имеется в виду редакция ежедневной парижской газеты, основанной в 1884 году.

тельно все закрывает, даже еще на две щеколды… И начинает преследовать меня, загоняет в комнату… И знаком подозвала к себе… Я приблизился… Я еще не понял, что происходит… Она начала меня щупать… Дыша мне прямо в лицо… И повторяя: «Ах! Ах!» Это ее еще сильнее возбуждало… Я тоже дотронулся до нее…

«Ах! маленький гаденыш, ты, кажется, подглядываешь в дырки, а? Ах! Скажи-ка мне, разве это не так?.. — И, опустив руку, она стала щупать мою ширинку… — Я все скажу твоей маме. О! ля! ля! поросенок!.. Милый поросенок!..»

Она заскрежетала зубами… Вся изогнулась… обняла меня… Высунула свой огромный язык и впилась в меня страстным поцелуем… У меня искры посыпались из глаз… Она усадила меня рядом с собой на кровати… откинулась назад… и задрала все свои юбки.

«Потрогай! Потрогай же там!» — сказала она.

Я засунул ей руку между ног.

«Давай! — настаивала она. — Давай! Милашка! Давай глубже! Давай! Называй меня просто Луизочка! Твоя Луизочка! Мой маленький негодник! Назови меня так, ну!»

«Да, Луизочка!..» — сказал я.

Она выпрямилась и снова обняла меня. Она

сняла все. Корсаж, корсет… панталоны… Тогда я увидел ее совсем голой. Одна сплошная дырка. Это было слишком. Я почувствовал отвращение… Она схватила меня за уши… И с силой наклонила к своей щели… Засунула меня туда носом… Там было все красное, текло что-то, похожее на слюни, у меня все глаза были в этом. Она заставила меня лизать… Это поддавалось под языком… Сочилось… Совсем как собачья мордочка…

«Давай, любовь моя!.. Давай глубже!..»

Она вцепилась в меня и начала трясти… Я скользил в ее мармеладе. Не осмеливаясь принюхиваться… Боясь сделать ей больно… Она же трясла меня, как сливу…

«Покусай меня, моя милая собачка!.. Укуси там! Давай!» — подбадривала меня она… Вдруг она забилась в судорогах! И начала негромко постанывать… Там, куда я погрузился, я ощущал вкус дерьма, смешанного с яйцом… Меня душил целлулоидный воротничок… Она вытащила мою голову из катакомбы… Я вернулся к свету… Глаза мои были залеплены чем-то вроде замазки, я был весь мокрый до бровей…

«Давай! Раздевайся! — приказала она. — Снимай все! Я хочу видеть твое прекрасное тельце! Живо! Живо! Ты не пожалеешь, мой маленький

шалун! Ты же девственник? Не так ли, мое сокровище? Ты увидишь, как я буду любить тебя!.. О! Маленький звереныш!.. Он больше не будет подглядывать в дырки!..»

Ожидая меня, она в нетерпении ерзала своей жопой!.. Она сбила всю перину… Просто вампир… Я не решился снять все. Только проклятый ошейник, который мне особенно мешал… Да еще куртку и жилет… Она сама повесила их у кровати на спинке стула… Я не очень хотел снимать с себя все тряпки… Как это делал Антуан… Я знал, что у меня грязные ноги и на заднице дерьмо… Я чувствовал, как от меня пахнет… Чтобы она не настаивала на этом, я набросился на нее как можно быстрее, изображая пылкого влюбленного, влез на нее, обхватил, засопел… Я стал дрочить, как Антуан, но гораздо осторожнее. Я чувствовал, что мой член совсем мягкий… И мял это желе. Головки не было видно… Я боялся засунуть туда пальцы… Все же это было необходимо… И еще я не мог найти у нее дырку… Наконец я туда засунул… Вошло как-то совсем незаметно… Она душила меня своими сиськами! Ей хотелось трахаться как можно больше… Это напоминало печку, можно было задохнуться… Она хотела еще… Ей совсем не было жалко меня… Напротив,

она дала мне пощечину…

«Давай глубже, милок! Пихай его туда, давай! Глубже! Ну! У тебя же прекрасный здоровенный хуй!.. Ах! Ах! Как ты меня протыкаешь, скотина… Проткни меня! Давай! Ты будешь есть мое говно? Скажи мне да! О! О! Ах! Ты хорошо меня пердолишь… Мой ослик!.. Мой маленький засранец!.. Так очень хорошо! Правда!» Я кончил… Я не мог больше!.. Я задыхался… Она дышала мне прямо в лицо… От ее поцелуев у меня весь рот уже был полон чеснока… рокфора… Они жрали сосиски…

«Наслаждайся, милок! Ах! Наслаждайся!.. Мы кончим вместе! Не вытаскивай его, мое сокровище!.. Спускай все в меня!.. Давай! Не бойся…» Она извивалась и ерзала… Она почти легла на меня… Я почувствовал, как у меня снова встает. И подумал про себя: «Хорошенькая заварушка…» Я как будто потерял сознание… мгновенная вспышка… Я вырвался… И спустил наружу. Струей… прямо себе на живот… Я хотел сжать его… У меня все руки были в этом… «А! Маленький бандит, хулиган!.. — крикнула она. — О! Грязная отвратительная жаба!.. Иди скорее сюда, я тебя почищу!..» Она вцепилась мне в член… Присосалась ртом к головке… И все высосала… Для нее это было лакомство… Ей нравился такой соус… «О! Какая

у тебя вкусная сперма!..» — воскликнула она под конец. Она ощупала мою мошонку… Порылась в складках… Пощекотала… Ей хотелось еще. Она лезла коленками мне на бедра, гнулась, вытягивалась, она была ловкая, как кошка, несмотря на свои толстые ляжки. Она с силой опрокинула меня на себя…

«Я сейчас сама трахну тебя, несчастное убожество!..» — сказала она. Она засунула мне в задницу два пальца… И начала насиловать меня, это была настоящая оргия!.. Эта шлюха так возбудилась, что казалось, уже никогда не кончит!..

«О! Мне надо спринцеваться!..» — приспичило ей вдруг. Она спрыгнула на пол и выскочила из комнаты!.. Я слышал, как она мочилась на кухне… Подмывалась под раковиной… Она крикнула мне: «Подожди меня, Лулу!..» Но мне уже ничего было не надо… Я напялил свое тряпье… Схватился за створку двери, распахнул ее и оказался на площадке!.. Я бежал, перескакивая через четыре ступеньки… На последнем дыхании. Я выскочил на улицу. Огляделся… Отдышался… И не спеша отправился к Бульварам.

Дойдя до «Амбигю», я наконец сел! Подобрал с земли газету. Начал читать… Не отдавая себе отчета… Я ощупал свой карман… Я всегда делал

это бессознательно… Вдох… Я потрогал еще раз… Я больше не чувствовал шишку… Я пощупал другой… То же самое! У меня больше его нет!.. Мой футляр исчез! Я начал лихорадочно всюду искать… Ощупал всю подкладку… Штаны. Снаружи… Изнутри… Ошибки быть не могло!.. Я зашел в уборную… Полностью разделся… Поворачивался так и этак… Ничего!.. Мне это не снится!.. Кровь ударила мне в голову… Я сел на ступени… Я спекся!.. По высшему разряду! Обчистили, как крысу!.. Я снова вернулся на старое место… И повторил все снова!.. Я уже не доверял себе… Я старался вспомнить все подробности. Я хорошо пришпилил футляр… В глубине моего внутреннего кармана. Перед тем как спуститься вниз с Робером, я его еще нащупывал!.. Булавки исчезли!.. Но вытащили не только их!.. Вдруг я вспомнил, как странно она все время придерживала мою голову… А с другой стороны стула?.. Она работала одной рукой… До меня постепенно начинало доходить… Я почувствовал тошноту… Меня охватил сильный испуг, настоящий ужас. Меня начало трясти сильнее, чем табун лошадей трясет омнибус… Тряслась даже башка… Но что толку… Я снова принялся за поиски… Не может быть, чтобы мой футляр выпал сам, выскользнул

на землю, ведь я его так тщательно заколол!.. Нет!.. И потом, английская булавка так просто не откроется!.. И еще целых три!.. Это не так легко!.. Чтобы убедиться, что это не сон, я снова побежал к Репюблик[58]... Когда я прибежал на улицу Эльзевир, наверху уже никого не было!.. Они уже смылись... Я ждал их на ступеньках... Может быть, они придут к семи часам?.. Никто не пришел...

Я пытался разобраться в смысле оставшихся в памяти слов и поступков... Понемногу я все припомнил... Задумал ли это Антуан? Или малыш Робер?.. Может, это они все устроили?.. Самым подлым образом... Когда я встал, я уже не чувствовал под собой ног. Я шел по улице, как пьяный... На меня оглядывались прохожие... Я долго стоял, спрятавшись в маленьком туннеле у ворот Сен-Дени, не решаясь выйти из дыры... Издалека я наблюдал омнибусы, которые проплывали в волнах жары... Я начал терять сознание... В Пассаж я вернулся совсем поздно... Сказал, что у меня болит живот... Я отвечал так на все вопросы... У меня начались такие колики, что ночью я не мог заснуть... На следующий день я ушел рано утром,

---

[58] Примечания: 58
Репюблик — площадь Репюблик (Республики) в центре Парижа.

мне не терпелось все узнать...

* * *

Придя в мастерскую, я внимательно посмотрел на всех троих… У них был совершенно безмятежный вид… и у этой бляди… и у Антуана… и у мальчишки!.. Когда я объявил им, что драгоценность потеряна… Они были буквально ошарашены!.. Для них это было как гром среди ясного неба…

— Как, Фердинанд? Вы уверены? Вы как следует все проверили?.. Выверните-ка ваши карманы!.. Здесь ничего не находили!.. Не так ли, Робер? Ты ничего не видел? Ты же подметал!.. Пройдись-ка еще раз!..

Они говорили со мной так сурово, что я начал хныкать… И тут я увидел в зеркале, как они обмениваются знаками… Антуан предпочитал не смотреть на меня… Он все время поворачивался ко мне спиной, делая вид, что настраивает свой точильный брусок… Она же продолжала тарахтеть… Ей хотелось, чтобы я запутался и начал противоречить сам себе.

— Вы помните, как были у Тракара?.. Вы же мне сказали, что идете туда?.. Не у них? Вы уве-

рены?..

Я смотрел в пол… Все это было омерзительно, сначала разврат, а потом еще это… Надеяться было не на что. Я здорово влип… Если бы я даже рассказал, в чем дело, мне бы все равно не поверили… Что бы от этого изменилось?..

— Хозяин возвращается послезавтра… До этого постарайтесь ее найти!.. С помощью Робера!..

Хорошенькое предложение… Я попался окончательно!.. Если я расскажу, как было дело, они сочтут меня обманщиком, отвратительным гнусным подонком… который, пытаясь снять с себя вину, поливает грязью свою добрую хозяйку… у которого не осталось ни грамма стыда… Нет, это просто верх наглости… чудовищная клевета… Изощренная подлость… Нечего и пытаться что-нибудь раскрыть… Впрочем, у меня и желания особого не было… Я совсем потерял аппетит… Голова раскалывалась… мысли путались…

Моя мать находила меня странным, вглядываясь в выражение моего лица, она спрашивала себя, какую болезнь я мог подцепить. От страха у меня сводило кишки… Мне хотелось исчезнуть… похудеть так, чтобы от меня ничего не осталось…

Мой отец отпускал язвительные замечания…

«Ты случайно не влюбился?.. Или уже весна?.. У тебя задница еще не зацвела?» Когда мы остались вдвоем, он спросил меня: «Может, ты подцепил триппер?..» Я уже просто не знал, куда деваться, в какой угол забиться…

Вечно опаздывавший Горлож поехал не той дорогой, подолгу задерживаясь то в одном, то в другом городе… Он явился только в среду, а его ждали с воскресенья… На следующее утро, когда я пришел на работу, он был на кухне, точил свои лезвия. Я застыл как вкопанный у него за спиной… Я не осмеливался пройти в коридор. Ждал, что он заговорит со мной. Я ужасно трусил. Не знал толком, что сказать. Он уже должен был быть полностью в курсе. Наконец я протянул руку. Он покосился на меня… Даже не повернувшись… И снова принялся за свои инструменты. Меня больше для него не существовало… Тогда я зашел в мастерскую. Я так сдрейфил, что оставил половину комплекта в стенном шкафу, лишь бы побыстрее смыться… Никто обо мне даже не вспомнил… Они все были там, в этой комнатушке, полностью поглощены работой… Я вышел, не сказав ни слова… И пошел, куда глаза глядят… К счастью, у меня уже выработалась привычка… Я шел как во сне… На улице Реомюр меня прошиб

холодный пот… На большой площади я долго слонялся от скамейки к скамейке… Несмотря ни на что, я все же пытался зайти в лавку… Но не мог туда войти… Так меня трясло, когда я взялся за ручку двери… Я не мог ее открыть… Мне казалось, что меня преследуют…

Я провел так много часов… Все утро. И даже еще после полудня, все время со скамейки на скамейку, дальше и дальше… до самого сквера Лувуа… тупо рассматривая витрины… У меня уже не было сил идти. Я не мог вернуться к Горложу… Лучше пойти к родителям… Правда, это меня тоже пугало… но все же это было ближе… Как раз рядом со сквером Лувуа… Бывает так, что ты можешь свободно дышать только в самых гнусных закутках…

Вместе со всей этой вонючей дребеденью я пару раз обошел Французский Банк… и внезапно, собравшись с силами, вошел в Пассаж… Мой отец был уже там, на пороге нашей двери. Очевидно, он меня ждал… То, как он сказал мне, чтобы я заходил, развеяло все мои сомнения… Гроза разразилась… Он с первого же мгновения начал заикаться так сильно, что вместо слов у него вырывалось что-то вроде пара… Его невозможно было понять. Одни сплошные раскаты… От взры-

ва бешенства его фуражка слетела… Она летала то туда, то сюда… Он колотил по ней рукой… Разбивая себе кулаки… Его физиономия раздулась, став совершенно багровой… с мертвенно-бледными морщинами… Потом цвет изменился… Он весь стал фиолетовым…

Меня занимало, не станет ли он вдруг голубым… или желтым… На меня обрушилось столько злобы, что я уже ничего не чувствовал… Он колотил по мебели, опрокидывал ее, стараясь сломать. Я думал, что он все перевернет… Он кусал свой язык с такой силой и яростью, что тот превратился в большую бесформенную пробку из тухлятины, готовую вылететь… Но она не вылетала… Все так и оставалось… Он стал задыхаться… Он больше не мог…

Вдруг он выскочил наружу и побежал по улице в глубь Пассажа. Казалось, он вот-вот взлетит, настолько он был раздут… стремителен… мерзок…

Моя мать осталась со мной… Она снова начала обсасывать всю эту чушь, все подробности произошедшей катастрофы… Те же мысли… та же обреченность…

Приходил месье Горлож и беседовал с нами два часа… Он знал все… Все успел обсудить… даже Будущее. «Этот ребенок принесет вам одни

несчастья!.. Он мал, но уже развращен! Какой негодяй!.. Я так верил ему!.. У него дела начинали идти на лад…»

Это были его заключительные слова!.. Мама боялась, что он может подать в суд… и меня немедленно арестуют… Она не осмеливалась ему перечить… Она нисколько не сомневалась… Что меня обманули… Но лучше мне было бы сразу об этом сказать… Чем спорить по пустякам… И настраивать против себя хозяина… Это была наименее скандальная версия!.. Они бы выплатили все понемногу… Конечно же, мои родители… Это было уже оговорено!..

— Кто тебя научил это сделать? — со слезами спрашивала она меня. — Куда ты дел эту драгоценность?.. Признайся же! мой мальчик! Тебя за это не съедят!.. Я ничего не скажу твоему отцу!.. Клянусь тебе!.. Ты мне веришь?.. Мы пойдем к ней вместе… Если ты отдал его женщине! Скажи мне скорей, пока он не вернулся! Может быть, она отдаст его обратно за небольшое вознаграждение?.. Ты хорошо ее знаешь? Как ты считаешь? Тогда все уладится! Мы ничего никому не скажем!..

Я ждал, когда она закончит, чтобы хоть попытаться ей что-нибудь объяснить… Как раз в этот момент вернулся отец… Он вовсе не остыл… Он

начал колотить по столу и, насколько это было возможно, в перегородки!.. Двумя сжатыми кулаками! Все время выпуская пар… Стоило ему остановиться на секунду, как он начинал лягаться ногами! Гнев распирал его, он тряс задом, как осел! Ломился в перегородки… Собираясь обрушить весь дом… Чтобы немного разрядиться, он опрокинул буфет… Буйство и разрушение декораций продолжалось весь вечер… От возмущения он то вставал на дыбы, то опускался на четыре лапы!.. Он лаял, как дог… В промежутках между вспышками ярости они спорили обо мне… А я, я и не думал с ними объясняться…

Когда все аргументы иссякли, моя мать поднялась и принялась за меня… Она хотела, чтобы я исповедался… Я продолжал молчать… Она плакала, стоя на коленях у моей кровати, как будто я умер… Шептала молитвы… Просила меня сжалиться над ней… Она хотела, чтобы я сейчас же во всем признался… чтобы я сказал ей, кто эта женщина!.. И мы вместе пошли к ней…

— Если ты хочешь все знать, то это хозяйка!.. — в конце концов, выкрикнул я. Мое терпение лопнуло! Черт побери!

— Ах! Замолчи, гаденыш!.. Ты не понимаешь, какую боль причиняешь нам!..

Доказывать что-либо было бесполезно… Что толку говорить с этими дефективными?.. Это все равно, что стучаться в заколоченные двери сортиров Аньер! Я в этом убедился.

* * *

Все же это был тяжелый удар. Я долго, дней пять или шесть, безвыходно оставался в своей комнате. Им приходилось заставлять меня спускаться поесть… Она раз десять меня звала. Под конец поднималась сама. Я больше ничего не хотел, особенно разговаривать. Мой отец говорил сам с собой. Он произносил монологи. Ругань лилась без остановки… Все эти вечные затасканные причитания… Судьба… Евреи… Невезение… Выставка… Провидение… Франкмасоны…

Возвращаясь с доставки, он поднимался наверх, на чердак, и принимался за акварели, это было крайне необходимо… Нужно было возместить ущерб Горложу… Но он больше не мог ни на чем сосредоточиться. Его ум блуждал… Как только он брался за кисть, он ужасно злился, и она начинала трещать у него в руках. Он так нервничал, что сломал свое маленькое перо для рисования тушью… и расколол чашечки для разведения красок… Но другого выхода не было… Стоило мне приблизиться, как он с шумом все отодвигал… Как только он оставался с моей матерью, он опять

возвращался к тому, что его тревожило…

— Если ты позволишь ему целыми днями болтаться по улице под предлогом обучения торговле, мы больше его не увидим, моя дорогая! Э, нет! Уверяю тебя! Это еще цветочки! Он кончит даже не вором, нет! А убийцей! Ты слышишь меня? Убийцей! Не пройдет и шести месяцев, как он задушит какого-нибудь рантье! О! Он уже на верном пути!.. О! ля! ля! Он больше не поскользнется! Как он гарцует! Галопирует! Его уже не обуздать! Я-то это вижу! А ты что, не видишь этого? Ты не веришь собственным глазам! Ты слепа! Но не я! Нет! Ах! Нет! Не я!..

Здесь следовал глубокий вздох… Он ее завораживал…

— Прислушаешься ли ты наконец к моим словам? Хочешь, я скажу тебе, что готовится?.. Нет? Ты не согласна?..

— Не надо, Огюст, я тебя умоляю!..

— Ах! Ах! Ты, значит, боишься меня слушать!.. Значит, ты сама знаешь?..

Он хватал ее за запястья, чтобы она не могла ускользнуть… Она должна была выслушать все…

— Это нас… Ты слышишь меня?.. Он прикончит! Как-нибудь! Наше дело перейдет к нему, моя милая!.. Ты получишь его благодарность за все!.. Ах!

Сколько раз я тебе говорил!.. Свидетель Бог, разве не достаточно я тебя предупреждал?.. Я всегда это говорил!.. А! Видит Бог, видит Бог! На все лады! На всех перекрестках! Всегда! Тем хуже!

Он внушал такой страх моей матери, что она впадала в настоящее слабоумие! Начинала пускать слюни, блеять, у нее на губах появлялись пузыри… И тут он приканчивал ее, полностью оглушал:

— Пусть меня задушат! Я не против! Но я не позволю себя дурачить, проклятый бордель!.. Поступай как знаешь!.. Отвечать будешь именно ты!..

Она не знала, что сделать, что ответить на такие суровые предсказания. Извиваясь в конвульсиях, она кусала себе губы, которые начинали сильно кровоточить. Я был проклят, в этом сомневаться не приходилось. Он же не унимался, он — Понтий Пилат, сотрясая весь этаж, выразительным жестом он умывал свои руки от моих мерзостей, зрелище было довольно впечатляющее. Он выдавал целые каскады латинских фраз. В торжественные мгновения это с ним случалось. Прямо там, в маленькой кухне, он предавал меня анафеме и декламировал на античный манер. В паузах, между делом, не забывая разъяснять мне,

поскольку у меня не было образования, назначение «гуманитарных наук»…

Он знал все. Я же, в сущности, понимал лишь одно — что ко мне больше не следует прикасаться, а можно брать только пинцетом. Я был презираем всеми, даже с точки зрения римской морали, Цицерона, всех Империй и Древних… Мой отец все это знал… Он не сомневался в этом… И вопил об этом, как хорек… Моя мать продолжала ныть… Чтобы начать сцену, он даже придумал себе что-то вроде «вступления»… Он хватал кусок марсельского мыла, целый увесистый квадрат, и начинал метаться с ним все быстрее и быстрее… Энергично жестикулируя… Он несколько раз клал его на место… продолжая разглагольствовать… Потом брал его снова… Размахивал им… Пока кусок не выскальзывал у него из кулака… И не заскакивал под пианино… Все бросались его доставать… Шарили метлой… засовывали руки… Черт!.. Бордель!.. Гром и молнии!.. Они натыкались на углы!.. Друг на друга… Метла попадала кому-нибудь в глаз… Это заканчивалось дракой. Они осыпали друг друга оскорблениями. И он заставлял ее ковылять вокруг стола.

Меня на время оставляли в покое.

* * *

Моя мать окончательно потеряла всякий стыд… Она ходила по всему Пассажу и окрестностям и трезвонила о моих неудачах… Она назойливо просила советов у других родителей… тех, у которых тоже были неприятности с детьми… во время обучения… Как им удалось выпутаться?..

«Я готова, — неизменно говорила она, — на любые жертвы! Будь что будет, мы не отступимся!..»

Все это было довольно эффектно, но для меня невыносимо. И работы у меня все не было.

Дядя Эдуард, всегда такой находчивый, у которого было столько связей, и тот начинал морщиться, он находил меня слегка странным… Он уже достал всех своих приятелей моими затруднениями и неприятностями… Ему это тоже немного надоело… Все было против меня… Со мной творилось что-то неладное… Я даже сам начал его избегать.

Соседи страстно интересовались моей драмой… Покупатели в лавке тоже. Тех, кто хоть немного меня знал, моя мать неизменно приглашала в

свидетели… Это не способствовало улаживанию дел… Даже месье Лепрент из «Коксинель», в конце концов, оказался впутанным в это… Конечно, мой отец лишился сна, и вид у него был совсем унылый. Он приходил такой вымотанный, что его шатало в коридоре, когда он передавал почту с этажа на этаж… Более того, он лишился голоса, голос у него стал сиплый, и все оттого, что он постоянно вопил…

«Ваша личная жизнь, мой друг, меня не касается, мне на нее наплевать! Но я хочу, чтобы вы выполняли свои обязанности… Что у вас за вид!.. Вы едва держитесь на ногах, мой мальчик. Вам нужно подлечиться! Что вы делаете, когда уходите отсюда? Вы не отдыхаете?» — так Лепрент его подначивал.

Тогда от страха отец все выложил… Все свои несчастья!..

«Ах, мой друг! Все из-за этого? Мне бы ваш желудок! Я бы наплевал на все!.. И еще как!.. На всех своих близких вместе с их делами!.. На всех своих сыновей и кузенов! на жену! на дочерей! на всех моих родственников! Если бы я только был на вашем месте! Да я бы начихал на всех! На весь мир! Вы меня слышите? Вы просто тряпка, месье! Это все, что я могу вам сказать!»

Этот Лепрент все так воспринимал из-за своей язвы, в двух пальцах от привратника[59], сверлящей, очень опасной… Вселенная представлялась ему огромным скоплением кислоты… Ему оставалось лишь самому стать каким-нибудь «бикарбонатом»… Целый день он трудился, сосал таблетки… Но ему не удавалось достичь этого! Внизу пищевода он постоянно чувствовал, как раскаленная кочерга обжигает ему внутренности… Скоро он будет весь в дырах… Сквозь него будут видны звезды. Его жизнь невыносима… Он бы не прочь поменяться с отцом, который был в курсе…

«Давайте, я с удовольствием возьму вашу язву, все что угодно, лишь бы у меня уладилось с сыном! Хотите?»

Мой отец был такой. Он всегда ставит моральные муки гораздо выше физических… Они заслуживали большего уважения!.. Были важнее! Как римляне, так и он относился ко всем жизненным испытаниям… Жить в согласии со своей совестью… Чего бы это ни стоило! В самых

---

[59] Примечания: 59

Привра́тник желудка — особый сфинктер, отделяющий пилорическую часть желудка от ампулы двенадцатиперстной кишки и выполняющий функцию регулятора поступления кислого желудочного содержимого в двенадцатиперстную кишку по мере ее готовности к приему следующих порций химуса (пищевой кашицы).

безвыходных ситуациях!.. Не допускать компромисса! Избегать окольных путей! Это было для него законом!.. Смыслом существования! «Мое честное имя! Моя честь!» Он вопил это по любому поводу… когда запускал пальцы в нос… опрокидывал солонку. Он специально открывал окно, чтобы это мог слышать весь Пассаж…

Дядя Эдуард, видя меня сломленным, задерганным, наконец разжалобился, он был добродушен. На меня было жалко смотреть… Он пустил в ход все свои связи и снова нашел выход… Скорее это даже был только предлог, чтобы мне смыться… Изучение иностранных языков…

Он заявил, что не мешало бы и мне знать хоть один… Чтобы найти место в торговле… Что теперь так принято… Что это просто необходимо… Труднее всего было добиться согласия моих предков. Их совершенно не устраивало подобное предложение… Однако Эдуард приводил разумные доводы… В нашей палате для буйнопомешанных не очень привыкли прислушиваться к здравому смыслу… Для них это было полной неожиданностью…

Мой дядя не считал, что надо применять строгие меры… Он был скорее сторонником поиска мирных путей, он не верил в силу… Не верил, что

от этого будет лучше… Он сказал им буквально следующее…

«Что касается меня, то я не вижу в его поступках злого умысла… У него нет дурных наклонностей, я за ним постоянно наблюдаю… он скорее одичал… Он не совсем понимает, чего от него хотят… Это, должно быть, связано с ростом… Ему нужно было бы выехать на свежий воздух и остаться там подольше… Ваш врач тогда говорил об этом… Что до меня, то я бы послал его в Англию… Нашли бы подходящее заведение… что-нибудь не очень дорогое… и не слишком далеко… может быть, даже «на полный пансион»?.. Что вы на это скажете? Когда он вернется, будет говорить на этом языке… Тогда пристроить его было бы легче… Я найду ему что-нибудь подходящее. У продавца книг… В магазине белья… Там, где его не знают. Горлож будет забыт. Все разговоры на эту тему прекратятся!..»

Услышав такое, мои предки были просто ошеломлены… Они стали взвешивать все «за» и «против»… Это застало их врасплох… Прежде всего, нужно было пойти на риск, и потом, что особенно важно, потратиться… От наследства Каролины осталось только несколько тысяч франков… Это была часть Эдуарда… Он их сразу

же и предложил. Он выложил их на стол… Отдадите, когда сможете… Он не хотел, чтобы это особенно раздували… Даже отказался от расписки… «Решайтесь, — подытожил он. — Я зайду к вам завтра. Тогда я должен получить ответ…»

Волнение достигло апогея!.. Мой отец не хотел рисковать… Он с пеной у рта доказывал, что все деньги пойдут псу под хвост, что это расточительство и безумная авантюра… Что стоит мне хоть на неделю выйти из-под их бдительного контроля, как я превращусь в худшего из подонков… Это было очевидно! Он упорно продолжал на этом настаивать… В Англии я стану убийцей так же быстро, как и в Париже! Это было абсолютно ясно!.. Предрешено!.. Меня следовало оставить еще на месяц с ошейником на шее! Ага! Ага! Соскучились по несчастьям! Будем удовлетворены сполна! И даже больше! Выше головы! По уши в долгах! Сын на каторге!.. Во всем выпендреж!.. А последствия?.. Ужасающие!.. Люди там слишком доверчивы, слишком легкомысленны! Несчастные! Он им себя еще покажет! А женщины? Я их всех изнасилую! Запросто!.. «Скажи мне, что я не прав!..»

Он просто зациклился на Рокетт… Никто не мог его переубедить. Он считал, что существует

только единственный способ… единственный, чтобы меня хоть как-то обуздать… А опыт?.. Разве еще не достаточно? Берлоп? Горлож? Часы?.. Я недостаточно показал, на что я способен? Я был бомбой замедленного действия… Я тянул их всех в пропасть… Они ничего другого и не ждали! Alea!.. Да свершится воля твоя!.. Он встал перед нами в позу Цезаря… В одиночку защищая галлов… Преградив вход в кухню своими жестами и ругательствами… Он вопил, сотрясая все…

Он бросился к крану… Начал всасывать в себя воду… Он буквально тонул в потоке… Вымокнув, он опять начал трястись. Он даже не вытерся, с него капало, так он спешил разъяснить всем сущность вражеских происков!.. Со всех сторон… Непостижимых! Пугающих! Неслыханных! Самых непредвиденных последствий подобной авантюры! Какое дьявольское безрассудство!.. О да!

* * *

После этого дядя Эдуард снова зашел в Пассаж через два дня и был вынужден выслушивать то же самое. Он нашел колледж! Такой, что лучше и желать нельзя. Во всех отношениях. Специально для меня, соответствующий моей натуре, моим целям… На каком-то холме… Свежий воздух, сад, речка внизу… Превосходное питание… Цены весьма умеренные… Никаких дополнительных затрат!.. Наконец, что самое важное, крайне строгая дисциплина… Надежный присмотр… Это было недалеко отсюда, в Рочестере… В часе от Фолкстоуна…

Несмотря на столь очевидные преимущества, мой отец продолжал упираться… Он тянул время… Искал изъяны в программе… Он никому не доверял… Раз двести он перечитал крошечный проспект… Он продолжал настаивать, что трагическая развязка близится!.. У него не оставалось уже и тени сомнения! Начать хотя бы с того, что было настоящим безумием залезать в новые долги… Даже к моему дяде Эдуарду!.. Ведь одно только возмещение убытков Горложу потребует

титанических усилий!.. Добавить к этому выплаты, починки, налоги, работников!.. От такой бесхозяйственности они точно протянут ноги! Чтобы поверить, что это не сон, нужно себя ущипнуть… да можно ли всерьез желать чего-то еще… У него никак не укладывалось в голове, что мама тоже клюнула на это!.. Да это обычная болтовня… Что? Ну? Она так думает? Что ты говоришь? Я упираюсь?.. Так ты находишь это необычным? Честное слово! Но что же тогда остается мне? Я должен сказать «да»? В любом случае?.. Вот как?.. На любые бредни? За чем же дело стало! Но я-то сознаю, что я делаю! Я отвечаю за это! Отец я или нет?.. Или, может быть, дерьмо? Эдуарду, конечно, на это наплевать! Потом он будет далеко! С него как с гуся вода! А я всегда буду тут!.. Рядом с бандитом! Ну да! Я преувеличиваю? Уф!.. Скажи прямо! Скажи, что я просто завидую ему! Ну да! Ну да! Ради Бога! Валяй!..

— Но нет, дорогой мой! Вот увидишь!..

— Замолчи! Ах! Заткнись, дура! Позволь мне продолжить! Мне здесь слова не дают сказать! Говорить можете только вы! Как? Этот негодяй! Этот маленький преступник! Этот подлец до сих пор еще не раскаялся в своем отвратительном злодеянии! Грязном гнусном поступке! Он здесь!

Он просто смеется над нами!.. Он над нами издевается!.. Но это несправедливо, честное слово! Это все равно что плюнуть самому себе в рожу!.. Но это страшно!.. Всего одно слово Эдуарда! Какое-то абсурдное кривлянье! Все говорят теперь только о путешествиях! Свобода! Ну да! Ну давайте же! Какое жалкое слабоумие!.. Но подумай немного головой, моя бедняжка, ведь мы еще не заплатили за него ни су!.. Слышишь меня?.. Его выкуп!.. Это же невозможно вообразить!.. Это чудовищно!.. До чего мы дошли? С ума сойти! Это отвратительно… Полный абсурд! Я отказываюсь в этом участвовать! Это выше моих сил!..

Дядя Эдуард смылся в самом начале сеанса. Он почувствовал, что приближается гроза… Свои бумаги он оставил.

— Я зайду завтра после полудня!.. К тому времени вы, конечно, уже решите!

Он всеми способами стремился мне помочь, но пользы не было никакой… Мой отец продолжал возмущаться. Этот план с моим отъездом принижал трагизм его существования… Он придирался к условиям… Сгущал краски… Скулил, как животное. Моя мать подвывала ему… Она перечисляла все преимущества… Цены очень умеренные… Надежный присмотр… Прекрасное питание…

Воздух!.. Много воздуха!

— Ты знаешь, Эдуард — человек серьезный!.. Ты его недооцениваешь… Но все-таки ты должен признать, что он не легкомысленный человек… Он уже не мальчик… Он не стал бы пускаться в сомнительные авантюры… Раз он говорит… Ему можно верить… Ты прекрасно это понимаешь! Все же!.. Попробуем, Огюст, дорогой мой!..

— Я никому не хочу быть обязанным!..

— Но это не кто попало!..

— Это не имеет значения!.. Будьте вы все прокляты!

— Тогда напишем ему расписку… Так, как будто мы его не знаем!..

— Плевал я на расписки! Проклятый бордель, сучье отродье!

— Но он никогда нас не обманывал…

— Послушай, насрать мне на твоего брата!.. Ты слышишь меня, чертов бордель! Мне на него абсолютно насрать! Тут и думать нечего! Он такое же дерьмо, как и все!.. А на вас мне насрать еще больше!.. Вы меня слышите? На всех!

После этого кровь ударяла ему в голову, она разбухала, он выпускал клубы пара и захлебывался словами. Тогда она вцеплялась в него и не отставала ни на шаг. Она была упрямая… Под-

стерегала его по углам… Из-за больной ноги она постоянно хваталась за все стулья. Ходила только по стенке…

— Огюст! О как больно ты мне сделал! Какой ты грубый! О! Моя лодыжка! Ну вот! Я ее подвернула!

Эти крики не смолкали ни на минуту…

Тогда он снова начинал ругаться. Ломал стулья ударами кулаков, впадал в бешеную ярость! И все же она цеплялась к нему везде, куда бы он ни шел… везде… даже когда он поднимался по лестнице. Это выматывало его все больше и больше… Та! га! дам! Та! га! дам! Слышатся ее шаги по ступеням… Он бы с удовольствием засадил ее в клетку… А сам спрятался в мышиную нору… Проходя мимо, она знаками показывает мне… что он начинает сдаваться… Он постепенно терял свой запал… Даже позволял приблизиться к себе… Он заметно поостыл… Но старался отмахнуться от нее, как от какого-то неприятного запаха… «Оставь меня, подожди, Клеманс!.. Я прошу тебя! Оставь меня, черт побери! Сволочи! Скоты! Вы вечно преследуете меня вдвоем! От вашей болтовни меня тянет блевать! Будь все проклято! Услышите ли вы меня наконец!..»

Но моей доброй матери было уже все равно,

она уже слишком устала… Она не хотела отступать. Она вешалась ему на шею, целовала в усы, осыпала поцелуями его глаза… Она доводила его до настоящих конвульсий. Все уши ему прожужжала… Под конец он начал задыхаться. От ласк и постоянного напряжения голова у него была мокрая… Он едва держался на ногах. И буквально рухнул на ступени. Тогда она начала говорить о его здоровье, о том, что его состояние внушает беспокойство… Мол, это все уже заметили… какой он бледный… Тут он стал слушать…

— Ты окончательно заболеешь, мой дорогой, мой бедненький, и все из-за того, что сам доводишь себя до такого состояния! Если ты сляжешь, то нам будет еще хуже! Что с нами будет?.. Поверь мне, лучше, чтобы он уехал… Его присутствие на тебя плохо действует!.. Эдуард это точно подметил… Он сказал мне об этом перед уходом…

— Что же тебе сказал Эдуард?

— Твой муж долго не протянет! Если он будет продолжать так изводить себя… Он худеет с каждым днем… Все в Пассаже заметили это… Все об этом говорят…

— Он так тебе и сказал?..

— Да, мой милый. Да, поверь мне!.. Он не хотел, чтобы я тебе это передавала… Ты видишь, какой

он деликатный… Вот увидишь, поверь мне, тебе больше не выдержать… Ну что? Ты хочешь, скажи?..

— Чего?..

— Ну, чтобы он уехал, этот ребенок!.. Чтобы он дал нам немного отдохнуть!.. Оставил нас вдвоем… Ты не хочешь?..

— А! Ну уж нет! Ах! Нет! Нет еще! Боже мой! Нет! Еще нет!..

— Ну, попробуем, Огюст! Подумай! Если ты умрешь от огорчений, разве это будет лучше!..

— Умру, я? О! ля! ля! И ты еще говоришь, что мне на это плевать! Но это именно то, чего я хочу — смерть!.. Ах! Боже мой!..

Внезапно он высвобождается, вырывается, опрокинув мою мать. И снова начинает бушевать… Он не думал об этом… Смерть! Боже праведный!.. Его смерть!.. Он опять начинает впадать в транс… Он полностью поглощен этим! Придя в себя, он бросается к раковине… Хочет глотнуть. Тара! Бам!!! Поскальзывается!.. Теряет равновесие!.. Летит вверх тормашками… И падает на буфет… Отлетает к серванту… Орет во все горло… Ударяется головой… Пытается за что-нибудь ухватиться… Вся утварь валится прямо на нас… Вся посуда, инструменты, люстра…

Настоящий каскад… лавина… Он лежит, заваленный, внизу… Его не видно… Моя мать кричит в обломки… «Отец! Отец! Где ты?.. Ответь мне, отец!..» Он вытянулся во весь рост лицом вниз… Его ярко-красные башмаки бросаются в глаза на плитах кухонного пола…

— Отец! Ответь мне, скажи что-нибудь! Ответь, скажи что-нибудь, дорогой мой!..

— Черт! Ни минуты покоя!.. Оставьте меня, черт бы вас всех побрал!..

* * *

Наконец он устал… Все же сказал «да»… Моя мать получила что хотела… У него больше не было сил сопротивляться. Он сказал, что ему все равно. И снова заговорил о самоубийстве… Он вернулся в свою контору. Он интересовался теперь только собой. Он вышел из игры. Специально уходил, чтобы не встречаться со мной. Все время оставлял меня одного с матерью… Она опять начала причитать и ныть… приставать ко мне с бесконечными разговорами… Ее то и дело осеняли идеи… Ей обязательно нужно было их обнародовать, чтобы они не пропали и я ими воспользовался, она стремилась напичкать меня ими перед отъездом… То, что от меня отстал отец, не должно было означать, будто мне все позволено!..

— Послушай, Фердинанд!.. Я давно собиралась с тобой поговорить… Я не хочу надоедать тебе, ругать, угрожать чем-либо, это не в моем характере! Это мне несвойственно! Но все-таки есть вещи, которые матери небезразличны… Порой создается впечатление, точно я витаю в облаках,

но тем не менее я прекрасно все понимаю!.. Я часто ничего не говорю, но думаю много!.. Мы сильно рискуем… Чрезвычайно! Подумай сам!.. Послать тебя в Англию!.. Твой отец по-своему прав… Это думающий человек… Ах! Он совсем не дурак!.. Для людей нашего достатка это настоящее безумие!.. Послать тебя за границу?.. Ведь у нас и так уже есть долги!.. А украшение, стоимость которого нужно возместить!.. Прибавь к этому две тысячи франков твоему дяде! Твой отец опять говорил об этом сегодня утром… Это настоящее безумие! И это действительно так!.. Я не соглашалась с ним, но твой отец смотрит на все здраво!.. Он близок к истине! Я все чаще спрашиваю себя, где нам взять такую сумму! Две тысячи франков!.. Мы можем обшарить небо и землю!.. Но такое не валяется под ногами!.. Твой отец, ты сам видишь, уже совсем выдохся!.. А я, я тоже измотана, доведена до предела, я ничего ему не говорю, но я все-таки свалюсь… Посмотри на мою ногу!.. Она к вечеру распухает… Это жалкое существование уже не похоже на жизнь!.. Мы этого не заслужили!.. Ты слышишь меня, не так ли? Мой маленький! Я это говорю не для того, чтобы упрекнуть… Но ты должен понимать… У тебя не должно быть иллюзий, ты должен понимать,

как тяжело нам приходится в жизни… Ведь через несколько месяцев ты уезжаешь. Ты доставил нам много хлопот, ты сам знаешь, Фердинанд! Я тебе об этом могу откровенно сказать!.. Я всей душой болею за тебя… Я твоя мать, в конце концов!.. Мне трудно осуждать тебя… Но иностранцы, хозяева, те, у кого ты будешь все время на виду… От них не приходится ждать подобной снисходительности… Да хотя бы тот же Горлож! Не далее как вчера!.. Его голос все еще у меня в ушах… Я ничего не сказала твоему отцу!.. Перед уходом… А он был здесь целый час… «Мадам, — сказал он мне, — я знаю, что говорю… С вашим мальчиком для меня все ясно… Вы как все матери… Вы сами испортили его! Развратили! Вот и все! Думают, что это во благо, лезут вон из кожи! И делают своих детей несчастными!» Я повторяю тебе слово в слово то, что он сказал: «Сами того не желая, вы сделаете из него обыкновенного маленького жуира, лентяя, эгоиста!..» Я буквально остолбенела от этого! Это я определенно могу сказать! Я не воскликнула «ах!». Не выразила неудовольствия! Я не собиралась пускаться в объяснения с ним!.. Но знаешь, я сама размышляла об этом немало!.. Он по-своему прав… Конечно, мы не думаем, как он, Фердинанд… Нас нельзя ставить

на одну доску. Особенно меня!.. Но если ты не станешь более чутким, более разумным, более трудолюбивым и особенно более сознательным… Если ты хорошенько не поразмыслишь… Если ты не попытаешься хоть немного поддержать нас… В нашем существовании… В этой трудной жизни… Впрочем, есть одна причина, Фердинанд, и я должна тебе об этом сказать, я твоя мать… Я понимаю это, как женщина… У тебя действительно нет сердца… По сути, в этом все дело… Я часто спрашиваю себя, отчего это… Откуда это в тебе?.. Конечно, ни от твоего отца, ни от меня самой… У твоего отца есть сердце… У него даже слишком большое сердце, у бедняги!.. А что до меня, ты, я думаю, видел, как я оплакивала свою мать?.. Сердце-то у меня всегда было… Мы были недостаточно строги к тебе… Мы были слишком заняты, на многое закрывали глаза… Нам казалось, что все уладится… А ты окончательно забыл об элементарной порядочности!.. Какая ужасная гнусность!.. Мы все в этом немного виноваты!.. Это точно… Вот до чего мы дошли!.. «Вы еще хлебнете с ним горя!..» Ах! Он не первый мне это сказал! Лавлонг уже предупреждал меня!.. Не он один это заметил, видишь, Фердинанд!.. Все, кто имеет с тобой дело, под конец приходят к таким

заключениям… Ну ладно, я не настаиваю, я не собираюсь представлять тебя хуже, чем ты есть… Но там ты будешь находиться совсем в другой среде… Попытайся забыть все плохое!.. Дурные знакомства!.. Не связывайся снова со шпаной!.. Избегай дурного влияния!.. Помни о нас!.. Помни о своих родителях!.. Постарайся исправиться… Развлекайся на переменах… но не на уроках… Постарайся побыстрее выучить язык до своего возвращения… приобрести хорошие манеры… Попробуй сформировать свой характер… Сделай усилие над собой… У англичан всегда такой приличный вид!.. Они такие опрятные!.. Так прилично одеты!.. Я не знаю, что тебе еще сказать, мой мальчик, чтобы ты вел себя хоть немного лучше… Больше такой возможности не будет… Твой отец уже все тебе объяснил… У тебя трудный возраст… Ты еще можешь стать порядочным человеком!.. Мне нечего тебе больше сказать…»

В каком-то смысле это было верно, я уже почти все слышал… Меня это уже мало волновало… Все, что я хотел, — это уехать, и как можно скорее. И не слышать больше ничьих поучений. Главное — не думать, прав ты или ошибаешься. На самом деле, это не важно… Тот, кто имеет с вами дело, не должен обольщаться на ваш счет… Остальное

— от лукавого.

* * *

В момент отъезда боль расставания все же была, даже сильнее, чем я мог ожидать. Мы стояли, притихшие, очутившись втроем на перроне Северного вокзала… Мы цеплялись друг за друга, пытаясь держаться вместе… Как только попадешь в толпу, становишься робким, скрытным… Даже мой отец, порой так сильно оравший в Пассаже, выходя на улицу, сразу же расставался со всеми своими замашками… Он как-то весь съеживался. Это только дома он метал громы и молнии. На улице стоило кому-нибудь обратить на него внимание, как он краснел… Он не решался смотреть по сторонам…

Посылать меня так далеко было крайне рискованно… Вот так, совсем одного… Внезапно пришел испуг… Моя мать, как самая стойкая, стала искать людей, ехавших туда же, куда и я… Никто ничего не слышал о Рочестере. Я пошел занимать место… Мне еще раз напомнили о самом необходимом… Крайняя осторожность… Не выходить, пока поезд не остановится… Никогда не переходить через пути… Смотреть по сторонам…

Не баловаться с дверью… Избегать сквозняков… Беречь глаза… Не доверять багажным сеткам… потому что во время толчков может покалечить… У меня был набитый чемодан и еще одеяло, напоминающее восточный ковер, с разноцветными квадратами, плед для путешествий, зеленый с голубым… Он достался нам от Бабушки Каролины. Все попытки его продать оказались тщетными. Я увозил его в самую подходящую для него страну. В этом климате он незаменим! Все так считали…

В этой суматохе мне пришлось еще раз пересказать все, что меня заставили выучить, все, что мне напевали в течение восьми дней… «Чисти зубы каждое утро… Мой ноги каждую субботу… Попроси разрешения принимать горячие ванны… У тебя 12 пар носков… Три ночные рубашки… Подтирайся в туалете как следует… Ешь и жуй медленно… А то испортишь себе желудок… Принимай свое лекарство от глистов… Брось привычку трогать себя…»

Я увозил с собой еще множество наставлений для моего морального усовершенствования, для моей полной реабилитации. В меня старались вложить все перед тем, как я уеду. Я увозил в Англию хорошие принципы… просто прекрасные… И огромный стыд перед своими

низменными инстинктами. Я буду полностью обеспечен. О цене договорились. Целых два месяца оплачены вперед. Я обещал быть примерным, послушным, смелым, внимательным, искренним, сознательным, честным, никогда больше не лгать и, главное, не воровать, не засовывать пальцы в нос, вернуться просто неузнаваемым, идеальным, поправиться, изучить английский, не забыть французский, писать родителям, по крайней мере, каждое воскресенье. Я обещал все, чего они хотели, только бы мне позволили быстрее уехать. Чтобы снова не разыгралась драма. После стольких речей слова были уже на исходе… Настал момент отъезда. Меня переполняли самые мрачные чувства и мысли… Вся эта безобразная мешанина дымов, толпы, свистков ужасно отупляет… Я видел, как рельсы вдали исчезали в туннеле. И я тоже исчезну. У меня были дурные предчувствия, я спрашивал себя, не окажутся ли англичане еще более сволочными, более подлыми, чем те, с кем мне приходилось сталкиваться здесь?..

Я смотрел на своих родителей, они вздрагивали, тряслись всем телом… Они больше не сдерживали слез… Вдруг я тоже принялся скулить. Мне было очень стыдно, я плакал, как

девчонка, я казался себе просто омерзительным. Моя мать обхватила меня руками… Двери как раз начали закрываться… Раздалась команда «По вагонам!..» Она обнимала и целовала меня так сильно, что я едва мог удержаться на ногах… Она напоминала лошадь, охваченную нежностью, которая поднималась из глубины ее нескладного тела… Она заранее окунулась в разлуку. Это как бы выворачивало ее, как будто душа ее выходила у нее сзади, из глаз, из живота, из груди и обволакивала меня со всех сторон, освещая вокзал… Она полностью обессилела… На нее невозможно было смотреть…

— Успокойся же, мама!.. Люди смеются…

Я умолял ее сдержаться и плакал над нею среди поцелуев, свистков, сутолоки… Но это было сильнее нее… Я вырвался из ее объятий, прыгнул на подножку, я не хотел, чтобы она начала все снова… Я не осмеливался себе в этом признаться, но все же в глубине души мне как будто было даже любопытно… Мне бы очень хотелось узнать, до чего она может дойти в своих излияниях… Из какого отвратительного источника она черпала все это?

Мой отец был, по крайней мере, проще, он был всего лишь грязный слюнтяй, у него в баш-

ке не было ничего, кроме набора общих фраз, призраков, да еще ругательств… Обыкновенная свинья… Но она, это совсем другое дело… Она сохраняла все, что было у нее в душе, она берегла всю свою музыку… Даже в страшной нищете… если ее хоть немного приласкать, она приходила в волнение… Как сломанное забытое пианино, в котором затаились дребезжащие звуки… Даже зайдя в вагон, я продолжал бояться, что она меня снова схватит… Я ходил, возвращался, делая вид, что ищу свои вещи… Я вскарабкался на полку… Я искал свое одеяло… Ворочался наверху… Я был очень доволен, что мы тронулись… С грохотом отъехали… Уже проехали Аньер, когда я наконец устроился… Я долго еще не мог успокоиться…

* * *

Когда мы доехали до Фолкстоуна, мне показали начальника поезда, это он должен был наблюдать за мной и предупредить меня, когда выходить. На нем был красный пояс с маленькой сумочкой, висевшей посередине спины. Я должен был не терять его из виду. В Чатеме он подал мне знак. Я схватил свой чемодан. Поезд опоздал на два часа, люди из моего пансиона «Meanwell College»[60] уехали обратно, не дождавшись меня. В сущности, до этого никому не было дела. Я один выходил, остальные продолжали путь в Лондон.

Был уже вечер, освещение плохое. Вокзал стоял высоко, на сваях, как на ходулях… Грязный деревянный сарай, пестро расцвеченный афишами…

Я больше не хотел ничьей помощи, с меня было достаточно. Я поднялся по лесенке, прошел через здание вокзала… У меня ничего не спросили… Я больше не видел того типа, в чем-то вроде униформы, голубой с красным, который мне по-

[60] Примечания: 60

«Meanwell College» — букв. переводится с английского как «Колледж Благих Намерений». Как тут не вспомнить крылатую фразу «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

стоянно надоедал. Перед станцией на совершенно темной площади я огляделся по сторонам. Город начинался прямо здесь. Он сбегал вниз темными улочками от огонька к огоньку… Клейкий, вязкий воздух дрожал вокруг фонарей… Я почувствовал тоску. Издалека снизу доносилась музыка… должно быть, ветер приносил… ритурнели… Можно было подумать, что там карусель…

Я приехал в субботу, на улицах было полно народу. Люди липли к лавкам. Трамвай, наподобие тучного жирафа, проходя мимо хибар, рассекал толпу, дребезжал в витринах… Толпа была густая, одичалая и волнующая, пахла тиной, табаком, антрацитом и серой, все это затягивало, обволакивало, смрад вызывал в глотке удушье. За трамваем толпа снова смыкалась, как косяк рыбы за судном…

Ее водовороты были еще более густые и вязкие, чем у нас. Меня с чемоданом прижали к группе прохожих и бросали из стороны в сторону. Я пялил глаза на высокие витрины со снедью. Горы ветчины… Кучи солений… Мне ужасно хотелось жрать, но я не осмеливался войти. У меня был «фунт» в одном кармане и еще несколько су в другом.

Наконец, побродив и потолкавшись, я выва-

лился на набережную… Туман был очень густой… Я уже привык спотыкаться… Главное, не свалиться в воду… Вдоль берега раскинулась целая ярмарка с маленькими лотками и настоящими эстрадами… Множество огоньков и сутолока… Торговцы заманивали толпу… Надрывались на своем языке… На площади было множество палаток на любой вкус… Мерлан, жареный картофель… мандолина, борьба, тяжести, глотатель огня, велодром, маленькие птички… канарейка, отыскивающая «будущее» в коробке… Там можно было встретить необыкновенных людей… Кипение страстей… конфеты… смородина, которую продавали целыми бочонками… С неба спустилось огромное облако… прямо на праздник… и все скрылось в одно мгновение… Оно заполнило все пространство… Звуки были еще слышны, но облако осело, и уже ничего не видно… ни мужчину, ни ацетиленовые фонари… Ах! Порыв ветра! Он снова появился… настоящий джентльмен, в рединготе… Он показывает Луну за два пенни… За три монеты он представит вам Сатурн… Так написано на его плакате… Внезапно появляется изморось и оседает на толпу… Она ежится… По-прежнему душно! Этот тип опять надевает свою шапочку, складывает свой телескоп, хрипит и

отваливает… Толпа становится еще плотнее… Двигаться уже невозможно… Можно полностью раствориться, люди собираются у витрин, где все сверкает. Отовсюду плывет музыка… Кажется, что ты окутан ею… Это что-то вроде миража… Как будто купаешься в шумах. Вот банджо… Негр рядом со мной, на ковре, пыхтит на тротуаре… подражает локомотиву… Сейчас он всех раздавит. Хорошее развлечение, никто ни на кого не обращает внимания!..

Изморось оседает и испаряется… И вдруг я заметил, что совсем не тороплюсь… Не спешу в «Минвелл»… Меня вполне устраивает это место на набережной… что-то вроде ярмарки и люди в тумане… Язык, которого не понимаешь, это так приятно… Совсем как туман, который бродит в мыслях… Что может быть лучше… Это просто восхитительно, когда слова не покидают мира мечты… Я не спеша усаживаюсь на свое одеяло, около каменной тумбы, рядом с цепями… Для удобства прислоняюсь спиной… Теперь я могу спокойно смотреть весь спектакль… Вот верениц моряков с зажженными фонарями на длинных шестах… Какие они веселые! Толчея! Сноп искр!.. Они уже пьяны, счастливцы!.. Они толкаются, кувыркаются, шумят. Повизгивают, как коты… Они

приводят в волнение всю толпу. Продвигаются сквозь нее, их фарандола застревает у фонаря… Обвивается вокруг, разматывается… Кто-то отстал… Вот они натыкаются на негра. Задирают его… Слышны ругательства!.. Это выводит их из себя… Они хотят повесить негра на фонарном столбе!.. Ужасный гвалт!.. Завязывается отвратительная драка… Дым коромыслом… Вопли… Слышны удары, совсем как в барабан! И-ап! и-ап! просто ужасные… Вот раздаются свистки… Еще одна звуковая волна… Море пронзительных звуков… Целая стая легавых, голубых, в остроконечных шлемах, мрачных врагов веселья, выходит на охоту!.. Они тоже спешат. Несутся во весь опор со всех улиц, из подворотен, отовсюду… Они бегут… Все военные, только что не спеша расхаживавшие, помахивая тросточками, вдоль бараков, мгновенно тоже бросаются в толпу… Началось!.. Визг сарабанды! Столпотворение!.. Все цвета радуги! Буйство красок!.. Светло-желтые!.. зеленые… фиолетовые… Свалка! Салат… Шлюхи разбегаются по ацетиленовым углам, освещенным горящими в тумане факелами. Все они жутко, пронзительно орут, они просто обезумели от страха… Вот появляется подкрепление жандармов, настоящих разноцветных какаду…

Они тоже торжественно пускаются в пляс… С криками разворачиваются. Это напоминает битву в курятнике… Тросточки… султаны взлетают вверх… Шарабан, запряженный четверкой лошадей, проносится… как смерч. И резко останавливается, в самом центре сумятицы… Оттуда вываливается еще одна партия здоровенных жлобов… Эти колоссы бросаются в драку, и та разгорается с новой силой… Они хватают самых грубых, самых наглых, самых крикливых… Выкручивают им руки и заталкивают в фургон… Нагромождение и скопление продолжает расти, наконец свалка рассыпается… Бунт тонет в ночи… Колымага стремительно уносится… Конец буйству!.. Толпа снова растекается по забегаловкам, обволакивая стойки из красного дерева… Всем хочется нажраться еще больше… Жареный картофель… свиные колбаски… улитки… Все опять чокаются… Жуют сосиски… Дверь бара без остановки хлопает. Какой-то пьяный, споткнувшись, валится в канаву… Людской поток изгибается, все продолжают шляться безо всякой цели… Целая банда шлюх, настоящих наседок… липнет к морякам, и они вместе заходят в двери домов… Они громко переговариваются… Кроют друг друга… В баре отвага снова возвращается

к ним… Шотландцы упрямые… Им хотелось бы подраться еще, просто не терпится…

Я вхожу за ними вместе со своим чемоданом… Меня ни о чем не спрашивают… Сначала просто обслуживают… Целый бокал жидкости, очень густой, черной, пенистой… горько… это пиво! Кругом дым… Мне дают сдачи: два кружочка с «королевой», той самой, что недавно окочурилась, с рожей, как задница… прекрасная Виктория[61]… Я не могу допить их пойло, которое вызывает у меня отвращение, и мне страшно стыдно! Я снова растворяюсь в потоке. Прохожу мимо тележек, крошечных, с фонариками между оглоблями… Я слышу настоящий оркестр… Пытаюсь сориентироваться… Он совсем рядом с дебаркадером… Там что-то грохочет, над развевающимся флагом звучит тромбон… Все поют хором… Ужасно фальшивя… Удивительно, как им удается так растягивать и выгибать губы, так открывать свой рот, как настоящий тромбон, и удерживать его в таком положении. Это напоминает предсмерт-

---

[61] Примечания: 61

…прекрасная Виктория — французский писатель Жан Жионо, современник Селина, в незавершенном рассказе «Дракон» приводит факт, объясняющий это выражение: «В то время англичане с нами враждовали, и в газетах можно было видеть рисунки, на которых изображалась толстая Альбионша, задравшая юбки и показывающая зад всем прохожим, — это уже воспринималось как портрет королевы».

ную агонию… Конвульсии… Молитва, гимны!.. Здоровенная одноглазая бабища орет все громче и громче, отчего глаз ее вылезает все сильнее и сильнее!.. Она так трясется, что шиньон съезжает ей на физиономию вместе с украшенной лентами шляпкой… Но ей этого недостаточно, она вырывает кларнет у своего мужика и в свою очередь дует в него, вкладывая в это всю силу своих легких… И вот уже звучит мелодия польки, настоящий ригодон… Печаль рассеивается… Присутствующие пускаются в пляс, обнимаются, толкаются, берутся за руки… Еще один тип, тот, что на нее смотрит, должно быть, ее брат, так на нее похож, с бородой, в очках и в замечательной шапочке, на которой что-то написано. Кажется, он не в духе… Уставился в книжку… Вдруг тоже вскакивает и впадает в транс! Он вырывает рожок у своей сестры!.. Карабкается на табурет, сплевывает… И толкает речь… По тому, как он жестикулирует, как бьет себя в грудь, как впадает в экстаз, я догадываюсь, что это что-то вроде клятвы… Он заставляет слова стонать, произнося их так, что невозможно слушать… Какие-то субъекты рядом с ним давятся со смеху… Он требует сатисфакции, провоцирует их на столкновение, его уже ничего не может остановить… даже сирены, корабель-

ные сирены, надрывающиеся в это время… Ничто не может помешать ему выразить свое негодование… Что касается меня, то с меня довольно… У меня закрываются глаза… Я усаживаюсь на свое одеяло… Укутываюсь, меня никто не видит, я спрятался между ангарами… Он все продолжает орать «Salvation»[62], надрывается, но я уже оглох от него… Холодно, но я укрыт… Мне становится немного теплее… Белое облако, голубое… Я прямо напротив будки часового… Постепенно она скрывается в темноте… Я засыпаю… Откуда-то снизу доносится музыка… Это карусель… На той стороне реки… Ветер… Плеск…

---

[62] Примечания: 62
Salvation (англ.) — спасение. Salvation Army (англ.) — Армия Спасения.

* * *

Я проснулся от ужасного хрипа парового котла!.. Какой-то корабль шел вдоль берега… Против течения… «Салвейшн» уже отвалил… На эстраде остались одни негры… Они кувыркались… Выпрыгивали на мостовую… Сиреневые полы волочились по грязи… На их барабане было написано «Ministrels»[63]… Ни секунды передышки… Вращение… Прыжки… Пируэты!.. Пронзительный вой сирены перекрывает все… Толпа заволновалась… Все бросились к парапету, чтобы посмотреть на швартовку. Я примостился на лестнице, у самой воды…

Маленькие лодочки весело подпрыгивали в водоворотах в поисках троса… Посередине здоровенный баркас, огромный, весь медный, как чайник, вертелся волчком… Он был гружен бумагой. Это индийское торговое судно едва справлялось с течением… Оно продолжало

---

[63] Примечания: 63

«Ministrels» — группа певцов, которая на самом деле называлась «Minstrels», была создана в США в середине XIX в. Этим словом впоследствии обозначали все группы певцов, переодетых и загримированных под негров, исполнявших сценки, имитируя негритянское пение и акцент.

оставаться на реке, в темноте… Не спешило приближаться… Мигая своим зеленым и красным глазом… Наконец, громадное и таинственное, оно все же уткнулось в огромную фашину, болтавшуюся у причала… Все это захрустело, как куча костей… Нос у него по-прежнему оставался по течению, поскрипывая в холодной воде… Судно покачивалось среди бакенов… Как чудовище на привязи… Оно вскрикнуло… Забилось и осталось в полном одиночестве среди тяжелых бурлящих водоворотов… Все вернулись на площадь… Праздник еще не закончился… Я чувствовал себя лучше после дремоты… Мне это казалось волшебным сном… Это был совсем другой мир… Невообразимый!.. Как на цветной открытке… Я вдруг подумал, что меня больше никогда не тронут… я превратился в призрачный мираж, и мне было нечего больше бояться, меня здесь никто никогда не найдет… Я купил билет на карусель, достал всю свою мелочь. Сделал целых три круга вместе с гуляками и военными… Деревянные лошадки были такие аппетитные, со стеклянными глазками, напоминающими голубые конфетки… Я был оглушен… Мне хотелось крутиться еще… Я боялся, что мои деньги кто-нибудь увидит… Я отошел в темноту… Надорвал подкладку и достал

купюру, целый фунт. Запах жареного привел меня к шлюзу… Пирожки на тележке… Еще издали я почувствовал их…

Нельзя сказать, что девчонка, возившаяся с ними, была особенно красива… У нее не хватало двух передних зубов… Она постоянно хихикала. На ней была шляпа с бахромой, просто ломившаяся от массы искусственных цветов… Настоящий висячий сад… и вуаль из свисавших на ее физиономию длинных муслиновых лент, которые она жеманно поднимала… Она казалась совсем юной из-за своего наряда, необычного даже для того времени… и подобного окружения… Меня поразила ее шляпка… Я не мог от нее оторваться. Девчонка все время мне улыбалась… Ей не было и двадцати, у нее была маленькая соблазнительная грудь… осиная талия… и задница в моем вкусе, крепкая, мускулистая, хорошо посаженная… Я даже обошел вокруг, чтобы ее получше осмотреть. Все ее внимание было сосредоточено на этой жратве… Она не была слишком гордой или дикой… Я показал ей свои деньги… И она дала мне жареных пирожков, которых хватило бы, чтобы накормить целую семью. Она взяла с меня лишь маленькую монетку… Мы явно понравились друг другу… По моему чемодану она видела,

что я только что с поезда… Она попыталась мне что-то объяснить… Она хотела, чтобы я понял… Говорила очень медленно. По складам… Тогда я почувствовал раздражение!.. Заткнулся… Во мне снова проснулась злоба… Стоит со мной кому-нибудь заговорить, я становлюсь невыносим!.. Мне надоела трепотня!.. Хватит! У меня с этим свои счеты!.. Я знаю, к чему это приводит! Лучше кого бы то ни было! Она становится еще ласковей, любезней, услужливей… Оскал ее улыбки вызывает во мне отвращение!.. Я показываю ей, что хочу пройтись по барам… Развлечься!.. Я оставляю ей мой чемодан и одеяло… Ставлю их рядом с ее столом… И снова отправляюсь бродить…

Освободившись от вещей, я снова возвращаюсь к лавкам… бреду вдоль витрин со снедью… Но я уже обожрался и больше ничего не хочу… Пробило одиннадцать часов… Мимо проходят толпы пьяниц… они заполнили всю площадь… Слоняются туда-сюда, стукаются о стены таможни и с воплями отходят, растекаются, рассеиваются… Шустрые подтянутые щеголи с тросточками заскакивают в кабачки прямо к стойке… И сидят там, ничего не говоря, будто оцепенев, загипнотизированные механическим шумом «вальса любви»… У меня осталось еще довольно много

монет… Я выпил два бокала пива с привкусом фасоли…

Я снова вышел на улицу вместе с каким-то приблатненным типом и рыгающим пьяным, зажавшим под мышкой котенка. Он мяукал… Дальше я идти не мог… Я зашел в ближайший бар… провалившись в хлопающую дверь… Сел на скамейку… у стены вместе с алкашами в ожидании, когда захочется снова… Там было полно баб в кофтах, перьях, беретах и канотье с твердыми полями… Все они переговаривались между собой, как животные… громко лаяли и рычали в ответ… Здесь были собаки, тигры, волки, блохи… Они все царапались…

Сквозь стекла было видно, как по тротуару проплывают рыбы… Я прекрасно их видел… Они шли медленно… Купались в волнах витрин… Тонули в потоках света… Открывали рот, и оттуда выходил пар… Это были макрели, селедки… От них тоже пахло тиной, медом и едким дымом… ото всех… Еще глоточек пива… Никак не подняться… Так тоже неплохо… Они поплевывают… Наслаждаются жизнью, эти бездельники… Вдруг весь ряд перекашивается, начинается потасовка, все осыпают друг друга страшными ударами… Сволочи!..

Пианино сразу же замолкает, выходит хозяин в

переднике и вышвыривает всех наружу!.. Я опять оказываюсь на улице! Отстегиваю воротничок!.. Мне не по себе… Я спотыкаюсь… С трудом различаю два фонаря. Они светят еле-еле!.. Я вижу воду… Снова слышу плеск… О! я замечаю спуск. И схожу по ступенькам… Держась за стенки, очень осторожно… Наклоняюсь к волнам… стоя на коленях… и блюю… с ужасным напряжением… Я чувствую облегчение… Сверху на меня обрушивается ураган… со страшной силой… Все, что было съедено… Я вижу склонившегося субъекта… Еще раз!.. Комок слизи… Я пытаюсь выпрямиться! Черт! Я больше не могу… Я опять сажусь… И выворачиваю все прямо на себя… Тем хуже!.. Мне заливает глаза… Снова икота… Уа!.. Я вижу, как пляшет вода… белая… черная… Становится по-настоящему холодно. Я весь дрожу как осиновый лист… Блевать я больше не могу… Я ложусь в углу… Бушприт парусника проходит совсем рядом со мной… Задев мою башку… Бравые молодцы! Целая эскадра!.. О! Да! Они появляются прямо из тумана… Налегают на весла… И пристают к набережной… Паруса свернуты на полумачтах… Я слышу, как проходит стадо. Вдоль складов разносится гул шагов, это прибыл корвет…

Я не поднимаюсь наверх… Я немного согрелся…

В голове все перепуталось… Я спокоен… Все в порядке. Я никому не причинял зла… Вот что-то напоминающее «тартану»… Я разбираюсь в судах… Подплывают еще и другие… Они скапливаются… Толкаются в волнах… Вода доходит им до планшира… Они буквально ломятся от съестных припасов. Теперь овощей хватит на всех… Красная капуста, лук, черный редис, репа, сложенная горками, целыми кучами, все это плывет против течения, тащится под парусом!.. Мелькает в свете прожекторов… На мгновение проступая из темноты… Лавирование кончается… И те, что сняли свои куртки из альпаки… становятся похожими на обычных конторских служащих… Они облачаются в люстрин[64]… Как раньше одевались докеры… С корзинами, огромными кипами, едва удерживая равновесие, они возвышаются в ночи… Возвращаются с помидорами, роют себе глубокие туннели в горах… цветной капусты… Снова исчезают в трюмах… И промелькнув под фонарями, проходят, нагруженные артишоками… Суденышко больше никуда не относит, оно застыло под сходнями… Все новые и новые лодочки подходят за товаром…

---

[64] Примечания: 64
Люстрин — хлопчатобумажная ткань.

Странно, но у меня зуб на зуб не попадает. Мне совсем плохо… Бред прошел… В голове проясняется… Куда я задевал свое одеяло? Я вспоминаю о той девчонке… И обхожу все бараки подряд… Наконец я нахожу эту крошку. Похоже, она действительно ждала меня. Она уже все убрала, все свои котелки, даже свою большую вилку, сложила все барахло… Ей оставалось только уйти… Ей было приятно, что я вернулся. Она продала свои пирожки. И даже мне показала, что все пусто… Много жареного картофеля… плавающего в масле… Остался только сырок у нее на тарелке… Она намазывает его ножом на хлеб, и мы делим этот аппетитный бутерброд… Я опять проголодался. Чтобы лучше меня рассмотреть, она приподнимает свою вуальку. Она жестами показывает мне, что сердится за то, что меня долго не было. Она уже начала ревновать!.. Она не хотела, чтобы я помогал ей тащить тележку… Навес, под который она обычно ставила свою колымагу, находился в городе… Я нес ее фонарь… Я еще не все успел рассмотреть на ее шляпе… А там было на что посмотреть, оттуда до самой талии свисали разноцветные украшения. Огромное павлинье перо было подвязано у нее под подбородком к великолепному платку в лиловых и золотых разводах.

Кастрюли мы сложили в сарае… Дверь заперли и снова отправились бродить. Тут она стала прижиматься ко мне… Ей хотелось серьезно со мной побеседовать… Но я не поддался… Я решил повалять дурака. Потом я показал ей адрес… «Meanwell College». Я нарочно остановился под фонарем… Она наверняка не умела читать… Она продолжала болтать без остановки… И все повторяла мне свое собственное имя. Она тыкала себя пальцем в грудь. Гвендолин! Гвендолин! Я прекрасно все слышал, тискал ее за грудь, но не понимал ни слова… Нежности, признания! Это так знакомо! С этого всегда начинается, но все это уже надоело и протухло… На подобную обсоску не стоит тратить слов. Привет, малышка! Хочешь пососать, гнида! Она готова была нести мой чемодан! За твое доброе сердце, моя милая! Не стесняйся! Она была крепче, чем я!.. И во всех темных углах приставала ко мне со своими нежностями. Она обнимала меня насильно… приходилось вырываться… Улицы были почти пусты… Ей хотелось, чтобы я ее тоже немножко потискал… пощупал… залез под юбку… Она была очень темпераментная… требовательная, любопытная… Туман скрывал нас… Я должен был еще и целовать ее, иначе она не отдала бы мои вещи…

Вид у нее был просто дурацкий, я ужасно мучился… Под фонарем она окончательно обнаглела и залезла мне в штаны… член у меня не стоял… Ей хотелось, чтобы он встал… Я напрягся… Она просто обезумела… Отпрыгнула в туман. Подняла юбку и пустилась в какой-то дикий танец… Я поневоле засмеялся… Не время! Ей хотелось все сразу! Черт бы ее побрал! Она побежала за мной… Уже со злобой! Схватила меня… Как будто хотела сожрать! И присосалась ко мне! Этой девчонке нравились иностранцы…

Площадь опустела, на другой стороне бродячие акробаты свертывали свои палатки… маленькие тележки с конфетами, вареньем… пересекали пустое пространство, раскачиваясь из стороны в сторону, проваливаясь в выбоины и рытвины… им тяжело тащить все это… Они проехали мимо эстрады, на которой еще оставалась какая-то баба, точнее бабуля, обрывавшая свои драпировки… Она была одета как гурия… Ей было неудобно в маскарадном костюме… Она сворачивала свои восточные ковры… афиши, написанные от руки… Она ужасно зевала, выворачивая челюсть… «Уа! Уа!» — раздавалось в ночи. Мы подошли. Прервали ее занятие. Эти суки были знакомы… Начали трепаться… Они, должно быть, прия-

тельницы… Они начали собирать вещи вместе. Я заинтересовал их обеих… Эта фатьма знаком пригласила меня подойти, зайти в ее шатер. Я не мог отказаться, у другой были мои вещи… Эта баба схватила мою руку и стала рассматривать ладонь… Совсем близко, при свете лампы. Она начала вычерчивать мне линии… Я здорово вляпался! Им интересно мое будущее!.. Им хочется все знать, сукам! Хоть с ними и отказываются говорить!.. Черт с ними, мне вполне удобно на куче подушек… К тому же здесь не так холодно, как снаружи… Я отключился… Она же продолжала колдовать… Их заинтересовал мой случай… Восточная женщина оживилась… Она составляла мой гороскоп… хмурила брови… Должно быть, у меня тяжелая судьба… Я же позволял делать с собой все что угодно… Это было не так уж неприятно. Во-первых, меня занимало совсем другое! Я немного осмотрелся, как была устроена их палатка… Она была вся разрисована звездами, а на потолке еще кометы и вышитые луны. Было уже слишком поздно, чтобы возбуждаться, черт возьми! Я ничего не понимал в их болтовне… Было уже по меньшей мере два часа!.. Они и не думали останавливаться и продолжали… Теперь они спорили по поводу маленьких бороздок…

Это были на редкость дотошные натуры… У меня постоянно были грязные руки, что значительно облегчало их задачу. И ноги тоже… Я бы с удовольствием заснул… Наконец они кончили… На чем-то сошлись. Моя подружка заплатила старухе из своего кармана две монеты, я видел… Та разложила еще и карты… А потом с будущим было покончено… Мы опять прошли под занавесками. Бабка снова вскарабкалась на свои подмостки и принялась за драпировки.

Моя покровительница, Гвендолина, с этого момента смотрела на меня по-другому… Я стал для нее другим человеком… Она даже ласкала меня теперь иначе… Должно быть, у меня была довольно гнусная судьба… И по картам, и по линиям она, наверное, выходила одинаково дерьмовой!..

Меня так клонило в сон, что я готов был свалиться на месте, но было слишком прохладно. Нужно еще пройти через дебаркадер… Вокруг действительно не было ни души, кроме маленькой собачонки, какое-то время бежавшей за нами. Потом она удрала к лавкам. Мы пришли в укрытие… Какие-то щелчки… удары весел… и дыхание парней, выходивших в открытое море.

Моя сосулька тащила меня, ей хотелось, я думаю, чтобы я пошел к ней… Я бы с удовольствием

лег на мешки, которые были там свалены в огромную кучу, поднимавшуюся до самых балок… Это защищало от ветра… Она знаками показала мне, что у нее есть настоящая комната с настоящей постелью… и только-то… Я сделал отрицательный жест… У меня был адрес, куда я хотел добраться… «Meanwell College»… Лучше было отправиться в школу, чем трахать эту Гвендолину. Не потому, что она была как-то особенно уродлива, в своем роде в ней был шарм, она обладала даже некоторой элегантностью… У нее была задница, мускулистые ляжки и очень приятные формы… Рожа мерзкая, но было темно. Мы бы вполне могли бы заняться делом, немного развлечься… Но только выспавшись!.. Я слишком устал!.. К тому же это было невозможно!.. Во мне разливалась желчь! Стоило мне об этом подумать, как у меня пропадало всякое желание… О возможном вероломстве! Стоит только позволить себя втянуть!.. Подлость! ну и сука! А моя мать! Ах! несчастная женщина! а Горлож! Меон! вызовы в суд! кран на кухне! Лавлонг! малыш Андре! целая куча дерьма! Да! Дерьма!.. У меня набралась уже целая куча, которая воняла! Огромная! дымящаяся в канаве!.. Извините! За некоторую грубость!

Эта финтифлюшка, моя сосулька, такая невин-

ная, заботливая, я бы ей задал неплохую взбучку, такую, какой она никогда еще не получала, свиное рыло! Если бы у меня были силы!.. Я бы проучил ее… Но она бы, пожалуй, сама мне задала! У нее было кое-что, грудная клетка, как у атлета, она бы меня перевернула, как блинчик, если бы я только вякнул!.. Я только об этом и думал, проходя по узким улочкам, пока она со мной кокетничала… У нее был кулак рабочей, плюс бесцеремонность и наглость. Меня всего трясло. Ладно…

Наконец, я снова достал свой адрес. Все-таки нужно было его найти. Так как она не умела читать, мы стали искать полицейского. Два или три раза мы по ошибке натыкались на фонтаны, маячившие в тумане на перекрестках… Чтобы его найти, нужно было обойти весь мир… Искали у одного дока, у другого. Облазили все закутки и переходы… Несмотря на изнеможение, мы продолжали веселиться… Она поддерживала меня с моим чемоданом… У нее на самом деле было хорошее настроение. Она растрепала весь свой шиньон… Я дергал ее за пряди. Это тоже ее смешило. Бродячая собака увязалась за нами… Наконец, на спуске, у будки, мы заметили свет… Полицейский сидел на корточках, увидев нас,

он вскочил. На нем было по крайней мере три плаща, надетых один на другой. Он долго откашливался… Выйдя из тумана, он встряхивался и чистился, как утка. Он зажег свою трубку… Посочувствовал нам. Он смог прочитать мой адрес. И показал куда-то вверх, на самый край ночи, туда, где находился «Meanwell College», на холме, за цепочкой фонарей, взбиравшихся на него зигзагами… Он вернулся в свою будку, протиснувшись в дверь всей своей тушей.

Узнав дорогу, мы перестали торопиться… Оставался еще подъем, очень длинные перила… Приключение подходило к концу!.. Мы пошли совсем медленно, она не хотела, чтобы я утомлялся… Она была полна предупредительности. Больше не осмеливалась мне надоедать… Только робко целовала меня, когда мы останавливались отдохнуть. Под фонарями она показывала жестами, что я был как раз в ее вкусе… Что она для меня готова на все… Примерно на середине подъема мы сели на скалу, оттуда было хорошо видно, как над рекой плывут туманные облака, устремляясь в пустоту. Маленькие корабли на спокойной воде скрывались за ними. Их огни были уже не видны… Только лунный свет, а потом облака закрывали все… Девчонка все жестикулировала…

Не хочу ли я еще поесть? Она готова была сходить принести, должно быть, из самых лучших побуждений… Несмотря на сильную усталость, я все же спрашивал себя, хватило бы у меня сил сбросить ее в овраг сильным ударом кулака в поддых? А?..

Внизу были скалы… Вершина тонула в темноте…

Вот из темноты раздаются голоса, показывается вереница мужчин с факелами, я узнаю их, это «Ministrels», размалеванные под негров. Они тоже поднимаются из порта… Тащат в тумане свою тележку. С большим трудом. У них такое тяжелое барахло, которое к тому же постоянно рассыпается… Их причиндалы раскачиваются из стороны в сторону и дребезжат… Заметив нас, они перебрасываются несколькими словами с моей сосулькой… Они останавливаются, рассаживаются и складывают всю свою мелочь в столбик на краю скамейки. Им так и не удается ее сосчитать… Они слишком устали… Они по очереди ополаскивают лица в ручье чуть впереди. И возвращаются такие бледные при тусклом утреннем свете, что напоминают мертвецов… На мгновение вскинув голову, они снова сникают, возвращаются и садятся на гравий… Они подшучивают над моей шалуньей… Наконец все

начинают собираться. Трогаемся вместе… Они толкают свою тележку, тащат барахло, чтобы как-то добраться вверх. Мне остается идти совсем немного! Они не хотят расставаться… «Meanwell College» уже за деревьями, за поворотом, еще один спуск, и сад…

Рассвело… К калитке мы подходим, уже став друзьями. Номер было трудно сразу рассмотреть. Два или три раза пришлось чиркать спичками… Наконец-то!.. Девчонка начала ныть. Пора было расставаться!.. Я жестами показывал ей, чтобы она не оставалась здесь… продолжала путь… уходила со своими приятелями… Что я обязательно снова с ней увижусь… внизу… в порту… попозже… как-нибудь… Я делал ей страстные знаки. Правда, я к ней действительно привязался. Я даже дал ей свое одеяло, чтобы она поверила… что я приду за ним… Она понимала с трудом… Я не знал, что еще предпринять… Она обнимала меня все сильнее… «Ministrels» умирали со смеху, глядя на нашу жестикуляцию… Они пародировали наши поцелуи…

Маленькую узкую улочку продувало ледяным ветром… Я смертельно устал… Едва держался на ногах… Наши нежности были слишком смешны… Всем хотелось с этим как-то покончить, это уже

становилось идиотизмом… время было самое неподходящее… Наконец она решилась… Она не хотела оставаться одна и побежала за бродячими артистами… Они пошли все вместе за колымагой с инвентарем в огромном ящике… все болталось из стороны в сторону… Девчонка посылала прощальные сигналы издалека своим фонариком… Наконец она скрылась… За поворотом аллеи, за деревьями…

Я взглянул на табличку перед собой… И прочел: «Meanwell College» и еще над этим — красными буквами: «Директор Ж. П. Мерривин». Так было написано, меня не обманули. Я приподнял молоток: «Бам! Бам!» Сначала не последовало никакой реакции… Тогда я позвонил в другую дверь. Опять никто не ответил… Тишина… Наконец в доме зашевелились… Я заметил, как на лестнице замелькал свет… Я видел его сквозь занавески… Это подействовало на меня отталкивающе… Внезапно мне захотелось смыться… Побежать вслед за девчонкой… Догнать бродяг… Никогда не возвращаться в колледж… Я уже было повернулся… Так! И тут наткнулся на человечка… маленького, сгорбленного, в халате… Он уставился на меня… В ожидании объяснений… Должно быть, это и был хозяин… Он был взволнован… У него были

бакенбарды… рыжие… и еще белая щетина… Маленькая челка над глазами. Он повторял мое имя, недоверчиво меня разглядывая… Он, должно быть, опасался воров… Прикрывая свечу… он стоял прямо передо мной в недоумении… Погода не слишком располагала к беседе. Он с трудом находил нужные слова, ветер задул свечу:

— Фердинанд! Я… вам… должен сказать… здравствуйте… Я рад… что вы здесь… но… вы… очень опоздали… что с вами произошло?

— Абсолютно ничего… — ответил я.

Он не стал настаивать, и засеменил впереди меня… Наконец он открыл дверь… Запихнул ключ в скважину и никак не мог вытащить его, так он торопился. Как только мы вошли, он сделал мне знак, чтобы я подождал, посидел здесь на сундуке… пока он уберет наверху. На середине лестницы он вдруг обернулся, перегнулся через перила и ткнул в меня пальцем.

— С завтрашнего дня, Фердинанд! С завтрашнего дня… Я буду говорить с вами только по-английски! Э? What? — это уже заранее смешило его… — Подожди меня немного! Wait! Moment! А! Видите! Уже, Фердинанд! Уже!..

Он валял дурака…

* * *

Он бесконечно долго рылся в ящиках наверху, перетаскивал за собой сундуки. Я же говорил себе: «Он слишком усердствует! В конце концов я усну!..» И продолжал ждать…

Я видел, как в конце коридора порхает бабочка, полуночница.

Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я заметил большие часы… здоровенные стенные часы… действительно великолепные… а на циферблате, целиком сделанном из меди, маленький крошечный фрегат без передышки вытанцовывал секунды… тик! так! тик!.. так!.. Он бегал туда-сюда… Навевая на меня дремоту…

Старик все продолжал колдовать… он сражался с мебелью… Пускал воду… Говорил с какой-то женщиной… Наконец он снова спустился… Он постарался на славу!.. Вымытый, выбритый, подпрыгивающий от важности… он старался выдержать стиль!.. Что-то вроде адвоката… черная развевающаяся накидка… свисала с плеч… складки… гармошка… а на макушке красовалась ермолка с большой кисточкой… Я думаю, это

все для того, чтобы оказать мне достойный прием. Он явно хотел доконать меня… Он жестом пригласил меня… Я встал… Покачиваясь… По правде говоря, я уже едва держался на ногах… Он старался подобрать слова, относящиеся к моему путешествию… Сразу ли я нашел его? Я ничего не отвечал… Только шел за ним… Сперва через салон… вокруг пианино… Потом через прачечную… ванную… кухню… Наконец он открывает еще одну дверь… И что я вижу… Постель!.. Я даже не дожидался приглашения!.. Бросился на нее!.. И растянулся прямо в верхней одежде!.. Вдруг этот маленький краб пришел в ярость и подскочил ко мне… Это на него было совсем не похоже. Он был крайне возбужден!.. Подпрыгивал!.. Суетился вокруг постели!.. Он явно не ожидал подобного!.. Он схватил меня за башмаки… И попытался меня стащить…

— Ботинки! Ботинки! Boots! Boots! — кричал он, разъяряясь все больше и больше!.. Он становился просто ужасен! Я запачкал его драгоценную кровать… и покрывало в цветах и разводах! От этого ему стало совсем плохо, у него начался припадок эпилепсии! «А ну, отвяжись! Провались ты, дерьмо!» — так я ему сказал… Он пытался даже драться… Носился по коридорам… Звал людей на

помощь!.. Если бы они меня только тронули, я не знаю, что бы сделал!.. Я бы встал и задал ему такую взбучку, этому паяцу! Прямо сейчас!.. Я уже настроился! решил! Он был худой и тщедушный! И носился за мной со своей дребеденью!.. Я бы вывернул его, как перчатку! А потом все кончилось… Несмотря на то что он все продолжал топтаться, я заснул.

* * *

Нельзя было и представить себе что-нибудь лучше, чем «Meanwell College», с точки зрения воздуха и природы. Местность была просто чудесная… Из сада и даже из окон классной комнаты открывался замечательный вид. В ясные дни было видно все вокруг, панораму реки и города, порт и доки, громоздившиеся у самой воды… Линии железных дорог… все отплывающие корабли… как они уходят все дальше и дальше… за холм и луга к морю… за Чатем[65]… Это производило непередаваемое впечатление… Правда, когда я приехал, было ужасно холодно, а так как все это располагалось наверху, на открытой скале, тепло здесь удержать было практически невозможно… Ветер бился прямо о стены дома… Все дожди, все ураганы обрушивались на этот холм… В комнатах завывало, двери хлопали день и ночь. Мы жили среди настоящего смерча. Во время вихря мальчишки орали, как орут глухим, никто ничего не

[65] Примечания: 65

Чатем — здесь Селин упоминает название трех городов: Рочестер, Чатем, Струд, которые действительно расположены возле устья реки Медуэй.

слышал… Сам Господь Бог был здесь бессилен! Все это должно было либо провалиться сквозь землю, либо развалиться. Деревья гнулись и так и оставались согнутыми, все лужайки были завалены сучьями и трухой. Я думаю, продолжать не стоит…

Подобное опустошение, такой суровый климат способствуют дикому аппетиту… Мальчики становятся здоровяками, настоящими амбалами! Если, конечно, жратвы хватает! Только в «Meanwell College» с этим было плоховато!.. Как обычно и бывает. Проспект сильно преувеличивал. За столом вместе со мной было 14 человек! И еще хозяин с хозяйкой… По меньшей мере восемь лишних ртов! Судя по жратве, ее осилили бы и шестеро! Особенно в те дни, когда такой сильный ветер… Рагу было совсем скудное!

В моей команде я был к тому же самым рослым и самым голодным. Я усиленно вытягивался. К концу месяца я стал почти вдвое выше. Неистовая сила элементов произвела настоящую революцию в моих легких и моем теле. Из-за того что я все пожирал и вылизывал тарелки, не дожидаясь, пока меня пригласят, я представлял за столом серьезную опасность. Мальчишки поглядывали на мою миску, косились на меня. Конечно, они

подвергались сильному искушению… Я на это плевал, я ни с кем не разговаривал… Я, пожалуй, даже съел бы еще лапши, если бы мне предложили, так я был голоден… Если в колледже все будут жрать досыта, он неизбежно придет в упадок… Тут все время нужно было быть бдительным! Я набрасывался на «porridge»[66], я был просто безжалостен… Мармелад я пожирал еще быстрее… На четверых мальчиков полагалось одно маленькое блюдечко, которое я проглатывал один… оно просто исчезало, его даже не успевали разглядеть… Остальные могли хрипеть от злости, само собой разумеется, я не отвечал… Чай каждый наливал себе сам, он согревал, успокаивал, эта приятная благоухающая жидкость еще больше возбуждает аппетит. Когда ураган затягивался и холм сотрясался в течение нескольких дней, я залезал в сахарницу ложкой и даже рукой, этот желтенький сахарок утешал меня.

За столом месье Мерривин располагался прямо перед большим блюдом, он все раздавал сам… Он хотел заставить меня говорить… Но ему это не удавалось… Говорить со мной!.. Любая попытка выводила меня из себя!.. Я был непослушен…

---

[66] Примечания: 66
Овсянка.

Только его обворожительная жена, уже слегка меня околдовавшая, возможно, была способна меня смягчить. Я сидел рядом с ней… Она действительно была очаровательна. О да! Лицо, улыбка, руки, каждое движение, буквально все. Она неизменно кормила маленького Джонкинда, ребенка, не похожего на других, «отсталого». После каждого или почти после каждого глотка ей приходилось помогать ему, подбадривать, утирать слюни. Это требовало терпения.

Родители этого кретина были в Индии, они его даже не навещали. От подобного придурка можно было ожидать чего угодно, особенно во время еды: он глотал все, что было на столе, — ложечки, кольца от салфеток, перец, маленькие графинчики и даже ножи… Заглатывать было его страстью… Когда он появлялся, рот его уже был раскрыт, растянут, как у настоящей змеи. Он всасывал мельчайшие предметы, слюнявил их. При этом он завывал и пускал пену. Мадам Мерривин, всегда такая изящная, собранная, отнимала у него все. И никогда ни одного резкого слова…

Если бы не эта страсть к заглатыванию, мальчишка был бы не так уж ужасен. Он был вполне податлив. Он совсем не был отвратителен, только взгляд какой-то странный. Он на все натыкался

без очков, так как был жутко близорук, в этом он мог бы посоперничать с кротом, ему нужны были толстенные стекла, настоящие кабошоны… Глаза вылезали у него из орбит и казались больше, чем все лицо. Он всего боялся, и мадам Мерривин успокаивала его двумя словами, всегда одними и теми же: «No trouble, Jonkind! No trouble!..» Он повторял их целыми днями, по любому поводу, как попугай. Это была единственная фраза, которую я запомнил после нескольких месяцев в Чатеме… «No trouble, Jonkind!»

* * *

Прошло уже две или три недели… Они оставили меня в покое. Они не собирались специально досаждать мне. Им просто хотелось, чтобы я заговорил… чтобы немного подучил английский. Это было ясно. Мой отец в письмах спрашивал, занимаюсь ли я?.. Стараюсь ли?..

Я не поддавался… Я больше не намерен был ни с кем вступать в разговоры… Мне вполне хватало моих воспоминаний… Вопли в доме! Причитания матери!.. Никакие слова больше на меня не действовали! Черт побери! Это не для меня! С меня довольно!.. Я сыт по горло излияниями и болтовней!.. Чего-чего, а этого добра у меня хватало… У меня все это уже в печенках, пусть бы только попробовали… Только бы меня здесь и видели… Это как раз то, что надо! У меня появилась прекрасная возможность молчать, просто уникальная, и я воспользуюсь ею до конца… Сознательно! Без дураков! Они хотели, чтобы я клюнул на их трепотню… Возможно, так же, как на лапшу… А между тем стоило мне только подумать о доме, как во мне все буквально вскипало…

Месье и мадам Мерривин уже не знали, что еще предпринять, они никак не могли понять, в чем причина подобной немоты, такого странного поведения… Особенно он лез из кожи за столом, по малейшему поводу… разворачивая свою салфетку… Ему казалось, что я так чему-нибудь научусь: «Hello! Фердинанд!» — звал он меня… Меня это мало трогало… «Hello! Hello!» — отвечал я, и все. На этом все кончалось… Начинали жрать… Он напряженно рассматривал меня через свои окуляры… Ему было грустно, он, должно быть, думал про себя: «Этот мальчик у нас не приживется!.. Если ему неинтересно, он должен уехать!..» Но сказать это вслух он не решался… Он только моргал своими крошечными, как половая щель, глазками, тряс своим галошеобразным подбородком и подымал едва заметные, да к тому же еще разноцветные брови. Он старался выдержать свой старинный стиль — бакенбарды и маленькие косметические усики с тщательно заостренными кончиками… Выглядел он совсем неплохо. Он, как спортсмен, носился по горам и даже ездил на трехколесном велосипеде…

Его жена была совсем не похожа на него, она вряд ли кому-нибудь уступила бы в очаровании, я должен признать, что она действительно заво-

раживала… Она меня глубоко волновала.

Их столовая на первом этаже производила гнетущее впечатление своей обстановкой. Окна упирались в тупик. Когда она в первый раз вошла с Джонкиндом в эту комнату… Невозможно передать, какой прекрасной она мне показалась… Потрясение было необычайным… Я смотрел на нее… Не отрывая глаз… На меня нашло настоящее умопомрачение… Потом я снова погрузился в процесс поглощения пищи… Ее звали Нора… Нора Мерривин…

В начале и в конце еды все становились на колени, чтобы старик прочитал молитву… Он начинал подробно комментировать Библию, а мальчишки ковыряли в носах и вертелись как могли…

Джонкинд не хотел стоять, а пытался проглотить дверную ручку, находившуюся как раз на уровне его рта. Старикан был полностью поглощен молитвой, он любил трындеть… и бурчал добрые четверть часа, этим неизменно завершалась жратва… Наконец все поднимались после слов: «ever and ever!»

Стены были выкрашены в табачный цвет до середины, остальное было побелено. На них висели гравюры из библейской истории… Иов с посохом,

в лохмотьях шел через пустыню… И еще Ноев ковчег, весь залитый водой, терялся в волнах и дымящихся безднах… Совсем как на том холме в Рочестере. И крыша точно такая же. Я знал, здесь случались ураганы еще и посильнее… От них вылетали даже двойные стекла… Затем наступало затишье, время туманов… Все становилось волшебным… Напоминало иной мир… В саду ничего не было видно в двух шагах… Существовало лишь одно огромное облако, оно потихоньку входило в комнаты, все обволакивало, постепенно проникая всюду, в классы, к мальчишкам…

Из города, из порта, поднимался и множился эхом шум… Особенно шум с реки внизу… Казалось, что буксир приходит прямо в сад… За домом был слышен его гудок… Потом он опять удалялся… Снова уходил в долину… Гудки с железной дороги по-змеиному обвивали тучи в небе… Настоящее царство призраков… Но долго здесь оставаться было нельзя… Можно было упасть со скалы…

* * *

Во время молитвы я подвергался сильному искушению… Стоя на коленях, я почти касался ее, Норы. Я дышал ей в шею, в волосы. Я испытывал мучительное желание… Я был на грани и едва удерживался от того, чтобы не наделать глупостей… Интересно, что бы она сказала, если бы я все же решился?.. Вечерами в дортуаре я дрочил на нее, совсем поздно, когда все уже спали, а днем у меня опять вставал.

У нее были замечательные руки, тонкие, розовые, светлые, нежные, такие же нежные, как и лицо, смотреть на них было настоящим блаженством. Больше же всего меня возбуждало и трогало до глубины души особое очарование, рождавшееся на ее лице, когда она говорила… ее ноздри слегка дрожали, щеки и губы округлялись… Этим я был просто заворожен… Настоящее колдовство… Это так волновало меня… Что у меня искры сыпались из глаз, я не мог пошевелиться… Стоило ей немного улыбнуться, как меня буквально захлестывало волнами колдовства… Я боялся смотреть на нее. Я все время сидел, уставившись

в свою тарелку. Ее волосы, когда она проходила мимо камина, тоже переливались и играли… Черт возьми! Несомненно, она была настоящей феей!.. Мне же больше всего на свете хотелось укусить ее за губу, в уголке рта.

Она была так же внимательна ко мне, как и к кретину, переводила мне каждое слово, все, что говорилось за столом, все разговоры этих сопляков… Она все объясняла мне по-французски и произносила очень медленно… Она выполняла двойную работу… Ее старик продолжал моргать за очками… Он больше не лопотал по-птичьи, а довольствовался тем, что со всем соглашался… «Yes, Ferdinand! Yes!» — одобрительно говорил он, приглашая к еде… Он развлекался тем, что тщательно прочищал свои клыки, уши, играл вставной челюстью, то вынимая, то снова вставляя ее, в ожидании, пока мальчишки закончат и можно будет приступить к молитве.

Когда все вставали, мадам Мерривин перед тем, как пойти в класс, делала слабую попытку заинтересовать меня какой-нибудь вещью… «The table, стол, ну, Фердинанд!..» Я старался не поддаваться ее чарам. Ничего не отвечал. Пропускал ее вперед… И завороженно смотрел на ее бедра. Не только лицо, но и задница у нее была

восхитительная… крепкая, аккуратная попка, ни большая, ни маленькая, туго обтянутая юбкой, мускулистая, феерическая… Божественно… Я готов был проглотить, съесть эту бабу, клянусь… Я пребывал в постоянном возбуждении. Остальных недоносков в этом заведении я сторонился, как чумы. Банда сопляков, драчливых, склочных, злобных и подловатых. Я уже утратил вкус к детским забавам… и они не вызывали у меня ничего, кроме отвращения… эти мальчишки со своим кривлянием… Я уже вышел из того возраста, когда все это спокойно терпишь. Школа мне казалась просто невыносимой… Вечное бахвальство, россказни… Это было невозможно спокойно слушать… Особенно на фоне того, что нас всех ожидало… Ведь нас всех приберут к рукам, как только мы выйдем отсюда… Если бы я захотел, то трех моих слов, трех жестов хватило бы, чтобы разрушить эту ложь. От нее бы ничего не осталось. От одного вида, как они толкаются на перемене, во мне просыпалась ненависть… Первое время они подстерегали меня по углам, само собой разумеется, чтобы подразнить… Они думали, что я все же заговорю… Они толпились, жадно затягиваясь сигаретами… Я же притворялся, что ничего не замечаю, я дожидался, когда они

подойдут поближе. И тогда я обрушивался на них с кулаками, бил ногами по голени… Как в тесто! А стук, как от кеглей! Они долго ощупывали свои кости… После этого они вели себя приличнее… Становились тихими, вежливыми… Иногда они пытались следить за мной… Но когда я уложил двоих или троих… они приняли это к сведению…

Я на самом деле был самым сильным и, возможно, самым озлобленным… Французские или английские сопляки — одинаковая сволочь… Их нужно ставить на место при первом же знакомстве… Нельзя расслабляться ни на секунду, это надо делать сразу или никогда! Бить! Крепко! Иначе вам сядут на шею!.. И тогда все пропало, разрушено. При первом же удобном случае от вас останется куча дерьма! Если бы я говорил с ними, я обязательно объяснил бы им, что такое настоящий «business»!.. Сказал бы пару слов о жизни, об учебе… Я бы быстро просветил этих недоумков! Они ничего еще не знали, эти детки… Они и не подозревали… Конечно, они догадывались, что недостаточно только гонять в футбол… А потом рассматривать свой член…

* * *

Уроки продолжались недолго, за них нас засаживали только по утрам… Что касается образования, религии, разных видов спорта, то всюду властвовал месье Мерривин, он брал на себя все, он был один, у него не было других преподавателей.

Рано утром он, в сандалиях и халате, приходил и будил нас. Он уже дымил своей маленькой глиняной трубкой. Тряс над кроватями своей длинной тростью, похлопывая ею то там, то здесь, но никогда не бил сильно. «Hello, boys! Hello, boys!» — выкрикивал он своим старушечьим голосом. Все шли за ним в умывальную… Там было несколько кранов, которыми старались пользоваться как можно реже. Было слишком холодно, чтобы мыться. А дождь не прекращался. Начиная с декабря, он превратился в настоящий потоп. Уже исчезли город, порт и река вдали… Сплошной туман, огромное облако хлопка… Иногда дожди растворяли даже его, и видны были огни, но потом исчезали. Слышались гудки, позывные судов, шум начинался с зари… Скрежетала ле-

бедка, маленький поезд шел вдоль набережной, задыхаясь и повизгивая…

Когда Мерривин приходил, он зажигал газовую горелку, чтобы мы могли найти тапки. После умывания, все еще мокрые, мы бежали трусцой в подвал за скудной жратвой. Молитва и breakfast! Это было единственное место, где иногда жгли уголь, жирный и блестящий, дымящийся и пахнущий асфальтом. Это был приятный запах, но с небольшим привкусом серы, который постепенно усиливался.

К столу подавали сосиски с жареным хлебом, но совершенно крошечные! Неплохо, конечно! Лакомство, но его всегда было слишком мало. Я готов был проглотить их все. Сквозь дым пламя отбрасывало блики на зверей, Иова и ковчег… Создавалось фантастическое впечатление.

Из-за того что я не говорил по-английски, я мог полностью предаться созерцанию… Старик жевал медленно. Мадам Мерривин приходила после всех. Она одевала Джонкинда. Устраивала его на стуле, отодвигала посуду, особенно ножи, просто удивительно, что он еще не выколол себе глаз… Или, всегда такой ненасытный, не сожрал маленький кофейник и не сдох от этого… На Нору, хозяйку, я смотрел украдкой, я слушал ее, как

песню… Ее голос, как и все остальное, был исполнен нежности… В ее английском меня волновала музыка, все как бы танцевало вокруг среди пламени. В общем, я был чем-то похож на Джонкинда, я тоже был в оглушенном состоянии… Я впал в слабоумие, я позволил себя околдовать. Со мной было все ясно. Эта сука, должно быть, прекрасно все чувствовала! Все женщины одинаковы. Она была не лучше других. «Ну скажи же! Что с тобой, Артур? Ты не проглотил жука? Ты не заболел? Скажи, нет? Ты не в себе! Ты улетаешь, дурачок? Милый малыш. Проснись, дорогой! Приди в себя! Уже без двух минут четверть!..» Иначе и быть не могло, я мгновенно каменел… Съеживался в комок. Конечно! Свершилось! Заткни хлебало!

Мне следовало быть начеку, сдерживать свое воображение, здешняя местность, бураны и вездесущие облака слишком располагали к мечтаниям. Нужно было скрываться, прятаться под броню. Часто я спрашивал себя: как она могла выйти замуж за подобного червяка? хорька с тростью? Это с трудом укладывалось в голове! Какая кляча, какой урод, старая щеколда! В постели его наверняка можно было испугаться! Я за него не дал бы и двадцати су! Ладно, в конце концов, это его проблемы!..

Она все время приставала ко мне, хотела, чтобы я заговорил: «Good morning, Ferdinand! Hello! Good morning!» Я был смущен… Она так мило гримасничала… Сколько раз я мог клюнуть! Но всякий раз старался отвлечься… Я снова прокручивал все, что было… Снова передо мной вставал Лавлонг, Горлож, все вместе!.. Было от чего блевануть! Мамаша Меон! Шакья-Муни!.. Мне оставалось лишь сопеть носом, который у меня всегда был вымазан дерьмом! Я бормотал про себя… «Говори, говори, давай еще, моя сладкая! Ты меня не проймешь… Ты можешь растягивать свою мордашку в улыбке, как дюжина лягушек! Я не поддамся!.. Я уже достаточно возбудился, гарантирую, у меня там просто колонна»… Я снова вспоминал своего доброго отца… его задвиги, его трепотню… все это дерьмо, ожидавшее меня, предстоящую работу, всех чертовых покупателей, круглые столики, лапшу, доставки… хозяев! Как мне били морду! Пассаж!.. Желание проучить их пронизывало меня до самых печенок… Меня сводило судорогами от воспоминаний! До самой дырки в заднице!.. Я приходил в такую ярость, что сдирал с себя целые куски кожи… Я уже ни на что не был способен. Эта краля меня не получит! Возможно, она добрая и замечательная… Но будь она еще в сотни

тысяч раз ослепительнее и восхитительнее, я не сдвинусь с места! Не пророну ни единого вздоха! Пусть она обдерет себе кожу с задницы и нарежет ее ремешками, чтобы мне понравиться, пусть она обернет их себе вокруг шеи, как серпантин, пусть она отрежет себе три пальца на руке, чтобы засунуть их мне в жопу, пусть она купит себе дырку из чистого золота, я не заговорю!.. Никогда!.. Ни одного поцелуя!!! Не стоит того! Все это уже было! Я предпочитал смотреть на ее старикана, рассматривать его рожу… это меня отвлекало!.. Я занимался исследованиями… Его физиономия была усеяна красноватыми бородавками, похожими на капли крови… Уши и нижнюю часть щек закрывали вьющиеся штопором жесткие волосы морковного оттенка… Как же ему все-таки удалось уломать красотку?.. Наверняка деньги здесь ни при чем… Тогда ошибка?.. Женщины же всегда торопятся. Это толкает их невесть на что… Им сгодятся любые отбросы… Совсем как цветам… Самым прекрасным — самый вонючий навоз!.. Сезон длится не так долго! Хи! К тому же они все время врут! Я мог бы привести ужасные примеры! Никогда не останавливаются! Это их аромат! Такова жизнь…

А если бы я заговорил? Она тотчас бы заморо-

чила мне голову! Это было ясно как день… Я бы сразу запутался… Во всяком случае то, что я не раскрывал рта, вырабатывало во мне характер.

В классе месье Мерривин убеждал меня, старался, привлекал к работе всех учеников, чтобы заставить меня заговорить. Он писал фразы печатными буквами на черной доске… Их было легко разгадать… а потом внизу перевод… Мальчишки все время повторяли одно и то же, много раз… хором… дружно… Тогда я широко открывал рот и делал вид, что сейчас… Я ждал, пока что-нибудь выйдет… Ничего не выходило… Ни слога… Я закрывал рот… Попытка была закончена… Меня оставляли в покое на 24 часа… «Hello! Hello!» — снова и снова приставал ко мне этот капуцин, ужасно раздраженный и огорченный… Я уже начинал злиться по-настоящему… Я бы с удовольствием заставил его проглотить его длинную трость… Насадил бы его на вертел… или подвесил бы на окне… А! в конце концов он это почувствовал… Он перестал упорствовать. Он угадал мои настроения… Я хмурил брови… Ворчал, когда слышал свое имя… Я больше не снимал пальто, даже в классе, и даже спал в нем…

Мерривин держался за меня, у него в классе было негусто. Он не хотел, чтобы я смылся и уехал

до истечения шести месяцев. Он опасался моих выходок и занимал оборонительную позицию…

В дортуаре мы вместе с другими мальчишками читали молитву… Все стояли на коленях в ночных рубашках… Мерривин произносил что-то вроде заклятия, все располагались вокруг него… А потом он отправлялся в свою комнату… и больше не появлялся… Остальные, перебросившись парой слов, заваливались спать, торопясь заняться онанизмом… Это согревало… А идиота Нора Мерривин закрывала в специальной кровати с решеткой сверху. Он постоянно пытался убежать… иногда опрокидывал кровать, потому что был лунатиком…

Я познакомился со странным мальчишкой, который мне отсасывал почти каждый вечер. Мне повезло больше, чем другим… он был падок на это и смешил всю комнату своими выходками… Он сосал еще двоих… изображал собаку… Ав! Ав! Так он лаял. Он ковылял, как песик, ему свистели, он подбегал, ему нравилось, когда им командовали… Вечерами во время сильных ураганов, когда все под нашими окнами как будто проваливалось в пропасть, мы заключали пари по поводу фонаря, потушит его ветер или нет? Фонарь, подвешенный на столбе, громко скрипел.

Я разбивал пари, на имбирь, шоколадки, картинки, окурки сигарет… даже огрызки сахара… три спички… Мне доверяли… Все это складывалось на мою кровать… «собака ав-ав» часто выигрывал… Он чуял шквалы… Накануне Нового года начался такой циклон, что фонарь в тупике был вдребезги разбит. Я навсегда запомнил это… Все пари пожирали я и «ав-ав».

* * *

Отдавая дань моде и традициям, в полдень все надевали спортивные костюмы в зеленую и желтую полоску, шапочки «ad hoc»; то и другое было украшено нашивками с гербами колледжа… Я лично не очень стремился вырядиться в маскарадный костюм, а потом, должно быть, подобный наряд дорого стоил… Особенно башмаки на шипах… Я не был настроен играть в бирюльки… В моем будущем для игр места не было… Этот жанр создан специально для сопливых полудурков…

Сам старик Мерривин сразу после завтрака вылезал из своей сутаны, надевал пеструю куртку — и фрр!.. понеслось… Он сразу же становился игривым до неузнаваемости… скакал как козел с одного конца участка на другой… Под ливнями и ураганами он чувствовал себя прекрасно… Этот костюм арлекина производил на него магическое действие… Он был забавен, настоящий живчик!

Англичане смешны, у них нелепый вид — помесь священника со школяром… Двусмысленность — их вторая натура… Они ее любят… Ему ужасно хотелось, чтобы мне тоже купили ли-

врею и нарядили чемпионом «Meanwell College»! Чтобы я больше не позорил их ряды на прогулке, на футболе… Он даже показал мне письмо, которое писал моему отцу по этому поводу… Может, он хотел немного заработать? Небольшой бизнес? Было что-то подозрительное в том, как он настаивал… Увидев это послание, я и глазом не моргнул… Я лишь ухмыльнулся… «Посылай, посылай, старый хрыч, ты плохо знаешь моих родителей!.. Они любят деньги гораздо больше, чем спорт…» Конечно, он этого не понимал!.. И продолжал стараться… Они будут тянуть… откладывать!.. Это будет забавно!..

Теперь после завтрака больше не было ни молитв доброму Господу, ни завываний!.. Все собирались… и по двое взбирались на холм рядом с нами, совершенно размокший, крутой, ползли через нагромождение оврагов… Шествие колледжа замыкал я вместе с мадам Мерривин и идиотом, он шел между нами… Мы несли его лопатку и ведро, чтобы он мог делать куличи из грязи, большие, расползающиеся. Это его немного успокаивало… Не было ни зонтиков, ни плащей… Ничего, чтобы защититься от ливней… Если бы не грязь, тяжелая, как свинец, нас унесло бы к птицам…

Во время футбольного матча я занимал удобную позицию, защищал ворота… Это позволяло мне думать… Я не любил, чтобы меня беспокоили, и пропускал почти все… По свистку сопляки бросались в свалку, вспахивали грязь, выворачивая ноги, сцеплялись в ком и катались по глине, падали, залепляли себе глаза и волосы грязью… К концу занятия это уже были не наши мальчики, а настоящие ошметки грязи, глиняные комья… с которых свисали куски птичьего помета. Чем плотнее и гуще облепляла их грязь, тем более счастливыми и довольными они казались… Они излучали счастье сквозь слипшуюся ледяную корку.

Они страдали только от одного — от отсутствия соперников… Соперников найти было трудно, особенно поблизости. По правде сказать, единственной командой, каждый четверг выступавшей против нас, были мальчишки из благотворительного заведения «Pitwitt Academy», находившегося за мостом через Струд, группка жалких прыщавых брошенных ублюдков… Они были ужасно тощие, еще легче, чем наши… Казалось, они вообще ничего не весили, с первого же мало-мальски сильного удара их уносил ветер, они улетали вместе с мячом… Чтобы они не пада-

ли, их приходилось поддерживать… Им забивали двенадцать мячей против их четырех… Регулярно. Это вошло в привычку… При малейшем недовольстве и ропоте с их стороны мы, не колеблясь ни секунды, задавали им ужасную трепку… Так уж было заведено… Если они начинали бить по воротам немного чаще, чем обычно, наши мальчишки становились жестокими… Они орали, что их обманули… и отыскивали виноватых… Потом затевали драки… вечером, вернувшись домой, они дружно это обсуждали… после молитвы, когда старик запирал дверь, минут пять переругивались… Виноват был Джонкинд… Пенальти был назначен из-за его выходок… Он получал взбучку… и основательную… Решетку поднимали, его вытряхивали из кровати, растягивали на полу, как краба, и десять человек принимались сильно хлестать его ремнями, даже пряжками… Если он орал слишком громко, на него наваливали матрац, и все начинали по нему прыгать, ходить и топать… Напоследок его хорошенько трахали все по очереди, чтобы научить хорошим манерам… до того, что он уже не мог издать ни одного звука…

На следующий день он не стоял на ногах… Мадам Мерривин была очень озадачена, она не

могла понять своего слюнявчика… Он не повторял: «No trouble!..» Он валился за столом в классе… Еще три дня он был совершенно невменяем… Но он был неисправим, его приходилось связывать, чтобы он вел себя спокойнее… Его нельзя было подпускать к воротам… Как только он видел приближающийся мяч, он переставал владеть собой и бросался вперед, увлекаемый своим безумием, прыгал на мяч, вырывал его у вратаря… Он убегал с ним раньше, чем его успевали остановить… В эти минуты он действительно становился одержимым… Он бежал быстрее всех… «Ура! Ура! Ура!..» — вопил он и бежал без остановки до самого подножия холма, догнать его было трудно. Он врывался в город. Часто его ловили в лавках… Он бил витрины. Сбивал вывески… В него вселялся демон спорта. Его причуды становились опасными.

* * *

В течение трех месяцев я не проронил ни звука; я не сказал ни «ух»! ни «ах»! ни «уф»!.. Не сказал «yes»… Не сказал «no»… Я не сказал ни слова!.. Я был героем… Я ни с кем не говорил. Я чувствовал себя просто прекрасно…

В дортуаре продолжались коллективные занятия онанизмом… Сосали… Меня очень интересовала Нора… Но это были лишь фантазии…

С января по февраль стоял ужасный холод и такой сильный туман, что мы едва находили дорогу, когда возвращались с тренировки… Ориентировались на ощупь.

Старик оставил меня в покое, он больше не приставал ко мне. Он понял мою натуру… Он надеялся на мой здравый смысл… Что я начну занятия попозже, постепенно… Но это меня не интересовало… Предстоящее возвращение в Пассаж нагоняло на меня тоску. Я дрожал от мысли об этом уже за три месяца вперед. Стоило мне подумать об этом. Как у меня начинался жар… Черт побери! Снова придется говорить.

Физически мне не на что было жаловаться,

с этой точки зрения я прогрессировал. Я еще больше окреп… Мне все прекрасно подходило: суровый климат, низкая температура… Я стал от этого еще сильнее, если бы мы лучше жрали, я стал бы здоровым, как атлет… Я бы всех тогда сбросил вниз.

Тем временем прошли две недели… Вот уже четыре месяца, как я молчал. Тогда Мерривин как будто внезапно испугался… Однажды после полудня, возвратившись после занятий спортом, я увидел, как он схватил бумагу и начал судорожно писать моему отцу… Идиот… Ах! ничего лучше он придумать не мог!.. Когда прибыл почтальон, я получил целых три письма, очень сжатые, которые показались мне крайне мерзкими… сплошь напичканные, нашпигованные тысячами угроз, ужасных проклятий, оскорблений на греческом и латыни, категорическими требованиями… упреками, различными анафемами, бесчисленными ругательствами… Он расценивал мое поведение как адское! Апокалипсическое!.. Я был уничтожен!.. Он посылал мне ультиматум: я должен был сейчас же погрузиться в изучение английского языка, во имя строжайших принципов, самых ужасных жертв… тысяч лишений, длительных страданий, и все только ради моего спасения!

Эта грязная тварь Мерривин был жалок, ужасно смущен, ужасно взволнован из-за того, что спровоцировал весь этот поток… Ему это удалось! Теперь оковы были порваны… Это был настоящий беспредел!.. Я почувствовал отвращение, которое невозможно описать, когда снова увидел на столе все гадости своего папаши, черным по белому… В письменном виде это было еще отвратительнее…

Он оказался порядочной сволочью, этот мудило Мерривин! Еще гаже, чем все эти мальчишки, вместе взятые! И еще более тупой и упрямый… Я был уверен, что он не замечает меня через свои очки.

* * *

Если бы он вел себя тихо и спокойно, я бы остался на шесть месяцев, как договаривались… А теперь, когда он все испортил, это стало вопросом недель… Я замкнулся в молчании. Он меня ужасно раздражал… Если я уеду, ему же хуже… Для его заведения это было разорением! Он сам этого хотел, сам спровоцировал! Дела в «Meanwell College» далеко не процветали… Даже со мной спортивная команда была неполной. Он не закончит сезон.

После новогодних каникул четверо не вернулись… Команда колледжа уже не могла играть в «football», даже если выпустить на поле Джонкинда… Колледж не мог больше существовать… Оставалось восемь сопляков… Он постепенно разорялся… «Питвиты» все больше наглели, даже притом, что были легче перышка и в два раза хуже питались… Все уезжали… Они уже не боялись поражения… Колледж едва держался… Футбола уже не было, это упадок!.. Старика от этого пробрал понос!.. Он еще делал какие-то усилия. Спрашивал меня по-французски… не

хочу ли я ему что-нибудь сказать, пожаловаться… Не обижают ли меня мальчишки?.. Этого только не хватало! Не слишком ли у меня мокрые башмаки?.. Может, мне готовить отдельно?.. Я бы не прочь, но мне было стыдно перед Норой изображать капризника и идиота… На самом деле самолюбие важнее… Раз решил, нужно держаться… По мере того как они теряли учеников, я становился все более необходимым… Мне делали тысячи авансов… улыбались… заискивали… Мальчишки из кожи вон лезли… Маленький Джек, тот, что по вечерам изображал собаку, приносил мне конфеты… и даже листочки кресс-салата, крошечные… с привкусом горчицы… жесткие, как ости… они торчали из заплесневевших ящиков на подоконниках…

Старик убедил их всячески мне угождать… Чтобы удержать меня хоть до Пасхи… это был вопрос спорта, чести колледжа… если я уеду раньше, команда пропадет… она больше не сможет играть с «Питвитами»…

Чтобы еще более облегчить мне жизнь, меня освободили от учебы. В классе я всех развлекал… Все время хлопал партой… Смотрел в окно на туман и на движение в порту… Я щелкал каштаны и орехи, играл в морской бой… строил большие па-

русники из спичек… Я мешал другим учиться…

Идиот держался почти так же, правда, еще запихивал ручки себе в нос… Часто вставлял себе две, иногда четыре в одну ноздрю. Он запихивал туда все, что ему попадалось под руку, орал… Пил чернила… Ему полезнее было гулять… Он рос, и присматривать за ним становилось все труднее… Мне было немного жаль покидать класс. Я не учился, но мне было хорошо, мне нравились английские интонации… Приятные, благозвучные, гибкие… Как музыка из другого мира… Я не старался учиться… Мне это было нетрудно. Отец все время повторял, что я глуп и непробиваем… Значит, это было закономерно… Мне все больше и больше нравилось одиночество… Я чувствовал в себе упорство, силу… Конечно, они должны были покориться, прекратить ко мне приставать… Они начали потакать моим инстинктам, наклонностям к бродяжничеству… Я мог гулять сколько угодно по горам и деревням с идиотом, его тележкой и игрушками…

Как только начинались занятия, мы с Джонкиндом и хозяйкой отправлялись в деревню… Возвращались обратно через Чатем — надо было кое-что купить. Идиота держали за веревку, привязанную к поясу, чтобы он не убежал на улицу…

А сбежать он мог… Спускались в город, шли вдоль витрин, осторожно, остерегаясь лошадей, отскакивая от колес…

Делая покупки, мадам Мерривин пыталась заставить меня понять надписи в лавках… чтобы я начал учиться помимо своей воли… просто так, безо всякого напряжения… Я позволял ей говорить… Я смотрел только ей в лицо, особенно меня притягивала улыбка… в ней было что-то задорное, вызывающее… Мне хотелось поцеловать ее в это место, около рта… это меня жестоко мучило… Я шел сзади… Я пялился на ее талию, покачивающиеся бедра… На рынок мы несли большую корзину… Она походила на колыбель… Мы с Джонкиндом держали ее за ручки. Загружали продукты на целую неделю… Все утро продолжались разные покупки. Издалека я заметил сосульку, Гвендолину. Она все продолжала жарить пирожки, переменила только шляпу, на ней было еще больше цветов… Я отказался проходить там… Даже не пытаясь объяснить… Если Джонкинд простужался, мы оставались в колледже, тогда Нора ложилась в салоне на софу и погружалась в чтение, всюду были разбросаны книжки… Это была деликатная женщина, настоящая мечтательница, наш грациозный ангел…

Она не пачкала себе рук, не готовила, не убирала постелей, не подметала… Когда я приехал, там жили две служанки: Флосси и Гертруда, на вид довольно тупые… Как они туда попали? Либо по глупости, либо по болезни… Обе не первой молодости… Я все время слышал, как они копошатся, они подслушивали на лестницах, иногда грозили друг другу метлами… Однако не слишком старались… В углах было очень грязно…

Флосси тайком покуривала, я однажды накрыл ее в саду… В доме ничего не стирали, все белье отвозили в город, в специальную прачечную, находившуюся у черта на куличках, еще дальше, чем казармы. В эти дни у нас с Джонкиндом не было отдыха, мы поднимались, спускались с холма много раз, с огромными тюками… Кто больше и быстрее принесет наверх… Такой спорт я понимал… Это напоминало мне дни, проведенные на Бульварах… Когда ливень становился таким тяжелым и мощным, что казалось, небо обрушивается на крыши, низвергается смерчами, каскадами, бешеными струями, наши выходы превращались в фантастические путешествия. Мы держались рядом, втроем, чтобы противостоять потоку… Нора, ее формы, груди, ляжки… Можно было подумать, что вода твердая, настоль-

ко могучим был ливень, одежда прилипала к телу… Вперед продвигаться было невозможно… Тем более, подняться по лестнице, что вела на нашу скалу… Приходилось поворачивать к садам… делать крюк мимо церкви. Мы останавливались перед часовней… под портиком… ждали, пока кончится ливень.

Идиот радовался дождю… Он нарочно выходил из укрытия… Подставлял свою физиономию под потоки воды… Широко открыв рот… Он глотал капли, веселился… он дрожал, впадал в буйство… Танцевал джигу по лужам, прыгал, как нечистая сила… Ему хотелось, чтобы мы тоже танцевали… Так у него проходил приступ… Я начинал его понимать… Успокоить его было сложно… Приходилось дергать за веревку… привязывать его к ножке скамейки.

* * *

Я-то знал своих родителей, номер с разноцветным спортивным комплектом не мог пройти, я уже заранее веселился… Ответ был получен с опозданием, они не сразу пришли в себя. Они испускали истошные крики, предполагали, что я издеваюсь над ними и изобретаю увертки, чтобы замаскировать безумные расходы… Из всего они сделали единственный вывод: я не выучил английскую грамматику, потому что целыми днями гоняю в футбол. Таково было их последнее слово!.. Последняя отсрочка!.. Произношение не имеет значения!.. Сойдет любое!.. Только бы меня можно было понять, этого совершенно достаточно… Нора с хрычом еще раз прочитали письмо… Оно так и осталось раскрытым на столе… Некоторые места они не поняли… Оно показалось им странным, необычным… Я ничего не стал объяснять… Уже четыре месяца я был здесь, и из-за спортивного костюма не стал бы разводить пошлую болтовню… И все же это их занимало… Даже Нора казалась озабоченной тем, что я не хотел одеться по-спортивному, в униформу с

раскрашенными нашлепками… Без сомнения, во время прогулок по городу это служило рекламой для «Meanwell». Что же касается самого высокого и самого разболтанного из всех… Мое появление на улицах позорило колледж. Наконец их просьбы… меня немного смягчили… я согласился на компромисс… примерить то, что починили… то, что Нора составила из двух старых костюмов своего старикана… Сложная комбинация… меня замечательно прикинули… я стал еще более нелепым, бесформенным, безликим, но это избавляло меня от приставаний… Тогда же мне досталось украшенная двухцветным гербом крошечная оранжевая каскетка, похожая на ермолку… На моей огромной тыкве она выглядела довольно забавно… Но каскетка казалась им необходимой для престижа заведения… Таким образом, приличия были соблюдены… Теперь я мог свободно гулять, никого не оскорбляя своим видом…

Я гулял, и ко мне не цеплялись… Я считал, что это главное, лучше ничего и быть не может… Если бы они очень настаивали, я бы надел и цилиндр… только чтобы доставить им удовольствие… Один такой у них имелся для посещения воскресной мессы… Она сопровождалась криками: «Сесть! Встать!» Моего мнения никто не

спрашивал… меня просто водили на службы… чтобы я не скучал дома один… К тому же нужно было присматривать за Джонкиндом… со мной и Норой он держался довольно смирно…

В церкви Нора казалась мне еще прекрасней, чем на улице, так мне казалось, по крайней мере. Под звуки органа в полусвете витражей ее профиль ослеплял меня… Я и сейчас как будто вижу ее… Уже много лет я вижу ее всякий раз, когда захочу. Плечи, шелковый корсаж, эти линии, эти очертания, изгибы тела — жестокие картины, нежность которых так трудно вынести… Да, я млел от наслаждения, пока наши ублюдки орали псалмы Саула…

В воскресенье после полудня, когда снова начинались гимны, я стоял на коленях рядом с ней… Старик долго читал, а я сжимал свой член двумя руками в глубине кармана. Вечером после мечтаний желание достигало наивысшей силы… Мальчишка, который сосал меня по воскресеньям, вечером был готов, он был удовлетворен… Но этого мне не хватало, я хотел бы ее, ее всю целиком, черт побери!.. В этом все очарование ночи… она приходит и сопротивляется вам… нападает на вас… увлекает вас… Вынести это невозможно… Из-за видений, которые меня одо-

левали, в голове все перепуталось… В столовой нам давали жрать все меньше, и я все больше был вынужден собирать крошки… В спальне же было так холодно, что едва старик уходил, мы снова натягивали одежду…

Фонарь под нашим окном, тот, что зажигали в ураганы, скрипел не переставая… Чтобы было теплее, ложились по двое… Дрочили нещадно… Я был безжалостен, я как будто взбесился, особенно когда приходилось защищаться от приступов воображения… Я буквально пожирал Нору во всей ее красоте, все ее изгибы… Я разрывал ее на части. Я готов был вырвать ей дырку, впиться зубами во внутренности, выпить изнутри весь сок… высосать все, ничего не оставить, всю кровь до капли… Мне больше нравилось разорять постель, полностью сбрасывать белье… чем гулять с самой Норой или с какой-нибудь другой! Я понял: для тех, кто влюблен, аромат дырки, жопы — это настоящая фарандола! Каскад! Пропасть, дыра!.. Я душил его, этот кран… Я скручивал из него нечто вроде спирали, но он не извергался… А! ну нет! Несчастный, жалкий, вымокший, настоящий червяк!.. К чертям скотские признания!.. Уа! Уа! Я люблю тебя! Я обожаю тебя! Шмяк! Шмяк! Не надо больше стесняться, это праздник! Наслаждаемся!

Конфетка! Невинность!.. Еще совсем крошечным я понял, что такое кайф! Интуитивно! Я плыву! В гондоле! Нынче в моде Падаль!.. Я гребу вперед, весла у меня в ширинке! Дин-дин-дин! Я не хочу подыхать импотентом! Со стихами в глотке! Шмяк!

Кроме моих обычных бдений, я испробовал и другое… Лукавый дух трахания карабкался по всем тропинкам, прятался за каждым кустом… Мы избороздили огромные пространства с идиотом и красоткой, я прошел все деревни Рочестера…

Мы изучили все долины, все дороги и мосты. Я часто смотрел на небо, чтобы отвлечься. При приливах оно меняло цвет… Во время затишья на земле на горизонте появлялись совсем розовые облака… а потом поле становилось голубым…

Город был расположен так, что крыши домов как бы перекатывались по берегу реки, можно было подумать, что это лавина, животные… огромное черное стадо, сгрудившееся в тумане, спускающееся из деревни… Все это дымилось в желтой и сиреневой измороси…

Напрасно она шла в обход и делала долгие остановки, это не располагало меня к признаниям… даже когда прогулки продолжались часами, даже

когда мы возвращались домой по маленьким улочкам… Однажды вечером, уже переходившим в ночь, на мосту через Струд… Мы просто смотрели на реку… на водовороты у пролетов… вдали слышались колокола… очень далеко… из деревень… Тогда она взяла мою руку и поцеловала ее… Я был очень взволнован и позволил ей это… Я не шелохнулся… Никто не мог видеть… Я ничего не сказал, я стоял неподвижно… Она ни о чем не догадалась… Главное, что я устоял… Чем дороже мне это обходилось, тем сильнее я становился… Ей не разбудить во мне вампира! будь она даже в тысячу раз смазливее! Начнем с того, что она спала с другим, с этой макакой! Чем ты моложе, тем отвратительнее кажутся трахающиеся старики… Если бы я заговорил с ней, я попытался бы узнать, почему он? почему он, такой уродливый? В этом была какая-то несоразмерность!.. Возможно, я немного ревновал?.. Без сомнения! Но в самом деле на это невозможно было спокойно смотреть… с его короткими ручками… болтающимися, как культи… без начала… без конца… Он так ими размахивал, что казалось, их у него десяток… Стоило на него посмотреть, как тебя коробило… Он без остановки то прищелкивал пальцами, то похлопывал руками, то снова принимался вра-

щать ими, то скрещивал их… на секунду… Потом — фррр! Снова…

Она, напротив, излучала гармонию, все ее движения были совершенны… Это было настоящее очарование, мираж… Когда она проходила из одной комнаты в другую, в душе как бы образовывалась пустота, грусть опускалась на этаж ниже… Она могла бы быть более озабоченной, чаще показывать свое плохое настроение. В первое время я всегда видел ее довольной, терпеливой, неутомимой с этими говнюками и идиотом… Они далеко не всегда были забавны, это зависело от ситуации… с ее красотой она спокойно могла бы выйти замуж за денежный мешок… Она, должно быть, была очарована… возможно, она дала обет. А он точно был небогат! Это обстоятельство не давало мне покоя, я не переставал думать об этом…

Идиот доставлял Норе множество хлопот, от которых к концу дня можно было свалиться… Вытирать ему сопли, следить, как он мочится, каждый миг удерживать его, чтобы он не попал под машины, не сожрал, не проглотил невесть что — это было настоящей каторгой…

Она никогда особенно не торопилась… Как только погода стала чуть менее мерзкой, мы начали возвращаться еще позже, гуляя по деревне

и берегу реки… Джонкинд пускал слюни на прогулке гораздо меньше, чем дома, где постоянно таскал различные предметы и воровал спички… Стоило хоть ненадолго оставить его одного, как он поджигал занавески… Безо всякого злого умысла, ибо он сразу же прибегал нас предупредить… Он был в восторге от маленьких язычков пламени…

Лавочники в округе хорошо знали нас, потому что часто видели, как мы проходим… Это были «grocers»… так называлось что-то вроде бакалейной лавки… Я все же выучил это название… Они устанавливали в витринах горы из яблок и свеклы, а на прилавках настоящие поля шпината… Все это нагромождалось до самого потолка… из лавки в лавку… цветная капуста, маргарин, артишоки… Джонкинд был счастлив, когда видел все это. Он бросался на круглую тыкву и впивался в нее зубами, как лошадь…

Меня поставщики тоже считали чокнутым… Они спрашивали обо мне у нее… они делали знаки Норе за моей спиной… Пальцем вот так, около головы… «Better? Better?» — шептали они. «No! No!» — грустно отвечала она… Мне не было лучше, Боже мой! Никогда мне не будет better!.. Подобные манеры мне не нравились!.. Жалость… Забота…

Во время походов за покупками я всегда обращал внимание на один занятный факт… и это меня очень интересовало… Бутылки с виски… Их брали по меньшей мере одну или две в неделю… а часто еще больше — бренди… На столе же я их никогда не видел!.. ни в приемной! ни в стаканах!.. ни капли!.. Мы все регулярно пили совершенно чистую воду… Куда же тогда девалась эта выпивка? Разве в доме был еще кто-то? Я в этом сильно сомневался! Я был уверен, что кое-кто здесь здорово прикладывается!.. Распущенный тип, ему-то, наверное, не холодно!.. Ему даже зимой нечего бояться ревматизма!.. Вот!

* * *

Погода становилась лучше, зима кончалась… Она прошла в прогулках, в спортивных состязаниях, беге по пересеченной местности, в ливнях и онанизме…

Чтобы получать дополнительное питание, я разживался у поставщиков… Они считали меня таким невинным, что даже не опасались меня… Я шпионил, прятался… Я играл в прятки с Джонкиндом за рядами столов, за прилавками. И тибрил понемногу колбасу, яйца, то там, то здесь, пару печений, бананы… разные мелочи… И ни разу меня не застукали…

В марте снова заладил дождь, небо стало тяжелым, оно действовало на нервы, до такой степени, что к концу месяца просто давило нас… Оно висело над всем, на домах, на деревьях, оно обрушивалось на землю… и ты, весь мокрый, идешь по нему в облаках, в измороси, в обломках… Гадость!

Самое дальнее место, куда мы ходили гулять, находилось за Струдом, за лесами и холмами, огромные частные владения, где разводили

фазанов. Они были не дикие, прогуливались в огромном количестве и, как куры, рылись на большой лужайке вокруг наклонившегося памятника, огромного куска угля, установленного стоймя, великолепного, размером с дом… Он возвышался над окрестностями… Дальше никогда не ходили… Не было дороги…

Набережные в нижней части города были местом, куда меня очень тянуло, особенно в субботу вечером, но туда я не мог пойти один… Просить Нору доставить мне это удовольствие не имело смысла, она и так проходила там довольно часто… Это был большой крюк, особенно для Джонкинда, он спотыкался среди тросов, несколько раз чуть не упал… В общем, предпочтительнее было прогуливаться наверху в поле, где все опасности видны издалека: большие собаки, велосипеды…

Однажды, просто так, в поисках приключений, мы взобрались на другой холм, что поднимался к 15-му бастиону… по ту сторону кладбища… бастиону, где каждый четверг упражнялись шотландцы, восемнадцатый полк… Мы видели, как они сражаются, они делали это всерьез… В сопровождении ужасных звуков волынок и труб. Они так вспахали поле, что увязали в нем все глубже… Они зарывались почти до плеч… И должны были

скоро закопаться полностью…

Наша прогулка продолжалась, мы шли через овраг… И на самой середине луга заметили настоящую стройку, приблизились… Вокруг было полно рабочих! Они строили огромный дом… Мы взглянули на забор… Там была надпись огромными буквами… ее нетрудно было прочитать… Это тоже колледж… Великолепный участок… чудесное местечко между лесом и виллами… и еще лужайка для занятий спортом, по меньшей мере раза в четыре больше нашей… Дорожки уже были проложены, засыпаны… в каждом углу поставлены флажки… намечены ворота… В общем, все было готово… Судя по всему, строительство не должно было затянуться: было построено уже три этажа… В компаньонах явно недостатка не было… Название было написано красными буквами: «The Hopeful Academy»[67] для мальчиков всех возрастов… Вот так сюрприз!..

Нора Мерривин не могла прийти в себя… Она буквально застыла на месте… Наконец мы потихоньку тронулись. Она торопилась рассказать об этом своему козлу… Их дела мне были до лампочки, но все же и я понимал, что для них это

---

[67] Примечания: 67
Академия юных дарований.

было настоящей трагедией!.. Ужасный удар!.. Весь день не было видно ни его, ни ее… Я сам кормил Джонкинда за столом после всех остальных мальчишек…

На следующий день Нора была все еще бледная, она совсем растерялась, она, обычно такая любезная, такая жизнерадостная, сдержанная, жестикулировала почти как он, как деревянная, она, должно быть, не спала, она не могла усидеть на месте, то вставала, то поднималась по лестнице… то опять спускалась, чтобы побеседовать с ним… То уходила опять…

Старик оставался неподвижен, он даже не моргал, он сидел как пень, как оглушенный. Он смотрел перед собой в пространство. Он не ел, только пил кофе… Он глотал его целыми чашками, без остановки… Между глотками он бил себя в правую ладонь левым кулаком вот так, неистово… Птап! Птап! и это было все…

Примерно два дня спустя он поднялся с нами почти до самых «шотландцев»… Он хотел убедиться сам… Благоустройство в «Hopeful» продолжалось. Они уже принялись за дорожки… подстригли лужайку для крикета… У них было две площадки дли игры в теннис и даже маленький миниатюрный гольф… Это точно должно

было открыться к Пасхе…

Тогда старый хрыч начал суетиться вокруг ограды… Он хотел взглянуть сверху… Он был карликом… И плохо видел… Он пялился в щели… Мы нашли лестницу… Он сделал нам знак идти дальше… мол, он нас догонит на нашем участке… Он вернулся… Но больше не прыгал. Он сел возле своей жены, он был в прострации, у него перед глазами стояли чудеса из «Hopeful Academy».

Я-то понимал, что такое конкуренция! Наши мальчишки уже и так убегали!.. А они знали только «Минвелл»… Что же теперь?.. Что их удержит?.. Это был полный крах!.. Я не мог понять, о чем именно разговаривали папаша и мамаша, но тон был мрачный… Каждый день мы ходили смотреть, как возводился эшафот… Они строили две стенки для отработки ударов… Это был какой-то разгул роскоши… Старик, наблюдая это великолепие, в смятении засунул себе пальцы в нос, сразу три… За столом он все время пребывал в прострации. Он уже не видел перед собой будущего… У него остывал его «gravy»[68]… Он с такой силой тряс своей челюстью, что она в один прекрасный момент выскочила… Он положил ее

---

[68] Примечания: 68
Соус.

на стол, как раз рядом со своей тарелкой… Он уже ничего не понимал… Он продолжал бормотать обрывки молитв и мыслей… Вдруг он сказал: «Amen! Amen!» Потом внезапно поднялся… И бросился к двери. Он поднялся через четыре ступеньки наверх… Тогда мальчики вскочили… Челюсть оставалась на столе. Нора больше не решалась ни на кого смотреть… Джонкинд уже подался вперед, наклонился, истекая слюной, и всосал челюсть папаши… Никогда они так не смеялись. Пришлось заставить его выплюнуть ее.

* * *

На дисциплину наплевали. Мальчишки делали что хотели… Старик не осмеливался ничего им сказать… Нора тем более, ни дома, ни на улице… Для игр нас оставалось только десять, и, чтобы составить команду, в четверг собирали мальчишек в городе, маленьких сопливых бродяжек… Нужно было продержаться до Пасхи…

Дни стали намного длиннее… Чтобы мои родители запаслись терпением, я писал им открытки, я выдумывал всякую чушь о том, что я начинаю говорить… Домашние меня поздравляли… Почти пришла весна… Джонкинд подхватил насморк… и кашлял целых пятнадцать дней… Больше мы не решались прогуливать его так далеко. После полудня мы сидели на откосе у замка-крепости, огромной развалины, наполненной эхом, пещерами и подземными камерами… В дождь мы укрывались под ее сводами вместе с голубями… Это были их владения, сотни голубей, совсем ручных и смирных… они ворковали прямо в руке, эти маленькие твари очень забавны, они ковыляют, косятся на вас и моментально начинают вас

узнавать… Джонкинду еще нравились бараны, он смеялся, скакал за ними, ковыляя и спотыкаясь. Он катался с ними в грязи и блеял, как и они… Он радовался, млел… превращался в настоящее животное… Он возвращался насквозь мокрым. И кашлял еще восемь дней…

Грозы гремели все чаще, дули новые бризы, распространялись нежные и чарующие запахи… Повсюду в лугах трепетали лютики и маргаритки… Небо опять поднялось к себе и удерживало облака. Кончилась капающая без остановки, блевотная, выплескивающаяся на землю каша… Пасха приходилась на май, мальчишки сгорали от нетерпения… Они собирались повидать своих родителей. Тогда я тоже должен буду уехать… Мое пребывание подходило к концу. Я тихонько готовился… Тут получили специальный конверт, письмо от моего дяди с деньгами и парой слов… Он писал мне, чтобы я остался и потерпел еще три месяца… Что так будет лучше… Он был добрым, дядя Эдуард! Это был чудесный сюрприз!.. Он сам сделал это… От чистого сердца. Он хорошо знал моего отца… И не сомневался, что скандалы начнутся сразу же, как только я приеду, как последний негодяй, ничего не выучив по-английски… Это действительно было очень

неприятно…

Конечно, я был бунтарь, очень неблагодарный и упрямый… Я мог бы немного постараться… от меня ничего бы не убыло… чтобы доставить ему удовольствие… Но стоило мне хоть немного уступить, как я чувствовал, что желчь заполняет мне весь рот… вся мерзость поднимается во мне… отвратительное месиво… Настоящее дерьмо! Я ничего не выучу!.. Я вернусь еще большей сволочью, чем раньше!.. Я заставлю их вопить еще сильнее!.. Уже несколько месяцев, как я не проронил ни слова!.. Ах! Да, это так! не говорить ни с кем! Ни с тем! ни с другим!.. Нужно сосредоточиться… Открывать свою пасть только для жратвы. Самая подходящая работенка, по моему мнению!.. Ты постепенно каменеешь! Я мог бы молчать годами! Прекрасно! Стоило только мне подумать о Горложе, малыше Андре, Берлопе и даже о Дивонн и ее пианино, ее восьмых, ее путешествиях на Луну… Черт возьми! Время здесь было бессильно!.. Они вставали передо мной как живые, и со временем я начал видеть их еще более отчетливо… Ах!.. Они застряли у меня в башке с тысячью подробностей, шуток, подзатыльников. Черт их подери! Вместе со всеми их подлостями, дружескими чувствами и мудозвон-

ством их, и баб с их чарами!.. Что же мне делать? Что? Думать о пустяках? «Ever and ever[69]»! как тот маленький слизняк?.. Amen! Amen! Козлы!.. Я повторял их гримасы… я подражал им, оставаясь в одиночестве! Я корчил рожу, как Антуан, когда тот ссал в уборной… Это я ссал на его рожу… Язык! Язык! Говорить? Говорить? Что тут будешь говорить?

[69] Примечания: 69
Во веки веков.

* * *

Я еще никогда не видел Нору в светлом наряде, в обтянутом корсаже, розовый сатин… он хорошо обрисовывал грудь… Движения бедер… просто ужасно… Покачивания, магия ляжек…

Приближался конец апреля… Она еще раз попробовала развеселить и завоевать меня… Однажды днем я был удивлен, что она идет на прогулку с огромной толстой книгой… похожей по весу и размеру на Библию… Мы пришли в наше обычное место… устроились… Она открыла книгу на коленях… Я не мог удержаться от того, чтобы не посмотреть… На мальчишку Джонкинда она произвела магическое действие… Он уткнулся в нее носом… И не мог оторваться… Краски заворожили его… Эта книга была полна картинок, чудесных иллюстраций… Не нужно было уметь читать, чтобы сразу все понять… Я видел принцев, длинные копья, рыцарей… пурпур, зелень, гранаты, кольчуги в рубинах… Весь этот тарарам!.. Вот это работа!.. Это было неплохо выполнено… Я знал в этом толк.

Она не спеша переворачивала листы… И на-

чала рассказывать… Ей хотелось прочитать нам каждое слово… Ее пальцы притягивали меня, они были… как лучи света… на каждой странице… Я готов был облизать… проглотить их… Меня удерживало только очарование… Но несмотря ни на что… я не произнес ни слова… Я смотрел книжку молча… Я не задал ни одного вопроса… Не повторил ни единого слова… Джонкинда больше всего поразил прекрасный позолоченный обрез… он ослепил его. Он рвал маргаритки, возвращался и осыпал нас ими, он сыпал их на поля книги… Две самые замечательные страницы были в середине книги… Во всю ширину было представлено необыкновенное столпотворение, целая битва… Верблюды, слоны, тамплиеры в бою… Разгром кавалерии!.. Разгром варваров!.. В самом деле, это было замечательно… Я едва мог сдержать свое восхищение… Я едва не заговорил… Едва не стал интересоваться подробностями… Цыц!.. Я спохватился и помрачнел!.. Скотство! Ни секунды больше!.. Все же я даже не произнес «уф!..». Я сел на газон… Черт побери, с меня довольно! Истории!.. На них у меня был иммунитет!.. Разве недостаточно малыша Андре? Любимца пидоров?.. Разве не из-за него я лез наверх? Много раз?.. Падаль!.. Разве я не рассказывал ему Легенду?.. А

мое унижение? Кстати? Нет? Стоит только втянуться, куда это потом заведет?.. Пусть из меня больше не делают дурака! Пусть меня оставят в покое!.. Мне нужен только мой суп и мой лук!.. Еда меня интересует больше, чем всякие истории!.. Гм! Это надежней! Это гарантировано!.. Я еще раз доказал ей, что я мужчина, и убежал с Джонкиндом, я оставил ее одну читать свою книжку… В одиночестве среди трав…

Мы сбегали с идиотом к речке… И вернулись мимо голубей… Вернувшись, я взглянул на ее лицо… Она спрятала свои картинки… Конечно, она считала меня тупым… Она наверняка огорчилась… Она не торопилась возвращаться… Мы шли совсем медленно… Остановились у моста… Уже пробило шесть… Она смотрела на воду… Medway — бурная река… В сильные приливы она неукротима… На ней большие буруны. Мост весь трясется в водоворотах… Вода ревет, издает глухой шум… задыхается в больших желтых воронках…

Нора наклонилась над ней, а потом опять быстро подняла голову… Она смотрела туда, вдаль, на день, гаснущий за домами на берегу… Отсвет упал на ее лицо… Грусть задрожала в ее чертах… И охватила все ее существо, ее невозможно было

сдержать… Это заставило ее закрыть глаза…

* * *

Как только «Hopeful Academy» была построена, сразу же начались отъезды… Все, кто хотел смыться, даже не стали дожидаться Пасхи… Шестерых экстернов, которые уже с конца апреля не могли сдержать своего нетерпения, и еще четверых пансионеров приехали и забрали их папаши… Они считали, что «Meanwell College» недостаточно хорош… Они сравнивали его с тем ослепительным домом…

«Hopeful» производила неизгладимое впечатление среди всех местных «grounds»[70]. Туда стоило съездить из-за одного здания… Целиком из красного кирпича, оно возвышалось над Рочестером, на холме было видно только его… Более того, посреди лужайки они установили мачту, огромную, с большими знаменами и разными сигнальными флажками, реями, вантами, фалами и прочим барахлом для тех, кто хотел изучить маневрирование, такелаж и подготовиться к морской службе… Так я лишился моего маленького онаниста, малыша Жака… Ему пришлось пересе-

[70] Примечания: 70
Территории.

литься, его отец хотел, чтобы он стал моряком… Эти, из «Hopeful», делали блестящую рекламу для подготовки «Navy»…

Из-за потери пансионеров в «Meanwell College» нас осталось лишь пятеро, включая Джонкинда. Оставшимся было уже не до смеха… Должно быть, их счета запаздывали… или они не могли поправить свои оценки и потому не уезжали… Футбольная команда растаяла в восемь дней… Пуговичники, бледные воспитанники «Pitwitt», приходили еще раза два и просили, чтобы их изничтожили. Напрасно им пытались объяснить, что все кончено, они не понимали… Они жалели о своем «12:0». Жизнь утратила для них смысл… У них больше не было соперников… Это их ужасно угнетало… Они ушли к себе в самом мрачном настроении…

«Hopeful boys», пижоны из новой школы, не хотели играть с ними, они сторонились их, как прокаженных… и набивали себе цену… «Питвиты» совершенно опустились… Они играли сами с собой…

За нашим столом в «Meanwell» разыгрывались серьезные драмы, которые становились все острее и беспощаднее… Нора Мерривин творила настоящие чудеса, чтобы достать еду. Служан-

ки исчезли… Сначала старуха Гертруда, а через четыре дня Флосси… Наняли приходящую домработницу… Нора почти не прикасалась к еде… Она оставляла нам мармелад, она даже не притрагивалась к нему, не клала сахар в свой чай, она варила себе овсянку без молока… чтобы нам оставалось больше… Но мне все же было немного стыдно… Когда по воскресеньям подавали пудинг, мы готовы были проглотить ложки… Все тарелки были вылизаны… Мерривин проявлял нетерпение, он ничего не говорил, но он все время нервничал, без конца ерзал на стуле, стучал по столу, сокращал молитвы, чтобы все побыстрее разошлись… Столовая становилась слишком неспокойным местом…

В классе он делал то же самое… Он поднимался на свое возвышение… Надевал свою плиссированную накидку, платье магистра… И сидел за пюпитром, в кресле, весь скорчившись, уставившись на класс… Он то принимался хлопать глазами, то ломал себе пальцы, ожидая, когда пройдет урок… Он больше не говорил с учениками… мальчишки могли делать все что хотели…

Мерривин похудел, у него и так были огромные оттопыренные уши, теперь они превратились просто в настоящие крылышки… Четверо остав-

шихся мальчишек устраивали тарарам, как целый полк… Наконец и это их перестало развлекать… тогда они просто убегали из дома… в сад… на улицы… Они оставляли Мерривина одного и присоединялись к нам на прогулке. Позже его встречали на дороге… в чистом поле… его видно было издалека… Он, согнувшись, очень быстро ехал на огромном трехколесном велосипеде…

«Hello, Nora! Hello, boys!» — кричал он нам, проезжая мимо… На секунду сбавляя темп… «Hello, Peter!» — отвечала она ему очень нежно. Они любезно улыбались друг другу… «Good day, mister Merrywin!» — хором тянули мальчишки… Он устремлялся в нужном направлении. Мы смотрели, как он удаляется, жмет на педали, пока не теряли его из виду. Он возвращался раньше нас…

* * *

По тому, как разворачивались события, я чувствовал, что мой отъезд приближается… Я уже перестал писать… Я больше не знал, что еще сказать, что придумать… Я все взвесил… Мне надоели бесконечные разборки… Игра уже не стоила свеч… Я предпочитал наслаждаться тем, что мне осталось, без писем, которыми меня постоянно травили. Но с тех пор как уехал Жак, в дортуаре было уже не так весело… этот маленький негодяй сосал сильно и умело…

Я слишком много дрочил на Нору, от этого мой член стал совсем сухим… в темноте я вызывал все новые образы… еще более коварные, лукавые, соблазнительные и нежные… Перед тем как уехать из «Meanwell», мне хотелось увидеть, как эта девчонка обрабатывает своего старика… Это давило… Грызло меня, так мне вдруг захотелось полюбоваться на них вместе… Одна только мысль об этом лишала меня покоя. Что же он мог с ней делать?

Я уже закоснел в пороке… Только застать их было не так просто… У них были отдельные ком-

наты… Его комната была направо в коридоре, сразу за газовой горелкой… Там еще было вполне возможно… Но чтобы подсматривать за Норой, пришлось бы выйти с другой стороны дортуара, а потом еще подняться по лестнице… За умывальной… Довольно сложно…

Как же они трахались? Это происходило у него? У нее? Я решился… Я все же хотел удовлетворить свое любопытство… Я ждал слишком долго…

Так как пансионеров оставалось только пятеро, передвигаться можно было довольно легко… Впрочем, старикан уже даже не приходил по вечерам, чтобы сотворить молитву… Мальчишки засыпали очень быстро, как только согревались… Я подождал, пока они заснут, услышал храп и потом влез в штаны, сделав вид, что иду в уборную… и на цыпочках…

Проходя мимо двери хрыча, я резко пригнулся… и очень быстро посмотрел в замочную скважину… Черта с два!.. Ключ не был вынут… Я продолжал свою прогулку… Как будто я иду помочиться… Я быстро вернулся… снова лег… Но это был еще не конец! Я сказал себе: «Теперь или никогда!» В доме не слышалось ни звука… Я сделал вид, что сплю… Я полежал еще несколько минут… весь трепеща, но тихо… Я не сошел с

ума!.. Я хорошо видел свет в форточке… Как раз над его дверью… Как на улице Эльзевир, похоже… Я сказал себе: «Ну, если тебя застукают, малыш, ты должен будешь выслушать множество нудных речей!» Я действовал очень осторожно… Перенес стул в коридор… Если бы меня накрыли в этот момент, я бы прикинулся лунатиком… Я поставил стул вплотную к его двери. И в ожидании ненадолго притаился… Я прилип к стене… И услышал там что-то вроде толчка… Как будто деревянный стук… один… другой… Может, это его кровать?.. Поддерживая равновесие… я пополз миллиметр за миллиметром… тихо-тихо… Я добрался до уровня окошка… А! Вот! Здорово! Я как раз увидел! Увидел все!.. Я увидел моего голубчика… Он лежал… вот так, развалившись в продавленном кресле… Он был совершенно один! Девчонки не было!.. А! он почти нагишом, скажите, пожалуйста!.. Растянулся, ухмыляясь, перед огнем… От этого он был весь ярко-красный! И дышал так, как будто ему жарко… Он был голый до брюха… в одних кальсонах с прорехой спереди… и еще его мантия, та самая, магистерская, в складку, свешивалась сзади до пола…

Огонь живой и сильный… трещал на всю комнату!.. Этот старый мудак был хорошо виден!

полностью освещен!.. Судя по тому, как он выглядел, нельзя было сказать, что ему скучно… на нем был колпачок… нашлепка на члене… А! сволочь! Член качнулся, наклонился… Он схватил его и стал тискать… Он был совсем не такой грустный, как в классе… Он развлекался в одиночестве… Он теребил и раскачивал своего неваляшку! Тот растет! Колосс! Он попытался натянуть на него колпачок… Промахнулся и захихикал… Он не разозлился… Он выронил колпачок… его накидка свалилась… Он с трудом все подобрал… Рыгнул и вздохнул… Он ненадолго оставил свою игрушку… Налил себе большой стакан какой-то жидкости… И стал тихонько потягивать ее. Наконец-то я увидел виски!.. Целых две бутылки рядом с ним на полу… И еще два сифона… рядом с его рукой… и горшок мармелада… полный!.. Он залез туда большой ложкой… Поднес ее ко рту… весь облился… он жрал!.. Он снова принялся за своего неваляшку… опустошил еще стакан… Шнурок от накидки выскользнул у него из рук, обмотавшись вокруг колесика кресла… Он потянул его, запутался… проворчал что-то… он был доволен… Он не мог высвободить свои руки… оказался связан… Он захихикал, грязная скотина… Довольно!.. Я спустился… Тихонько взял стул… Выскочил в ко-

ридор… Никто даже не шевельнулся… Я прыгнул в постель!..

* * *

Кое-как дотянули до пасхальных каникул… Начались серьезные ограничения… на еду… на свечи… на отопление… В течение последних недель мальчишки, те пятеро, что остались, не слушались больше никого… Они делали что хотели… Старик не вел даже занятий… Он оставался у себя… или уезжал совсем один на своем трехколесном велосипеде… на долгие экскурсии…

Прибыла новая служанка… Она продержалась только восемь дней… Мальчишки были просто невыносимы, вели себя ужасно, перевернули всю кухню вверх дном… Приходящая прислуга заменяла горничную, но только по утрам. Нора помогала ей убирать комнаты и мыть посуду… Для этого она надевала перчатки… Она закрывала свои прекрасные волосы вышитым платком, делая из него тюрбан…

После полудня я гулял с идиотом, я занимался им теперь один. Нора больше не могла ходить, ей нужно было готовить… Нам не говорили, куда идти… Распоряжался только я… Мы гуляли, сколько хотели… Проходили по всем улицам, набереж-

ным, тротуарам. Я оглядывался по сторонам в поисках сосульки, мне хотелось ее встретить. Ее и тележки больше не было нигде в городе… Ни в порту, ни на рынке… ни рядом с новыми казармами… Нигде…

Тянулись тихие часы прогулок. Джонкинд был довольно послушным… Только не стоило его волновать… Его нельзя было удержать, например, когда встречались военные, фанфары, громкая музыка… Их было полно в Чатеме… и моряков тоже… Возвращаясь с учений, они выводили затейливые мелодии, победные ригодоны. Джонкинд приходил в исступление… Он вонзался в самую гущу, как дротик… Он просто не мог устоять… Это действовало на него, как футбол… Он буквально уносился вслед за звуками!

Полк — что-то живое и по цвету и по ритму, это хорошо видно на фоне природы… Музыканты были гранатового цвета… Они резко выделялись в небе… среди стен табачного цвета… Шотландцы играли решительно, стройно, сильно, слаженно… Волынки у этих волосатых обезьян звучали очень забавно…

Мы шли за ними до бараков, до палаток в поле… На пути мы находили новые деревни… За Струдом, еще дальше… на другом берегу другой

речки. Мы возвращались мимо школы для девочек за вокзалом и ждали их выхода… Ничего не говорили, просто с вожделением смотрели, таращили на них глаза… Потом снова спускались к Арсеналу, специальному участку для тренировки футболистов… Они готовились к соревнованиям на кубок Нельсона. Они били так сильно, что лопались мячи…

Мы старались вернуться как можно позже… Я ждал, пока совсем стемнеет, чтобы увидеть, как зажигаются все улицы, и тогда шел по High Street, той, что заканчивалась перед ступенями, ведущими к нам. Частенько это было уже после восьми часов… Старик ждал нас в коридоре, он старался ни о чем не думать и читал свою газету…

Как только мы приходили, все садились за стол… Прислуживала Нора… Мерривин больше не разговаривал… Они ничего никому не говорили… жизнь стала по-настоящему спокойной… Джонкинд тут же за ужином принимался пускать слюни. Его утирали лишь под конец.

* * *

Никто из недоносков не вернулся с пасхальных каникул. В «Минвелл» остались только Джонкинд и я. Наша спальня напоминала пустыню.

Чтобы меньше тратить, они закрыли весь этаж. Мебель исчезла, ее загнали за бесценок, предмет за предметом, сперва стулья, а потом столы, два шкафа и даже кровати. Кроме двух наших коек. Полная самоликвидация… Зато жрать стали лучше, никакого сравнения!.. Было варенье! Даже в банках — сколько хочешь… можно было брать добавку пудинга… Изобилие пищи, чудеса… никогда раньше такого не бывало… Нора делала себе большой тюрбан, она не перестала кокетничать. За столом я видел ее очень приветливой и даже, я бы сказал, радостной.

Старик сидел за столом через силу, он очень быстро набивал брюхо и опять уезжал на своем трехколесном велосипеде. Только Джонкинд без умолку болтал, только он один! «No trouble!»[71] Он

---

[71] Примечания: 71
Не беспокойся!

выучил еще одно слово! «No fear!»[72] — выдавал он мне без конца после каждого глотка…

Я не любил, когда мне делают замечания на людях… Я немного наподдал ему… Он хорошо меня понял и оставил в покое… Чтобы утешить его, я давал ему корнишоны. У меня был запас, целые карманы были набиты ими… Это было его любимое лакомство. Такая приманка вынуждала его идти куда угодно… Он бы позволил удавить себя за «пикули»…

Наш салон опустел… Сперва исчезли мелочи… а потом розовый стеганый диван, китайские вазы, а под конец, в завершение, занавески… Посреди комнаты последние 15 дней оставался только большой черный монументальный «Плейель»[73]…

Меня не очень тянуло домой, потому что мы больше не голодали… На всякий случай мы брали с собой припасы, опустошали кухню перед тем, как уйти. Я теперь никуда не торопился. Даже уставая, я лучше чувствовал себя на улице, болтаясь то тут, то там… Мы отдыхали, где придется… Делая последний привал на ступенях или на

---

[72] Примечания: 72
Не бойся!

[73] Примечания: 73
«Плейель» — марка рояля.

скалах у дверей нашего сада… Там, где проходила большая лестница, подъем из порта, почти под нашими окнами… мы сидели с Джонкиндом допоздна, не двигаясь и молча.

Оттуда нам хорошо были видны приходящие и уходящие из порта корабли… Это напоминало настоящую волшебную игру… на воде переливались отблески… удаляющиеся, приближающиеся, еще мерцающие иллюминаторы… Горящая, дрожащая, проносящаяся через крошечные арки железная дорога… Нора, ожидая нас, все время играла на рояле… Она оставляла окно открытым… Ее хорошо было слышно из нашего убежища… Она даже напевала… вполголоса… Она сама себе аккомпанировала… Она пела совсем тихо… Это, в общем, было похоже на шепот… грустный романс… Я еще помню мелодию… Я никогда так и не узнал его слов… Голос тихо поднимался, плыл по долине… Возвращался к нам… В воздухе над рекой он отражался и усиливался… Он был, как птица, ее голос, он бил крыльями, витал повсюду в темноте, как слабое эхо…

Все люди, что возвращались с работы, прошли, лестницы опустели… Мы были одни с «No fear»… Мы ждали, чтобы она прекратила, закончила петь, закрыла клавиатуру… Тогда мы шли до-

мой.

* * *

Рояля не стало. Грузчики пришли за ним в понедельник утром… Его пришлось разобрать на части… Мы с Джонкиндом принимали в этом участие… Они соорудили под окном настоящую лебедку… Но он плохо проходил в окно… Все утро в салоне они растягивали веревки, блоки… Они вытащили огромный ящик через веранду в саду… Перед моими глазами до сих пор стоит этот большой черный шкаф, который поднимается в воздух… над панорамой…

Нора с самого начала работы спустилась в город и все время оставалась там… Может, она к кому-нибудь ходила?.. Она надела свое самое красивое платье!.. Она вернулась очень поздно… И была крайне бледна…

Старик приходил обедать точно в восемь часов… Он поступал так уже несколько дней. После он снова поднимался к себе… Он больше не брился, даже не умывался, он стал грязен, как свинья… Он был очень раздражен. Сидел рядом со мной… Он начал есть и не закончил… Начал рыться в своих брюках, складках, выворачивать

карманы… У него дрожали руки… Он рыгнул… Зевнул… Заворчал… Наконец, нашел бумажник! Это было еще одно послание, и на этот раз заказное… По меньшей мере, уже десятое, полученное от моего отца с начала года… Я ни разу не ответил… Мерривин тоже… Мы были поставлены перед фактом… Он развернул его и показал мне… Я взглянул для очистки совести… Я пропустил множество страниц… Письмо было большое, настоящий документ… Я пробежал его снова. Это был настоящий официальный вызов!.. То, что меня облаивали, было не ново… Нет! На этот раз здесь был билет!.. В самом деле, для возвращения через Фолкстоун…

Терпению моего отца пришел конец! Мы и раньше получали письма! Почти такие же, отчаянные, хрипящие и угрожающие… Старикан складывал их после прочтения в специальную коробочку… Он заботливо сортировал их по порядку в соответствии с датами… уносил их все в свою комнату… покачивая головой и протирая глаза… Комментарии были излишни… Достаточно и того, что он классифицировал эту болтовню!.. По дням! По степени извращенности… Но на сей раз это был ультиматум… Билет… Мне оставалось только собрать вещи… Все, сынок, отчаливай!..

Не позднее чем на той неделе… Месяц подходил к концу… Окончательный расчет!..

Нора, казалось, ничего не понимала… она сидела, как бы отключившись… С отсутствующим видом… Старик хотел, чтобы она знала… Он закричал на нее довольно громко, чтобы она проснулась. Она вернулась на землю… Джонкинд скулил… Она вдруг встала и стала рыться в коробке, чтобы понять… Она читала вслух…

«У меня никогда не было никаких иллюзий относительно твоего будущего! Мы уже несколько раз, увы, убеждались в твоей низости и подлости, в твоем ужасном эгоизме… Мы знаем твою склонность к лени, расточительности, твою почти чудовищную жажду роскоши и наслаждений… Мы знаем, что нас ждет… Никакая снисходительность, никакая забота не может обуздать и смягчить твой разнузданный и нетерпимый характер… Мы, кажется, сделали для этого все, что могли! Сейчас наши силы на исходе, мы больше не можем рисковать! Наши скудные ресурсы не позволяют нам продолжать борьбу с твоим злым роком!.. Положимся на Бога!..

Этим письмом я хочу предупредить тебя по-отечески, по-товарищески перед твоим окончательным возвращением, в последний раз

предостеречь тебя, пока еще есть время, избавив тебя от всяких ненужных огорчений, удивления или возмущения, и сказать, что отныне ты сможешь рассчитывать только на самого себя, Фердинанд! Только на себя! Не рассчитывай больше на нас! прошу тебя! Мы не в силах больше обеспечивать твое содержание и пропитание! Мы с твоей матерью на пределе! Мы больше ничего не можем для тебя!..

Мы буквально изнемогаем под тяжестью наших забот, как старых, так и новых… На пороге старости наше здоровье, подорванное длительными тревогами, изнурительной работой, неудачами, постоянными волнениями, отсутствием какого бы то ни было порядка, сильно пошатнулось и продолжает разрушаться… Мы in extremis[74], дорогой мальчик! Материально у нас ничего нет!.. От небольшого состояния, доставшегося нам от твоей бабушки, ничего не осталось!.. абсолютно ничего!.. ни единого су! Более того! Мы задолжали! В Пассаже твоя мать столкнулась с новыми трудностями, которые кажутся мне непреодолимыми… Перемена, совершенно неожиданный резкий поворот моды

---

[74] Примечания: 74
У последней черты.

свел в этом сезоне к нулю наши шансы немного поправить положение!.. Все наши планы рухнули… Наша предусмотрительность подвела нас… Мы собрали с большим трудом, сокращая все расходы, даже на питание, в течение этой зимы настоящую коллекцию «ирландских болеро». И вот удар! Покупатели неожиданно отвернулись от них в погоне за новой модой… Ничего больше нельзя понять! Это просто злой рок обрушился на наше бедное суденышко!.. Можно было предвидеть, что твоя мать не сможет разом избавиться от этих болеро! Даже по бросовой цене! Теперь она пытается переделать их в абажуры! для новых электрических приборов!.. Бесполезная затея!.. Сколько это может продолжаться? Что нас ждет? В свою очередь, в «Коксинель» я вынужден ежедневно отбивать коварные лицемерные, я бы даже сказал, изощренные атаки со стороны молодых редакторов, только что получивших назначение на должность… Богачи с престижными университетскими дипломами (некоторые из них являются стипендиатами), поддерживаемые Генеральным директором, имеющие многочисленные светские и семейные связи, современные и абсолютно лишенные какой бы то ни было разборчивости в средствах, эти мо-

лодые выскочки имеют в сравнении с простыми служащими вроде меня несоизмеримые преимущества… Никакого сомнения, что им удастся (и кажется, очень скоро) не только выжить нас с наших скромных должностей, но и окончательно выбросить за борт!.. Это вопрос какого-нибудь месяца, даже если особенно не сгущать краски! У меня нет на этот счет никаких иллюзий!

Что касается меня, то я постараюсь продержаться как можно дольше… не теряя самообладания и достоинства… Я стараюсь свести к минимуму возможность грубого инцидента, последствия которого легко себе представить… Все возможные последствия! Я прилагаю максимум усилий!.. сдерживаюсь!.. я стараюсь держать себя в руках, чтобы не дать ни малейшего повода для перебранки! Увы, далеко не всегда это удается… В своем усердии эти молодые выскочки доходят до настоящих провокаций!.. Я становлюсь мишенью, целью для их интриг! Я чувствую, что они преследуют меня своими уловками, издевательствами и непрекращающимися остротами… они меня доводят… Почему? Я теряюсь в догадках… Только ли из-за моего присутствия? Подобное соседство и постоянная враждебность, ты можешь себе представить, для меня чрезвычайно

болезненны. Более того, как следует все взвесив, я осознаю, что обречен в этом состязании в ловкости, хитрости и коварстве!.. Что я могу им противопоставить? У меня нет никаких личных или политических связей, моя жизнь близится к концу, у меня нет ни состояния, ни родственников, у меня есть в этой игре лишь один козырь! Это честная беспорочная служба в «Коксинель» в течение ДВАДЦАТИ ДВУХ ЛЕТ БЕСПРЕРЫВНО, моя чистая совесть, моя порядочность и строгое непоколебимое представление о долге… Чего же мне ждать? Очевидно, худшего! Тяжкий груз моих добродетелей мне засчитают, я боюсь, скорее в дебет, чем в кредит, когда придет время сводить со мною счеты!.. Я предвижу это, мой дорогой сын!..

Если мое положение станет совсем невыносимым (а оно таковым быстро становится), если я буду выброшен раз и навсегда? (А предлог найдется! Все чаще ставится вопрос о полной реорганизации наших служб.) Что тогда будет с нами? Мы не можем думать об этом с твоей матерью без содрогания! Нас охватывает страх!..

На всякий случай, пытаясь защититься, я поступил учиться (последняя попытка) печатать на машинке, не в бюро, естественно, а в те несколько часов, что свободны еще от доставок и беготни

по делам, связанным с нашим магазином. Мы взяли напрокат этот инструмент (американский) на несколько месяцев (еще расходы). Но и на этот счет я не тешу себя особыми иллюзиями!.. В моем возрасте, ты это знаешь, нелегко приспосабливаться к новой технике, к другим методам, другим манерам, другим мыслям! Особенно людям, измученным, как мы, длительными тяготами жизни, крайне измученным… Все это вынуждает нас смотреть в будущее, мой дорогой сын, с тяжелым сердцем! и мы не имеем права, без сомнения, и это не будет преувеличением, даже на одну ошибку, даже на малейшую неосторожность!.. Если мы, твоя мать и я, не хотим закончить жизнь в полной нищете!..

Мы целуем тебя, мой дорогой мальчик! Твоя мать присоединяется ко мне, еще раз! Она призывает! Умоляет тебя! Заклинает тебя перед возвращением из Англии (не ради нас, не из любви к нам, а в твоих личных интересах) принять наконец окончательное и бесповоротное решение и приложить все силы, чтобы достигнуть успеха в твоем предприятии.

Твой любящий отец Огюст.

P. S. Твоя мать просит меня сообщить тебе о кончине мадам Дивонн, последовавшей в прошлый

понедельник в Кремлэн-Бисетр.

Она слегла и не вставала уже несколько недель. У нее была эмфизема и сердечная недостаточность. Она не очень страдала, все последние дни она постоянно спала… Она не почувствовала прихода смерти. Мы видели ее накануне, незадолго до ее кончины».

* * *

На следующее утро, примерно около полудня, мы вдвоем, Джонкинд и я, были в саду и ждали завтрака… Стояла прекрасная погода… Какой-то тип на велосипеде… Остановился и позвонил в дверь… Телеграмма… Я вскакиваю… это от моего отца… «Возвращайся срочно, мать беспокоится. Огюст».

Я потихоньку поднялся на третий этаж и встретил там Нору, передал ей бумагу, она прочитала и спустилась к столу. Она принесла суп, и мы начали есть… Уф! Вдруг она разрыдалась… Она всхлипнула, не сдержавшись, и убежала на кухню. Я слышал, как она рыдает в коридоре… меня смутило ее поведение! Это на нее не похоже… этого с ней никогда не было… Я все же сохранил спокойствие… И остался на месте с идиотом, заканчивая его кормить… Наступило время прогулки… У меня не было ни малейшего желания… Случившееся выбило меня из колеи…

К тому же я снова подумал о Пассаже, меня неотвязно преследовала мысль о моем возвращении «туда»… соседи… снова поиски места… Прощай,

независимость! Чертово молчание… Проклятые прогулки!.. Нужно начать сначала, с самого детства, переделать все! Срочно!.. Сволочи!.. Мерзость!.. Гнусное поведение! Очень воспитанный ребенок! Мерзкие мудаки! Сверхмудачье! Мне надоели их заклинания! Стоило мне представить своих родителей, у меня во рту появлялся вкус птичьего помета! Мать с ее ножкой-ходулей, отец с его вакхическими усами и вакханалиями, все его отвратительные разборки…

Джонкинд тянул меня за рукав. Он не понимал, что происходит. Он хотел идти. Я смотрел на него. «No trouble». Мы скоро расстанемся… Может, ему будет не хватать меня в этом мире, этому смешному, все заглатывающему, совершенно ненормальному мальчишке… Кем я ему представлялся? Быком? Бабой?.. Он уже привык, что я с ним гуляю… Ему, пожалуй, повезло… Он мог быть даже нежен, если ему не пытались досаждать… Мой задумчивый вид не очень-то ему нравился… Я ненадолго отвернулся к окну… Когда я обернулся, этот шалун прыгал среди тарелок… Потом он застыл и начал мочиться! Он напустил в суп! Он уже сделал это! Я бросился, схватил его и заставил слезть… Как раз в этот момент открылась дверь… Вошел Мерривин… Он машинально

прошел вперед, ни на что не обращая внимания, черты его лица как бы застыли… Он шел, как автомат… Сперва сделал круг вокруг стола… два, три раза… потом опять… Он снова надел свою прекрасную черную адвокатскую мантию… Но под ней был спортивный костюм, штаны для гольфа, напоминающие кальсоны… зеленая блуза его жены… а рожа совершенно тупая… Все так же, подобно сомнамбуле, он прошел дальше… в несколько приемов преодолел порог… немного прогулялся по саду… Даже попытался открыть решетку… Потом заколебался… Изменил свое решение и вернулся к нам, к дому… полностью погруженный в свои мечты… Он прошел мимо Джонкинда… Торжественно поприветствовал нас, очень широким жестом… Его рука поднялась и упала… Всякий раз он слегка наклонялся… Он как бы обращался к толпе, которая далеко, очень далеко… У него был такой вид, как будто он отвечал на бурные овации… А потом, наконец, он снова поднялся к себе… очень медленно… с достоинством… Я слышал, как он снова закрыл дверь…

Джонкинда напугали эти странные выходки… этот человечек на шарнирах… Он не мог больше устоять на месте. Ему хотелось бежать, его охва-

тила паника. Я пощелкал ему языком и сделал так: го! го!.. совсем как лошади, это обычно приводило его в чувство… Наконец я был вынужден уступить ему… И мы пошли через поля…

Возле шотландских бараков мы наткнулись на ублюдков из «Hopeful Academy». Они шли играть в крикет на другой конец долины. Они несли свои клюшки, «Wickets»[75]… Мы узнали всех наших старых знакомых… Они делали нам дружеские знаки… Они все поправились, сильно выросли… Они были очень веселы… И радовались, что встретили нас. Их оранжевые и голубые наряды очень оживляли горизонт.

Мы смотрели им вслед… Мы решили вернуться раньше срока… Джонкинда все время трясло.

---

[75] Примечания: 75
Воротца для крикета.

* * *

Мы с Джонкиндом были на верхней дороге, на «Willow Walk», той самой, что вела к колледжу, когда встретили телегу, большой фургон, с тремя лошадьми… Это были грузчики…

Избегая крутого спуска, они ехали через сады и увозили вещи… На этот раз забрали все подчистую, подмели все… Мы заглянули внутрь фургона, занавески были подняты… Две кровати служанок, один шкаф, маленький ларь для посуды, трехколесный велосипед старого хрыча… и еще куча хлама… Они, должно быть, опустошили чердак! Весь дом целиком! Наверное, не осталось больше ничего!.. Они увозили даже бутылки, слышно было, как те перекатываются в глубине ящика… Судя по всему, особенно много не должно было остаться…

Я всерьез начал опасаться за свои шмотки и башмаки! Если уж они решились на такой грабеж, то нужно готовиться ко всему!.. Вот уж воистину «все на продажу»! Я бросился со всех ног, чтобы посмотреть, что осталось! К тому же пора было есть… Стол был накрыт торжествен-

но… Самыми красивыми приборами… Тарелки в цветах, хрусталь!.. В голой комнате это великолепие особенно бросалось в глаза!..

Картофель в масле, артишоки в уксусе, вишни в водке, сочный пирог, ветчина… В общем, полное изобилие, и более того, россыпь цветов прямо на скатерти, между чашками! О! да! Такого я не ожидал!

Я застыл озадаченный!.. Вместе с Джонкиндом перед этими чудесами!.. ни его, ни ее пока не было… Мы оба проголодались. Мы попробовали сперва всего понемногу… а потом решились, стали хватать… навалились… Залезли в блюдо пальцами… главное начать… и это было великолепно! Джонкинд буквально катался от удовольствия, он был счастлив, как король… Мы немного даже оставили… Никто так и не пришел.

Утолив голод, мы пошли в сад… Пора было справить нужду… Я осмотрелся вокруг… Ничего, сплошная темнота… ни души… Все же это было странно!.. Наверху, на фасаде, я заметил свет… в комнате старика… Он, должно быть, заперся… Я сказал себе, что нечего терять время, мне надоела эта неопределенность… Так как билетик у меня уже был, я решил складывать чемодан… Завтра утром я отвалю с первым же поездом в 7 часов 30

минут… Хи! Вот так! Представление закончено! Я никогда не любил прощаний…

В то же время… мне хотелось бы достать еще немного денег, один-два шиллинга, чтобы, может быть, купить себе «ginger beer»[76], это приятно в дороге… Для начала я уложил идиота, чтобы он оставил меня в покое… Я его немного потрогал, это его обычно успокаивало… и легко усыпляло… Но в этот вечер он был взбудоражен всеми неожиданностями дня и не закрывал глаза… Я напрасно делал ему «го! го!»… Он безумствовал, прыгал, буянил в своей клетке. Он рычал, как настоящий зверь! Несмотря на то что он был тронутый, он все же понимал необычайность положения… Он боялся, что я просто брошу его во мраке ночи… Он был вредный! Он не мог сдержать свой страх… черт побери!

Дортуар был действительно большой… Он занимал огромное пространство… Мы остались здесь только вдвоем, а раньше нас было двенадцать, даже четырнадцать…

Я собрал свои четыре пары носков, нашел носовые платки и сложил все свое нижнее белье, теперь от него остались лишь лохмотья и ды-

---

[76] Примечания: 76
Имбирное пиво.

ры… Меня опять придется пристраивать… Опять начнутся крики!.. Заманчивая перспектива!.. Меня еще будут воспитывать… Будущее — это не шутки… Когда я внезапно снова подумал о Пассаже, по телу у меня пробежали отвратительные мурашки!..

Прошло восемь месяцев с тех пор, как я уехал… Что стало с ними всеми там, под стеклянной крышей?.. Не сомневаюсь! Они сделались еще сволочнее!.. Еще надоедливее!.. Этих скотов из Рочестера я никогда больше не увижу! Через большую гильотину окна я еще раз бросил взгляд на открывающуюся перспективу… Погода была ясная, идеальная… Хорошо были видны все сходни, освещенные доки… огни маневрировавших кораблей… краски переливались… как точки, которые ищут друг друга на черном фоне… Я видел отсюда, как уходило множество кораблей с пассажирами… паруса, дым… Они были уже у черта на куличках… по ту сторону… в Канаде… А некоторые в Австралии… распустив паруса… Они били китов… Я никогда этого больше не увижу… Я вернусь в Пассаж… на улицу Ришелье, улицу Меюль… И буду смотреть, как мой отец хрустит воротничком… А моя мать волочит свою ногу… Я буду искать работу… Разговаривать, объяснять,

что и как! Я снова буду измотан, как крыса… Они ждали меня, изнемогая от любопытства… Я готов был начать кусаться… Меня уже заранее тошнило от всего этого…

В комнате стало совсем темно, я задул светильник… Растянулся на кровати прямо в одежде, чтобы отдохнуть… Я так и заснул… Я сказал себе: «Малыш, не снимай свои шмотки… Ты сможешь отвалить, как только рассветет…» Мне больше тут нечего было ловить… все мои вещи были собраны… Я взял даже полотенца… Джонкинд в конце концов заснул… Я слышал, как он храпит. Я не собирался ни с кем прощаться!.. С глаз долой, из сердца вон!.. Я не имел права на излияния!.. Я задремал!.. Понемногу успокоился… И вдруг услышал скрип двери… У меня кровь бросилась в голову!.. Я сказал себе: «Вот это да! Малыш! Двадцать против одного, что это прощание! Ты все же влип, мой птенчик!..»

Я услышал легкие шаги… шелест… это она! Дыхание! Как мне везет! Удрать я уже не смогу!.. Она без промедления бросилась прямо ко мне на кровать! Вот так!.. Я был потрясен, распростерт, раздавлен, приплюснут под ее ласками… Я был уничтожен, меня больше не было… Оставалась только она, вся эта масса, которая навалилась

на меня… все стало клейким… Моя башка была зажата, я задыхался… протестовал… умолял… Но я боялся орать слишком громко… Старик мог услышать!.. Я дергался… Хотел освободиться снизу!.. Корчился… выгибался дугой! Ползал под собственными обломками… И снова был распластан, оглушен, схвачен… Целая лавина нежностей… На меня обрушились безумные поцелуи, сильные рывки, она лизала меня… Мое лицо было все в компоте… Я больше не мог найти отверстия, чтобы дышать… «Фердинанд! Фердинанд!..» — умоляюще повторяла она… И рыдала мне прямо в уши… Она была вне себя… Я запихнул ей в глотку весь язык, чтобы она так не орала… Старикан точно сейчас же выскочит из своей постели!.. Я панически боялся рогоносцев… Среди них попадаются жуткие…

Я пытался успокоить ее, чтобы она немного сдерживалась… Я понемногу наугад ощупывал ее… старался… изощрялся, как мог… я пустил в ход все хитрости… Я был переполнен… Она необузданно обнимала меня… и вдруг начала отбиваться, как одержимая… Я продолжал… У меня набрякли руки, так сильно я вцепился в ее ягодицы! Я хотел засадить ей! Чтобы она больше не двигалась! Сделано! Вот! Теперь она молчала!

Чертова шлюха! Я вонзил ей! Я вошел в нее, как дыхание! Я окаменел от любви!.. Я был один в ее красоте! Я дрожал и дрыгался… Вгрызался в ее грудь! Она стонала… ворковала… Я высасывал все… Искал на ее лице место около рта, то, что меня дразнило, где было сосредоточено все очарование ее улыбки… Вот-вот я укушу ее там, именно там… Одну руку я засунул ей в дырку и там работал… вонзался… расплющивал отверстия и плоть… Я наслаждался, как осел… Я весь взмок… Она резко вывернулась… И высвободилась из моих объятий, сучка!.. отскочила назад… А, черт возьми! Она была уже на ногах!.. На середине комнаты!.. Она обращалась ко мне с речью!.. Я видел ее в белом свете фонаря!.. в ночной рубашке… во весь рост… ее волосы развевались… Я же остался лежать в невменяемом состоянии со стоящим членом…

Я сказал ей: «Вернись!..» Я пытался таким образом ее расположить к себе. Она, кажется, внезапно пришла в ярость! Она кричала, как сумасшедшая… Отступая к двери… Говорила мне какие-то фразы, сволочь!.. «Good bye, Ferdinand! — орала она. — Good bye! Live well, Ferdinand! Live well!»

Еще один скандал! Блядство! Тогда я выскочил из кровати!.. Я собирался снова ее уложить! Она

будет последней! Бордель, блядский бордель! Она не дожидалась меня, черт побери! Она уже сбежала вниз!.. Я слышал, как дверь внизу открылась и громко хлопнула!.. Я подбежал! Приподнял гильотину окна… И едва успел заметить, как она спускалась по краю… под газовыми фонарями… Я видел, как она движется, как трепещет на ветру ее рубашка… Она сбежала по лестнице… Сумасшедшая! Куда она несется?

Мой мозг внезапно, как вспышка, пронзило предчувствие, что сейчас случится настоящее несчастье!.. Я сказал себе: «Готово! Допрыгался! Это катастрофа! Ты дождался приключений на свою жопу! Это тебе не шутки, черт побери! Трах-тарарах!.. Сейчас она бросится в воду!..» Я почувствовал, что это уже не предотвратить! Она одержимая! Черт возьми!.. Смогу ли я ее оттуда вытащить?.. Но я был бессилен!.. Я ничего не мог поделать!.. Я остановился на площадке… Прислушался… Выглядываю через дверь коридора… чтобы рассмотреть что-нибудь на набережной… Она, должно быть, уже добралась донизу… Еще один удар! снова крики!.. снова «Фердинанд»!.. Черт побери! вопли разрывали небеса!.. Эта скотина теперь вопила снизу!.. Она запыхалась… Чертов бордель! Я слышал ее, стоя у самых две-

рей! Меня начало корежить!.. Я весь скорчился! Так я и знал!.. Ясно, что теперь меня заберут!.. Я не могу… Наденут наручники! Я был вне себя от волнения… Надо тряхнуть идиота в его корзине… если оставить его одного хоть на минуту, его охватит паника!.. он наделает больших глупостей… подожжет всю спальню… Свинство!.. Я стал трясти его… вытащил его из-за решетки… прямо так, в кимоно… И потащил его к лестнице…

Уже на улице я наклонился над скалами, пытаясь рассмотреть мост, огни… Где она может шляться? В самом деле, я ее заметил… пятно… Мелькнуло в темноте… Что-то белое… Точно, это моя сумасшедшая! Летала от фонаря к фонарю… Эта скотина порхала, как бабочка!.. Вопила то здесь, то там, ветер доносил эхо… А потом вдруг раздался оглушительный крик, потом другой, пронзительный, заполняющий всю долину… «Поспеши, малыш! Она сиганула, наша Лизетта! Ее больше никогда не будет! Получится хорошая каша! Вот увидишь, малыш! Вот увидишь!»

Я бросился, перепрыгивая через ступеньки… Шлеп! Вот так! Сразу!.. Прямо на середину лестницы! Кровь в моих жилах застыла!.. Вдруг меня осенило. Я замерзаю! Я дрожу! Довольно! Хватит! Я больше не сделаю ни шагу!.. Как бы не так! Я

передумал! Я опоздал!.. Я перегнулся через перила! И заметил… Место на набережной, откуда это доносилось, было гораздо ниже… Теперь вокруг все гудело… Люди сбегались отовсюду!..

Площадь была переполнена спасателями! Подбегали еще и другие. Все переговаривались… Суетились во всех углах с баграми, палками, лодками… Свистки и сирены завыли все вместе… Гвалт, суматоха!.. Они старались, лезли вон из кожи… Но ничего не смогли выловить!.. Маленькое белое пятнышко в волнах… уносило все дальше…

Я еще видел его оттуда, где стоял, прямо на середине реки… она проплыла посреди понтонов… Я даже слышал, как она задыхалась… Я отчетливо слышал ее бульканье… Я слышал также сирены… Слышал, как она захлебывалась… Ее подхватил отлив… Ее унесло в пучину… Крошечный белый кусочек скрылся за дамбой! О мамочка моя! О проклятие! Она точно захлебнулась!.. Мне нужно поскорее сматывать удочки! Дать по башке этому недорослю! Нельзя, чтобы нас застали здесь!.. Надо спрятаться, когда они придут… Это же надо!

Он больше не мог бежать… Я оттолкнул его… отшвырнул в сторону… Он ничего не видел без очков… даже фонарей. Он на все натыкался…

Дышал, как пес… Я схватил его, поднял и понес наверх!.. Я бросил его в постель… Подбежал к двери старика!.. И с силой ударил! В ответ ни слова!.. Давай! Я постучал снова! Изо всех сил… Тогда я налег на дверь! И вломился!.. Готово! Он был там!.. Точно такой же, как я его видел тогда… развалившийся перед решеткой, весь красный… Он спокойно поглаживал себя по брюху… Он уставился на меня, так как я прервал его занятие… Захлопал глазами… Он ничего не понимал… «Она утопилась! Она утопилась!..» — закричал я ему… Я повторил это еще громче!.. Я надрывался… Жестикулировал… изображал: буль-буль-буль… Показывал ему вниз… В долину… через окно! «Вниз! Вниз! Medway! River! River! Внизу! Water!..» Он попытался немного приподняться… от усилия даже рыгнул… покачнулся и снова упал на табурет… «О! Дорогой Фердинанд! — сказал он мне… — Дорогой Фердинанд!» Он даже протянул ко мне руку… Но его неваляшка запутался… застрял в кресле… Он дернулся изо всех сил… Сбросил все бутылки… Все виски разлилось… Банка с мармеладом опрокинулась… Все перевернулось… Настоящий каскад, это его рассмешило… Он скорчился от смеха… Попытался все поднять… Все течет… рушится… тарелка тоже покатилась…

он пополз прямо по осколкам… Заполз под скамейку… И застыл в неподвижности… Устроился у камина… Призвал меня последовать его примеру… Он сопел… рычал… массировал себе живот по кругу… Теребил свои яйца… Он ловил кайф… Растирал их… Потом на мгновение оставлял их в покое… И опять забирал в складки своей одежды…

Я уже забыл, что собирался сказать… Я предпочел ни на чем не настаивать. Я закрыл дверь и вернулся в дортуар… Я сказал себе: «Надо отваливать, как только начнет светать…» Мой багаж здесь, он готов!.. Я ненадолго прилег на кровать… но почти сразу же опять вскочил… Меня снова охватила паника… Я даже не мог понять почему. Я все время думал о девчонке… Я снова уставился в окно… Прислушался… Шума не было слышно совсем… На набережной не осталось ни одного человека… Они уже все разошлись?

Тогда на меня вдруг опять напало беспокойство, несмотря на страх и усталость… Мне захотелось сходить вниз и посмотреть, вытащили ее из воды или нет?.. Я снова натянул штаны, куртку, рубаху… Мальчишка крепко спал… Я запер его в дортуаре на ключ… Я собирался сразу же вернуться… Туда и обратно… Я дошел до нижних

ступеней… И заметил полицейского, делающего обход… потом моряка, который окликнул меня… Я похолодел… Это меня испугало… Я затаился в закоулке… Ах, сволочь! Я не шевелился! Это было уже выше моих сил! Я больше не мог этого вынести! Я еще ненадолго задержался… Больше никто не проходил. Мост, с которого она прыгнула, был там, внизу… Я видел длинную вереницу красных огней, дрожавших в отблесках на воде… Я решил сдвинуться с места… Быстрее!.. Полицейские могли быть уже там, наверху!.. Я думал, представлял себе все… Я изнемог… Валился с ног от усталости… Но не тут-то было!.. Мои силы иссякли!.. Кроме шуток, я не мог даже согнуться… Я не мог снова подняться в «Минвелл»… Я даже больше не пытался… Я прислонился к стене… Я ничего не мог сделать!.. Мое присутствие здесь лишено смысла! совсем лишено!.. Я решил смыться прямо так, без всего… направился к вокзалу… Я плотно закутался в пальто… мне не хотелось, чтобы меня узнали… Я медленно шел вдоль стен… Правда, я никого не встретил… зал ожидания был открыт… А! Вот это хорошо!.. Я прилег на скамейку… Рядом с печкой… Мне стало лучше… Вокруг было темно… Первый поезд на Фолкстоун отправлялся в 5 часов… Я не взял ничего из своего багажа… Вещи

остались там, наверху, на кровати… Тем хуже!.. Я их оставлю… Я не хотел возвращаться… Это было уже невозможно… Надо было как можно скорее сматываться… Чтобы не уснуть, я сел. Я был уверен, что поеду на пятичасовом… Я сел под расписанием… Прямо под ним… и растянулся… «5 o’clock. Folkstone via Canterbury».

* * *

Так как я возвращался без багажа, ничего не захватив из своего хлама, я ждал, что меня встретят взбучкой… Но нет!.. У моих предков был довольный вид, скорее, они были рады, что я приехал… Только они были удивлены, что я не привез ни одной рубашки, ни одного носка, но они не цеплялись… На сей раз они не приготовили сценарий… Они были слишком поглощены своими заботами…

За те восемь месяцев, что меня не было, внешне они очень изменились, совсем сгорбились, их лица сморщились, походка стала нетвердой… Штаны отца были вытянуты на коленях и спадали большими складками, как у слона. Лицо стало мертвенно-бледным, он потерял почти все свои волосы и тонул в морской фуражке. Его глаза почти обесцветились, они уже были не голубыми, а серыми, такими же бледными, как и лицо… У него теперь выделялись только морщины, глубокие и яркие борозды от носа ко рту… Он выглядел гораздо хуже… Он не особенно говорил со мной… Только спросил, почему из Англии не ответили…

Не были ли они недовольны мной в «Meanwell College»?.. Как мои успехи?.. Уловил я произношение?.. Понимал ли я быструю речь англичан?.. Я пробормотал что-то невнятное… Больше он об этом не спрашивал…

Впрочем, он меня даже не слушал… Он был слишком взволнован, чтобы интересоваться тем, что прошло. Он больше не спорил… Из его достаточно мрачных писем я узнал еще не все!.. Далеко не все!.. Оставалась еще уйма! Напасти! Совсем недавние, о которых еще не успели рассказать! Теперь я мог узнать все подробности!.. Они в самом деле из последних средств послали меня на шесть месяцев в пансион… Полное обнищание!.. Катастрофа с болеро смешала их с грязью… И это было действительно так!.. Хронометр моего отца уже не покидал ломбарда!.. Перстень моей матери тоже… Они заложили и павильоны в Аньер… Последние крохи…

Из-за того что у отца больше не было хронометра, он совершенно обезумел… Отсутствие часов способствовало его краху. Он, всегда такой пунктуальный, такой организованный, был вынужден смотреть каждую минуту на часы в Пассаже… Для этого он выходил на порог… за двери… Мамаша Юссель из галантерейной лавки

ждала его в одно и то же время… И говорила ему — тик! так! тик! так!.. чтобы вывести его из себя… Она даже высовывала язык…

Появились и другие трудности… Они тянулись друг за другом, как сосиски в связке… Их было слишком много, чтобы с ними бороться… Родители съеживались, истязали себя в отчаянии, они сжимались в комок, стараясь подставить под удары меньшую поверхность. Они пытались незаметно улизнуть от катастроф… Но все было бесполезно! На них обрушивались новые и новые удары и несчастья.

Мадам Эронд не могла больше работать, она не выходила из больницы… Ее заменила мадам Жасмэн, совсем не похожая на нее, совершенно несерьезная!.. И в самом деле, настоящая транжирка, вся в долгах! Она любила выпить. Она жила в Клиши. Моя мать больше не вылезала из омнибуса, она ездила к ней утром и вечером… Но находила ее только в бистро… Выйдя замуж за колониального жителя, она постоянно пила абсент… Клиенты, приносившие ей что-нибудь починить, вынуждены были ждать свои вещи целыми месяцами!.. От нетерпения и возмущения они устраивали дикие скандалы… Теперь стало еще хуже, чем раньше… Они находились

в постоянном исступлении из-за вечных отсрочек и опозданий!.. А потом опять в назначенное время начиналось все то же вранье, увертки и недомолвки!.. Фрр! И покупательница исчезала! Больше никто не приходил… Или же, если был выколочен небольшой аванс, они так хрипели и визжали, тщательно рассматривая счет, что моя мать под конец расчета не знала, что и сказать… Стоило ли задыхаться, хромать, харкать кровью, биться в судорогах, подыхать из-за какой-то мадам Жасмэн, даже из-за всех нас… Игра больше не стоила свеч!

Мать, конечно, понимала и часто в слезах признавалась в этом вслух: вкус к красивым вещам был уже не тот… этого не вернешь… С этим ничего нельзя было поделать, только понапрасну себя изводить… У богатых людей больше нет утонченности… Нет былой изысканности… Нет уважения к вещам тонкой работы, к произведениям, выполненным вручную… Только извращенное пристрастие к машинным гадостям, вышивкам, из которых вылезают нитки и которые размываются и линяют при стирке… Зачем нам Прекрасное? Вот что думают современные дамы! Им нужно лишь что-то кричащее! Вермишель! Нагромождение ужасов! Барахло

с рынка! Прекрасное кружево умерло!.. Зачем было стараться? Моей матери тоже нужно было следовать этой мании! Она вынуждена была доставать эти гнусные тряпки… меньше чем за месяц превращавшиеся в настоящие лохмотья… Это уж точно!.. Вся витрина была буквально забита ими!.. Когда она видела, что теперь и у нее со всех карнизов и полок свисают километры подобной дряни, это не просто огорчало ее, а вызывало настоящие колики!.. Но теперь было не до тонкостей… В четырех шагах от нас, на углу улицы Женер, евреи накопили огромные куски того же, в их открытой лавке прилавки были завалены, как на ярмарке, бобинами… километрами, целыми тоннами!..

Это был настоящий крах для подлинных знатоков… Моей матери стыдно конкурировать с подобным хламом!.. Но в конце концов у нее просто не было выбора… Она бы предпочла вообще оставить это занятие и сосредоточиться на других коллекциях, например на маленькой мебели, инкрустациях, пульверизаторах, овальных столиках, шкафчиках для корреспонденции или вещах с витрины, безделушках, фаянсовой мелочи и даже голландских люстрах, которые почти не давали прибыли и которые было так

тяжело носить… Только она была слишком слаба, слишком больна, ей слишком мешала ее нога… никогда бы она не смогла бегать с такой тяжестью по Парижу… Это было невозможно! Но именно это и нужно делать, чтобы не терять драгоценное время. А потом еще сидеть часами, свернувшись калачиком… в «Зале продажи». А ведь был еще магазин!.. Все это мало утешало… Наш врач, доктор Капрон с рынка Сент-Оноре, приходил два раза и все время по поводу ее ноги… Он был очень строг… Он прописал ей полный отдых! Запретил ковылять по этажам, нагруженной как 36 мулов! Она должна была оставить хозяйство и даже кухню… Он говорил без обиняков… Он сказал четко и категорично! Если она будет продолжать переутомляться, он ее предупреждает… У нее начнется настоящий абсцесс… Внутри колена, он даже указал ей место… Ее бедро и икра от постоянных нагрузок уже не сгибались и составляли теперь как бы одну кость. Можно было подумать, что это просто палка, а на ней валики… Это были уже не мускулы… Когда она заставляла свою ногу идти, сверху как будто бы дергали за веревку… Видно было, как они натягиваются… Это причиняло ей острую боль, адские судороги! Особенно вечерами, в конце рабочего дня, когда

она возвращалась после своей беготни… Она показывала ее только мне… Она ставила себе теплые компрессы… Она старалась, чтобы ее не видел мой отец… Она заметила, что он впадает в страшную ярость, когда она ковыляла за ним…

Когда мы были совсем одни… я сидел в лавке… она пользовалась случаем и снова повторяла мне очень тихо и ласково, но с глубоким убеждением, что это из-за меня все так из рук вон плохо и у них неприятности в магазине и в конторе… Мое поведение и мои поступки у Горложа и у Берлопа так на них подействовали, что они уже никогда не оправятся… Они глубоко потрясены… Они, конечно, ничего от меня не хотели… Не держали на меня никакой злобы! Все это в прошлом!.. Но все же, по крайней мере, я сам должен был понимать положение, в которое я их вверг… Мой отец так травмирован, что не мог больше контролировать свои нервы… Он вскакивал среди ночи… Просыпался в холодном поту… И часами ходил взад-вперед…

Что касается нее, то я же видел ее ногу!.. Это была худшая из всех напастей!.. Это было хуже самой тяжкой болезни, тифа или рожи! И она опять стала советовать мне самым нежным голосом… попытаться у других хозяев стать благо-

разумным, уравновешенным, смелым, упорным, признательным, старательным, вежливым… никогда больше не бездельничать, не своевольничать… попытаться стать добрее… Особенно это! Доброта!.. Я должен всегда помнить, что они лишились всего и попортили себе много крови с самого моего рождения… и особенно в последний раз, когда послали меня в Англию!.. А если со мной произойдет несчастье или я совершу какой-нибудь гнусный проступок, это будет настоящим крахом!.. Мой отец, конечно, больше не выдержит… он больше не вынесет, несчастный! Он получит неврастению… ему придется уйти из конторы… У нее же, если еще будут волнения… из-за моего поведения… то отразится на ноге… И потом один абсцесс, другой… Кончится тем, что ее отрежут… Так сказал Капрон.

Мой отец переживал все еще гораздо трагичнее из-за своего темперамента и чувствительности. Ему нужно было бы отдохнуть несколько месяцев и прямо сейчас, ему нужен был длинный отпуск в спокойном и отдаленном месте, в деревне… Капрон настоятельно это рекомендовал! Он долго его прослушивал… У него пошаливало сердце… Были даже перебои… Они оба, Капрон и мой отец, были одного возраста, 42 года и 6 месяцев…

Он еще добавил, что мужчина гораздо слабее женщин в период климакса… требуются тысячи предосторожностей… Но все советы были напрасны! Наоборот, именно сейчас нужно стараться изо всех сил!.. На четвертом этаже было слышно, как он печатает на огромной, с гигантской клавиатурой, машинке… От длительного печатания у него начинало звенеть в ушах, щелканье букв преследовало его по ночам… Мешало заснуть. Он принимал ножные ванны с горчицей. Это немного успокаивало.

* * *

Я начинал понимать, что моя мать окончательно считает меня бессердечным ребенком, чудовищным эгоистом, капризным, маленьким, безрассудным скотом… Они напрасно пытались что-то предпринять, это действительно было бесполезно… С моими наклонностями, врожденными, неисправимыми, ничего нельзя было поделать… Она ясно видела, что мой отец абсолютно прав… Впрочем, за время моего отсутствия они еще больше закоснели в своем вечном брюзжании… Они были так измотаны, что даже звук моих шагов повергал их в ужас! Каждый раз, когда я поднимался по лестнице, мой отец весь кривился.

Случай с этими чертовыми болеро оказался последней каплей… к тому же машинка раздражала его донельзя, он никак не мог к ней приспособиться!.. Он проводил за ней весь день, пытаясь печатать копии… Он колотил по клавиатуре изо всех сил… Портил целые страницы… Возможно, он бил слишком сильно или же, наоборот, недостаточно, но звоночек не смолкал. Моя кровать

была совсем рядом… Я видел, как он старается… Как копается в клавишах, путается в тягах… Это занятие не соответствовало его темпераменту… Он был весь в поту… Он проклинал все и чертыхался… Месье Лепрент в конторе постоянно изводил его и без конца преследовал. Было видно, что он только ждет повода… «Вы никогда не закончите выводить свои черточки, палочки! Ах! мой бедный друг! Посмотрите на ваших коллег! Они уже давно закончили! Вы каллиграф! Месье! Вы не пропадете!..» Он явно его не устраивал… Он уже пробовал спрашивать в другом месте… Он предвидел крах и обращался к бывшим сослуживцам… Он знал помощника кассира в конкурирующей компании… «Конниванс-Инсенди». Ему вроде бы обещали испытательный срок в январе… Но там тоже нужно было уметь печатать… Он принимался за это каждый вечер, как только возвращался с доставки.

Это был древний инструмент, необыкновенно прочный, специально для проката, он звенел на каждой запятой. Отец неистово тренировался, сидя перед форточкой, с обеда до полуночи.

Моя мать, закончив мыть посуду, на минуту поднималась к себе и клала свою ногу на стул, она ставила себе компресс… Говорить она больше не

могла, моему отцу это мешало… От жары можно было сдохнуть… Начало лета выдалось знойным.

* * *

Время для поиска работы выбрали неудачно… Накануне мертвого сезона торговля почти прекратилась. Кое-что разузнали… Потолкались то там, то здесь… среди знакомых коммивояжеров… У тех на примете ничего подходящего не было. Начинать нужно только после периода отпусков… даже в иностранных лавках.

В определенном смысле этот период бездействия был даже полезен, так как у меня совсем не осталось шмоток… и нужно меня снарядить, прежде чем я опять приступлю к поискам работы… Но с гардеробом дело обстояло совсем плохо!.. На обувь и пальто я мог рассчитывать не раньше сентября!.. Я был очень рад этой отсрочке… я мог еще передохнуть перед тем, как продемонстрирую им свой английский!.. Стоит им узнать правду, как опять начнутся разборки… В конце концов, это произойдет немного позже!.. У меня осталась только одна рубашка… Я надел отцовскую… Мне купят пиджак и двое брюк сразу… Но только в следующем месяце… Сейчас на это не было средств… Их едва хватало на жрат-

ву… Платить надо было восьмого, а счет за газ запаздывал! И еще налоги! И машинка отца!.. Из этого было не выбраться!.. Всюду попадались предупреждения о налогах! Их находили повсюду, фиолетовые, красные или голубые!..

Отсрочку я все же получил! Не мог же я ходить к хозяевам в изношенном, залатанном, обтрепанном костюмчике, с рукавами до локтей… Это было невозможно! Особенно в магазинах модных товаров и розничной торговли, где все они одеваются франтами.

Мой отец так был поглощен дактилографическими упражнениями и своими тревогами о том, что его вышвырнут из «Коксинель», что даже за обедом не оставлял свои размышления! Я больше его не интересовал. У него была идея фикс о низменности моей натуры! Тупой неизлечимый кретин! Вот и все! Я не способен проникнуться тревогами и заботами возвышенных натур… Я был не из тех, для кого ужас ошибок как нож, вонзенный в живую плоть! Который с каждой минутой погружается в нее все больше! Ах! нет! нет! Разве я поворачивал нож в ране! Еще? Еще глубже? Ах! Еще чувствительнее!.. Я не вопил о пользе страданий! Нет! Неужели я не научился показывать фокусы в Пассаже? надолго?.. Так что

же? Стать необычным? да! чудесным? Замечательным? Совершенным? О! да! И еще в тысячу раз более занудным и истощенным, маньяком!.. Вечный источник расходов и семейных несчастий!.. И хорошо! Пусть все перепутается! Ах! да, именно таким образом! Стать в сто тысяч раз более экономным! Оп! Ля-ля! Ничего подобного вы еще не видели! ни в Пассаже, ни в другом месте! В целом мире!.. Господи Боже мой! Чудеснейший ребенок! Превосходный сын! Феноменальный! Но что с меня возьмешь! У меня была гнусная натура… Этому не было оправданий!.. У меня не было ни грамма чести… Я насквозь прогнил! Отвратительный выродок! Во мне не осталось ни нежности, ни надежды на будущее… Я закоснел, как бревно! Я был наглым развратником! Хуже коровьего навоза… Угрюмый, как сыч… От меня нельзя было ждать ничего хорошего! Я был исчадием ада. И я регулярно ел в полдень и вечером и даже пил кофе с молоком… Свой долг по отношению ко мне они выполнили! Я был их крестом на этой земле! Моя совесть уже никогда не проснется!.. У меня остались лишь одни инстинкты и ненасытная утроба, чтобы пожирать жалкий рацион и пожертвования семьи. В некотором смысле я настоящий вампир… Это

было очевидно...

* * *

В Пассаже Березина со времени моего отъезда на всех витринах произошли многочисленные перемены… Возобладал «Стиль модерн», лиловые и оранжевые цвета… Это была великая мода на садовые вьюнки и ирисы… все это вилось вдоль стен лепным и деревянным орнаментом… Открылось два парфюмерных магазина и один торгующий граммофонами… Всюду висели одинаковые фотографии… И у дверей театра «Светский чердак»… И за кулисами. Там все время звучала «Мисс Хэлиэтт»[77], всегда с одним и тем же тенором Пикалюга[78]… Это был пленительный голос, который праздновал свой триумф каждое воскресенье! В Нотр Дам де Виктуар для всех поклонниц… О нем говорили круглый год во всех лавках Пассажа, особенно о «Рождестве», которое этот Пикалюга ставил на Новый год!.. С

[77] Примечания: 77

«Мисс Хэлиэтт» — оперетта из трех актов Эдмонда Одрана, имела огромный успех в театре «Буфф-Паризьен», где впервые была представлена 12 ноября 1890 г.

[78] Примечания: 78

Пикалюга — певец Альбер Пиккалюга пел партию Поля в оперетте «Мисс Хэлиэтт».

каждым годом все более ошеломляющее, отточенное и сверхъестественное…

Намечалось проведение электричества во все лавки Пассажа! Тогда можно было бы убрать газ, который шел с четырех часов вечера, через все 325 конфорок, и который так сильно вонял в нашем и без того спертом воздухе, что некоторым дамам к семи часам становилось от этого плохо… (Прибавьте к этому запах собачек, которых становилось все больше и больше…) Поговаривали, что нас собираются полностью разрушить! Демонтировать всю галерею! Взорвать большую стеклянную крышу! да! И проложить улицу шириной в 25 метров через то самое место, где мы жили… Ах! Но это было несерьезно, скорее всего, выдумки доведенных до отчаяния нищих!.. Все находились под угрозой нищеты! Всегда, и с этим ничего нельзя было поделать! Точка!.. Таков закон выжившего!..

Следовало иметь в виду, что время от времени в этих слабых головенках начинались небольшие брожения, чаще всего во время отпусков… Это напоминало пузыри, лопавшиеся на поверхности… перед грозами в сентябре… Тогда и начали распространяться сплетни и всевозможные бредни, все грезили об успехе, о великолепных

авантюрных сделках… В своих галлюцинациях они видели, как их экспроприируют, как их преследует Государство! Пыхтя от обжорства, они целыми часами зевали и морочили себе голову… обычно такие бледные, они становились багрово-красными…

Перед сном они обменивались сногсшибательными, взятыми с потолка расчетами! ошеломляющими суммами, которые потребуются сразу же, как только нужно будет переезжать! О! ля! ля! Господи Боже мой! у них было бы столько хлопот! Высшей Народной Власти пришлось бы потрудиться, если бы она решила их отсюда выселить!.. Государственные Советы и не подозревали, что их ждет!.. Какое Сопротивление! М-да! Всю их контору и Министерство Юстиции!.. Им пришлось бы поморщить лбы! Им было бы с кем поговорить! Оп! И о счетах, и о предупреждениях концернов!.. Все пошло бы не так гладко! 32 тысячи молокососов! Это бы им дорого обошлось! Тут им не какая-нибудь дырка в заднице!.. Раскошелиться пришлось бы непосредственно им самим… В конце концов они вынуждены были бы опустошить весь Французский Банк, только чтобы построить им настоящую лавку! такую же точно! До миллиграмма! До двух десятых франка!

Абсолютно! Такую же точно! Или вообще ничего! Баста! На этом они стояли твердо!.. На худой конец… они были согласны на большую ренту… Пожалуй, они бы не отказались… Очень может быть… Ах! но окончательную! Такую, чтобы жить, Господи Боже мой! Солидную ренту Французского Банка с гарантией, что расходоваться она будет только по их усмотрению! А они могли бы ловить рыбу! Возможно, в течение 90 лет! И еще круглосуточные попойки! И это еще не все!

У них были бы еще гарантированные «права», загородные дома и прочие возмещения за ущерб… которые даже невозможно было сразу подсчитать!

Итак? Это было делом чести! Все было просто и неопровержимо! Никогда не нужно уступать! Так им казалось… Под воздействием жары, душной атмосферы и электрических разрядов… договариваясь о грядущих возмещениях… Они переставали грызться между собой… Все были друг с другом согласны… Все и устремлены в будущее… Каждый жаждал, чтобы его экспроприировали.

* * *

Все соседи в Пассаже были просто ошеломлены тем, как я вырос… Я стал настоящим здоровяком. Я почти вдвое раздался вширь… Теперь снова придется раскошелиться в «Высшем классе», чтобы меня одеть… Я примерил шмотки моего отца. Они трещали на мне, даже среди его брюк не нашлось подходящих. Мне нужно было полностью все новое. Я должен был подождать…

Мадам Берюз, перчаточница, возвращаясь из магазина, специально зашла к нам, чтобы посмотреть, как я вырос. «Его мама может гордиться, — так сказала она под конец. — Заграница пошла ему на пользу!» Она повторяла это везде. Другие тоже забегали, чтобы составить собственное мнение. Старый сторож из Пассажа, Гастон, горбун, который собирал все сплетни, тоже нашел, что я переменился, но скорее похудел! Никто не соглашался друг с другом, у каждого сложилось свое впечатление. Больше всего их интересовало, как там в Англии. Они приходили и расспрашивали меня о подробностях жизни англичан… Я все время сидел в магазине, в ожи-

дании одежды. Визьо, марсовый, специалист по трубкам, Шарони-позолотчик и мамаша Изар из красильной хотели знать, что еще интересного было в Рочестере, в моем пансионе. Особенно их интересовали овощи, правда ли, что они их жрут сырыми или немного отваривают. А как насчет выпивки и дождя? Пил ли я виски? Правда ли, что там у женщин длинные зубы? совсем как у лошадей? а ноги? Настоящее посмешище? А сиськи? У них есть? Все это говорилось с намеками и тысячами ужимок.

Но особенно им хотелось, чтобы я произносил английские фразы… Это подзадоривало их до крайности, то, что они ничего не понимали, было неважно… Только ради внешнего эффекта… Чтобы немного послушать, как я разговариваю… Моя мать не слишком настаивала, но в то же время и ей бы очень польстило, если бы я немного показал свои таланты… Если бы я немного удивил всех этих хрипунов…

Я знал: «River… Water… No trouble… No fear…» и еще два или три слова… Это было не так уж мало… Но я вяло сопротивлялся… Я совсем не чувствовал вдохновения… Моя мать очень огорчалась, видя мое упорство. Я не оправдывал их жертв! Соседи были смущены, они уже криви-

лись и считали, что я свинья… «Он ни на волос не изменился! — заметил горбун Гастон. — Он никогда не изменится!.. Он остался таким же, как был тогда, когда ссал на мою решетку! Я никогда не мог ему помешать!»

Он всегда меня терпеть не мог… «К счастью, здесь нет его отца!» — утешала себя мама. «Ах! У него бы разлилась желчь от этого! В нем все бы перевернулось! Если бы он увидел, как мало ты преуспел! Как ты неблагодарен! Ты упорствуешь против всех! Все время такой неприветливый! Ты не умеешь обращаться с людьми! Как ты собираешься достичь успеха в жизни? Особенно теперь в торговле? при такой конкуренции! Не ты один ищешь себе место! А он говорил мне еще вчера: «Господи, только бы он развернулся! Мы на грани катастрофы!!!»

В это время как раз подошел дядя Эдуард и спас меня… Он был в превосходном настроении… Он поздоровался со всеми небрежно, мимоходом… Он впервые надел свой прекрасный летний костюм в клетку, как раз английский, с сиреневым котелком, как это было модно, с привязанным к бутоньерке тонким шнурком. Он схватил меня за руки и с силой встряхнул, настоящее горячее

«shakehands»![79] Ему очень нравилась Англия… Он всегда мечтал поехать туда путешествовать… Но все время откладывал на более позднее время, потому что сперва хотел изучить названия того, чем торговал… насосов и т. д. Он рассчитывал на мое знание языка… Моя мать начала жаловаться на мое поведение и холодность… Он не разделял ее мнения и сразу же встал на мою защиту… Он в двух словах объяснил всем этим вонючим тараканам, что они абсолютно ничего не соображают и являются профанами во всем, что касается иностранных влияний… Ведь именно Англия изменяет полностью всех, кто оттуда возвращается! Она делает людей более лаконичными, более сдержанными, придает им чувство дистанции, даже утонченность, можно сказать… И это замечательно!.. А! вот! Теперь для успешной торговли и особенно при покупке нужно уметь молчать! Ведь это действительно самое главное! Высшее достоинство приказчиков!.. да!.. Ах! давно в прошлом! прежние слюнявые расхваливания товара! Заискивания! Словоохотливость! Этого теперь абсолютно не надо! Проститутский жанр провинциального цирка! В Париже это сейчас

[79] Примечания: 79
Рукопожатие.

очень распространено! В Сантье вас от этого стошнит! Это выглядит по-лакейски и жалко! В новые времена — новые манеры!.. Он меня полностью оправдывал…

Моя мать жадно его слушала… Это ее успокаивало… Она глубоко вздыхала… с некоторым облегчением… Но остальные, грязные ублюдки, скоты, оставались враждебными… Они стояли на своем… Их было не переубедить… Они хрипели, как контрабасы… Они были абсолютно уверены, что с подобными манерами мне никогда не подняться! Это было совершенно исключено!

Дядя Эдуард напрасно старался, приводил тысячи доводов… Они оставались при своем мнении… Они были упрямы, как мулы, и твердили, что, где бы ты ни служил, чтобы заработать на кусок хлеба, нужно в первую очередь быть очень любезным.

* * *

Дни проходили за днями, а покупательниц мы больше не видели, стоял разгар лета, и все они были за городом. Моя мать бесповоротно решила, что, несмотря на больную ногу и мнение врача, она все же поедет в Шату и попытается продать залежавшийся товар. А я в ее отсутствие буду присматривать за лавкой… Другого выхода не было… Деньги необходимы! Прежде всего, чтобы заплатить за новый костюм и две пары башмаков и еще перед началом сезона перекрасить наши витрины в подходящий цвет.

Наши витрины среди остальных навевали тоску… Они были грязно-серые и темно-зеленые, рядом же с нами находилась красильня Вертюн, абсолютно новехонькая, раскрашенная в желтые и небесно-голубые тона, справа от нас — писчебумажный магазин Гомез, первозданной белизны, которую подчеркивали и оттеняли очаровательные птички на ветвях, нарисованные тонкими штрихами… Все это требовало больших расходов… Нужно было этим всерьез заняться.

Она ничего не сказала моему отцу и отпра-

вилась в жестком вагоне с огромным тюком, весящим по меньшей мере 20 кило.

В Шату она сразу же развернулась… Она незаконно заняла прилавок за Мэрией, у вокзала, в хорошем месте. Она раздала все свои карточки, чтобы создать магазину рекламу. После полудня она отправилась, перегруженная, как мул, на поиски вилл, где могли бы жить покупательницы… Она вернулась вечером в Пассаж в полном изнеможении, она прямо кричала, так судороги сводили ей ногу: колено и особенно вывихнутая лодыжка распухли… Она пластом лежала в моей комнате, дожидаясь возвращения отца… Прикладывала болеутоляющие жидкости… и очень холодные компрессы.

Таким образом, обходя пригороды, она вела уличную торговлю со скидкой для постоянных покупателей, чтобы заработать немного наличных… Нам они были нужны… «Не тащить же обратно!» — говорила она… В ее отсутствие в лавку заходили два, от силы три человека… Значит, лучше было бы просто закрыть дверь, а мне отправиться вместе с ней в пригород и нести самые большие тюки. Мадам Дивонн, которая раньше оставалась в наше отсутствие, уже не было, и мы повесили на дверях надпись «Я больше не

вернусь». И сняли дверную ручку.

Дядя Эдуард действительно любил свою сестру. Его крайне огорчало, когда он видел, как она страдает, чахнет и влачит все более и более жалкое существование, продолжая надрываться. Ее здоровье очень беспокоило его, настроение тоже… Он все время думал о ней. В последующие дни, возвращаясь из Шату, она уже не могла сдержаться, нога причиняла ей ужасные страдания, все ее лицо искажалось. Она скулила, как собака, скорчившись прямо на линолеуме… Когда уходил отец, она растягивалась пластом на полу. Ей казалось, что так прохладнее, чем на кровати. Если, возвращаясь из конторы, он заставал ее, бледную, осунувшуюся, изможденную, когда она, задрав юбки до подбородка, массировала свою ногу в тазу с водой, он потихоньку одним прыжком поднимался наверх, промелькнув, как молния, делая вид, что не замечает ее. И погружался в свои акварели. Продать удавалось лишь некоторые, в частности «Корабли под парусами», целую серию, и «Собор кардиналов»… Цвета были самые живые!.. Бесконечно переливающиеся. Такое всегда хорошо смотрится в интерьере. В то время он тосковал… Приближался конец месяца… Чтобы наверстать упущенное во время наших походов

по Шату, мы не закрывались допоздна… Люди заходили после обеда… Особенно во время грозы… Когда появлялся покупатель, моя мать быстро, резким движением задвигала все свои мисочки и компрессы под диван… и с улыбкой выпрямлялась… Начинала разговор… Вокруг шеи, я это хорошо помню, она повязывала себе большой бант из муслина… Тогда это было модно… От этого ее голова казалась просто огромной.

* * *

Дядя Эдуард тоже лез вон из кожи, но ему не о чем было сожалеть, он имел успех… Он все больше и больше преуспевал в изготовлении деталей и запчастей для велосипеда… Это занятие становилось доходным и даже очень. Вскоре он с приятелем купил гараж у выезда из Леваллуа.

У него была предпринимательская жилка и талант изобретателя… в области механики… это его вдохновляло… Четыре тысячи франков своего наследства он сразу же вложил в патент на изобретение велосипедных насосов новой системы, которые складывались так, что их можно было носить в кармане… И он всегда носил с собой два или три, чтобы иметь возможность тут же их продемонстрировать. Он дул из них прямо вам в нос… Эта авантюра чуть не стоила ему всех четырех тысяч. Продавцы оказались мошенниками… Но он все же вывернулся благодаря своему никогда не унывающему нраву и еще телефонному разговору… перехваченному в последний момент!.. Неслыханное везение!.. Еще бы немного и!.. Он бы пропал!..

Моя мать восхищалась дядей. Она хотела, чтобы я на него походил… Мне нужен был образец для подражания!.. Мой дядя, в отличие от моего отца, несомненно был идеалом… Она не говорила мне этого прямо, но намекала. Отец придерживался иного мнения насчет Эдуарда, он считал его обыкновенным идиотом, крайне вульгарным, с низменными интересами… Весь этот механический, автомобильный базар, трехколесные машины и несуразные насосы действовали ему на нервы!.. Он выходил из себя… Стоило ему только услышать его голос!..

Когда мама иногда начинала хвалить своего брата, рассказывая всем о его предприятиях, его успехах и его хитростях, он ее обрывал… Он не мог этого вынести! Нет! Ему тут все было ясно. Он приписывал все везению… «Ему просто везет, вот и все!» Таково было мнение отца. И он больше не желал говорить об этом… Он не мог прямо его ругать, потому что мы были должны ему деньги… И он сдерживался, чтобы его не бранить… Эдуард, конечно, все понимал… Это было очевидно… Но он терпел эту антипатию, ничего не хотел обострять, он все время помнил о своей сестре…

Он был очень скромен, он заходил лишь на минутку, узнать новости… Не лучше ли маме? Его

очень волновал цвет ее лица и огромные тюки, с которыми она бродила по улицам… Из-за этого она потом целыми днями лежала и стонала… Это волновало его все больше и больше… А так как ее состояние ухудшалось, в конце концов он решился побеседовать с отцом… Обсудив все втроем, они пришли к выводу, что ей уже давно пора отдохнуть… так больше продолжаться не может…

Но как ей отдохнуть? Они нашли выход… можно было бы нанять домработницу, например, на два-три часа в день… это уже было бы облегчением… Ей можно было бы меньше подниматься по лестницам… Не подметать под мебелью… Не ходить за покупками… Но в нашем теперешнем положении подобные траты были невозможны!.. Просто безумие, воздушные замки! Вот если бы я нашел работу… Тогда из моего заработка выделяли бы деньги на прислугу… Это бы дало маме возможность… Она бы так не надрывалась, не бегала бы столько… Они сами до этого додумались… Им нравилось такое решение… Оно взывало к моему доброму сердцу! Мне предстояло испытание, хватит быть испорченным, наглым эгоистом… У меня тоже должна быть своя роль, свой путь в жизни! Облегчить мамины страдания!.. Presto!..

Я должен был броситься, впрячься в дело! Ах! Ах! Сразу же, как только приведут в порядок мой прикид… Быстренько наняться куда-нибудь и — вперед, вкалывать! Без ошибок! Без уверток! Полная гармония! Без лишних вопросов! Личная ответственность! Настойчивость! Их-то у меня хватит, Господи Боже мой! Это восхитительно! Можно считать, что все сделано!..

Для начала мне нужны были башмаки! Мы отправились в магазин «Принц Консорт»… В «Брумфилде» все же было дороговато… особенно за две пары на пуговицах!.. А ведь, как только мы развернемся, понадобятся и три, и четыре такие пары!

* * *

Чтобы купить костюм и брюки, я отправился в «Высший класс» около ле Аль[80], это был солидный дом с вековой репутацией, особенно славилась у них одежда из шевиота и разных «выходных» тканей, которую практически никто не носил… Это называлось: «рабочая одежда»… Цены на нее кусались! Еще одна ужасная жертва!..

Был только август, меня же снарядили по-зимнему. Жара не должна была длиться вечно!.. И все же, именно в тот момент было очень жарко! Нужно лишь немного переждать! А холодам не будет видно конца!.. Плохая погода!.. Пока же я похожу так, если не задохнусь окончательно… Можно взять куртку под мышку!.. А перед тем как позвонить в дверь, я ее надену… Вот и все!..

Моя мать не сказала, в какую сумму обойдется нам мое снаряжение… Это было баснословно по сравнению с нашими средствами… Мы выскребли все со дна ящиков… Напрасно она старалась, ломала себе голову, тряслась в поездах в Везине,

---

[80] Примечания: 80

Ле Аль — район в центре Парижа, где раньше располагался большой рынок.

еще дальше, в Нейи, в Шату, торговала целыми днями, увозя туда все свое барахло, весь наименее привлекательный залежалый товар… И по самым низким ценам она ничего не могла продать… Ей все время не хватало до нужной суммы… Это было неразрешимо! Все время не хватало то 20 франков, то 25 или 35. И плюс еще налоги, которые начислялись без остановки, и плату приходилось задерживать на два месяца… Замкнутый круг!.. Она ни о чем не говорила отцу… Пыталась комбинировать… Она отдала мамаше Оргон Гюстав, грязной старьевщице с улицы Абукир, пять хороших акварелей отца… лучших, по правде говоря, за четверть обычной суммы. Само собой разумеется, «по договоренности»… Чтобы набрать нужную сумму, она шла на самые хитроумные уловки… Она ничего не хотела брать в кредит… После нескольких недель стараний, ухищрений и попрошайничества я был, наконец, одет, я просто пылал, так мне было жарко, но зато я был одет добротно… Когда я увидел себя облаченным во все новое, я немного растерялся! Черт побери! Это производило смешное впечатление! Желание работать у меня еще оставалось, но меня одолевали сомнения… Может, я просто слишком потел в этом зимнем наряде? Я был, как

походная печка…

Я действительно совсем не чувствовал себя ни гордым, ни счастливым… Наверное, из-за перспективы сразу же идти приставать к хозяевам… и нести всякий бред! А стоило мне представить, как потом я целыми днями буду находиться взаперти у них в доме, меня просто выворачивало. В этой блядской Англии я отвык сидеть в заточении… Нужно было заново привыкать! Но только мне не очень хотелось! Едва я видел возможного хозяина, у меня ноги подгибались! Слова застревали в горле. Я еще только шел по улице, а меня уже заранее мутило… Дощечки с именами плавились от жары… Было 39,2!

Все, что говорили мои предки, в общем, было довольно убедительно… Настал решающий момент, нужно приложить максимум усилий… поймать счастье… и устроить свою Судьбу… Теперь или никогда я должен был найти хозяина… Все это было прекрасно… Главное, очень возвышенно… Я напрасно снимал свой пиджак, воротничок, даже башмаки, я потел все больше и больше… Пот стекал с меня ручьями… Я выбирал знакомые дороги. Шел мимо Горложа… Стоило мне увидеть их дом, как меня бросало в дрожь… Как только я вспоминал тот случай, у меня начи-

нались спазмы в заднем проходе… Черт возьми! Что за воспоминания!..

Когда я думал о стоявшей передо мной задаче, меня покидали силы, и мне хотелось сесть… Денег у меня было не так много, а мне постоянно хотелось пить… Не хватало даже на стаканчик за 10 сантимов… Я подолгу оставался в подворотнях… Там всегда были тень и сквозняки… Я ужасно чихал… Это иногда мешало мне размышлять… После постоянных и длительных размышлений я почти согласился с тем, что мой отец прав… Опыт показывал, что я совсем ничего не стою… У меня были лишь пагубные наклонности… Я был ни на что не годный бездельник… Я не заслуживал их великой доброты… ужасных жертв… Я чувствовал себя недостойным, каким-то гнойным нарывом на теле общества… Я прекрасно понимал все, что должен сделать, и пытался бороться, но у меня все хуже и хуже получалось… С возрастом я не улучшался… И к тому же мне все больше хотелось пить… Жара — это тоже драма… Если ты ищешь работу в августе, тебя постоянно мучит жажда, из-за того что приходится подниматься по лестнице, и сохнет в глотке от страха, пока ждешь на лестничной площадке… перед дверью… Я думал о своей матери… о ее ноге и о том, что, най-

ди я работу, можно было бы нанять служанку… Эти мысли не прибавляли мне энтузиазма… Напрасно я бичевал себя, стараясь вызвать прилив благородной энергии, у меня ничего не получалось. Все мое рвение к работе пропало после случая с Горложем! А жаль! И я чувствовал себя несчастнее любого из этих ублюдков, даже всех их вместе!.. Конечно, такой эгоизм отвратителен! Меня интересовали только собственные неприятности, я постоянно мусолил их, они казались мне ужасными, они воняли сильнее, чем старый гниющий бри… И я тоже загнивал в этой жаре, я сгорал от пота и стыда, карабкаясь по этажам, покрывался испариной; позвонив в двери, я весь истекал потом, бесстыдно и откровенно.

У меня побаливал живот, и я брел, сам не зная куда, по старым улицам, Паради, улице д'Отвиль, Женер, Сантье, по дороге я снимал не только свою увесистую куртку, но и целлулоидный воротничок, суперпрочный, настоящий собачий ошейник, потом из-за него я покрылся прыщами. На лестничной площадке я снова напяливал все это. Я собрал все адреса, я черпал их в «Боттен»[81]. В почтовом отделении я составлял себе списки. У

[81] Примечания: 81
Телефонный справочник.

меня больше не оставалось денег, чтобы чего-нибудь попить. Моя мать оставляла свой кошелек с мелочью на буфете… Я жадно косился на него… Такая жара деморализует! После некоторых колебаний я его все же взял… Меня постоянно мучила жажда, особенно когда я проходил мимо фонтанов. Кажется, моя мать это заметила. И дала мне еще два франка…

Перед возвращением в Пассаж после бесплодных длительных походов по этажам и кварталам, мне нужно было как-то прийти в себя, чтобы за обедом выглядеть не слишком удрученным… Все совершенно не клеилось. Мои предки никогда бы не вынесли, не спустили мне, не смогли бы понять одного… что мне не хватало веры и энтузиазма… Они бы этого не стерпели… Я не имел права на жалобы!.. Сострадание и драмы — это что-то совершенно особенное. Только для моих родителей… Дети — всегда хулиганы, бандиты, неблагодарные безответственные подонки!.. Любая моя жалоба действовала на них, как красная тряпка… Это расценивалось как богохульство! Гнусное клятвопреступление!..

«Что ты говоришь? Ах ты, сопливое дерьмо! Ну и наглость!» Я был молод и уже пытался ломаться? Ах! просто неслыханно! Ах! дьявольская

наглость! Ах! ну и бесстыдство! Господи Боже мой! Ведь у меня все было впереди! Все радости жизни! И я смел роптать на свою судьбу! На свои ничтожные невзгоды! Ах! Посредственность, убожество! Убийственная наглость! Полное бесстыдство! Немыслимая испорченность! Они готовы были стереть меня в порошок, лишь бы я взял свои слова обратно! И нога, и абсцесс, и все страдания были забыты!.. Моя мать сразу же выпрямлялась! «Несчастный! Сейчас же! Безмозглый придурок! Возьми назад свои оскорбительные слова…»

Я повиновался. Я, в отличие от них, не очень хорошо понимал, в чем заключается блаженство молодости… Они бы точно прибили меня, если бы я не уступил… Стоило мне выразить хоть малейшее сомнение и принять агрессивный вид, они теряли всякое самообладание… Они бы предпочли видеть меня в гробу, чем слышать, как я оскверняю и отвергаю дары Неба. В ответ на любой порыв с моей стороны глаза моей матери начинали излучать негодование и ужас! Она готова была запустить мне в башку любой предмет, оказавшийся под рукой… если бы я продолжал настаивать на своем… Я имел право только радоваться и благодарить! Я был рожден под счастливой звездой! какое счастье! Вот мои

родители — другое дело! Они-то как раз были подвержены различным бедам и трагедиям… А я был лишь бессловесной скотиной. Молчать! Обуза для семьи!.. Я должен был лишь подчинять-ся… и молчать! Чтобы они забыли обо всех моих ошибках и мерзких наклонностях!.. Огорчались только они! Сочувствовать должны были только им! Лишь они знали, что такое жизнь! Лишь у них была чувствительная душа! Кто ужасно страдал? от таких ужасных условий? от превратностей судьбы?.. Только они! Лишь они всегда и везде были одиноки! Они не хотели, чтоб я в это вмешивался, не могли допустить даже мысли о том, что я им помогаю… что я к этому хоть как-то причастен… Это была только их привилегия! Я считал, что это крайне несправедливо. Но это не подлежало обсуждению.

* * *

Они могли сколько угодно говорить и ругаться, я оставался при своих убеждениях. Я тоже считал себя обделенным во всех отношениях! Сидя на ступеньках «Амбигю», как раз там, где «Валлас»,[82] я снова и снова приходил к тому же выводу… Это было очевидно!..

Иногда, решив, что день потерян, я отказывался от поисков места и просто слонялся по улицам… Я выкуривал тонкую сигарету… Трепался с разными темными личностями, местными бродягами, у которых всегда было полно секретных сведений и поддельных свидетельств… Они не скупились на советы… Они читали все объявления, все афишки и наглядные пособия… Среди них был даже татуировщик, который еще подстригал собак… Самые низкопробные профессии… Ле Аль, Ля Виллет, Берси… Они были грязные, как свиньи, засаленные, опустившиеся и завшивевшие… Они все преувеличивали до такой степени, что это

[82] Примечания: 82

«Валлас» — один из ста фонтанчиков питьевой воды, которые в 1872 г. сэр Ричард Уэллэйс (по-французски это звучит как Валлас) подарил Парижу.

казалось манией! Они постоянно жульничали, пытались вас надуть и из кожи вон лезли, рассказывая о своих связях… победах… и успехах… Обо всех пережитых приключениях… Границ для вранья не существовало… Разногласия устранялись при помощи ножа, а иногда в канале Сен-Мартен… постоянно упоминался чей-нибудь знаменитый кузен, бывший главный советник… Они претендовали невесть на что! Даже «сандвичи», самые доходяги… держались за некоторые эпизоды своей жизни, насмехаться над коими не следовало… Выдумки толкают на преступление сильнее, чем алкоголь… У многих уже нечем было жевать, они были насквозь трухлявые, подслеповатые… А у некоторых выпирали животы… Я понемногу начинал видеть и себя таким же…

К шести часам вечера я, как правило, заканчивал свои попытки… На день вполне достаточно!.. Место было благоприятное для отдыха, настоящий пляж… Я давал отдых ногам… У «Амбигю» на своеобразном пляже собирались все измотанные до предела доходяги и те, кто ленился бродить по жаре, а предпочитал выпить за будущий успех. Я хорошо их понимал… Вдоль всего театра под каштанами… Тянулась решетка, на которую вешали старье… Все удобно рассаживались и

передавали друг другу бутылки пива… Колбасу из белого мяса, что «вошла в моду», чеснок, и сыр камамбер… На возвышениях и ступенях устраивалась целая Академия… Самая разношерстная толпа… Но я уже это все видел… еще когда работал у Горложа… Тут были сопливые сутенеры и солидные агенты… сборная солянка всех возрастов… и те, кто немного подрабатывал осведомителями в Полицейском управлении. Они стреляли сигары… Там всегда было два или три «букмекера», пытавшихся поймать удачу… Были очень пожилые коммивояжеры, таскавшие коробки с образцами никому не нужных товаров… Были сопляки, еще слишком зеленые, чтобы промышлять в Лесу… Один юнец, ошивавшийся там каждый день, специализировался на общественных писсуарах, заодно он подкладывал туда корочки хлеба, чтобы они пропитались мочой… Он рассказывал о своих приключениях… У него был знакомый старый еврей, колбасник с улицы Архивов, тоже страстный любитель… Они пожирали их вместе… Однажды они влипли… Его не видели два месяца… Когда он вернулся, его было не узнать… Агенты его так отделали, что он попал в больницу… Эта взбучка его полностью изменила… Он просто преобразился… Голос у

него переменился на бас. Он отпустил бороду… И больше не хотел есть дерьмо.

Там еще появлялась сводня, в общем-то, довольно соблазнительная. Она прогуливала свою дочь, девочку в длинных красных чулках перед «Фоли Драматик»… Кажется, это стоило 20 монет… Я бы тоже не отказался… Но в то время это было целым состоянием… В нашу сторону они даже не смотрели, такие ублюдки им не нужны… Звать было бесполезно…

Из своих походов я приносил газеты и разные остроты… Вшей тоже, что было неприятно… Я сам не знаю, как подцепил их… Пришлось мазаться… Вши на «пляже» перед «Амбигю» были настоящим проклятием… Особенно педики, таскавшиеся по площадкам, были просто нафаршированы ими… Они вместе ездили за мазью в Сен-Луи[83]… Потом вместе отправлялись «мазаться»…

Я как сейчас вижу свою соломенную шляпу, крепкое канотье… она все время была у меня в руке и весила почти два ливра… Она должна была прослужить мне два года, а если возможно, то

[83] Примечания: 83

Сен-Луи — одна из самых старых парижских больниц, находившаяся на улице Биша. Она была основана в 1604 г. Генрихом IV. В основном там лечили кожные и венерические болезни.

и три… Я носил ее до армии, то есть до двенадцатого класса. Свой воротничок я снимал все чаще, он оставлял на шее жуткую багрово-красную отметину… В то время все мужчины носили до самой смерти красную борозду вокруг шеи. Это напоминало магический знак.

Обсудив объявления и приглашения на работу, все набрасывались на спортивные колонки, где сообщалось, что на стадионе «Буффало»[84] все Шесть дней будут соревноваться Морэн[85] и всеобщий любимец Фабер[86]… Завсегдатаи «Лонгшама» прятались в противоположном углу… Девчонки из кабака ходили взад-вперед… Мы их не интересовали, у них были свои дела… С нами можно было лишь иногда потрепаться, сборище жалких недоделков…

Тогда только начинали ходить автобусы,

---

[84] Примечания: 84

Буффало — велодром Буффало находился в Нейисюр-Сен между Порт-Майо и Порт-де-Терн. По воскресеньям в теплое время года там проводились соревнования «Шесть дней» — самые популярные гонки велосипедистов, которые соревновались индивидуально и группами из двух-трех участников.

[85] Примечания: 85

Морэн Людовик — велосипедист, популярный в 1890–1900 гг.

[86] Примечания: 86

Франсуа Фабер — велосипедист из Люксембурга, первый иностранный победитель «Тур де Франс» в 1909 г., погиб в 1915 г. во время службы в Иностранном легионе.

знаменитые «Мадлен-Бастий[87]», с высоким империалом, чтобы туда забраться, нужно было приложить все свои силы, всю энергию… Это был еще тот спектакль, настоящая вакханалия! У Сен-Мартен все переругивались. Пассажиры, уже забравшиеся наверх, принимали участие в спектакле… Они делали, что хотели. Машина рисковала опрокинуться из-за того, что все в волнении перевешивались на одну сторону… Они цеплялись за бахрому, за стойки, за сиденья, за установленные по краю поручни… Испускали победные крики… Лошади были уже загнаны, это было видно… Больше они никому не будут нужны… Дядя Эдуард всегда об этом говорил… Таким образом, перед «Амбигю» вот так, между пятью и семью часами, я наблюдал надвигающийся прогресс… но мне, как всегда, там не было места… Я все время отправлялся домой на своих двоих… Я никак не мог найти хозяина, чтобы начать все сначала… Как ученик я им не подходил, я уже вышел из этого возраста… А для служащего был еще слишком молод… Я находился в неблагоприятном периоде… и даже если бы я хорошо говорил

[87] Примечания: 87

«Мадлен-Бастий» — первый парижский автобус, который начал ходить в 1905 г. У него был империал, и он мог одновременно перевозить около 30 пассажиров.

по-английски, было бы то же самое!.. Им это не нужно! Иностранные языки могли понадобиться лишь в больших магазинах. А там новичков не брали!.. Во всех отношениях я ровным счетом ничего не стоил!.. Хоть на уши встань!.. Все безрезультатно!..

Постепенно, очень осторожно, я начал делиться с матерью посещавшими меня мыслями, что мои перспективы не так уж радужны… Но разубедить ее было невозможно… Теперь она строила другие планы, касающиеся только ее, она собиралась создать новое предприятие, гораздо более выгодное. Это уже давно подзадоривало ее, а теперь она наконец решилась!.. «Видишь ли, дружок, пока я не буду рассказывать об этом твоему отцу, держи все это при себе… Я не хотела бы его разочаровывать, беднягу!.. Он и так страдает, когда видит, как мы несчастны… Но, между нами, Фердинанд, я думаю, что наша бедная лавка… Тсс! Тсс! Тсс!.. Она не сможет больше подняться… Гм! Гм! я боюсь худшего, ты знаешь!.. Это дело решенное!.. Конкуренция в торговле кружевами стала чрезмерной!.. Твой отец не может этого осознать. Он не имеет с этим дела, как я, каждый день… И слава Богу! Теперь товара нам нужно уже не на несколько сотен, а на тысячи и миллионы франков, чтобы

иметь подходящий выбор! Где же взять такое состояние? Откуда взять кредит, боже мой? Все это под силу лишь крупным предпринимателям! С колоссальным штатом!.. Наш магазинчик, ты видишь, обречен!.. Это вопрос лишь нескольких лет… Месяцев, может быть!.. Сопротивляться бессмысленно… Крупные супермаркеты раздавят нас… Я уже давно вижу, как это надвигается… Со времен Каролины… становилось все хуже и хуже… это не вчера началось! Мертвые сезоны следуют один за другим… и с каждым годом все чаще… Они становятся все длиннее и длиннее… Да и я, ты знаешь, мой мальчик… нельзя сказать, что мне не хватает энергии!.. Нам необходимо выкарабкаться!.. Вот что я попытаюсь сделать, как только мне станет лучше… как только я смогу встать на ноги. Тогда я сразу буду искать работу в большом магазине… Мне не трудно будет ее найти!.. Они знают меня давно!.. Знают, как я борюсь! Мужества мне не занимать… Они знают, что мы, твой отец и я, люди безупречные… что нам можно доверять… что угодно!.. Это я могу тебе точно сказать… Марескаль!.. Батей!.. Рубик!.. Они знают меня еще со времен Бабушки!.. Я не новичок в этом деле… Они знают меня уже 30 лет, всю жизнь я была продавщицей и коммерсанткой… Мне

нетрудно будет найти… Ничьих рекомендаций мне не надо… Я не люблю работать на других… Но в настоящее время выбора нет… Твой отец ничего не заподозрит… абсолютно… Я скажу ему, что иду к покупательнице… Он увидит в этом лишь рвение!.. Я буду уходить, как обычно, и всегда буду возвращаться вовремя… Ему, несчастному, было бы стыдно видеть, что я работаю на других… Он был бы унижен, бедняга… Я хочу избавить его от этого!.. Любой ценой!.. Он бы этого не вынес!.. Я не смогла бы его утешить!.. Его жена служит у других!.. Боже мой!.. Даже то, что я работала у Каролины, на него плохо действовало… В конце концов, он ни о чем не догадается!.. Я буду ходить один день по одной улице, другой день — по другой… Это будет не так уж сложно… лучше, чем это постоянное колебание!.. Гнусная эквилибристика, от которой мы подыхаем!.. Постоянные усилия!.. Нужно везде затыкать дыры! это настоящий ад, в конце концов! Мы заплатим за это собственной шкурой! У нас будет гораздо меньше волнений! Платить здесь! Платить там! Сколько можно! Какой ужас! Бесконечная мука… У нас будет небольшой, но постоянный доход… Больше не будет резких колебаний! Кошмаров! Вот чего нам не хватало! Всегда!.. Чего-то прочного! Хуже

не будет, чем все эти двадцать лет! Постоянно приходится изворачиваться! Боже мой! Вечная погоня за сотней су, а покупательницы никогда не платят! Только одну дыру заткнули, появляется другая!.. О! Независимость — это прекрасно! Я всегда ценила ее, моя мать тоже! Но я не могу больше… Все у нас будет хорошо, ты увидишь, если мы возьмемся за это вместе, мы сразу сможем свести концы с концами!.. Будет и домработница! Раз это доставляет ему такое удовольствие!.. Не говоря уж о том, что мне она очень нужна! Это не роскошь!»

Для моей матери эта новая безумная фантазия была просто бальзамом… Для нее никогда ничего не было слишком сложным, слишком тяжелым! Она бы хотела в глубине души выполнять работу за всех, тащить лавку совсем одна… и еще целую семью с домработницей в придачу… Она никогда ни у кого не искала сочувствия и понимания, лишь самой себе признавалась в том, насколько ей иногда тяжело и тоскливо… Даже если бы я расшибся в лепешку и добился удачи, это ничего не изменило бы… Я был уверен, что с прислугой она бы работала еще в 50 раз больше… Она очень любила свою тяжелую жизнь… А я — другое дело… Я как червяк в яблоке. Я просто рвач и

все… Может, эта черта появилась после моего пребывания в Рочестере, после того как я бил баклуши у Мерривина?.. И я стал откровенным бездельником. Вместо того чтобы бежать на улицу, я часами думал… По сути, я предпринимал лишь жалкие усилия, чтобы найти работу… Перед каждым звонком на меня как будто нападало оцепенение… Во мне не было крови мучеников… Черт побери! У меня отсутствовало нетерпение, свойственное молодости!.. Я все откладывал на завтра… Я попытал счастья в другом квартале, мне хотелось искать работу в местах не таких душных… тенистых, продуваемых ветерком… Я обошел лавки вокруг Тюильри… Под прекрасными арками… на широких проспектах… Я спрашивал у ювелиров, не нужен ли им молодой человек?.. Я парился в своей куртке… а им никто не был нужен… Под конец я так и остался в Тюильри… Я разговаривал с бродившими вокруг шлюхами… Я проводил время, лежа в кустах, действительно по-английски, ничего не делая… только пил и запускал волчки… Там был еще продавец «кокса» и оркестр рядом с каруселью…

Как это было давно… Однажды я заметил моего отца… Он шел вдоль решетки. На доставку… С тех пор, чтобы не рисковать, я стал чаще оставать-

ся в саду Карузель… Я прятался между статуй… Один раз зашел в музей. В то время это было бесплатно… Картин я не понял, но, поднявшись на четвертый этаж, обнаружил морской флот. И остался там. Потом я стал ходить туда регулярно. Проводил там целые дни… Я знал все эти модели… Стоя в одиночестве перед картинами… я забывал все несчастья, поиски места, хозяев, еду… Я думал только о кораблях… От вида парусников я балдею… Мне бы хотелось быть моряком… Отцу тоже… Это плохо обернулось для нас обоих!.. Я его почти понимал…

Когда я приходил к ужину, он спрашивал меня, что я делал?.. Почему я опоздал?.. — Искал! — отвечал я… Мама смирилась с этим. Отец ворчал в тарелку. Он больше ни о чем не спрашивал.

* * *

Моей матери сказали, что она могла бы теперь же попытать счастья на рынке в Пек или даже в Сен-Жермен, это нужно было делать теперь или никогда, ибо все богатые люди устраивались там в виллах на холме… Они наверняка захотят купить ее кружева на занавески в комнатах, покрывала для кроватей и салфеточки… Время было благоприятное…

Она сразу же бросилась туда… За неделю она обегала все дороги со своим тюком, набитым миллионом тряпок… От вокзала в Шату почти до Мелан… Все время торопясь и хромая… К счастью, погода стояла прекрасная! Дождь стал бы настоящей катастрофой! Она уже была счастлива, потому что ей удалось продать большую партию залежалого товара, гипюра с бахромой и тяжелых кастильских шалей, которые не носили со времен Империи! Виллы оказывали благотворное воздействие на своих обитателей! Нужно было быстрее устраиваться… И они позволяли себя немного одурачить… Благодушие, хорошее настроение, панорама Парижа. Моя мать не упус-

кала своего, она пользовалась моментом, но в одно прекрасное утро ее нога вообще перестала двигаться. И с поездками было покончено… Даже второе колено пылало… Оно тоже раздулось вдвое…

Живо притащился Капрон… Он смог лишь констатировать… Воздев обе руки к небу… Несомненно, назревал абсцесс… Сустав уже распух… Хочешь — мужайся, хочешь — нет, один черт!.. Она не могла сдвинуть свой зад, повернуться на другой бок, приподняться даже на сантиметр… Она испускала пронзительные крики… Стоны не прекращались, не столько из-за боли, она была тверда, как Каролина, сколько из-за того, что болезнь победила ее.

Само поражение было ужасно.

Срочно понадобилась домработница!.. У нас все изменилось… Существование разладилось… Мама лежала на кровати, отец и я делали самое тяжелое: подметали, выбивали ковры, убирали на крыльце и в лавке по утрам перед тем, как уйти… Прогулки, метания, сомнения сразу прекратились… Мне нужно было выпутываться и быстренько искать работу. Как угодно!

Домработница Ортанз приходила только на час утром и на два часа после обеда. Весь день она

прислуживала в бакалейном магазине на улице Вивьен рядом с Почтой. Это была личность, заслуживавшая доверия… У нас она подрабатывала… Ей не повезло, она вынуждена была выкручиваться после того, как ее муж потерял все, попытавшись заработать на водопроводе. А еще у нее были двое мальчишек и тетка в придачу… Просвета не было… Она рассказывала все моей матери, распластанной на кровати. Однажды утром мы с отцом спустили маму вниз. Устроили на стуле. Требовалась осторожность, чтобы не стукнуть ее о ступени и не уронить. Ее посадили, подперев подушками, в углу лавки… чтобы она могла отвечать покупателям… Это было тяжело… Нужно было еще постоянно прикладывать… «целебные» компрессы.

Хоть Ортанз и вкалывала, как буйвол, на полную катушку, она все же оставалась привлекательной, в ней было что-то пикантное… Она сама все время повторяла, что ни в чем себе не отказывает, особенно в питании, но со сном было хуже! у нее не оставалось на это времени… Ее поддерживали еда и кофе с молоком… Она вливала в себя по меньшей мере по десять чашек за день… У торговца фруктами она жрала за четверых. Эта штучка Ортанз смешила своими сплетнями

даже мою больную мать, лежащую на кровати. Моего отца ужасно злило, когда он заставал меня с ней в комнате… Он боялся, что я ее трахну… Я по привычке дрочил на нее, но только совсем без азарта, совсем не так, как в Англии… Я уже не чувствовал того исступления, в этом было даже что-то пресное, было слишком много несчастий, чтобы чувствовать особый подъем… Приплыли! Черт побери! Это даже перестало быть занятным!.. Находиться в таком положении и еще тащить на себе семью — это ужасно… Башка у меня была забита заботами… Теперь найти место стало куда сложнее, чем перед отъездом. Стоило мне увидеть свою скорбящую мать, как я сразу же отправлялся на охоту по адресам!.. Я прочесал все Бульвары, котлован Сантье, границы Биржи… К концу августа этот угол и вправду был самым неприветливым из всех кварталов… Там было ужасно грязно и душно… Я обошел все этажи, экипированный воротничком, галстуком-бабочкой, в бронированном канотье… Я не пропустил ни одной таблички… туда и обратно… Джимми Блэкуэлл и Карстон, экспортеры… Порогофф, трансакционер… Токима для Каракаса и Конго… Эрито и Кюгельпрюн, заказы для всей Индии…

Снова я почувствовал себя собранным, бодрым

и решительным. Я причесывался, бросался под арку. Прямо в подъезд. Звонил в одну дверь и сразу же во вторую… Иногда, если у них дела шли плохо, приходилось отвечать на вопросы… Они спрашивали меня, чего я хочу… что умею делать?.. На что я способен?.. Каковы мои условия?.. Я сникал в ту же секунду… что-то бормотал, пускал пузыри… лепетал жалкие отговорки и начинал пятиться… Меня внезапно охватывала паника… От этих инквизиторских рож меня бросало в дрожь… Я становился как будто чувствительнее… Нахальство полностью улетучивалось. Меня корчило, как от колик!.. все же я снова и снова пытался предложить себя… Я звонил еще раз в дверь напротив… там были те же жуткие рожи… И так раз двадцать перед завтраком… Я уже даже не приходил есть. У меня действительно было слишком много забот… Я совсем не был голоден! мне только ужасно хотелось пить… Я бы и вообще не возвращался. Я чувствовал, какие сцены меня ожидают. Моя мать со своими страданиями! Мой отец со своей механикой, вспышками гнева, бормотанием и безумными воплями… Жалкая перспектива!.. Я уже выслушал все их комплименты!.. Я сохранил на жопе все свое дерьмо!.. Я стоял на берегу Сены и ждал двух

часов… Я смотрел, как купаются собаки… Я даже забыл про свою систему… И бродил наудачу! Избороздил весь левый берег… От угла улицы Бак я устремлялся по закоулкам… улица Жакоб, улица Турнон… Я попадал в почти заброшенные заведения… Прилавки с образцами галантереи для покойников… которые в провинции скрывают… Поставщики настолько жалких предметов, что просто невозможно описать… И все же я их очаровывал… Я попытался добиться экзамена у продавца облачения для священников… Я сделал все возможное… Продемонстрировал свое упорство оптовому продавцу риз… Я уже подумал, что они возьмут меня на фабрику канделябров… Я уже настроился… Я дошел до того, что нашел их замечательными… Но в последний момент все рушилось! В Сен-Сюльпис меня окончательно лишили надежды… Там тоже переживали кризис… Меня выпроваживали отовсюду…

Из-за хождения по асфальту все мои ноги были в язвах… Всюду я ненадолго разувался и быстро окунал их в раковину умывальника. Я научился разуваться в одну секунду… Так я познакомился с мальчиком из кафе, страдавшим от язв на ногах еще больше, чем я. Он прислуживал утром и вечером и даже позже, после полуночи, на огромной

террасе во дворе Круа-Нивер, в немецкой пивной. Его ноги порой так болели, что он клал себе маленькие кусочки льда прямо в башмаки… Я сам попробовал так делать… Ненадолго это помогало, только после становилось еще хуже.

* * *

Моя мать лежала с вытянутой ногой в глубине лавки уже больше трех недель. Покупателей было немного… Это тоже раздражало… Она больше совсем не могла выходить…

Иногда лишь заглядывали соседи поболтать и составить ей компанию… Они приносили все сплетни… и основательно задурили ей голову… Про меня они несли всякий бред… Этим скотам действовало на нервы мое постоянное болтание без дела. Почему я не нашел работу?.. А? Они все время об этом спрашивали… То, что я продолжал висеть на шее родителей, несмотря на столько усилий, невообразимые жертвы, было просто невероятно!.. Это превосходило их понимание!.. А! Э? Загадка!.. Они видели, что я на мели и пользовались этим… А, ну да! А, превосходно! Они не такие болваны, как мои старики!.. Они бы так не оплошали!.. Они прямо говорили об этом!.. Нет уж, ни за какие коврижки! Они бы не стали выворачиваться наизнанку! Ради сопляков, которым на это насрать… Они бы не позволили своим мальчишкам делать из себя дураков! Э, что нет,

то нет! Кому это нужно?.. Особенно обучать их языкам! А! дурацкие затеи, Господи Боже мой! А! курам на смех! Чтобы сделать из них хулиганов, вот и все! Господи, это ни к чему не приводит!.. Доказательство? это совершенно очевидно! Стоит только взглянуть на меня… Хозяин? Я никогда не найду его!.. Я уже всех разочаровал… Я не умел себя вести, вот и все!.. Они знали меня с детства и давно убедились в этом!.. Да.

Эти разговоры повергали мою мать в совершенное отчаяние, особенно в ее состоянии; болезненный абсцесс причинял ей все большие страдания. Теперь у нее распухло все бедро… Обычно она как-то сдерживалась и не повторяла все эти гадости… Но ее страдания достигли такой остроты, что она больше не могла себя контролировать… Она все пересказала отцу, почти слово в слово… У того уже очень давно не было припадков… Он ухватился за этот предлог… И опять начал вопить, что я сдираю кожу живьем и с него и с матери, что это бесчестье, вечный позор, что я виноват во всем! Во всех несчастьях! Как в прошлых, так и в будущих! Я толкал его на самоубийство! Я был настоящим убийцей!.. Он не объяснял почему… Он свистел, выпуская пар так сильно, что между нами образовалось облако…

Он рвал на себе волосы… Пока у него на башке не показалась кровь… Он обломал себе ногти… Яростно жестикулируя, он стукался о мебель… Он сдвинул комод… Лавка была совсем маленькая… Ему негде было развернуться в ярости… Он наткнулся на подставку для зонтиков… Сбросил наземь две китайские вазы. Моя мать хотела их подобрать. Ее нога подвернулась! Она испустила такой пронзительный крик… такой душераздирающий… что сбежались соседи!

Она почти лишилась чувств… Ей дали понюхать соли… Наконец она пришла в себя… И снова начала дышать, ее устроили на стульях… «Ах! — сказала она нам, — он прорвался!» Ее абсцесс!.. Она была счастлива, Визьо сам выпустил гной. У него был навык, он часто делал это на борту корабля.

* * *

Я одевался очень аккуратно, мой воротничок был просто железным, ботинки ослепительно блестели… Но моя мать, обдумывая мой туалет в задней комнате лавки, пришла к выводу, что это еще не все… Мне не хватало чего-то очень важного, даже несмотря на мои часы с полированной цепью… Несмотря на все увещевания, у меня оставались повадки хулигана… Это сразу бросалось в глаза, когда я запускал руку в карман, чтобы выудить оттуда монету!.. Жест выдавал во мне хулигана! Бандита! Это всех пугало!

Она быстро сориентировалась… Она отправила Ортанз на базар Вивьен… Чтобы та купила мне солидный бумажник… Крепкий, ручной работы, с многочисленными отделениями, большей частью ненужными… В придачу к нему она подарила мне четыре монеты по пятьдесят сантимов… Но я не должен был их тратить!.. Никогда!.. Экономия… Я должен привыкать к бережливости!.. Она вложила туда и мой адрес, на случай, если со мной что-нибудь произойдет на улице… Это доставляло ей удовольствие. Я не сопротивлялся.

Я быстро истратил эти деньги на питье… каждый стаканчик стоил 2 су… Все лето 1910 года стояла ужасная жара. К счастью, рядом с Тампль всегда было, чем прополоскать горло… На прилавках вдоль улиц продавали недорогой лимонад и прямо на тротуаре, и в рыночных бистро…

Я возобновил поиски работы в ювелирных лавках. Это занятие я хоть немного знал… Я вернулся в Марэ… На Бульварах уже не было свободного места! Между «Нэгр[88]» и воротами Сен-Дени копошилась настоящая толпа! Все давились в этом пекле… Пыли в садике Искусств становилось еще больше!.. Лучше было не садиться, везде сплошное облако пыли… стоило вздохнуть, и ты начинал кашлять!.. Там укрывались все окрестные коммивояжеры со своими ящичками, коробочками… и учениками, которые толкали тележки… Они все сидели на обочине, обессиленные, ожидая часа, когда можно будет вернуться к хозяину… Они не особенно старались! Был мертвый сезон, и делать им было нечего… Нигде, ни в одном доме не нуждались в их образцах!.. Их походка была неуверенной… Они тонули в песчаном тумане… До 15 октября у них точно не будет

[88] Примечания: 88

«Нэгр» — ресторан, находившийся в доме № 17 по Бульвару Сен-Дени, имевший репутацию злачного заведения.

ни одного заказа! Меня тоже это не вдохновляло… Их записные книжки были им больше не нужны! Я с любопытством наблюдал их отчаяние…

Я уже надоел всем своими вопросами о работе, я прочитал все объявления, просмотрел все справочники. Я прошел всю улицу Вьей дю Тампль… В течение восьми дней я прогуливался вдоль канала Сен-Мартен и любовался на баржи… медленное движение шлюзов… Потом я вернулся на улицу Эльзевир. Я даже стал просыпаться среди ночи… У меня появилась навязчивая идея, которая овладевала мною все сильнее и сильнее… От нее голову просто распирало… Я хотел вернуться к Горложу… Я вдруг почувствовал угрызения совести и непреодолимый стыд… Мне в голову лезли мысли об аресте и разные бредовые идеи… Я хотел снова подняться к Горложу, откровенно признаться… обвинить себя… перед всеми… Это я украл! — скажу я… «Это я взял драгоценную булавку! Шакья-Муни из чистого золота!.. Это я! Действительно я!..» Я был как в лихорадке! Черт возьми! После этого я наверняка устроюсь, невезение пройдет… Надо мной тяготеет злой рок… надо всей моей жизнью! Порой меня охватывал такой ужас, что я начинал дрожать… Это было невозможно преодолеть… Блядство! В конце кон-

цов я все же пришел к их дому… несмотря на жару у меня по спине пробежал мороз… Я уже заранее чувствовал панический ужас! Я заметил консьержку… Она внимательно посмотрела на меня и узнала издалека… Тогда я, стараясь осознать, почувствовать свою вину… приблизился к ее будке… Я собирался заговорить с ней!.. Черт возьми!.. Но не смог… Я смутился… Внезапно развернулся… И отвалил большими шагами… Я опять побежал к Бульварам… Лучше мне не стало!.. Я вел себя как настоящий слизняк! А хвастался… выпендривался… Я перестал приходить домой к завтраку… Я брал с собой сыр и хлеб… Из-за ночной бессонницы меня постоянно клонило в сон… Все время меня преследовали видения… Мне нужно было идти, не останавливаясь, потому что, стоило мне присесть, как я засыпал… Я так до конца и не понимал, в чем же была моя вина? Должно же быть хоть какое-то объяснение? Попроще… У меня не хватало образования, чтобы понять это… Я нашел еще одно место для прогулок после полудня. В Нотр-Дам де Виктуар, там, где налево от входа стояли маленькие часовенки… Место довольно спокойное… Я чувствовал себя раздавленным постоянными неудачами… В темноте мне было лучше… Ногам так приятно на плитах… Это хо-

рошо освежало… Я тихонько разувался… И сидел так, притаившись… Свечи были очень красивы, как хрупкие ветви, трепещущие в огромном бархатном сумраке сводов… Это вызывало галлюцинации… Я потихоньку засыпал… И просыпался от звоночков… Там никогда не закрывали… Это было самое лучшее место.

* * *

Я все время находил предлоги, чтобы возвращаться как можно позже… Один раз я вернулся около десяти часов… Я наведывался в Антони… на завод обоев. Им требовались курьеры в центре… Это меня устраивало… Я ходил туда два или три раза… Их завод был еще не достроен!.. Еще не совсем закончен… Одни разговоры!

Каждый раз, возвращаясь в Пассаж, я испытывал страх. Все свои деньги на транспорт я тратил на пиво… Мне приходилось идти пешком… Стояло необыкновенное лето! Дождя не было уже два месяца!..

Мой отец, как тигр, бросался на свою машинку… Я никак не мог уснуть, так он колотил по клавиатуре… В начале сентября у него вскочила масса фурункулов, сперва под мышками, а потом еще один здоровенный сзади, на шее, который почти сразу же превратился в карбункул. Фурункулы — это было серьезно, он чувствовал постоянную слабость… Все же он ходил в контору… Но на него, сплошь обмотанного ватой, оборачивались на улице… Он постоянно принимал пивные дрож-

жи, но улучшения было не видно.

Моя мать была очень обеспокоена тем, что он весь покрылся сыпью… Сама же она чувствовала себя немного лучше, только когда ставила себе компрессы и не делала никаких движений. Абсцесс обильно гноился, но заметно шел на убыль. Гной продолжал выделяться… Когда наконец она встала, не дожидаясь, пока рана закроется, она тотчас опять начала суетиться по квартире и ковылять вокруг мебели и стульев… Она наблюдала за Ортанз, сама поднималась по всем лестницам, она больше не желала, чтобы ее переносили. Она преодолевала ступеньки самостоятельно, цепляясь за перила, и ей удавалось взбираться с этажа на этаж, пока нас не было… Она хотела снова заняться хозяйством и убирать в лавке…

Отец, обмотанный повязками, не мог повернуть головы, он буквально задыхался от фурункулов, но он прекрасно слышал, как моя мать, волоча ногу, на другом этаже переворачивала все вверх дном то в одной, то в другой комнате… Это раздражало его больше всего… Он лупил по своей машинке… Он даже ободрал себе от злости пальцы. Он кричал ей…

— А! Умоляю тебя, Клеманс! Ты слышишь меня или нет? Что это за бордель в конце концов! В

самом деле! Может, ты все же ляжешь, черт побери! Ты считаешь, что у нас все слишком хорошо? Ты считаешь, что нам еще мало? Господи Боже ты мой!..

— Ах! Огюст! Оставь меня, я тебя прошу… Это мое дело!.. Не волнуйся обо мне!.. Я чувствую себя очень хорошо!

Она говорила это ангельским голосом…

— Легко сказать! — вопил он… — Это легко сказать! Черт бы побрал вас всех! Сядешь ли ты, наконец?

* * *

Утром я предупредил мать…

— Послушай, мама, сегодня я не приду завтракать… Я пойду в Лила… Узнать насчет завода…

— Послушай-ка, Фердинанд, — сказала она мне… — Я тут подумала… Я хотела бы, чтобы Ортанз сегодня вечером как следует убрала на кухне. Уже по меньшей мере два месяца кастрюли, раковина и сковородки в отвратительном состоянии… С тех пор, как я заболела, я не могла этим заняться… Все это воняет позавчерашними объедками… Если я пошлю ее за покупками, она будет тянуть и проходит несколько часов, ведь она же болтлива, как сорока!.. Она зайдет к торговке фруктами… и проведет там целую вечность. А ты все равно проходишь мимо Репюблик… зайди-ка к Каркуа и купи для своего отца на 14 су самой лучшей ветчины… высшего качества… ты понял, что я сказала? Свежей и почти без жира… Ты ее хорошенько осмотри… Нам двоим осталась лапша, ее нужно немного снова отварить… еще купи три сливочных сырка и еще, если ты сможешь, салат-латук, не очень вялый… Мне тогда не придется

готовить обед… Ты запомнил? Пиво у нас есть… Ортанз принесет дрожжи… Для твоего отца с его фурункулами салат очень полезен. Перед уходом возьми деньги, сто су в моем кошельке на камине в нашей комнате. Трать их аккуратно!.. Возвращайся к обеду!.. Может, тебе все это записать? Из-за жары я боюсь брать яйца… У твоего отца энтерит… А клубника еще хуже… У меня самой от нее красные пятна… а о нем с его нервами я и не говорю!.. Лучше поостеречься…

Я все понял, я мог идти… Я взял эти сто су… Вышел из Пассажа… Немного постоял у бассейна в сквере Лувуа… Подумал, сидя на скамейке… В задницу этот Лила, у меня на примете был мелкий надомник-туберкулезник, занимающийся узорчатыми тканями и изготавливавший аксессуары для витрин, бархотки и таблички. Кто-то мне о нем говорил… Это на улице Гренета, дом 8… Прекрасная идея!.. Должно быть, было около десяти часов… Не очень жарко… я шел совсем не спеша. Подошел к двери… Поднялся на пятый этаж… Позвонил, мне приоткрыли… Место уже занято! Так! Настаивать не было смысла… Это меня сразу освободило! Я спустился вниз этажа на два… Там, на лестничной площадке третьего этажа, я присел на минуту и снял свой воротни-

чок… Опять немного подумал… перебирая в уме все сначала, я вспомнил еще один адрес торговца кожаными изделиями высшего качества, в самом конце улицы Мела… Но это было не так уж срочно… Я осмотрелся вокруг. Местечко было довольно живописное… Полы выломаны, отвратительно пахло плесенью и уборными… но все же пропорции здесь были величественными и грандиозными… наверняка старинный особняк прошлого века… Это было видно по украшениям, по лепке, по кованым перилам и ступеням из мрамора и порфира… Это была не «липа»!.. Настоящая ручная работа!.. Я разбирался в стилях! Черт возьми! Действительно, замечательно!.. Ни одной поддельной розетки!.. Это напоминало огромный салон, только без людей… Они торопливо проходили мимо в поисках своей унылой работы. И никто ничего не рассматривал… О прошлом вспоминал только я!..

Отсюда я видел весь двор с фонтаном, здесь мне было удобно… А большего мне и не нужно было… Даже все стекла были старинными… крошечные цветные квадратики, фиолетовые, бутылочно-зеленые, розовые… Здесь меня никто не беспокоил, люди не обращали на меня внимания… Они шли по своим делам… Я уже обдумывал свой день…

И тут я заметил своего знакомого! По лестнице поднимался бородач огромного роста… Он тяжело дышал, держась за перила… Это был агент по продаже, впрочем, хороший парень… настоящий весельчак. Я не видел его с тех пор, как ушел от Горложа… Он продавал цепочки… На лестничной площадке он меня узнал… И на ходу заговорил со мной… Он рассказал о себе, а потом спросил, что нового произошло у меня за этот год… Я перечислил ему все новости… У него не было времени меня слушать, он собирался в отпуск… Сразу после полудня… Его очень радовала эта перспектива… Он попрощался со мной довольно быстро… И побежал наверх, перепрыгивая через четыре ступеньки… Он торопился вернуть своему хозяину ящик с образцами… У него еще оставалось время, чтобы заскочить на вокзал д'Орсэ и сесть в поезд на Дордонь… Он уезжал на восемь дней и пожелал мне удачи. Я тоже пожелал ему хорошо развлечься…

Но все же своим рассказом о деревне эта длинная колбаса испортила мне настроение… Внезапно вся моя умиротворенность улетучилась. Ах! У меня сегодня ничего не выйдет! Я был в этом абсолютно уверен!.. Я мог теперь думать только о развлечениях, больших просторах и деревне!

Черт побери! Он деморализовал меня… У меня внезапно появилось страстное желание увидеть зелень, деревья, грядки… Я не мог больше сдержаться… Это влекло меня! Черт меня возьми!.. Я сказал себе: «Я сейчас же пойду и все куплю на обед!..» Я думал так: «А потом съезжу в Бют-Шомон!.. Сначала надо отделаться! К семи часам я вернусь… У меня будет свободен весь вечер!» Решено!..

Я устремился в самую ближайшую лавку… к Рампонно… Я очень торопился… на улице Этьен Марсель… образцовая мясная лавка… еще лучше, чем у Каркуа… Превосходный товар… Я взял ветчины на 14 су… того сорта, что любил мой отец, и к тому же совсем без жира… Салат я купил рядом… Сливочные сырки тоже… Мне дали даже коробочку.

И вот я не торопясь направился по бульвару Севастополь, по улице Риволи… Я уже ни о чем не думал! Было так душно, что я передвигался с трудом… Тащился под арками… вдоль витрин… Я сказал себе: «Надо сходить в Булонский лес!..» Я шел еще довольно долго… Но наконец стало совсем невыносимо… У решетки Тюильри я свернул… И зашел в сад… там опять копошилась проклятая толпа… не сразу даже удалось найти

место в траве… особенно в тени… Это было довольно сложно…

Меня слегка стиснули, я сбежал вниз к большому бассейну… Здесь было очень свежо и очень приятно… Но тотчас же появилась целая армия изо всех четырнадцати окрестных кварталов, плотная масса багрово-красных, хрипящих, лоснящихся, истекающих потом людей… Здания выбрасывали из себя всю дрянь прямо на просторные лужайки, всех консьержек, жильцов, затравленных сильной жарой, блохами и крапивной лихорадкой… Они толпились, смеясь и толкаясь… Другая толпа, пугающая и ревущая, тоже заявляла о себе со стороны Инвалидов.

Чтобы защитить рододендроны и газоны с маргаритками, попытались закрыть решетки… но орда все смела, все опустошила, искорежила и сломала ограду… Это было сильнее, чем обвал, настоящая кавалькада среди развалин… Слышались хриплые отвратительные вопли, всем хотелось, чтобы гроза, наконец, разразилась над Конкорд!.. Но с неба не упало ни одной дождинки, и все ввалились в бассейн, и валялись там кучами, одни прямо нагишом, другие в кальсонах… Они расплескали всю воду, не оставив ни капли…

Я же лежал на откосе, поросшем травой, мне в самом деле не на что было особенно жаловаться… В общем, я был в безопасности… Слева у меня были продукты, я держал их под мышкой… Я слышал топот стад, бушующих у цветников… Подходили все новые и новые… Целая когорта жаждущих… Разгорелась битва за право вылизать дно пруда… Они высосали из грязи всю тину, вместе с червями… Они вспахали и опустошили все окрестности, дно уже растрескалось. Во всем Тюильри не осталось ни одной травинки… Он превратился в огромное потустороннее пространство, кратер, окружностью в четыре километра, ревущую бездну, наполненную пьяницами…

Они пытались отыскать друг друга на самом дне этого ада, среди горящих углей… Они бросали куски мяса, части ягодиц, почки прямо на середину улицы Рояль и высоко в облака… Повсюду распространялся жуткий запах мочи и сильно разложившихся на жаре трупов… Он витал в воздухе… Избежать его было невозможно… Вдоль всех террас высотой с семиэтажный дом были нагромождены детские коляски…

Гнилой ветерок в наступающей темноте доносил легкую мелодию… Чудовище со ста тысячами ширинок наседало на страдальцев, и у него в жи-

воте урчала музыка… Я выпил две бутылки пива, совершенно бесплатно, краденые… еще две… и две… в общей сложности двенадцать. Вот!.. Я истратил все сто су… у меня больше не было ни гроша… Я выдул целый литр белого… Ну и дела!.. И целую бутылку шипучки… Я собирался поменяться с семьей на скамейке!.. Ах!.. Выменять у них камамбер… совсем свежий… на мой сливочный сырок!.. Внимание!.. Я обменял ломтик ветчины на бутылку красного!.. Как раз то, что нужно… И в этот момент показались сторожа!.. Ах!.. Наглость!.. Глупая шутка!.. Мы же никого не трогали!.. Они сразу же позорно смылись… шатаясь… уменьшаясь… Улетели с порывом ветра! Убежали… Скрылись за статуями!.. Толпа поднялась! Кратер заворчал, загудел, загрохотал… Залпы пустых пивных бутылок долетали до самой Этуали!..

Я разделил свой салат на две части, и мы сожрали его прямо так, в сыром виде… Вот и девочки… Я пил все, что попадалось мне под руку… Довольно пойла!.. это больше не утоляет жажду… от этого першит во рту… Все обжигает, воздух, чьи-то сиськи. Если пошевельнуться, то может вырвать, если только попытаться встать… это точно! Сдвинуться с места совершенно невозможно… Мои

веки склеиваются… закрываются… В это время в воздухе пролетает нежный припев…

Я знаю, как вы хороши[89]…

Бум! Ка! ра! кла! клак! Это фонарь, большой белый шар взрывается наверху от удара огромного булыжника! из рогатки! Бабы подпрыгивают! Они испускают дикие вопли! Это хулиганы из того угла, шутники, грязные свиньи, по ту сторону канавы… Им нужна полная темнота!.. Ах! Скоты, сволочи!.. Я валюсь на мужика рядом… Он жирный, как крот!.. Храпит! Сволочь!.. Сойдет!.. Я удобно устроился!.. Он усыпляет меня своим хрипом!.. Убаюкивает!.. Я думал, у меня еще остался камамбер… А это сливочные сырки… Они здесь!.. Я все время держу их у сердца… Я не должен был бы оставлять их в коробке!.. в коробке… Кажется, подул ветерок… Сливочное сердце спит… Должно быть, уже очень поздно!.. Совсем поздно!.. Легко, как по сыру!.. Именно.

---

[89] Примечания: 89

«Я знаю, как вы хороши…» — начало припева и название песни (слова Пупона, музыка Кристине).

* * *

Я храпел… Я никому не мешал… Я лежал в глубине канавы… У самой стенки…

Какая-то скотина бредет впотьмах… Спотыкается о моего соседа и падает прямо на меня… своей тушей… Я приоткрыл глаза. И ударил со всей силы… Я вгляделся вдаль… и заметил на горизонте циферблат… Это часы вокзала д'Орсэ… огромные… Час ночи! Ах! Боже мой! Свинство! Я попытался высвободиться! Надо бежать… У меня по бокам две дамы, они сдавили меня… Я их оттолкнул… Вокруг все храпело и сопело… Мне нужно выпрямиться… скорее… Я поднял свой прекрасный пиджак… Но я не смог найти свой фальшивый воротничок… Тем хуже! Я должен был вернуться к обеду! Черт возьми! Это мое блядское невезение! И еще эта жара! и потом, я был слишком оглушен, я был не в себе! Мне было страшно, и я еще не протрезвел!.. Сволочь! Подонок!

Ах! я, к счастью, помню дорогу… Я пошел по улице Сент-Оноре… улица Сен-Рок, что налево… улица Гомбу… теперь прямо. Я подошел к решетке

Пассажа… Она еще была не закрыта из-за жары… Они все были там… группами, в расстегнутых рубахах, все соседи перед лавками… Они вышли подышать… Они переговаривались, сидя верхом на стульях… у дверей… У меня еще не прошло опьянение… Я шел, заметно покачиваясь… Эти люди были удивлены. Со мной никогда еще не случалось, чтобы я был пьян!.. Они меня еще таким не видели… Они все изумлены!.. «Скажи-ка, Фердинанд, ты нашел работу?.. Празднуешь, что ли?.. Решил, значит, устроить праздник?.. Тебе повезло, малыш?..» Опять эта чушь… Визьо, закрывавший свое заведение, специально окликнул меня… Подойдя поближе, он сказал: «Слушай, Фердинанд, твоя мать уже по меньшей мере раз двадцать после семи часов спрашивала, не видели ли тебя? Я клянусь тебе! Она устроит ужасный скандал!.. Где же ты был?..»

Я направился к лавке. Она еще не закрыта… Ортанз ждала меня в коридорчике… Она, должно быть, специально задержалась…

«Ах! если бы вы видели вашу маму! в каком она состоянии! На нее жалко смотреть! Это просто страшно! С шести часов она уже не находит себе места!.. Кажется, в саду Тюильри была драка! Она была уверена, что вы там!.. Она вышла сегодня

днем, когда в первый раз услышала шум… На улице Вивьен она увидела обезумевшую лошадь! Она вернулась с искаженным лицом! Ужасно взволнованная!.. Я еще не видела ее в таком состоянии!..» Рассказывая мне, Ортанз сама разволновалась… Она вытирала свое потное лицо большим грязным передником, от этого все оно было вымазано чем-то зеленым, желтым и черным… Перепрыгивая через ступеньки, я поднялся наверх, в свою комнату… Моя мать лежала на постели, очень взволнованная, в своей ночной короткой рубашке без пуговиц… ее юбки были задраны до бедер… Она прикладывала к ноге салфетки-губки и делала из них большие тампоны, капли падали прямо на пол…

«А! — подскочила она, — наконец-то!». Она думала, что я уже изрублен на куски…

«Твой отец вне себя! Ах! бедняга! Он ходил в комиссариат! Где же ты был?..»

Как раз в этот момент я услышал, как мой отец вышел из туалета. Он тихонько поднялся по лестнице, застегивая подтяжки… Он поправил свою повязку на фурункулах… Сначала он мне ничего не сказал… даже сделал вид, что не замечает меня… Он подошел к своей машинке… И начал печатать одним пальцем… Он сопел и отдувался,

как тюлень… Вот уж точно, подохнуть можно… От этой духоты… Он встал… Снял с гвоздя махровое полотенце… И смочил себе голову проточной водой… Его силы иссякли!.. Он вернулся… Посмотрел на меня… искоса… Взглянул и на мою мать, распластанную на кровати… «А ну-ка закройся, Клеманс!..» — сказал он ей злобно… Проклятая нога. Сейчас опять начинается!.. Он делал ей знаки! Ему показалось, что я смотрел, как она задрала свои юбки… От волнения она ничего не поняла… Она не виновата… Он воздел руки к небу… Он же уже был вне себя! У нее открыт весь живот… Наконец она опустила юбки… И немного переменила положение… Повернулась на матраце… Я хотел было сказать хоть слово… хоть что-нибудь, чтобы скорее прошло замешательство… Хотя бы о жаре… Было слышно, как носятся кошки… Там, далеко, на стеклянной крыше… Они бегали все быстрее и быстрее… Перепрыгивая пропасти между высоких труб…

Нас обдает свежим воздухом… настоящий зефир!

— Слава Богу! Кажется, посвежело!.. — тотчас же отметила моя мать. — Ну и хорошо! Господи! Но довольно поздно! Видишь ли, Огюст, моя нога давала почувствовать, что пойдет дождь!.. Я не

могла ошибиться!.. Боль всегда одна и та же… Стреляет в ягодицу… Верный знак, это абсолютно точно… Ты слышишь, Огюст, будет дождь!..

— Ах! Помолчи-ка хоть немного! Дай мне поработать! Черт побери! Ты не можешь прекратить свою болтовню!

— Но Огюст! Уже почти два часа! Взгляни, мой малыш! а мы еще не легли!

— Я знаю! Чертов бордель! Проклятая вонючая дыра! Я прекрасно знаю, что уже два часа! Но разве я в этом виноват?.. Будет и три часа! Господи! А потом четыре! А потом тридцать шесть! А потом опять двенадцать! Чертов бордель!.. Этот несчастный поганый бордель, в котором я должен пахать день и ночь!.. Это невыносимо, в конце концов!..

Тут он нанес по своей штуковине ужасный удар, сразу по всем буквам, нажимая на всю клавиатуру… И повернулся, побагровев, лицом ко мне… Он наткнулся прямо на меня. «А! — сказал он мне очень громко, он орал изо всех сил, декламируя: — Вы все мне осточертели! Вы слышите меня?.. Понятно? А ты, грязный гаденыш! бесстыдная тварь! Где ты опять шлялся? С восьми часов утра? А? Не хочешь ли ответить? Скажи! Скажи, прошу тебя!..»

Сперва я ничего не ответил… Вдруг я внезапно

вспомнил, что я же сделал покупки… в самом деле, я ведь ничего не принес! Ах! черт побери! Какая оплошность!..

Я думал теперь только о ветчине!.. Я уже все забыл… Теперь я осознал, как низко пал! Черт побери! «А деньги твоей матери?.. А ее продукты?.. А? А! А!» Он торжествовал!.. «Ты видишь, Клеманс!.. Вот результат!.. Ты видишь, что ты сделала… С этим неизлечимым кретином! Твоя слепота… Ты даешь оружие этому бандиту! Твоя непростительная доверчивость!.. Твоя идиотская легковерность!.. Ты снова дала ему деньги!.. Доверить свой кошелек этому?.. Отдать ему все!.. Отдай ему весь дом!.. Почему нет?.. Ах! Ах! я же предсказывал тебе это!.. Он нагадит прямо тебе в руку! Ах! Ах! Он все из нас выпил! Он нас буквально поглотил!.. От него воняет алкоголем! Он пьян! Он подцепил сифилис! Триппер! Он принесет нам и холеру! Тогда ты, наконец, будешь довольна!.. Ах! И ты пожнешь-таки плоды! Ты сама, слышишь меня?.. Ты хотела такого сына?.. Ну и получай его!.. Ты сама!.. Черт меня побери тысячу раз!..»

Он опять вдохнул воздух!.. Его распирало! Он весь раздувался!.. Он разорвал на себе спереди рубашку… и обнажил грудь…

«Черт меня побери! Но он же подонок до мозга костей! Он ни перед чем не остановится!.. Ты должна была бы все же знать!.. И не доверять ему ничего!.. Ни сантима! Ни единого су!.. Ты клялась мне в этом пятнадцать раз! двадцать раз! Сто тысяч раз!.. И опять все сначала! Ах! ты неисправима!»

Он подскочил со своего табурета… Он нарочно подошел, чтобы выкрикивать оскорбления прямо мне в лицо… Он пересек комнату… Его слюни полетели прямо мне в рожу, а он все больше раздувался… Он пришел в настоящую ярость!.. Я видел его глаза совсем близко… Они смешно прыгали… и дрожали в орбитах… Между нами разразился настоящий шквал. Он так сильно блеял от ярости, что чуть не затопил меня брызгами своей слюны! Он загородил мне свет… Я был потрясен… Он так суетился, что сорвал повязку с шеи и начал приплясывать… Он подошел ко мне сбоку… и вцепился в меня… я грубо оттолкнул его и увернулся… Я тоже был настроен решительно… Я не хотел, чтобы он до меня дотрагивался, этот грязный хмырь… Он был на секунду озадачен…

— Ах! значит так! — сказал он мне… — Ах! Смотри! я за себя не отвечаю!

— Давай! — сказал я ему… Я чувствовал, как во

мне все поднимается.

— Ах! Засранец! Ты смеешь мне перечить? Сопливый сутенер! Отброс! Посмотрите, какая наглость! Какая низость! Ты хочешь до нас добраться? А? Не правда ли, ты этого хочешь? Скажи-ка поскорее!.. Маленький трус! Бродяга!.. — Он выплюнул это мне в лицо… И снова принялся причитать: — Черт побери всю эту мерзость! Что мы наделали, моя бедная жена, зачав такую гадину? — извращенную, как целый выводок висельников!.. Развратник! Подонок! Бездельник! Все! Он — наша самая большая напасть! Ни на что не способен! Только грабить нас! Драть с нас три шкуры! Зараза! Беспощадно обдирать нас!.. Вот вся его признательность! За жизнь, полную жертв! Две жизни, полные страданий! Мы старые идиоты! Все время мордой в дерьме! Все время!.. Скажи-ка еще раз! Скажи, ядовитая тварь! Скажи же! Признайся сейчас же, ты хочешь, чтобы мы сдохли!.. Сдохли от горя! от нищеты! чтобы я мог это услышать до того, как ты меня прикончишь! Скажи, мерзкий бездельник!

Тогда моя мать приподнялась и заковыляла, прихрамывая, желая встать между нами…

— Огюст! Огюст! Послушай меня! Послушай меня, я тебя умоляю! Огюст же! Ты доведешь себя

до полного изнеможения! Подумай обо мне, Огюст! Подумай о нас! Ты окончательно сляжешь! Фердинанд! Уходи, мой мальчик! иди на улицу! не стой здесь!..

Я не сдвинулся с места. А он снова уселся…

Он вытер пот, продолжая ворчать!.. Напечатал пару букв на пишущей машинке… И снова начал блеять… Он повернулся ко мне и ткнул пальцем, указывая на меня… Он старался изобразить торжественность…

— А! Слушай! Я наконец могу признаться в этом сегодня!.. Как я об этом сожалею! Что у меня не хватало энергии! Как я виноват, что как следует не выдрессировал тебя! Господи Боже мой! Не выдрессировал! Когда еще было можно! В двенадцать лет, ты слышишь! Именно в двенадцать лет и не позже нужно было бы схватить тебя и обуздать! Ах, да! Не позже! Но у меня не хватило энергии!.. Нужно было запереть тебя в исправительный… Вот! Только тогда я бы тебя обуздал!.. И с нами не было бы того, что сейчас!.. Теперь уже поздно!.. Нас уносит рок! Слишком поздно! Ты слышишь меня, Клеманс? Слишком поздно! Этот подлец неизлечим!.. Это твоя мать помешала мне! Теперь придется расплачиваться, моя крошка!

Он указывал мне на нее, со стонами ковылявшую по комнате.

— Это твоя мать! Да, это твоя мать! Ты бы не дошел до этого сегодня, если бы она послушала меня… Ах! Нет, черт побери! Нет! Ах! Черт меня побери!..

Он снова обрушился на клавиатуру… ударами обеих кулаков… Едва не разбив все окончательно.

— Ты слышишь меня, Клеманс? Ты меня слышишь? Я тебе уже достаточно об этом говорил!.. Я тебя предупреждал? Я знал, что рано или поздно это случится!

Он разошелся еще больше… Им снова овладел гнев… Он весь раздулся… и голова, и глаза… Они вылезли у него из орбит… А она уже не могла держаться на своей ноге, ковыляя и спотыкаясь. Ей опять пришлось влезть на постель… Она скорчилась… У нее снова задрались все ее юбки… Бедра и низ живота оголились… Она скорчилась от боли… И стала потихоньку массировать себя, согнувшись пополам…

— Ах! ну что это такое! Прикройся! Прикройся же, это мерзко!..

— Ах! я прошу тебя! Я тебя прошу! Я умоляю тебя, Огюст! Ты нас всех сделаешь больными!.. —

Она не могла больше… Она ни о чем не думала…

— Больными? Больными?.. — Это поразило его, как молния! Это магическое слово!.. — Ах! Хорошо! Боже мой, это уж слишком! — Он расхохотался… — Да это откровение… — Он опять втянул в себя воздух… Да это же он! Ты разве не видишь этого, моя Простушка?.. Это же маленький бандит… Но поймешь ли ты, наконец, боже мой, что это он, это маленькое исчадие ада делает нас всех здесь больными! Мерзкая гадина! Это же он хочет нашей смерти! С тех пор, как он у нас появился! Он хочет, чтоб мы отправились на кладбище! Он этого хочет!.. Мы его стесняем! Он даже больше не скрывает этого!.. Он хочет, чтобы старики сдохли!.. Это очевидно! Но это же совершенно ясно! И как можно раньше! Это невероятно! Но он торопится! Наши несчастные четыре су! Наша скудная пища, на которую он зарится! Значит, ты ничего не видишь? Но это так! Так! Он хорошо знает, что делает, этот мерзавец! Он понимает это, маленький подлец! Подлюга! Шпаненок! Он все прекрасно видит! Он видит, как мы погибаем! Он настолько же испорчен, насколько зол! Только я могу тебе это сказать! Я-то это вижу, если ты не замечаешь! Хоть это и мой сын!..

Он опять начал трястись, дергаться всем своим корпусом, он был вне себя… Он сжал кулаки… Его табурет скрипел и приплясывал… Он весь собрался, приготовившись к прыжку… И опять начал выкрикивать мне прямо в лицо новые оскорбления… все время новые… Я тоже почувствовал, как во мне что-то поднимается… И еще жара… Я схватился за голову обеими руками… Вдруг я понял, как это все смешно!.. Я уже ничего не замечал… Я сделал только один прыжок… Я поднял его громоздкую увесистую машинку… Я поднял ее в воздух. И шмяк!.. Раз!.. Я бросил ее ему прямо в рожу! Он не успел закрыться!.. И опрокинулся от удара, все полетело кувырком!.. Стол, человечек, стул, все покатилось к чертям… Рассыпалось по полу… раскатилось… Меня тоже увлек этот танец… Я споткнулся и стремительно напал на него… Я уже не мог удержаться… Мне нужно было прикончить эту падаль! Шмяк! Он опять упал… Я готов был расквасить ему рожу… Я больше не хотел его слышать!.. Я разорву ему пасть… Я свалил его наземь… Он завопил… заблеял… Хорошо! Я впился в его жирную шею… И встал на колени сверху… Я запутался в его повязках, мои руки оказались связанными. Я сжал его. Он опять захрипел… Задрыгал ногами… Я навалился

на него… Он был омерзителен… Послышалось кваканье… Я утрамбовывал его сверху… Душил его… присев… Я впился в его мясо… Своими руками… Его слюна… Я вцепился… и вырвал большой клочок усов… Он укусил меня, скотина!.. Я залез ему в дырки носа… Я был весь в чем-то клейком… мои руки заскользили… Он забился в конвульсиях, протянул руки и сильно поцарапал мою шею… Он попытался схватить меня за горло… Я еще сжал его. Я добрался до его горла… Он обмяк… Стал совсем вялым… Он весь размяк подо мной… Он начал сосать мой мизинец… А потом перестал… Черт побери! В этот момент я поднял голову… Я увидел лицо моей матери как раз на уровне моего… Она смотрела на меня, и ее глаза стали больше в два раза… Она раскрыла глаза так широко, что я спросил себя, где я!.. Я ослабил свою хватку… Еще одна голова появилась над ступеньками!.. в углу лестницы… Это Ортанз! Точно! Это она! Она испустила истошный крик… «На помощь! На помощь!» — надрывалась она… Потом она тоже на меня уставилась… Я оставил моего старика… Один прыжок… И я на Ортанз!.. Сейчас я задушу ее! Посмотрю, как она будет дрыгать ногами! Она вырвалась… Я запачкал ей рожу… Я зажал ей рот ладонями… Гной из

фурункулов, кровь, все это размазалось и стекало с нее… Она захрипела сильнее, чем отец… Я вцепился в нее… Она забилась в конвульсиях… Но она крепкая… Я хотел ей тоже сжать горло… Удивительно… Какой-то совершенно таинственный мир, толчками бьющийся в руках… Жизнь!.. Надо ее хорошенько почувствовать… Я колочу ее затылком о перила… Раздается стук… У нее на волосах показалась кровь… Она вопит! Я заткнул ей рот! Пихнул ей большой палец в глаз… Я ее плохо захватил… Она царапается… Выскальзывает… И удирает… У нее еще есть силы… Она скатилась по лестнице… Я слышал, как она орала снаружи… Она всех всполошила… Она вопила… «Убивают! Убивают!»… Я слышал это, шум… Массовое нашествие… топот в лавке, рокот на ступенях внизу… На всех этажах столпотворение… Всюду люди… Я слышу свое имя… Вот они!.. Они еще на втором… Я взглянул… Появился Визьо! Он вышел первым… Сделал прыжок от лестницы… И застыл там, суровый и решительный… Он направил на меня револьвер… Прямо в грудь… Остальные ублюдки обошли меня сзади и окружили, они галдели и орали на меня… Выкрикивая угрозы, оскорбления… Старик все еще был без сознания… Он так и валялся… Ручеек крови струился у него

из-под головы… У меня больше не осталось гнева… Все было безразлично… Визьо наклонился и потрогал его пульс, отец хрюкнул и захрипел…

Остальные скоты опять начали пинать и толкать меня, они сильнее меня… Они ведут себя крайне грубо… Выталкивают меня на лестницу… Они даже не слушают мою мать… Запирают меня в комнате внизу… Я покорно принимаю все удары, которые на меня сыплются… Я больше не сопротивляюсь… Удары сыплются на меня со всех сторон… особенно сильно в поддых… Я больше ничем не могу ответить… Визьо самый злой!.. Я получаю от него удар башмаком прямо в живот… Я спотыкаюсь… Сгибаюсь… И стою так, прижавшись к стенке… Они расходятся… На прощание плюют мне в рожу… И закрывают меня на ключ.

Как только они ушли, и я остался один, у меня начались судороги. Руки… ноги… лицо… и изнутри, везде… Отвратительная свистопляска… Настоящая вакханалия почек… Можно подумать, что все переворачивается и разлетается в клочья… Все трясется, как при землетрясении, тело дрожит, зубы стучат… Силы покидают меня!.. У меня сводит судорогой отверстие в заднице… Я наделал в штаны… мое сердце так колотится, что я не слышу… что там происходит… У меня дрожат

колени… Я ложусь на пол… Я больше не знаю, что там происходит… Мне страшно… Хочется кричать… Все же я его не прикончил? Черт побери! Мне это безразлично, но отверстие в заднице то открывается, то закрывается… Судороги… Это ужасно…

Я снова думаю об отце… С меня стекает холодный пот… Я глотаю его… У меня кровь… Он вырывался, ублюдок!.. Я не так сильно нажал… Никогда не думал, что он такой слабый и хлипкий… Удивительно… Сжимать было совсем легко… Представляю, каков я был со сжатыми руками, весь в слюне… потому что он меня сосал… Я уже не в силах остановить дрожь… Я трясусь всем телом… Сжаться вот так! Дрожь у меня в глотке… Я начинаю стонать! Я почувствовал наконец все удары и тумаки этих скотов… Я чувствую невыносимый ужас!.. Больше всего болит у меня дырка в заднице… Ее выворачивает и скручивает… Жестокие судороги.

* * *

Закрытый в комнате, вытянувшись на плиточном полу, я еще долго дрожал и на все натыкался… Как в тесном шкафу… Я гремел, как кастаньеты… Я никогда не думал, что способен на подобный штурм… Трудно было вообразить себе подобные толчки… Я ковылял, как баба… Дрожь шла откуда-то изнутри… «Я прикончил его!» — повторял я себе… Я все больше этого хотел и вдруг услышал шаги… голоса людей… Шум поднимаемой наверх кровати…

«Конечно! Они его переносят…» Но через минуту я услышал его голос… Его!.. Он только что прозвучал! — «Я, должно быть, размозжил ему башку! Он сейчас сдохнет!..» — думал я… Но было еще хуже!.. Он лежал на моей кровати… Я слышал скрип пружин… Я окончательно перестал что-либо понимать. Я почувствовал приступ тошноты… меня начало рвать… Безо всяких усилий с моей стороны… Это принесло мне огромное облегчение… Я выблевал все… Меня снова начало трясти… От этого я так сильно дрыгал ногами, что потерял всякую ориентацию… Я перестал

ощущать собственное тело… Меня вырвало макаронами… Я опять начал блевать, от этого мне становилось гораздо лучше… все как будто отдалялось… Я заблевал пол всем, чем мог… Я сам старался вызвать у себя спазмы… Я согнулся пополам, чтобы выдавить из себя все, что можно, и слизь и пену… Все это текло… Проникало под дверь… Я выблевал жратву по меньшей мере дней за восемь, и после этого у меня начался понос… Мне не хотелось никого звать, чтобы меня выпустили… Я дотащился до кувшина, стоящего у камина… И насрал прямо в него… А потом я не смог удержать равновесия… Голова слишком кружилась… Я снова упал и все вылил на плиточный пол… Меня опять пронесло… Вонючая смесь растеклась по полу…

Там, должно быть, услышали мою возню… Дверь приоткрылась… В комнату заглянули… И снова заперли на ключ… Спустя, быть может, минут десять пришел дядя Эдуард… в полном одиночестве… Я был без штанов… и оставался лежать прямо в говне… Он не боялся меня… «Одевайся-ка! — сказал он мне… — И спускайся вниз, я заберу тебя с собой!..» Ему пришлось дать мне руку… Я даже не мог застегнуться, так меня трясло… Наконец я сделал то, что он сказал…

прошел вперед его… Ни на лестнице, ни в лавке больше никого не было. Все ушли… Должно быть, вернулись к себе… Им было о чем рассказать…

На часах над витражом было четыре с четвертью… Уже светало…

У выхода из Пассажа мы разбудили сторожа, чтобы он открыл нам решетку… «Так вы его забираете?» — спросил он дядю.

— Да! Он будет ночевать у меня!..

— Ну хорошо! Удачи вам! Будьте здоровы, дорогой месье! У вас редкий экземпляр! — сказал он и закрыл за нами замок на два оборота.

Сторож вернулся в свою конуру. Но и издали было слышно: «А! Хорошенькое дерьмо! Молодой да ранний!»

Мы прошли с дядей по улице Пирамид… Пересекли Тюильри… Когда дошли до Королевского моста, я все еще дрожал… Ветер с реки не слишком согревал, и тогда, не останавливаясь, дядя Эдуард рассказал мне, как его вызвали… Кажется, это была Ортанз… Он уже спал… Его квартира находилась совсем не близко… Дальше, чем Инвалиды, за Военной школой… на улице Конвента, перед улицей Вожирар… Я не осмеливался особенно расспрашивать его… Шли мы очень быстро… А я все не мог согреться… И все время

стучал зубами.

«Твоему отцу уже лучше! — сказал он мне наконец… — Но он, конечно, пролежит два-три дня… Он не пойдет в свою контору… Приходил доктор Капрон…» Это было все, что он мне сказал.

Мы прошли по улице Бак и направились к Марсову Полю… Его домишко был у черта на куличках… Наконец мы пришли… Вот здесь!.. Он показывал мне свое жилище, маленький дом в глубине сада… На втором этаже была его спальня… Я не осмеливался пожаловаться на усталость, но на ногах я уже не держался… Я схватился за перила. Было уже совсем светло… Наверху у меня опять начался приступ ужасной тошноты! Он сам отвел меня в уборную… Я долго блевал… Когда я вернулся, он достал раскладушку из стенного шкафа… Снял матрас со своей кровати и устроил меня в другой комнате… Он дал мне еще одеяло… Я упал на него… Он меня раздел… Я выплюнул еще целый поток слизи… Наконец я заснул… Всю ночь меня мучили кошмары… Я постоянно просыпался.

* * *

Как дяде Эдуарду удалось все уладить, чтобы мой отец больше не цеплялся и совершенно оставил меня в покое… Я никогда так этого толком и не узнал… Я думаю, что он, вероятно, дал ему понять, что такая дисциплинарная мера, как отправка меня в Рокетт, не приведет к желаемым результатам… Я мог там долго не задержаться!.. А сразу же сбежать… специально, чтобы прийти и добить его… и уже на этот раз окончательно свести с ним счеты… В конце концов, он каким-то образом согласился!.. Он не исповедовался передо мной… А я его особенно не спрашивал…

Квартира дяди была расположена в чудесном месте, веселом и уютном… Улица Вожирар и улица Моблан[90] были все в садах… И тут и там виднелись вереницы маленьких рощиц и огородов… Фасады и окна обвивал плющ… У каждого был свой маленький участок между домами с редисом, салатом и даже помидорами… и виноградом! Это напоминало мне о салате-латуке…

---

[90] Примечания: 90

Улица Моблан — улица Моблан находится в 15-м округе Парижа, соединяет улицы Бломе и Вожирар.

Он не принес мне счастья! Я чувствовал ужасную слабость, как после болезни. Но в определенном смысле я чувствовал некоторое облегчение. В доме дяди Эдуарда я перестал ощущать себя затравленным!

Я снова мог свободно дышать!..

Его комнату украшали целые серии открыток, приколотых веером, фрески и гирлянды… «Король руля»[91]… «Король педалей» и «Герой авиации»… Он всюду покупал их… Он хотел, чтобы они полностью вместо обоев закрыли стену… но пока до этого было еще далеко… Полан в маленькой меховой шапочке… Ружьэ с крючковатым носом, Пти-Бретон, металлические икры, полосатая майка!.. Бородач Фарман… Санто-Дюмон… Специалист по Эйфелевой башне граф

---

[91] Примечания: 91

Все имена, перечисленные на этой странице, подлинные. «Король руля», «Король педалей» и «Герой авиации» действительно существовали в 1900–1910 гг. Видно, что подросток Луи Детуш живо интересовался всем этим. Он перечисляет здесь семь имен и фамилий из тринадцати, сохранившихся на карикатуре 1910 г., где были изображены «первые чемпионы-авиаторы» (см. «L'histoire de l'aviation» Rene Chambre, Flammarion, 1972). Французский пилот Луи Полан (1883–1963) отличился два раза: во время первых воздушных соревнований в Лос-Анджелесе в январе 1910 г. установил рекорд высоты, поднявшись на 1209 м; в апреле 1910 г. победил в перелете Лондон — Манчестер. Автомобильный гонщик Ружье стал обладателем первого приза в Монте-Карло в январе 1911 г. Велосипедист Люсьен Мазан по прозвищу Пти-Бретон (Малыш Бретонец) два раза — в 1907 г. и в 1908 г. — стал победителем в гонке «Тур де Франс». Анри Фарман (1874–1958) начинал как велосипедист, потом стал автогонщиком, выиграл приз в автогонках Пари-Рубэ

в 1903 г. Но особенно отличился в 1908 г. в авиации — был первым европейцем, совершившим перелет по кругу длиной 1 км, совершил первый полет с пассажиром на борту и первый перелет из города в город. Впоследствии стал известным авиаконструктором. Во время своих «воздушных» подвигов он действительно носил бороду. Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) — пионер аэронавтики, родом из Бразилии. В течение двадцати лет занимался во Франции исследованиями и экспериментами, результатом которых стал переход от сферического шара к дирижаблю, потом к аэроплану («более тяжелому, чем воздух»). В октябре 1901 г. первым совершил перелет от Лонгшама до Эйфелевой башни и обратно в дирижабле «Сантос-Дюмон № 6». Но его главным достижением стал первый официально признанный в Европе полет: 12 сентября 1906 г. в аэроплане «Демуазель» в парке Багатель он пролетел 220 м за 21 сек. Он был небольшого роста, очень худощавый. Граф Шарль де Ламбер (1865–1944) — француз русского происхождения, был первым учеником американского авиатора Уилбера Райта (1867–1912), когда тот проводил полеты во Франции. О де Ламбере помнят благодаря его перелету вечером 18 октября 1909 г. из Жювизи до Эйфелевой башни и обратно. Его аэроплан был первым, который парижане видели в небе над своим городом. Французский пилот Юбер Латам (1883–1912) увлекался всеми опасными видами спорта, и создавалось впечатление, что он мало дорожит жизнью. Погиб во время охоты на буйвола. Хотя он и проиграл Блерио во время перелета через Ла-Манш, однако ему удалось установить между 1909 г. и 1910 г. самые разные рекорды — по скорости, по высоте и по продолжительности полета. Реджинальд Мак-Намара — австралийский велосипедист, 19 раз выигрывал приз гонки «Шесть дней» между 1912 г. и 1937 г. Сэм Лангфорд (1880–1956) — черный американский боксер, несколько раз побеждал официально признанных чемпионов мира по боксу с 1902 г. по 1924 г., но так и не добился титула чемпиона мира. В Париже выступал три раза: 1 апреля 1911 г. (ничья), 20 декабря 1913 г. (поражение), 24 января 1914 г. (победа).

Ламбер… Высокий разочарованный Латам… Мак-Намара — «Черная пантера»… Толстозадый Сэм Лангфорд!.. И еще сотня других знаменитостей… особенно боксеров!..

Жизнь была совсем неплохая… Устроились мы недурно… мой дядя, возвращаясь после работы и походов по поводу своего насоса, рассказывал мне о спортивных событиях… Он взвешивал шансы всех… Он знал все слабости, привычки и приключения чемпионов… Мы завтракали на клеенке и вместе готовили еду… подробно обсуждая шансы всех фаворитов…

В воскресенье мы собирались… В десять часов утра в большой Механической Галерее[92] начиналось фантастическое зрелище… Мы приходили заранее… И наблюдали сверху… Скучать не приходилось… Дядя Эдуард работал всю неделю… крутился как белка в колесе… Ему еще так и не удалось все уладить с насосом… У него еще были какие-то неприятности из-за патентов… Он никак

---

[92] Примечания: 92

Механическая Галерея — как и Эйфелева башня, была сооружена на Марсовом Поле перед Всемирной выставкой 1889 г. Использовалась также для выставки 1900 г. и была разрушена в 1909 г. Представляла собой огромную прямоугольную конструкцию с металлическими столбами, перекрытыми сверху огромной полуцилиндрической крышей из стекла и металла. За двадцать лет своего существования использовалась для различных выступлений и демонстраций и, в частности, как велодром.

не мог до конца понять, в чем загвоздка… Это было связано с Америкой… Но в любом настроении он никогда не произносил речей… никогда не распространялся о своих чувствах… Это качество я в нем очень ценил… Он приютил меня на время. Я жил в соседней комнате. Дальнейшая моя судьба была не ясна. Мой отец не желал меня видеть… Он продолжал нести околесицу… Например, ему хотелось, чтобы я пошел в армию… Но я еще не достиг нужного возраста… Я узнавал об этом случайно… Дядя не любил говорить на эту тему… Ему больше нравилось говорить о спорте, своем насосе, боксе, инструментах… о чем угодно… А насущные темы были ему неприятны… и мне тоже.

И все же, когда речь заходила о моей матери, он становился немного разговорчивее… Он рассказывал мне… Она уже совсем не могла ходить… Я не особенно жаждал ее видеть… Что бы это изменило?.. Она всегда говорила одно и то же… Время шло… Неделя, две… три… Так не могло продолжаться вечно… Я не мог остаться здесь навсегда… Как бы ни был добр мой дядя… Но как жить дальше? Продолжать висеть у него на шее?.. Это было несерьезно… Я попробовал сказать об этом… «Потом будет видно! — отвечал он… — Это не к спеху… Он сам разберется в этом…»

Он научил меня бриться… У него был специальный станок, модернизированный и легкий, его функции можно было регулярно восстанавливать… Но только он был таким хрупким, что замена лезвия требовала специальной подготовки… Эта маленькая чувствительная бритва стала новым источником патентов, целых двадцать штук за один станок, объяснил он мне.

Я накрывал на стол и ходил за покупками… И жил так в неопределенности и безделье еще полтора месяца… беззаботно, как женщина… Никогда еще мне так не приходилось жить… Я мыл посуду. Тряпок было навалом!.. К тому же я мог гулять, где хотел… Вот именно. Замечательно!.. Безо всякой цели!.. Просто гулять… Дядя Эдуард повторял мне каждый день, перед тем как уйти: «Пойди, погуляй! Иди, Фердинанд! Не заботься ни о чем!.. Можешь идти, куда пожелаешь!.. Если у тебя есть какое-нибудь любимое место, сходи туда! Иди же! В Люксембургский сад, если хочешь!.. О! Если бы я не был так занят… Я тоже сходил бы посмотреть, как играют в лапту[93]… Я люблю лапту… Пока светит солнце… Ты ничего не

[93] Примечания: 93

…как играют в лапту — в «Путеводителе по Парижу» Жоанн (1863) указано, что «в Люксембургском саду для игры в лапту отведен прекрасный участок, засыпанный песком».

замечаешь, совсем как твой отец!..» А потом, на мгновение задумавшись, он добавлял: «Можешь особенно не спешить возвращаться… Я приду сегодня вечером попозже…» Еще он давал мне немного денег. То 30 су, то 2 франка… «Сходи в кино… когда пойдешь по Бульварам… Я вижу, ты любишь занимательные истории…»

Он был так великодушен… а я висел у него на шее, это начинало мне казаться неприличным… Но я не решался слишком протестовать. Я боялся, что он обидится… Со времени последних событий я стал опасаться последствий… Я решил подождать еще немного, пока все уладится само собой… Во избежание лишних расходов я стирал свои носки сам, когда его не было… Его комнаты располагались не анфиладой, а по отдельности, на одинаковом расстоянии. Третья, у лестницы, была самая интересная и напоминала маленький салон… но почти пустой… стол посредине, два стула и одна картина на стене… Огромная репродукция «Благовеста» Милле… Никогда еще я не видел такой большой картины!.. Целое панно… «Замечательно, не правда ли, Фердинанд?» — спрашивал меня дядя Эдуард каждый раз, когда проходил мимо нее на кухню. Иногда он на мгновение останавливался и молча глядел на нее…

Перед «Благовестом» не принято было говорить… Это не то, что «Король руля»!.. Не для болтовни!

Я думаю, что в глубине души дядя считал, что мне пойдет на пользу созерцание подобного произведения искусства… Это должно было облагородить мою натуру… И может быть, немного смягчить… Но он никогда ничего не навязывал мне… Он был очень деликатен… Он не говорил об этом, вот и все… Нужно помнить, что дядя Эдуард был не только механиком… Он был крайне чувствителен. И я ощущал все большую неловкость… Из-за того, что я сидел, как козел, и жрал его еду… Человекообразная обезьяна… Черт возьми!.. Хватит…

Я рискнул еще раз спросить его, не пора ли мне снова взяться за дело… начать читать объявления.

— Оставайся-ка здесь! — сказал он мне… — Тебе плохо? Ты от чего-нибудь страдаешь, мой дикарь? Сходи, погуляй! Тебе станет лучше!.. Не вмешивайся ни во что!.. Ты опять окажешься в дураках!.. Я сам найду тебе работу! Я усиленно занимаюсь этим! Дай мне спокойно довести это до конца! Не суй в это дело свой нос! Ты достаточно уже наломал дров! Ты можешь только все испортить… Ты еще не пришел в себя! К тому

же я условился с твоим отцом и матерью… Иди еще погуляй… Это не будет продолжаться вечно! Пройдись по набережным до Сюрен! Возьми лодку! Смени обстановку! Что может быть лучше прогулки на борту судна! Спустись в Медон, если хочешь! Отвлекись!.. Через несколько дней я оповещу тебя… У меня будет приятное известие!.. Я это чувствую!.. Я в этом просто уверен!.. Но не нужно торопиться!.. Я надеюсь, что я тобой буду гордиться!..

— Да, дядя!..

* * *

Люди, подобные Роже-Марэну Куртиалю де Перейру, встречаются не так уж часто… Признаться, я был слишком молод в то время, чтобы до конца оценить его. Дяде Эдуарду посчастливилось однажды познакомиться с ним в 25-страничном «Самородке», любимой газете сельских ремесленников, изобретателей из парижских пригородов… и им подобных… По поводу патента на самый лучший и герметичный велосипедный насос…

Нужно сразу же сказать, что Куртиаль де Перейр сильно отличался от других мелких изобретателей… Он был на голову выше всего многочисленного сброда подписчиков этой газеты… Это была толпа неудачников… Ах! нет! Он, Куртиаль Роже-Марэн, был совсем другое дело! Он был настоящим мэтром!.. Не только соседи приходили к нему проконсультироваться… Люди приезжали отовсюду: с Сены, Уазы, из Прованса, из Колони… даже из-за границы!..

Интересно, что в глубине души Куртиаль испытывал лишь презрение и плохо скрываемое отвращение… ко всем этим мелким предприни-

мателям, толпящимся около науки, всем этим усердным продавцам, полусумасшедшим закройщикам и торговцам комнатными шплинтами… Ко всем этим полоумным служащим, которых отовсюду выгоняли и всюду травили, тихим, старательным творцам… «вечного двигателя»… квадратуры круга… и «магнетического крана»… Ко всему этому затхлому болоту надоедливых путаников… исследователей Луны!..

Стоило ему только на кого-нибудь из них взглянуть или, не дай Бог, прислушаться, как они привязывались к нему… В интересах дела он был вынужден любезно улыбаться… Это была его рутина, его случайный заработок… На это было скучно и тяжело смотреть… Если бы ему хотя бы не нужно было говорить!.. Но он должен был их ободрять! льстить им! И потихоньку стараться выпроводить… в каждом случае все зависело от характера… и еще собирать с них взносы!.. К нему первому со всех ног бросался какой-нибудь желчный, затравленный, одержимый… Боясь опоздать!.. Из своей дыры… из мастерской… выйдя из омнибуса… срочно помочившись… он врывался в редакцию «Самородка»[94]… И обру-

---

[94] Примечания: 94

«Самородок» — см. историческую справку А. Годара.

шивался, как сорвавшийся с цепи сумасшедший, на конторку де Перейра… задыхаясь… и дико трясясь… он брызгал слюной… и вцеплялся в Куртиаля… по поводу своих «солнечных мельниц»… соединений «мелких разрядов»… перемещения Кордильер… перемещения комет… до тех пор, пока последние силы не оставляли его… и он не захлебывался собственной слюной… У Куртиаля де Перейра, ответственного секретаря, образцового работника, владельца и главного вдохновителя «Самородка», всегда и на все был готов ответ, он был невозмутим и все вопросы решал тут же!.. Уверенность в себе, абсолютная компетентность и неистощимый оптимизм делали его практически неуязвимым для любых нападок… Он ни с кем никогда не вступал в препирательства, а сразу же, обрывая их, перехватывал инициативу… Все его слова, решения и контракты были раз и навсегда окончательными для всех!.. Стоило только кому-нибудь заикнуться об их изменении, как он весь багровел… Начинал скрести свой фальшивый воротничок… И брызгать слюной… Кстати, сбоку у него не хватало трех зубов… Все его решения, даже в запутанных, сомнительных и спорных случаях, были неопровержимыми истинами в последней инстанции и подлежали

немедленному исполнению… Достаточно было одного его слова… Его авторитет был непоколебим… Больше никто не жаловался!

Малейшее несогласие вызывало такую бурную реакцию с его стороны, что на его собеседника было жалко смотреть!.. В то же мгновение он был раздавлен, уничтожен, опрокинут, стерт в порошок!.. Это напоминало извержение вулкана!.. У бедного наглеца искры сыпались из глаз!.. В гневе Куртиаль становился настолько страшен, что мог самого неукротимого маньяка сделать ручным и послушным.

Куртиаль был не толст, но небольшого роста, крепок и подвижен. Он сам говорил о своем возрасте по нескольку раз в день… Ему уже стукнуло пятьдесят… Благодаря физическим упражнениям с гантелями и булавами, перекладиной и трапецией, он поддерживал хорошую форму… Он занимался регулярно и особенно перед завтраком, в заднем помещении редакции своей газеты между двумя перегородками он оборудовал себе настоящий гимнастический зал. Там было очень тесно… Все же он ухитрялся заниматься на снарядах… На турнике… с удивительной легкостью… Преимущества роста позволяли ему наглядно продемонстрировать свое великолеп-

ное здоровье… когда он, например, делал рывок с переворотом на кольцах… в комнатушке раздавался гром, как колокол! Бум! Бум! слышались удары! Я никогда не видел, чтобы он даже в самую сильную жару хоть раз снял штаны, редингот или воротничок… Только манжеты и неизменный галстук.

У Куртиаля де Перейра были основания поддерживать себя в превосходной форме. Ему приходилось сохранять физическую силу и гибкость. Он в них определенно нуждался… Кроме того, что он был изобретателем и журналистом, он часто поднимался на воздушных шарах… Он давал представления… Особенно по воскресеньям, в праздники… Это почти всегда проходило гладко, но иногда случались взрывы и нервотрепки… И это еще не все!.. При его образе жизни ему нужно было быть готовым к любым неожиданностям… Он всегда помнил об этом! Такова была его натура!.. Он объяснил мне свое кредо…

«Мускулы без ума, Фердинанд, даже лошади не нужны! А ум без мускулов — как электричество без двигателя! Он не находит применения! И просто распыляется! Это расточительство… Расслабленность!..» Он был убежден в этом. И даже написал на эту тему несколько подробных

сочинений: «Человеческий аккумулятор и его содержание». Он стал «культуристом»[95] задолго до того, как появилось это слово. Он стремился разнообразить жизнь… «Я не хочу потонуть в бумагах!» — говорил он мне.

Он любил воздушные шары и был аэронавтом почти с рождения, в ранней юности прочитал Сюркуфа[96] и Барбизе[97]… когда совершал первые учебные подъемы… Ни спортивных достижений! ни перелетов! ни головокружительных состязаний! Нет! ничего, бьющего на эффект! сногсшибательного, необычного! Он питал отвращение к воздушным маскарадам!.. Только показательные полеты! учебные подъемы!.. Исключительно с научными целями!.. Таково было его твердое правило. Журналу это приносило пользу, так как удачно дополняло его действия, после каждого подъема. У него появлялись новые подписчики. Для подъема в гондоле у него

---

[95] Примечания: 95

Он стал «культуристом»… — в словаре «Сокровища французского языка» первое упоминание этого слова датировано 1911 г.

[96] Примечания: 96

Эдуард Сюркуф — инженер, опубликовавший несколько исследований по аэронавтике, знакомый с Анри де Граффиньи, к книге которого «Аэростанция» написал предисловие.

[97] Примечания: 97

Следы Барбизе так и не найдены.

была специальная ферма, как капитан он имел бесспорное право на три нашивки «воздухоплавателя», состоящего в союзе дипломированных «агреже»[98]. Он уже потерял счет своим медалям. На его выходном костюме они составляли настоящий панцирь… Ему самому на это было наплевать, он не был особенно хвастлив, но для аудитории это имело значение, нужен был соответствующий декор.

Куртиаль де Перейр никогда не останавливался в поисках того, что «гораздо легче воздуха». Он уже подумывал о гелии![99] На тридцать пять лет вперед! Это не мало! А его «Верный», его личный большой воздушный шар, между выходами отдыхал в подвале той же конторы на Галери Монпасье, 18. Он доставал его лишь по пятницам перед обедом, чтобы подготовить оборудование, починить ткань. С бесконечными предосторожностями сморщенная оболочка и бечевки раскладывались в крошечном гимнастическом зале, и шелк вздувался от сквозняков.

---

[98] Примечания: 98

«Агреже» — лицо, прошедшее конкурс на замещение должности преподавателя лицея или высшего учебного заведения.

[99] Примечания: 99

Гелий был открыт в 1868 г. Малая плотность позволяла использовать его для наполнения дирижаблей.

* * *

Куртиаль де Перейр ни на секунду не прекращал что-нибудь делать, воображать, выдумывать, решать, добиваться… Его гениальность целый день не давала покоя его голове… Это не прекращалось даже ночью… Ему приходилось выдерживать напор бесконечного потока идей… Всегда быть начеку… Это было ни с чем не сравнимым мучением… Вместо того чтобы, как все, забыться сном, он постоянно находился во власти химер и навязчивых идей!.. Фрр!.. Даже мысль о сне улетучивалась!.. Заснуть было действительно невозможно… Он бы окончательно потерял сон, если бы вовремя не взбунтовался против постоянного наплыва озарений и своего собственного рвения… Это укрощение собственного гения стоило ему большего труда и сверхчеловеческих усилий, чем вся остальная работа!.. Он часто говорил мне об этом!..

Когда же после длительного сопротивления он чувствовал себя сломленным и переполненным собственным вдохновением, когда у него начинало двоиться и троиться в глазах… и он

слышал странные голоса… у него оставался один способ ослабить этот яд, чтобы опять успокоиться и прийти в хорошее настроение — нужно было совершить подъем на воздушном шаре! И он предпринимал путешествие в облака! Будь у него больше свободного времени, он бы поднимался гораздо чаще, чуть ли не каждый день, но это было несовместимо с выпуском газеты… Он мог совершать подъемы лишь по воскресеньям… И даже это было уже слишком часто, «Самородок» полностью завладел им, он вынужден там постоянно дежурить! Это не шутки… Изобретатели далеко не простые чудаки… С ними надо быть всегда начеку… Он решительно занимался всем этим, ничто не способно было охладить его пыл или ослабить внимание… ни умопомрачительные грандиозные проблемы, ни самые мелкие и незначительные… Он морщился, но переваривал все… От «сыра в порошке», «синтетической глазури», «качающейся лампы», «азотовых легких» до «гибкого кораблика», «кофе с молоком в таблетках» и «километровой рессоры», заменяющей горючее… Ни одно из прогрессивных новшеств в самых различных областях не вошло в практическую жизнь без того, чтобы Куртиаль неоднократно не продемонстрировал его,

подчеркивая преимущества и безжалостно выявляя постыдные непредвиденные случайности и недоработки.

Все это, конечно, вызывало ужасную зависть, беспощадную ненависть и жестокую злобу… Но он казался нечувствительным к подобным мелочам.

Ни одна техническая революция, поскольку газета была в его руках, не могла считаться состоявшейся или наоборот, до тех пор пока он не признает ее таковой, широко осветив этот вопрос на страницах «Самородка». Это дает представление о его реальном авторитете. Необходимо было, чтобы он снабдил все капитальные изобретения своим веским комментарием… Он давал им, если можно так выразиться, «разрешение»! Принять или отвергнуть. Если Куртиаль на первой странице заявлял, что идея не подходит! О! ля! ля! смехотворная! дикая! цинично порочная… все было ясно! После этого дело сворачивалось!.. Проект исчезал. Если же он, напротив, объявлял его заслуживающим внимания… признание не заставляло себя ждать… Сбегались все подписчики…

Таким образом, в магазине-бюро в Пассаже с видом на сады Куртиаль де Перейр, благодаря

своим абсолютно преданным 220 сотрудникам, распространяющим журнал «Самородок» во всем мире, иногда самым неожиданным образом влиял на развитие прикладных наук. Он командовал, направлял, приумножая национальные нововведения, европейские, мировые, способствуя ферментации мелких изобретателей «агреже»!..

Конечно, это давалось нелегко, он должен был нападать, защищаться, отбивать подлые нападки. Он мог превознести и уничтожить одним неожиданным словом, своим пером, манифестом, признанием. Однажды он, вместе с другими, это было в Тулоне в 1891 году, спровоцировал начало бунта серией своих бесед о «Теллурической ориентации и памяти жаворонков»… Он владел в совершенстве, и это действительно так, всеми журналистскими жанрами, организацией конференций, прозой, стихами, а иногда, чтобы заинтриговать, был способен и на каламбур… «Все для повышения образовательного уровня семьи и просвещения масс» — таков был главный девиз всей его деятельности.

«Самородок», Полемика, Изобретения, Воздушный Шар — составляли спектр его интересов, впрочем, это было написано на всех стенах его конторы… на главном фасаде, на витрине… Не

заметить этого было невозможно! Еще совсем недавно столь запутанные кулуарные контроверзы, самые страстные, самые коварные теории, физические, химические, электротермические, сельскохозяйственные, словно гусеницы, расплющивались под напором Куртиаля, исчезали… Он их высмеивал, в два счета выпуская из них воздух… Сразу же становился виден их скелет… Это был рентгеновский ум… Ему нужен был всего час усилий и яростного напряжения, чтобы раз и навсегда разобраться в самых запутанных и заумных теориях, подгоняя их к «Самородку», вопреки всем самым неблагоприятным обстоятельствам и самым скандальным подписчикам. Эта была магия, которой он владел в совершенстве, соединяющая в себе умение давать неопровержимые объяснения, строить самые нелепые гипотезы и представлять самые утонченные аргументы… Ради победы в споре он способен был продеть в маленькое игольное ушко настоящую молнию, заставить ее действовать, как огниво, а раскаты грома сделать мелодичными, как звуки флейты. Его судьба, призвание и несчастье засовывать вселенную в бутылки, закрывать пробкой, а потом распродавать толпе… Почему! и как!.. Позже, живя у него, я сам был испуган тем, что

мне удавалось услышать за день, в течение 24 часов… А это были только обрывки и намеки… Для Куртиаля не существовало ничего неясного, в нем уживались дух варварства и разрушения и острый ум, схватывающий все с полуслова… «Самородок»: изобретательность, находчивость, плодотворность, просвещенность!.. Таков был подзаголовок газеты. У Куртиаля работали под знаком Великого Фламмарион[100], его портрет с автографом занимал середину витрины, на него ссылались, как на Господа Бога, в любом споре, по поводу и безо всякого повода! Это была высшая инстанция, добрый гений, сверялись только с Учителем и еще немного с Распаем[101]. Куртиаль посвятил двенадцать книг чистому синтезу Астрономических Открытий и четыре книги — гению Распая, «естественным исцелениям».

Это было так замечательно, что однажды дядя Эдуард решил сам пойти в «Самородок», чтобы попытаться узнать насчет работы. Была еще одна причина — он хотел проконсультировать-

---

[100] Примечания: 100

Камилл Фламмарион (1842–1925) — французский астроном. Основатель Астрономического Общества Франции.

[101] Примечания: 101

…с Распаем — Франсуа-Винсан Распай (1794–1878) — французский химик и политический деятель, республиканец.

ся по поводу своего велосипедного насоса… Он знал де Перейра уже очень давно, со времен его семьдесят второго учебника, самого читаемого и самого распространенного в мире, того, который больше всего ценился им за его славу и широкую известность: «Оборудование велосипеда, его принадлежности и никелировка, для любого климата по цене 17 франков 95». Небольшой по объему труд в то время, о котором я говорю, продавался у Бредуйу и Малларме, технических издателей, в их магазине на набережной Огюстен… Славу и общее воодушевление, вызванные выходом в свет этого жалкого тривиального произведения, в наши дни трудно понять… Во всяком случае, «Оборудование велосипеда» Куртиаля де Перейра являлось к 1900 году для новоиспеченного велосипедиста чем-то вроде катехизиса, «настольной книги», «кладезя познаний»… Впрочем, Куртиаль был достаточно самокритичен, он не упивался подобными пустяками! Его возрастающая известность, по всей вероятности, принесла ему увеличение потока писем, новые визиты, новых навязчивых посетителей, новые неприятные обязанности, обострение полемики… И очень мало радостей!.. Приезжали проконсультироваться из Гринвича и Вальпараисо, из Коломбо

и Бланкенберга по поводу различных проблем седла, «подъемного» или «мягкого», об износе подшипников, о смазке в несущих частях… об оптимальной водной дозировке, чтобы руль не ржавел… Что касается самой славы, то его не особенно устраивала та, что принес ему велосипед… Он уже тридцать лет распространял по миру семена своих трудов, составил много других учебников, гораздо более значимых и полезных, более широкого охвата. В течение своей жизни он объездил практически все… Самые отвлеченные, самые сложные теории, дичайшие фантазии физиков и химиков, рождающуюся «радиополярность»… Звездную фотографию… Все было так или иначе затронуто им, обо всем написано. Он чувствовал сильное разочарование, подавленность и неприятное удивление, когда видел, что его превозносят, боготворят и окружают славой по поводу воздушной камеры и тонкостей «двойной шестерни»!.. Начнем с того, что сам он испытывал ужас перед велосипедом… Никогда его не изучал, никогда на него не садился… А с механикой было еще хуже… Он не смог бы разобрать даже колесо или цепь!.. Руки у него росли явно не из того места, хотя он ловко справлялся с перекладиной и трапецией… Он был неловок, как

стадо свиней… Вбивая гвоздь, он расплющивал себе, по крайней мере, два ногтя и превращал в кашу свой большой палец, стоило ему взяться за молоток, сразу же начиналась кровавая бойня. Я уже не говорю о плоскогубцах, он бы обязательно вырвал кусок стены… потолка… целую комнату… Не осталось бы ничего вокруг… У него не было ни капли терпения… его ум работал слишком быстро, но слишком отвлеченно, он был слишком интенсивен и глубок… Стоило ему столкнуться с сопротивлением материи, у него начинались судороги… Все шло прахом… Это только в теории он хорошо улаживал проблемы… На практике он хорошо владел гантелями в задней комнате… и еще по воскресеньям мог взобраться в гондолу и приказать «отдать концы», а потом приземлиться «клубочком»… если же он начинал что-нибудь чинить собственными руками, это кончалось трагедией. Стоило ему взять какую-то вещь, он тотчас же ронял ее или же тыкал ею себе в глаз… Невозможно быть совершенным во всем! Нужно это понимать… Но среди всех его произведений было одно, вызывавшее у него особую гордость… Его слабое место… Достаточно было легкого намека, как он весь начинал вибрировать… Нужно было почаще в разговоре к этому возвращаться,

чтобы заслужить его расположение. Изыскания в области «Синтеза» были, без сомнения, главным его достижением, головокружительным успехом… «Полное собрание произведений Огюста Конта[102], приведенное к строгому формату «позитивной» молитвы в 22 стихах акростиха»!

Этим необычным произведением он почти мгновенно прославился на всю Америку… Латинскую… как смелый новатор. Уругвайская Академия несколькими месяцами позже, собравшись на пленарное заседание, единодушно избрала его «Bolversatore Savantissimo» со статусом «пожизненного члена»… Вдобавок город Монтевидео через месяц провозгласил его «Citadinis Eternatis Amicissimus». Куртиаль надеялся, что подобные титулы и триумф принесут ему другую славу, более возвышенную… и он сможет развернуть широкомасштабную деятельность… Возглавить движение глубокого философского направления… «Друзья Чистого Разума»… Но отнюдь! Черта с два! Первый раз в своей жизни он попал пальцем в небо! Он полностью просчитался… Великое имя Огюста Конта отправилось к Антиподам, но не пересекло моря вспять! Оно навечно

---

[102] Примечания: 102
Огюст Конт (1798–1857) — французский философ-позитивист.

осталось на ла Плата. Оно уже не вернулось в отчий дом. Оно так и осталось у американцев, и все-таки в течение нескольких месяцев он пытался совершить невозможное… В «Самородке» он не жалел места, стараясь придать своей «молитве» привлекательный французский привкус, он превратил ее в ребус, вывернул, как камзол, усеял крошечными семенами лести… сделал воинствующей… напоминающей Корнеля… агрессивной и, наконец, заискивающей… Напрасный труд!

Даже бюст Огюста Конта, поначалу установленный на самом видном месте, слева от великого Фламмариона, не нравился клиентам, его пришлось убрать. Он просчитался. Подписчики недовольно фыркали. Насколько бесспорной казалась им популярность самого Фламмариона, настолько же вызывал у них отвращение Огюст. Он отталкивал их от витрины… В буквальном смысле! Иначе не скажешь!

Иногда по вечерам, когда им овладевала тоска, Куртиаль говорил странные речи…

«Однажды, Фердинанд, я уеду… Я уеду ко всем чертям, вот увидишь! Я уеду очень далеко… Совсем один… На свои собственные средства!.. Ты увидишь!..»

После этого он как бы задумывался… Я не хотел

его прерывать. Подобное настроение возвращалось к нему время от времени… И это меня очень интриговало…

* * *

Перед тем как пойти к де Перейру, дядя Эдуард, стараясь пристроить меня, сделал все возможное, перевернул небо и землю, не останавливался ни перед чем, использовал почти все свои связи… В каждом доме, куда он заходил, он говорил обо мне и очень хорошо… но это не принесло желаемых результатов… Конечно, он поселил меня у себя, в своей квартире из самых лучших побуждений, но в конце концов он был небогат… это не могло продолжаться вечно! Я не раздражал его… Но я занимал его жилье… его халупа была не слишком просторной… Я напрасно притворялся спящим, когда он приводил к себе женщину… на цыпочках… конечно же, я стеснял его.

Во-первых, по натуре он был крайне стеснителен. К тому же, как это ни странно, часто совсем застенчив… Так и с Куртиалем, после многих месяцев знакомства он еще не чувствовал себя непринужденно. Он искренне восхищался им и не осмеливался ни о чем просить… Он не сразу решился рассказать ему мою историю… и в то же время у него все зудело… Он чувствовал себя

ответственным за то, что я сижу на мели… безо всякого занятия…

В конце концов, он все же решился… Как бы в шутку, не подавая вида. Он мельком спросил… Не нужен ли иногда в его бюро изобретателей или для его воздухоплавательной станции начинающий секретарь?.. Дядя Эдуард не обольщался насчет моих способностей. Он хорошо отдавал себе отчет в том, что на сидячей работе я чувствовал бы себя совсем плохо. Он на все смотрел реально. Лучше всего мне подходила работа «на улице», требующая определенной смекалки, хитрости и изворотливости. У Куртиаля с его кучей проблем и его задвигами я имел шансы пристроиться… Так он считал.

Куртиаль красил себе волосы и усы в эбеново-черный цвет, а бородку оставлял седой… Все это торчало «по-кошачьи», брови были вздыбленные, клочковатые, агрессивные, как у дьявола, особенно левая. В глубине глазных впадин светились быстрые крошечные зрачки. Маленькие, всегда бегающие глазки останавливались, когда он придумывал очередную хитрость. Смеясь, он сильно тряс животом, резко бил себя по бедрам и потом на секунду застывал в раздумье… как бы в восхищении от собственной проделки…

Именно Куртиаль де Перейр получил второе во Франции разрешение на гоночный автомобиль. Его диплом, окаймленный золотой рамкой, и фотография молодого человека за рулем монстра со втулками висела у нас над бюро. Это увлечение закончилось трагически… Он часто мне об этом рассказывал: «Мне повезло, — считал он, — послушай! Мы прибыли в Буа ле Дюк… замечательное горючее!.. Мне не хотелось сбавлять скорость… И тут я заметил учительницу, карабкавшуюся на насыпь… Она замахала мне… Она прочитала все мои произведения. Она размахивала зонтиком… Я не хотел быть невежливым… И затормозил у школы… Тут меня окружили и засыпали комплиментами!.. Я утолил жажду… Я собирался остановиться лишь в Шартре, до которого было еще 18 километров… Там располагался последний контрольный пункт… И пригласил девушку… Я сказал ей: «Садитесь, мадемуазель… садитесь рядом со мной! Занимайте место!» Она заколебалась, эта крошка, слегка кокетничая… Я настаивал… Она устроилась… И мы тронулись… С самого утра на каждой остановке, особенно в Бретани, был сидр и только сидр… Машина сильно вибрировала, прекрасно шла… Я не решался сбавить скорость… И в то же время мне

было невтерпеж!.. Наконец я не выдержал!.. И притормозил… Заметив куст, я остановил машину и выпрыгнул. Я оставил красотку за рулем! Я крикнул ей издали: «Подождите меня! Я вернусь через секунду!..» Только я расстегнул ширинку, как почувствовал, что я, ты слышишь! убит! Меня приподняло! И бросило, как соломинку… отнесло ураганом! Бум! Потрясение! Неслыханный взрыв!.. Все деревья, вся трава вокруг были сорваны, скошены, сдуты вихрем! Воздух воспламенился! Я находился в глубине кратера почти без сознания… Я ощупал себя!.. Собрался с силами!.. Выбрался на дорогу!.. Все исчезло! Машина? Вакуум, мой друг! Вакуум! Машины не было! Испарилась!.. Разбита молнией! В самом деле! Колеса, шасси… Дуб!.. смолистая сосна!.. были обожжены… Весь остов… Ты не поверишь! Я поплелся по окрестностям от кочки к кочке! Рылся повсюду! Шарил! Несколько обломков здесь, там!.. несколько веточек… Кусочек веера, пряжка от пояса! Одна из затычек резервуара… Шпильки для волос! Это все! Один зуб, принадлежность которого так и осталась неясной!.. Официальное расследование ничего не дало!.. Ничего не прояснило!.. Этого и нужно было ожидать… Причины этого грандиозного возгорания навсегда остались

в тайне… Двумя неделями позже в пятистах метрах от этого места, в пруду, после длительного зондирования обнаружили ногу этой девушки, наполовину обглоданную крысами.

Со своей стороны я, особенно не вдаваясь в подробности, изо всех многочисленных гипотез, объясняющих причину возгорания, приведшего к ужасному взрыву, мог принять всерьез только одну… Едва заметное смещение одного из удлиненных предохранителей… Легко догадаться! Как от тряски и последовательных рывков эта слабая печка, крашенная суриком, начала дрожать, не прошло и секунды! десятой доли секунды!.. рядом с подачей горючего… В одно мгновение все взлетело на воздух!.. Замечательный фейерверк! Управляемый снаряд… Какова же была, мой милый друг, ненадежность системы. Я вернулся на это место спустя много лет после катастрофы… Там до сих пор пахнет горелым!.. Впрочем, на той критической стадии автомобильного дела случалось множество подобных фантастических взрывов почти такой же мощности! Превращение в пыль! Полное рассеивание! Колоссальная взрывная волна!.. Их можно сравнить только с внезапным взрывом жидкого воздуха… И еще!.. Я имею на этот счет свое мнение!.. На самом деле,

это банально! Абсолютно объяснимо… От начала до конца!.. Никаких сомнений! Никакой загадки! Ее разгадка заключена в причинах самой трагедии!.. В этом не хотят признаться! Сегодня это уже не имеет особого значения! «Предохранители» больше не используют! Давным-давно! И прекрасно! Перед нами стоят другие проблемы… В тысячу раз более актуальные! Как все это далеко, мой друг! Никто больше не работает с суриком!..

Куртиаль никогда не носил целлулоидный воротничок… У него был свой метод делать носкими, незагрязненными и непромокаемыми фальшивые воротнички из обычного полотна… При помощи чего-то вроде лака, который наносился в два или три слоя… Он держался, по меньшей мере… шесть месяцев… защищая от грязных пальцев, пыли и испарений. Это была очень красивая смазка на основе чистой целлюлозы. Фальшивый воротничок не снашивался два года. Исключительно из кокетства он красил его каждый месяц! Это придавало ему оттенок, даже блеск жемчуга и старинной слоновой кости. Но, в противоположность тому, что было написано в статье, пальцы четко отпечатывались на этом воротничке… И оставляли большие пятна, которые накладывались друг на друга! Это был настоящий

Бертийон[103], тут какая-то недоработка. Время от времени он сам признавался в этом. Названия для этого чуда еще не существовало. Он оставлял за собой право придумать его в свое время.

Куртиаль де Перейр не страдал от излишнего роста! Ему нельзя было терять ни дюйма… Он носил очень высокие каблуки, впрочем, с обувью были сложности… Неизменные перемычки из бежевого драпа и маленькие перламутровые пуговки… Только у него, как у меня, сильно потели ноги… От него ужасно пахло, особенно в субботу… В воскресенье утром он совершал свой туалет, я был в курсе. На неделе у него не было ни минуты. Я знал об этом… Жены его я никогда не видел, он рассказывал мне о ее делах и привычках. Они жили в Монтрту… Что касается ног, то это относилось не только к нему… Это было напастью того времени… Когда приходили изобретатели, они обливались потом и становилось трудно выслушивать их до конца даже с дверью, открытой настежь в большой сад Пале… Дышать было невозможно… Я начинал чувствовать отвращение к своим собственным ногам.

По абсолютному беспорядку, хаосу и нераз-

[103] Примечания: 103

Альфонс Бертийон (1853–1914) — создатель системы определения преступника по отпечаткам пальцев.

берихе трудно было себе представить что-либо худшее, чем «Самородок»… С порога помещения до самого потолка, на всех ступенях и выступах, на всей мебели, стульях, шкафах и под ними все было завалено бумагами, брошюрами, своевременно нераспределенными, перепутанными, разорванными, без обложек, все произведения Куртиаля лежали здесь навалом, целые пирамиды, горы… В этой отвратительной свалке смешались словари, научные трактаты, карты, олеографические мемуары. Среди них прокладывали дорогу, как придется, ощупью… зарываясь в мусор… зыбкую скалу. И все это вдруг обрушивалось! Настоящий водопад! Планы и чертежи взрывались! десять тысяч килограммов летело вам прямо в рожу!.. Настоящие лавины всего залежавшегося бумажного хлама в столбе пыли… целый вулкан, извергающий грязь, каждый раз угрожавший погрести под собой все…

Его, однако, это не тревожило… Он не считал это особенно ужасным и не испытывал ни малейшего желания изменить положение вещей и модифицировать свое предприятие… Отнюдь! Он чувствовал себя великолепно в этом головокружительном хаосе… Ему ничего не стоило найти нужную ему книгу… Он вытаскивал ее

уверенным движением руки… из любой кучи… Он переворачивал все обложки, рылся в огромной горе и точно доставал нужную книжонку… Каждый раз это казалось чудом… Он ошибался очень редко… У него было чувство беспорядка… Он жалел всех, у кого его не было… Весь порядок должен быть в мыслях! В материи все наоборот!.. Каждый раз, когда я пытался сказать ему, что невозможно разобраться в этом хаосе и вертепе, он устраивал скандал и облаивал меня… Он не давал мне передышки… Его позиция была непоколебима… «Конечно, Фердинанд, я не требую от вас невозможного! Никогда у вас не было настоящего инстинкта, любопытства, желания разобраться… Здесь! что бы там ни говорили! книжек достаточно!.. Вы никогда не задавались вопросом, мой бедный друг, как выглядит мозг?.. Аппарат, которым вы думаете? А? Нет, конечно! это вас совсем не интересует… Вам больше нравится смотреть на девочек? Значит, вы не знаете! Вы без труда можете убедиться, что беспорядок, мой друг, это замечательная сущность самой вашей жизни! Всего вашего физического и метафизического существа! Но это не ваша душа, Фердинанд! Миллионы, триллионы складок… уходящих в глубины, в серые, изощренные, подводные,

ускользающие, неуловимые… Безграничные! Вот гармония, Фердинанд! Воля природы! Бегство в неопределенное! И ничто другое! Приведите в порядок, Фердинанд, ваши скудные мысли! Начните с этого! Не с нескольких жеманных, расчетливых, негативных, грубых подмен, а с самой сути, я хочу сказать! Будете ли вы тогда бросаться на мозг, исправлять его, калечить, подчинять нескольким тупым правилам? Кроить геометрическим ножом? заново переделывать его по правилам вашей наглой глупости?.. Подавать его ломтями? как галету для королей? с бобом посредине? А? Я задаю вам вопрос. Без обиняков? Было бы это правильно? Эстетично? Вас, Фердинанд, я уверен, угнетает ошибка! С вами происходит то же, что и со всеми! Единодушное стремление к небытию! К большому инстинктивному порядку! Популярные мысли! Все той же ценой, Фердинанд!.. Я боюсь, что ты навсегда останешься в этом мусорном ящике разума! Тем хуже для тебя! Ты болван, Фердинанд! слепец! дубина!.. Ты оскверняешь весь мой божественный беспорядок своими праздными домыслами… В Гармонии, Фердинанд, единственная радость мира! Единственное освобождение! Единственная правда!.. Гармония! Найти гармонию! Вот… Эта лавка

находится в Гар-мо-нии!.. Ты слышишь меня, Фердинанд? как мозг, не более! В порядке! В полном порядке! Вслушайся в мои слова! Вглядись в эту вещь! Привыкай к гармонии! и Гармония тебя не оставит! Вы найдете все, что так долго искали на дорогах мира… И даже больше! Множество других вещей! Фердинанд! Мозг, Фердинанд! в нем вы найдете все! Да! «Самородок» — это мозг! Это достаточно ясно? Это не то, чего ты хотел? Ты и тебе подобные?.. Бессмысленное нагромождение клеток! Баррикада брошюр! Огромное смертоносное предприятие! Некрополь Чартистов! Да! никогда! Здесь все движется! Все шумит! Ты жалуешься! Все топорщится, шевелится! Вы хоть немного прикоснитесь к этому! Рискните — хоть пальчиком! Все приходит в волнение! Все в то же мгновение начинает дрожать! Струится! Расцветает! Становится еще великолепнее! Я не совершаю насилия над жизнью! Я беру жизнь такой, какова она есть! Насилие, Фердинанд? Никогда!.. Изо всех сил стараться подвести ее к своей концепции копания в дерьме? Уф! Все качается? Все рушится? Э! Тем лучше! Я не хочу больше считать звезды! 1! 2! 3! 4! 5! Я не думаю, что мне все позволено! Право сужать! исправлять! искажать! обтесывать! переделывать!.. А?.. С чего я

это взял? Из вечности? Из природы вещей? Это неестественно, мой мальчик! Это не природа! Это подлый выверт!.. Я в ладах со Вселенной! Я оставляю ее нетронутой!.. Я никогда не буду ее улучшать! Нет!.. Вселенная сама по себе! Я ее понимаю! И она меня понимает! Она со мной, когда мне надо! Когда она мне больше не нужна, я отпускаю ее! Вот как все происходит!.. Это вопрос космогонии! Но я устанавливаю порядок! В тебе нет истинного порядка!.. Уф! Уф! Уф!..»

Он окончательно выходил из себя так, как будто был неправ…

* * *

Произведения Куртиаля были переведены на множество языков, их продавали даже в Африке. Один из его корреспондентов был черным, он служил управляющим Султаната в Верхней Убанги-Шари-Чад. У этого юнца была страсть ко всякого рода подъемным устройствам. Это была его мечта, его мания!.. Ему выслали всю соответствующую документацию… Он никогда не видел их в действительности. Куртиаль опубликовал в 1893 году исследование «О вертикальной тяге». Он изучил все детали и многочисленные тонкости, гидравлические, баллистические, «электрорегенерирующие»… Это был ценный и основательный труд, который, однако, занимал в его творчестве скромное и незначительное место. Естественно, ведь его познания охватывали все области…

Официальные лица им гнушались и смотрели на него свысока, но даже старому педанту было очень трудно обойтись без его учебников. Они входили в большинстве школ в программу обучения. Невозможно было представить что-либо

более удобное, простое и доходчивое, это было как раз то, в чем все нуждались! Это запоминалось и забывалось безо всякого напряжения. Говорили, что по приблизительным подсчетам только во Франции по меньшей мере одна семья из четырех имела на своей книжной полке одну «Семейную астрономию», «Экономию без бедности» или «Получение ионов»… А одна из двенадцати — «Поэзию в красках», «Сад на крыше» и «Выращивание кур дома». И это только практические пособия… У него была еще серия, произведения (в многочисленных изданиях) уже по-настоящему классические: «Индустанское восстание», «История путешествий к полюсу от Мопертюи до Шарко». Огромное количество! Было что почитать и долгими зимними вечерами, несколько кило рассказов…

Затасканы, зачитаны, обворованы, раскритикованы и осмеяны были его знаменитые «Врач для себя», «Настоящий язык трав» и «Электричество без лампочек»… Он делал привлекательными, блестящими, заманчивыми, основательными науки, сами по себе довольно тяжелые и сложные, которые без Куртиаля так и оставались бы недоступными широким массам, то есть претенциозными, герметичными и, если быть до

конца искренним, практически не годными к употреблению...

* * *

Понемногу, долго находясь с Куртиалем бок о бок, я полностью постиг его натуру… Он был далек от совершенства, даже довольно жалок, мелочен, завистлив и скрытен… Теперь, справедливости ради, нужно, наконец, признать, что было ужасной ошибкой с его стороны так загружать себя работой! Целый год крутиться как проклятому, отбиваясь от настоящей банды маньяков, подписчиков «Самородка»…

Он проводил ужасные часы в абсолютной опустошенности… в потоках мерзостей… Ему все время приходилось сражаться, нападать, отражать удары, подавлять свои эмоции, чтобы оставлять у подписчиков хорошее впечатление, и они уходили бы счастливыми с желанием вернуться…

Сначала Куртиаль не собирался брать меня на службу, он не хотел этого… Он находил меня слегка высоковатым, широковатым и, вообще, слишком громоздким для его лавки. Она уже настолько была забита, что там почти невозможно было двигаться… Но в то же время я недорого

стоил. Мне предлагали только «пансион», то есть питание и жилье… Мои родители были согласны. Мне не нужны деньги, — твердили они моему дяде… Они мне не пойдут на пользу… Но самое главное, я не должен был больше возвращаться к ним… Это было единодушное мнение нашей семьи, а также соседей и знакомых… Я должен был делать что угодно! Пусть меня займут чем-нибудь! не важно где и не важно как! Главное — не оставлять меня без дела! и чтобы я находился на достаточном расстоянии. В один прекрасный день, судя по моим задаткам, я мог поджечь Пассаж! Таково было общее мнение…

Хорошо бы в армию… Для моего отца это было самое лучшее… Только я еще не достиг призывного возраста… Мне не хватало по меньшей мере 18 месяцев… Тут и подвернулся де Перейр со своим «Самородком», это было как раз то, что нужно, настоящий спасительный луч солнца во тьме!..

Но Куртиаль долго колебался и вилял… Он советовался со своей женой! Она не возражала… В сущности, ей было глубоко плевать на это, она никогда не заходила в Галерею, оставаясь в Монтрту в своем доме. Перед тем как он наконец решился, я творил с ним наедине раз двенадцать… Он слишком много говорил… всегда без

остановки… А я умел очень хорошо слушать… Мой отец!.. Англия!.. Я везде слушал… С тех пор у меня это в крови!.. Меня это ничуть не стесняло! Мне не нужно было отвечать! Именно этим я его и обворожил… Своим закрытым ртом… Однажды вечером он, наконец, сказал мне:

— Итак, мой мальчик! Я заставил вас ждать довольно долго, но теперь я все обдумал, вы останетесь у меня! Я думаю, что мы поладим… Только не нужно ни о чем меня просить!.. О! нет! ни крошки! Ни капли! О! Ни гроша. Можете не рассчитывать на это! Не рассчитывать никогда! Мне и так невероятно тяжело, я едва свожу концы с концами! Нести расходы по периодике, платить издателю! Я измучен! разбит! устал! Вы слышите меня? У меня клянчат день и ночь! А непредвиденные наборы? Новые затраты? В данный момент? Об этом не может быть и речи!.. Это не промышленность! Не торговля! Не какая-нибудь прибыльная монополия! О, совсем нет! Всего лишь жалкое суденышко на ветру мысли!.. А сколько ураганов, мой друг, сколько ураганов!..

Вы садитесь в нашу лодку? Хорошо. Я вас принимаю! Я вас беру! Заметано! Поднимайтесь на борт! Но я предупреждаю вас. В трюме — ни дублона! Ничего в руках! В карманах пусто! Не

огорчайтесь! Не отчаивайтесь!.. Вы будете готовить завтрак! Будете спать на антресолях, я сам раньше там спал… в «тунисском» кабинете… Заправляйте вашу софу… Там можно прекрасно жить… Вам там будет совершенно спокойно! Ах! везунчик!.. Вы еще оцените это как-нибудь вечером! Какое жилище! Какое спокойствие! Пале-Рояль ваш, начиная с девяти часов!.. Вы будете счастливы, Фердинанд!.. Теперь слушайте! Мне самому! в дождь, гром, ураган! Нужно тащиться в Монтрту! Это тяжелая обязанность! Меня ждут! И поверьте мне, что это часто бывает отвратительно! Я дошел до того, что готов броситься под колеса, когда смотрю на локомотив!.. О! я сдерживаюсь! Все ради моей жены! И немного ради моих эссе! В конце концов! Все же! Я не могу сказать ничего другого! Она много вынесла! И она очаровательна! Как-нибудь вы увидите ее, мадам де Перейр! Она поглощена своим садом!.. Это все — только ради нее! У нее не так много радостей в жизни! Это и еще дом! И потом немного я! Я забываю о себе! О! Это смешно! Ну, хватит болтать! Решено! Так, хорошо, Фердинанд! По рукам! Согласны? Как мужчина с мужчиной! Хорошо! Днем вы будете делать наши дела! Вам не придется скучать! Не бойтесь, Фердинанд, я хочу всерьез

заняться вами, направлять вас, вооружить, заложить в вас познания… Без заработной платы! Конечно! Да! Формально так! Но духовно! О! Вы не представляете, Фердинанд, что вы приобретаете? Нет! нет! нет! Когда-нибудь вы покинете меня, Фердинанд, точно… Его голос стал печальным… Вы оставите меня… Вы будете богаты! Да! богаты! Я говорю вам это!..

Он не давал мне сказать ни слова, я так и стоял с разинутым ртом…

— Вы понимаете меня, настоящее богатство не в кошельке!.. Фердинанд! Нет! В кошельке ничего нет! Ничего!..

Я тоже так думал…

— А пока давайте помечтаем! Я дам вам знания! Смысл существования! Это настоящий капитал в наших делах! Подлинный дар!.. Я допущу вас к бумагам, ко всем бумагам!.. Ответственный секретарь… Ответственный за имущество. А? Это кажется мне наиболее подходящим… Вам нравится? Не претенциозно?.. Подойдет?

Безусловно, мне это подходило… Мне подходило все… Но ответственный за имущество — это было далеко не почетно… Это была тяжелая работа!.. В этом я сразу убедился… Я должен был выполнять всю работу по доставке с ручной тележкой… Все

походы к типографу… К тому же я отвечал за все неисправности воздушного шара… Я должен был находить все нужные инструменты, барометры, распорки, детали и прочие побрякушки… Я чинил все прорехи и оболочку… Я чинил ее пенькой и клеем. Я делал заново все узлы на канатах и веревочках… такелаж постоянно рвался… «Верный», этот воздушный шар, священный баллон, был окружен всеобщим почетом, даже когда лежал в глубине подвала, обсыпанный нафталином… и мириады червячков жировали в его складках… К счастью, крысам каучук внушал отвращение… только совсем маленькие мышки грызли ткань. Я находил в «Верном» прорехи и малейшие лакуны и чинил их, зашивая через край, все зависело от размера дырок… Понемногу он рвался везде, я штопал его часами, это кончилось тем, что я оказывался полностью поглощен этим занятием.

В клетушке гимнастического зала было чуть просторней… К тому же нельзя было, чтобы меня видели… посетители лавки…

Однажды, это было включено в наше торжественное соглашение, я тоже должен был подняться в этой штуке на высоту трехсот метров… Как-нибудь в воскресенье… Я буду вторым… Тогда моя должность изменится… Он говорил

мне об этом, я думаю, чтобы я больше старался... Он был крайне хитер... Он косился на меня своим маленьким поросячьим глазом... Я видел его насквозь... Он врал за двоих!.. Он заранее решил облапошить меня!.. Но все же жратвы в задней комнате конторы вполне хватало... Нельзя сказать, чтобы я был очень несчастен... Я ему действительно был нужен! Хозяин есть хозяин!

Пока я возился со своим шитьем, он заходил ко мне около четырех часов.

— Фердинанд! Я закрываю магазин... Если придут... и спросят меня... скажи, что я вышел пять минут назад, что я торопился! Я скоро вернусь!

Я знал, куда он идет. Он ходил в «Смуту», маленький бар в Пассаже Виладо, на углу улицы Радзивилл, узнать результаты бегов... Всегда в одно и то же время... Он ничего мне об этом не говорил... Но я все равно знал... Если он выигрывал, он насвистывал мелодию «Матчиша»... Это бывало не часто... Если он был в убытке, он был раздражен и повсюду плевался... Он ходил свериться на ипподром. Таскал за собой газетенку прогнозов. Он тщательно скрывал свои увлечения... Это был первый порок, открытый мной у него.

* * *

Единственное, что его волновало, — это скачки… Поэтому он и ввел меня в курс дела… Он боялся, что я проболтаюсь… буду трепать повсюду, что он играет в Винсенн[104]… и это дойдет до подписчиков. Он признался мне в этом немного позже… Он ужасно проигрывался, ему не очень везло, хоть он постоянно и увеличивал ставки, но все бесполезно, он больше не видел их, как своих ушей… В Мэзон[105], Сен-Клу, Шантильи… Везде было то же самое… Настоящая прорва… Все деньги за подписку стремительно уходили на это!.. И деньги от воздушного шара уплывали в Отёй… Лошадиные бега влетали в копеечку! Лонгшан! Ля Порт! Аркёй-Кашан! И оп! И оп! Ля-ля! Гарцуем! Скачем галопом! Я видел, как касса тает, почему — догадаться было нетрудно… Мелкие монетки летели на жокейскую куртку! рысью! под фанфары! ставка! четверть! выиграть! все равно, каким способом!.. Чтобы хоть как-то

---

[104] Примечания: 104
Винсенн — ближайший пригород Парижа, где находился ипподром.

[105] Примечания: 105
Мэзон — пригород Парижа, где находится ипподром.

расплатиться с типографией, мы перешли на фасоль… Моего рагу хватало нам на неделю, и мы ели его в кабинете с салфеткой на коленях… Это было далеко не смешно!.. Проигрывая, он никогда не признавался в этом… Только становился злым, мрачным и агрессивным по отношению ко мне… Он явно злоупотреблял своей властью.

После двух месяцев испытания он понял, что я никогда не устроился бы в другом месте… Работа в «Самородке» была как раз для меня, как раз то, что мне нужно, а в другом месте и в другой обстановке я был бы совершенно невыносим… Это было написано мне на роду… Выигрывая, он ничего не откладывал в кассу, а становился еще омерзительнее, казалось, что он мстит за себя. Он готов был удавиться за одно су… Всегда скрытный и лживый, как женский бюстгальтер… Он рассказывал мне такие жуткие небылицы, что ночью я вспоминал их… И пересказывал их сам себе снова, настолько они были занятны… Неприличные! И длинные! Я даже просыпался и вскакивал от этого. Иногда они были специально так закручены и придуманы, чтобы меня подавить… Но когда он возвращался из Прованса после произведенной сенсации, успешного дела… наслушавшись комплиментов… когда «Верный»

не слишком рвался… тогда у него появлялась роскошная жрачка… Он сорил деньгами… Приносил нам кучу еды через дверь задней комнаты… целыми корзинами… В течение восьми дней мы набивали себе животы до такой степени, что лопались подтяжки… Я старался воспользоваться этим, так как потом наступал настоящий голод!.. Мы жрали соус с чесноком, зеленью, уксусом и яйцами… готовили телятину с грибами… корнишоны… сардины… лук… а потом приблизительно в течение целого квартала была одна хлебная похлебка без картошки… Ему было легче, он жрал еще один раз вечером в Монтрту со своей половиной! Он не худел… другое дело — я!

Голод вынуждал меня тоже кое-что предпринимать… в основном это касалось подписки… Регулярных поступлений финансов не было… Одни убытки… Он очень страдал от всей этой бухгалтерии… Он должен был показывать ее своей жене. Этот контроль приводил его в отчаяние… Выводил из себя… Он потел часами… Были только хвосты и нули…

Но все же была одна область, где он меня никогда не надувал, не разочаровывал, не запугивал и не предавал, ни одного раза! Это было мое образование, мое научное обучение. Здесь он

никогда не колебался, никогда не проявил даже минутного неудовольствия!.. Он был верен себе! Если я его слушал, он был счастлив, преисполнен удовлетворения и сиял… Я знал, что он готов был посвятить мне час, два и больше, иногда целые дни, только чтобы объяснить мне что угодно… Все, что касалось направления ветров, перемещения луны, калориферов, созревания огурцов и отражения радуги… Да! Он действительно был одержим дидактической страстью. Он хотел бы преподавать мне все предметы вместе и к тому же время от времени делать мне гадости! Он не мог себе в этом отказать, ни в первом, ни в последнем! Я долго думал обо всем в задней комнате лавки, когда чинил его хлам… Это было в нем от рождения, этот человек растрачивал себя… Он должен был бросаться, от одного к другому, но действительно до конца. С ним не было скучно! О! этого нельзя было сказать! Мое любопытство подталкивало меня как-нибудь сходить к нему домой… Он часто рассказывал мне о своей мамульке, но никогда ее не показывал. Она же никогда не приходила в бюро, она не любила «Самородок». У нее, должно быть, были на это свои причины.

* * *

Когда моя мать, наконец, убедилась, что я надежно пристроен и не уйду сразу же, что у меня есть стабильное занятие у де Перейра, она сама пришла в Пале-Рояль, чтобы принести мне белье… В сущности, это был только предлог… чтобы посмотреть, что это за дом… Она была на редкость любопытна и хотела все видеть, все знать… каков этот «Самородок»?.. Как я живу? Достаточно ли ем?

От нашей лавки это было не так уж далеко… От силы четверть часа пешком… Несмотря на это, она задыхалась от усталости… Она была совсем вымотана… Я заметил это еще издалека… в конце Галереи. Я беседовал с подписчиками. Она опиралась на витрины и останавливалась, задыхаясь… она отдыхала каждые двадцать метров… Уже больше трех месяцев мы не виделись… Я нашел, что она крайне похудела и как бы потемнела и пожелтела, ее веки и щеки сморщились, морщины появились под глазами. У нее был по-настоящему больной вид… Как только она отдала мне мои носки, кальсоны и носовые платки, она сразу же

заговорила об отце, хотя я ее ни о чем не спрашивал… Он всю жизнь будет страдать, тотчас же прорыдала она, от последствий моего нападения. Его уже два или три раза привозили на машине из конторы… Он едва держался на ногах… Он все время был подвержен обморокам… Он просил ее сказать, что охотно прощает меня, но больше не хочет со мной говорить… еще очень долго… пока я не пойду в армию… пока не изменятся мои манеры и настроения… В общем, не раньше, чем вернусь с военной службы…

Куртиаль де Перейр как раз возвращался из обхода, а возможно, из «Смуты». Он, должно быть, проиграл меньше, чем обычно… Подойдя, он неожиданно вдруг стал крайне любезным, приветливым, мягким, насколько это возможно… «Счастлив видеть вас здесь…» А, по поводу меня? Обнадеживает! Он тут же пустился в похвалы, чтобы обворожить мою мать, и даже захотел, чтобы она поднялась наверх немного с ним побеседовать… в его личный кабинет… на «тунисский» чердак… Ей было тяжело пробираться за ним… Лестница была крутая, усыпанная мусором и скользившими под ногами бумажками. Он был крайне горд своим «тунисским» кабинетом, ему хотелось всем его показать… Это был ансамбль,

выдержанный в стиле «гипер-беспорядок», с сервантами «алькасар»… Плюс мавританский кофейник… марокканские пуфики, ковер с витым узором, пушистый, вобравший в себя не менее тонны пыли… Его никогда не поднимали… Даже и не пытались чистить… Впрочем, кучи печатной продукции, каскады и ворохи корректур, пломб и последних гранок делали любые попытки в этом направлении смехотворными… И даже, нужно это признать, весьма опасными… Любое нарушение равновесия было очень рискованно… Все должно было оставаться в покое и как можно меньше сдвигаться с места… Еще лучше, очевидно, было разбрасывать всюду новые бумаги для подстилки. Это все же слегка разнообразило интерьер…

Я слышал, как они разговаривали… Куртиаль прямо заявил ей, что открыл у меня блестящие способности к журналистике, которые в «Самородке» принесут состояние… Репортажи!.. Я достигну многого, безо всякого сомнения… она может возвращаться и спокойно спать все это время… мое будущее гарантировано. Я стану хозяином своей судьбы, как только приобрету все основные знания. Нужно только набраться терпения… Постепенно он вложит в меня все,

что нужно… Но все это постепенно!.. Ах! Ох! Он был противником всякой спешки! Грубых рывков!.. Не нужно никакого насилия! Не нужно спешить с развязкой! Бессмысленная тряска! Впрочем, я, судя по его словам, всегда проявлял самое горячее желание учиться!.. Более того, я стал проворен. Превосходно выполнял мелкие поручения, которые он мне давал… Я успешно справлялся с ними… Постепенно я стану ловким, как обезьяна! Быстрым! Сообразительным! Трудолюбивым! Скромным! Просто загляденье! Его уже было не остановить… В первый раз в своей жизни моя бедная мать слышала, что о ее сыне так говорят… Она не могла прийти в себя… Под конец, при прощании, он настоял, чтобы она взяла книжечку с подписками, которые она, без сомнения, могла хорошо пристроить среди своих друзей… и знакомых… Она обещала все, что он хотел. Она смотрела на него, ошеломленная… Куртиаль не носил рубашки, только лакированный воротничок под фланелевым жилетом, который всегда был немного шире воротничка, он покупал его на несколько размеров больше, чем нужно, все вместе это образовывало нечто очень засаленное… Зимой он надевал их по два, один поверх другого… Летом, даже в сильную жа-

ру, он носил большой редингот, лакированный воротничок чуть поменьше и доставал канотье. Он очень заботился о нем… Это был уникальный экземпляр, настоящий шедевр, вроде сомбреро, подарок из Южной Америки, из редчайшей ткани! Неповторимый… Он просто не имел цены!.. С первого июня по пятнадцатое сентября он носил его на голове, не снимая почти никогда. Только в самом крайнем случае: он боялся, что его украдут!.. Так, по воскресеньям, во время полетов он очень переживал… Он все же был вынужден поменять его на высокую с нашивками фуражку… Она являлась частью униформы… Он доверял мне свое сокровище… Но как только он касался земли, спрыгивал, как заяц, и скакал по бороздам, его первым восклицанием было: «Э, моя шляпа! Фердинанд! Моя панама! Во имя Господа!..»

Моя мать сразу же отметила толщину фланелевого жилета и тонкость замечательной шляпы… Он дал ей пощупать плетение, чтобы она оценила… Она на мгновение замерла в восхищении: «О! тц-ц-ц! О! тц-ц-ц!.. Ах! Ну да! Я прекрасно вижу! Такой соломы больше не делают!..» Тут она пришла в экстаз…

Все это вместе вызвало доверие доброй матери… и показалось ей прекрасным предзнаменовани-

ем… Она особенно любила жилеты из фланели. Это служило доказательством серьезности намерений и того, что ее не обманывают. После трогательного прощания она потихоньку пустилась в путь… Я думаю, что впервые за свою жизнь она была относительно спокойна по поводу моего будущего и моей дальнейшей судьбы.

* * *

Конечно, я полностью отдавался работе!.. У меня было чем заняться… с утра до вечера… Кроме «грузов» и типографии, был еще «Верный» в подвале, бесконечные починки и наши голуби, которыми я должен был заниматься два, три раза в день… Эти маленькие твари находились всю неделю в комнате служанки, на последнем этаже под лепными украшениями… Они дико ворковали… Не останавливаясь ни на секунду. Они работали по воскресеньям, во время полетов, их поднимали в корзине… Куртиаль открывал крышку на двухстах или трехстах метрах… Это был замечательный «выпуск», с «посланиями»!.. Они вылетали все, лихорадочно размахивая крыльями… По направлению к Пале-Роялю!.. Путь туда был свободен… Они никогда не гуляли по дороге, так как не любили деревню и длительные прогулки… Они всегда возвращались привычным путем… Они очень любили свой чердак… и «Рру!.. Рру!.. Рруууу!!.. Рруу!..» Им не нужно было больше ничего. Это никогда не прекращалось… Они всегда возвращались раньше нас. Никогда

не встречал я голубей, столь мало любивших путешествия и так влюбленных в покой… Я никогда не запирал их… Никогда у них не возникало желания сделать круг над садом… взглянуть на других птичек… на толстых серых воркунов, которые резвились на лужайке… вокруг бассейна… на статуях!.. На Дэмулене!.. На Тоторе! Откуда всегда раздается такой замечательный шум!.. Ничуть! Они общались только друг с другом… Им было хорошо в каморке, где они едва могли двигаться, сваленные в кучу в своей клетушке… Из-за корма они обходились недешево… Зерна требовалось огромное количество, голуби кусались… Они были просто ненасытны! никогда бы не подумал! Температура у них была всегда повышена, 42 градуса и несколько десятых… Я заботливо собирал их помет… Делал из него маленькие кучки вдоль стен и оставлял на просушку… Это немного компенсировало нам затраты на их питание… Так как было превосходным удобрением… Раза два в месяц, когда набирался целый мешок, Куртиаль увозил его, это нужно было ему для его сельскохозяйственных культур… на холме в Монтрту. Там у него был прекрасный дом и большой экспериментальный сад… лучшего фермента было не найти.

Я прекрасно ладил с голубями, они немного напоминали мне Джонкинда… Я научил их делать разные штуки… Они меня узнавали… Конечно, они ели с руки… Но я добился гораздо большего, они могли удержаться, все двенадцать, усевшись на ручку метлы… Я добился того, что поднимался и спускался с ними с чердака и ни один из них не двигался и не пытался улететь… Это были настоящие домоседы. Когда их запихивали в корзины, чтобы ехать, они становились ужасно грустными. Они переставали ворковать. Засовывали головы в перья. Их это очень угнетало.

* * *

Прошло еще два месяца… Понемногу Куртиаль стал мне доверять. Он наконец убедился, что мы созданы друг для друга… Со мной было выгодно иметь дело, я не был разборчив в пище, не требовал денег, не следил за временем работы… Я никогда не упрекал его!.. Если у меня был свободный вечер и меня оставляли в покое после семи часов, я был доволен своей судьбой…

С того момента, когда он уходил к себе домой, я становился единственным хозяином всей конторы и газеты… Я сам принимал изобретателей… Я подбадривал их и устремлялся к улице Рамбюто с тележкой и целой кучей «сплетен». В начале недели мне нужно было забирать последнюю корректуру, гранки, изготовленные клише и иллюстрации. А были еще голуби, «Верный» и другие дела, ни секунды передышки… Он же отправлялся в свою дыру. Он говорил, что у него срочная работа! Гм! Неоземледелие!.. он так и говорил, кроме шуток… Но я все равно думал, что это вранье… Иногда он не возвращался, и его не было дня два, три… Я особенно не беспокоился…

Я немного позволял себе расслабиться, я в этом нуждался… Я кормил птиц наверху под крышей, а потом вешал записку «Сегодня закрыто» прямо посреди витрины… И спокойно устраивался на скамейке под деревьями поблизости… Оттуда наблюдал за домом, аллеями и теми, кто приходил… Я наблюдал, как вокруг ходит все время одна и та же банда оборванцев, маньяков и сумасшедших, орда хрипунов, надоедливых подписчиков… Они натыкались на надпись, дергали за ручку и отваливали, а я был очень доволен.

Его возвращение с «работы» напоминало секрет полишинеля, на него было смешно смотреть… Он поглядывал на меня с любопытством, чтобы убедиться, не заподозрил ли я чего.

— Я задержался, ты знаешь, опыт дошел до такой стадии… Я думал, что никогда не вернусь…

— А! Досадно! — говорил я. — Я надеюсь, вы довольны?..

Мало-помалу, слово за слово, он выбалтывал все, каждый день он рассказывал мне новые подробности о начале своего дела… Нужно было наловчиться делать самые непривычные вещи! Чтобы все устроить, к тому же все эти случайности, хлопоты, унижения… В конце концов, он меня полностью ввел в курс дела, что трудно

было себе даже представить, если учесть его подлый характер, страшную мнительность и бесчисленные неприятности… Этот человек не любил жаловаться… У него случались поражения и срывы! И вправду, в это трудно поверить!.. Далеко не всегда была идиллия, мирная торговля и дружба с изобретателями!.. До этого было далеко, как до неба!.. О! нет! Порой попадались настоящие дикари, совершенно бесноватые, которые взрывались, как динамит, если им больше нечего было возразить… Очевидно, всем угодить было невозможно! Дьявольское отродье! С ними не соскучишься! Я хорошо это себе представлял!.. Он, кстати, приводил мне примеры воистину ужасающей человеческой подлости! До чего можно дойти…

В 1884 году он получил заказ от издателей «Эпохи» Бопуаля и Брендона, с набережной Урсулинок, на общеобразовательный учебник, предназначенный для начальной школы… Работа небольшая, но ответственная, не очень сложная, но достаточно насыщенная! И весьма специфическая… «Домашняя астрономия» и еще «Гравитация. Сила тяготения. Объяснения для семьи». Он, естественно, полностью ушел в работу… Он приступил к ней сразу же… Хотя

мог бы просто к назначенному сроку предоставить краткое описание, состряпанное кое-как, позаимствованное из иностранных журналов… надергать, не вникая, цитаты… Перевранные! Наспех! Построить еще одну новую космогонию, в тысячу раз более жалкую, чем все предыдущие, абсолютно нереальную и бессмысленную… Никому не нужную!.. Но заранее можно было предположить, что Куртиаль подобными вещами не занимается. У него была совесть! Уже до начала работы его больше всего волновали ощутимые результаты… Он хотел, чтобы его читатель сам мог составить свое собственное представление, исходя из собственного опыта… касательно вещей самых относительных, будь то звезды или сила притяжения… Чтобы он сам заново открыл для себя законы… Он хотел таким образом склонить читателя, который всегда был крайне ленив, к делам сугубо практическим, а не просто тешить его постоянной лестью… Он приложил к книге маленькое руководство для построения «Семейного телескопа»…

Несколько кусочков картона заменяли камеру обскура… игра зеркал низкого качества… обычный объектив… Несколько свинцовых нитей… трубка, в которую все это помещалось… Это сто-

ило, если строго следовать предписаниям, 17 франков 62 сантима (полная смета)… За эту сумму (плюс занимательный и крайне познавательный монтаж) можно было иметь у себя дома не только возможность непосредственного созерцания основных созвездий, но и фотографии большей части звезд нашего полушария… «все звездные наблюдения — в кругу семьи»… Таков был девиз… Более чем 25 тысяч человек после выхода учебника принялись немедленно сооружать у себя этот чудесный миниатюрный аппарат для фотографирования звезд…

Я как сейчас слышу подробный рассказ де Перейра обо всех несчастьях, обрушившихся на него… Пренебрежение со стороны признанных авторитетов… их отвратительная пристрастность… Как все это было тяжело, мерзко, невыносимо… Сколько он получил пасквилей, угроз… Оскорблений… Тысячи угрожающих посланий… Юридических предупреждений… Он должен был прятаться, скрываться в своем собственном доме!.. Он жил тогда на улице Монж… А потом от усиливающихся преследований сбежал в Монтрту, так много было ненасытных сумасшедших, разочаровавшихся в телескопах… Драма продолжалась целых шесть месяцев… но этим

все не кончилось!.. Некоторые наиболее злобные маньяки, более въедливые, чем другие, пользовались выходными… Они приезжали в Монтрту вместе со своими семьями только за тем, чтобы дать патрону под зад… Он не мог принимать никого целый год… Дело со «звездным фотографированием» было лишь небольшим примером из множества других! примером того, что может выплеснуться из глубины масс, если попытаться их просветить, воспитать или освободить…

«Послушай, Фердинанд, я могу сказать, что пострадал за Науку… Больше, чем Фламмарион, это уж точно! больше, чем Распай! больше, чем Монгольфье! Я сделал все, что мог! И даже больше!» Он повторял мне это очень часто… Я же ничего не отвечал… Он внимательно вглядывался в меня… с недоверием… Ему хотелось видеть мою реакцию… Тогда он опять начинал свою болтовню… одновременно копаясь в своем досье… Он вытаскивал оттуда наугад целую кипу бумаг… и задумчиво разбирал их… Потом, спохватившись, показывал их мне.

«Я уже много думал об этом!.. И думаю снова и снова… Конечно, я, возможно, излишне занят собственными обидами! увлечен своими воспоминаниями!.. Возможно, я не совсем

справедлив… Боже праведный! Иногда я все же был прав!.. Я тебя уверяю! Но больше всего мне жаль… то, что я растерял по дороге… конечно, не нарочно! не нарочно! Самые трогательные и, быть может, самые сокровенные, самые нежные воспоминания… Далеко не все меня совершенно не признавали!.. Человеческая подлость имеет границы! Да! Отдельные возвышенные души, которые еще есть в этом мире, сумели оценить мою беспредельную искренность! Вот! Вот! Еще одно!..» Он извлекал наугад письма, мемуары, целые тома своих наблюдений… «Я сейчас прочту тебе одно из них!»

«Дорогой Куртиаль, дорогой учитель и великий пророк! Только благодаря вам и вашему восхитительному и точному телескопу (семейному) я смог разглядеть вчера в два часа со своего собственного балкона всю Луну в ее полном объеме, горы, реки и даже, я думаю, лес… Может быть, даже озеро! Я надеюсь увидеть также с моими детьми на будущей неделе Сатурн, как это выделено (курсивом) в вашем «звездном календаре» и затем «Бельгофор» в последние дни осени, как вы сами это написали на странице 242… Всегда с вами телом, сердцем и умом здесь и в звездах!

Преображенный».

Он всегда хранил в своем сиренево-лиловатом досье всю эту восторженную болтовню. Все остальные, угрожающие, неблагодарные, гнусные письма он сжигал сразу же. Во всяком случае, он старался следовать заведенному порядку… «Сколько яда в этом дыму!» — восклицал он всякий раз, сжигая очередные гадости… Насколько уменьшилось бы в мире зла, если бы все поступали подобным образом! Я думаю, что восторженные письма он писал себе сам… Чтобы показывать их посетителям… Но он никогда мне в этом так и не признался… Иногда случались эксцессы… Он не чувствовал полного одобрения с моей стороны. Он понимал, что я верю далеко не всему. И ни с того ни с сего вдруг начинал орать на меня… Я уходил кормить голубей или спускался к «Верному»…

Кроме этого, я ходил делать за него ставки в «Смуту», на углу Пассажа Радзивилл. Его больше устраивало, чтобы это делал я, так как в глазах клиентов это могло ему повредить… На Картуша и Лизистрату всегда в Винсенн, первая в галопе… И оп! ля-ля!..

«Скажи, что это твои деньги!..» Он был должен всем букмекерам. Ему совсем не хотелось, чтобы его лишний раз видели… У типа, который чаще

всего принимал ставки, была смешная кличка, его звали «Намедни»… У него была привычка заикаться и невнятно произносить выигрывавшие номера… Я думаю, он делал это специально, чтобы сбить всех с толку… После он все оспаривал… Перепрыгивал через номер… Я все время заставлял его записывать… Все же мы постоянно проигрывали…

Я приносил ему «Вести с ипподрома» или «Успех»… Когда проигрыши были большими, он даже имел наглость закатывать мне сцены… Изобретателей он больше не принимал… Он выпроваживал их всех вместе с их макетами и графиками… «Убирайтесь, можете этим подтереться! Ваши чертежи не доделаны!.. Просто голова раскалывается!.. От них разит машинным маслом и маргарином! Какие идеи? новые? плевал я на них с высокой башни!.. Вам не стыдно? По-вашему, в этом нет ничего страшного? Вы осмелились прийти с этим ко мне? Я и так завален чепухой! Убирайтесь отсюда! Ей-богу! Дармоеды! Расслабленные душой! и телом!..»

Посетитель поспешно отпрыгивал к дверям и вылетал со своим рулоном. Куртиаль уже наелся ими! Ему хотелось отвлечься… Он отводил душу на мне, он не знал, с чем ко мне еще при-

цепиться… Тебе на все плевать, не правда ли! Тебе все равно, что слушать! Тебе, в сущности, просто нечего делать… Но, ты понимаешь, я это совсем другое дело… О! Это как посмотреть!.. У меня есть заботы… Постоянные! Неотложные! Да! Они никогда не покидают меня! Никогда! Даже тогда, когда я и виду не подаю! Когда я болтаю с тобой о том, о сем! Я затравлен! Загнан в угол!.. преследуем таинственным роком!.. О! вот! Ты не сомневался в этом! Это тебя удивляет? Что ты думаешь по этому поводу?

Он пялился на меня, как будто никогда не видел… Расправлял свои усы и выщипывал из них перхоть… Весь погруженный в это занятие, он продолжал меня разбирать…

— Тебе все равно, как жить! Что тебе это все? Тебе глубоко наплевать на всевозможные последствия, которые могут иметь наши самые незначительные поступки и самые неожиданные мысли!.. Ты это в грош не ставишь!.. Ты абсолютно непробиваем, не так ли? изолирован! скован в глубине своей души… Ты не входишь в контакт ни с чем… Ни с чем, не так ли? Есть! Пить! Спать! У себя наверху… совершенно спокойно!.. зарывшись головой в софу!.. Вот твоя цель… Почивать на лаврах… Земля существует… Как? Почему?

Необъяснимое чудо! Ее вращение… необыкновенно таинственное… непредсказуемое… в небе, среди ослепительных комет… совершенно неизвестных… от одного витка к другому… и каждая секунда — это результат и прелюдия к бесконечной череде других чудес… к непостижимым таинствам!.. Фердинанд! миллионы! миллиарды триллионов… А ты? что ты делаешь здесь, в недрах этой космогонической вольтижировки? большого звездного скопления? А? Ты жрешь! Глотаешь! Храпишь! Зубоскалишь!.. Да! Салат! Швейцарский сыр! Мудрость! Белиберда! Все! Ты купаешься в собственной грязи! Валяешься! Катаешься в ней! Здоровый! Бодрый! Тебе ничего не надо! Ты проходишь под звездами… как под майским дождем… Что ж! ты великолепен, Фердинанд! Ты действительно думаешь, что это может длиться вечно?..

Я ничего не отвечал… Я никогда не думал ни о Луне, ни о звездах, ни о нем!.. Все же кое-что я думал! И он прекрасно понимал это, пидор проклятый!..

— При случае взгляни там, в комоде. Только потом положи их на место. Я получил по меньшей мере сотни подобных писем. Мне хотелось бы от них избавиться!.. Послушай, рассортируй

их!.. Ты же любишь порядок!.. Это доставит тебе удовольствие!..

Я хорошо знал, чего он хочет… Он хотел надрать меня еще раз…

— Ты найдешь ключ на счетчике… Я отлучусь ненадолго! Ты сам закроешь контору… Ты останешься здесь, чтобы отвечать посетителям… — он весь сиял… — Скажи, что я уехал! далеко!.. очень далеко!.. в экспедицию!.. в Сенегал!.. в Пернамбуко!.. в Мексику!.. Куда хочешь!.. Черт подери!.. с меня хватит!.. Меня тошнит, когда я вижу, как они появляются из глубины сада… Стоит мне заметить их, как мне становится плохо!.. Мне все равно!.. Говори им все, что хочешь… Скажи им, что я на Луне!.. что не стоит меня ждать… Теперь открой мне подвал! Придержи крышку! Не опусти ее мне на башку, как в прошлый раз!.. Это наверняка было сделано специально!..

Я ничего не ответил на его слова… Он забрался в отверстие. Спустился на две, три ступеньки… Немного подождал и сказал:

— Ты не плохой, Фердинанд… Твой отец ошибался на этот счет… Ты не плохой… Ты никакой, никакой, вот!.. Протоплазматический! Какого ты месяца, Фердинанд? В каком месяце ты родился, я хотел спросить?.. Февраль? Сентябрь? Март?

— Февраль, Учитель!..

— Я готов был побиться об заклад! Февраль! Сатурн! Кем ты хочешь стать? Бедный дурачок! Но это же бессмысленно! Опусти, наконец, крышку! Когда я полностью спущусь! До самого низу, слышишь! Только не раньше! Чтобы я не отдавил себе большой палец! Эта лестница ужасно трясется! Она не закреплена на середине!.. Я должен постоянно ее чинить! Давай!.. — Он снова завопил из глубины подвала… — Оставьте меня в покое! Зануды! Пьяницы! Ты слышишь, меня ни для кого нет! Я уединяюсь! Я решительно уединяюсь!.. Я буду в отъезде, может быть, часа два… может быть, два дня!.. Но я не хочу, чтобы меня беспокоили! Не волнуйся! Может, я уже никогда снова не поднимусь! Ты ничего не знаешь! если тебя спросят!.. Полная отрешенность!.. Ты уловил?..

— Да, Учитель!

— Полная! Исчерпывающая!.. Фердинанд! Абсолютная изоляция!

— Да! Учитель…

Я захлопнул крышку со всей силы, подняв облако пыли! Она выстрелила, как пушка… Я набросал на крышку газет, чтобы ее замаскировать и полностью скрыть… И поднялся кормить голубей…

Я недолго оставался наверху… Когда я спустился снова, он был еще в подвале, я спросил себя, не случилось ли чего!.. Я подождал еще немного… Полчаса… три четверти часа… а потом решил, что пора кончать эту комедию… Тогда я приподнял крышку и посмотрел внутрь… Я его не заметил и зашумел!.. Загремел крышкой по полу… Он был вынужден ответить… Это заставило его выйти из небытия… Он все время прохрапел под форточкой в складках «Верного» среди шелка и больших пузырей… Мне тоже нужно было работать… Я выгнал его… Он поднялся до уровня пола… И вылез, протирая свои зенки… отряхивая рединготт… Он вылез, совершенно оглушенный, в лавку…

— Я ослеплен, Фердинанд! Это замечательно… Замечательно… Это настоящая феерия…

Он был весь опухший и больше даже не болтал, он успокоился… и делая языком вот так: «Ням! ням! ням!» — вышел из конторы… Слегка покачиваясь после сна, он шел, как краб, по диагонали… По направлению к павильону Режанс!..[106] Кафе,

---

[106] Примечания: 106

…к павильону Режанс!.. — на самом деле в северной части Пале-Рояля долгое время существовало кафе «Павильон Ротонды». Хотя на плане оно представляло собой прямоугольник, но называлось так в память об известном «Кафе Ротонда», построенном в форме полукруга и существовавшем до 1885 г. А настоящее кафе «Режанс» находилось в доме № 161 по улице Сент-Оноре.

вроде фаянсового вольера, с красивым трюмо, которое в то время было расположено среди заброшенного цветника… Он усаживался поближе… за столик у дверей… Я из лавки хорошо его видел… Он вливал в себя для начала абсент… За ним удобно было наблюдать… У нас на витрине все время стоял очень красивый телескоп… Экземпляр, оставшийся после большого конкурса… Через него, может быть, был не виден Сатурн, но прекрасно было видно самого де Перейра, как он подслащивает свое пойло. Затем он добавлял еще вермут… Я определил это по цвету… Это было до того, как он выпивал свой замечательный грог, последний из последних.

* * *

После того несчастного случая Куртиаль дал торжественное обещание больше никогда ни за какие деньги не садиться за руль на гонках… Конечно! Хватит! Он сдержал свое обещание… и даже теперь, спустя двадцать лет, нужно было его умолять, чтобы он согласился просто вести машину во время самых безобидных прогулок… или абсолютно безопасных демонстраций. Он чувствовал себя гораздо спокойнее в своем шаре на сильном ветру…

Все его произведения о «механике» были собраны в книгах… он, впрочем, всегда худо-бедно публиковал в год два исследования (с расчетами) по эволюции моторов и два учебника с рисунками.

Один из этих небольших опусов стал с самого начала источником сильнейших споров и даже нескольких скандалов! И совсем не по его вине! Всем известно, что виноваты были какие-то подозрительные проходимцы, которые извратили его мысли с целью наживы! Ему это было совсем не свойственно! Чего стоит одно название:

«Автомобиль за 322 франка 25. Руководство к сборке. Сделай сам: четыре места, два откидных сиденья, ивовый кузов, 22 км в час, 7 скоростей и 2 задних хода». Из отдельных деталей! Купленных, где угодно! подобранных по вкусу клиента! в зависимости от его наклонностей! в соответствии с модой и сезоном! Это небольшое исследование произвело фурор… между 1902 и 1905 годами… Этот учебник содержал не только планы, но еще и все чертежи с точностью до двух тысячных миллиметра! Фотографии, справки, сечения… все было безукоризненно и выверено.

Главное было, не теряя ни секунды, противостоять нарождающейся опасности «серийного производства». Де Перейр, несмотря на его культ прогресса, всегда чувствовал отвращение к стандартной продукции… Он с самого начала объявил себя ее непримиримым противником… В ней он видел причины неизбежного измельчания человеческой личности и смерти ремесла…

Во время этой битвы за самодельный автомобиль Куртиаль уже почти прославился в среде новаторов, благодаря своим оригинальным и крайне смелым исследованиям «Многоцелевого шале», гибкого, растяжимого жилища, пригодного для любых семей! и любого климата!.. «Дом для

себя», полностью разборный, надувной (конечно же, транспортабельный), который, по желанию, можно мгновенно уменьшить на одну или две комнаты в зависимости от потребностей, детей, гостей, отпусков, в зависимости от любых желаний и вкусов каждого… «Старый дом — это тот, что больше не меняется!.. Купите новый! Сделайте его гибким! Не стройте! Собирайте! Строительство — это смерть! Строят лишь могилы! Купите живой дом! „Многоцелевое шале“ меняется вместе с жизнью!..»

Таковы были тон и манера манифеста, составленного полностью им самим накануне Выставки «Архитектура будущего» в июле месяце 98-го в Галерее Машин. Его опус о домашней конструкции моментально вызвал необыкновенное волнение среди будущих пенсионеров, отцов семейств с мизерным доходом, молодоженов без крова и колониальных чиновников. Его замучили просьбами со всех концов Франции, из-за границы и из доминионов… Само его шале, поставленное стоймя, с подвижной крышей, 2492 гвоздями, тремя дверями, 24 пролетами, пятью окнами, 42 шарнирами, деревянными или тканевыми перегородками, в зависимости от времени года, заняло первое место «вне классификации»…

непревзойденное… Оно возводилось в нужных размерах с помощью двух человек на любом участке за 17 минут и четыре секунды!.. Усталость не имела особого значения… время возведения было неограниченным!.. Только чрезмерная прочность не допускалась! Нужно было, чтобы дом играл, шевелился, как настоящий организм! волновался! даже сгибался под порывами ветра! урагана, бури, под напором грозы! Как только он начинал сопротивляться — о, безмерная глупость! — естественным следствием являлось разрушение!.. Чего еще можно было ожидать от конструкции? массивной? гальванической? сцементированной? Чтобы она противостояла стихиям? Да никогда! Она с неизбежностью рано или поздно будет полностью сметена и уничтожена… Чтобы в этом убедиться, достаточно пройтись по одной из наших прекрасных и плодородных деревень! Разве наша чудесная земля с севера до юга не усыпана мрачными руинами? Некогда величественные здания! Гордые замки! украшение наших нив, что с вами стало? Пыль!»

«Но „многоцелевое шале“ упруго! оно приспосабливается, растягивается и съеживается по необходимости, по закону живых сил природы!..» «Оно гнется, но не ломается».

В тот день, когда возводился его стенд, после проезда президента Феликса Фора, многочисленных речей и комплиментов, толпа смела все преграды и охрану! Обезумев, она ворвалась в стены «шале», и чудо в ту же секунду было разодрано, разорвано на куски, полностью проглочено! Свалка была такой всепоглощающей, такой ненасытной, что буквально растворила материю!.. Уникальный экземпляр даже не был разрушен, в обычном смысле этого слова, он был просто всосан, поглощен, сожран прямо на месте… К вечеру закрытия от него не осталось и следа: ни крошки, ни гвоздя, ни нитки… Удивительное сооружение рассосалось, как ложный фурункул! Куртиаль, рассказывая об этом, не мог сдержать печали и через пятнадцать лет…

«Я бы мог этим всерьез заняться… Это была та область, я думаю, в которой, скажу без хвастовства, я понимал лучше всего. Я мог, не опасаясь никаких проверок, составить с точностью „до сантима“ смету монтажа на участке… Но другие проекты, более грандиозные, завладели мною… Я так и не нашел времени, чтобы возобновить расчеты по „индексу сопротивления“… Но, в общем, несмотря на конечный разговор, можно считать мою демонстрацию состоявшейся!.. Моя

смелость позволила некоторым школам и молодым энтузиастам заявить о себе!.. неожиданно раскрыться! и таким образом найти свое призвание… В этом, несомненно, была моя заслуга! У меня и не было других целей! Кроме Признания! Я ничего больше не просил, Фердинанд! Ничего больше так страстно не желал! Ничего никогда не требовал от Властей! Я вернулся к моим исследованиям… Без интриг! Без уловок! Так слушай… прошло несколько месяцев… И угадай-ка, что я получил? Почти одно за другим? С одной стороны, „Нишам“[107], и почти восемь дней спустя — „Академические Пальмы“[108]… Я действительно был оскорблен! За кого они меня принимают? Почему не табачный киоск? Я хотел отослать все эти подделки Министру! Я хотел предупредить Фламмариона! „Не принимайте это близко к сердцу! Ничего! Берите! Берите! — ответил он. — У меня они тоже есть!“ Тут я смирился! Но все же они меня просто грязно подкупили!.. Гнусные сволочи! Мои планы были распроданы по бросовым

[107] Примечания: 107

«Нишам» — имеется в виду «Нишам-Ифтикар», турецкая награда, учрежденная в 1831 г. Махмудом II.

[108] Примечания: 108

«Академические Пальмы» — знак отличия, присуждаемый членам Французской Академии.

ценам, списаны, позаимствованы, ты слышишь, при помощи тысяч гнусных уловок! И совершенно бездарно… Официальными архитекторами… напыщенными, наглыми и бесстыдными, как я написал о них Фламмариону… Чтобы возместить мне убытки в этой игре, они должны были дать мне, по крайней мере, орденскую ленту!.. В этой игре самолюбий, я хотел сказать!.. Ты понимаешь меня, Фердинанд! Он полностью был согласен со мной, но он посоветовал мне держаться тихо, не ввязываться в новые скандалы… ему это было бы просто неприятно… Я должен был потерпеть еще немного… момент был не самый подходящий… В общем, я был его учеником… я не должен этого забывать… Ах! Я ни о чем не жалею, можешь мне поверить! Правда, некоторые детали меня еще печалят! Но это все! Абсолютно!.. Грустный урок… И ничего больше… Я иногда размышляю об этом, время от времени…»

Я знал, в какие моменты на него нападала тоска по архитектуре, это обычно бывало за городом… Во время подъема, когда он задирал ногу, чтобы лезть в гондолу… Его внезапно охватывали воспоминания… Возможно, в это мгновение он слегка дрейфил, и это заставляло его разговаривать… Он смотрел вдаль на пейзаж… В

большом пригороде, особенно перед земельными участками, хижинами и шалашами из досок, он смягчался… Приходил в волнение… Хибарки, самые несуразные, кособокие, потрескавшиеся, кривые, тонущие в грязи, гнездились в отбросах по краю поля за дорогой… «Ты видишь все это, Фердинанд? — изрекал он. — Ты видишь всю эту мерзость?» Он делал широкий жест… Как бы обнимая горизонт… И все ветхие нагромождения, церковь, курятники, места для стирки белья и школы… Все сломанные халупы, старые, серые, лиловые, цвета резеды… Все кучи строительного мусора…

— Хорошо, а? Правда же, мерзость?.. Да, здесь есть и моя вина! Это я! Это я отвечаю за все! Ты можешь сказать это мне, Фердинанд! Ты слышишь меня? Мне!

— А! — говорил я, как бы недоумевая… Я знал, что это был его коронный номер… Он садился верхом на борт… И запрыгивал в ивовую корзину… Если ветер дул не слишком сильно… он оставался в своей панаме… Он предпочитал надевать ее… он завязывал ее широкой лентой под подбородком… Зато я надевал его фуражку… «Отдать концы!» Сначала мы сдвигались на миллиметр, сперва очень тихо… а потом немного быстрее…

Нужно было приложить усилия, чтобы пройти над крышей… Он никогда не сбрасывал песок… Однако подниматься все-таки было нужно… Мы никогда не надували шар до отказа… Стеклянный баллон с воздухом стоил 13 франков…

* * *

Через некоторое время после происшествия с «Шале для себя», уничтоженного безумной толпой, Куртиаль де Перейр решил резко переменить всю свою тактику… «Самое главное — фонды…» — говорил он!.. Такова была его новая максима: «Поменьше риска! Главное — уверенность!..» Он составил программу действий, полностью исходя из этих предпосылок, «Фундаментальные реформы!..» Все абсолютно разумные и необходимые…

Речь шла о том, чтобы улучшить, в первую очередь и во что бы то ни стало, положение изобретателей… О! Он исходил из того, что в мире исследований всегда было достаточно идей! Их всегда было даже слишком много! Капитал же, напротив, их всегда избегал! Трусливый! крайне осторожный!.. Все беды проистекали из недостатка фондов… невнимания к наличности… крайне редких кредитов!.. Но все это легко уладить!.. Достаточно вмешаться и изменить сложившееся положение дел какой-нибудь сказочной инициативой… немедленное основание в самой Галерее Монпасье, за теннисным залом, между ванной

и коридором «Уголка вкладчика»… Маленький, очень специфический уголок, меблированный крайне просто: шкаф, этажерка, два стула и, дабы возвышаться над буднями, очень красивый бюст де Лессе на средней полке, и папки, бесчисленные папки…

В соответствии с новым уставом любой изобретатель за 52 франка (сумма, внесенная авансом) имел право опубликовать в нашей газете три своих проекта, абсолютно «ad libitum», даже самого неслыханного вздора, самого головокружительного бреда и самой нелепой лжи… Все это, так или иначе, заполняло целых две колонки в «Самородке», плюс две минуты консультативной беседы с Директором Куртиалем… Наконец, чтобы сделать номер еще более заманчивым, — олеографический диплом, предназначенный для «члена-депозитора Исследовательского Центра «Эврика» по финансированию, изучению, рассмотрению и оценке самых полезных и прогрессивных открытий в науках и Промышленности!..»

Это был самый удобный способ раскрутить кого-нибудь на пятьдесят монет!.. Дела всегда шли туго… Как ни бодрись… ни разглагольствуй… Даже самые ненормальные начинали волноваться

и старались увильнуть, когда речь заходила о деньгах… Даже будучи в абсолютно невменяемом состоянии, они чувствовали, что их надирают… И их денежки уплывают навсегда… «Содержимое досье» — так условно назывался наш трюк…

С тех пор Куртиаль брал на себя, в соответствии с договором, все основные мелкие и крупные мероприятия, походы, встречи… аргументацию… собрания… предварительные дискуссии и делал все, что было нужно, чтобы привлечь, задобрить, убедить, воодушевить или успокоить консорциум… Все это, естественно, в установленное время!.. Всерьез!.. Безо всякой спешки!.. Суеты!.. Грубости!.. Всего этого мы старались избегать… Резкость все портит! Чрезмерная торопливость опрокидывает все планы!.. Самые успешные предприятия созревают очень медленно!.. Мы решительно выступали против и усиленно боролись с любыми проявлениями разрушительного волюнтаризма или истерии!.. «Вкладчик — это настоящая птица, когда надо улететь, но черепаха, когда дело касается денег».

Чтобы изобретатель как можно меньше препятствовал переговорам, всегда таким деликатным, он должен был все обговорить… моментально вернуться к себе… И обязательно курить трубку

в ожидании… Отвлечься от своих козней… Если его дело получит дальнейшее развитие, он тут же будет поставлен в известность и посвящен во все детали… Между тем он очень редко сидел смирно в своей норе!.. Не проходило недели, как он уже являлся… чтобы узнать новости… И принести нам новые проекты… или дополнения к старым… Дополнительные чертежи… Отдельные части… Он возвращался снова и снова, бесполезно было выражать недовольство, он приходил все чаще и чаще… назойливый, озабоченный и вечно неудовлетворенный… Как только до него начинало кое-что доходить, он испускал сиплый крик… с ним случался более или менее серьезный приступ… После этого его больше не видели… Попадались и настоящие скоты… но их было совсем мало… Они намеревались устроить шухер законными способами, пожаловаться в комиссариат, если их деньги не вернут… Куртиаль был знаком со всеми. Он старался смотаться при их приближении. Он замечал их издалека, когда они выходили с другой стороны из-под арок… Просто невероятно, насколько у него был наметан глаз в определении всевозможных одержимых… Редко кому удавалось его накрыть… Он укрывался в задней комнате и размахивал там

своими гантелями, а еще чаще в погребе… Там было спокойнее… Он никого не хотел видеть… И какой-нибудь очередной хмырь, желающий получить свой взнос назад, мог сколько угодно вопить и брызгать слюной — все было напрасно…

— Займись им! Фердинанд! Займись им хорошенько! — рекомендовал мне этот подлец. — Займись им! Пока я размышляю!.. Я слишком хорошо знаю все, что он скажет! Это настоящее хайло! Каждый раз на него уходит не менее двух часов!.. Из-за него я все время никак не могу сосредоточиться! Черт знает что! Чтоб он сдох! Убей его! Я прошу тебя, Фердинанд! Он не должен больше гулять по миру!.. Прихлопни его на месте! Сожги! Развей его прах по ветру! Мне на это решительно наплевать! Но, ради Бога, ни за что, ты слышишь, не пропускай его ко мне! Скажи, что я в Сингапуре! в Коломбо! у Гесперид! Что я восстанавливаю берега канала на пересечении Суэца и Панамы! Все равно, что! Все средства хороши, только бы не видеть его снова!.. Сжалься надо мной, Фердинанд!..

Следовательно, именно я с каменной миной на лице должен был принимать все удары на себя… У меня была своя собственная система… Я, как «Шале для себя», превосходил его в гибкости…

Я совсем не сопротивлялся… Я складывался под напором ярости… и более того… Я поражал этого полоумного силой своей ненависти к омерзительному де Перейру… в два счета я разделывал его под орех… набором жесточайших оскорблений!.. Здесь я был на высоте!.. Я смешивал его с дерьмом! клеймил! поливал грязью! Эту омерзительную тварь! Неслыханное дерьмо! Еще в двадцать раз! в сто раз! в тысячу раз хуже, чем он сам мог вообразить!..

Чтобы доставить ему удовольствие, я вопил во все горло и делал из Куртиаля горшок с омерзительным пластиковым говном… Это было бесподобно!.. Я отдавался этому целиком… Я топал по крыше погреба вместе с очередным психом… Силой своего негодования, искренностью и разрушительным воодушевлением я превосходил их всех! Меня невозможно было удержать… Я впадал в транс… Это было что-то невероятное… Я весь дергался, проклиная его… Невозможно было передать, в какой пароксизм я впадал в своей беспредельной ярости… Во мне это было от отца… и веселенького прошлого… В ярости мне не было равных!.. Самые безумные и исступленные маньяки стушевывались, когда я брался за дело… хоть я и был молод… Они уходили совершенно

пораженные… оглушенные силой моей ненависти… моей неукротимой злобой и жаждой мести, которую я вынашивал в себе… Они покидали меня в слезах, доверяя мне самому разобраться с ненавистным Куртиалем, с этим дерьмом… Скопищем пороков… облить его говном, гораздо более липким, чем в недрах уборных! Гнойник на теле общества! Нужно размазать это дерьмо по стенке… свить из него веревки… снять с него стружку… использовать его вместо подстилки в отхожем месте, между ассенизационной бочкой и канавой… Упрятать его туда раз и навсегда… чтобы он постоянно был в говне!..

Как только посетитель отваливал и отходил на безопасное расстояние… Куртиаль подползал к люку погреба… Он немного приподнимал крышку… И с опаской выглядывал оттуда… Потом вылезал наверх…

— Фердинанд! Ты только что спас мне жизнь… О! Да! Жизнь!.. Это факт! Я все слышал! Ах! Именно этого я и опасался! Эта горилла расчленила бы меня! Здесь, прямо на месте! Понимаешь?..

Потом он вдруг задумался… После всего, что я выдал, он чувствовал некоторое беспокойство… Грандиозная сцена с тем типом…

— Но я, по крайней мере, Фердинанд! признай-

ся мне теперь же, не упал ли я настолько в твоих глазах? Ты можешь мне сказать? Ты можешь быть откровенным со мной, не правда ли? Я все выслушаю, если хочешь! Давай!.. Эти комедии, хочется верить, ничего не затрагивают в твоих чувствах? Это было бы ужасно! Ты сохранил свое уважение ко мне? Ты же знаешь, ты всегда можешь на меня полностью положиться! Клянусь тебе! Ты мне веришь? Ты уже начал мне доверять, не так ли? Скажи мне, начал или нет?

— Да! Да, конечно… Я думаю… Я думаю, что как раз начинаю…

— Тогда послушай меня, мой дорогой Фердинанд!.. Во время этой безумной сцены… я о многом передумал… пока этот отвратительный тип… выкрикивал свои бредни… Я сказал себе: бедный Куртиаль! Этот шум! Эти выкрики, вечный грохот и болтовня жестоко калечат твою судьбу… Не принося никакой пользы твоему делу! Если я говорю «дело»! Понимаешь! То речь идет не о деньгах! Я имею в виду нечто гораздо более дорогое и хрупкое! Огромное нематериальное богатство! Самая заветная Цель! Обретение вечной темы! Той, что должна нас всех увлечь… Постарайся догадаться, Фердинанд! Быстрее! Время идет! Минута! Час! В моем возрасте это уже

целая Вечность! Вот увидишь! Все так и будет, Фердинанд! Так и будет! — Его глаза увлажнялись… — Послушай еще, Фердинанд! Я надеюсь, что когда-нибудь ты поймешь все… Да!.. Ты реально оценишь меня, когда меня уже не будет с тобой и я не смогу ничего сказать в свою защиту!.. Именно тебе, Фердинанд! тебе откроется истина!.. И ты защитишь мое доброе имя от поношения!.. Именно ты! Я рассчитываю на это, Фердинанд! Я верю в тебя! Если отовсюду будут раздаваться голоса: «Куртиаль был всего-навсего грязной скотиной! Фальсификатором! Такую мразь, как он, надо еще поискать…» Как ответишь на это ты, Фердинанд? Только так… Ты слышишь? — «Куртиаль совершил лишь одну ошибку! Но она оказалась роковой! Он думал, что миру, чтобы измениться, нужен ум… Мир изменился… Это факт! Но ума в нем не прибавилось…» И это все, что ты скажешь! Только это! Ничего больше! Не надо добавлять ничего!!! Таков порядок вещей, Фердинанд! Порядок вещей! Что-нибудь совсем ничтожное легко уместить в огромном… Но как свести огромное к ничтожному? Ах! В этом причина всех несчастий! Фердинанд! И ни в чем другом! Всех наших несчастий!..

После каждого подобного пережитого им стрес-

са его охватывала очень трогательная забота по отношению ко мне. Он не хотел, чтобы у меня портилось настроение…

— Ну, Фердинанд! Иди, погуляй! — говорил он мне тогда… — Сходи к Лувру! Это тебе будет полезно! Сходи к Бульварам! Ты же любишь Макса Линдера[109]. Здесь еще не выветрился запах того динозавра! Пойдем отсюда! Быстрее! Закрой дом! Повесь табличку! Пойдем со мной в «Три мушкетера»!.. Я поставлю тебе пару стаканчиков! Возьми деньги из ящика слева. Я пойду отдельно… Через коридоры… Зайди в «Смуту»… Если увидишь этого Намедни!.. Узнай, нет ли чего нового?.. Ты же ставил на Шахерезаду? а твои «переводы» на Виолончель? А? Но это только ты сам! Ты ничего не знаешь обо мне!.. Ты меня слышишь?..

---

[109] Примечания: 109

Макс Линдер (1889–1925) — французский киноактер, начал сниматься в 1905 г. Первый успех пришел к нему после фильма «Начинающий конькобежец» в 1907 г. В 1909 г. начал сниматься в знаменитой серии «Макс…».

* * *

Он все чаще и чаще размышлял над Великим решением… Он скрывался в подземелье, само собой разумеется, только чтобы часами размышлять… Он брал с собой толстую книгу и большую свечу… Должно быть, он был должен всем букмекерам нашего квартала, не только в «Великой смуте» этому парнишке Намедни, но еще в «Мушкетерах» и даже в пивной на улице Блан-Манто… Это был настоящий притон… Он запрещал беспокоить себя… Мне не всегда это нравилось… Я должен был напрягать всю свою фантазию, чтобы отвечать всем забредшим к нам психам… наглым подписчикам, жалким зевакам и опасным маньякам… Они буквально обрушивались на меня… Я принимал весь огонь на себя… Они упрекали меня во всем… эта разнузданная банда головастиков… крупные специалисты по мелким поделкам… им не было конца… Они постоянно входили и выходили… Звонок едва выдерживал… Он постоянно звенел… А меня это отвлекало от починки «Верного»… Куртиаль занимал весь подвал… Однако все это входило в мои обязан-

ности!.. Кроме того, мне пришлось бы отвечать, если бы он свернул себе башку… Там все висело на волоске!.. Его система могла полететь ко всем чертям… В конце концов, я не выдержал и сказал, что так не может больше продолжаться… я больше в это не играю!.. Что отныне умываю руки… Дело могло кончиться катастрофой!.. Это было совершенно очевидно… Но он даже не слушал! Его это нисколько не волновало… Он прятался все чаще и чаще. Когда он был в подземелье, он ни с кем не хотел говорить!.. Даже светильник ему мешал… Он дошел до того, что тушил его, чтобы полнее предаться размышлениям.

Я закончил тем, что высказал ему все, что думал… Он так меня разозлил, что я больше не сдерживался… пошел он в задницу! Там ему будет гораздо удобнее размышлять!.. Тогда он разволновался!..

— Фердинанд! — сказал он мне. — Как ты можешь со мной так разговаривать? Со мной? Ты, Фердинанд? Опомнись! Во имя Господа Бога! Сжалься надо мной! Можешь считать меня *лжецом*! Гадом! Кровопийцей! Скотом! Если я скажу неправду! Ты же пытался, Фердинанд, убить своего отца, не правда ли? Уже? Уф! Это факт! Это не выдумка? Какая-то фантасмагория? Это ведь

на самом деле! Какой ужас!.. Деяние, которое не укладывается в голове! Это правда! Уф! Чистая правда! Ты ведь не станешь отрицать? Я ничего не выдумываю! Ну и что же? Теперь? Чего ты хочешь? Скажи мне? Убить и меня? Очевидно, так! Вот! Это не смешно! При первом удобном случае! Выждать!.. Выбрать благоприятный момент!.. Втереться ко мне в доверие… И убить, уничтожить!.. Ликвидировать меня!.. Вот твоя цель!.. О чем я думал? Ах! В самом деле, Фердинанд, такова твоя натура! Твой рок беспросветен, как Эреб[110]!.. Ты всех ненавидишь, Фердинанд! хотя и не подаешь виду! Ты затаился! Сколько злобы, Фердинанд! в изгибах твоей души! Скрывается во мраке! Я еще не все знаю!.. Она возрастает! Уничтожая все!.. Смерть!.. Да! Мне! Кому ты обязан больше, чем жизнью! Больше, чем хлебом! Больше, чем воздухом! Или даже солнцем! Мыслью! О! Эту цель ты вынашиваешь? Не правда ли? День и ночь! Ты пресмыкался!.. Всеми способами… Самыми разнообразными!.. Всегда неожиданно!.. Необузданность… Нежность… Страсть… Все! В тебе не осталось ничего человеческого! Я вижу перед собой чудовище!

[110] Примечания: 110

Эреб — сын Хаоса и Ночи, которого Зевс сбросил в Тартар за участие в бунте титанов. Также — самая мрачная часть языческого ада.

Свершилось! Ты знаешь, куда ты идешь? Если бы я только мог предвидеть? А, ну да!.. Отзывов о тебе у меня хватало… Хитрость… Нелюдимость!.. И вот, наконец, ты снова наглядно демонстрируешь все свои преступные наклонности. Еще какие наклонности!.. Низменные инстинкты! О! О! Это у тебя в крови, приятель! Каинова печать! Клеймо преступника… Врожденная!.. Врожденная извращенность!.. Но ты находишься у меня! Ладно! Мой друг! Ладно! Перед тобой — не трус! Может, ты считаешь меня недоноском, которого запросто можно терроризировать? Ну нет! Нет! Я всегда смотрел опасности прямо в глаза! Я сам этого хотел! И я пойду до конца! Прикончи меня, если можешь! Давай! Я жду! Я твердо стою на ногах! Решайся! Взгляни на меня! Я бросаю тебе вызов, Фердинанд! Ты слышишь меня? Ты меня раздражаешь! Я говорю это в здравом уме и абсолютно сознательно! Посмотри Человеку прямо в глаза! Я много раз рисковал!.. И в тот день, когда ты здесь появился! Я не испугался! Так давай же! Бей! Я приму удар стоя! Решайся быстрее!..

Я не перебивал его… и смотрел вдаль… на деревья… на сад… на лужайку… на кормилиц… на птичек, порхающих со скамейки на скамейку, на водяную рябь… под порывами ветерка… Это было

приятнее, чем спорить с ним!.. Мне не хотелось даже смотреть на него… Его речь была гораздо менее привлекательна… Я едва удержался от того, чтобы не запихнуть пресс-папье ему в глотку… Такое здоровое, громоздкое… у меня руки чесались… Оно весило не меньше трех кило… Мне было так гнусно… Но я сдерживался… Стараясь сохранить собственное достоинство… А он все продолжал, этот педик!..

— Сегодня у молодых людей появилась наклонность к убийству! Но это, Фердинанд, я-то знаю, обычно кончается на бульваре Араго! Гильотиной, мой друг! Гильотиной! Несчастный! О Господи! А виноват был бы я!..

Я не мог вынести такого количества слов… Я чувствовал, как во мне поднимается злоба… Она переполняла меня!..

— Учитель! А, Учитель! Убирайтесь-ка вы к чертовой матери! — сказал я ему наконец. — Заткнитесь! И убирайтесь отсюда! Я вас не убью! Я просто сниму с вас штаны! И сделаю вам на заднице клеймо!.. Это мне как два пальца обоссать… Я заткну вам дырку в жопе! Чтобы не воняло! О! Я обещаю вам это! Если вы скажете еще хоть одно словечко!

Я попытался схватить его… Но он оказался

шустрый малый… Он слинял в заднюю комнату… Он почувствовал, что это серьезно! Моему терпению пришел конец… Он закрылся в своей комнатушке… и щупал свои брусья… На минуту он оставил меня в покое… Он был достаточно далеко… Чуть позже он снова вышел… прошел через лавку… Через левый коридор и сбежал в город… Он даже не поднимался в свой кабинет… Наконец я мог спокойно поработать…

Это было не так просто — чинить, зашивать, латать ветхую оболочку, собирать вместе развалившиеся куски… Тяжелый труд… Особенно если учесть, что мне приходилось пользоваться ацетиленом для освещения… Прямо там, в подвале, где это было крайне опасно… рядом с горючими веществами… Там все было пропитано бензином… Он капал отовсюду… Я так и видел себя заживо сгоревшим!.. Оболочка «Верного» в основном являла собой настоящее сито… Все новые и новые прорехи! Новые дыры! Они появлялись при каждом подъеме и спуске! При приземлении на вспаханное поле… по бокам… В анфиладах мансард, особенно при сильном ветре!.. Повсюду от него оставались большие и маленькие обрывки: в лесах, на ветках, между колокольнями и крепостными стенами… Он

сносил трубы с домов! килограммы черепицы и флюгера с крыш! Но самые ужасные повреждения и разрывы получались, когда он напарывался на телеграфный столб!.. При этом он часто разваливался пополам… Надо отдать должное де Перейру, он действительно подвергался большому риску в своих воздушных путешествиях. Каждый подъем казался фантастикой… из-за минимального наполнения шара он держался каким-то чудом… и все из экономии!.. Но еще больше меня пугали спуски со всеми его державшимися на соплях причиндалами… К счастью, он приспособился! Мастерства ему было не занимать. В тот момент, когда я с ним познакомился, на его счету было уже 1422 подъема! Не считая выполненных в «привязном»… Неплохой результат! У него был полный комплект медалей, наборов и свидетельств… Он знал все тонкости, но тем не менее его приземления меня всегда ошеломляли… Должен признаться, что это было замечательно, как он падал на ноги! Как только гондола касалась земли… он весь вдруг собирался… он точно улавливал момент… И выскакивал, как попрыгунчик… оловянный солдатик… всегда завернутый в свое покрывало, он редко ушибался… Не отрывал себе даже ни одной пуговицы… Не

теряя ни секунды… Он бросался вперед… Бежал по бороздам… не оборачиваясь… Он устремлялся за «Верным»… Громко трубя в маленький рожок, который носил на перевязи… Кросс продолжался до тех пор, пока вся эта канитель окончательно не приземлялась… Я как сейчас вижу его во время этого спринта… В своем рединготе и панаме он выглядел сногсшибательно… Надо сказать, что мои аутопластические швы… более или менее держались в воздухе… Но он же не сам их делал… Ему бы не хватило терпения, он бы все только испортил… В конце концов, эта самая обычная штопка требовала настоящего мастерства! Несмотря на бесчисленные ухищрения и мою неиссякаемую изобретательность, я порой совсем отчаивался над этой сволочной оболочкой… Она едва держалась… Уже шестнадцать лет, как она эксплуатировалась в любую погоду, даже при ураганах, она вся была зашита и перешита… Каждое наполнение воздухом превращалось в настоящую драму!.. При спуске было еще хуже… Если недоставало целой полосы, я изымал ее из старой шкуры «Архимеда»… От него остались только куски и большие лохмотья в стенном шкафу в подвале… Это был шар, с которым он начинал, он был огромного размера… Двадцать

лет он участвовал в ярмарках… Я делал все, что было в моих силах, чтобы тщательно склеить все, что можно… В результате, когда «Верный» после команды «Отдать концы» поднимался над толпой, я узнавал мои заплаты в воздухе… Я видел, как они болтаются, собираясь в складки… Мне было совсем не смешно.

Но были еще и подготовительные работы… Эта череда подъемов отнюдь не совершалась просто так!.. Не нужно обольщаться… Все это заранее тщательно готовилось, обмусоливалось, обсуждалось в течение нескольких месяцев… Нужны были соответствующие листовки и фотографии. Вся Франция была усеяна всевозможными проспектами… Нужно было задействовать всех более или менее известных лиц!.. Добиться, чтобы нас начали грязно ругать все существующие Комитеты… И в завершение всего мы получали по почте от изобретателей по поводу «Верного» громоподобные поношения.

Я научился у Куртиаля официальному стилю. Я справлялся не так уж плохо… Не делал много ошибок… У нас была бумага «ad hoc» для ведения переговоров от лица «Парижской секции друзей свободного шара»…

Мэрия атаковалась с конца зимы! Программы

на сезон составлялись весной! Мы же, в принципе, и так знали, что все наши воскресенья до праздника Всех Святых заняты… По телефону надоедали Президентам всех Комитетов. Почтой приходилось заниматься мне. Я ходил туда в часы наплыва народа… В надежде смыться, не заплатив! Меня обычно ловили в дверях…

Мы предлагали себя на все ярмарки, собрания и празднества по всей Франции! Повсюду! Мы не брезговали ничем! Но предпочтительнее, конечно, было не удаляться слишком от Сены и Уазы… Сены и Марны! Шумные восторги доставляли нам сумки, баллоны с воздухом, шайбы, короче, все наше странное снаряжение. Чтобы игра стоила свеч, к вечеру нужно было возвращаться в Пале-Рояль. Иначе могли быть издержки! Куртиаль выставлял цену, признанную самой умеренной! Совсем скромную и точную: двести двадцать франков… Плюс газ для надувания и голуби при подъеме, по два франка штука!.. Высота не оговаривалась… Нашим самым известным и серьезным соперником был Капитан Ги

де Розье[111], он-то просил гораздо больше! На своем «Отважном» он проделывал рискованные трюки!.. Он поднимался вместе со своей лошадью и так и оставался в седле наверху! На оговоренной высоте в четыреста метров!.. Это стоило 525 франков, возвращение оплачивалось общиной. Но еще чаще нас обставлял итальянец со своей дочерью: «Калогони и Петита»[112]… На них мы натыкались повсюду! Они пользовались успехом, особенно в гарнизонах! Они брали гораздо больше и проделывали в небе тысячу пируэтов… Сверх того, начиная с высоты 620 метров, они бросали букеты, маленькие парашюты и кокарды! Они просили 835 франков и контракт на два сезона!.. Они неплохо зарабатывали…

Куртиаль же вовсе не собирался никому пускать пыль в глаза! Без излишних драматических эффектов! О! Совсем напротив! У него была чисто научная манера, познавательная демонстрация: показательный полет с незатейливой предва-

---

[111] Примечания: 111

Капитан Ги де Розье — такого человека, скорее всего, не существовало. Однако его имя очень похоже на имя Пилатра де Розье, который вместе с маркизом д'Арландом в 1783 г. совершил первый подъем на воздушном шаре. Потом многие стали выполнять в воздухе акробатические трюки, и подъемы превратились в публичные шоу. Интересно, что шар капитана «Отважный» далее в романе превратится в «Друга облаков».

[112] Примечания: 112

«Калогони и Петита» — следов этого названия также не обнаружено.

рительной беседой и пуском голубей в конце сеанса… Он всегда сам предупреждал об этом присутствующих в небольших вступительных речах: «Месье, мадам, мадемуазель… Если я в моем возрасте еще поднимаюсь, то это не для пустого бахвальства! Поверьте! Не из желания поразить толпу!.. Взгляните на мою грудь! Вы увидите здесь блеск всех самых известных и престижных медалей! Если я поднимаюсь, мадам, месье, мадемуазель, то это только ради просвещения семей! Это цель всей моей жизни! Все для образования масс! Мы не стремимся играть на чьих-либо низменных инстинктах! Пробуждать нездоровые страсти! Я обращаюсь к разуму! Только к разуму!» Он повторял это мне, чтобы я усвоил: «Фердинанд, запомни навсегда, наши полеты должны любой ценой выполнять свою миссию! Высоко нести знамя „Самородка“… Ни в коем случае мы не должны опускаться до шутовства! до маскарадов! воздушных пустячков! сумасбродных выходок! Нет! Нет! И нет! Мы должны держать нашу марку! Конечно, мы не должны забывать и о развлечениях! Нам за это платят! Это вполне допустимо! Но все же, по возможности, мы должны стремиться пробудить у этих болванов жажду подлинных знаний! Конечно, воспитание необходимо. Но

воспитывать этих скотов, которых ты видишь вокруг стоящими с открытыми варежками! О! Это очень сложно, Фердинанд!..»

Никогда, я уверен, он не согласился бы покинуть землю, не объяснив прежде зрителям в дружеской беседе все детали и принципы аэростатики. Чтобы завладеть вниманием присутствующих, он садился, балансируя, на самый край гондолы в своем необычно украшенном рединготе и панаме, уцепившись рукой за веревки… Он демонстрировал игру клапанов и вентилей, гайдропа и барометров, законы балласта и силы тяготения. Потом, увлеченный предметом, он касался других областей, рассказывая урывками о метеорологии, миражах, ветрах и циклонах… Он касался планет и игры звезд… Он не забывал ничего: Кольцо… Близнецы… Сатурн… Юпитер… Арктур и его очертания… Луна… Бельгофор и его рельефы… Он судил обо всем… О Марсе он мог говорить часами… Он знал его очень хорошо… Это была его любимая планета! Он рассказывал обо всех его каналах, их сечениях и размерах! Флоре! Как будто он сам купался там! Он был на «ты» с планетами! Он имел огромный успех!

Пока он, рассевшись, брызгал слюной, пленяя толпу своим красноречием, я потихоньку делал

свои дела… Это был мой небольшой заработок. Я пользовался всеобщим волнением и возбуждением… Вклинивался в толпу и предлагал «Самородок» по дюжине за два су, непроданные учебники с автографом… памятные медали с крошечным воздушным шаром, а для тех, которые казались мне наиболее порочными… которые щупались в толпе… у меня был небольшой набор занятных картиночек, очень пикантных… прозрачных и двигающихся… Редко случалось, чтобы я не продавал все… Немного везения, и постепенно я набирал 25 монет! По тем временам это была сумма! Как только я все спихивал и собирал урожай, я делал учителю знак… Он перекрывал пар… Закрывал свою говорильню… И снова спускался в корзину… Он привязывал панаму… Крепил свои стержни, развязывал последний шкот и потихоньку отчаливал. Я держал самый последний канат… Это я подавал команду «Отдать концы»… Он дул в свой рожок… «Верный» поднимался в космос!.. Никогда я не видел, чтобы он летел прямо… Он с самого начала шел вбок. По разным причинам… Он летел как-то наискосок… Раскачивался над крышами… Со множеством заплат он походил на большого разноцветного арлекина… Он резвился в воздухе, ожидая, пока

подует настоящий бриз… он мог подниматься лишь на сильном ветру… В таком состоянии, как старая юбка на веревке, он был опасен… Даже самые темные полевые мыши и те это видели… Все смеялись, глядя, как он болтается среди крыш… Но мне было не до смеха!.. Я опасался сокрушающего толчка! Жуткого! Это был бы его последний трюк… Я подавал ему снизу многочисленные знаки… чтобы он сейчас же бросал песок!.. Он же никогда не торопился… Он боялся слишком высоко подниматься… Но этого не стоило так бояться!.. То, насколько высоко он поднимется, было не так важно, если принять во внимание состояние оболочки!.. Больше всего он опасался, чтобы не рухнуть прямо на деревню… он был на волосок от этого… он мог врезаться в школу… или сесть на водосточную трубу… Приземлиться прямо на Мэрию!.. свалиться в ближайший лесок. Вполне было достаточно высоты в пятьдесят или шестьдесят метров… я рассчитывал только на везение… Это был максимум… Лучше всего для Куртиаля в его плачевном состоянии было бы вообще никогда не подниматься выше второго этажа… Это еще можно было допустить… А потом начиналось настоящее безумие… Хотя бы потому, что его шарабан практически невозможно было

до конца надуть… Одним, двумя баллонами больше, и он весь разъехался бы по швам… Он просто взорвался бы, как граната!.. Только пролетев над последней хижиной и миновав последнюю ограду, он выбрасывал песок. Он, наконец, решался и вытряхивал весь запас… Без балласта его слегка подбрасывало… метров на десять… Наступал черед голубей… Он стремительно открывал корзину, и твари вылетали стрелой… В этот момент я должен был подключаться… Это служило сигналом к спуску!.. Должен сказать, что я несся со страшной скоростью… Я должен был разыграть комедию, чтобы расшевелить этих бедняг!.. И они все бросались за шаром… и быстро помогали нам сложить… эту огромную драную оболочку… и отнести все на вокзал… погрузить на лебедку… Но это было еще не все! Лучше всего, как показывал опыт, чтобы не позволить им всем сразу же смыться… и заставить их еще потолкаться с нами и прибежать всей толпой, лучше всего было разыграть катастрофу… Это действовало почти наверняка… Иначе мы оставались внакладе… за работу им пришлось бы платить… А без них!.. Пришлось бы все оставить…

Я испускал дикие вопли! И извивался, как хорек! Я бросался со всех ног прямо через рытвины

в направлении предполагаемого падения… Я слышал его рожок… «Пожар!.. Пожар!.. — орал я… — Смотрите! Смотрите! Пламя!.. Сейчас огонь распространится повсюду! Он уже на деревьях!..» Тогда вся орда срывалась с места… Они бежали всей толпой… Вслед за мной! Как только Куртиаль замечал меня со всей этой сворой мужланов, он открывал все клапаны… Он полностью опустошал всю эту рухлядь. Эта штуковина превращалась в кучу лохмотьев. Она падала, безжизненная, опустошенная и смертельно уставшая!.. Куртиаль выскакивал из корзины… Вставал на ноги… Еще раз дул в рожок, чтобы все собрались… И снова начинал речь! Мужики боялись, что от этой штуки загорятся стога… Они толпились вокруг и не давали ему разыгрывать шута… Они складывали все в кучу… Но это были только жалкие остатки!.. Оболочка была настолько изорвана о ветви… Это было печальное зрелище… целые кусты торчали между оболочкой и сеткой… Спасатели, сияющие, удовлетворенные и притопывающие от волнения, усаживали Куртиаля, как героя, на свои могучие плечи… и уносили его с триумфом… Они отправлялись отпраздновать и утолить жажду «к ларьку»! А мне доставалась самая грязная, отвратительная и каторжная работа… Доставать

до темноты из оврагов с полей и борозд все наши причиндалы… Собирать такелаж, якоря, блоки, цепи и все разбросанные снасти… колышки в траве за два километра, барометр и анероид… мелкие сафьяновые коробочки и дорогостоящие никели… Я называл это «пикником»!.. Кроме того, я должен был удерживать шутками и обещаниями от всевозможных выходок наиболее нервных мужиков… Более того, я должен был заставить их тащить, причем абсолютно бесплатно, все это барахло, эти семьсот килограммов дряни! Эту оболочку, изорванную в клочья, и остатки жуткого катафалка! И успеть запихнуть в самый последний вагон в момент отправления поезда! Черт побери! Все это было далеко не так просто! Когда же я наконец добирался до Куртиаля, поезд давно уже был в пути, а я находил этого типа на седьмом небе, совершенно невозмутимого, хитрого, хвастливого и продолжавшего что-то объяснять и демонстрировать аудитории. Он подводил итог прошедшему приключению!.. Галантно кланяясь брюнетке напротив, заботясь о дамских ушах… стараясь избегать вольных намеков… Он все же был довольно раскован, остроумен, пьян и играл своей медалью и торсом… Он еще и напился, скотина! Он был в прекрасном

настроении! От угощений! От глотка красного вина! У всех в руках были стаканы… Он набивал себе брюхо бутербродами… Он больше ни о чем не беспокоился… Даже не интересовался, как у меня дела!.. У меня же было отвратительное настроение… я ему сейчас все выскажу! Я отобью у него охоту шутить!

— А! Это ты, Фердинанд? Это ты?..

— Да, мой дорогой Жюль Верн!..

— Садись сюда, малыш! Рассказывай быстрее!.. Мой секретарь!.. — представлял он меня… — Ну, скажи-ка мне, в фургоне все в порядке?.. Ты все собрал?.. Ты доволен?..

Я сидел с каменным лицом, я не был доволен… я ничего не отвечал.

— Что-то не так?.. Что-то случилось?..

— Это в последний раз! — сказал я решительно… резко и кратко…

— Как? Почему в последний раз? Ты шутишь? Из-за чего?

— Оболочку уже невозможно починить… и я не шучу!

Наступила полная тишина… Время внешних эффектов и болонская колбаса закончились… Был слышен шум колес… каждый шорох… Звон стекол фонаря… Он пытался разглядеть при

тусклом свете выражение моего лица… Хотя бы усмешку… Но я и глазом не моргнул!.. Я оставался совершенно серьезным…

Я настаивал на своем…

— Ты так считаешь, Фердинанд? Ты не преувеличиваешь?

— Я сказал вам то, что я думаю!.. Я все-таки в этом кое-что понимаю…

Я стал настоящим экспертом по дырам… Я больше не сомневался… Он замкнулся в себе… Конференция закончилась!.. Он больше ничего не говорил…

Все остальные, сидя на скамеечках, не могли понять, что же, собственно, произошло… Та-ра-рам! Та-ра-рам! Стучали колеса. Было слышно, как капля масла упала с фонаря… Все головы свесились… и поникли…

* * *

Вечное движение — это то, чем следует заниматься с крайней осторожностью!.. Тут существует опасность наколоться…

Всех изобретателей можно разделить по их увлечениям… Есть целые группы, которые практически безобидны… они увлекаются «разрядами», «теллурическими», например, «центростремительными»… Эти ребята очень покладистые, они могут есть у вас с руки… из пригоршни… Мелкие хозяйственные изобретатели тоже не требуют особых забот… Что же касается «терок для сыра», «китайско-финских кастрюль», «ложек с двойной ручкой»… вообще всего, что используют на кухне… То эти типы любят пожрать… Это бонвиваны… Те, кто стремится усовершенствовать «метро»?.. Тут уже нужно быть поосторожнее! Но совершенно рехнувшиеся, по-настоящему разнузданные маньяки почти все помешаны на «вечном двигателе». Эти готовы на все, чтобы доказать вам, что совершили открытие!.. Они снимут с вас скальп, если вы выразите хоть малейшее сомнение… этих людей

нельзя дразнить…

Я встречал у Куртиаля парнишку из душевой, он был настоящим фанатиком… он мог говорить только о своих «часах», причем полушепотом и с исступлением в глазах… Посещал нас и заместитель прокурора из провинции… Он специально приезжал с юго-востока, чтобы только показать свой цилиндр… огромную трубу из эбонита с центробежным клапаном и электрическим датчиком… На улице его можно было узнать издали, он ходил боком, как настоящий краб… Он нейтрализовал притяжение Меркурия, излучение Солнца и «ионы», проходящие сквозь облака… Он никогда, ни днем, ни ночью, не снимал с плеч свой огромный асбестовый платок, оплетенный проволокой и шелком… Это был его волновой детектор… Как только он входил во «взаимодействие», он вздрагивал… у него из ноздрей показывались пузыри…

Куртиаль знал их всех уже давно!.. Он знал, как нужно себя с ними вести… Он был со многими на «ты». Мы кое-как выходили из положения… Но однажды ему в голову пришла мысль устроить между ними «Конкурс»!.. Это было настоящим безумием! Я всполошился сразу же!.. Я тут же закричал… Все, что угодно, только не это! — но

удержать его было невозможно! Ему срочно нужны были деньги, и к тому же наличные!.. Конечно, наши дела шли очень плохо… Мы задолжали уже по крайней мере за шесть номеров «Самородка» печатнику Тапонье… Отговариваться и дальше было нельзя… С другой стороны, полеты не приносили прежних доходов… Нам ужасно мешали аэропланы… Уже в 1910 году мужланы стали волноваться… Они хотели видеть только самолеты… Мы же лихорадочно продолжали свою переписку… Можно сказать, без передышки… Мы боролись до конца… Приставали ко всем придуркам… и к архиепископам… и к префектам… и к почтовым дамам… и к фармацевтам… и к «Садоводческим выставкам». Только весной 1909 года мы отпечатали более десяти тысяч циркуляров… И держались на этом уровне до последнего… Нужно сказать, что Куртиаль продолжал играть на скачках. Он вернулся в «Смуту»… Он, должно быть, рассчитался с Намедни… Я видел, как они разговаривали… старый хрыч выиграл в один присест в Энгьене шестьсот франков на Морковке и еще на Селимене двести шестьдесят в Шантильи… Это его опьянило… Он собирался рискнуть еще…

На следующее утро он явился в лавку совсем

тепленький… И сразу же обрушился на меня…

— А! Скажи-ка, Фердинанд! Удача! Вот она! Это настоящая удача!.. Вот… Ты слышишь меня, десять лет!.. Платил только я!.. Хватит! Я набил себе руку! Больше я не промахнусь! Смотри!.. — он показывал мне «Щелчок», новую газетенку со скачек, которую он уже всю исчиркал… синим, красным и желтым! Я, не задумываясь, сказал ему…

— Послушайте, месье де Перейр! Уже двадцать четвертое число… У нас в кассе четырнадцать франков… Тапонье очень мил… довольно терпелив, надо отдать ему должное, но, в конце концов, и он уже не хочет печатать нашу газету!.. Я хочу сразу же предупредить вас! Вот уже три месяца, как он облаивает меня каждый раз, когда я прихожу на улицу Рамбюто… Лично я больше к нему не пойду, даже с ручной тележкой!

— Оставь меня в покое, Фердинанд! Оставь меня в покое… Ты мне надоедаешь! Ты утомляешь меня своей болтовней… Своими меркантильными разговорами!.. Иди и передай этому Тапонье… От меня, ты слышишь! На этот раз от меня… Если подумать, то это сволочь! Разжирел за мой счет!.. Вот уже двадцать лет, как я его кормлю! Он нажил себе целое состояние! Урвал! Нахапал! И немало!

Колоссально! На моей газете!.. Я хочу передать этой сволочи еще кое-что! Скажи ему! Ты слышишь меня! Скажи ему! Что он может поставить все свое заведение, все свои шмотки, свою обстановку! свое хозяйство! приданое своей дочери! свой новый автомобиль! все! страховку! полис! пусть ничего не оставляет! велосипед своего сына! Все! запомни хорошенько! Все на фаворита Брагаманс… Я говорю «фаворита!» В «третьем»! Мэзон[113], четверг!.. Вот! Именно так, дитя мое!.. Я ясно вижу! 1800 франков за 100 су! Точнее 1887… Все до последнего!.. Запомни хорошенько! С тем, что у меня остается, что поставлено на другого, это составит на вас двоих 53 498 франков! Вот! Именно так… Брагаманс!.. Мэзон! Брагаманс!.. Мэзон!..

Продолжая говорить… не слушая меня… он ушел через коридор… Он напоминал сомнамбулу…

На следующий день я ждал его весь вечер… что он придет… придет с пятьюдесятью тремя

---

[113] Примечания: 113

В Мэзон, Сен-Клу, Шантильи — имеются в виду ипподромы Мэзон-Лаффит, Сен-Клу и Шантильи. На Демулене!.. На Тоторе!.. — имеются в виду бронзовая статуя Камилла Демулэна, установленная Э. Бовери в 1905 г. между южной оконечностью и Орлеанской галереей Пале-Рояля (была отправлена на переплавку в 1942 г.), и мраморная скульптура «Виктор Гюго в Гернесе» (в народе ее называли «Тотор»), установленная Роденом на Южной лужайке в 1909 г. (ныне она находится в музее Родена).

мешками… Прошло пять часов… Наконец он притащился… Я видел, как он пересек сад… Не глядя ни на кого в лавке… Он прошел прямо ко мне… Схватил меня за плечи… И сжал меня в своих объятиях… Он больше не бахвалился… Он рыдал…

— Фердинанд! Фердинанд! Жалкая мразь! Отвратительный подлец… Какой позор!.. Я все потерял, Фердинанд! Все мое! твое! мои долги! твои! газ! все!.. Я должен еще одну ставку Намедни!.. Переплетчику я должен 1800 франков… У консьержки в театре я занял еще 30 франков… Я должен еще 100 франков сторожу в Монтрту!.. Я увижу его сегодня вечером… Ты видишь, как низко я пал!.. О! Фердинанд! Ты был прав! Я уничтожен!..

Он сокрушался… мучился… считал… и снова пересчитывал все деньги… Сколько всего он был должен?.. Каждый раз выходило все больше… Он находил столько долгов, что я думал, он их выдумывал… Он искал карандаш… И собирался все начать снова… Я решительно остановил его… И сказал ему:

— Постойте! Постойте, месье Куртиаль! Вы не можете успокоиться? На что это похоже?.. Если придут клиенты! Что они подумают? Вам лучше пойти отдохнуть!..

— Фердинанд! Ты прав!.. Ты говоришь более разумно, чем твой Учитель! Этот жалкий старикан! Дыхание безумия, Фердинанд! Дыхание безумия!..

Он обхватил свою голову обеими руками…

— Это невероятно! Невероятно!..

В полной прострации он пошел открывать люк… И исчез… Я знал уже эту его корриду! Всегда было одно и то же!.. Когда он совершал очередную мерзость… после размазывания соплей следовали размышления… «А как же питание, друг мой! Все же нужно будет найти кредит!..» Но мне не давали в долг нигде!.. Ни булочник!.. ни продавец фруктов… Он, конечно, думал, эта скотина, что я не сделал никаких запасов… Он сильно ошибался, ибо я вынужден был принять свои меры предосторожности… Я не витал в облаках!.. И оказался прав!.. Я оказался ловчее, в конце концов!.. Я перетряхнул все ящики и продержался месяц… И питались мы не так уж плохо… Не салом с солью! Настоящее наилучшее мясо!.. жареный картофель… и конфитюр… «чистый сахар»… Вот каков я был.

Ему не хотелось огорчать свою жену… Она в Монтрту ничего не знала.

* * *

Дядя Эдуард вернулся из Прованса, мы его долго не видели, он приехал в субботу вечером… Он пришел рассказать мне новости о моих родителях и о доме… Их невезение продолжалось!.. Мой отец, несмотря на все старания, так и не смог уйти из «Коксинель»… Это была его последняя надежда… В «Конниванс-Инсенди», даже умей он хорошо печатать на машинке, он был не нужен. Они нашли его слишком старым для младшего служащего… и слишком застенчивым для работы с людьми… Следовательно, ему пришлось перестать об этом думать… цепляться за свое место… и строить перед Лепрентом сладкую мину… Это был тяжелый удар… Он совсем перестал спать после этого.

Барон Мефэз, начальник «Юридической службы», узнал про его походы… Он всегда чувствовал отвращение к моему отцу и беспрестанно мучил его… Он специально заставлял его подниматься на шестой этаж только для того, чтобы еще раз повторить ему, каким болваном он его считает… и что тот перепутал все адреса… Конечно, это

была неправда…

Беседуя со мной, дядя Эдуард… колебался… и возможно, всерьез предполагал… что моим старикам доставит удовольствие на минуту увидеть меня… С моим отцом все уладилось… У них и так достаточно несчастий… Они уже много выстрадали… Сказывалась его природная доброта… Но при одной мысли об этом у меня разливалась желчь… В горле поднималась тошнота… Со мной уже нельзя было экспериментировать…

— Давай! Давай! Давай, дядюшка!.. У меня есть сострадание!.. У меня все это есть… Только стоит мне вернуться в Пассаж… Я тебе могу в этом признаться… Я не продержусь там и десяти минут! Я подожгу всю эту лавочку!.. — Мне совсем не хотелось снова испытывать судьбу!..

— Ладно! Ладно! Хорошо, что сказал, я вижу, что ты думаешь по этому поводу!..

Он больше не заикался об этом… Наверное, он им все передал… Речь об этом больше не заходила… о моем возвращении в семью.

С Куртиалем все было ясно… Сомневаться не приходилось… весь день продолжалась проклятая неразбериха… и бесконечные вопли… Он откалывал все новые и новые номера… и врал за четырех свиней. Только к вечеру меня оставляли

в покое… Когда он уходил, я мог делать все, что хотел… Моя жизнь была в моем полном распоряжении!.. До десяти часов утра, когда он приходил из Монтрту, я был хозяином… Я ценил это! Покормив голубей, я был абсолютно свободен… Мне неизменно удавалось немного заработать на продаже… старых «Саморо́дков»… Это было довольно тяжело… Часть денег шла мне… Они у меня оставались… При полетах я тоже немного зарабатывал… Это никогда не превышало суммы в четыре или пять франков… но для меня подобная сумма была настоящим Эльдорадо!..

Ему, конечно, хотелось знать, этому старому крокодилу, где я храню свои денежки!.. свой маленький запас!.. Он мог меня выследить! Я был начеку… У меня была хорошая школа… Эта маленькая сумма никогда не покидала мой бумажник и удобное место под манишкой… Доверия между нами не было… Я-то знал все его тайники… у него их было три… Один был в полу… другой — за счетчиком (один кирпич выступал) и, наконец, последний — прямо в голове Гиппократа! Я таскал у него отовсюду… Он никогда не пересчитывал… В конце концов, у него появились подозрения… Но ему не стоило особенно возмущаться… Он не платил мне ни гроша… К

тому же я его кормил!.. Совсем не плохо… и довольно обильно… Он чувствовал, что ему нечего сказать…

Вечером я не готовил, а шел один в «Кафе-автомат» на углу Риволи… И стоя проглатывал небольшой кусочек… мне это всегда нравилось… Но так особенно не наешься… Потом я отправлялся шляться. Я делал круг по Монмартру… Почта… улица Этьен Марсель… И останавливался у Статуи на площади Виктуар, чтобы выкурить сигарету… Это был величественный перекресток… Он очень мне подходил… Там спокойно и хорошо думать… Никогда больше я не был так счастлив, как в то время в «Самородке»… Я не строил планов на будущее… Настоящее не казалось мне слишком плохим… Я возвращался только к десяти часам…

У меня было еще много работы… Вечные куски «Верного»… запаздывающие посылки и писанина для Прованса… А затем, к одиннадцати часам, я опять выходил к Аркам… Это было занятное время… В нашей округе было полно шлюх… все проститутки, по двадцать монет… и даже еще дешевле. Они меня хорошо знали… Попадались довольно веселые… Я прятал их во время облав… Они скрывались среди досье и сидели, глотая пыль… Пережидали, пока легавые не уй-

дут подальше… Мы весело трахались в «Уголке вкладчика»… У меня было право на любую задницу… и все благодаря моему зрению, потому что в самые критические минуты я хорошо видел все подходы с антресолей… Когда я замечал, как подкрадываются шпики… Они все прятались за дверцей… Я был как вождь племени! Хранил полное молчание… Это было незадолго до полуночи, когда ожидали полицейского… В хаосе второго этажа у меня часто скрывалась целая дюжина девочек… Лампу гасили… Нельзя было и пикнуть… По плитам раздавались глухие шаги… Было страшно… Они съеживались, как крысы, по углам… Потом наступала разрядка… Самым интересным были истории… Они знали о Галереях все… все, что там замышлялось, все спекуляции… под арками… в каморках… в задних помещениях магазинов… Я узнал все о торговле, обо всех, кого трахали в задницу… обо всех выкидышах… всех рогоносцах в округе… Вот так однажды, между одиннадцатью часами и полночью, я узнал все о де Перейре, о том, как этот поганец ходил, чтобы его выпороли в «Этрусских воротах», что в аллее напротив… почти у выхода из «Француза»… что он любил жесткие истязания… было слышно, как он ревет за бархатными занавесками… каждый

раз это стоило ему 25 монет… дорого!.. еще бы!.. Нередко случалось, что он принимал по три порки, удар за ударом!..

Я тоже ревел, когда слушал подобные россказни!.. Я понял теперь, почему у него никогда не было аванса… ведь это из-за «взбучек» и бегов денег всегда не хватало!.. Удивляться было нечему!..

Лучше всех рассказывала Виолетта, уже немолодая девица с севера, всегда с прической, тройной шиньон уступами с длинными шпильками «бабочками», вся рыжая, ей, должно быть, уже стукнуло сорок… Всегда в короткой черной юбке, в обтяжку, с крошечным розовым передником и в высоких узких ботинках на шнуровке с каблуками «катушками»… Меня она любила… Всех разбирала икота, когда ее слушали, — так замечательно она изображала… У нее всегда были новости… Еще она хотела, чтобы я ее трахал… Она называла меня своим «ебарем»… Она все время говорила о Руане! Она провела там в одном и том же доме двенадцать лет, почти безвыходно… Когда мы спускались в погреб, я зажигал свечу… Она пришивала мне пуговицы… Я ненавидел это занятие!.. Они у меня часто отскакивали от напряжения, когда я толкал ручную тележку…

Я мог пришивать что угодно… только не пуговицы… никогда!.. Я не выносил их… Она хотела купить мне носки… Она вообще хотела, чтобы я стал щеголем… Я уже давно их не носил… де Перейр тоже, если быть объективным… Уходя из Пале-Рояля, она поднималась на Вилетт… весь долгий путь она проделывала бегом… Там были пятичасовые клиенты… Там она еще неплохо зарабатывала… Она не хотела сидеть на одном месте… Периодически, несмотря ни на что, она проводила месяц в больнице… Она присылала мне оттуда открытку… Она очень быстро возвращалась! Я узнавал стук ее каблуков по плитам… У нас с ней были прекрасные отношения почти два года… до отъезда из Галерей… Под конец она стала ревнива. У нее начался климакс… И испортился характер…

* * *

В сезон мы набирали много овощей… Я делал из них жардиньер[114] с ломтиками сала… Он привозил салат и фасоль целыми корзинами! из Монтрту!.. А также морковь и репу, пучками и охапками, и даже горох…

Куртиаль очень любил блюда с «подливой». Я изучил все это по кулинарной книге… Я постиг всевозможные рагу и все способы вызывать отрыжку. Это было очень удобно… Я этим еще долго пользовался. У нас в гимнастической зале позади лавки была мощная переносная печь «Сульфидор», на очищенном газе, правда, немного взрывоопасная… Зимой я готовил жаркое с овощами… Я сам покупал мясо, маргарин и сыр… Выпивку же доставал каждый по очереди…

Виолетта очень любила пожрать ночью… Она обожала холодную телятину с хлебом… Но все это стоило довольно дорого… А денег и так не хватало!

Напрасно я успокаивал себя… Самого худшего избежать не удалось… Нужно было приступать

---

[114] Примечания: 114
Жардиньер — рагу из овощей.

к подготовке «Конкурса на вечный двигатель». Он должен был сразу же разрешить все наши проблемы… Мы рассчитывали на незамедлительную отдачу. Ярмарка должна была состояться на мосту!.. 25 франков за вход и право принять участие в испытаниях… Первая премия в двенадцать тысяч монет присуждалась «Большим жюри из самых авторитетных мировых знаменитостей»! Была и еще одна премия, поощрительная грамота… с учетом суммы в 4350 франков, конкурс был задуман с размахом!..

Желающие принять участие появились сразу же!.. Целый поток!.. Наплыв!.. Настоящее нашествие!.. Чертежи!.. Пасквили!.. Чрезвычайно подробные исследования!.. Диссертации с эскизами… Наше питание сразу же улучшилось! Но радоваться было еще рано! О! конечно!.. Я не сомневался, что мы еще пожалеем об этой затее!.. Я не ждал ничего хорошего от будущего… и все это было совсем не смешно!.. Нам еще дорого придется заплатить за купюры, оказавшиеся у нас в руках!.. Эти две… три… возможно, пять тысяч… радужные мечты!.. Я не сомневался, что все это опять обернется для нас самым подлым образом… и долго ждать не придется.

Макетов этого возможного двигателя было

полно, на любой вкус… были представлены все существующие тенденции. Насосы, динамические маховики, космические и земные патрубки, балансиры для якорей… калориметрические маятники и отражатели радиоволн… Можно было ткнуть наугад и точно найти именно то, что надо… Под конец пятнадцатого дня начали появляться бесноватые подписчики! они сами! лично!.. Хотели узнать все новости… С началом «Конкурса» их жизнь остановилась. Они осадили наш домишко… И толпились перед дверью… Куртиаль вышел на порог и произнес длинную речь… Он сообщил им, что мероприятие откладывается на месяц… Объяснив это тем, что один из наших вкладчиков, гуляя по Лазурному Берегу, сломал себе плечевую кость… но скоро его вылечат… и он приедет и привезет нам деньги… Все уже готово… только небольшая загвоздка… Неплохо придумано… Они ушли… но страшно обозленные… Они очистили нашу витрину… Они изливали желчь всюду… даже самые солидные из них… похожие на головастиков… Воистину это было гнусное стадо очень опасных маньяков, которых Куртиаль потревожил… Он сам это прекрасно понимал… Но он не хотел в этом сознаваться… Вместо того чтобы признать свою ошибку, он срывал злобу

на мне…

После завтрака, ожидая, пока я передам ему кофе, он выдавливал у себя на лице угри, они выходили, как червячки, потом он давил их у себя между грязными и острыми ногтями… Вместо носа у него было нечто, напоминающее маленькую цветную капусту… сморщенную, подрумяненную… червивую… Более того, он, кажется, увеличивался… Я делал ему замечание.

Попивая кофе, мы ждали, что опять появятся лихорадочно возбужденные маньяки и начнут оскорблять нас и осыпать угрозами… биться в припадке… и изображать из себя невесть что… А пока Куртиаль принимался за меня… Он всячески старался меня унизить… Надо думать, это приносило ему облегчение… Он заставал меня врасплох… «Как-нибудь, Фердинанд, мне нужно будет объяснить тебе некоторые основные траектории… и главные эллипсы… Ты совсем не знаешь больших Близнецов!.. и даже Медведицу! а это самое простое!.. Я заметил это сегодня утром, когда ты говорил с тем молокососом… На тебя было жалко смотреть!.. Кто бы мог подумать!.. А если однажды кто-нибудь из наших подписчиков придет и спросит тебя, между делом, к примеру, о Зодиаке?.. его характеристиках?.. Или о Стрель-

це?.. Что ты сможешь ответить? Ничего? или почти ничего? Во всяком случае, не так уж много… И мы будем дискредитированы, Фердинанд! А ведь нам покровительствует сам Фламмарион!.. Да! Так и будет! Это не лезет ни в какие рамки! Твое невежество! Что такое небо? Дыра!.. Пустое место для тебя, Фердинанд! И не больше! Вот! Что такое небо для Фердинанда!» Тут он хватался за голову руками… И начинал раскачиваться из стороны в сторону, не отпуская ее… как будто эта новость настолько болезненна для него… что он не может этого вынести!.. Он испускал такие вздохи, что мне становилось не по себе.

«Но сперва о самом главном! — вдруг резко говорил он мне… — Слышишь, передай-ка мне двадцать досье! Любых! Давай! Я хочу просмотреть их сейчас же… Завтра утром я сделаю заключения! Нужно когда-то начинать, черт возьми! Пусть меня особенно не беспокоят! Повесь на двери табличку! „Заседание комитета по премиям“!.. Я буду на втором этаже, ты слышишь?.. Погода хороша, ты можешь прогуляться к *этому Трахонье*!.. Спроси у него, как насчет нашего приложения?.. Иди мимо „Смуты“. Но не входи! Чтобы тебя не засекли! Только загляни в маленький зал, не видно ли Намедни?.. Если он

уже ушел, спроси у мальчика, но только от себя!.. Ты слышишь? Я тут ни при чем!.. Сколько взяла Сибирь в воскресенье в „четвертом“ накануне розыгрыша Большого приза? Когда будешь уходить, старайся не идти мимо кафе! Проскользни улицей Далайрак!.. И главное, пусть меня не беспокоят! Меня нет здесь ни для кого! Я хочу поработать в тишине и покое!..» Он поднимался наверх и запирался в своем «тунисском» кабинете. Он был сыт. И я был уверен, что он будет храпеть… А у меня были еще адреса комитетов… надо было закончить эту дребедень… Я покидал контору и устраивался под деревьями напротив… Хорошенько спрятавшись за киоском. У печатника мне было нечего делать… Я заранее знал, что он мне скажет… У меня были дела поважнее. Две тысячи этикеток и все полосы, которые нужно заклеить, для следующего номера, если печатник его не возьмет!.. А это вполне могло случиться!.. В прошлую пятницу с помощью «Конкурса» ему удалось вернуть часть денег… Но мы были должны ему гораздо больше! По трем счетам!.. и еще за газ за два месяца… и особенно за перевозки…

Пока я находился в своем укрытии, я видел, как издалека подошел целый кортеж участников… Они все устремились к конторе… Они толпились

перед витриной… и яростно трясли дверь!.. Я унес с собой ручку… Они хотели все разнести… Толкаясь… Они обменивались возмущенными репликами… Они стояли очень долго… и гудели перед дверью… На расстоянии в четыреста, пятьсот метров я слышал жужжание… Я не шевелился… не высовывался… А то они обрушились бы на меня, как смерч!.. И разорвали бы меня на части!.. До семи часов вечера появлялись все новые и новые участники… А тот урод наверху, в своей берлоге, должно быть, все дрых… Если он, конечно, еще не смылся… через боковую дверь на улицу…

В конце концов, спешить было некуда… и я мог немного поразмышлять… Прошло уже несколько лет, как я ушел от Берлопа… А малыш Андре… Этот отвратительный сопляк, наверное, уже вырос!.. Он, должно быть, снова ишачит где-нибудь у других хозяев… Скорее всего, он уже забросил ленты, а ведь мы часто собирали их вдвоем… Мы сидели на скамейке слева от бассейна… в ожидании полуденного выстрела пушки… В то время мы оба еще были учениками, но это было уже давно… Черт побери! Как быстро взрослеют мальчики! Я оглянулся по сторонам в надежде увидеть малыша Андре… Кто-то говорил мне, что он больше не

работает у Берлопа… А служит в «Сантье»[115]… Он перешел в разряд «юношей»… Порой мне казалось, что я вижу его под Арками… Но нет!.. Это был не он!.. Может быть, он изменил прическу?.. Я хочу сказать, у него волосы уже не стоят ежиком, как тогда… Может, и тетки его уже нет?.. Он все время бегал куда-то после обеда!.. поразвлечься… Наверное, я его больше никогда не увижу… он исчез навсегда… телом и душой, о нем теперь можно только рассказывать… О! это ужасно… Даже в молодости, когда впервые замечаешь… как теряешь близких людей… друзей, которых больше никогда не увидишь… никогда… которые исчезают, как сон… и все… ничего не остается… когда-нибудь и ты так исчезнешь… когда-нибудь, пусть не очень скоро… Но обязательно… растворишься в этом нескончаемом потоке вещей, людей… дней… превращений, которые ни на секунду не останавливаются… И ты не увидишь больше даже всех этих скотов, всех этих зевак, весь этот сброд, скучающий под Арками в своих пенсне с зонтиками и маленькими собачками на поводке… Они уже удаляются… Растворяются во сне вместе с остальными… все… они сейчас

---

[115] Примечания: 115
«Сантье» — большой парижский универмаг.

исчезнут… Это было невыносимо грустно… Более того, подло!.. В чем виноваты эти люди, бегущие вдоль витрин?.. Во мне поднималось непреодолимое желание… я едва сдерживался, чтобы не выпрыгнуть из своего укрытия… и не встать перед ними… заставив их вздрогнуть… Схватить их за одежду… бредовая мысль… чтобы остановить их… чтобы они не уходили!.. Чтобы они так и застыли там!.. раз и навсегда!.. Я больше не мог видеть, как они уходят!

* * *

Два или три дня спустя Куртиаля вызвали в комиссариат… Явился посыльный… Это случалось довольно часто… Было немного неприятно… Но всегда все улаживалось… На всякий случай я тщательно почистил его костюм… Он слегка завернул свои манжеты… Он не сомневался, что ему удастся оправдаться… Его долго не было… Обычно он возвращался сияющим… Он приводил их в замешательство… Своим знанием законов… всех малейших тонкостей и деталей… Но на этот раз… все оказалось гораздо серьезнее!.. Дело не хотели прикрывать!!! Эти ублюдки с «Вечным двигателем» не давали покоя комиссарам… Один, с улицы Фран-Буржуа, получал по двенадцать жалоб в день!.. Другой комиссар с улицы Шуазёль вообще был вне себя… Его совершенно довели!.. Он угрожал обыском… Тот, что был до него, в январе, был гораздо сговорчивее, но его перевели в Лион… Этот же оказался настоящим дерьмом. Он предупредил Куртиаля, что, если мы будем продолжать наши махинации с «Конкурсом», он выдаст ордер на обыск!.. Он явно хотел выслу-

житься… Он прибыл сюда черт знает из какой дыры!.. Его переполняла жажда деятельности!.. Это именно он сбивал с толку нашего печатника! Он только и думал, как бы нас опустить!.. Телефон больше не работал. Его отключили, мне нужно было сходить на почту… Он молчал уже три месяца… Изобретатели-жалобщики должны были являться лично… Переписку мы больше не вели… Мы получали слишком много писем!.. Эти юридические дрязги вконец подорвали наши нервы… Мы только вытаскивали купюры из конвертов… А остальное выбрасывали… Нам было не до них!.. Мы были напуганы не на шутку!..

Куртиаль оказался бессилен… Комиссар с Шуазёль застрял у него поперек горла, это был настоящий ультиматум!.. Он вернулся мертвенно-бледным…

— Никогда еще!.. Ты слышишь меня, Фердинанд! Никогда!.. Вот уже тридцать пять лет, как я работаю для науки!.. как я буквально распинаю себя! Именно так… ради образования… и воспитания масс… Никогда еще не обращались со мной так, как этот подонок!.. У меня просто нет слов! Да! Этот молокосос!.. Это жалкое ничтожество!.. За кого он меня принимает, этот шут?.. За свихнувшегося придурка? Торговца

контрамарками? Какая наглость! Какое бесстыдство! Обыск! Задолбил одно, как испорченный патефон! «Обыск» и все! Ну и пусть он приходит, этот кретин! Что он найдет? О! Видно, что он новичок! Он еще девственник в этой области! Провинциал! Я тебе говорю! Сразу видно, что от сохи! Но этот несчастный напрасно усердствует! У него явно разыгралось воображение! Воображение! О! Это ему обойдется дороже, чем мне… О, да? Черт побери! А тот, с улицы Абукир! Он тоже хотел прийти! С обыском! Ну пришел, посмотрел! Они перевернули весь дом! Эти грязные отвратительные сволочи… Только все переворошили и смотались… Veni! Vidi! Vici! Стадо грязных убогих скотов! Прошло уже два года! А я до сих пор с отвращением вспоминаю это! И что же нашел этот Видок… Какие-то бумажонки и старую штукатурку… Он весь был покрыт мусором! Мокрая курица! Несчастный!.. Они рылись везде! Но не смогли понять ни слова… Ничтожные тараканы. О! Засранцы! Жалкие вонючие тупицы!.. Ослы-законники… Навозные жуки, я-то их хорошо знаю!..

Он показывал мне куда-то наверх, на бесчисленные груды… и залежи… Это напоминало настоящие ледники, скалы с угрожающими

выступами! Они были такие шаткие!.. Было бы очень странно, если бы комиссар с Шуазёль не спасовал перед этими горами! Этими нависающими лавинами…

— Обыск! Обыск! Запомни мои слова! Бедняга! Бедный мальчишка! Жалкая несчастная личинка!..

Хоть он и храбрился, тем не менее эти угрозы его беспокоили… Он был очень взволнован!.. На следующий день он специально пошел к этому юнцу… Попытаться убедить его в том, что тот заблуждается на его счет… Полностью! Совершенно!.. Его просто очернили!.. Это было вопросом чести… Ему не давали покоя оскорбления этого сопляка… Он даже забросил гантели… Он был в смятении… Что-то бормотал, сидя на стуле… Он мог говорить только об этом обыске… Он даже позабыл о моем научном образовании!.. Он не хотел никого принимать! Говорил, что теперь уже нет смысла! Я постоянно вывешивал маленькую табличку «Заседание комитета».

Тогда же, когда начались разговоры «об обысках», он опять начал рассуждать о будущем… Он уверял, что тонет… и испытывает страдания… «О! Фердинанд! — обращался он ко мне, пока искал досье, чтобы отнести их в другое место… — Ты

знаешь, что мне на самом деле нужно!.. Еще один день потерян! сломан! истрачен! полностью испорчен! вычеркнут из жизни!.. Проведен в идиотской суете!.. Мне необходимо собраться!.. По-настоящему… Окончательно!.. Отвлечься от всего!.. Ты понимаешь?.. Внешняя жизнь мешает мне!.. Она меня изматывает!.. Обессиливает!.. Разрывает на части!.. Все мои великие замыслы остаются невоплощенными, Фердинанд! Я не знаю, что делать!.. Вот! Невоплощенными! Я в замешательстве… Это жестоко! Ты меня понимаешь? Это трудно передать! Это как полет, Фердинанд! Я поднимаюсь!.. Прохожу сквозь бесконечность! Перескакиваю!.. Я уже прохожу сквозь какие-то облака… Вот-вот я увижу… И опять облака… Меня слепит молния!.. Все время облака… Я боюсь!.. Я ничего не вижу!.. Нет, Фердинанд!.. Я не вижу ничего! Хоть я и был близок… Я не могу собраться, Фердинанд!.. Я слишком разбрасываюсь!»

Он чесал в затылке… Пощипывал усы!.. У него тряслись руки… Больше он не открывал дверь никому! Даже маньякам «Вечного двигателя»… Так как у нас все время было закрыто, они все-таки отчаялись!.. И ненадолго оставили нас в покое… Обыска не было… Но напряжение сохранялось…

Теперь Куртиаль де Перейр опасался всего, даже своего «тунисского» кабинета! Даже своей собственной тени! Его антресоли были слишком открыты и легко доступны!.. В любой момент они могли прийти и вцепиться в него… Он не хотел больше рисковать!.. Он бледнел от одного вида клиента!.. Он плохо держался на ногах! Он в самом деле был потрясен случившимся!.. Он предпочитал свой погреб… Он прятался там все чаще!.. Там было немного спокойнее!.. А я тащил на себе газету… Ничего интересного! Я заимствовал целые страницы из его учебников… Делал вырезки… Местами немного освежая материал… Заголовки я слегка переделывал… Я неплохо справлялся при помощи ножниц, резинки и клея. Я оставлял много свободного места для писем читателей… Выбрасывал ругательства… И оставлял одни восторги… Кроме того, я составлял списки подписчиков… Я старался представить наше заведение в самом выгодном свете… Четыре хвоста из нулей на конце!.. Я помещал фотографии Куртиаля в форме, всего обвешанного медалями… и великого Фламмариона, собирающего розы в своем саду… Этот контраст приятно радовал глаз… Если приходили изобретатели… приставали с вопросами и отрывали меня от работы… я нашел

хорошую отговорку…

«Он у министра! — выпаливал я прямо им в лоб. — Он приходил за ним вчера вечером… Это, наверное, для экспертизы…» Они не очень верили… Но все же стояли некоторое время в раздумье… А я тем временем смывался в гимнастический зал… «Посмотреть, не вернулся ли он!..»

Больше они меня не видели.

* * *

Беда никогда не приходит одна!.. «Верный» все больше разваливался, расползался и обрастал заплатами… Он так прохудился и поизносился, что просто разлезался на нитки!..

Приближалась осень, дул легкий ветерок! Он колебался под его порывами и обвисал в момент подъема вместо того, чтобы устремиться в воздух… На водород и метан уходила уйма денег… Если же его все-таки накачивали, он делал небольшой рывок… С помощью двух или трех резких скачков ему удавалось перепрыгнуть через ближайшие кусты… Потом он врезался во фруктовый сад… Его всего сотрясало… он отскакивал рикошетом от церкви… Сносил флюгер… И летел к деревне… Ветер относил его прямо на тополя… Де Перейр больше не выдерживал паузу… Он выпускал всех голубей… И громко трубил в рожок… Он просто оглушал меня… Я должен был подбирать эти жалкие обрывки на берегах Сены и Уазы, в Шампани и даже в Ионне! Он пропахал своей задницей все свекольные поля Северо-Запада… Некогда прекрасная гондола из

индийского тростника совсем обветшала… На плато Оржмон он два добрых часа просидел, завязнув в огромной луже навозной жижи! Такой замечательно благоухающей и трепещущей!.. Мужланы в округе просто обхохотались… Когда «Верный» наконец сложили, он так сильно вонял фекалиями… а Куртиаль тоже был по уши в дерьме, что нас не пустили в купе… И мы вынуждены были ехать в прицепе вместе с инструментами, снаряжением и винтами.

Но и по возвращении в Пале-Рояль это не кончилось!.. Наш замечательный аэростат даже в глубине подвала смердел так сильно, что нам пришлось сжечь за лето по меньшей мере десять кастрюль бензойной смолы, сандала и эвкалипта… целые кипы армянской бумаги!.. Иначе нас бы выгнали! Уже были жалобы…

Но это было еще полбеды… В конце концов, все это были обычные трудности и превратности нашего ремесла… Самый сильный и роковой удар нанесла нам конкуренция со стороны самолетов… Именно так… Они отбили у нас всю клиентуру… Даже наши самые верные комитеты… те, что нам полностью доверяли и всегда принимали нас… Перон, Брив-ля-Вилэн, например! Карентан-сюр-Луан… Мэзе… Полностью

преданные Куртиалю ассамблеи досуга… знавшие его уже 35 лет… где ему всегда доверяли… Все они вдруг под разными предлогами стали избегать нас!.. уловки! вранье! Это был конец! Страшно было подумать!.. Особенно, начиная с мая и июня — июля 1911 года[116], дела пошли хуже некуда… Некий Кандемар Жюльен — если бы только он один! — со своей «Стрекозой» отбил у нас более двадцати клиентов!..

Между тем мы пошли на невероятные уступки… Мы уезжали все дальше… Мы возили с собой водород… насос… барометр… Мы ездили в Нюи-сюр-Сомм за 125 франков! включая газ! Не считая дорожных расходов!.. По правде говоря, это было уже слишком! Самые грязные городишки… и захудалые субпрефектуры не желали видеть

[116] Примечания: 116

…начиная с мая и июня — июля 1911 года… — эти хронологические указания не вымышлены и соответствуют двум манифестациям воздухоплавателей: соревнованию аэропланов Париж — Рим, организованному газетой «Пти-Журналь» 28 мая 1911 г. и соревнованию Париж — Брюссель — Лондон — Париж, организованному газетой «Журналь» с 18 июня по 7 июля 1911 г. Эти две газеты считались самыми популярными французскими периодическими изданиями. След Кандемара Жюльена обнаружить не удалось.

ничего, кроме бипланов… Вильбур Райт[117] с компанией!..

Куртиаль прекрасно понимал, насколько это серьезно… Он решил ответить… Сделать невозможное. Он опубликовал в своей газетке в течение двух месяцев один за другим четыре учебника и двенадцать статей, в которых доказывал, что самолеты никогда не будут летать!.. Он называл это ложным прогрессом!.. противоестественным увлечением! извращением техники!.. Он считал, что это ужасное опьянение пройдет! А он, Куртиаль де Перейр, имеющий тридцатидвухлетний опыт, умывает руки! Его фотографии были приложены к статье!.. Но он уже опоздал! Читатели были уже слишком увлечены!.. Захлестнуты растущей популярностью! В ответ на свои памфлеты и обличительные речи он получил только оскорбления, град диких ругательств и угроз… Изобретательская публика уже не следовала за де

---

[117] Примечания: 117

Вильбур Райт с компанией!.. — Уилбер и Орвилл Райт — знаменитые американские конструкторы и авиаторы. Орвилл осуществил первый механический полет 17 декабря 1903 г. Уилбер приехал во Францию в 1908 г. и в лагере Овур, недалеко от Мана, устроил демонстрацию полетов, которые произвели на публику огромное впечатление. В том же году он довел рекорд продолжительности полета до 2 час. 20 мин. и получил Кубок Мишлин. В лагере Овур преподавал искусство вождения самолетов нескольким европейцам, среди которых был и граф де Ламбер.

Перейром!.. Такова была горькая правда… Но он уперся… И не хотел отступать!.. Он даже пошел в наступление!.. Так, в самый критический момент он основал общество «Перо на ветру»!.. В защиту воздушного шара, гораздо более легкого, чем воздух! Выставки! Демонстрации! Конференции! Праздники! Развлечения! Общественные комиссии в «Самородке». Но у него не нашлось и десятка сторонников! Попахивало ужасным провалом! Я опять приступил к своей штопке… Я столько уже позаимствовал из старого привязного аэростата «Архимед», что не осталось больше ни одного пригодного куска!.. Одни сгнившие обрывки!.. И «Верный» был ненамного лучше… Одни нитки! Везде просвечивали дыры… Я видел все, и мне пришлось за это дорого заплатить!

В воскресенье в Понтуаз состоялся наш последний воздушный подъем. Все же он решил рискнуть… Он не говорил ничего определенного!.. Мы, как могли, подлечили нашего несчастного страдальца, собрали бахрому по углам, вывернули ее и так и эдак… Немного укрепили целлофановыми полосками… каучуком, предохранителем и законопатили паклей! Но несмотря на все это, перед Мэрией свершилось неизбежное, состоялся заключительный приступ! Хоть мы и закачали

в него почти целый газометр… Он терял значительно больше, чем принимал в себя… Это был эндосмос, Перейр сразу же поставил диагноз… А потом, как и следовало ожидать, он полностью лопнул… с ужасным шумом! Повсюду распространился отвратительный запах… Люди пытались спастись от газа… Началась паника! всеобщее смятение!.. А потом огромная оболочка обрушилась прямо на жандармов!.. Они запутались в складках и стали задыхаться… Дрыгать ногами… Они были похожи на крыс… В результате трехчасовых усилий освободили самого молодого!.. остальные были в обмороке… Нашей популярности пришел конец! На нас все набросились… Мальчишки дразнились!..

Все же нам удалось все это собрать… мир не без добрых людей… К счастью, недалеко от праздничного сада находился большой шлюз!.. Мы переговорили с хозяином баржи… И он нам разрешил там разместиться… Она спускалась к Парижу… Весь наш хлам сложили в глубине трюма…

Путешествие прошло хорошо… На него ушло около трех дней… Вечером мы прибыли в Порт

Англэ[118]… Воздухоплаванию пришел конец!.. Мы неплохо провели время на борту этой шаланды… Эти добрые люди, фламандцы с Севера… были очень любезны… Они все время пили кофе… отчего не могли спать, и замечательно играли на аккордеоне… Я как сейчас вижу белье, развевавшееся вдоль всего двигателя… Самых ярких цветов… земляничного, шафранного, зеленого, оранжевого… На любой вкус… Я научил их маленьких сопляков делать бумажные кораблики… Они их никогда не видели.

[118] Примечания: 118

Порт Англэ — небольшой городок в Валь-де-Марн, между Иври-сюр-Сен и Витри-сюр-Сен.

* * *

Как только хозяйка, мадам де Перейр, узнала роковую новость, она тут же примчалась в контору… Я никогда ее до этого не видел… все одиннадцать месяцев, что я там находился… Потребовалась настоящая катастрофа, чтобы она решила побеспокоиться… Ей было хорошо и в Монтрту.

В первый момент из-за ее необычной походки я подумал было, что это «изобретательница», которая явилась поведать нам о своей «системе»… Она была в сильном возбуждении… Она открыла дверь крайне резко и возмущенно, она с трудом находила слова, а шляпа на ее башке совсем съехала набок. На ней была густая вуаль… Ее лица я не видел. Я помню черную бархатную юбку с тяжелыми складками и лиловый вышитый корсаж в стиле «болеро»… он был усеян жемчужинами того же цвета… Еще зонтик из переливающегося шелка… Я хорошо запомнил, как она выглядела.

После краткого вступления, я усадил ее в большое кресло для посетителей… Я посоветовал ей набраться терпения и немного подождать Учите-

ля… Но она сразу же в меня вцепилась!..

«А! так это вы, Фердинанд?.. Я не ошибаюсь? О! Тогда вы знаете, в чем дело?.. Теперь это точно конец? Мой полишинель!.. Он дошел до ручки!.. Он ничего не хочет предпринимать, не так ли?..» Она уперла сжатые кулаки себе в бока! И развалилась в кресле! Она обращалась ко мне довольно грубо!..

— Он не хочет и пальцем пошевелить!.. Он перетрудился?.. Он считает, что мы можем спокойно жить!.. На что? На ренту? О! Голодранец! О! Олух, скот! Мерзкая гадина! Где он сейчас?

Она оглядела заднее помещение конторы…

— Его там нет, мадам!.. Он ушел к министру!..

— Ах! к министру! Что вы сказали? К министру! — Она расхохоталась! — О! Мой малыш! О! Скажите кому-нибудь другому!.. Не мне!.. Я знаю его лучше, чем вы, эту обезьяну! К министру! О! нет! Скорее в дом терпимости! Это может быть! В дурдом! В дом призрения! Да! Это пожалуйста! Все равно куда! В Винсенн! В Сен-Клу! Все может быть! Но к министру! О! нет!

Она сунула мне под нос свой зонтик…

— Вы соучастник, Фердинанд! Слушайте! соучастник! Вот! Вы слышите меня? Вы все кончите в тюрьме!.. Вот к чему вас это приведет!.. Все

эти ваши плутни!.. ваши мерзости!.. и гнусные махинации!..

Она снова упала в кресло, опустив локти на колени, она больше не сдерживалась… после вспышки гнева последовала прострация… она забормотала что-то бессвязное сквозь рыдания!.. Выложив мне все!..

— Знаете, я же понимаю!.. Я не хотела приходить! Я всегда знала, что мне будет плохо!.. Я прекрасно знаю, что он неисправим!.. Вот уже тридцать лет, как я его терплю!..

В Монтрту ей было спокойней… она могла следить за собой. Она чувствовала себя слабой… Она не любила перемещаться, выходить из дому… Только раньше… Раньше! Самое первое время после свадьбы она много путешествовала с де Перейром… Теперь она больше не любила перемен… Она любила лишь свой дом… Особенно из-за своих болезней… Если она переохлаждалась или попадала под дождь, она потом мучилась несколько месяцев… Безжалостный ревматизм, а потом еще жестокий бронхит, настоящий катар… Они преследовали ее всю зиму и весь прошлый год… Коснувшись дел, она детально объяснила, что их дом еще нужно оплатить… Потребуется еще четырнадцать лет экономии… Она старалась

войти ко мне в доверие, прибегнув к нежностям…

— Мой маленький Фердинанд! Мой малыш! Пожалейте старую добрую женщину!.. Я могла бы быть вашей бабушкой, не забывайте этого! Скажите мне, пожалуйста! Скажите мне, прошу вас! Действительно ли он потерял «Верный»? Куртиалю нельзя верить… В его рассказах никогда толком не знаешь, где правда… Как ему доверять? Он всегда столько лгал!.. Он так обленился… Но вы, Фердинанд! Вы же видите, в каком я состоянии!.. Вы понимаете мое горе!.. Вы не станете рассказывать мне басни! Вы знаете, я совсем старуха!.. У меня большой жизненный опыт!.. Я все могу понять!.. Мне нужно только, чтобы мне объяснили…

Мне пришлось ей все повторить… Поклясться своей собственной головой, что этот «Верный» пропал, развалился, и прогнил, как снаружи, так и изнутри! Во всей его оболочке не осталось ни одной целой нитки!.. И каркас, и корзина… это только грязные лохмотья… Жалкие обломки… совершенно невосстановимые!..

По мере того как я это говорил, ее огорчение возрастало! Но зато теперь она мне доверяла, она убедилась, что я ее не обманываю… Она снова вер-

нулась к своей исповеди!.. Она все подробно мне рассказала… Со дня их свадьбы… Когда она была еще акушеркой, дипломированной по первому разряду!.. Как она помогала Куртиалю готовиться к полетам… Она отказалась из-за него и шара от своей собственной карьеры! Только чтобы не покидать его ни на секунду!.. Они проделали на воздушном шаре свое свадебное путешествие!.. Перелетали с одной ярмарки на другую!.. Тогда она еще поднималась вместе со своим супругом… Они добрались так до Бергамо в Италии… Даже до Феррары… и до Трентино около Везувия… По мере того как она изливала мне свою душу, я начинал понимать, что эта женщина наверняка захочет сохранить «Верный»!.. и ярмарки тоже!.. Все это должно было продолжать существовать!.. К тому же для этого был хороший повод, абсолютно бесспорный… Плата за дом!.. Домик в Монтрту… Они должны были еще выплатить за шесть месяцев по векселям и остатки долга… Куртиаль больше не приносил денег… Они уже задержались на два с половиной месяца с выплатой поземельного налога… Она говорила об этом позоре срывающимся голосом… Это навело меня на мысль, что плата за наш магазин тоже задерживается!.. А за газ?.. А телефон!.. Об этом и говорить нечего!..

Печатник, вероятно, доставит нам хлопот на этот раз… Было ясно, что это проклятое отродье Тапонье сумеет обтяпать дельце! Он наложит арест на наше заведение… Оно достанется ему даром!.. Дело было верное!.. Он был самым гнусным из всех!.. Тогда нам небо покажется с овчинку!.. Я снова почувствовал весь трагизм моего положения, всю лавину невзгод, преследовавшую меня по пятам… Все было перечеркнуто — наше будущее и наши мечты!.. Иллюзий больше не оставалось!.. Старая кукла продолжала хрипеть в свою вуаль!.. Повздыхав, она немного пришла в себя!.. Сняла шляпу!.. Я узнал ее по портрету и описанию де Перейра… Но все же я был удивлен… Он рассказывал мне об ее усах… которые она не хотела удалять… Оказалось, он не шутил!.. Они начали расти сразу после операции… Ей удалили в один присест оба яичника и матку!.. Вначале думали, что это аппендицит… но, вскрыв брюшину, обнаружили огромную фиброму… Ее оперировал

сам Пеан[119]…

Раньше это была очень красивая женщина, Ирен де Перейр, привлекательная, симпатичная, очаровательная и все такое!.. Только после этого хирургического вмешательства, спустя четыре или пять лет, у нее стали явственно проступать мужские черты!.. У нее росли настоящие усы и даже что-то вроде бороды!.. Все это теперь было залито слезами! Из-за макияжа капли стали цветными! Она пудрилась… белилась… и румянилась теперь гораздо больше! Она делала себе ресницы одалиски, когда собиралась пойти в город!.. Свою объемистую шапку с цветами гортензии она надела снова… она уже немного раскаивалась… что не смогла сдержаться! Она откинулась назад!.. И хлопнула по ней сверху… она снова воткнула свои длинные шпильки… и опять завязала вуаль. Тут я заметил, что она роется в своих юбках… Наконец она достала огромную трубку и зажи-

[119] Примечания: 119

Пеан — вот что Леон Доде писал об этом хирурге: «Именно Пеан учредил операционные сеансы, во время которых виртуоз с ножом отрезал три ноги, две руки, расчленял два плеча, производил трепанацию пяти черепов, играючи извлекал полдюжины маток с придатками и несколько пар яичников. Он делал это в костюме, в белом галстуке, сопровождая свое действо трагического фокусника разным вздором и пугающими труизмами. Через два часа подобных упражнений он весь истекал потом и кровью, его руки или, лучше сказать, ручищи, были все в крови, как у убийцы, его ноги были измазаны пурпуром, но он был игрив, как никогда».

галку… Об этом он меня тоже предупреждал…

— Вас не стеснит, если я закурю? — спросила она…

— Нет, мадам, нет, только нужно внимательно смотреть за пеплом! Из-за бумаг на полу! Все это может легко воспламениться! Ха! Ха!.. — Мне хотелось немного разрядить обстановку…

— А вы не курите, Фердинанд?

— Нет! Я, вы знаете, обхожусь без этого. Я недостаточно внимателен. Я боюсь превратиться в факел! Ха! Ха!..

Она пускала клубы дыма… Поплевала на пол! То туда, то сюда!.. Она немного успокоилась!.. Опять надела свою вуаль! И лишь приподнимала слегка уголок мизинцем! Полностью выкурив трубку, она опять достала кисет… Я думал, что она собирается снова набить ее!..

— Скажите-ка, Фердинанд, — прервала она меня… Вдруг ее словно осенило, и она внезапно выпрямилась… — Вы точно уверены, что он не прячется наверху?..

Я боялся показаться излишне категоричным… Это был вопрос деликатный!.. Я хотел избежать конфронтации…

— О! — Не дожидаясь ответа, она вскочила. — Фердинанд! Вы мне *лжете*! Вы такой же *лжец*,

как и он!..

Она больше не хотела ничего слушать… Она оттолкнула меня с дороги… Запрыгнула на маленькую винтовую лестницу и стремительно бросилась наверх… Тот был явно не готов… Она набросилась на него совершенно неожиданно!.. Я прислушался… Сразу же началась настоящая битва!.. Она всыпала ему по первое число! Сначала пара затрещин! а потом вопли…

«Посмотрите на этого сатира!.. Этого грязного ублюдка!.. Этого подонка!.. Вот как он проводит время!.. Я сомневалась в существовании этой грязи! Я правильно сделала, что пришла!..» Она, должно быть, накрыла его, когда он перебирал открытки… весьма откровенные… в альбоме, те самые, что я продавал по воскресеньям!.. Он часто так развлекался после завтрака…

Он напрасно старался оправдаться! Она не слушала его ответов! «Порнограф! Дифтерийная пленка! Вонючка! Онанист! Развратник!..» Вот она как его честила!..

Я поднялся и рискнул заглянуть за перила!.. Когда слова иссякли, она снова обрушилась на него… Он упал на софу… Такая она была здоровая и сильная!

«Проси прощения! Проси прощения, холера!

Проси прощения у твоей жертвы!» Он пытался слабо отбиваться… Она схватила его за манишку, но материя была прочная, она ударила по ней обеими ладонями… Он был весь в крови… но она все равно не отпускала его…

«Не нравится? не правда ли? не нравится? — кричала она и колотила его… — А! Не нравится! Трепло! Скажи, засранец! Ты не рад, что вывел меня из себя!» Она полностью взгромоздилась на него! И подпрыгивала у него на пузе! «Ой! Ой! Ой! — он задыхался. — Я же задохнусь, здоровая лошадь! Я сдохну! Ты меня задушишь!..» Тогда наконец она его отпустила, у него сильно шла носом кровь… Она быстро спустилась… И подскочила к крану…

«Фердинанд! Фердинанд! Подумать только, вот уже восемь дней, вы меня слышите! Уже целых восемь дней я его жду! И за восемь дней он ни разу не появился!.. Он решил доконать меня! Я вся высохла!.. Ему наплевать!.. Он прислал мне открытку: „Шар вышел из строя. Все живы!“ Вот! И это все!.. Я спрашиваю его, что он собирается делать? „Отвяжись!“ — ответил он мне!.. Полный крах!.. А он даже пальцем не пошевелил! Месье исчез! Где он? Что делает?.. „Бенуатон“ пристает ко мне со сроками платежей!.. Я ничего не знаю!..

Они звонят по десять раз в день… Булочник ходит за мной по пятам!.. Газ отключили!.. Завтра отключат воду!.. А месье загулял!.. Я вся извелась!.. А этот грязный неудачник!.. Этот гнусный извращенец!.. Этот полоумный!.. Это омерзительное отродье! Эта обезьяна!.. Нет, я предпочла бы, слышишь, Фердинанд! жить с настоящей обезьяной!.. Ее хоть можно понять!.. И она бы меня понимала! Я бы, по крайней мере, знала, что меня ждет! А с этим ненормальным вот уже целых тридцать пять лет, стоит мне только отвернуться, как происходит черт знает что! Пьяница! Лжец! Бабник! Вор! Хорош, ничего не скажешь!.. Вы не представляете, как я ненавижу эту скотину!.. Где он? Этот вопрос я задаю себе по пятьдесят раз за день… В то время, как я кручусь как белка в колесе! Отказываю себе во всем ради него!.. стараюсь все время отдать долги… экономлю на всем… Месье развлекается! Сорит деньгами! Направо и налево… И еще одаривает всех своих грязных шлюх! моими деньгами! Теми, что я сэкономила, отказывая себе во всем! На что это все уходит? На удовлетворение самых низменных желаний! Я-то это хорошо знаю! Хоть он и скрывается!.. В Винсенне!.. В Пари-Мютюэль! В

Энгьене, на Блондель[120]!.. На Барбесе, неважно где, впрочем… Ему все равно, стоит ему только разойтись! Ему подойдет любой притон!.. Ему все сойдет! Главное, побольше грязи! Он шикует! Пока я лезу вон из кожи!.. Чтобы сэкономить одно су! Даже на домработнице!.. Я делаю все сама! Даже несмотря на мое здоровье!.. Я надрываюсь! Мою полы! Все! Несмотря на температуру и ревматизм!.. Я едва держусь на ногах! Я убиваю себя! И что же? Это еще не все? Когда нас выгонят… Где мы будем спать? Можешь ты сказать? Босяк! Говори, грязная тварь! Подонок! Бандит! — Она кричала ему снизу. — В одном очень уютном местечке! Ты помнишь эти адреса? Ты должен вспомнить их!.. Он ходил туда до женитьбы!.. Под мосты!.. Фердинанд! Там мне и надо было его оставить… Это было бы лучше всего! Ты отравил мою жизнь! Своим паразитизмом! Своей злобой! Он вполне заслуживал этого! Он нашел бы там свое счастье! О! Я отправлю тебя в Сен-Луи! Месье хочет потакать своим страстям! Он ненормальный, Фердинанд! Самый гнусный подонок, какого только можно себе представить! Его ничем не

[120] Примечания: 120

Блондель — улица Блондель находится на перекрестке Бульваров Страсбур-Сен-Дени и Барбес, здесь приводится как место, где занимаются проституцией.

образумить! Ни достоинством! Ни разумом! Ни хорошим отношением!.. Ничем!.. Это человек, который всю жизнь только издевался надо мной, он обманул меня, отравил все мое существование!.. Ах! Он чистенький! Добренький! Ах! Да, я-то это знаю! Я имела возможность в этом убедиться! Я была настоящей дурой, Фердинанд! Это просто смешно! Какой-то глупый, бессмысленный фарс!.. Послушайте, ему уже 55 лет! Скоро будет 56! В апреле месяце! И чем же он занимается, этот старый паяц? Он нас разоряет! Он решил довести нас до сумы! Ему все равно! Месье больше не напрягается! Он погряз в пороках! Месье опустился! Он плывет по течению! А я его вылавливаю! Я стараюсь! Выбиваюсь из сил!.. А месье на это совершенно наплевать! Месье не хочет ни в чем себе отказывать!.. Я спасаю его! Плачу его долги! Только я, не так ли, Арлекин? А он забросил и свой шар! У него не осталось храбрости и на два су!.. Хотите знать, что он делает на Северном вокзале? Вместо того, чтобы возвращаться домой?.. Вы, может быть, и об этом знаете? Где растрачивает он свои силы? В туалете, Фердинанд! Да! Все это видели! И узнали тебя, мой милый!.. Видели, как он занимался онанизмом… Его заставали и в зале! И в коридорах! Там он показывал! Свои ор-

ганы!.. Свои грязные причиндалы!.. Маленьким девочкам! Да, хорош, нечего сказать! Маленьким детям! О! Да, были и жалобы! Я говорю не просто так! Да, скотина! Тебя уже давно заметили! Прямо на вокзале, Фердинанд! Среди людей, которые все нас знают! Ко мне пришли и сказали об этом!.. И кто мне это сказал? Ты не станешь отрицать, конечно? Ты не можешь сказать, что это был кто-то другой!.. У этой свиньи хватит наглости! Да, это был сам комиссар, мой друг! Он специально приходил вчера вечером… Чтобы рассказать, до чего ты дошел!.. У него были доказательства и даже фотографии!.. Ты видишь, ты становишься известным! О! Это началось не вчера! Он взял все твои бумаги! Ну что, неправда? Ты уже знаешь это!.. Поэтому ты не приходил?.. Ты знал, что тебя ждет?.. Впрочем, он тебя предупреждал!.. Теперь еще дети! Младенцы!.. Это просто страшно!.. Игра! Пьянство! Ложь!.. Мот! Подонок! Женщины! Все пороки! Малолетки? Грязный ублюдок!.. Я обо всем этом, конечно, знала! Я достаточно страдала от этого! Я дорого заплатила за свое знание! Но теперь еще и девочки!.. Это просто невообразимо!» Она сверлила его взглядом издалека… Он стоял на ступенях… винтовой лестницы… И делал мне заговорщические знаки, чтобы я не нервировал

ее… и стоял совершенно спокойно… Мол, это пройдет… но я не должен был шевелиться!.. Действительно, она постепенно успокаивалась…

Она опять опустилась в кресло… И тихо обмахивалась развернутой газетой… Она отдувалась… сморкалась… Наконец, и мы с Куртиалем смогли вставить несколько слов!.. И потом даже произнесли маленькую речь, стараясь объяснить ей, как и почему произошел этот крах… О девочках больше не говорили… говорили только о шаре… Это немного меняло дело… Мы говорили… что в оболочке действительно не осталось ни одной живой нитки… Он пытался говорить ей комплименты…

«О, моя Ирен! Фердинанд! Вы, конечно, сами видите, что она восхитительна!.. Она замечательная супруга!.. Возвышенная натура! Я обязан ей всем, Фердинанд! Всем! Это совершенно очевидно! Я готов кричать об этом на каждом шагу!.. Я никогда ни на секунду не мог усомниться в ее любви ко мне! В ее преданности! Готовности к самопожертвованию! Нет!.. Она просто одержима! Конечно, резка до невозможности! Это от сильной любви! Она очень импульсивна! Но совсем не злопамятна! Вовсе нет! Вовсе нет! Она сама доброта!.. Она просто очень вспыльчива! Не

правда ли, моя обожаемая Ирен?..» Он пододвинулся и попытался ее обнять!..

«Оставь меня! Оставь меня, скотина!..»

Он не держал на нее злобы… Он только хотел, чтобы она все поняла. Но она упорствовала в своей ярости!.. Он говорил ей, что испробовал невозможное!.. уже добавлено десять тысяч кусков… все перешито… подложены подкладки всех цветов и размеров, но «Верный» уже невозможно починить… он весь топорщится, как гармошка… моль сожрала все проймы… крысы прогрызли клапаны… и он больше не держится в воздухе! ни прямо, ни криво! Его нельзя использовать даже как мочалку! даже как тряпку! даже как подтирку для задницы!.. Он больше ни на что не годился!.. Она же по-настоящему не верила нам!.. Напрасно мы перечисляли все детали… Просили ее не расстраиваться! Изощрялись! Клялись! Уверяли! Преувеличивали! Там, где это было возможно!.. Она оставалась при своем!.. Она не верила нам!.. Мы показали ей письма, где были засвидетельствованы все наши неудачи… они приходили отовсюду!.. Нас больше нигде не хотели видеть… даже бесплатно и с благотворительной целью. Нам везде отказывали… и порой не очень вежливо… Летательные аппараты, ко-

торые были тяжелее воздуха, завоевывали все! города!.. порты… ярмарки!.. И так действительно было!.. Воздушные шары вышли из употребления… даже в самом захолустье, в Бретани!.. А из департамента Финистер нам так прямо и написали в ответ на наше предложение приехать:

«Месье, с вашим хламом вам место в музее, а у нас в Кралок-сюр-Иль его нет! Я поражаюсь, почему вам еще позволяют выходить! Кладбищенский смотритель пренебрегает своими обязанностями! Наша молодежь здесь не интересуется трупами! Она хочет развлекаться! Попытайтесь усвоить это раз и навсегда!.. Имеющему уши!

Жоэль Балавэ, насмешник местный и бретонский».

Она перерыла все досье, но это мало на нее подействовало… Наконец она смягчилась… И захотела выйти… Мы повели ее в сад… Устроили между собой на скамейке… На сей раз, она говорила вполне разумно… Но продолжала настаивать, что «Верный», несмотря ни на что, можно еще починить… и он еще нам послужит… во время двух праздников в Провансе… Этого бы хватило, чтобы задобрить архитектора… Они получили бы новую отсрочку… и дом был бы спасен… надо действовать!.. еще ничего не потеряно!.. Она

оставалась при своем мнении… Она больше ничего не хотела понимать… Мы опять набили ей трубку… Куртиаль, сидя рядом, жевал табак. Он всегда жевал сигареты.

Прохожие оглядывались на нас… они были явно заинтригованы… особенно нашей милашкой… Похоже, она доверяла мне больше, чем своему мужу… Я же продолжал свои разглагольствования о трагических обстоятельствах… Я пытался объяснить ей, какие препятствия возникли на нашем пути… И как мы тщетно пытались их преодолеть. Она слушала меня в нерешительности, ей казалось, что я морочу ей голову… Она опять начала хныкать…

— Но у вас нет даже желания! Я прекрасно вижу это! Ни у того, ни у другого! Тогда я! Я сама возьмусь за это!.. Я сама поднимусь на шаре! Вы увидите, как я полечу! Я поднимусь на 1200 метров! Если им хочется чего-то необычного! На 1500 метров! На 2000! Все равно, на сколько! Как скажут! Я им покажу!..

— Ты ошибаешься, моя милая курочка, — прервал ее де Перейр… — Ты страшно ошибаешься!.. С такой оболочкой, как наша, ты не поднимешься и на двадцать метров!.. Даже на один! Ты упадешь в водосток! Да до этого и не дойдет! Они не при-

гласят тебя, несмотря ни на что! Даже капитан с его «Другом облаков» и его лошадью! Со всем его базаром и шумом! Этот Растони с дочерью! Вместе с трапецией и букетами… Даже они больше никому не нужны!.. Им везде отказывают! Везде одно и то же! Дело не в нас, Ирэн! Такое время!.. Это конец!.. И не только для «Верного»!..

Но напрасно он говорил, клялся и божился… она оставалась непоколебима… Она спорила все с большим упорством…

— Это вы! Вы сами позволяете себя победить! Мода на аэропланы? Она пройдет уже в следующем году!.. Вы ищете отговорок, потому что уже наделали в штаны!.. Так бы прямо и сказали! Вместо того, чтобы оправдываться! Если бы у вас хватило смелости… скажите это прямо… вместо того, чтобы вешать мне на уши лапшу… вы бы побольше работали!.. Это все болтовня! А как же быть с домом? Как мы его оплатим? Чем? И так уже три месяца просрочено! Плюс две кредитных отсрочки!.. Не при помощи ли твоей жалкой газетенки?.. Она наверняка приносит одни убытки!.. А повестки!.. Я в этом совершенно уверена… ты думаешь, я этого не знаю?.. Значит, ты все бросаешь? Это уже решено, не так ли? Свиное рыло!.. Ты уже навсегда распрощался со всем! Целый дом!..

18 лет экономии!.. Выкупленный по камешку… По сантиметру!.. Участок, который столько лет благоустраивался! Ты отдаешь все это в залог!.. Ты все бросаешь!.. Тебе на все наплевать!.. Тебя трясет со страха… — Она затрясла своей головой… — Дело не в шаре!.. Я знаю!.. Так что же? Кончить свою жизнь под мостом? Ты свободен!.. Свободен! Грязный идиот, скотина! Тебе даже не стыдно за свое поведение!.. Ты вернешься назад, гнусный бродяга, к таким же мошенникам!.. Туда, откуда я тебя вытащила!.. О! Да!.. А у меня, Фердинанд, вы знаете, была семья!.. Он исковеркал всю мою жизнь!.. Он испортил мой характер! Он разлучил меня с моими близкими! Вампир! Оборванец! А мое здоровье!.. Он сожрал меня, уничтожил!.. Чтобы закончить бесчестьем!.. Ну давайте! О! Мужчинам не привыкать! Это удивительно! Это не укладывается в голове! 18 лет экономии! Лишений… бедствий!.. все мои жертвы…

Де Перейр, услышав, с какой страстью его проклинают… потерял все свою наглость!.. Он уже больше не храбрился!.. Он тоже заплакал!.. Залился слезами… И бросился в ее объятия!.. Он вымаливал у нее прощение!.. Ее трубка упала!.. Они стали лихорадочно обниматься… На глазах у всех!.. И довольно долго… Но даже в его объ-

ятиях она не замолкала… И продолжала в том же духе…

— Я хочу починить его, Куртиаль! Я хочу его починить! Я чувствую, что я могу это сделать! Я уверена, что он еще выдержит! Я уверена в этом! Я готова поспорить!.. Посмотри на нашего «Архимеда». Он продержался сорок лет!.. Подумай, ведь он еще мог бы летать!..

— Но это ведь был только «привязной»… Послушай, моя душенька… Это совсем другое дело!..

— Я полечу сама!.. Я говорю тебе!.. Я полечу! Если вы не хотите!..

Она упорно стояла на своем… Она перебирала все возможные варианты… Любыми средствами она хотела выкарабкаться.

— Я хочу помочь тебе! Ты это хорошо знаешь, Куртиаль!..

— Ну да! Я хорошо это знаю, любовь моя!.. Дело не в этом!..

— Мне ничего не надо… Ты знаешь, что я не бездельница!.. Я готова даже пойти принимать роды, если это может нам помочь!.. Я бы взялась и за это… Если бы могла! О! Я бы не стала сидеть и ждать!.. Даже в Монтрту! Господи!.. Я готова даже прислуживать в Коломб, той, что забрала мой кабинет!.. Я готова на все!.. Только чтобы нас

не выселили!.. Ты видишь, какова я!.. Впрочем, я у всех спрашивала… Но у меня уже не те руки… И потом мое лицо!.. Это было бы ужасно! Я очень изменилась… Так все говорят… Мне нужно немного привести себя в порядок… Не знаю!.. Побриться!.. Я не хочу выщипывать волосы!..

Она опять подняла вуаль… Ну и видок! Вот так, среди бела дня… с засохшей пудрой! Румянами на скулах и фиолетовыми тенями на веках! И с пышными усами, даже небольшими бакенбардами! А брови еще гуще, чем у Куртиаля!.. Как у людоеда! Конечно, она пугала всех рожениц своей мохнатой физиономией! Ей нужно было основательно привести себя в порядок, изменить все лицо… Было, над чем поработать!..

Мы еще долго так сидели, рядом, в саду, рассказывая всевозможные истории, утешая друг друга… Незаметно опустилась ночь… Вдруг она опять разрыдалась и так сильно, что сильнее уже и нельзя было!.. Это была вершина отчаяния!..

— Фердинанд! — умоляла она меня… — По крайней мере, вы не уходите? Посмотрите! До чего мы дошли!.. Я знаю вас недолго! Но я уже убедилась, что вы рассудительны, мой малыш! А?.. К тому же все равно все уладится!.. Вы меня не переубедите!.. В общем, все это временно!..

Бывало и хуже, знаете! Так долго продолжаться не может!.. Надо только взяться за дело всем вместе!.. Дружно! Сначала я должна все посмотреть!.. Я хочу сама во всем убедиться!..

Она снова встала… И вернулась в лавку… Зажгла два подсвечника… Мы не вмешивались… пусть делает, что хочет… Она осмотрела вход в погреб… Спустилась… и осталась одна в подвале!.. Перерыла там весь хлам… развернула оболочку… вытащила все обрывки!.. прогнившие! изорванные в клочья!.. Я был в конторе совсем один, когда она наконец снова поднялась… Ей действительно было нечего сказать… Она как будто была полностью подавлена горем… Сидела в кресле, как парализованная, совершенно разбитая… ослабевшая… и обессилевшая… Ее шляпка болталась сзади… На старуху здорово подействовало то, что она увидела… Я думал, что она будет молчать… и ей больше нечего сказать… а она снова разволновалась!.. Она опять принялась за свое!.. Через каких-нибудь четверть часа!.. Но теперь она жаловалась… И говорила со мной совсем тихо… как во сне!..

— Конечно! Фердинанд!.. Я сама вижу… Да… Правда… Вы были правы! Конечно!.. Вы очень добры, Фердинанд, что не покидаете нас сейчас.

Нас, двух стариков… А? Вы не оставите нас?.. Так сразу? А? Фердинанд? Не торопитесь… Хотя бы еще несколько дней… несколько недель… Вы согласны, а?.. Нет? Скажите, Фердинанд?..

— Ну да, мадам!.. Конечно, да!..

* * *

К одиннадцати часам следующего дня, когда Куртиаль вернулся из Монтрту, он был еще сильно смущен…

— Ну что, Фердинанд? Ничего нового?..

— О! Нет! — ответил я… — Ничего особенного… — и спросил его в свою очередь: — Ну что? Все уладилось?..

— Уладилось что?.. — он прикидывался идиотом… — А! Вы имеете в виду вчерашнее? — он вытер с лица пот и перешел в наступление. — О! Послушайте меня, Фердинанд! Вы, следовательно, приняли эти сплетни за чистую монету, не так ли?.. Конечно, это моя жена!.. Я ее очень уважаю… Мы всегда с ней жили душа в душу… Ладно!.. Но все же следует признать очевидное… При всем благородстве ее натуры у нее есть масса недостатков!.. Она максималистка!.. И очень властолюбивая!.. Вы улавливаете, Фердинанд?.. Она просто одержимая!.. Это настоящий вулкан!.. Динамит!.. На любую неудачу она реагирует, как вихрь!.. Меня она иногда пугает!.. Она уехала!.. Я проснулся! И я не могу прийти в себя!.. Я за-

говариваюсь!.. Я не знаю, что предпринять!.. Я весь разваливаюсь! Все прошло!.. Все это так же быстро проходит, как гроза!.. И я говорю тебе, Фердинанд!.. За тридцать лет жизни… конечно, у нас было много сложностей… Но ни одного настоящего скандала!.. У всех пар бывают ссоры… Надо сказать, что сейчас у нас тяжелый период!.. Это действительно так… Но в конце концов было и другое… самое страшное позади!.. Это еще не конец!.. Нельзя даже вообразить нас полностью сломленными!.. Вышедшими в тираж! Изгнанными! Нищими!.. Ушедшими от дел! Это все плоды нездорового воображения… Я решительно протестую! Бедная моя душенька! Я бы меньше всего хотел, чтобы с ней произошло нечто подобное!.. Но все это вполне объяснимо!.. Сидя дома, она сама создает себе химеры! Целыми днями совсем одна!.. Она много думает!.. И это действует на нее… Ею начинают овладевать навязчивые идеи!.. Она чрезмерно возбуждается!.. Сама того не замечая!.. Она начинает видеть и слышать то, чего нет на самом деле!.. Впрочем, она стала подвержена фантазиям после своей операции!.. Чрезмерная возбудимость!.. Не больше… Иногда она немного бредит!.. О! Да! Несколько раз она даже удивляла меня… Настоящие галлюцинации…

Она так непосредственна… Вот как с этими ее жалобами!.. О! Ля! Ля! Ты сразу догадался, конечно?.. Ты моментально понял?.. Это даже не смешно!.. Это комично!.. Она все это и мне уже говорила!.. Вот почему я ничего не возразил!.. Я дал ей закончить!.. У меня ведь был не очень удивленный вид, а?.. Ты не обратил внимания? Я старался показать ей, что считаю ее нормальной… Так и надо себя вести! Не надо ее пугать! Не надо!..

— Да! Да! Я сразу понял…

— А! Ну так я и подумал!.. Фердинанд не поверил ей… он не так наивен в этом отношении!.. Он должен был догадаться… Главное, чтобы она не начала пить, несчастная любовь моя!.. Нет! Только не это!.. Она очень воздержанная женщина! Только табак… В определенном смысле ее можно даже назвать пуританкой!.. Это операция так подействовала на нее!.. О! Это была совсем другая женщина!.. О! Если бы ты видел ее тогда!.. Раньше!..

Он начал шарить под грудой бумажек…

— Я хотел показать тебе ее фотографию в молодости! Увеличенный снимок из Турина!.. Я наткнулся на него восемь дней назад… Ты бы просто не узнал ее!.. Ничего общего!.. Раньше, поверь мне, до того, как ее оперировали… Это

было настоящее чудо!.. Осанка!.. Румянец, как у розы!.. Воплощенная красота!.. А сколько шарма, мой друг!.. А голос!.. Драматическое сопрано!.. До скальпеля!.. Это невероятно! Теперь она просто неузнаваема! Это даже приносило некоторые неудобства… Особенно в путешествиях!.. И особенно в Испании и в Италии!.. Где все такие жеребцы!.. Я хорошо помню, я был в то время довольно мрачным и подозрительным… Я выходил из себя по пустякам… И сто раз был на миллиметр от дуэли!..

Он опять задумался… Я не прерывал его молчания… Потом он опять начал разглагольствовать…

— Послушай, Фердинанд! Это не главное!.. Поговорим теперь о серьезных вещах!.. Ходил ты к печатнику?.. А потом, слушай внимательно!.. Я пошарил на вилле… в секретере обнаружилось кое-что, что может нам помочь!.. Если приедет моя жена… и будет спрашивать… Ты ничего не видел!.. и ничего не знаешь!.. Это лишь небольшой подарок! Брелок и браслет… Но все из массивного золота!.. Абсолютно точно! Это проверено! 18 карат!.. Вот печать «Кредита»[121]… Можно

[121] Примечания: 121

«Кредит» — имеется в виду Муниципальный кредит, или попросту городской ломбард.

попытаться!.. Ты сходишь к Сорселле на улицу Гранж-Бательер… И поинтересуешься, сколько он за это даст? Мол, это для меня… Небольшая услуга!.. Ты же знаешь, где это?.. На пятом, лестница «А». Постарайся, чтобы тебя не видела консьержка!.. За сколько он их у меня купит?.. Это будет нам вроде аванса!.. Если он скажет «нет»… Ты сходишь к Ротембуру… улица Юшетт… Не показывай ему бумагу!.. А спроси, берет ли он? Просто так… И тогда уже приду я сам… Тот-то редкая гадина, настоящая сволочь!..

* * *

Комиссар из «Бонз-Анфан» со своими подлыми замашками оказался порядочной скотиной. В сущности, это из-за него на нас и подали в суд. Из-за него вмешалась и прокуратура… Конечно, все это продолжалось недолго… Но достаточно, чтобы мы успели обосраться… Полицейских был полон дом… Обыск по форме… Что они могли с нас взять?.. Они ушли недовольные… Не найдя достаточных оснований для обвинения… Мошенничество доказано не было… Они пытались нас запутать… Но у нас было алиби… Мы без труда оправдались. Куртиаль извлек из текстов только то, что говорило в нашу пользу… Последнее время они вызывали его в «Орфэвр»[122] каждый день… Судья заскучал уже через пять минут после того, как он начал оправдываться… и протестовать… В самом начале он сказал ему:

— Прежде чем вы начнете речь в свою защиту, верните мандаты… Возместите деньги своим подписчикам!.. Эта ваша история — пример

[122] Примечания: 122

«Орфэвр» — имеется в виду набережная Орфэвр, где находится полиция.

злоупотребления доверием, самое настоящее типичное мошенничество!..

Услышав подобные слова, старый хрыч подпрыгнул на месте… Он защищался до последнего, отчаянно, не отступая ни на шаг…

— Что отдать? Это какой-то злой рок! Меня раздирают на части просто ради удовольствия! Меня мучают! Изводят! Разоряют! Топчут ногами! Меня стараются унизить всеми возможными способами! А теперь? Что он еще хочет? Что от меня еще нужно? Выколотить из меня мои последние деньги?.. Какие-то несуществующие выкупы! Это просто немыслимо! Это настоящее осиное гнездо, честное слово! Клоака! Я больше в этом не сомневаюсь! Какое жуткое коварство! Тут и ангел бы стал сволочью от всего этого!.. А я совсем не так возвышен! Я защищаюсь, но все это вызывает у меня отвращение!.. Я заявляю об этом во всеуслышание!.. Я все сказал этой марионетке! Этой обезьяне! Прохвосту! Судейскому ублюдку! Вся моя жизнь, месье, отдана на служение науке! Истине! Разуму! Благодаря личной отваге!.. Я совершил 1287 полетов!.. Моя жизнь была полна риска! Беспощадной борьбы!.. Против трех стихий… А теперь эта сопливая компания? О! О! Невежество! Болтливое ничтожество!.. Да!.. За

просвещение! За мое воспитание семей! И должен кончить этим!.. Уф! Я затравлен сворами гиен!.. Я вынужден прибегать к унизительным уловкам!.. Фламмарион подтвердит все это! Он еще придет! «Замолчите-ка, де Перейр!.. — Как смеет прерывать меня этот негодяй, да еще так невежливо, эта жалкая сопливая сволочь!.. — Замолчите! Я достаточно вас слушал… Вы отвлеклись от нашей темы!.. Ваш конкурс на „Вечный двигатель“… у меня под рукой все доказательства — это лишь грандиозный обман… И это не в первый раз!.. Это лишь самый явный!.. Самый последний!.. Самый наглый из всех!.. Неплохо задумано, честное слово! Циничная ловушка для простаков! Вам грозит 222-я статья! Месье де Перейр!.. Ваши оправдания ничего не стоят!.. Вам лучше бы признаться… Перечитайте ваш проспект… Все ваши заметки!.. Феноменальная наглость!.. В этом конкурсе нет и намека на порядочность!.. Оправданий этому быть не может… Полная бесконтрольность!.. О! Вы умеете заметать следы!.. Пускать пыль в глаза!.. Вы заранее сознательно создали такие условия, которые делают опыт практически невозможным!.. Очень мило!.. Великолепно, замечательное мошенничество!.. Жульничество чистой воды!.. Грабеж среди бела

дня!.. Вы обыкновенный жулик, де Перейр, великий образцовый ученый! Вы живете только за счет обманутых энтузиастов! Бескорыстных исследователей!.. Вы нагло браконьерствуете в Заповеднике науки!.. Вы шакал, де Перейр! Отвратительная скотина! Вы прячетесь в тень! Непроходимые заросли! Любой свет обращает вас в бегство! Но я пролью его, де Перейр, на ваши гнусные дела! Вот этот опасный субъект! Омерзительный! Подлый выродок! Мутант! Я каждый день отправляю в Рюнжи[123] целые своры гадин куда более мелких!..»

«Но вечное движение — это гуманистический идеал! — возразил я этому скоту... — Еще Микеланджело! Аристотель... и Леонардо да Винчи!..»

«Как вы можете судить об этом? — немедленно ответил он мне... — Вы считаете себя вечным?.. Нужно быть им, слышите меня, чтобы оценить результаты вашего конкурса!.. Так! О! На этот раз я поймал вас... Не так ли?.. Вечность!.. Значит, вы вечны?.. Совсем просто!.. Ясно!.. Даже здравый смысл против вас!.. Вы задумали, устраивая этот конкурс, никогда не доводить его до конца!.. О! это именно так!.. Против этого нечего возразить!..

---

[123] Примечания: 123

...в Рюнжи — имеется в виду исправительный дом во Френ, который раньше назывался «Френ-Рюнжи».

грабить всех этих несчастных! Ну-ка, подпишитесь здесь, внизу!»

Он протянул мне свою ручку!.. Ах! сволочь! Это было верхом наглости! Я даже ахнуть не успел!.. А он уже подставил мне свою бумажонку!.. Нет, вы видели что-нибудь подобное?.. О? Меня как будто обосрали!.. Я, конечно, наотрез отказался… Конечно же, это была ловушка!.. Подлая засада! Я не постеснялся сказать ему об этом… Он не настаивал на своем!.. И я вышел с высоко поднятой головой!..

— Отложим до завтра, де Перейр!.. — сказал он мне в коридоре. — Вы ничего не теряете от ожидания!..

«Вы считаете себя вечным?» Нет, какой апломб! Какая фантастическая наглость!.. Дикари всегда считают себя очень хитрыми, потому что у них есть мускулы, немного шерсти[124] и огромная пасть… И это действительно так! Я знаю, что говорю! Это просто неслыханные слова!.. Нечто невообразимое! Черт побери! Какой перл! Но меня не так-то просто выбить из седла, сын мой! Тут потребуется нечто посерьезнее! Чем эти нелепые ловушки! Несчастные ублюдки!.. Их отвратитель-

[124] Примечания: 124

…немного шерсти — имеется в виду полоска меха горностая, которая украшает мантию судьи.

ная наглость укрепляет мою решимость! Я стою на своем! И пусть будет что будет! Пусть мне не дают пить! Есть! Лишат крова! Теплой постели! Пусть меня посадят в тюрьму! Пусть меня как угодно пытают! Мне совершенно все равно! Моя совесть чиста… И этого мне вполне достаточно! Это главное!.. Фердинанд! Это моя путеводная звезда!..

Я все это уже знал!.. Подобными фразами все уши мне прожужжал отец… Конечно, нельзя сказать, что в то время совесть как-то особо преследовалась!.. Но это было еще не прощение… В прокуратуре действительно прощупывали, не посадить ли его под замок… В то же время трюк с вечностью был все же довольно ловкий… Его можно было интерпретировать как угодно… отсрочкой мы воспользовались!.. Выстирали материю… эту старую рухлядь из подвала… И даже обрывки шара… Хозяйка специально приехала из Монтрту… Она хотела все взять в свои руки и управлять по своему усмотрению, особенно продажей этой рухляди… Того, что оставалось у нас от шара… Мы перетащили все на своем горбу и при помощи ручной тележки… Очень много

мы продали в Тампль… и даже в Карро[125]… нашлось немало любителей, которые весьма ценили механические обломки… В субботу на «Блошином рынке» мы продавали оптом целые кипы книг… и особенно остатки «Верного»… Инструменты… барометр и канаты… Этот хлам в несколько приемов превратился почти в четыре сотни монет… Все же это было приятно!.. Это позволило нам заплатить часть долга и немного смягчить печатника… И еще внести в «Кредит Бенуатон» половину платы за их хибару!

Но право на существование наших бедных голубей теперь было поставлено под сомнение… Их и так не очень-то кормили вот уже несколько месяцев… иногда только раз в два дня… но и это было очень недешево!.. Зерно всегда очень дорого, даже если его закупать оптом… Если их продать… Они бы наверняка прилетели назад, я-то это знал… Никогда бы они не привыкли к новым хозяевам… Это были славные маленькие твари, преданные и верные… совершенно домашние… Они ждали меня на чердаке… Стоило им услышать, как я двигаю лестницу… они начинали ворковать сильнее!.. Куртиаль уже поговаривал

[125] Примечания: 125

Карро — часть рынка Тампль в Париже, в 3-м округе, где собираются торговцы одеждой.

о том, чтобы сварить их в чугунной кастрюле… Он не хотел отдавать их, кому попало… Но даже убить их я предпочитал сам! Я думал о способе… если бы я был на их месте… Нож бы мне не подошел… нет!.. Я не хотел бы, чтобы меня задушили, выпотрошили… и разрезали на четыре части!.. Мне трудно было решиться!.. Я знал их слишком хорошо… Но отступать было нельзя… Нужно было действовать… Зерна не было уже четырнадцать дней… Итак, к четырем часам я поднялся… Они думали, что я принес жратву… Они полностью мне доверяли… и очень мелодично ворковали… Я сказал им: «Давайте! Собирайтесь, воркуны! Ярмарка продолжается! Мы поедем в машине!..» Они прекрасно понимали, что я говорю… Я широко распахнул дверцу их великолепной корзины из индейского тростника… Они бросились сразу все… Я тщательно закрыл задвижку… Через ручки пропустил веревки… И завязал их поперек и вдоль… Таким образом, все было готово… Сначала я оставил их в коридоре. И ненадолго спустился вниз. Я ничего не сказал Куртиалю… Я ждал, пока он пойдет выпить… Мне пришлось ждать до обеда… Виолетта застала меня на обычном месте… Я сказал ей: «Зайди-ка попозже, милашка… Сейчас я ухожу!..» Но она не ушла и начала артачиться…

— Я хочу тебе что-то сказать, Фердинанд! — твердила она…

— Уходи! — повторил я…

Наконец я поднялся к моим тварям… Я спустил их с чердака. Я поставил корзину на голову… и шел, балансируя. Я отправился на улицу Монпасье… Пересек площадь Карусель… Дойдя до набережной Вольтер, я огляделся по сторонам… Вокруг никого не было… На берегу внизу, на ступенях… я нашел огромный булыжник… Я привязал его к моему свертку… И еще раз огляделся вокруг… Я поднял этот сверток двумя руками и бросил его в воду… Так далеко, как только мог… Шуму было немного… Я сделал это чисто автоматически…

На следующее утро я сам рассказал обо всем Куртиалю… Я не вилял… Не ходил вокруг да около… Ему нечего было ответить… Этой милашке, впрочем, тоже, а она как раз была в магазине… По моему лицу они прекрасно видели, что сейчас меня лучше не злить.

* * *

Если бы мы уехали, нас, наверное, оставили бы в покое!.. Мы даже обошлись бы без посторонней помощи!.. Надо сказать, что «Самородок» неплохо вел полемику… Это всегда была газета с твердой позицией… Многие до сих пор вспоминают, какая это была интересная газета! Живая!.. От начала до конца! Всегда в курсе всех находок и забот изобретателей!

Кроме шуток… Никто никогда ее так и не заменил… Но страсть Куртиаля к бегам окончательно выбивала у нас почву из-под ног… Я не сомневался, что он снова начнет играть… Напрасно он отрицал это… Я видел, как от наших подписчиков пришло три пятифранковых мандата! И оп-ля! Если бы я не принял мер предосторожности и сразу же не спрятал их, они мгновенно исчезли бы! Промелькнули бы, как молния! Он был настоящий фокусник!.. Еще бы, если все время тратить, ни один банк не устоит! Будь это даже банк Перу!.. Где же он все-таки тратил наши денежки?.. Он уже не ходил в «Смуту»… Наверное, он сменил «бука»? Я сказал себе: «Я все равно узнаю где!..» И

тут вдруг опять возобновились преследования!.. Все началось сначала… Его снова вызывали в префектуру!.. Этот легавый из «Бонз-Анфан» не хотел бросать свою кость! Он перешел в атаку! Он впился в нас мертвой хваткой! И явно собирался нас уничтожить!.. Он обнаружил новые жертвы… небезызвестного конкурса. Он не поленился для этого пошарить в меблирашках Гобелен… Он всячески настраивал их против нас! Будоражил! Заставлял писать новые жалобы!.. Так дальше жить было нельзя!.. Нужно было принимать срочные меры!.. Как-то попытаться избавиться от него!.. Мы все обдумали… и пришли к выводу: для разрешения конфликта… необходимо… это самое главное!.. разделить всех зануд на две группы!.. С одной стороны… те, что участвовали чисто формально!.. меланхолики, неудачники!.. С этими ублюдками все было очень просто — им можно не возвращать ничего!.. А с другой стороны, те, что шумели и не прекращали вонь… Они были опасны… Их нужно было задобрить и успокоить как можно скорее!.. Побеседовать, бросить им кусок!.. Конечно, всего не возвращать!.. Это было просто невозможно!.. Да и зачем!.. Но все же сунуть им «премию»… например, одну или две пятифранковых бумажки… Таким образом,

они потеряют не все!.. И может быть, они оценят благосклонность к ним Фортуны?.. Когда зашла речь о том, кто будет вести эти милые беседы, Куртиаль сразу побледнел… И как-то весь сник… Он не мог идти сам… Это было просто немыслимо!.. Его выворачивало от одной мысли, что он станет унижаться… А как же его авторитет?.. Это роняло его достоинство в глазах изобретателей… Скорее всего, я должен был отправиться к ним с доброй вестью!.. У меня никакого авторитета не было, и самолюбие мое не должно было пострадать… Но мне это тоже очень мало улыбалось! Я заранее чувствовал отвращение! Я бы, конечно, отказался, но это был бы окончательный крах!.. Если бы все опустили руки, газета прекратила бы свое существование!.. Все покатилось бы к чертям!.. А потом разорение!.. Воистину нужно было оказаться в безвыходном положении, чтобы я взял на себя такую гнусную работу…

В конце концов, я сосредоточился и был готов ко всему. Я несколько раз повторил про себя все… все, что я должен был говорить… все эти бредни… О причинах неудачи… начиная с предварительных испытаний!.. Всему виной были очень серьезные разногласия между учеными по организационным вопросам, противоречий

оказалось слишком много… Но все опять будет организовано в следующем году… Наконец, все это не так просто! В этом месте я предвкушал драку! Держись, малыш!.. Сначала я должен был вернуть им все их планы, модели, чертежи и прочую чепуху!.. а также извиниться…

Я начинал издалека… интересовался, не получили ли еще они наше письмо?.. Предупреждающее о моем визите?.. Нет?.. Они даже немного подпрыгивали от нетерпения… Предвкушая свою победу!.. Если они в момент моего появления жрали, меня приглашали к столу! Если они были вместе с семьей, моя миссия перед таким количеством людей становилась делом крайне деликатным!.. Я старался быть как можно более тактичным! Они все витали в облаках!.. Это было неприятно… Но приходилось их разубеждать… Ради этого, собственно, я и приходил… Я пытался объяснить происшедшее неоднозначно!.. Когда, наконец, до них начинало доходить, аппетит у них пропадал… Они выпрямлялись и сидели, как загипнотизированные, с тупо застывшим взглядом… Я следил за ножами… В тарелках начиналась буря!.. Я прижимался спиной к стене!.. Готовясь к возможному нападению!.. И продолжал излагать свои доводы… При первом хоть

немного подозрительном движении я сам поднимал шум!.. Нацелившись придурку прямо в башку… Тем не менее в большинстве случаев мое решительное поведение меня спасало… Заставляя любителей острых ощущений задуматься… В общем, как правило, это кончалось не так уж плохо… слюнявыми поздравлениями… и хором пьяных отрыжек и вздохов… особенно если я доставлял эти два пятифранковика!.. Но однажды, несмотря на все предосторожности и приобретенный мною опыт, мне пришлось очень туго… Это было, как помню, на улице Шарон, в доме 72, существующем до сих пор… Этот тип был слесарем, он мастерил в своей комнате… Не на третьем, а на четвертом этаже… Знакомство с ним мне дорого обошлось… Главным его занятием было изготовление отмычек для взломщиков… Он предложил на конкурс вечных двигателей мельницу наподобие динамо с включением «фарадеевских переменных»… Таким образом, он накапливал энергию грозы… Это не должно было прекращаться… от одной грозы до другой…

Итак, я вошел, поискал хозяина внизу и спросил, где его найти… «Он на четвертом!..» Я поднялся и постучал… Я уже взмок. Мне все это порядком надоело… И я сразу ему все и выпалил! Этот тип

даже не ответил… Я не сразу его рассмотрел… Это был настоящий атлет!.. Не успел я закончить свою речь… Как он, не проронив ни слова!.. «Бум!» Ударил меня!.. Скотина!.. Я врезался в буфет!.. Отлетел в сторону… и упал навзничь… он был страшнее разъяренного быка!.. Я выскочил… пересчитав ступени с четвертого этажа… Меня подобрали на тротуаре… На мне места живого не было… Я был весь в крови… Меня отвезли на извозчике! Воспользовавшись тем, что я был без сознания, меня обчистили… Исчезли даже два пятифранковика!..

После этой стычки я стал гораздо осторожнее… Я старался входить в комнату не сразу… А вступать в переговоры на нейтральной территории… Для запросов из провинции у нас была другая системы… Мы утверждали, что денежки высланы в письме… что они не опоздают… просто ошиблись адресом… департаментом… именем… еще чем-нибудь!.. в суете конкурса… В конце концов, им надоедало переписываться с нами… Можно было разориться на почтовых марках…

С теми, кто был вне себя от ярости, все было предельно просто… Нужно было успеть перепрыгнуть через балюстраду до того, как они успеют выпустить вам кишки!.. Но с кроткими,

затравленными, застенчивыми, теми, что сразу же начинают думать о самоубийстве… с ними было гораздо сложнее!.. Крушение иллюзий оказывалось для них слишком тяжелым ударом!.. Они не могли вынести такого горя!.. Они тыкались носом в тарелку и начинали жалобно блеять… Они ничего не хотели слушать… Их глаза проваливались, на лбу выступала испарина… Лицо дрожало… Смотреть на это было невыносимо… Это были чокнутые… Попадались и такие, для которых это означало конец… Они садились, снова вставали… вытирали лицо… они не верили собственным ушам, что их машина плохо функционирует… Им нужно было тихонько повторять это и сунуть их чертежи в руки… Горе переполняло их! Они не хотели больше жить!.. дышать!.. Они буквально разваливались на части!..

Мне надоедало все больше то, что я должен был постоянно сюсюкать с ними. Я усвоил множество утешительных фраз… «Profundis» Надежды!.. В результате моих визитов я иногда приобретал знакомых… Я налаживал связи… в районе Сен-Мар образовалась уже целая группа… страстно заинтересовавшихся нашими исследованиями… и оценивших мои усилия… От Порт Вильмонбль до Винсенн таких было очень много!.. тонких

знатоков магических планов и совсем не злопамятных… И в западном пригороде тоже… В дрожащей от ветра палатке сразу за Порт Клиньянкур, где сейчас живут португальцы, я познакомился с двумя изобретателями, соорудившими из волос, спичек и трех скрипичных струн на эластичной основе маленькую самокомпенсирующуюся систему, которая, кажется, действительно работала!.. На гигрометрической энергии!.. Все держалось на наперстке!.. Это был единственный настоящий «вечный двигатель», который я видел в действии.

Женщины среди изобретателей встречались редко… И тем не менее с одной я познакомился… Она работала счетоводом на железной дороге. На досуге она расщепляла воду Сены при помощи английской булавки. Она носила пневматический аппарат и катушку Румкорфа[126] в рыбачьем сачке. А кроме этого, карманный фонарик и пикриновый элемент. Она пополняла запасы горючего прямо из реки… Она производила свои опыты на уровне моста Мари, вверх по течению

[126] Примечания: 126

Катушка Румкорфа — возможно, она существовала, но в энциклопедиях того времени не упоминается.

от «места для стирки»[127]... Ее интересовал гидролиз!.. Она была недурна... Правда, у нее был тик, и она немного косила... Я сказал ей, что я из газеты... Она сперва, как и другие, конечно, подумала, что ей достался крупный выигрыш, и настояла, чтобы я остался... Она хотела подарить мне розы!.. Напрасно я старался что-то объяснить ей... Она ничего не понимала... Ей захотелось сфотографировать меня!.. У нее был аппарат, действовавший только на инфракрасном излучении... Поэтому ей пришлось закрыть окна... Я приходил к ней еще раза два... Она находила меня чертовски красивым... И хотела, чтобы я сейчас же на ней женился. Она еще долго писала мне, присылая заказные письма... Ее звали мадемуазель Ламбрисс... Жюльетта...

Я взял у нее однажды сто франков... и потом еще пятьдесят... Но подобное случалось крайне редко!..

---

[127] Примечания: 127

«Место для стирки» — Золя описывает это место в своем романе «Ругон-Маккары»: «...но особенно грязной была глубокая яма, где Сена делала изгиб от черных свай моста Мари до легких арок нового моста Луи-Филиппа. Вода казалась густой и неподвижной...»

* * *

Жан Марэн Куртиаль де Перейр больше не хорохорился… Он сильно помрачнел… Он опасался безумцев с конкурса… от которых получал анонимные письма, отнюдь не в стихах!.. Самые злобные и упрямые угрожали прийти… и основательно проучить его!.. раз и навсегда!.. чтобы он никогда не смог больше никого обмануть!.. Страшная месть… Под редингот, поверх фланелевого жилета он надел кольчугу из закаленного алюминия… Еще один патент «Самородка», завалявшийся у нас: «Суперпрочный и легкий». Но чтобы его успокоить, этого было явно недостаточно… Стоило ему заметить вдалеке какого-нибудь бродягу с мрачным лицом… имевшего не особенно довольный вид… который шел в нашем направлении, что-то бормоча, он сразу же сматывался в подвал!.. Не дожидаясь развязки…

— Открой мне люк, Фердинанд! Давай, быстрее! Вот и еще один! Это точно!.. Скажи, что я уехал! Еще позавчера! И больше не вернусь!.. В Канаду! Я останусь там на все лето! Я там охочусь на ласку! На соболя! На сокола! Скажи, что я не хочу его

видеть. Даже за все золото Трансвааля! Вот! Пусть он убирается!.. Испарится!.. Исчезнет!.. Всыпь ему как следует! Этой сволочи! Чтобы его разорвало!.. Господи Боже мой!..

Плотно закрывшись в подвале, он немного успокаивался. Теперь там было пусто, оттуда убрали остатки воздушного шара и инструментов… Он мог свободно разгуливать… Вдоль и поперек, как угодно!.. Места было достаточно… Он мог опять заняться гимнастикой!.. Кроме того, в углу между шкафами и ящиками он соорудил себе неприступный «бункер», чтобы в случае нападения… его не смогли обнаружить… Он сидел там часами… По крайней мере, мне он больше не надоедал… Меня вполне устраивало, что он туда исчезал… Мне хватало его толстухи, которая уже не выходила из конторы… Теперь мне надоедала она… Она хотела организовать все по своему усмотрению… и газету и подписчиков…

В два часа дня она приезжала из Монтрту… Вся разряженная в пух и прах, в шляпе с гортензиями, с вуалью, зонтиком и трубкой в зубах! Тут было не до смеха! Она ждала посетителей… Когда те приходили и натыкались на нее… Это было для них настоящим потрясением…

— Садитесь! — говорила она… — Я мадам де

Перейр! Я в курсе всех ваших проблем! Можете ничего мне не объяснять! Ну говорите же! Я вас слушаю! Да покороче! У меня нет ни секунды лишней! Меня ждут на испытаниях…

Такова была ее тактика… Почти все пугались… Грубые интонации, мощный голос! Хриплый и замогильный, перекричать который было нелегко… после минутной заминки… Они задерживались перед мамулей… Она слегка приподнимала вуаль… Они замечали усы, живописную физиономию, глаза одалиски… Она хмурила брови и спрашивала: «Ну что, это все?..» Они трусливо ретировались… пятясь задом… и быстренько смывались!.. «Я скоро вернусь, мадам!.. Я скоро вернусь!..»

Однажды днем во время подобной аудиенции… Она допивала свой кофе… было около четырех часов… Она ела совсем немного… такова была ее диета… на самом донышке… Я помню даже день, это был четверг… Было очень жарко… Аудиенция подходила к концу… Мадам уже решительно избавилась от целой банды раздолбаев, верзил с конкурса… Попрошаек, спорщиков, косноязычных… Жалких и смешных… И тут вошел кюре… Одно это нас уже поразило… Мы были знакомы с некоторыми из них… Все они были очень

преданными подписчиками… и любезными корреспондентами…

«Присаживайтесь, месье кюре…» Она сразу же изменила свой тон. Он завладел большим креслом… Я внимательно рассмотрел его, раньше этого мужика я никогда не видел… Он, несомненно, был новичок. На первый взгляд он казался достаточно разумным… Даже можно сказать, осторожным… Совершенно спокойным… Хорошо воспитанным… у него с собой был зонтик… Хотя погода стояла прекрасная… Он поставил его в угол… и, покашливая, сел… Он был скорее полным… но в пределах нормы… Мы-то привыкли к настоящим оригиналам… Почти у всех наших подписчиков были тики, гримасы… Этот же казался очень смирным… Но вот он открыл свой рот и заговорил… Тут я вдруг начал догадываться… Что это за фрукт!.. Он специально пришел поговорить с нами о конкурсе… Он читал наш «Самородок», не пропуская ни одного номера… Вот уже несколько лет… «Я много путешествую! Очень много!..» он говорил бессвязно… Смысл его слов было трудно уловить… какие-то куски искаженных фраз… с витиеватыми оборотами… сплошные обрывки… Наконец мы все же поняли, что ему не нравился наш «Вечный двигатель»!..

Он не желал даже говорить об этом! О! нет! Это его выводило из себя!.. Он думал совсем о другом!.. И был полностью этим поглощен!.. Мы должны были поддержать его!.. Либо мы беремся, либо нет!.. Или же мы против него!.. Он нас сразу же предупредил! Обо всех возможных последствиях! И никакого вечного двигателя! Это же несерьезно! Пустая болтовня!.. Ерунда!.. Его же замысел — это совсем другое дело!.. Наконец мы начали понимать, о чем он говорит… из всей этой болтовни… путаницы… переливания из пустого в порожнее… Речь шла о подводных сокровищах! Благородная идея!.. Систематическое обнаружение судов, потерпевших крушение!.. Всех кораблей «Армады», затонувших в океанах с начала нашей эры!.. Все, что блестит… все, что устилало и устилает дно морей! Вот! Вот что было целью его жизни! Его предложением!.. Вот о чем он пришел говорить с нами!.. Он хотел, чтобы мы взялись за это… не теряя ни минуты!.. организовали конкурс! всемирное соревнование… На самый лучший способ! Самый надежный! И эффективный!.. Обнаружение сокровищ… Он предлагал нам все свои средства, все свое состояние, он ставил на карту все… Это должно было служить надежной гарантией, чтобы покрыть все первоначальные

расходы… Конечно, мадам и я были настороже… Но он продолжал настаивать на своем… Расфантазировавшийся кюре предлагал «Глубоководный батискаф», который достигал бы больших глубин! пример 1800 метров!.. И был способен проникать в ямы… доставать различные предметы… разрывать железо… специальным «отсасыванием» вскрывать сейфы… Он без труда представлял себе все это… А мы при помощи газеты должны были привлечь конкурсантов… Такова была наша задача!.. Действовать надо было решительно! Он буквально весь дрожал от нетерпения, так ему хотелось быстрее приступить к испытаниям!.. Не выслушав даже ни одного возражения… или сомнения!.. Плюх! Прямо так, на стол… Он выложил пачку банкнот… Там было шесть тысяч франков!.. Не успел он и глазом моргнуть!.. Как они уже были у меня в бумажнике… Мамуля Куртиаль даже присвистнула!.. Надо было ковать железо, пока горячо!.. Я взялся за дело немедленно.

— Месье кюре, прошу вас, подождите! Одну секунду… Секундочку! Я схожу за Директором… Я приведу его через минуту!..

Я спрыгнул в подвал… И крикнул старикану… Я услышал его храп! Я наткнулся прямо на его убежище… И начал его трясти… Он завопил! Он

решил, что пришли его арестовать… Он сильно заикался… И дрожал всем телом…

— Пошли! — сказал я ему. — На воздух! Не время для обмороков!

У подвального окна при дневном свете я показал ему деньги… Он сразу же лишился дара речи! Черт побери!.. В двух словах я объяснил ему, в чем дело… Он еще раз взглянул на деньги… Посмотрел их на свет… Каждую банкноту… И быстро пришел в себя! Он отряхнулся, продолжая обнюхивать бумажки… Я почистил его! Стряхнул с него солому… Он расправил свои усищи… Приободрился! и поднялся наверх… Он предстал в блестящей форме… У него в уме была готова речь… слюнявая… и напыщенная!.. Он сразу же поразил кюре своей осведомленностью в вопросе подводных погружений! Знанием истории, начиная с Людовика XIII до наших дней! Дат, имен наших предшественников и мучеников!.. А также библиографических источников… и исследований в области Искусств и Ремесел!.. Это была настоящая феерия… Кюре был крайне удивлен. Он так и подпрыгивал на кресле от радости и удовольствия… Это было именно то, что ему нужно!.. Тогда он, вне себя от счастья, предложил нам еще, независимо от своего преды-

дущего дара… Мы у него даже ничего не просили! Он пообещал нам еще двести сотен! ни больше, ни меньше! Он хотел оплатить все расходы по проведению конкурса! Он не хотел мелочиться и заниматься предварительными подсчетами!.. Составлять смету!.. Без лишней волокиты, без жульничества!.. Мы все подписали… обо всем договорились!.. Тогда, совсем подружившись с нами, он достал из своей сутаны огромную подводную карту… Чтобы мы сразу же могли посмотреть, где находятся все сокровища!.. Где скрываются все эти феноменальные богатства!.. Уже больше двадцати веков…

Мы закрыли дом… Разложили пергамент между стульями и столом… Это дивное произведение называлось «Карта сокровищ»… От одного взгляда на нее действительно начинала кружиться голова… Особенно, если принять во внимание момент, когда явился этот Спаситель!.. в такое трудное для нас время! Он не шутил с нами, этот кюре!.. на карте действительно были обозначены все деньги, скрытые под водой… Отрицать это было невозможно! И даже около берегов… с обозначением долготы… Можно было хорошо себе представить, что если найти батискаф, спускающийся хотя бы на шестьсот метров, то дело будет

в шляпе! Мы были уверены в этом, как и наш Предтеча… Мы собирались забрать все сокровища «Армады»!.. Надо было только нагнуться, чтобы подобрать их… На сей раз сомневаться не приходилось… Всего в трех морских милях от Лиссабона за устьем Таж… находились колоссальные залежи!.. Удобнее всего было начать именно оттуда!.. А если бы мы дерзнули и нашли хоть какую-то технику… Тогда дело можно было бы поставить на широкую ногу!.. Мы смело могли рассчитывать извлечь сокровища «Саар Озимпут»[128], поглощенные Персидским заливом за две тысячи лет до Рождества Христова. Россыпи уникальных драгоценных камней! Украшения! Великолепные изумруды!.. не меньше, чем миллиарды, одним словом… Точное место этого кораблекрушения на карте у кюре было отмечено очень отчетливо… В течение веков уже сотни раз производились зондирования, и расположение было установлено точно… Ошибка исключена!.. Оставалось только решить проблему горелок… «кислородных резаков»… И самое главное, при подъеме сокровищ «Саара» исключить возмож-

[128] Примечания: 128

«Саар Озимпут» — ни в энциклопедиях, ни в изданиях, где приводятся списки затонувших кораблей, не упоминаются «Саар Озипмут» и «Черный чужестранец».

ность малейшего риска… Мы размышляли над этим целый день… А тут еще «неожиданные» нюансы в персидском законодательстве заставили нас на мгновение содрогнуться… Но у нас были и другие возможные цели, расположенные прямо под носом, привлекательные и легко доступные… в самых безопасных морях!.. совершенно свободных от акул! Нужно было тщательно обдумать погружение! Во избежание трагедий…

Все моря земного шара буквально завалены нетронутыми сокровищами и галеонами, забитыми бриллиантами до отказа… На карте немного проливов, бухточек, заливов или устьев, которые не укрывали бы какую-нибудь соблазнительную добычу!.. которую совсем не сложно доставить с нескольких сотен метров глубины!.. Все сокровища Голконды! Галеры! Фрегаты! Каравеллы! которые трещат от рубинов и алмазов! от дублонов с тройным изображением… а берега Мексики в этом отношении казались положительно неприличными!.. Конкистадоры буквально засыпали их золотыми слитками и драгоценными камнями… Если уж на то пошло, то реально было начинать с 1200 метров… бриллиантов тут было, что песка!.. Например, хотя бы в районе Азорских островов… затонувший в прошлом веке «Черный

чужестранец» со смешанным грузом из Трансвааля вез больше, чем на миллиард… только он один (по подсчетам самых осторожных экспертов…). Он находился на скалах на глубине в 1382 метра… и уже сгнил от времени… Оставалось лишь обыскать все вокруг!..

Наш кюре знал и другие места, потрясающий выбор… Все затонувшие корабли, которые можно было поднять… все, что без труда можно было опустошить… Несколько сотен, честное слово… Он испещрил всю свою карту… обозначая их местонахождение… Здесь были указаны наиболее важные места… с точностью до десятой доли миллиметра… они были отмечены черным, зеленым или красным цветом, в зависимости от важности сокровищ… Такие маленькие крестики…

Остальное было только делом техники! хитрости! и находчивости!.. Мы должны были показать все, на что способны!.. Но за этим дело не станет, черт побери!.. Де Перейр, прямо так, в лихорадке, чтобы не расхолаживаться, схватил свое перо, стопку бумаги, линейку, резинку, бювар и тут же составил, аккомпанируя себе вслух, настоящую прокламацию!.. Это было трогательно!.. Искренне!.. В то же время серьезно и откровенно!.. Вот как он работал!.. Он изложил всю проблему до

малейших деталей!.. Меньше чем за пять минут! На него снизошло вдохновение! Это была первоклассная работа! «Не нужно ничего откладывать на завтра! Надо, чтобы эта статья появилась сразу же… Это будет специальный номер!» Таково было его распоряжение… Кюре был счастлив!.. Он сиял… Он уже совсем не мог говорить…

Я выбежал на улицу Рамбюто… И унес все деньги с собой… Толстухе я оставил всего 50 франков… Черт побери!.. У меня было достаточно дел!.. Если бы я их оставил в кассе, я бы никогда их больше не увидел… Старик уже положил на них глаз!.. Он должен был рассчитаться с Намедни… Наверняка он уже сделал ставку!.. Это было сильнее его… Поэтому предпочтительнее было, чтобы хранителем этих сокровищ стал я… Меньше риска!.. Тратить будем понемногу… и обойдемся без скачек… Я был в этом уверен!.. Я сам буду контролировать расходы… В первую очередь — Тапонье! «Специальный номер»!.. Печатник чуть не умер от удивления… Когда он увидел мои деньги, он не поверил своим глазам… Тем не менее он успел их хорошо рассмотреть! И вблизи! и на свет!.. наличные!.. Он был просто оглушен!.. Он даже не знал, что мне сказать… Я отдал ему шестьсот франков в счет старых долгов и еще плюс двести

за номер и за конкурс!.. Тут он зашевелился… Два дня спустя мы получили все экземпляры… Запечатанные, заклеенные, все как положено!.. Я отвез их на ручной тележке на ближайшую почту вместе с Куртиалем и мадам!..

Когда кюре уходил, мы попросили написать его адрес, имя, улицу и пр…но он наотрез отказался!.. Он хотел остаться анонимным!.. Это нас заинтриговало… Конечно, он был странный (но не более, чем все остальные)… Это был плотный человек с чистым, бритым и добрым лицом, примерно того же возраста, что и Куртиаль… но совершенно лысый… Он то и дело разражался блеяньем в приступах энтузиазма!.. Он так тряс-ся, что никак не мог усидеть на своем стуле!.. Он был оптимистом… Безусловно, со странностями… Но в конце концов он доказал, что у него много денег!.. Это был настоящий вкладчик!.. Первый, которого мы видели в своей жизни… Ему можно было простить все его причуды…

Возвращаясь домой с почтамта, мы проходили с тележкой прямо перед дежурной частью на улице Бонз-Анфан… Я сказал старику: «Подождите минутку!.. Я хочу им кое-что сообщить!.. О том, что у нас все в порядке!» Мне взбрело в голову пойти и выложить им, что у нас полно денег!.. Я

толкнул дверь и заскочил внутрь… Эти легавые сразу же узнали меня…

— Ну что, ублюдок? — спросил меня тот, что за пультом… — Чего ты приперся?.. За решетку захотел?..

— Нет, — сказал я ему… — Нет, месье!.. Тюрьма не для меня! Я просто проходил мимо и решил показать вам звонкую монету… — Я вытащил свои банкноты… И стал размахивать ими у них перед носом… — Вот, смотрите… И не украденные… Я просто пришел вас предупредить, что это еще для одного конкурса… «Глубоководный батискаф»!..

— Глубоководный! Глубоководный!.. — передразнили они меня… — Посмотрим, как ты полезешь в воду!.. Да ты издеваешься над нами, честное слово! Грязный маленький сопливый ублюдок!..

Я поспешно выскочил… Мне не хотелось нарываться на скандал… На улице мы посмеялись между собой!.. И пустились в галоп с ручной тележкой… Мы бежали до улицы Божоле!..

* * *

Конечно, подобный конкурс был для нас настоящей находкой… Он должен был привлечь к нам целые толпы… Наша организация брала себе 16 из 100 того, что будет поднято на поверхность!.. Это было нормально! Даже только от одной «Армады» нам полагалось по самым грубым подсчетам примерно три миллиона… Этого было вполне достаточно!..

Надо сказать, что толстуха не считала, что дело уже в шляпе… Она все время принюхивалась… И не очень доверяла этой затее… Тем не менее вмешиваться она не осмеливалась… В общем, это было настоящее чудо!.. Она старалась держаться в стороне… Ее волновали только купюры…

А старик Куртиаль всем сердцем отдавался свалившейся на него радости!.. Он вкладывал в это дело всю душу… Ему уже мерещились пригоршни изумрудов и бриллианты, кучей сваленные на песчаном берегу… Горки золотого песка, слитки… Все сокровища инков, собранные на галеры… «Мы опустошители пучин!» — вопил он на весь дом… прыгая… и резвясь среди бумаг… А потом

вдруг застывал на месте, хлопнув себя по башке… «Минутку! Моя цыпочка! Все это еще не распределено!..» И снова начинал чертить красными чернилами в четырех столбцах!.. Во всем, что касалось разделения, он был строг!.. И ужасно щепетилен!.. Он предвидел все возможные осложнения… Шутки в сторону! Он был крайне внимателен, составляя протокол!

— О! Я вижу, что ты думаешь, моя толстушка, ты их еще не знаешь!.. Ты не знаешь, на что они способны?.. Я-то имею с ними дело каждый день и знаю, что у них в голове… Я видел этих «меценатов»… и изобретателей… Я вижу их уже сорок лет!.. Теперь я между двух огней!.. О! Я должен прямо сказать!.. О! Я не хочу, чтобы меня сожрали! согнули в бараний рог! застали врасплох!.. Теперь, когда все только начинается!.. Именно сейчас! О! Только не это! О! Нет! Боже мой!.. Черт возьми! Перо — в руку, Фердинанд! Быстро! А в другую — петлю! И на колени — карабин! Да, вот вам Куртиаль!.. Он весь в этом!.. Справедливость! Уважение! Находчивость!.. Я видел, что они вытворяют, эти изобретатели! Вам я могу об этом сказать… Чудеса в решете! Вы не поверите! И так было на протяжении всей моей долгой жизни! Я-то это знаю! И совершенно точно! Творить ради

славы! Хуже, чем ничего не делать!.. Гений лучше умрет!.. Вот истинная правда! Он не продается! Он — «Gratis pro Deo». Это слишком дешево для него… Но если вы такой добрый! У вас ротик сердечком! И в приливе благородства вы преподносите подарок! О! Ну да! Вы, конечно, поверили, моя милая душечка, в эту идиллию! Вы просто одобряете исследователя!.. Перевязываете раны мученика… Вы приходите совсем невинный с маленькой сардинкой… и мученик подпрыгивает на двадцать метров! Это оскорбление!.. Все не так! Все не так! Все перевернулось! Все рушится! Молния! И ад приоткрывается!.. Ясновидец становится шакалом! Вампиром! Кровопийцей! Это бойня?! Резня! Жестокое надувательство! Все подстроено, чтобы выудить у вас купюры!.. Вас распинают! Позорят! Пощады нет! Душа гибнет. Это золото, мой друг! Это золото!.. Тут нужно быть очень внимательным! Все хорошо! Все хорошо, приятель! Рыться в пучине? Но за сто паршивых монет, я хорошо знаю этих субчиков! Они способны перевернуть карту мира!.. О! да! Что есть, то есть! Я не преувеличиваю! Поэтому я и сижу здесь!.. К нашим бумагам! К нашим бумагам! Фердинанд! Внимание к мелочам! Безупречные рукописи! Оформленные! Подписанные! До-

ставленные до полудня! К мэтру Ван Кроку на улицу Блан-Манто! Великолепное сочинение! В трех экземплярах… Сперва наша часть! Причем выделенная крупными буквами! Возможность разногласий полностью исключается! Олеография! Без сомнительных аргументов! Коварных умствований! О! Никогда! О! Кюре-благодетель! У тебя скоро будет, в чем погрузиться на дно! О! Святая простота, он даже не представляет себе!.. Батискаф!.. Не пройдет и месяца, как мне будут приносить их по три, четыре в день! Да что там!.. По дюжине! Какие душе угодно!.. 600 метров?.. 1200?.. 1800? Но не будем торопиться!.. Поднимать шум… Предвосхищать события… Подождем!.. Нужно сохранять хладнокровие!.. Чтобы не попасть потом в жуткое положение!.. Дождемся дня испытаний, да!.. Но я уже написал, если мне не изменяет память, несколько статей на эту тему… О! Конечно! Я мог бы даже вспомнить точные даты… Мы еще не были тогда женаты!.. Это было около 84-го или 86-го… Как раз перед конгрессом в Амстердаме… Во время выставки подводных лодок… Я смогу, быть может, внести в это дело свою лепту… Они, конечно же, где-то здесь… Я все тогда объяснил… Это было в «Приложении»… Стой! Я вспомнил! В «Мире наизнанку»… Я так

и вижу его, этот!.. Он буквально стоит у меня перед глазами!.. Вот он, укрепленный на тройных болтах… и с двойными перегородками!.. Сверху ферромагнитное покрытие!.. Вот он погружается!.. Нарезные подушки по всей окружности балласта!.. Вот!.. Заклепки из иридо-бронзы… Самый лучший материал для глубинных работ!.. Ни одного следа ржавчины даже после многих лет, проведенных в море!.. Обработанные хлоридом соды! Дополнительный гальванопластический груз с центробежной осью!.. Расчеты самые элементарные!.. Доступные и ребенку! Освещение радиодиффузное при помощи прожектора Валадона!.. Немного смелости и упорства!.. О! Ля! Ля!.. В этом нет ничего трудного!.. Вместо клещей — круговые «клешни» для захвата… Вот это, может быть, самое интересное!.. Я помещу эту дрянь с внешней стороны!.. Установлю на «23–25»… Это превосходный калибр… Клапаны с задним рычагом для большей безопасности!.. Единая цепь передач!.. «Роттердам и Дюнкерк» в трехсантиметровых звеньях… Если им нужно еще прочнее… для полного спокойствия… максимум гарантии! Пусть они возьмут шелковый трос, переплетенный медью и веревкой «28–34»! Ты видишь!.. Все подсчитано! Сомнений нет! Канат

укреплен… А что касается иллюминаторов?.. А! — На минуту он заколебался… — На их месте я бы не слишком доверял этим шнуркам… широко распространенным «Тромблон-Пармезан»… Их обычно используют на субмаринах! Но черта с два! Черта с два!.. Нам ведь всего не говорят! В министерстве, конечно, их поддерживают с пеной у рта… Но я остаюсь при своем убеждении!.. Я всегда так думал… Среднему давлению они еще противостоят… До десяти кило на квадратный метр это еще возможно!.. Но начиная с двадцати?.. Это просто тонкая бумага, друг мой!.. Сквозь нее проходят рыбы… Меня никто не переубедит… В конце концов, я уверен, что они тоже так думают… Я не могу их убедить! Не стоит даже цитировать мою статью! О! Нет же!.. О! Потом, возможно! Я ее все же процитирую!.. Некоторые отрывки, в конце концов, это мой долг… Не так ли, дорогая Ирен? Как ты считаешь? А ты, Фердинанд? Я должен выступить? Это очень важно!.. Теперь или никогда!.. Я здесь! И я президент! Я должен сказать им о моих сомнениях! И не через десять лет! Сегодня! Они ведь тоже не пустое место!.. Ну хватит, довольно слов!.. Это очень мило, конечно, — советовать, играть в Старцев, в Академии, в Умников!.. Но этого недостаточно!..

Нет!.. Я всегда за все платил сам!.. Здесь!.. Там!.. Где угодно!.. Везде! Ирен свидетельница!.. Я никогда не увиливал от опасности! Никогда!.. И с чего бы это? Из-за этого хлама? Но я спущусь туда сам!.. Мне к этому не привыкать… И именно сейчас!.. Это мое право! Решено!.. Можно сказать, что это просто необходимо… Мое присутствие, мой опыт и мой авторитет! В этом можно не сомневаться!

— О! — подскочила тут старуха, как будто ее кто-то укусил в задницу. — О! Нет уж… О! Конечно, нет!.. Я скорее перережу веревку! Запросто! С меня довольно! Никогда, ты слышишь! Никогда я не позволю тебе спуститься! Ты не достаточно еще изображал из себя дурака? Никогда, в их штуковине! Ты же все-таки не рыба?.. Оставь их, пусть эти психи сами плавают! Это их дело! А не твое!.. Вовсе!..

— Психи! Психи! Но где же твоя логика? Я не вижу последовательности в твоих рассуждениях! Ты сама надоедала мне, чтобы я поднимался в воздух? Разве не так, черт побери? Ты же не могла жить без воздушного шара? Была вне себя! Ты просто обезумела! «Верный»! «Верный»! Только это я и слышал… А я ведь не птица!..

— Птица! Птица! Ты издеваешься надо мной? Ты ищешь со мной ссоры?.. Давай! Я вижу, чего ты

хочешь, сволочь!.. Ты хочешь, я знаю! Ты хочешь сбежать! Опять отправиться бродяжничать!..

— Куда это? На дно моря?

— На дно моря?.. На дно моря?.. Боже мой!..

— О! Оставь меня! Оставь меня, Ирен! Что ты хочешь от меня? Ты стараешься все испортить! Своими идиотскими капризами!.. Своим необузданным бешенством!.. Оставь меня, дай мне подумать!.. Сейчас не самое подходящее время! Фердинанд! Присмотри за лавкой! И не отвлекайте меня!..

Теперь снова распоряжался он… К нему опять вернулась уверенность… блеск… и даже наглость… Целыми днями он насвистывал очаровательную мелодию «Соле мио»…

— Да! Пожалуй, я пойду! Подышу свежим воздухом… Скажи, малыш, у тебя осталось еще сто франков?.. Я заплачу за телефон… Я схожу сам! Пора его снова подключить… Ты не находишь?.. Разве он нам не нужен?..

Он еще постоял на пороге… в некоторой нерешительности… Взглянул на Галереи… И побежал налево, скорее всего, в «Смуту»… Если бы он пошел направо, то тогда наверняка в «Вазы» к своей проститутке… Стоит жизни войти в нормальное русло, как люди погрязают в пороках…

* * *

Когда дело дошло до продажи, началась настоящая оргия… Выстроилась нескончаемая очередь… Дом был буквально осажден… Подписчики со своими дополнениями являлись даже после девяти вечера… Ярмарка продолжалась весь день!.. Контора сотрясалась под напором любопытных, двери не закрывались ни на секунду!.. Де Перейр выступал с речью!.. Взгромоздившись на прилавок… Он размахивал руками… Я все время был в делах… Донимал печатника… Сновал взад-вперед… с тележкой… Автомобиль был слишком велик для Монмартра… Постепенно я перевез все сшитые номера…

Толстуха готовила посылки… Для отправки в Прованс… Там их тоже ждали!.. Повсюду только и говорили о конкурсе на «Глубоководный батискаф»… Это стало событием!..

До дяди Эдуарда это тоже, конечно, дошло! Он пришел в Галереи… Вошел через маленькую дверь… И был очень счастлив, что наша газетенка опять набирает силу!.. Он так волновался… представляя меня опять на дне… в поисках друго-

го прибежища!.. Однако мы вдруг поднялись, как благоприятно все поворачивалось!.. Удача нам улыбнулась! Невероятный успех!..

Надежда отыскать сокровища действует магически! С этим не сравнится ничто!.. Вечером после моей беготни, когда я возвращался в контору, чтобы снова начать готовить пакеты… и так до одиннадцати часов вечера… Виолетта перехватила меня…

— Ты слишком стараешься! Болван! Тебя никто не поблагодарит! Если ты будешь подыхать… кто будет за тобой ухаживать?.. Во всяком случае, не твой хрыч! Купи-ка мне ментоловую, малыш!.. Я спою тебе «Девушку из Мостаганем»… Увидишь, тебе понравится!..

Во время пения она поднимала юбку спереди и сзади… А так как штанов она не носила, получался настоящий танец живота… Она выплясывала прямо на ветру… на самой середине Галерей… Подходили другие сучки… почти всегда с тремя или четырьмя клиентами каждая… Придурки, нищие зевали без гроша в кармане… «Давай, Мелиз! Не описайся!» Она здорово трясла своей задницей… Взъерошивая свой пригорок!.. Остальные хлопали в ладоши, это было настоящее безумие, тунисский танец… Это зрелище

всегда привлекало кучу любопытных. Я покупал ей ментоловой… Кончалось все в «Смуте»…

Виолетта снимала угол недалеко, за самым здоровенным столбом в Орлеанской Галерее[129]… Ей хватало двух минут, чтобы заставить клиента кончить… Если ей попадался какой-нибудь олух, она уводила его в «Пеликан», расположенный в двух шагах… Напротив Лувра… Ее комната стоила сорок су… Она обожала сухой перно… Ее все время просили спеть:

В шатер мой Восток зашел,
Мы с ним в волшебном сой-у-у-узе,
Был зад его полностью гол,
А глаз блестел н-на пузе…

Меня это мало возбуждало… Она приставала ко мне… пускалась в пересуды… Был только один способ заставить ее уйти…

— Заходи! — говорил я ей… — Заходи, девочка! Ты поможешь мне упаковывать.

---

[129] Примечания: 129

…за самым здоровенным столбом в Орлеанской Галерее — орлеанская галерея, представляющая собой в наши дни двойной дорический портик под открытым небом, была построена в 1829–1831 г. в виде многочисленных переходов. Вдоль нее располагались лавки, а сверху она была перекрыта витражом, так что продолжающие ее галереи Монпансье и Валуа были освещены гораздо лучше. На фотографиях того времени запечатлелись весы для взвешивания людей у одной из опор галереи Валуа. Лавки в Орлеанской галерее были разрушены в 1935 г.

— Подожди, я должна отсосать еще одному… Подожди меня, моя птичка… Мне нужно отработать вечер…

Рассчитывать на ее помощь было бесполезно!.. Она сразу же находила отговорки… и моментально смывалась. Кроме пришивания пуговиц, что было ее настоящей манией, она неспособна была ни на какую работу… Она исчезала в то же мгновение… Это был незаменимый способ.

* * *

Не прошло и недели, как решения и проекты… посыпались градом, по сотне в день. Ad libitum, таково было условие… Но это никого не волновало… Никто не хотел себя ничем стеснять!.. Вместе с тем, с первого взгляда было ясно, что тексты и сведения были крайне ценные… Наши выдающиеся исследователи зашевелились…

Баллистические предложения были скорее экстравагантны! Но там попадались неплохие детали!.. Оттуда можно было кое-что взять… В основном, если мы получали маленькие бумажки, крошечного формата, то почти наверняка на них были чертежи какой-нибудь грандиозной машины, батискафа, размером с Оперу… А на огромных планах, 18-го формата, как правило, речь шла о маленьких двадцатисантиметровых лотах.

Чего только не было в этой сарабанде!.. Всевозможные системы, причудливые фантазии и приспособления для поиска сокровищ… Некоторые предложенные агрегаты имели форму слона!.. Другие скорее напоминали гиппопотама… Большая же часть, чего и следовало ожидать,

имела форму рыб… Некоторые имели человеческий образ… настоящие люди с лицами… Один аппарат, по словам изобретателя, был точной копией его хозяйки… поразительное сходство и глаза, светящиеся на 800 метров… которые, вращаясь, должны были привлекать всю фауну… из морских недр…

С каждой новой почтой количество необычных фантастических решений неумолимо росло!.. Оставалось только дождаться нашего кюре… Он обещал прийти в последний четверг месяца!.. Так мы договаривались… Мы ждали с нетерпением… Он должен был принести десять тысяч франков… Это был наш аванс!.. Это позволило бы нам сразу же ликвидировать несколько срочных долгов за квартал, вернуть телефон! И поместить прекрасные фотографии в номер!.. Полностью посвященный «батискафу»… О нас уже поговаривали в большой прессе в связи со спасением подводных лодок, а не только затонувших баснословных сокровищ… Это было как раз через год после крушения «Фарфада»[130]… Страсти еще не

[130] Примечания: 130

…катастрофы «Фарфада» — так называлась модель того времени, по которой были построены четыре подводные лодки. Одна из них дала течь на рейде в Бизерте 5 июля 1905 г., поскольку корпус оказался негерметичным.

улеглись… Перед нами открывался путь к национальному признанию!..

Тем не менее все эти перспективы совершенно не вдохновляли толстуху!.. Вид у нее был скорее недовольный! Сначала, прежде чем строить какие-либо планы, ей хотелось увидеть кюре… Она ждала его в этот четверг с особым нетерпением… Она спрашивала меня по десять раз в час, не вижу ли я его?.. в конце Галерей? А хозяин?.. Где же он может быть?.. Он опять загулял?.. Он не в подвале… Да?.. Его нет с самого утра… Нас все спрашивали о нем! Мы начинали волноваться… Я сказал старухе: «Подождите-ка меня! Я сбегаю в „Смуту“… Туда и обратно…» Я заметил месье, не спеша прогуливавшегося по саду… Он посматривал на кормилиц… И ни капельки не торопился… И еще насвистывал, скотина… В руках у него было полно бутылок… Я даже подпрыгнул на месте… И подошел к нему…

— Ну! Фердинанд! Ну! У тебя очень нервный вид… Что там, горит? Что-то не так?.. Он пришел?..

— Нет! — сказал я ему. — Его еще нет!..

— Ну так он скоро придет!.. — ответил он мне спокойно… — Вот бальзам… горькая… анисовая… и бисквиты!.. Я не знаю, что он предпочитает! Что

пьют кюре?.. Все, я надеюсь!.. — Ему хотелось отметить это… — Я абсолютно уверен, Фердинанд! что отныне мы на верном пути… О! да! это ясно… Это уже вырисовывается!.. О! Я просматривал сегодня утром планы!.. Еще одна партия! Поток идей, братец мой!.. Как только пройдет основная лавина!.. Я! Я сделаю свой выбор!.. Отделю все, что можно пустить в дело… от всего, что можно забыть… Он не сможет сам этого сделать… Я хочу, чтобы он предоставил мне полную свободу действий! Без протекций! Все будет открыто обсуждаться!.. А потом, ты понимаешь, это еще не все! А гарантии? Я не могу пускаться в дело наудачу! О! Нет!.. Это было бы слишком просто! У меня уже не тот возраст! О! Нет!.. Счет в банке! Первое! Прежде всего!.. И двести билетов на стол! Скрепляем подписями! Он и я! Я вызываю конструкторов!.. И начинаем! Тогда можно поговорить!.. А поговорить есть о чем… Мы ведь не новички… Тут он немного задумался…

— Ты считаешь, все это его устроит?..

— О! — сказал я… — Я совершенно спокоен… Я в этом абсолютно уверен.

Так, болтая, мы дошли до конторы… Подождали еще немного… Кюре не было! Это становилось все же довольно неприятно!.. Мадам де Перейр

нервно наводила порядок… Чтобы не слишком походило на хлев… И без того там был ужасный кавардак, а как только началась эта сутолока, и вовсе свободного места не осталось!.. Одна огромная куча дерьма! Свинья, и та не принесла бы сюда своих малышей… Отвратительная рваная подстилка… от пола до третьего этажа… разбросанные бумажки, книжки, старые учебники, манускрипты, мемуары — все это было изорвано… кругом летали целые облака крутящихся конфетти… Изо всех этих смятых разорванных листов… Эти мерзавцы умудрились сдвинуть даже нашу прекрасную статую!.. Снесли голову Фламмариону! Гиппократу же приклеили великолепные фиолетовые усы из промокашки… С неимоверным трудом мы извлекли из этого хаоса три стула, стол и большое кресло. Выгнали всех клиентов… Чтобы освободить пространство для встречи святого человека…

В полшестого, опоздав всего на тридцать минут, он появился… Я заметил, как он пересекает Орлеанскую Галерею… Он нес старый, туго набитый портфель… Он вошел… Его приветствовали. Он положил портфель на стол… Все шло хорошо! Он вытер пот с лица… Должно быть, он шел очень быстро… И никак не мог отдышаться… Завязался

разговор… Беседу вел Куртиаль… Старуха поднялась в Алькасар… и принесла несколько самых замечательных досье. У нее был большой выбор! Она положила все рядом с его портфелем. Он приветливо улыбался… У него был вполне довольный вид… Он полистал их пальцем… Открыл наугад… Казалось, что он в нерешительности… Мы ждали, не шевелясь… чтобы он получше все обдумал… Мы затаили дыхание… Он перевернул еще несколько страниц… а потом все лицо у него сморщилось… Это был тик!.. Еще раз! Просто ужасная гримаса! Это был настоящий приступ!.. Припадок… Он отбросил все эти бумажки… Швырнув их прямо в витрину… И схватился за свою башку… Начал ощупывать ее, массировать, ковырять… Он сжал ее и начал месить себе подбородок… щеки, жирные складки, нос, уши… Это была сатанинская конвульсия!.. Он старался выцарапать себе глаза, дергал себя за волосы… А потом вдруг резко нагнулся… и опустился на пол… Он засунул голову в бумаги… И начал их обнюхивать… Он рычал и тяжело дышал… Он схватил целую охапку и — фрр! — …подбросил все в воздух! В потолок! Бумаги, папки, брошюры, планы посыпались сверху дождем… Они были везде… ничего больше не было видно… один…

два раза… Снова и снова! Он испускал радостные вопли!.. Ликовал! Сучил ногами… потом опять начал рыться… Перед нашей дверью собрались люди… Он вывернул содержимое портфеля… Схватил другие газеты, вырезки, целые охапки… И тоже разбросал их… Среди всего этого мусора я заметил деньги… Среди бумаг!.. Я видел, как они улетают… Я хотел их подобрать… это было не так трудно… Но тут появились два громилы… Плечом они вышибли нашу дверь… И протолкнувшись сквозь толпу… Вошли в дом… прыгнули на кюре… Схватили его, опрокинули, прижали к земле и связали… А этот несчастный задыхался и хрипел под столом… «Полиция!» — сказали они нам… Вытащили его за ногу… И уселись на него верхом.

— Вы давно его знаете? — спросили они у нас…

Это были инспектора… Самый злой показал нам свою карточку… Мы тут же ответили, что мы здесь ни при чем!.. Совершенно! Кюре все время дрыгал ногами… Этот болван продолжал отбиваться… Ему удалось встать на колени… Он хныкал… И жаловался нам… «Простите! Простите!.. — просил он. — Это все для моих бедняжек… Для моих слепых… Для моих маленьких глухих и немых…» Он умолял, чтобы его отпустили…

«Заткнись! Тебя ни о чем не спрашивают!..

Грязная скотина… Ты еще не кончил буянить!..» И тот, что показал нам свою карточку, отвесил ему такой звучный удар кулаком, что кюре только квакнул… И свалился! Больше он не говорил!.. Они сразу же надели на него наручники… Подождали еще немного… Передохнули… И ударами кулаков поставили его на ноги. Это было еще не все. Нужно было, чтобы Куртиаль подписал им «постановление» и потом еще одну бумажку… «dorso-verso»… Один из легавых, менее строгий, немного рассказал нам о безумии этого типа… Он действительно был кюре… и даже почитаемый каноник!.. Месье каноник Флери!.. Так его звали… Это был у него не первый закидон… и не первый привод… Он уже «облагодетельствовал» всех членов своей семьи… на тысячи и тысячи франков… Своих кузин… теток… маленьких сестер из Сен-Винсенн-де-Поль… Он довел всех… Церковных старост из Епархии… церковного сторожа и даже старушку, сдававшую стулья напрокат… Он должен был ей по меньшей мере две тысячи франков… И все это из-за авантюр, не имевших ни смысла, ни цели… Теперь он таскал из кассы пожертвований… Его ловили уже два раза… когда он рылся в сундуке. Он был связан с казной… Это вскрылось слишком поздно… Теперь

его собирались запереть… Епископ требовал его заключения…

Под нашими Арками собралась толпа зевак… Они с наслаждением наблюдали за происходящим, стараясь ничего не упустить… Они комментировали события… И ужасно шумели… Они заметили купюры, разбросанные по дому… Но я-то тоже их видел… Я не терял хладнокровия… Мне удалось спасти уже четыре и монету в 50 франков… Они просто выли от нетерпения! А! Ага! О! Ого! Они видели, как я орудую перед витриной, сволочи!.. Фараоны затолкали нашего кюре в повозку… Он продолжал сопротивляться… Им пришлось зайти сзади, чтобы погрузить его в фиакр… Он цеплялся изо всех сил… Ему совсем не хотелось уезжать…

«Мои бедняжки! Мои несчастные бедняжки…» — вопил он, не переставая. Наконец, с большим трудом повозка тронулась…

Они затолкали его внутрь… Его пришлось привязать к скамейке веревками… Но он все равно не мог усидеть на месте… Он посылал нам воздушные поцелуи… За что они его так мучили?.. Фиакр не мог тронуться из-за людей, стоящих перед лошадью… Все хотели заглянуть внутрь… Вытащить каноника… Наконец, с помощью других

фараонов удалось освободить повозку. Тогда все эти придурки хлынули к конторе… Они ничего не понимали! И осыпали нас насмешками…

Мамуля от стольких оскорблений вышла из себя… Она хотела прекратить это немедленно… Не раздумывая… Она подскочила к двери… Открыла, вышла наружу и заорала на них…

— Ну что, — орала она. — Что вам надо?.. Банда ублюдков! Свиные рыла! Подонки! Давайте, валите отсюда! Недоноски! Скоты! Что вы скалитесь? Вы что, родственники этого трахнутого?..

Сказано было решительно… Но на них все равно не подействовало. Оскорбления становились все грубее… Блеяние продолжало усиливаться… Они колотили по стеклу… Бросали камни… Дело могло плохо кончиться… Нужно было срочно сматываться… Через задний ход… и как можно быстрее!..

* * *

После подобного Трафальгара мы не знали, как себя вести… Как теперь разубедить всех этих одержимых? В одно мгновение «Батискаф для поиска сокровищ в морских глубинах» превратилась в такую же бессмыслицу, как и «Вечный двигатель»… Шум не прекращался с утра до вечера… И даже по ночам я иногда просыпался от диких воплей. Толпы полоумных около наших дверей с вылезшими из орбит глазами били себя в грудь и раздувались, преисполненные уверенности и неопровержимых доказательств… Смотреть на это было смешно… Их количество все время росло!.. Они уже перекрыли движение… Настоящая сарабанда одержимых!..

В конторе их собиралось так много, они так шумели, развалившись на стульях и зарывшись в бумаги, что невозможно было даже зайти, чтобы что-нибудь взять… Все они непременно хотели еще хоть на мгновение остаться, чтобы поведать нам о каких-то невысказанных деталях…

Если бы мы им были хоть что-то должны! Если бы они внесли аванс, часть суммы за подписку,

тогда еще можно было бы понять, почему они не удовлетворены и не довольны, почему они скандалят и шумят!.. Но это был совсем другой случай!.. Беспрецедентный! Мы им действительно ничего не были должны! Это было самое главное! Они могли бы это понять!.. Мы действовали не из корысти! А просто из спортивного интереса!.. Это же совершенно ясно!.. Мы были полностью квиты… О! Не тут-то было!.. Напротив! Они буянили из удовольствия, только чтобы нам надоедать!.. Они требовали от нас еще в тысячу раз больше! Они вели себя в тысячу раз более нагло! хрипели! брызгали слюной! Как никогда раньше, так, будто мы их обобрали до нитки!.. Настоящие черти!.. Каждый вопил, словно на Бирже в защиту своего хлама!.. А потом еще все вместе!.. Производя ужасающий шум!..

Никто не хотел ждать!.. Уже через минуту! и ни секундой позже! любая самая головоломная система!.. должна была дымиться!.. и действовать!.. Им не терпелось опуститься на дно моря!.. За своим сокровищем!.. Каждому хотелось быть первым! Таковы были наши «условия»! Они размахивали нашими бумажками!.. Им уже не раз было сказано, что их выкрутасы нам осточертели… этот бардак нам надоел!.. И вообще,

все это чушь собачья!.. Куртиаль даже специально вскарабкался на винтовую лестницу, чтобы сказать им всю правду… он вопил во все горло над толпой… Для большей выразительности на нем была форменная фуражка… Я свидетель, он ничего не скрывал… Чудес больше не будет!.. Он им определенно сказал, что их вкладчик исчез! С этим покончено… Об этом можно забыть… Миллионов у нас теперь не больше, чем в заднице!.. Он еще объяснил им, что фараоны его заперли… Да, именно его, кюре… И он никогда оттуда уже не выйдет! На него надели смирительную рубашку, и весь наш бизнес канул, как в воду… «В воду!.. В воду!..» Они буквально задрожали от энтузиазма, услышав эти слова… И подхватили все хором: «В воду! Куртиаль! В воду! В воду!..» Их становилось все больше, они приносили все новые планы… Стоило с ними заговорить, как их рожи расплывались в глупой улыбке… Дело не двигалось… Они твердо стояли на своем… Они все знали, что за веру надо страдать! Вера сдвигает горы и осушает моря… У них была фанатичная вера… Ради своей веры они способны были на все! Они не сомневались, что мы хотим присвоить себе все деньги, не поделившись с ними!.. И они продолжали стоять перед нашей дверью… И следить за выходом…

Они удобно расположились вдоль решеток… И никуда не торопились… Их убеждение было тверже железа!.. Спорить было бессмысленно… Они готовы были прибить нас на месте за малейшее возражение… Ожесточение их росло с каждым днем… Самые подлые и хитрые заходили с заднего хода… Пробирались через гимнастический зал… и знаками подзывали нас… Шепотом в углу они предлагали нам договориться, увеличить нашу долю… сорок из ста вместо десяти… из первой же поднятой на поверхность добычи… Они хотели, чтобы ими занялись немедленно, раньше, чем другими… Они считали нас очень жадными… и даже пытались нас подкупить… Соблазнить всевозможными «премиями»!

Куртиаль не хотел больше никого видеть, говорить с кем-либо или кого-либо слушать!.. Он даже не хотел больше выходить… Опасаясь, что к нему опять привяжутся… Он предпочитал оставаться в подвале.

— А ты! — говорил он мне… — Тоже иди отсюда!.. Они в конце концов тебя прибьют! Иди, посиди где-нибудь под деревьями… на той стороне бассейна… Лучше, чтобы они нас вместе не видели… Необходимо, чтобы они выдохлись!.. Пусть орут, сколько угодно… Эта коррида дней на

восемь, десять!..

Он ошибался, это продлилось гораздо дольше…

* * *

К счастью, немного денег удалось спасти… То, что я стащил у каноника… Почти две тысячи франков… Мы решили, что деньги нам пригодятся: когда только прекратится эта пытка, как-нибудь ночью мы поднимемся… и перевезем все наши материалы в другое место!.. В другом квартале!.. Здесь оставаться было уже невозможно… Откроем новый «Самородок» на совершенно новом материале, с другими изобретателями… О «батискафе» забудем… Сумма была вполне приличная, оставалось подождать две-три недели, перетерпеть все унижения…

Вместе с тем, толстухе невозможно было объяснить, что ей лучше было бы оставаться у себя в Монтрту… Переждать грозу там!.. Она не хотела меня слушать… она не верила в крах!.. Я-то хорошо знал эту публику… Она их раздражала своими манерами, трубкой, вуалью… Пересудам не было конца… Более того, она постоянно нападала на них… Это могло очень плохо кончиться… Ее могли запросто прибить… У изобретателей случаются такие вспышки гнева и припадки, о

которых она и не подозревала… Они способны на все! Конечно, она бы не спасовала и защищалась бы, как львица, но к чему эти трагедии?.. Мы бы ничего от этого не выиграли!.. Это все равно не спасло бы дом!.. Наконец, после потоков слез и душераздирающих вздохов, она решилась…

В тот день она не пришла… Куртиаль дремал в подвале… Мы позавтракали вместе в «Улитке» у Рауля и, честное слово, довольно хорошо. Он ни в чем себе не отказывал… Я не стал оставаться в конторе… Почти сразу же ушел и устроился неподалеку, как обычно, на скамейке напротив, за ротондой… Оттуда я наблюдал за всеми посетителями… В случае необходимости я мог даже вмешаться… Но этот день выдался спокойным… Ничего особенного… Все те же болтливые, брызгающие слюной группы бродили вокруг… Это продолжалось уже с начала прошлой недели… Действительно, ничего экстраординарного!.. Волноваться не стоило… обычный шум без скандала… И более того, вскоре после четырех установилось относительное спокойствие!.. Они уселись в ряд… И говорили почти шепотом… Они, должно быть, очень устали… Они сидели вереницей вдоль витрин… Чувствовалось утомление… Так не могло долго продолжаться… Я уже начал

обдумывать будущее… нужно будет нам отсюда убираться… Налаживать другое дело!.. Осваивать новые «подвалы»! и новый бизнес!.. У нас были наши денежки… Но надолго ли их хватит? Подумаешь! Ничего особенного! Тоже мне! Не так уж сложно потратить два билета по две тысячи франков!.. Поднять газету!.. и еще заплатить за домик!.. По правде говоря, было невозможно сделать оба дела сразу!.. В общем, я был погружен в свои мысли… и глубоко погружен… Когда вдалеке в тупике Божоле я заметил высокого типа, который совсем один производил громовой шум! Он извивался всем телом и оживленно жестикулировал… Он подошел, подпрыгнул и зашатался прямо у нашей двери… Схватился за ручку… И начал трясти дверь, как яблоню… Он орал и звал де Перейра!.. Этот парень был ужасно разъярен, просто вне себя от ярости!.. Прежде чем уйти, он еще некоторое время крыл нас… Ответа не было… Тогда он извлек кисточку и зеленой краской расписал всю нашу витрину… Должно быть, это была ругань!.. Наконец он ушел… все еще в большом возбуждении… Ничего страшного!.. Бывало и хуже! Я опасался гораздо большего…

Прошел еще час, и два… Солнце клонилось к закату… Пробило шесть часов… Наступил

неприятный момент, которого я опасался больше всего… самое подходящее время для схваток и заварух… Особенно с нашей клиентурой… В это время все мелкие служащие, эти чрезмерно изобретательные маньяки, покидают свои рабочие места в магазинах… На свободе оказываются все служащие… Прибавьте к этому всевозможные фабрики и конторы… Все они несутся сломя голову, бегут за омнибусом… эти ремесленники, которым не дают покоя веяния Прогресса!.. Они хотят успеть!.. До конца дня… Они носятся, лезут вон из кожи! Это жаждущие люди… Они бегут, как зебры! Это время больших драк!.. Как только я чувствовал их приближение, у меня начинал болеть живот!.. Они обрушивались на нашу голову сразу же после аперитива!..

Я еще немного посидел в раздумье… Подумал еще о мамуле… О том, что я должен разбудить Куртиаля и что он просил у меня пятьдесят франков. Но тут вдруг я так и подскочил!.. До меня донесся ужасный шум! Со стороны Орлеанской Галереи… Он приближался и становился сильнее!.. Это был больше чем шум… Все сотрясалось! Это была настоящая гроза!.. Под стеклянной крышей все гремело!.. Я вскочил! И бросился на улицу Гомбу, откуда, казалось, доносился наибольший грохот…

Я наткнулся там на целую орду не просто озлобленных, а одержимых и дико орущих скотов… Их, должно быть, было тысячи две, не меньше, они столпились в длинном коридоре!.. А из прилегающих улиц к ним присоединялись все новые… Они все сгрудились, сжались вокруг повозки, похожей на приземистый грузовик… В тот момент, когда я подошел, они штурмовали двойную решетку сада… В едином порыве они снесли все… Низкая тележка использовалась как таран… Две арки… из тесаных камней… разлетелись как соломинки!.. Все рушилось и валилось!.. Разлеталось во все стороны!.. Зрелище было просто ужасающее… Они так гремели!.. что земля сотрясалась за 15 сотен метров!.. Они запрыгивали в водосточные канавки… Нужно было видеть это безумие!.. Они так приплясывали и подпрыгивали вокруг своего катафалка! Абсолютно все! Я не мог поверить собственным глазам!.. Они просто сошли с ума!.. По меньшей мере 150 человек впряглось в тележку!.. Остальные одержимые лезли и толкались, чтобы тоже зацепиться за дышло… за нижние части… за оси… Я подошел к этой сарабанде… О! Я сразу же заметил изобретателей!.. Они почти все были там!.. Я всех их знал!.. Вот де ля Грюз, гарсон из кафе… в мягких туфлях без каблука!..

И портной Карвале… Ему тяжело бежать! У него сваливаются штаны!.. Вот Бидигль и Жошер, они изобретают вместе… Проводят все ночи на Центральном рынке… Носят там корзины… Я узнал Бизонда! Гратьена, изобретателя невидимой бутылки! Кавенду… Ланемона с двумя парами очков… Он нашел способ отопления ртутью!.. Я видел там всех этих подонков!.. Они вопили, жаждали крови! Убийства! Эти сумасшедшие были по-настоящему разъярены!.. Тогда я вскарабкался на решетку! И оказался сверху над толпой!.. Тут я довольно хорошо смог разглядеть на сиденье высокого курчавого типа, вожака, который их воодушевлял… Я разглядел это монументальное сооружение!.. Плоский панцирь… Невообразимая мерзость!.. Это был полностью бронированный батискаф Вердюна!.. Точно!.. Я сто раз видел его макет! Замечательный проект!.. Я сразу же его узнал! Со светящимися иллюминаторами! Расходящимися пучками света!.. Полный вперед! А вот и сам Вердюна с обнаженной грудью! Он восседал на своем аппарате, взобравшись на верхушку! Он вопил! Собирал вокруг себя остальных тронутых! Воодушевлял их, готовясь бросить в атаку!..

Я хорошо помнил, как он категорически нас предупреждал, что он все равно построит его,

что бы мы там ни говорили, на свои собственные деньги!.. Недорого!.. Мы не принимали его всерьез… Он не первый пускал нам пыль в глаза!.. Эти Вердюна были наследственные красильщики в Монруж!.. Он притащил с собой всю семью!.. Они там все собрались!.. И скакали вокруг батискафа!.. Все вместе… рука в руке… настоящая фарандола[131]… Мать, дедушка и малыш… Тащили к нам свою машину… Как и обещали… А я отказывался в это верить!.. Они толкали свое чудовище от самого Монруж!.. Все сумасшедшие были в сборе! Дикая коалиция!.. Они узнали меня… И завопили! Со страшной яростью… обливая меня помоями!.. И всячески крыли меня снизу… Они начали плевать на меня! Я сказал:

— Постойте! Послушайте меня! Минутку!.. — Они на секунду замолчали… — Вы должны понять!

— Спускайся вниз! Говно!.. Чтобы тебя выебли в задницу раз и навсегда!.. Посадить тебя на кол! Потаскун! Свинья! Огрызок! Где твой старый педрила?.. Мы ему вывернем кишки!..

Они меня не слушали!.. Не стоило и настаивать… К счастью, мне удалось улизнуть!.. Я

---

[131] Примечания: 131
Фарандола — французский народный танец.

спрятался за киоском… И изо всей силы закричал: «На помощь!..» Но было слишком поздно… Кругом все так гремело… шумело… дребезжало… что меня не было слышно… И перед нашей дверью была самая сильная давка! Я как будто возбудил их своими словами! Разъярил еще больше!.. Они дошли до настоящего пароксизма! Они распряглись!.. И начали толкать свою адскую машину через аллею прямо на витрину!.. Шум удвоился… одержимые со всей округи присоединились к ним… На батискаф налегла целая толпа… «И раз! И два! И оп! И оп! Тащи!» Всей массой!.. Со всего маху они протаранили своей катапультой стекло!.. Оно разлетелось вдребезги!.. Деревянная обшивка стен задрожала! Затрещала! И развалилась! Разлетелась на куски!.. Посыпались стекла! Чудовище проникает внутрь, раскачивается и сокрушает все на своем пути! «Самородок» полностью рушится и тонет в потоке строительного мусора!.. Я успел разглядеть, как винтовая лестница, уголок вкладчика, «тунисские» антресоли… обрушились в водопаде бумаг и взрыве пыли!.. Поднялось гигантское белое облако и заполнило собой все сады и галереи… Орава начала задыхаться!.. Они были все в известке!.. Отплевывались! Чихали! Но все равно продолжали толкать свой таран…

Железки… стекла… сыпались с потолка градом!.. Батискаф подпрыгнул! Пол затрещал, прогнулся, появилась трещина… страшная машина шаталась и балансировала… на краю пропасти!.. Потом перекосилась… И упала в глубину… Черт возьми! Это конец!.. Грохот потряс всю округу!.. Пронзительные и злобные крики внезапно раздались в толпе!.. Все сады заволокло густой пылью… Наконец появились полицейские… Они на ощупь нашли место происшествия… и оценили обломки… Вскоре примчались еще фараоны! Завидев их, бунтовщики рассеялись… разбежались в разные стороны… Их непоколебимость была сломлена…

Легавые очистили от любопытных место катастрофы!.. Я знал всех участников погрома!.. Я мог бы теперь всех заложить! Запросто… Я знал, кто из них самый опасный! самый порочный в их банде! самый злобный… самый сволочной! Я знал, что ему дадут десять лет! Да! Но я не мстителен! Это бы только все осложнило! И больше ничего… Надо было выяснить главное!.. Я бросился в самую гущу свалки… Подходил ко всем группам… Фараоны узнали меня… «Вы не видели Хозяина? Куртиаля де Перейра?» — спрашивал я у всех…

Его никто не видел! Я покинул его в полдень! Вдруг я наткнулся на комиссара… Из «Бонз-Анфан»… Того самого ублюдка, который нас так мурыжил… И подошел к нему… Я сказал ему об исчезновении… Он выслушал меня… Но отнесся к этому скептически… «Вы так считаете?..» — сказал он мне… Он не очень мне верил… «Но я убежден в этом!..» Тогда он спустился со мной вниз по краям рытвины!.. Мы начали искать вдвоем… Я кричал!.. Я звал!.. «Куртиаль! Куртиаль!.. Поднимайся. Поднимайся!» Мы вопили вместе с агентами… Один раз! Два раза! Десть раз!.. Я обшарил все дыры!.. Осмотрел их еще раз!.. «Наверное, он в борделе!» — заметил кто-то острый на язык… Мы уже собирались уходить… как вдруг я услышал голос: «Фердинанд! Фердинанд! У тебя нет лестницы?..»

Это он! Он! Точно! Он показался на дне ямы… Он с большим трудом начал вылезать!.. Вся рожа у него была в известке… Ему бросили канат… Он зацепился… И его вытащили! Он появился над кратером!.. Цел и невредим… Он нас успокоил!.. Он просто был неожиданно завален и плотно зажат между батискафом и стеной!.. Он потерял свою шляпу!.. Это вывело его из себя!.. он разозлился… Его редингот тоже пострадал!..

Он ни о чем не просил… Полностью отказался от помощи… Не захотел идти даже в аптеку… На легавых он посмотрел с пренебрежением… «Я пойду, отдохну, месье», — сказал он им… И не дождавшись ответа, полез через балюстраду, балки и обломки… Когда мы оказались снаружи… Он начал расталкивать толпу… «Дорогу! Дорогу!..» С его редингота исчезли пуговицы… Он полностью потерял форму… Куртиаль стал похож на воробья и бежал, отряхиваясь на ходу от пыли… Все быстрее и быстрее… Он тащил меня к выходу со стороны Лувра… Он схватил меня за рукав… Его ужасно трясло… Он больше не храбрился…

— Давай! Давай! Быстрее, Фердинанд! Посмотри! Никто не идет за нами? Ты уверен?.. Поторопись, сынок!.. Никогда больше сюда не вернусь! В эту конуру… Это гнусная западня! Это уж точно! Это самый настоящий заговор!.. Я напишу домовладельцу!

* * *

После того как наша контора превратилась в мелкие обломки, мне стало негде спать… Тогда с общего согласия было решено, что я поеду в Монтрту!.. Мы зашли в «Смуту»… Он не мог позволить себе пить свой неизменный «крепкий» облаченным в лохмотьях, оставшиеся от рединготa!.. Хозяин по доброте дал ему свой старый костюм. Мы опять немного поспорили с двумя одержимыми… У Куртиаля брюки были в дырках… Нужно их зашить… Все видели свалку, слышали крики, ужасный шум… все были очень заинтригованы!.. Даже Намедни проявил участие… он хотел что-нибудь сделать, организовать сбор… Я сказал, что не нужно!.. Мне было бы трудно принять это!.. У нас еще были деньги… Он достаточно нажился на старом хрыче!.. И мог теперь демонстрировать свое великодушие!.. Неожиданно он заплатил за нас, заказал еще, а потом даже еще.

Было жарко… Конец июля… Из-за этой ужасной пыли, чтобы прополоскать горло мы за разговором опустошили десять или двенадцать литровых бутылок!.. Передвигались зигзагами…

Было уже совсем поздно!.. Но мы все еще не пришли в себя! На Северном вокзале мы едва успели на последний поезд!..

В Монтрту, к счастью, стояла звездная ночь!.. И даже немного проглядывала луна! Можно было разглядеть дорогу… Но чтобы куда-нибудь не угодить, особенно там, где начинались пригорки, надо было проявлять необычайную осторожность!.. Вокруг не было ни фонарей, ни надписей… Плутая среди хибар, мы полагались только на расчет, осязание и инстинкт… Это могло очень плохо кончиться… Трагические недоразумения постоянно уносили в Монтрту по четыре-пять жизней в год… Стоило заблудиться… ошибиться домом!.. зайти за решетку!.. позвонить не туда, куда надо! Тотчас звучал громкий выстрел… Из револьвера охранника… или из карабина… после чего тело наглеца разрывалось на части сворой собак… Сворой безжалостных свирепых хищников, подобранных только из дворняг… агрессивных и специально выдрессированных… Они набрасывались на него… И от несчастного ничего не оставалось… А надо еще сказать, что как раз в это время орудовала банда Бонно[132],

[132] Примечания: 132

Банда Бонно — такая банда действительно орудовала в период с 1911 по апрель 1912 г., когда ее главарь (Бонно) был убит.

которая вот уже шесть месяцев терроризировала район северо-запада…

Все были в панике! Боялись буквально всех… по ночам двери не открывали собственному отцу и матери… Горе заблудившимся путникам!..

Рачительный хозяин, добропорядочный гражданин, укрывшись за ставнями, проводил ночь настороже, спал лишь вполглаза, сжав в руках оружие!..

Хитрый грабитель или грозный бродяга мгновенно опознавались… И уничтожались на месте!.. Только чудо могло спасти их!.. Непреклонная бдительность!.. Зловещая смертоносная тьма…

На вокзале Куртиаль явно волновался!.. Он представлял себе возвращение… дорогу… возможные стычки… Он немного подумал!.. «Вперед!..» С первых же шагов по дороге он начал громко насвистывать что-то вроде тирольской песни!.. Это был сигнал сбора… Наш опознавательный знак на опасном пути!.. Мы погрузились в ночь… Дорога стала очень мягкой, разбитой, вязкой… Мы смутно различали в темноте предметы… очертания домишек… На нас лаяли и орали у каждого забора, мимо которого мы проходили… Своры собак захлебывались от ярости… Мы старались идти как можно быстрее, но тут начался дождь!

Настоящий ливень! Дорога уходила наверх.

— Мы идем… — предупредил он меня… — в самый конец Монтрту! Это здесь самое высокое место… Ты увидишь, как оно возвышается над окрестностями!

Их дом, «Гавот», располагался в самой высокой точке района. Он часто рассказывал мне, что их дом венчает собой окружающий пейзаж!.. Он мог созерцать из своей комнаты весь Париж… Он начал задыхаться!.. Но это не самая густая грязь! А если бы была зима?.. Наконец, чуть подальше за поворотом я заметил колеблющийся и перемещающийся свет… «Это моя жена! — воскликнул он. — Ты видишь, она передает по коду: С…ю…д…а… Раз вниз! Два раза вверх!.. Все правильно!..» Мы продолжали карабкаться… Все быстрее и быстрее… Утомленные и запыхавшиеся, мы все же добрались до его участка… Наша хозяйка с фонарем в руках выскочила на крыльцо… И сразу же набросилась на старикана… Разразился скандал… Она не давала ему сказать ни слова… Уже с восьми часов она подавала знаки поездам!.. Она была крайне возмущена… А потом — еще и я здесь? Это так неожиданно!.. Что я собираюсь здесь делать?.. Она приставала к нам с вопросами… И тут только заметила, что на нем

была чужая одежда!.. Но мы слишком устали, чтобы вдаваться в подробности!.. Черт бы ее побрал!.. Мы вошли в дом… И выложили ей с ходу сразу же все!.. Она и так сильно волновалась из-за нашего опоздания… Она предполагала, что возникли какие-то непредвиденные неприятности… Но вот так, все сразу, этого она не могла вынести… Плюх! Безо всякой подготовки!.. От этого она как будто ослабела… У нее задрожало лицо и даже усы… Она не могла произнести ни звука… Наконец она разрыдалась…

— Значит, все кончено, Куртиаль?.. Все кончено, скажи мне?.. — Она рухнула на стул… Я думал, она упадет в обморок… Мы оба были начеку… и приготовились уже укладывать ее на пол!.. Я встал, чтобы открыть окно… Но у нее опять началось буйство!.. Она вскочила со стула… и начала трястись всем телом!.. Это она только собиралась с силами… Скорбь была недолгой! Она снова вскочила на ноги! Пошатнулась, едва удержавшись на ногах… И с размаху ударила по столу, покрытому клеенкой…

— Черт возьми! Это слишком, в конце концов! — заорала она во все горло…

— Слишком! Слишком! Ты говоришь?.. — Он тоже в ярости вскочил. Она видела, что он встал

на дыбы, что ей сразу же удалось вывести его из себя… А он кудахтал, как курица.

— О! Это слишком!.. О! Это слишком?.. А я, моя дорогая, ни о чем не жалею!.. Нет! Нет!.. Абсолютно!.. Совершенно ни о чем!..

— О! Ты ни о чем не жалеешь, проклятая сволочь!.. А! Ты совершенно доволен?.. А как же дом? Ты подумал о плате? Они явятся в субботу, мой мальчик!.. Именно в субботу, и ни днем позже!.. Есть у тебя тысяча двести франков?.. Может, они у тебя с собой?.. Что они обещали, ты хорошо знаешь!.. Они уже учли наш вексель!.. В полдень они придут! У тебя есть с собой деньги?.. Даже не в час! В полдень!

— Черт побери! Черт побери! и еще раз черт побери! В конце концов!.. Мне наплевать на твой дом!.. Ты можешь пустить его на дрова!.. Последние события освободили меня от всего!.. Ты меня понимаешь?.. Скажи, жалкая дура?.. Горечь! Злоба! Долги! Опротестованные векселя!.. Мне наплевать на все это! Ты меня слышишь? Мне насрать на все! Да!..

— Насрать! Насрать! Долги! Долги! Есть у тебя с собой деньги, говори, скотина?.. У Фердинанда есть шесть сотен монет на все про все! Я-то это прекрасно знаю!.. Они у вас, Фердинанд?.. Вы их

не потеряли? Но с нас-то требуют 1200 франков, а не 600!.. Ты это знаешь?..

— Фу! Фу! Ни шагу назад!.. Гангрена! Тебе дорога гангрена?.. Ампутация!.. Ты понимаешь меня, болонская колбаса? Полная ампутация! Ты, я чувствую, выпила все белое вино! Я отсюда чувствую! Запах чеснока! Да! Что спасать? Послушай, у тебя воняет изо рта! Спасать сгнившую культю? С личинками? Мухами? Никогда! Никогда! Ты слышишь меня? Никогда я не стану связываться с простонародьем! Пока я жив! Крах! Измена! Подлость! О! Нет! Ни за что я не отвечу злом тем, кто причиняет мне боль!.. О! Никогда!.. Фердинанд! Ты меня слышишь?.. Пользуйся случаем! Смотри и попытайся постичь подлинное величие! Фердинанд! Ты увидишь собственными глазами!

— Но честное слово! Ты просто пьян!.. Да вы оба напились! Они приходят ко мне пьяные, эти скоты!.. И еще облаивают меня!

— Величие! Успокойся, идиотка! Мой отъезд? Что ты знаешь об этом? Ты ничего не знаешь!.. Я уеду далеко! Гораздо дальше!.. чем я говорил!.. Ненавижу любые провокации! Что могут понять эти грязные бурдюки? А! Эти гнусные ублюдки?.. Что во мне главное? Это благородство, Колбасина!.. Ты слышишь меня? Ты, от кого вечно воняет

кислятиной?.. Ты понимаешь это? Скажи, Луковица? Благородство! Ты слышишь меня? Чего стоит твой «Гавот»? Черт бы его побрал! Черт бы его побрал!.. В сравнении с благородством! Просвещением! Высшей мудростью!.. А! О! Безумные ландскнехты!.. Низкие грабители!.. Я проиграл, мой милый Фердинанд!.. Я не могу поверить собственным глазам! Это непостижимо!.. Вчера я еще был в зените славы! Пресыщенный благосклонностью! Мне льстили! Мне подражали! За мной бегали! Жизнь была как дивный праздник! Меня приглашали со всех концов света! Ты видел это? Ты сам это читал!.. И что же сегодня?.. Трах! Бум!!! Все исчезло! Ударила молния!.. И все! Я только атом!.. Но атом, Фердинанд, это все!.. Изгнание, Фердинанд!.. Изгнание? — его голос наполнился грустью… — Да! Пусть так! Я свободен! Сама судьба открывает передо мной двери! Изгнание? Пусть! Для нас двоих!.. Мне уже давно это все надоело! Это правда! На меня обрушился удар! Сверху! Осанна! Возврата нет! Все против меня!.. Наконец-то… Такова моя судьба… Уже столько лет она меня преследовала! Терзала! истощала меня!.. И вот развязка!.. Я вижу ее подлинное лицо! Я насилую ее! Да! Прямо в общественном месте!.. Какой пассаж, Фердинанд!..

Какой спектакль! Я дошел до предела, моя Ирен!.. Яростная! Страждущая! Вечно орущая! Ты слышишь меня?.. Мы видели, как сегодня днем она напала на нашу независимую газету! Растоптала последний очаг разума! Фердинанд свидетель! Растоптала! Уничтожила! Стерла с лица земли!.. Я ухожу! Я бросаю все!.. Я должен вырваться из этого кошмара!.. О! тяжелейшая борьба!.. Пусть сосуд разбит! Отовсюду брызжет желчь! У меня все глаза полны ею! Но мой дух не пострадал… Вот оно, истинное вознаграждение! О! За мою бескомпромиссность! Вы меня слышите? Чтобы я теперь стал заискивать перед моими палачами?.. Пусть меня пытают каленым железом! Огнем! Но этому не бывать! О! Тьфу!.. Боги против меня! Пусть!.. Страдание — это дар Божий! Дар! Ненависть? Ненависть этих мелочных поставщиков!.. Изгнание… Разве я отказываюсь от него? Я? Это было бы недостойно меня!.. Мое последнее испытание? Прекрасно!.. — он даже захихикал от этого… — Мне послано испытание? Я польщен!.. Я совершенно доволен!.. Слишком жестоко?.. Гм! Гм! Не уверен!.. Такова Божья воля!.. Ты хочешь знать, Фердинанд, как я собираюсь выпутываться? Можешь думать, что угодно!.. Мне все равно! Послушай, Фердинанд! Вот ты все вкалываешь,

а ты видел когда-нибудь Пантеон?.. Скажи мне, бедняга!.. Ты ничего не замечаешь вокруг себя?.. Ты никогда не видел «Мыслителя»[133]? Он сидит на своем пьедестале… И что же он делает? А, Фердинанд? Он думает, друг мой! Да! Только и всего!.. Он думает! Ну хорошо! Фердинанд! Он один… Вот! И я тоже один! Он наг! Я тоже наг!.. Чем вы можете мне помочь? Несчастные… — ему было жаль нас обоих. — Толстушка!.. Ничем!.. А ты!.. Бедный мальчишка, мучимый эндокринными железами, удрученный собственным ростом! Просто беспозвоночный, если уж говорить до конца!.. А моя ведьма, что она может мне дать?.. полезного… бесполезного? Слабое эхо наших ушедших навсегда лет… Клятвы! Тяжелые испытания! Блеклые зимы! Страхи!..

— Как ты меня назвал? Повтори-ка! Только громче, чтобы я услышала!.. — Его последние слова ей не понравились… — Ты меня в гроб хочешь загнать, отброс?

Она терпеть не могла недомолвок… Она схватила китайскую вазу и требовала разъяснений… Чего он, собственно, хочет!..

---

[133] Примечания: 133

«Мыслитель» — имеется в виду бронзовая скульптура, выполненная Роденом, установленная в 1906 г. у Пантеона; с 1919 г. находится в музее Родена.

— Не слушайте его, Фердинанд! Не слушайте его!.. Это лишь новая ложь! Ни на что другое он не способен!.. Что ты сделал на кухне?.. Скажи мне сейчас же!.. С моей алтеей?.. Ты не знаешь? Он украл у меня ее!.. А на моем туалете? Бикарбонат? Тоже не знаешь? Ты использовал его для клизмы?.. Не перечь мне! А вода Валь? Куда ты ее дел?.. Ему ничего не дорого! Я привезла ее специально, чтобы принимать по воскресеньям!..

— Отвяжись от меня, в конце концов! Отвяжись, дай мне немного собраться с мыслями! Твои постоянные нападки выводят меня из себя! Это невыносимо!.. Как ты тупа, моя крошка!.. моя добрая! моя милая! мой ангел!..

Тогда она сорвала с головы шляпу, с силой втянула в себя сопли и облокотилась на спинку громоздкого массивного стула…

— Отвечай же! — повторила она… — Куда ты дел мою алтею?..

Он ничего не мог ответить… Она вцепилась в спинку стула… Он это заметил… Нырнул к своему рабочему столу… И выдвинул ящик. Они оба были готовы к объяснениям!.. Я скрылся в углу за камином…

— Моя милочка! Я прошу тебя! Я умоляю тебя, мое дорогое сокровище! Послушай меня! Всего

одно слово до того, как тебя занесет дальше!.. Послушай меня! Только ничего не ломай… Я все это продал! Боже мой! Все продал!

— Продал? Продал?.. Как все продал?..

— Ну все! Да, все! Еще утром! Мне неприятно тебе об этом говорить! В «Кредит Лементаль»!.. Месье Рамбону! Ты знаешь его? Из юридического отдела! Больше ничего не оставалось делать! Кончено! Я все уничтожил! Распродал! Пустил на ветер! Вот! Ты понимаешь меня? Теперь ты поняла, моя лапочка? Здорово, правда? Это тебя не успокаивает? Завтра, я говорю тебе!.. Завтра утром они явятся сюда!..

— Завтра? Завтра? Завтра утром?.. — Она повторяла это, как эхо… Она была еще в прострации…

— Да, завтра! Я уже все оформил! Тебе остается лишь подписать доверенность!

— А! скотина! Сволочная скотина! О! Он грабит меня, бандит! Никогда бы я даже не подумала, что он способен на такое!.. А я-то, недотепа!..

Тут она выпустила стул, свалилась на него и застыла, взмахнув руками, в полном оцепенении… Она только всхлипывала, и все!.. Она действительно была не так уж сильна… Он довел ее!.. Она смотрела через стол, в другой конец комнаты, на своего пьяницу, как смотрят на ужасного

спрута, невероятное чудовище через стекло аквариума… Это было какое-то жуткое наваждение из другого мира… Она не верила своим глазам… Действительно, здесь она была бессильна… Больше сделать ничего было нельзя!.. Она отступила, полностью побежденная… и дала волю своему горю… Она так сильно рыдала у буфета и так сильно билась об него головой, что посуда сыпалась на землю… Его же больше не волновали подобные мелочи… Он продолжал объяснять выгоду заключенной сделки… И обосновывать свои позиции…

— Ну так, Фердинанд! А? Ты видишь… Ты, может быть, теперь понимаешь. Ты наконец можешь себе представить, что такое личная отвага?.. Ты улавливаешь? О! Мое решение глубоко продумано… Оно мудрое и, Боже мой, зрелое… Примеры? Предшественники? Их достаточно, мадам! Сколько угодно! И самых известных! Марк Аврелий? Отлично! Как он поступал, этот хрыч? В очень похожих обстоятельствах? Измотанный! Опозоренный! Затравленный! Изнемогающий от бесчисленных заговоров… низости… коварства… злодейских убийств… Как он поступал в подобных ситуациях?.. Он бежал, Фердинанд!.. Он оставлял ступени Форума этим шакалам! Да! В одиночестве! в изгнании! он искал исцеле-

ния! Собирался с духом!.. Он оставался наедине с собой!.. И ни души больше!.. Он вовсе не искал общества бешеных собак!.. Нет! Фу!.. А? Пугающее отречение?.. А чистый Верньо[134]? В час резни, когда стервятники собираются на грудах трупов? Когда те смердят?.. Что делал он, чистейший из чистых! В чем суть его мудрости?.. В эти беспорядочные минуты, когда любая ложь стоит жизни… Собирался ли он оправдываться? Отрицать? Пережевывать грязь?.. Нет! Он один нес свой крест!.. В одиночестве, возвышаясь над всеми!.. Он отказывался от всего!.. Погружение в молчание!.. Он молчал! Вот, Фердинанд! Я тоже молчу, Боже мой!..

Де Перейр был не такого уж высокого роста и, чтобы произвести на меня большее впечатление, старался выпрямиться… Он все еще был зажат между печкой и громоздким буфетом… У него было мало места… Он смотрел на нас двоих… И когда он смотрел, ему в голову вдруг пришла какая-то мысль!..

— Не могли бы вы… — сказал он, — выйти?.. Немного прогуляться?.. Я хотел бы остаться один… Только на одну минуту!.. Мне нужно кое-

---

[134] Примечания: 134

Пьер Виктюрньен Верньо (1753–1793) — французский революционер, оратор, жирондист. Был гильотинирован.

что здесь прибрать!.. Пожалуйста! Пожалуйста! На секунду!..

Предложение было совершенно нелепое, особенно в этот момент! Мамуля на пороге, закутавшаяся в свою шаль, имела совершенно жалкий вид!

— Ты выпроваживаешь нас отсюда?.. Ну, ты совсем уж разошелся!

— Дайте мне хотя бы минут десять!.. Я больше не прошу! Это необходимо! Крайне необходимо! Срочно! Будьте так добры! Дайте мне секунду покоя! На секунду оставьте меня одного!.. Вы не хотите? Это же совсем не сложно… Сходите, погуляйте в саду! Там гораздо лучше, чем в доме! Давайте! Давайте! Я вас позову! Вы согласны?..

Он очень настаивал. Здесь у него не было большого подвала, как в «Самородке», чтобы думать сколько хочется!.. У него было всего три маленькие комнаты… Я видел, что, если я не уведу мамулю, то они, упрямые и несговорчивые, сейчас же вцепятся друг другу в волосы!.. Она была особенно склочная… Поэтому я стал подталкивать ее к коридору…

— Вернемся через пять минут!.. — сказал я. — Позвольте мне!.. Оставьте его в покое… Он уже надоел… А мне нужно с вами поговорить…

Она захотела взять фонарь… Время для прогулок было не самое подходящее!.. Было все же довольно прохладно! Можно сказать, что она была в ярости… Она была очень расстроена… и не переставала визжать…

— Он сделал это, свинья! Сатир! Последняя сволочь! И все это мне, Фердинанд!.. Мне!..

Она металась вдоль забора… И несколько раз споткнулась со своим фонарем… Она бормотала проклятия… Мы прошли мимо парников. Там она остановилась… Продолжая скулить и всхлипывать, она захотела мне все показать… Поднять стенки, чтобы я мог лучше рассмотреть ростки… травинки… «Все это, Фердинанд! Все это! Вы меня слышите! Все это я посадила… Совсем одна!.. Это не он! О! Нет! Конечно!..» Мне пришлось посмотреть еще раз… и репку… и крошечных улиток!.. Блюдца для круглой тыквы… Она приподнимала все крышки… все рамы… там был даже цикорий!.. Мы обошли каждую грядку… Под конец она совсем расчувствовалась… Она рассказала мне, как ей приходилось тяжело во время засухи! Это она носила воду, целыми кувшинами… снизу… из-под крана… с самого конца аллеи… Ее горе было беспредельно… Она то садилась… то вставала… Мне пришлось осмотреть большую бочку для

дождевой воды… ее всегда не хватало…

— А! Это правда!.. — подскочила она… — Вы не знаете его системы!.. О! Это, однако, очень интересно! Его замечательное изобретение!.. Вы, значит, совсем не в курсе?.. Однако это вещь! О! Он никогда не сделал ничего лучшего! А я-то, дура, была против! Поверьте! О! ля! ля! Чего только я не говорила! Как я возражала!.. Все напрасно! Абсолютно! Он упрям, как 36 тысяч мулов! Он плюнул мне в рожу! Но и за мной дело не стало! Можете в этом не сомневаться! Чего ради? Чтобы разрушить мне часть палисадника!.. И еще 18 рядов морковки! Целых 18!.. 24 — артишоков!.. Только чтобы возвести, и что же? Ангар!.. И нужно было видеть, в каком состоянии!.. Свинья не нашла бы там своих поросят!.. Настоящий мусорный ящик, поверьте мне! Выгребная яма! Вот что он соорудил в моем углу!..

Мы отправились в ту сторону, она светила мне фонарем…

Это оказалась маленькая каюта… Почти полностью зарытая под землю… торчала только крыша… Внутри под брезентом я различил… какие-то обломки!.. Это были сломанные инструменты… Все было свалено в кучу… и еще большую забытую и заржавевшую динамо-ма-

шину, опрокинутый резервуар… погнутый руль… и цилиндрический мотор… Изобретение Куртиаля… Я слышал о нем… «Волновой генератор»… Призванный способствовать росту растений… Такова была идея… Ему был посвящен целый номер «Самородка». «Будущее сельского хозяйства через призму радиотеллурии»… А также три учебника и целая куча статей (с 24 рисунками)… как пользоваться установкой… Кроме того, для агитации мелких промышленников было организовано две конференции в Перре и Жювизи… Но это не расшевелило их… И тем не менее по де Перейру следовало при помощи «Генератора» направлять на корни растений лучи теллурических излучений, без которых растения были просто обречены на гибель!.. «Мой подкорневой полив, — говорил он, — бесконечно более полезен, чем вода! Электрический ливень! Покровитель фасоли!» И как обычно, у него получалось, что с минимальными затратами, без особого труда можно было вырастить испанский козелец размером с большую репу… К вашим услугам были все гаммы магнетизма недр земли!.. Овощи на любой вкус! В сезон! Вне сезона!.. Это было просто замечательно!..

К несчастью, многочисленные заботы, неуряди-

цы и неприятности в «Самородке» не позволили ему ввести свою систему в действие… Конденсаторы не работали синхронно… Требовалось постоянное наблюдение… Он мог запускать их лишь на 2–3 часа по воскресеньям… Излучения было явно недостаточно… Но в остальные дни недели он был слишком занят! Его одолевали сплетни и всевозможные конкуренты!.. Мадам де Перейр абсолютно не верила во всю эту теллурическую чушь…

— Я повторяла ему это много раз… но ему все было как о стенку горох!.. Не правда ли, это знакомо?.. Твоя система никогда не будет действовать! Это просто невозможно, Боже мой! Это будет еще одной глупостью!.. Ты разрушишь дом своими канавами! И погубишь все овощи, которые мы вырастили! Потоки электричества? Чего ты добиваешься?.. Они не остаются в земле! Они уходят в воздух, идиот!.. Это же общеизвестно! Доказательство тому — гроза! Взгляни на дороги! Сколько тратится денег, чтобы проложить телефонный провод! А как же громоотводы? Государство ведь не безумное! Если бы без этого можно было обойтись, то в это не вкладывалось бы столько труда!..

Я готова была встать перед ним на колени,

лишь бы он не разрывал огород!.. «Ты дура! Ты дура!» Как только он увидел, что я права, он начал меня оскорблять!.. Он стоял на своем!.. Скорее он дал бы себя разорвать!.. О! Я-то хорошо его знаю!.. Претенциозный? Самовлюбленный? Он? Да павлину далеко до него в этом отношении! Он ничего не хочет слушать… О! Это еще тот фрукт! Уже почти тридцать лет, как я его терплю! О! Я сыта по горло!.. Просто злости не хватает… И все напрасно!.. Он всех нас продаст!.. По дешевке. Помяните мои слова!.. Он готов снять с себя последнюю рубашку! И с вас снимет, Фердинанд! Он продаст все!.. Когда на него вдруг нападет страсть к переменам!.. Это уже не человек, а какой-то барабан глупостей! Это у него от ярмарок! И чем старше он становится, тем больше с ним хлопот! Он еще больше грешит! Это невозможно не видеть! Я не дура! Это настоящее исчадие ада!.. Фердинанд!.. И он неизлечим! Это безнадежный случай! Я не могу больше иметь с ним дело!.. Совсем!.. Я сказала ему в самом начале, когда он только заговорил о своей системе… «Ты, Куртиаль, всегда суешь нос не в свое дело! В сельском хозяйстве ты ничего не смыслишь!.. Не больше, чем в лифтах или производстве пианино!..» Но он же всегда все знает! Это его главный недостаток… Все знает!

Он сует свой нос во все дыры! Это человек, всюду сующий свой нос! Его претензии не имеют границ!.. То он одержим химией!.. На следующий день — это швейные машины!.. Послезавтра это будет свекла! Все время что-то новое!.. Конечно, так он ничего не достигнет!.. Его настоящее призвание — это воздушные шары! Я всегда на этом настаивала! Я всегда говорила ему: «Куртиаль! Воздушный шар! Куртиаль! Воздушный шар! Это единственное, на что ты способен! В любой другой области у тебя будут одни неприятности! Не стоит и пытаться! Твой конек — воздушные подъемы! Только на это мы можем рассчитывать! Если ты будешь заниматься чем-либо другим, ты потерпишь крах! Мы кончим тем, что будем делать бумажные цветы в Мелане[135]!..»

Я тысячу раз твердила, долбила, говорила ему об этом! И что же! «Пошла вон, старая калоша!» Шар? Он даже не хотел о нем слышать. Если он вбивал себе что-то в голову, его было невозможно переубедить! Я-то это знаю! Натерпелась! месье считал себя «писателем»... Я ничего не смыслю! А он «ученый», «апостол»! Я знаю, кто он такой! Обыкновенная, самая заурядная посред-

[135] Примечания: 135

...будем делать бумажные цветы в Мелане!.. — имеется в виду Центральная тюрьма, находившаяся в этом городе.

ственность! Грабитель! Полишинель! Грязный ублюдок! Хрипун!.. Клошар, это я вам говорю! У него нет ни капли совести! Он заслуживает того, чтобы умереть под забором! И так будет! Это будет достойным концом для него! Да! Вот во что он превратился!.. Он все везде только портит! Его уже гонят отовсюду!.. Он думает, я этого не вижу!.. Он может сколько угодно брызгать своей слюной! Меня он не обманет! Я все понимаю!.. Со мной это так просто не пройдет!.. О! Нет! Ему не следует обольщаться по этому поводу! О! Господи! О! Я не так проста!..

Она снова вернулась к своей идее фикс!.. Опять заговорила о «Верном»!.. С первых дней ее замужества… Начались подъемы на воздушном шаре… Его уже тогда было нелегко надуть полностью… У них всегда не хватало газа… Оболочка была слабая и не слишком водонепроницаемая… Но все равно они были молоды, и это было прекрасное время… По воскресеньям она поднималась вместе с де Перейром… А на неделе она работала акушеркой… Она ставила банки, делала кровопускания… оказывала мелкие услуги… Она

хорошо знала Пинара[136], который принимал роды у Царицы… Она не могла вспоминать о нем без волнения… Это был всемирно известный акушер… Среди грядок на огороде… было довольно прохладно… Небо в окрестностях светлело… Я дрожал, ковыляя за ней, шаркая ногами… Мы поднимались по небольшой аллее уже в сотый раз… И опять спускались… Она опять заговорила о налогах!.. Их жилище располагалось у песчаника… Оно, должно быть, немало стоило!.. А я как думаю — точно ли он продал его по дешевке?.. Но я ведь не мог знать всего… Он был скрытен и многого мне не говорил! Я даже не знал этого месье Рамбона!.. Я никогда его не видел… А «Кредит Лементаль»? Я тоже ничего об этом не знал!.. Короче, я вообще ничего толком не знал!..

Постепенно мы начали различать очертания соседних домишек… Большой пустырь… высокие трубы… фабрику в Аркёй между виноградниками и прудом… От нее сильно пахло корицей… Теперь уже стали видны все окрестные виллы… большие и маленькие… выкрашенные в разные цвета… Это напоминало столпотворение… Они как буд-

---

[136] Примечания: 136

Пинар Адольф (1844–1934) — акушер и профессор гинекологии в родильном доме Бодлок, считается одним из прогрессивно мыслящих врачей того времени и одним из апостолов педиатрии.

то нападали друг на друга, теснясь и толкаясь в окрестных полях!.. Корявые, приплюснутые, надменные, кривобокие… все сталкивались между собой!.. ветхие!.. хилые! разваливающиеся… качающиеся всем остовом!.. В этих пропитанных мочой кирпичах затаилась смерть… Все они едва держались!..

На участке рядом виднелась маленькая достопримечательность, деревянная церковь в уменьшенном виде, что-то вроде Нотр-Дам, фантазия столяра! Там он разводил кроликов…

Мамуля говорила даже с некоторой гордостью, показывая мне все это!.. Наконец она выдохлась… Начала путаться… ей все надоело. Вот уже, по крайней мере, два часа мы находились на улице на сильном холодном ветру!..

— Довольно! Ему наплевать на нас… и нам пора послать его к черту с его причудами!.. Я тоже выгоню его, вот увидишь… Я ему покажу, этому грязному ублюдку!.. Пройдем здесь, Фердинанд! Через кухню! Он злоупотребляет нашей добротой, этот жалкий кривляка… У меня может начаться плеврит!..

Она потащилась к крыльцу… В тот самый момент, когда она открыла двери, вдруг появился де Перейр, он вышел нам навстречу… И застыл у

стены… Как будто он нас искал… Он был страшно взъерошен… И кутался в большую скатерть со стола!.. Он сделал из нее пелерину, проделав дырку для головы, застегнув булавками и подпоясавшись толстой веревкой… В таком виде он спустился на пять ступенек и схватил меня за руку… У него был очень сосредоточенный вид… Он как будто чем-то очень взволнован… Он потащил меня в глубь сада, к последней грядке с парниками… Наклонился, сорвал редиску и показал мне ее, пихнув прямо в нос…

— Ты видишь? — сказал он… — Посмотри хорошенько!.. Ты видишь ее?.. Ты видишь ее величину?.. А ту грушу? Ты ее видишь? И еще вот это?

Это был странный овощ, неизвестный мне…

— Ты его видишь?..

— Да! Да! — ответил я.

— Пройди теперь сюда! Быстрее! Быстрее!

Он потащил меня в другой конец сада… Наклонился, встал на колени, пополз и просунул руку за забор… Он тяжело дышал… И копался на соседнем участке… Он сорвал еще одну редиску… Достал ее… И показал мне… Он хотел, чтобы я их сравнил… Он торжествовал!.. Редиска соседа действительно была совсем маленькая, крошечная

и бледная!.. Ее едва было видно… Он пихнул мне под нос обе редиски… свою и соседскую…

— Сравни, Фердинанд! Сравни!.. Я не подталкиваю тебя! Решай сам!.. Я не знаю, что сказала тебе мадам де Перейр! Но ты только посмотри!.. Сравни! Взвесь!.. Убедись во всем сам! Большая! Моя! С теллурией! Взгляни! Его — без теллурии! Крошечная! Сравни! Вот! Я молчу, чтобы тебе не мешать!.. Только выводы!.. Выводы, которые можно и необходимо сделать!.. А ведь надо заметить, что у меня на этом поле, крайне неблагоприятном по своей структуре, расположена только самая простая вспомогательная теллурическая установка!.. Вспомогательная! Я повторяю тебе!.. Небольшая модель типа «Вихрь»!.. Нужно, конечно, чтобы соблюдались основные условия! Все корни должны быть здоровыми! О! Да! Здоровыми! И на известковом участке… если это возможно, немного магнезии… Без этого не обойтись!.. Сам посуди… Ты понимаешь меня? Нет?.. Ты меня не понимаешь! Ты совсем, как она!.. Ты ничего не понимаешь!.. Ну да! Ну да! Точно! И вместе с тем, крупный редис! Ты хоть видишь его? Вон он, в твоей ладони! А маленький тоже видишь?.. Хилый! Крохотный!.. Какой-то редисочный недоносок?.. Но ведь это тоже просто редис? Ведь это неспро-

ста? Послушай, ты меня удивляешь!.. А очень крупный редис, Фердинанд?.. Представь себе огромный редис!.. Размером с голову… Представь, что я его надуваю до таких размеров при помощи теллурических излучений, я! Вот эту крошку!.. Ну что? А? Как настоящий шар!.. А? И я выращу так сто тысяч!.. редисок! Только редис! Все более и более объемистый… Каждый год по собственному усмотрению!.. Пятьсот тысяч!.. Огромных редисок! Груш!.. Настоящие редисочные тыквы! О! Каких еще никогда не видели! Я сразу же устраняю все маленькие редиски! Я очищаю рынок! Я монополизирую! Захватываю! Кончено! Больше этого не будет! Всей этой мелочевки! Пустячков! Грязного мелочного огорода! Конец крошечным пучкам! Мизерным поставкам! Просто чудо, что они до сих пор существуют! Это устарело!.. Это бездарное разбазаривание и растранжиривание средств! Это позор!.. Нужен огромный редис! Вот моя цель! Будущее принадлежит редису! И моему!.. Кто может мне помешать? Питателен ли мой редис! Феноменально!.. Мука из редиса на 50 % калорийнее любой другой… «Редисочный хлеб» для народа! Это стоит всей австралийской пшеницы, вместе взятой!.. Я проводил анализы!.. Теперь что ты думаешь? До тебя доходит? Это

тебе ничего не говорит? Ей тоже! Но мне!.. Если я займусь редисом… Хотя бы редисом в качестве примера!.. Я мог бы взять и репу!.. Но возьмем редис!.. Все будут поражены! О! Итак! Я им займусь!.. Отныне всерьез!.. Всерьез! Ты слышишь меня?.. Взгляни туда!..

Он вцепился в меня и потащил вперед… к южной стороне… Оттуда, это точно… был виден весь Париж!.. Город, как огромное животное, растянулся на горизонте… Черное, серое… все вибрировало… дымилось… издавало грустный шум и тихонько ворчало… напоминало панцирь… краны, провалы, шпили, цепляющиеся за небо… Но де Перейр как будто не замечал всего этого и продолжал говорить… Он на что-то указывал… вытянувшись у балюстрады… Голос его стал торжественным… Это было там, внизу… Над осыпающимися карьерами…

— Смотри, Фердинанд! Смотри!..

Я из последних сил таращил глаза… я действительно очень устал… Мне хотелось, чтобы он поскорее отвязался от меня…

— Дальше, Фердинанд! Дальше! Теперь ты видишь город? Вдалеке! Ты видишь Париж? Столицу?..

— Да! Да!.. Да!.. Конечно!..

— Они там едят, не так ли?..

— Да! Месье Куртиаль!..

— Каждый день, не правда ли?..

— Да! Да!.. Да!..

— Ну хорошо!.. Слушай же, что я скажу тебе!..

Наступила небольшая пауза… Он замечательным образом начал месить воздух руками… Потом присел… Слегка приподнял свой широкий плащ… И застыл в необычной позе… Он опять собрался бросить кому-то вызов?.. Он заранее захихикал… Он был язвителен… Он кого-то отталкивал… отодвигал в сторону… видения… призраки… Тут он с размаху хлопнул себя по башке… О! Ну да! Боже мой! Пусть так! Он ошибался! О! Случайно! И уже давно! О! Ошибка не в счет!.. Он снова окликнул меня!..

— Скажи-ка, они едят, Фердинанд!.. Они едят! Да, так! Они едят!.. А я, несчастный безумец!.. Что я делал?.. О, бесплодная борьба! Я наказан! Сражен!.. Я истекаю кровью! Как я мог забыть? Я?.. О! О! О! Где она находится? В их животе, Фердинанд! А не в их голове! В их животе! Они служат своим животам! Я обращаюсь к их животу, Фердинанд!..

Он обращался также и к городу… Целому городу! Тому, что ворчал в тумане…

— Свисти! Свисти, шлюха! Хрипи и вой! Ворчи! Я слышу тебя! Обжоры!.. Прорвы!.. Все изменится, Фердинанд!.. Обжоры! Это я говорю тебе!..

Он немного успокоился. И доверчиво мне улыбнулся!.. Он улыбнулся сам себе…

— О! Конечно! Я клянусь тебе!.. О, да! Поверь мне! Бог свидетель! Ты можешь сказать об этом хозяйке! О! Несчастные! О! Все наши беды позади! О! Я начинаю понимать! Дух страждет! Над ним издеваются! Меня преследуют! Меня топчут! На виду у всего Парижа! Ладно! Хорошо! Пусть! Пусть они все покроются коростой!.. Пусть их поразит проказа! Пусть они барахтаются в ста тысячах рвов, полных гноем и калом! Я сам их столкну туда! Пусть они захлебнутся! Пусть они агонизируют в своей гангрене! Они этого заслуживают! Если же они захотят меня увидеть, я уже буду не тот!.. Довольно разума! Его нужно похоронить!.. Обратимся к чреву, Фердинанд!.. К истокам колик! Нет, еще дальше! К коровьему навозу! О! Чавкающая грязь! Тьфу! Но это эврика! Выход? Вот я! Чего я достиг? Я, Куртиаль! Лауреат премии Попэнкур[137], Нишам и многих других!

---

[137] Примечания: 137

Попэнкур — фамилия первого председателя парижского парламента, так же называется улица в 11-м округе Парижа, но такой премии никогда не существовало.

1722 воздушных подъема! Но при помощи редиса! С редисом! Да! Ты увидишь! Ты обо мне еще услышишь! Это будет апогей! О, моя Ирен! Моя бедная ревнивица!.. Не теряя ни секунды!..

Он на мгновение задумался…

— В этом гравии… На этом песчаном участке? Да никогда! Здесь? Тьфу! Мои доказательства налицо! Достаточно этой небывалой сельскохозяйственной культуры! Нельзя терять времени!

Он снова радостно захихикал, подумав о чем-то!.. Ему показалось это слишком смешным!..

— О! ля! ля! Заберите у меня все это!.. — он указал на свою хижину…

— В деревню! О! Туда! Да! В деревню! О! Я уже там! Простор! Лес!.. Пастбища! Овес! Птица! Там все это есть!.. И самое главное, редис!.. Посмотри-ка на меня!.. И с излучением на полную мощность!.. Ты слышишь меня, на полную мощность! Настоящими волнами!.. Ты сам увидишь, Фердинанд! Все! Абсолютно все!.. бешенство волн!..

Мамуля уже не держалась на своих костылях. Она прислонилась к забору… И слегка похрапывала… Я встряхнул ее, чтобы она тоже зашла в дом…

— Я сварю вам немного кофе!.. Я думаю, он еще есть!.. — сказала она… Но мы напрасно его

искали… Он все выпил, скотина!.. И сожрал все остатки… Больше в шкафу ничего не оставалось… Ни крошки! А ведь там был почти целый камамбер!.. А нам можно подыхать с голоду!.. Он прикончил даже остатки фасоли!.. Черт побери! Тут я тоже вышел из себя!..

Мы заорали ему, чтобы он вернулся… «Я иду на телеграф! — ответил он издали… — Я иду на телеграф!..»

Он был уже в пути… Он прекрасно все соображал.

* * *

Мы дрыхли чуть ли не сутки… На следующий день мы должны были собирать манатки!.. Он в самом деле продал хибару! И еще часть мебели… За ту же цену… Чтобы мы быстрее выметались, покупатель дал в придачу еще небольшой аванс… Нужно было видеть, как он трясся, чтобы перед уходом домишко не повредили!..

В тот же день, около полудня, пока мы жрали, он мерил шагами нашу ограду… Впускать его мы не хотели. Мы его уже несколько раз выгоняли под разными предлогами… Должны же мы были закончить еду… Черт побери! Этот жуткий тип никак не мог устоять на одном месте! На него было страшно смотреть… От волнения он измял в руках свою шляпу… И изорвал ее… Он то и дело начинал ходить, скрестив руки за спиной… Согнутый, нахмуренный. Он метался, как зверь в клетке! Хотя и находился на широкой дороге!.. Более того, каждые пять минут он кричал нам сквозь двери: «Не повредите уборную! Я осмотрел горшок! Он неровный. Поосторожнее с моим умывальником! Новый стоит 200 франков!..»

В какой-то момент он не выдержал!.. И снова направился в сад. Сделал три шага по аллее… Мы решительно вышли и вытолкали его… Он еще не имел на это права! Куртиаль был возмущен подобной чудовищной наглостью!..

«Вы вступаете во владение только в шесть часов вечера! В сумерки! Это четко оговорено в наших условиях…». Было отчего потерять голову!..

Покупатель принялся наблюдать издалека. Он роптал все громче. Нам даже пришлось закрыть окно, чтобы спокойно обсудить наши дела… Куда мы направимся? В ту сторону? Или в другую? Сколько у нас оставалось денег? У Куртиаля? И у меня?

Де Перейр со своим сельскохозяйственным планом и радиотеллурической техникой должен был обойтись нам в безумную сумму! Он уверял, что это не слишком дорого… Наконец-то начиналось настоящее дело… Мы вынуждены были поверить ему на слово… У него уже намечено место для испытаний… На опушке около Сены и Уазы. Самые широкие возможности… Если верить его словам… Ферму нам отдавали практически даром… Впрочем, это было уже обговорено с агентством… Этот мошенник обвел нас вокруг пальца! Он обделал все свои дела!.. Он уже теле-

графировал… И показал нам объявление из «Эха Земли». Он не скрывал своего удовольствия, видя наши рожи, когда мы это слушали… Толстуха и я не особенно радовались… «Участок и несколько прилегающих к нему с юга. Занятие овощеводством предпочтительно, но не обязательно… Здание в прекрасном состоянии…» и т. д.

— Смелее! Смелее! Черт возьми! Чего вы хотели от меня? Шале в Булонском лесу?.. В Багатель?.. Так нужно было меня предупредить!.. Я нашел это объявление! На странице «недвижимости»… — Он уже наслаждался открывающимися перспективами… Как бы читая между строк… Теперь или никогда!..

Покупатель нашего дома, пока мы завтракали, продолжал шуметь и корчиться у решетки… На него было жалко смотреть, глаза у него вылезли из орбит… И свисали на щеки… От сильного крика рот больше не закрывался… Оттуда теперь шли пузыри… До шести часов покупатель мог не продержаться!.. Вожделение было слишком сильным! «Сжальтесь! Сжальтесь!» — умолял он нас…

Куртиалю нужно было скорее доесть сыр и заскочить на телеграф, чтобы подтвердить свой «выбор». Покупателя впустили. Несчастный от

признательности готов был лизать ступеньки!..

Мы вдвоем с мадам де Перейр начали собирать вещи… Все мелочи, кастрюли и матрацы… Все, что не было продано!.. Мы уносили с собой!.. Более того, я должен был еще под покровом сумерек тащиться к Пассажу Монпасье… И посмотреть там, на месте, действительно ли ничего нельзя спасти?.. Может быть, мне удастся выловить нашу «Поликопию»? Это была наша гордость! Совершенно новая прекрасная машина, столь необходимая нам теперь… А небольшая плитка «Мирмидор»? Работавшая на масле?.. И может быть, еще три или четыре подшивки старых брошюр?.. Особенно космогонию об «Альфе»! Столь важную для Куртиаля… Возможно, эти скоты не успели еще все разрушить и взорвать?.. Может быть, там что-нибудь еще осталось под обломками? А миниатюрный альтиметр?.. Подарок из Южной Америки!.. Куртиаль не переживет, если его не удастся найти!.. Конечно! Я попытаюсь!.. Решено!.. Но самым печальным было то, что и она собиралась идти!.. Она не настолько мне доверяла! Она хотела убедиться во всем сама!.. В этом вопросе она не могла полностью положиться на меня!.. «Я пойду с вами, Фердинанд! Я пойду с вами!..» Она еще не видела собственными глазами

того, что произошло!.. И у нее теплились какие-то надежды!.. Возможно, она считала, что над ней просто смеются…

Куртиаль вернулся с почты. Мы с мадам де Перейр пошли в комнату разбирать последние шкафы… Ему, в свою очередь, предстояло разобраться с этим хлыщом, который все продолжал протестовать по поводу якобы нарушаемых нами условий!.. Чуть ли не силой нам удалось забрать все наше барахло и еще несколько полотенец… Оказавшись в доме, он окончательно обнаглел. Чтобы научить его соблюдать приличия, мы опять выбросили его наружу! Тогда он начал так дергать прутья, что вывернул всю решетку… Его там и зажало… Как крысу в мышеловке!.. Никогда еще я не видел, чтобы человек так страшно корчился!.. Это был ужасный покупатель!.. Он был настолько не в себе, что даже не заметил, как мы со старухой ушли… Мы сели на омнибус…

Когда мы прибыли в Париж, было уже темно… Мы торопились… В галереях Пале мы никого не встретили… Все соседние лавки были уже заперты… На месте нашей же зияла одна большая дыра… Бездна с покачивающимися балками… Только теперь старуха поняла, что произошла настоящая катастрофа!.. От «Самородка» ничего

не осталось! На самом деле!.. Только отвратительная куча мусора… Склонившись над дырой, мы тщательно осматривали обломки… Нам удалось различить остатки нашего Альказара!.. Уголок Вкладчика!.. Куча картона и мусора под грудой камней!.. Там же был и этот чудовищный батискаф! Катапульта!.. Застрявшая между фундаментом и подвалом… Она собой закрывала всю впадину!.. Мамуля Куртиаль, видя все это, решила тем не менее спуститься вниз… Она была убеждена, что хоть что-нибудь удастся спасти… Я говорил ей, что так рисковать не стоит… Того и гляди все окончательно рухнет! И раздавит ее!.. Она стояла на своем… Она ступила, балансируя, на висячую балку… Я держал ее за руку… сверху… Меня аж трясло, когда я смотрел, как она качается над бездной… Она подвязала свои юбки, задрав их до талии. Заметив просвет между стеной и батискафом, она полезла туда… И исчезла в темноте… Я слышал, как она копошится в глубине бездны… Тогда я окликнул ее… мне было очень страшно… Раздалось эхо, как в гроте… Она мне не ответила… Примерно через полчаса она снова показалась в отверстии… И позвала меня на помощь… Я довольно удачно подхватил ее за петли кофты… И стал тащить изо всех сил…

Наконец, вся обсыпанная мусором, она показалась на поверхности… Ее можно было принять за огромный мешок… Стоя на краю, я тянул изо всех сил… Мне было очень тяжело!.. Я заметил, что она что-то тащит за собой… Огромный лоскут шара!.. Кусок «Архимеда»… Громадный! Красный лоскут из заплат… Я хорошо знал эти лохмотья… Я сам прятал их между столом и подвальным окном… У нее была превосходная память! Она была очень счастлива…

— Знаешь, это нам пригодится! — бодро сказала она… — Это же настоящий каучук! Настоящий. Серьезно!.. Ты не представляешь, какой он прочный.

— Ну да! Конечно!.. — Я-то хорошо это знал, ведь я столько раз использовал его для заплат на шкуре нашего «Верного»… Во всяком случае, весил он немало… Даже аккуратно сложенный, он представлял собой здоровенный пакет… Высотой и весом с человека… Она не хотела оставлять его там… Она хотела забрать его, во что бы то ни стало, с собой…

— Ну, нам пора… — сказал я… Ну и здоровая она была: взгромоздила его себе на хребет и так с ним и ковыляла… Я не спеша шел за ней до улицы Радзивилл… Там я сказал ей:

— Идите вперед, мадам, но не торопитесь! Идите потихоньку!.. Останавливайтесь на каждом углу. Остерегайтесь машин! У вас достаточно много времени! Я иду за вами!.. Я догоню вас на улице Лафайетт! Мне нужно зайти в «Смуту»… Не нужно, чтобы они вас видели… Я оставил ключ мальчику!.. Ключ от чердака!.. Мне нужно туда заглянуть…

Это был лишь предлог, чтобы ненадолго вернуться назад. Мне хотелось посмотреть в Пассаже, нет ли там Виолетты… Теперь она ошивалась поближе к Колониальной Галерее[138]… там, за весами… Она заметила меня еще издали… Закричала: Оп! Оп!.. и побежала… Она видела меня со старухой, но не осмелилась подойти… Я расспросил ее, и она рассказала мне подробности… О том, что было после нашего отъезда… Сразу же после катастрофы… Все перемешалось! Шум не прекращался ни на минуту!.. Даже женщинам полиция задавала тысячу вопросов!.. Они интересовались подробностями нашей жизни!.. Не продавали ли мы кокаин? Не играли ли на скачках? Не занимались ли игорным бизнесом? Порнографией? Не принимали ли иностранцев? Не было ли у

[138] Примечания: 138

Колониальная Галерея — имеется в виду Орлеанская галерея, где с 1900 г. располагалась Колониальная контора.

нас оружия? Не связаны ли мы с анархистами?.. Девчонки просто обезумели от страха… Они не осмеливались теперь и близко подойти к развалинам!.. и околачивались в других Галереях… Больше всего они боялись, что у них заберут их карточки[139]!.. Вообще они опасались возможных последствий!.. Недовольны были все… Все соседние торговцы тоже заволновались… И ополчились против нас. Так, что трудно себе даже представить… Все они внезапно преисполнились негодования и ярости! Префект Сены был завален петициями… С требованиями очистить Пале Рояль!.. Чтобы больше не было места постоянным дебошам! Нас следовало лишить возможности заниматься там делами! Эти говноеды не хотели, чтобы мы продолжали их развращать!.. Виолетта испытывала ко мне симпатию и хотела, чтобы я остался… Только она была убеждена, что, если мы вернемся на то же место, начнется ужасная грызня и нас посадят в тюрьму… Конечно! Это было бесспорно!.. Нужно было отваливать!.. Чтобы нас больше здесь не видели!.. Не следовало играть с огнем! Я тоже так думал!.. Сматываться — и все! Но я-то что буду делать? Работать, но кем?.. Ее это

[139] Примечания: 139

Карточки — имеются в виду карточки, которые полиция тогда выдавала официально зарегистрированным проституткам.

мало волновало… И я ничего определенного сказать не мог… Я сам толком еще ничего не знал… Буду точно где-то в деревне… Услышав это, она сразу же заявила, что могла бы ко мне приехать… особенно во время болезни!.. Это с ней время от времени случалось! Ей постоянно нужно было уезжать на две-три недели не столько из-за болезни, сколько из-за легких… Она харкала кровью… В деревне кашель прекращался… Это было самым эффективным средством… Она прибавляла там по килограмму в день… Так мы и договорились… Я должен был написать ей первым, до востребования… Но обстоятельства сложились так, что я не смог сдержать слова… Я все время откладывал с письмом до следующей недели… И уже много лет спустя, проезжая через Пале… во время войны… я не нашел ее среди других… Я спрашивал у всех женщин… Даже имя Виолетта… не говорило им ничего… Никто ее не помнил… Все они были новенькие…

Таким образом, нам нужно было как можно быстрее сматываться этой же ночью. Ничего не поделаешь… Мне приходилось разрываться на части… Я хотел еще заскочить в Пассаж Березина, чтобы предупредить предков о том, что уезжаю в провинцию с де Перейром… Чтобы они не подни-

мали шум… и не разыскивали меня с легавыми…

Моя мать, когда я пришел, была внизу в магазине и чинила свои тряпки, она только что отнесла товар к Терн… Мой отец тоже спустился… Он услышал, как мы разговариваем… Я не видел его уже два года. От газа все лица становятся мертвенно-бледными, а он был просто пугающе бледен!.. Возможно, от удивления он начал так сильно заикаться, что ему пришлось замолчать… Он не мог сказать ни одного слова!.. Он не понимал того, что я говорю. Я уезжаю в деревню… Он не возражал… Нет!.. Они были согласны на все. Только бы я снова не сел им на шею!.. Я должен был выпутываться сам! В другом месте! Все равно как! Им было наплевать!.. В Иль-де-Франс или Конго… Их это мало смущало…

Мой отец тонул в своей старой одежде! Брюки вообще непонятно на чем держались!.. Он так похудел, просто весь усох, что его большая фуражка болталась на голове… съезжая на глаза… Он смотрел на меня из-под нее, явно не улавливая смысла фраз… Напрасно я твердил ему, что связываю свое будущее с сельским хозяйством… «А! А!» — отвечал он мне… и даже не был этим удивлен!..

— У меня все же… Слышишь, Клеманс? Сильно

болела голова… Сегодня днем… Это как-то странно… Ведь совсем не жарко?

Он задумался над этим… Он думал только о своих болезнях… Его больше не интересовало, ухожу я или остаюсь!.. Здесь я или там! Он слишком долго ждал… особенно после ужасного провала в «Конниванс-Инсенди»… Он уже не мог ни о чем думать… Это был слишком сильный удар… В конторе «Коксинель» ему было очень тяжело… его самолюбие постоянно задевалось!.. Становилось все хуже и хуже! Он испытывал такие потрясения, что в течение нескольких недель совсем не брился. Он был слишком расстроен… Он даже отказывался сменить рубашку…

Когда я пришел, они еще не ели… Она объяснила мне, что времена тяжелые, в магазине сплошные неурядицы… и постелила скатерть. Она хромала немного по-другому, может быть, чуть поменьше… Она по-прежнему очень страдала, но теперь сильнее из-за левой ноги. Она непрестанно всхлипывала и стонала… Стоило ей только сесть и отвлечься от боли… как приходил с доставки он… Он очень ослаб… и сильно задыхался… Он тоже устроился за столом… он больше не говорил и не ругался… А только медленно жевал… лук-порей… Время от времени у него

наступало прояснение, и он немного возвращался к жизни… По правде говоря, это было всего два раза, за все время моего пребывания там… И выражалось в ворчании… в ругательствах, которые он начинал бормотать в тарелку, и глухих хрипах… «Боже мой! Черт бы вас всех побрал!..» Снова начинал он ворчать… Он привставал… Поднимался из-за стола и ходил покачиваясь!.. Вдоль небольшой перегородки, отделявшей кухню… она была тонкая, как кожура… Он ударял по ней два-три раза… Но больше не мог… Пятился… И влезал на табуретку… глаза его блуждали по плиточному полу… внизу… руки болтались… Моя мать тихонько надевала на него фуражку… и делала мне знаки, чтобы я не смотрел на него… Она уже привыкла… Впрочем, это не могло его смущать… Он уже ничего не замечал… Он зациклился на своем слишком тяжелом положении в конторе… Его занимало только это… Уже два или три месяца он спал лишь один час в сутки… Голова его была забита собственными заботами… остальное его не касалось… Даже на торговлю ему было теперь наплевать… Он не желал об этом даже слышать… Мою мать это вполне устраивало… Я не знал, что и сказать… Я застыл, как столб, и не осмеливался шевельнуться! Я все же

попытался немного рассказать о себе… Так, кое-что… Не все, конечно!.. Только чтобы их немного развлечь и разрядить обстановку!.. Тут они вдруг все перекосились! Стоило им только услышать мою болтовню!.. Неожиданно это произвело противоположный эффект!.. О! Черт побери! Мне стало не по себе! Я тоже разозлился! Черт побери! В конце концов!.. Я всем этим был уже сыт по горло! Я уже достаточно молчал! И тогда и теперь!.. Я ведь пришел не попрошайничать! Не ради денег! Или жратвы! И ничего у них не просил!.. Просто мне не хотелось изображать сочувствие! Рыдать им в жилетку!.. Вникать в их горести… Я пришел не для того, чтобы меня утешали!.. И не для того, чтобы жаловаться… Я просто пришел попрощаться… Черт побери! Только и всего!.. Что им еще нужно было?..

Я сказал им в шутку:

— Я пришлю вам из деревни семена садового вьюнка!.. Он хорошо будет расти на четвертом этаже… И закроет стеклянную крышу!

Я сказал первое, что пришло мне в голову…

— О! Сразу видно, что ты не особенно напрягаешься! Ты не надрываешься здесь! Не лезешь вон из кожи! Чтобы выполнить работу в срок! О! Какая милая беззаботность!..

О! Черт побери! Только у них одних были неудачи, неприятности и тяжелые испытания. Все, что случалось со мной, было не в счет! Если послушать этих скотов, то во всех своих несчастьях был виноват только я сам… Я чувствовал страшную злобу на них! Я был всего лишь дерьмом! Наглецом! Я позорил их! В то время как они были только жертвами!.. Разве можно было нас сравнивать! Я не имел права ошибаться в моей такой благополучной юности!.. И тем более сбиваться с пути истинного!.. И это я должен был постоянно слушать! Усваивать!.. Изо дня в день… Я дрянь! И еще раз дрянь! Все понятно! Стоило мне только немного посидеть за столом — сначала была фасоль, а потом швейцарский сыр — и все прошлое встало у меня перед глазами… Мать с трудом сдерживала слезы, ее голос задрожал… И она замолчала… Это было очень великодушно с ее стороны… Я бы с удовольствием попросил у них прощения за все мои ошибки, капризы, невероятные извращения и ужасные преступления!.. Если бы этого было достаточно!.. Если бы это была единственная причина, заставляющая ее страдать!.. Если бы только это мучило ее!.. Я бы, конечно, попросил у нее прощения! А потом сразу бы смылся!.. Чтобы со всем этим покончить,

я готов был признаться, что мне всегда ужасно везло! Просто невероятно! Что я ужасно избалован!.. Что всю свою жизнь я только и делал, что развлекался!.. Хорошо! Я готов был сказать что угодно, лишь бы она отвязалась… Я уже посматривал на дверь… Но она жестом попросила меня остаться… Он поднялся к себе в комнату… Он чувствовал себя не совсем хорошо… Он цеплялся за перила… И ему потребовалось, по крайней мере, минут пять, чтобы дойти до четвертого этажа. А потом, когда мы остались одни, она еще пуще стала жаловаться… Она рассказала мне все подробности… Как она надрывается, чтобы свести концы с концами!.. И о своем новом занятии… По утрам она ходила теперь в магазин позументов… И зарабатывала таким образом уже почти двести франков… Днем она лечилась, т. е. сидела в магазине, положив ногу на стул… Она больше не могла видеть этого Капрона… Он все время твердил ей о необходимости полного покоя!.. А ей ведь нужно было пошевеливаться!.. В этом ведь заключался весь смысл ее существования… Она предпочитала лечиться сама методом Распая… Она купила его книгу… Там описывались все снадобья… смеси… настойки… И даже масло резеды для вечернего массажа ног… У нее все еще были

нарывы, но боль от них была терпимой, и ногу уже не так раздувало. Они почти сразу же лопались. И самое главное, не мешали ей ходить!.. Она продемонстрировала мне свою ногу… Такое впечатление, как будто, начиная с колена, мясо было намотано на палку… И кожа повсюду желтая, покрытая толстой коркой и местами выделяющая жидкость… «Это ничего, когда проходит!.. Сразу же все успокаивается, и становится гораздо лучше… но перед этим просто ужасно, перед тем, как вскрыться, все это становится фиолетовым!.. К счастью, у меня есть припарки!.. Я не знаю, что бы я без них делала!.. Ты не представляешь, как они помогают мне! Без них я стала бы калекой!..» А потом она опять заговорила о своем Огюсте… О том, что он гибнет… и больше не справляется со своими нервами… обо всех его ночных страхах… Больше всего он боялся увольнения… От этого он даже просыпался по ночам в холодном поту… Подпрыгивал на кровати и вопил: «На помощь! На помощь!..» В последний раз он кричал так громко, что соседи в Пассаже проснулись… Они решили, что у нас драка!.. Что это я опять пришел, чтобы задушить его!.. Они все примчались сюда! Папаша впал в транс и был невменяем… С трудом удалось заставить его снова лечь в постель…

Потом еще несколько часов ему прикладывали к голове ледяные салфетки… Тогда и начинались кризисы… они все время усиливались… Это просто адская мука!.. Страдания не прекращались ни на секунду… Он уже не понимал, что говорят… Никого не узнавал… Путал соседей… И очень боялся машин… Часто по утрам, после очередной бессонной ночи, она провожала его до дверей страховой конторы… К дому 34 на улице Тревиз… Но это было еще не все… Ей нужно было зайти и поинтересоваться у консьержки, нет ли каких-либо новостей? Чего-нибудь насчет моего отца… Не уволили ли его?.. Сам он уже не отличал действительности от воображаемого… Без нее, можно с уверенностью сказать!.. Он никогда бы туда не пошел!.. и стал бы совсем полоумным… окончательно рехнулся бы от отчаяния… В этом можно было не сомневаться… Приходилось как-то балансировать, не давая ему окончательно опуститься… Она всеми способами поддерживала его… Делала все что могла, чтобы он пришел в норму… Ко всему прочему, чтобы заработать только на дополнительное питание, ей приходилось бегать по всему Парижу… В поисках клиентов… и она еще умудрялась открывать лавку… на несколько часов днем…

Пусть она выглядит в Пассаже жалко, только бы она не закрылась совсем!.. А ночью ей тоже хватало дел! Нужно было отгонять от него тоску и стараться рассеять его страхи… На столе, посредине комнаты, она зажигала ночник. А чтобы он быстрее заснул, затыкала ему уши маленькими ватными тампонами, смазанными вазелином… Он подскакивал при малейшем шуме… Стоило только кому-нибудь пройти по Пассажу… В раннюю рань, когда приходил молочник… Эхо шагов гулко раздавалось под стеклянной крышей… С тампонами все-таки было немного лучше… Он сам это говорил…

Конечно, моя мать, и это вполне понятно, от необходимости день и ночь поддерживать моего отца чувствовала все возрастающую ужасную усталость!.. Всегда быть начеку… Подбадривать его!.. Отгонять навязчивые идеи! Но она старалась не жаловаться! Если бы я хоть сделал вид, черт возьми! Что я раскаиваюсь!.. и осознаю все свои пороки… и свою скотскую неблагодарность… это было бы для нее как бальзам… Конечно же!.. Она бы успокоилась… Она бы сказала себе: «Что ж, у Фердинанда еще не все потеряно… Еще есть надежда!.. Его сердце еще не окончательно ожесточилось! Он не такой уж испорченный и

неисправимый!.. Возможно, он еще станет человеком...» Это облегчило бы ее страдания... Она так нуждалась в утешении... Но я был слишком испорчен... При всем желании я бы не смог этого сказать... Это было выше моих сил... Конечно, я огорчился... Ведь я видел, как она несчастна! Не видеть этого было нельзя! Но у меня не было ни малейшего желания мусолить перед кем-нибудь свои несчастья! И особенно перед ней!.. И все же... Все равно... когда я был совсем маленьким... и еще ничего не понимал... Кто тогда получал по роже?.. А? Не только она одна!.. Я тоже!.. Всегда я!.. И она сама мне щедро отвешивала... Мне осточертела эта патока!.. Молодость!.. Черт бы ее побрал!.. Всегда она была преданна, жертвовала собой... Хорошо! Пусть так!.. Если честно, то мне противно даже думать об этом... И черт побери! Она сама была виновата! Я старался никогда не напоминать ей об этом! Для меня это было тяжелее, чем все остальное... Но стоило мне попытаться хоть что-то сказать ей... Она смотрела на меня так, как будто я ее ударил! Чтобы, чего доброго, не поругаться с ней... Лучше всего мне было бы исчезнуть... Однако я позволил ей говорить... Сам же старался не открывать рта... Она могла спокойно продолжать, ей никто не мешал!.. И она

отвела душу… Засыпала меня советами!.. Нравоучениями, которые я уже сотни раз слышал!.. Все это было необходимо для поднятия моего духа!.. Чтобы я больше не уступал своим инстинктам!.. А следовал достойным примерам! Она заметила, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не отвечать… Тогда она изменила свою тактику… Чтобы задобрить меня, она решила сделать мне подарок… Она отыскала в буфете бутылку с сиропом… Это было для меня, я мог взять ее с собой в деревню… Ведь я туда отправлялся… И еще бутылку целебного эликсира… Она настаивала, чтобы я взял ее, потому что я слишком быстро ем… и мог испортить себе желудок. И наконец, она поинтересовалась, не нужны ли мне деньги… для путешествия и вообще?.. «Нет! Нет! — ответил я. — У нас есть все необходимое!..» И я даже продемонстрировал ей свой капитал… Вся сумма у меня была в купюрах по сто франков… Что еще? В заключение я пообещал ей писать и держать их в курсе… наших успехов на сельскохозяйственной ниве… Она не совсем поняла то, что я сказал… Для нее это был совершенно другой мир… Но она доверяла моему хозяину… Я был уже на лестнице… И поднимался, завязывая на ходу сверток…

— Может быть, все-таки твоего отца лучше не

будить?.. Он, наверное, уже спит… Как ты считаешь?.. Ты видел, как он реагирует на малейшее волнение?.. Я боюсь, что увидев, как ты уходишь, он разнервничается!.. Ты согласен?.. Видишь ли, у него может случиться приступ!.. Как три недели назад! Я не смогу этого перенести снова!.. Я готова на все, только бы этого избежать!..

Я тоже так думал… Я считал, что лучше всего… уйти потихоньку… воспользовавшись случаем… Мы шепотом попрощались друг с другом… Она еще что-то говорила по поводу моего белья… Я уже не слушал… Я побежал по Пассажу… а потом по улице… Я очень торопился… Ведь я опаздывал!.. и намного!.. На позолоченном циферблате Лионского вокзала стрелки показывали двенадцать… Куртиаль и толстуха со своей ручной тележкой ждали меня уже целых два часа перед церковью Сен-Винсенн-де-Поль… Перепрыгивая через ступеньки, я влетел на улицу д'Отвиль!.. И уже издали заметил их под газовым фонарем… Это был настоящий переезд!.. Он все собрал! Ничего не скажешь, он потрудился на славу!.. Должно быть, он опустошил всю свою комнату!.. Тот хрыч, наверное, этого не пережил… Тележка была так тяжела и переполнена хламом, что постоянно увязала в земле!.. Под матрасами ле-

жали динамо, мотор и прочее барахло!.. Целая куча пыльных занавесок!.. Он спас все, что был в состоянии!.. Его можно было поздравить! На нем был рединготт, которого я еще не видел… Где он его взял?.. Жемчужно-серый!.. Я пришел к выводу, что это еще со времен его молодости!.. Он заколол полы булавками… Старухина шляпа… гортензия с вишнями… была закреплена на самом верху тележки… Очевидно, чтобы не испортить!.. Вместо нее она надела очень красивую андалузскую шаль, с яркой вышивкой… При свете фонаря это неплохо смотрелось… Она сразу же объяснила мне, что для дальних путешествий это самое удобное… и хорошо предохраняет волосы.

Поспорив немного по поводу старого расписания, мы, наконец, тихонько тронулись… Откровенно говоря, я был доволен!.. Улица Лафайетт была прямая!.. Особенно от церкви и до аптеки на углу… Спать некогда… Сам де Перейр впрягся в тележку… А мы с мамулей толкали сзади… «Давай, малыш! Покажи, на что ты способен! Я тебя сейчас подтолкну!.. Вот так…» Мы сильно опаздывали!.. Но все равно не успели на наш поезд… И все из-за меня!.. «12.40» уже ушел. Теперь оставался лишь «2.12». Первый утренний поезд… До него оставалось почти 50 минут! Мы разобрали нашу

кучу… Все было рассортировано, перенесено… И снова свалено как попало!.. В хвостовой фургон… Еще осталось время, чтобы позавтракать, выпить залпом пару чашек холодного кофе со сливками! В прекрасном привокзальном буфете! Кофе мы все просто обожали… просто жить без него не могли!.. А деньги у меня были.

* * *

Вышли мы в Перзан-ля-Ривьер[140]… Очаровательная деревня была расположена между двумя холмами и лесом… венчал пейзаж замок с башенками… Плотина внизу, под домами, издавала величественный грохот… В общем, все это было очень мило… лучшее место трудно найти, даже для отпуска!.. Я сказал об этом старушенции… Но ей было не до того… У нас прорва работы, необходимо разобрать вещи, вытащить мотор из фургона… без посторонней помощи не обойтись…

Начальник вокзала наблюдал за нами. Он решил, что мы «артисты»… И приехали на праздник!.. На представление!.. Наши вещи навели его на эту мысль… Но на праздник лучше было бы приехать на следующий год! Он кончился уже 15 дней назад! Де Перейр не хотел никого вводить в заблуждение… Он немедленно устранил это маленькое недоразумение!.. И сразу же ознакомил

---

[140] Примечания: 140

Перзан-ля-Ривьер — на дороге из Парижа в Бовэ действительно существует Перзан (ныне Перзан-Бомон-сюр-Уаз, департамент Валь-д-Уаз, округ Понтуаз). Но все остальные названия, перечисленные в этом отрывке романа, вымышлены.

всех с нашими проектами… Ему не терпелось отправиться к нотариусу! И немедленно! Это ведь не какие-нибудь шуточки! Но настоящая «сельскохозяйственная революция»… Вскоре группа личностей землистого цвета пришла разбирать наше барахло. Они сгрудились вокруг брезента… И начали дружно обсуждать наши инструменты. Мы уже не могли втроем толкать телегу по дороге!.. Это было слишком тяжело!.. Мы это почувствовали еще на улице Лафайетт!.. К тому же наша дыра находилась где-то очень далеко… Нам нужна была, по крайней мере, лошадь!.. Этот сброд орудовал довольно энергично!.. И вскоре можно было ехать!..

Наша толстушка, взгромоздившись на сиденье, закурила свою трубку!.. Рабочие спорили между собой о том, что это мужчина, переодетый в женщину, прямо в ее присутствии!..

До наших владений в Блэм-ле-Пти нужно было еще преодолеть одиннадцать километров!.. и многочисленные пригорки!.. Нас предупредили об этом в Перзан… Де Перейр уже везде успел предъявить документы… Все наши бумаги были тотчас подписаны… Он растормошил нотариуса… Теперь он осматривал деревню с верха повозки… Мы взяли с собой крестьяни-

на… Куртиаль, расстелив карту на коленях, всю дорогу не закрывал рта… Он комментировал каждый ухаб, каждый холмик… Он отыскивал малейшие ручьи… вдали… глядя из-под руки… Но ему не всегда удавалось их найти… Он устроил нам настоящую конференцию, продолжавшуюся по меньшей мере два часа и посвященную возможностям, достоинствам и недостаткам этой сельскохозяйственной местности, у которой «металло-геодезическая структура» не совсем чему-то соответствовала… О! Да!.. Он несколько раз возвращался к этой теме… Но трудно было говорить без предварительных анализов!.. Погода стояла чудесная.

* * *

Дела в Блэм-ле-Пти обстояли не совсем так, как нас заверял нотариус. Мы заметили это только через два дня…

На ферме все разваливалось… Это не было оговорено в условиях! Старик, бывший ее хозяином, умер два месяца назад, и никто из всей семьи не хотел его заменить… Никому больше не нужны были ни участок, ни хижина, да и вообще, кажется, весь этот хутор… Мы заходили в другие лачуги… стучали во все двери… Заглядывали во все сараи… Повсюду отсутствовали даже малейшие признаки жизни… Под конец мы все же обнаружили около водопойного желоба что-то вроде чердака и двух хрычей, но таких старых, что они не могли выйти из своей комнатушки… Они почти ничего не видели… и совсем оглохли… Они все время мочились друг на друга… Кажется, это было их единственным развлечением… Мы попытались с ними заговорить… Они не знали, что нам сказать… И знаками показывали нам, чтобы мы ушли… И оставили их в покое… Они не привыкли к тому, чтобы их навещали… Их

это пугало.

* * *

Мне это все не очень понравилось… Пустой хутор… Незапертые двери. Два старика, которым мы совсем не нужны… И везде эти совы…

Де Перейр же, напротив, находил все это превосходным… Он чувствовал бодрость от свежего деревенского воздуха… Он сразу же изъявил желание одеться соответствующим образом… А так как свою панаму он потерял, ему пришлось занять шляпу у толстухи… Огромную шляпу из тонкой соломки с лентой под подбородком… Он оставался в своем рединготе благородного серого цвета, в тонкой рубашке с галстуком-бантом и еще в сабо, которых, кстати, он не выносил… Из долгих походов по полям он всегда возвращался босиком… и чтобы быть похожим на настоящего «пахаря», он не расставался со своей саперной лопаткой… Он носил ее на правом плече… Так мы и ходили каждый день после полудня осматривать нетронутые участки, подыскивая удобное место, где можно было бы посеять редис.

У мадам де Перейр были свои занятия… Она взяла на себя покупки и уборку хижины… Кроме

того, она ходила на рынок в Перзан два раза в неделю. И готовила нам еду… Она приводила в порядок помещение, чтобы нам хотя бы можно было жить… Без нее мы бы остались без жратвы, в таком состоянии была печь!.. Даже чтобы поджарить яичницу, нужно было жечь дрова или уголь!.. Это отбивало всем аппетит!..

Надо признать, что мы с де Перейром вставали не слишком рано! Это ее ужасно злило!.. Ей хотелось, чтобы мы все время шевелились! Делали что-нибудь полезное!.. Но стоило нам куда-нибудь уйти… мы не особенно спешили возвращаться… Это тоже выводило ее из себя… Она не могла понять, бедняжка, что мы так долго делали на улице… Де Перейру доставляли удовольствие наши долгие прогулки… Каждый день он открывал в окрестностях новые великолепные виды… А благодаря карте это было дьявольски поучительно. После полудня где-нибудь на опушке леса… или на откосе… как только становилось жарко… мы устраивались поудобнее… Брали с собой бутылочку пива… И де Перейр мог спокойно размышлять… Я ему не мешал… Я дремал… Он говорил сам с собой… Его саперная лопатка была воткнута в землю рядом с нами… Мы приятно проводили время… Все действительно измени-

лось… спокойствие… Патриархальный быт!.. Но деньги подходили к концу… Теперь забеспокоилась она. Она пересчитывала их каждый вечер.

* * *

Мне не составило большого труда одеться… Все-таки природа действует благотворно… Все мелочи отступают на второй план… В конце концов, я остановился на велосипедных штанах и демисезонном пальто, полы которого я наполовину обрезал, а из обрезков сшил себе теплые с напуском штаны… может быть, слишком теплые, но удобные… Теперь меня узнавали издалека… Все было перевязано бечевками… и подвязками… Толстуха тоже, как и мы, изменила свой вид, она теперь носила штаны, совсем как мужчина… у нее уже не осталось юбок. Она находила это гораздо более практичным… Так она ходила и на рынок. Мальчишки каждый раз ждали ее на окраине городка… Они дразнили ее, забрасывали навозом, донышками бутылок и булыжниками… В конце концов, это кончилось свалкой!.. Она смогла постоять за себя!.. Вмешались жандармы… Потребовали у нее документы!.. Она пренебрежительно ответила им: «Я порядочная женщина, месье! Вы можете следовать за мной!..» Но те не захотели.

* * *

Стояло прекрасное лето!.. Казалось, ему не будет конца!.. Было жарко, нас всех тянуло на свежий воздух… Опрокинув рюмочку после кофе, мы с де Перейром отправлялись в поле… а потом весь день бродили наугад по нивам. Мы вели довольно приятную жизнь!.. Это немного напоминало нам счастливые дни наших полетов… Но нельзя было проявлять нашу стратосферическую ностальгию при мадам де Перейр… Стоило упомянуть о «Верном»! или об «Архимеде»!.. как она заливалась слезами… Она не скрывала своего горя… На нас ей было наплевать… Мы старались говорить о чем-нибудь другом… Прошлое лучше не вспоминать!.. Но и о будущем следовало говорить очень осторожно… с оглядкой… Это тоже довольно деликатная тема… Наше будущее было не совсем ясным… Оно едва вырисовывалось… Куртиаль все еще колебался… Он предпочитал выждать и действовать наверняка… Днем, когда мы бродили в промежутке между своими размышлениями, он начинал копать то там, то тут, что-то исследуя… Он наклонялся, рассматривал, взвешивал,

щупал свежевспаханную землю… Он растирал и разбрасывал ее… Он просеивал ее сквозь пальцы, как будто хотел добыть из нее золото… Наконец, он хлопал в ладоши и сильно дул на них… Все улетело!.. Он недовольно морщился!.. «Псст! Псст! Псст!.. Этот участок не подходит, Фердинанд! Слишком скудная почва! Гм! Гм! Как я боюсь за редис! Гм! Может, попробовать артишоки! Что еще?.. К тому же!.. О! ля! ля! Здесь слишком много магнезии!..» Мы так и уходили, ничего не решив.

За столом жена уже в сотый раз спрашивала его про овощи… Решили ли мы что-нибудь, наконец?.. Когда же наступит долгожданный момент?.. Она предлагала фасоль… Конечно, это было нескромно с ее стороны!.. Куртиаль даже подпрыгивал от возмущения, услышав подобное!..

— Фасоль?.. Фасоль?.. В этих гиблых местах?.. Ты слышишь, Фердинанд? Фасоль?.. На участке без марганца! А почему не горошек?.. А?.. Или баклажаны! Нет, ты слышишь?.. Это ж надо!.. — Он был просто вне себя!.. — Вермишель! Можно сказать, все, что угодно! Трюфеля!.. Послушай!.. Трюфеля!..

Он еще долго топтался за дверью, рыча, как медведь… Возмущение, вызванное ее наглым

предложением, длилось часами… Никто, кроме него, не имел права вторгаться в эту среду! Свободный выбор! Научная селекция!.. Она отправлялась спать одна в свой сарайчик без окон, где между дверями и квашней она оборудовала себе что-то вроде алькова, в котором никогда не было сквозняков… Я слышал, как она рыдает за перегородкой… Он был слишком жесток с ней…

* * *

Надо признать, что ей нельзя было отказать в решительности, упорстве… и самоотверженности… Требовался не один день, чтобы привести эту старую хибару в порядок, но она творила настоящие чудеса!.. Она работала не покладая рук… Все вокруг было выведено из строя… не работало… Ни насос, ни водяная мельница… Печка осыпалась в суп… Ей пришлось замазывать щели в заборе, заткнуть самой все дыры… все трещины… чинить ставни, класть черепицу и шифер… Она взбиралась на все водостоки… Но все равно при первой же грозе в комнаты протекала вода… через дыры в крыше… Мы поставили тазы… по одному под каждый сток… Все меняя и переделывая, она брала на себя самую тяжелую работу, а не только мелкие починки!.. Она сама заменила огромные дверные петли больших огородных ворот… столярное дело… слесарное… Ее ничего не пугало… Она здорово наловчилась… Можно сказать, что она справлялась с этим не хуже нас… И конечно же, все хозяйство и еда были тоже на ней… Она сама говорила, что готова занимать-

ся всем, чем угодно, только не стиркой белья… Поэтому его и становилось все меньше… У нас остался минимум носильных вещей… Рубашек было только-только… и совсем не было обуви…

С трещинами в стенах мамуля немного не рассчитала и испортила штукатурку… Де Перейр критиковал ее и хотел, было, все переделать… Но у нас и без того хватало забот… Хотя благодаря мамуле, в конце концов, эта мрачная берлога стала немного напоминать жилое помещение… более или менее… Но все равно это была развалина… Все наши попытки отремонтировать ее ни к чему не привели…

Несмотря на всю стойкость мамули, последствия операции все больше давали себя знать… Может быть, из-за слишком больших перегрузок?.. Она потела просто мгновенно… Иногда пот тек у нее даже по усам… Вечером она была так взвинчена и взбудоражена, что при малейшем раздражении… Тарарам! Разражалась гроза! Ярость выплескивалась наружу… Она выжидала, вся сжавшись в комок… Взрывалась по пустякам… И ее было уже не остановить…

Но больше всего следовало стараться избегать малейших напоминаний о Монтрту!.. Они для нее были как кость в горле… Стоило только затронуть

эту тему, как она становилась просто ужасна, обвиняла нас в сговоре… Обзывала недоносками, ублюдками, вампирами… И ее приходилось силой укладывать в постель!..

Де Перейр по-прежнему не мог окончательно выбрать нужный ему овощ… Необходимо было подыскать что-нибудь еще… Редис теперь вызывал у него сомнения… На чем же остановиться?.. Какой овощ лучше всего подходит для радиотеллурии?.. Необходимо, чтобы он увеличивался в размерах… Нужно было еще выбрать участок!.. Задача была непростая!.. Поиски велись очень серьезные… Мы уже проверили, перекопав лопатой, все участки в округе!.. Мы не хотели хватать первое попавшееся… Мы думали! Только и всего…

Однажды во время наших прогулок на юге от Перзан мы натолкнулись на очень приятную и по-настоящему привлекательную деревню… Она называлась Салигон-ан-Мелуар… Пешком туда идти было довольно далеко… От Блэм-ле-Пти, по крайней мере, два добрых часа… Земля вокруг Мелуар, Куртиаль это сразу же отметил, была гораздо богаче металлами и, следовательно, по его мнению, бесконечно более плодородная и лучше поддавалась обработке… Почти каждый день

мы приходили изучать ее!.. Достоинством этого участка было наличие кадмия, а также кальция… на ощупь и особенно на нюх это было хорошо заметно, что де Перейр сразу же определил, даже в процентном отношении, и это было настоящим чудом… Размышляя, он задавался вопросом: не слишком ли это много, чтобы катализировать «теллурию»… А вдруг концентрация достигнет такой силы, что наши овощи взорвутся?.. Взорвется их мякоть!.. Это была серьезная опасность… Он предчувствовал ее… Приходилось отказаться от быстро созревающих овощей на этом плодородном участке… Остановиться на чем-нибудь грубом и внушительном… Например, на тыкве… Но как же тогда быть с рынками сбыта?.. Одна тыква на весь город?.. Монументальная?.. Больше рынок не в состоянии вместить!.. Пора было на что-то решиться! Но опять возникали новые проблемы! Так всегда бывает, если не сидишь, сложа руки, а действуешь!

В этом местечке Салигон в основном делали сидр… И он не отдавал мочой! Что, нужно сказать, в деревне встречается довольно редко! Этот сиропчик слегка ударял в голову… Мы здорово привыкли к нему… За время наших исследовательских походов… Пили мы в «Пончике»…

единственном тамошнем трактире… Мы частенько заходили туда… Он был удобно расположен: в центре, перед скотным рынком… Разговаривая там с мужиками, мы изучали местные обычаи…

Де Перейр без особого труда переключился на «Пари-Спорт»… Он давно уже был лишен подобной возможности… Так как он говорил здесь практически со всеми… Он смог за короткое время научить их всему, что знал… Он давал им небольшие уроки по болезням скота… Обучал хорошим манерам, достаточным, чтобы играть в Винсенн… даже на расстоянии… Он подружился со всеми… В основном здесь бывали скотоводы… Я не мешал его беседам… Служанка как раз была в моем вкусе… Зад у нее был настолько мускулистый, что казался квадратным… Груди ее тоже были невероятной твердости… И чем больше их тискали, тем больше они твердели… Они становились, как панцирь… Я продемонстрировал ей все… все, что умел… Это подействовало на нее гипнотически! Она хотела бросить свою лавку и отправиться с нами на ферму! Но мамаша де Перейр этого бы не потерпела… Особенно теперь, когда у нее начались истерические припадки… Она и так считала, что мы слишком часто ходим в сторону Мелуар… И она была права… Она пы-

талась нас поймать… Мы чувствовали сильную неловкость… В исследование овощей она верила все меньше и меньше… Она следила за нами, скотина… Лето приближалось к концу… Наступало время собирать урожай… Черт побери!..

В «Пончике» крестьяне резко изменили свои манеры и стали выглядеть очень смешно… Между двумя глотками они разворачивали «Пари-курс»… Это де Перейр так развлекался… Он отсылал небольшие ставки… Не больше, чем по пять франков на человека… в конверте своему старому приятелю… максимум пятьдесят франков!.. Больше он не брал!.. Понедельник, среда, суббота… все шло в бар «Смуту» по договоренности с Намедни!.. Мы имели по пять су со ставки!.. Это был наш крохотный заработок!.. Агату, служанку с твердой грудью, я научил предохраняться от беременности… Я показал ей, что в зад было куда приятнее… Можно сказать, что она меня просто обожала… Ради меня она готова была на все… Я передал ее разок Куртиалю, чтобы продемонстрировать ему, как она выдрессирована! Она и сама этого хотела… Она бы пошла к нам, стоило мне только пальцем поманить… Конечно, не своим туалетом я ее так околдовал!.. От меня разлетались даже воробьи!.. И не деньгами!.. За

все время она не получила ни гроша!.. Просто мы были из Парижа! Вот.

Вечерами, после нашего возвращения, скандалы становились все сильнее!.. Ирен стала просто невыносимой!.. Конечно, мы приходили все позже!.. И у нее были основания для раздражения!.. Она закатывала жуткие сцены!.. До крови рвала на себе волосы! Целыми клочьями! Он до сих пор не подобрал себе подходящие овощи… и участок!.. И мамуля сама в одиночку взялась за полевые работы… Она неплохо ворочала землю! Она не умела проложить прямую борозду… но зато у нее было много старания… В конце концов она бы добилась этого… Она очень хорошо справлялась!.. Тут было, где потренироваться… в Блэм-ле-Пти, куда ни пойдешь… вся территория была нетронутой… Направо, налево, на севере, на юге, нигде не было ни души, а на западе тем более!.. Все было пустынно… заброшено… и совершенно бесплодно…

— Ты изводишь себя, моя толстушка! — говорил ей Куртиаль, когда мы заставали ее ночью ворочающей очередную кучу… — Ты себя изводишь! Это ни к чему!.. Эта земля самая бесплодная! Сколько мне это тебе повторять! Даже здешние крестьяне от нее отказались!.. Я думаю, что они

займутся скотоводством!.. На этих равнинах возможно лишь скотоводство!.. За всем этим мергелем… и известково-компостными отбросами!.. Я не вижу ни пяди свежей земли!.. Это серьезное предприятие!.. С огромным риском! С самыми непредвиденными последствиями! Я чувствую!.. Чувствую!.. Обрабатывать подобную квашню?.. О! Ля! Ля!..

— Сам ты отброс! Скажи-ка! Что ты собираешься обрабатывать? Скажи мне! Чтобы я слышала?.. Давай!.. Давай!.. Валяй!..

Он не хотел говорить… И убегал к ферме… А у меня была работа. Я должен был каждый вечер классифицировать все наши пробы, взятые за день… Раскладывать их на доски… около кухни… в маленьких кулечках… Они постепенно сохли… все эти образцы почвы, взятые в радиусе двадцати километров вокруг нас… У нас был богатый выбор для окончательного решения!.. Но, конечно, самым подходящим направлением было направление на Салигон.

* * *

Наша популярность в «Пончике» возросла… Простые пьяницы почувствовали вкус к скачкам!.. Нам приходилось их даже сдерживать… Они, не задумываясь, готовы были рисковать своими купюрами… Им хотелось ставить по три пятифранковика! Подобные ставки мы категорически отвергали!.. С нас было уже довольно скандалов!.. Мы были крайне осторожны!.. Почти все наше время уходило на служанку Агату!.. Она стала настоящей шлюхой… Внезапные перемены настроений нашей хозяйки надоедали нам все больше и больше!.. Ее выходки и постоянные ультиматумы уже невозможно было вынести… Она нам ужасно надоела… Де Перейр решил изменить тактику… Он больше не мешал ей заниматься своей работой… Он даже воодушевлял ее на рытье!.. И всячески подбадривал!.. Постоянно, метр за метром, неделя за неделей ей удалось вспахать огромную территорию!.. Конечно, нас это немного пугало… Но стоило ей прекратить дела, все становилось намного хуже… Ей надоела неопределенность, и она сама выбрала карто-

фель! Мы не могли ей помешать… Она считала, что это идеальный овощ… И сразу же принялась за работу. Наше мнение ее вообще не интересовало. Когда огромная территория вся была засажена клубнями, она начала трепать направо и налево о наших «опытах» с электроволнами! Это известие разнеслось с быстротой молнии…

На следующий день в «Пончике» нас буквально засыпали вопросами… Окрестные мужики, которые нас раньше любили, уважали, приветливо принимали и даже сами искали встречи с нами, вдруг, завидев нас, начали кривиться… Наши опыты казались им подозрительными… Они завидовали нам… «Клубни! Клубни!» — дразнили они нас…

* * *

Отступать уже было нельзя! Толстуха превратилась в настоящее наваждение!.. Теперь, когда она сама полностью перепахала целый гектар, она сделала нашу жизнь просто невыносимой!.. Мы боялись с ней даже говорить… Она угрожала, что не даст нам ни секунды покоя, если мы опять отправимся шляться и не приступим к работе… Немедленно!.. Нужно было вытащить брезент, мотор и динамо… Мы достали большой маховик… Слегка его встряхнули. Развернули таблицу сопротивлений… А потом… Это просто смешно… Но потом мы обнаружили, что у нас не хватает латунного провода… Его нужно было огромное количество, целые бобины, чтобы прокладывать между рядами картофеля, на всей протяженности грядок… 500 метров оказалось явно недостаточно!.. Требовались километры!.. Иначе все срывалось… Без латуни невозможна радиотеллурия!.. Интенсивное огородничество неосуществимо! Катодных разрядов не будет. А это было обязательное условие… В сущности, это даже к лучшему… Мы решили, что эта

несчастная латунь сможет послужить нам удобной отговоркой, прекрасным алиби, и наша старуха испугается из-за отсутствия материала и необходимости значительных издержек… это заставит ее одуматься, и она хоть ненадолго оставит нас в покое. Но не тут-то было!.. Это ее скорее разозлило… Она пригрозила нам, что в случае дальнейших проволочек… и нашего безделья, она пойдет работать акушеркой в Салигон, и не позже, чем на следующей неделе! О! Действительно, шутки кончились! Она резала по живому!.. Но даже если бы мы очень хотели, у нас не было денег на такие дорогие покупки… Но, Боже мой! Мы были разорены! Кто даст нам кредит? Бесполезно и думать об этом…

С другой стороны, невозможно было заставлять старуху войти в наше положение… Мы ведь, в сущности, жили на небольшие запасы… то, что оставалось от кюре, и кое-что от бегов… О! В конце концов, мы же все потеряли… Это было ужасно… Конец света!.. Подобный катаклизм невозможно пережить… Мы действительно загрустили. Она стала просто фантастически упряма… так она зациклилась на картофеле… Точно так же, как и на полетах!.. Или на шале в Монтрту… Мы вынуждены были уступить!.. Если ей что-нибудь

втемяшилось в голову, то вышибить это оттуда можно, только оторвав голову!.. А это было бы крайне болезненно!..

— Ты мне говорил, не правда ли?.. Ты не отказываешься?.. Я ведь не ослышалась?.. Ты твердил об этом десятки… сотни раз? Что ты собираешься запустить свою паршивую электрическую штуковину? Или мне просто померещилось? Зачем мы все сюда приехали?.. Я ведь ничего не придумала!.. Ради чего ты за жалкую подачку отдал свой дом?.. Продал свою газету?.. Ради чего ты насильно затащил нас всех в эту дыру?.. В этот свинарник?.. На эту помойку!.. Ради чего?..

— Да, любовь моя!..

— Ну хорошо!.. Я хочу видеть! Ты слышишь меня?.. Я хочу видеть!.. Собственными глазами!.. Я всем ради этого пожертвовала!.. Всей своей жизнью! Здоровьем!.. Своим будущим… Всем!.. У меня больше ничего не осталось… Я хочу видеть, как они растут!.. Ты слышишь меня?.. Растут!..

Стоя перед нами, она бросала нам это прямо в лицо!.. Она обладала нешуточным упорством в достижении поставленной цели!.. Пугающая энергия!.. Весь день она носилась по полям… и закуривала свою трубку лишь вечером да еще когда ходила на рынок… Почтальон Эзеб, который

уже несколько лет не был на нашем хуторе, опять стал заглядывать сюда… Ему приходилось это делать по два раза в день… Слухи о том, что какие-то сельскохозяйственные работники творят настоящие чудеса, выращивая картофель при помощи магнетических излучений, мгновенно распространились по всем соседним провинциям…

Банда изобретателей опять напала на наш след!.. Казалось, они были рады обнаружить всех нас троих… целыми и невредимыми… Они снова засыпали нас своими проектами!.. Они не помнили зла!.. У почтальона были свои проблемы… Ему приходилось таскать по три раза в неделю целые сумки рукописей… От тяжести порвался ремень… Он установил двойную цепь… Но велосипед гнулся пополам… Он заказал другой, новый, в департаменте…

Де Перейр с первых же дней вернулся к своим размышлениям… Он вовсю пользовался досугом и одиночеством… Он чувствовал себя полностью готовым к превратностям судьбы. К любым!.. Его голова была полна замыслов! И самых решительных!.. Он готов был бросить вызов судьбе… Действовать не слишком доверчиво… Но и без лишней подозрительности… Он все предусмотрел!..

— Фердинанд! Смотри и учись!.. События развиваются примерно так, как я и предполагал!.. Только немного стремительнее!.. В слишком судорожном темпе!.. Я этого не учел!.. Но в любом случае ты увидишь… Только смотри внимательней! Ничего не упускай! Ни капельки!.. Дитя мое, тебе предоставляется возможность наблюдать, как Куртиаль будет смирять, укрощать, обуздывать, побеждать судьбу. Смотри! И запоминай! Нужно быть бесстрашным и гордым одновременно! Когда-нибудь я передам ее тебе! И точка! Сожми! Сдави ее как следует! Наступит твой черед! Поцелуй! Задуши эту шлюху в своих объятиях! Мне уж много не надо! Я свое уже взял! Я сыт по горло! Пусти ей кровь! Опустоши ее! В твоем возрасте хочется опьянения! Так не теряй времени даром! Боже мой! Вперед! Не ограничивай себя ни в чем! Мне же много не надо!.. Обними меня!.. Слушай! Нам везет!

Обниматься было неудобно из-за моего пальто, прочно привязанного к брюкам!.. Это стесняло движения, но зато было тепло… Это было важно!.. Надвигалась зима!.. а наше основное жилье, несмотря на камин и работы по его утеплению, все насквозь продувалось… Сквозь щели свистел ветер, и тепло не слишком там задерживалось…

Зимой это настоящее сито… Дом действительно был очень старый.

* * *

После длительных размышлений в «Пончике» и лесах де Перейру пришла в голову замечательная идея… Ему открылись новые горизонты!.. Он постиг все нужды мира…

— С отдельными индивидуумами покончено!.. От них больше нечего ждать!.. Следует иметь дело только с семьями, Фердинанд! И только с семьями! Все для семьи и посредством семьи!..

Именно «Заботливым отцам Франции» и бросил он свой первый зов! Тем, кому было не безразлично будущее их дорогих крошек!.. Тем, кто ежедневно заживо загнивал в нездоровой атмосфере современных городов!.. Тем, кто готов был на все, лишь бы избавить своего ангелочка от рабского труда в какой-нибудь лавке… или от преждевременной чахотки бухгалтерского служащего… матерям, мечтавшим о здоровом и естественном существовании своих чад на свежем воздухе… вдали от городского смрада… чтобы их будущее полностью зависело от плодов здорового труда… в полевых условиях… Солнце, мирные радости и всеобщее благоденствие!.. Де

Перейр торжественно гарантировал им все это и еще многое другое… Они с женой брали на себя полное содержание этих маленьких счастливчиков, их первоначальное, а также дальнейшее «рационалистическое» обучение… и, наконец, высшее образование, которое должно было быть «позитивистским, зоотехническим и огородническим»…

Наша «радиотеллурическая» технология прямо на глазах превратилась для подписчиков в «Обновленную семью Новой расы»… Так мы называли в наших проспектах нашу ферму и ее окрестности… За несколько дней мы засыпали нашими призывами несколько парижских кварталов… самых густонаселенных… самых отдаленных… и еще несколько островков со стороны Ашер[141]… нам хотелось посмотреть, что из этого выйдет… Мы боялись только одного, что они заявятся слишком рано! Чрезмерный энтузиазм нас пугал!.. У нас уже был печальный опыт!

Для нас с нашей «радиотеллурией» проблемы продовольственного обеспечения не существовало!.. Сложности возникали только с насыщением рынков нашей мифической картошкой!.. С этим

[141] Примечания: 141

Ашер — поля в пригороде Парижа, куда собирались все нечистоты из парижской канализации.

надо было что-то решать!.. Будем откармливать свиней!.. Как-нибудь проживем!.. Мы займемся птицеводством!.. Школьники будут жрать кур!.. Куртиаль пропагандировал подобное питание… Мясо способствует росту! Само собой разумеется, что без особого труда мы сможем одеть наших воспитанников в лен собственного производства, вытканный постепенно долгими зимними вечерами… Это впечатляло… Настраивало на серьезный лад! Грандиозный сельскохозяйственный улей! Но под знаком Разума! а не инстинктов!.. О! Де Перейр придавал большое значение этому обстоятельству! Он хотел, чтобы все было гармонично!.. организованно!.. поучительно!.. Воплощение своих замыслов де Перейр представлял себе следующим образом… Дети из «Новой расы», не напрягаясь, между делом обучаясь и укрепляя свои легкие, будут с радостью выполнять любую легкую работу!.. квалифицированно, спокойно и совершенно бесплатно!.. безо всякого принуждения со стороны они полностью отдадутся сельскохозяйственному труду. «Восходящее солнце новой эры»… Эта важнейшая реформа шла из самой деревни! И расцветала прямо на природе! Нам оставалось только вдыхать ее благоухание! Куртиаль уже ощущал аромат!.. Он полагался на

особое усердие своих учеников, их готовность возделывать поля! Очищать их от сорняков!.. То, что взрослым казалось тяжелейшей пыткой!.. Для малышей не составляло никакого труда!.. Таким образом, сам де Перейр, избавленный от всей черновой работы, сможет полностью посвятить себя более глубокому исследованию проблемы «поляризации»… Он будет только направлять излучение!.. И не будет делать больше ничего! Он пропитает всю нашу землю теллурическими потоками!..

Наша программа была составлена очень грамотно… Мы распространяли ее в десятках тысяч экземпляров по всем кварталам… Несомненно, в ней воплотились самые тайные чаяния человеческих сердец… Тысячи нереализованных желаний… Это действительно так, потому что почти мгновенно нас буквально засыпали письмами… с яркими комментариями… и в абсолютном большинстве благожелательными… Больше всего наших сторонников заинтересовала финансовая сторона дела… В самом деле, мы подсчитали все до последнего гроша… Трудно было бы представить себе что-либо более выгодное… За то, чтобы воспитывать ученика с семилетнего возраста до армии, обеспечивая

ему кров и пищу в течение 13 лет, развивая его характер, легкие, ум, руки, прививая ему любовь к природе, обучая его мастерству и обеспечив его под конец по выходе из фаланстеров замечательным и престижным дипломом «Инженер радиогеометрии», мы требовали с родителей сумму всего лишь в четыре сотни франков… Весь доход, полученный нами, должен был пойти на покупку латуни, необходимой для введения в действие сети… подземного излучения… Как только наши овощи начнут расти, о будущем можно будет не волноваться!.. Мы не строили неосуществимых прожектов!.. Для начала лишь картошка… четыре вагона в месяц.

* * *

Стоит какому-нибудь предприятию получить хоть небольшой размах, оно сразу же оказывается «ipso facto» в эпицентре тысячи враждебных скрытых, неуловимых и неустанных происков… Иначе не скажешь!.. Трагическая фатальность проникает во все его клетки… тихо и незаметно разъедает ткани… чтобы избежать беды и не кончить крахом, самые коварные и решительные стратеги не могут и не должны рассчитывать только на везение… Такова жизнь и такова судьба самых великолепных и блистательных взлетов… Все поставлено на карту!.. Гений далеко не всегда побеждает… Панамская катастрофа?.. Это урок для всех!.. Он должен заставить содрогнуться самых отъявленных негодяев!.. заставить их хорошенько задуматься о коварстве фортуны!.. призрачности успеха! Уф! Одна нелепая случайность… судьба подстерегает свои жертвы, как удав кролика… Она прыгает на них! Давит их! Душит! И заглатывает!

И мы в Блэм-ле-Пти, конечно, не были исключением, мы стали сталкиваться с неприятностями…

уже в самом начале нашего предприятия… Во-первых, нотариус из Перзан… Он приходил почти каждый день… и вел себя довольно угрожающе… Мы должны были расплатиться с оставшимися долгами!.. Он прочитал в газетах сенсационный репортаж о наших чудесных опытах!.. Он верил в существование нечистой силы… и считал нас совсем свихнувшимися!.. Он требовал немедленной уплаты за свою ферму!.. за эти болотистые участки!.. А потом, все наши кредиторы из Пале Рояля… просто лопались от нетерпения… И Тапонье тоже!.. Он оказался самым последним дерьмом!.. Этот ублюдок тоже читал газеты!.. И сделал вывод, что мы жируем за счет субсидий!.. и получаем жалованье на улице Гренель[142]!..

Плюс ко всему мы снова были завалены рукописями с «Исследованиями»… нас буквально засыпали бумагами и конвертами!.. всех сортов!.. нам грозило наложение ареста на имущество!.. Задолго до того, как нам удалось бы вырастить первый клубень! По этому поводу жандармы уже приходили познакомиться с нами… Наши тонкие рассуждения о «Новой расе» слегка задели людей из прокуратуры… Инспектор из академии,

[142] Примечания: 142

Улица Гренель — на улице Гренель находилось Министерство национального образования.

еще один наш завистник, выразил сомнения по поводу нашего права открывать школу!.. Он мог сомневаться сколько угодно! В конце концов, они оказались не такими уж скотами и только воспользовались случаем, чтобы предупредить нас, правда, очень вежливо, что нам лучше было бы, принимая во внимание все обстоятельства, открыть что-нибудь вроде детского сада… летнего лагеря… или даже санатория… Если же мы будем акцентировать внимание на педагогике… то с неизбежностью восстановим против себя все власти!..

Мы встали перед выбором!.. Погибнуть?.. Или заняться педагогикой… Мы долго не могли ни на что решиться… Однажды в воскресенье нас посетила группа пронырливых родителей, они шли несколько часов пешком, чтобы составить обо всем собственное мнение… Они тщательно осмотрели местность, все пристройки и общий вид участка… Больше мы их никогда не видели…

О! Мы уже начали слегка отчаиваться! Мы натолкнулись на сильное противодействие!.. Полное непонимание!.. Недоброжелательность! О! Это было слишком тяжело!.. А потом вдруг неожиданно что-то прояснилось!.. К нам явились один за другим 18 энтузиастов!.. Это были созна-

тельные родители, ненавидевшие город и его отравленную атмосферу!.. Они во всем поддерживали нас!.. Они сразу же начали бороться за осуществление нашей реформы… за «Новую расу»… Они прислали своих малышей с задатком от общей суммы, чтобы те немедленно вступили в нашу сельскохозяйственную фалангу!.. Сто франков оттуда, двести оттуда… Остальное потом!.. Одни задатки!.. Мы не получили ни одной полной суммы!.. Остальное они обещали отдать позже. В общем, они проявили добрую волю!.. Продемонстрировали свою реальную преданность… Конечно, не абсолютную… они экономили, осторожничали и сомневались…

Наконец дети были на месте!.. Всего 15… 9 мальчиков… 6 девочек… Трое все время отсутствовали на перекличке… Нам следовало прислушаться к советам заместителя судьи… Действовать осмотрительно!.. Не раскрывать сразу же всех своих карт! Некоторая осторожность нам бы не помешала… Позже, когда опыт удастся, факты будут говорить сами за себя!.. У нас не будет отбоя от желающих! И мы сможем гордо развернуть свой флаг… «Новая раса, цвет полей».

На первый аванс, что принесли с собой дети, ничего толком купить было нельзя! Даже все

необходимые кровати! и матрацы!.. Мы положили всех на солому… по принципу равенства!.. Девочек с одной стороны… мальчиков с другой… У нас не было средств даже на то, чтобы отослать их обратно к родителям!.. Появившихся внезапно денег не хватило и на восемь дней… Они все разошлись по мелочам… Особенно у нас не задержались! Нотариус забрал три четверти… Остальное ушло на медь… Примерно 5 бобин… но больших… на крутящейся подставке.

* * *

Толстуха, предчувствуя возможные осложнения, с самого начала была за картофель-экстра, растущий даже зимой… Более стойкого сорта не существовало… Даже в худшем случае, если бы излучения Куртиаля не дали ожидаемого результата… все равно можно было собрать урожай… Было бы очень странно, если бы что-то помешало ему вырасти!.. Такого никогда еще не случалось! Мы все принялись за работу… Везде, где он говорил, натянули проволоку… На всякий случай, для большей уверенности на каждую картошку мы намотали 2–3 гирлянды латуни… Это была довольно тяжелая работа… Особенно, если учесть, что работать приходилось на склоне холма… прямо на северном ветру!.. Но даже самый сильный ветер не мешал нашим ребятам! Главным для них было все время находиться на воздухе! ни минуты в помещении! Почти все они были из пригорода… Они никого не слушались. Особенно маленький тщедушный Дюдюль, который хотел перещупать всех девочек… Пришлось положить его спать между нами… Они все начали каш-

лять. К счастью, толстуха немного разбиралась в медицине и облепила их припарками с головы до ног!.. Им было все равно, хоть сдирай с них кожу, только не держи взаперти! Они все время хотели быть на улице! Что бы там ни случилось!.. Мы готовили довольно много жратвы!.. Целые котлы супа!..

Через три недели огромное поле картошки было полностью обмотано закрученным, с тысячью соединений, латунным проводом… это была кропотливая работа… Ток!.. Де Перейру оставалось только пустить его через сеть!.. О!.. Он распаковал свою машину… И выдал картофелю… в первые же четверть часа… серию мощных «интенсивно-теллурических зарядов»… А потом по ходу дела еще несколько мелких дополнительных импульсов… Он даже вставал среди ночи, чтобы добавить еще порцию и стимулировать картофель до отказа, возбудить его как можно сильнее… Толстуха не могла спокойно видеть, как он выходит на холод… Она вскакивала… и кричала, чтобы он оделся.

* * *

Так без особых перемен прошел почти месяц, когда вдруг Куртиаль начал искать оправдания… Это был плохой знак!

— Я бы предпочел, — сказал он, — попробовать лучше с луком-пореем! — Он говорил об этом старухе все чаще и чаще… Он хотел видеть ее реакцию… — Что бы ты сказала по поводу редиса?..

Его жена смотрела на него косо, слегка приподняв голову… она не любила недомолвок… Ставки были сделаны!.. Отступать некуда!

Наши воспитанники процветали, они пользовались полной свободой! Им ни в чем не противоречили, в общем, они делали все, что хотели! По своему собственному усмотрению… Сами!.. Они устраивали ужасные погромы… Все тот же Дюдюль в свои семь с половиной лет был самым маленьким и самым злым… Старшая из группы была уже почти девушка, Мэзанж Рэмбо, блондинка с зелеными глазами, полными бедрами и острыми грудками… Мадам де Перейр, не будучи крайне наивной, опасалась этой красотки! Особенно во время ее менструаций! Она

устроила ей что-то вроде специальной подстилки в углу риги, чтобы та могла спать одна, когда у нее случались месячные… Это не мешало ей вступать в интимные связи… сопляки тоже следовали зову природы. Почтальон застал ее однажды вечером за часовней на краю поселка вместе с Татавом, Жилем и Жюльеном!.. Они развлекались вчетвером!..

Почтальон Эзеб из-за своего маршрута доставил нам массу неприятностей… Он так и не получил нового велосипеда от своей администрации… новый велосипед нужно было ждать целых два года… Он еще не имел на него права… Он нас терпеть не мог… Он требовал у нас обувь, которой у нас самих не было! Он ходил практически бесшумно и видел много интересного. В тот день, когда он накрыл мальчишек за этим развлечением… он специально вернулся, чтобы нам нагадить… После того как он все это увидел!.. Как будто мы за это отвечали!.. Вуайеры всегда таковы… Сперва они наслаждаются на полную катушку… созерцают, а потом, когда дело сделано, начинают возмущаться… Тоже нашел, о чем говорить! Как будто у нас не было забот посерьезнее!

В нашем заброшенном поселке вот уже двадцать лет ничего не происходило… а после того,

как началась истории с картошкой, все так и кипело… Вереница любопытных тянулась с утра до вечера. Сплетни и ложные слухи будоражили весь департамент… Жители Перзан и Салжон находились в самом выгодном положении, они жаждали подробностей и уточнений. От них было невозможно отвязаться… Они постоянно спрашивали, не опасно ли это? Не может ли наша система взорваться? Вызвать землетрясение?.. Де Перейр же, чем больше проходило времени с начала эксперимента, тем становился скромнее… «Если»… «вероятно» можно было услышать от него… все чащи и чаще… Это не могло не тревожить. Раньше, в Пале Рояле, он редко говорил «если» или «вероятно»… Через неделю пришлось остановить динамо и мотор… Он объяснил это тем, что стало опасно продолжать наращивать волны и количество проволоки… что лучше на время остановиться… чтобы попозже все возобновить… После небольшого перерыва… Теллурические волны могли вызвать беспорядок… Привести к трудно предсказуемым последствиям… физиологическим отклонениям… Сам де Перейр чувствовал некоторое пресыщение… у него уже начались головокружения…

Любопытные крестьяне после подобных речей

начинали дергаться и уходили сильно обеспокоенные. На нас снова начали жаловаться! К нам снова явились жандармы… Но о нашем фаланстере нельзя было сказать ничего особенного… Дети ни в чем не нуждались… Никто из них не заболел… Правда, мы потеряли семь наших кроликов… Жестокий падеж скота! Может быть, они не выдержали климата?.. Или пища была неподходящая?.. Наконец жандармы ушли… Вскоре после этого нашим воспитанникам пришлось привыкать к спартанскому образу жизни… Они шумели все больше и больше… их было уже не сдержать… Им требовалась пища!.. Они готовы были сожрать весь округ… Они сами нашли выход из создавшегося положения… Это была их собственная инициатива… Однажды они притащили нам целых три мешка моркови… а на следующий день ящик репы… И еще бобы! Все это пошло на суп! Жратвы у нас стало гораздо больше!.. А потом еще дюжину яиц, три литра масла и сало… Надо сказать, что у нас его никогда не было… Это была настоящая кража! Аморальный поступок!.. Мадам де Перейр уже почти не выходила с тех пор, как картошка начала расти, она все время сидела у «цепей» и исправляла поломки, чтобы ток не останавливался… Она ходила в

Перзан лишь раз в неделю. Но этого никто даже не заметил… Все нажирались до отвала! Такое раньше случалось не часто!.. На следующий день они притащили старую курицу!.. Уже ощипанную!.. Она мгновенно превратилась в бульон… Пир следовал за пиром, не хватало только вина… они, наверное, не подумали об этом… Но в конце концов, как бы там ни было, вскоре на столе появились еще и разные местные сухие вина. Где мальчики брали все это?.. Мы ни о чем их не спрашивали!.. Принимали все без объяснений… На горящее дерево приятно смотреть, но это не очень практично. Огонь трудно поддерживать, слишком много уходит дров, их нужно все время подбрасывать… Они обнаружили угольные брикеты… И возили их на тележке через поля… У нас был прекрасный очаг… Правда, это было рискованно! Мы надеялись, что картошка поможет нам поправить наши дела… сохранить честь!.. и избежать полной нищеты!..

Когда появились первые картофелины, мы собирали их, как настоящие драгоценности, отрывая по одной в час… чтобы лучше рассмотреть!.. Мы опять запустили эту штуку с излучением… Она гудела день и ночь!.. Бензина ушло очень много, а результатов все не было вид-

но… Ворованный картофель, который приносили мальчишки, был гораздо лучше!..

Де Перейр заметил это… Это его еще больше поставило в тупик… Он считал, что у нас была некачественная латунь… Она не обладала нужной проводимостью… Вполне возможно.

* * *

Мы снова зашли в «Пончик»… Один только раз, просто проведать… Нас встретили там очень плохо… Боже мой! Просто ужасно! Служанки Агаты там уже не было, она сбежала с городским барабанщиком, отцом семейства!.. И они вместе предались «пороку»… Это я был виноват! В деревне и окрестностях все так считали… Хотя трахали ее все!.. Просто отбою не было! Я развратил ее! — говорили они… Они больше не хотели нас знать — ни того ни другого! Они отказывались играть с нами… Они слышать не хотели о наших «лошадках» и скачках в Шантильи… Теперь все ставки собирал парикмахер, что жил напротив почты!.. Он перенял нашу систему с конвертами и марками…

Эти люди из «Пончика» еще много чего знали о наших низменных наклонностях! Они знали, например, что мы питались за счет местных жителей!.. Здесь теперь в округе на 20 километров не осталось кур… То же самое было с маслом и морковью!.. Виноваты были мы!.. Они не сказали нам этого прямо по причине своего лицемерия…

Но они предавались пространным размышлениям вслух, содержащим намеки на выстрелы из ружья, которых не всем удастся избежать… особенно шайке дармоедов, которые все равно кончат на каторге!.. Вот так!.. К тому же нас осыпали неприятными замечаниями… Мы ушли не попрощавшись… До Блэм было два часа ходу… У нас было время подумать об этом милом приеме!..

Дела шли не очень хорошо… Наше предприятие срывалось… Де Перейр отлично это понимал… Я думал, он скажет мне об этом… Но по дороге он говорил совсем о другом… О звездах и планетах… о расстояниях до них и их спутниках… о красивых феериях, разворачивающихся, пока мы спим… О плотных созвездиях, напоминающих настоящие звездные облака…

Мы шли уже довольно долго… Он начал задыхаться… Он всегда очень волновался, когда речь заходила о небе и космических путях… Это ударяло ему в голову… Ему пришлось пойти помедленнее!.. Мы вскарабкались на холм… Он по-прежнему не мог отдышаться. Мы присели.

— Видишь, Фердинанд, я больше не могу… Я больше не могу делать две вещи одновременно… А я делал всегда три или четыре… О! Это не

смешно, Фердинанд!.. Совсем не смешно!.. Меня не волнует жизнь, Фердинанд, но Время!.. Жизнь — это мы, это ничто!.. Время! Это все! Взгляни-ка на крошечный Орион… Ты видишь Сириус? Рядом с Весами?.. Они проходят… Они проходят. Они уходят, чтобы погрузиться в большую туманность Антиопы… — Он говорил с трудом, его руки упали на колени… — Вот видишь, Фердинанд, однажды в такой же вечер я уже не смогу найти их… в ясную погоду! в настоящую хрустальную ночь!.. Может быть, только при помощи телескопа… Но телескоп у нас вряд ли будет!.. О! Господи! Какая все это гнусность, стоит только об этом подумать!.. О! Как ты думаешь, Фердинанд? А? Ты согласен?.. О! Скажи, это тебя задевает?..

Он захихикал, вспомнив о чем-то… Я ничего не ответил… Мне не хотелось подслащивать ему пилюлю. Стоило ему прийти в себя, он делал одни гадости… Между тем он продолжал со мной говорить…

— Фердинанд! Видишь ли, мой дорогой… О! Я хотел бы находиться совсем в другом месте… Ты даже не можешь представить где! В другом месте… чтобы это было… — Он опять начал жестикулировать, описывая в воздухе параболы… Он водил рукой по Млечному Пути… высоко,

очень высоко в небе… Ему снова было о чем мне поведать… Но у него совсем не оставалось сил… Он хрипел… Ему стесняло грудь… — Осенью у меня начнется астма! — заметил он… и успокоился… Он ненадолго заснул… скорчившись прямо в траве… Было холодно, и примерно через полчаса я его разбудил… Мы не спеша двинулись дальше.

* * *

Никогда еще я не видел, чтобы дети так хорошо развивались… так быстро, как наши, становясь крепкими и мускулистыми!.. Жратвы у нас хватало!.. Огромные котлы с похлебкой! настоящее обжорство! и все ребята пили вино!.. Они ничего не хотели слушать! никаких советов!.. Они не нуждались ни в какой опеке!.. Они сами превосходно выпутывались!..

Больше всего мы боялись, что у Мезанж из-за одного из этих хулиганов вздуется пузо!.. Ее мечтательный вид не предвещал ничего хорошего!.. Мадам де Перейр не переставала думать об этом… Она отмечала крестиком на календаре дни, когда у нее снова должны были начаться месячные.

Детишки шастали по птичьим дворам и сараям с утра до вечера! Они вставали, когда хотели… Это зависело от расположения луны… Они почти ничего нам не рассказывали… Наши сельскохозяйственные работы проходили в основном по утрам… В делах добычи пропитания наши малолетки творили настоящие чудеса… Они были сразу везде, во всех бороздах… И в то же время их

не было видно… Они играли в краснокожих! И были такие же ловкие и хитрые! После шестимесячного исследования окружающей местности у них проснулось настоящее чутье, они научились ориентироваться в сложнейших лабиринтах и прятаться в самых маленьких ямах! Они знали расположение всех кочек! Лучше, чем местные зайцы! Они ловили их на бегу! А это кое о чем говорит!

Надо сказать, что без них мы просто сдохли бы с голоду! Мы ведь остались совсем «на бобах»! Они же приносили нам полные ящики… И веселились, видя, как мы толстеем! Мы всячески их поощряли…

Наша толстуха прикусила язык… Ей бы хотелось что-нибудь сказать… Но это было невозможно! Питание было важнее. Мальчишки разбегались… Кто куда… Они были полностью предоставлены сами себе! Отец Раймонда, фонарщик из Левалуа, единственный за всю зиму, кто пришел навестить своего ребенка. Ему разрешили это сделать… Он не узнал своего Раймонда! так тот возмужал!.. Он был таким хилым, а стал настоящим чемпионом!.. Мы не посвящали его в детали. Его Раймонду не было равных в краже яиц… Он таскал их прямо из-под курицы… которая не успе-

вала и кудахтнуть… Ювелирная работа… Его отец был порядочным человеком, он хотел вернуть нам свой долг… Он сказал, что его малыш Раймонд стал таким здоровяком и так окреп, что он хочет забрать его с собой в Леваллуа. Он находил, что тот прекрасно выглядит! Мы не выдержали… И запротестовали… Мы отказались от денег… А он был должен нам еще триста монет… при единственном условии, что он оставит своего малыша продолжать изучать глубины сельского хозяйства. Его сынок был на вес золота… Мы совсем не хотели его лишиться. И мальчишка был рад остаться с нами… Он не хотел уезжать. Так мы и жили… В радиусе 20 километров вокруг нас все ненавидели, и ненавидели люто, но наша одинокая жизнь в Блэм-ле-Пти не позволяла поймать нас на месте преступления!..

Толстуха больше всего разжирела на этих кражах! Ей не на что было жаловаться!.. Поле не способно было ее пропитать! Она тяжело вздыхала и потягивала свой коньяк… Понемногу она привыкла к этим бесконечным пиршествам!.. И пристрастилась к алкоголю… Может быть, нас ждут новые несчастья?.. Стаканчик, другой… Понемногу, после кофе… «Будь, что будет… — вздыхала она… — Ты же не способен ни на что!..»

— говорила она Куртиалю.

Добычу мы складывали на чердаке, в подвале и в сараях… Дети соревновались между собой, кто принесет больше в один день!.. Мы были обеспечены на пять месяцев вперед… мы могли бы выдержать длительную осаду!.. Бакалея! спиртное! маргарин! абсолютно все!.. Но за столом нас было 18 человек, из которых 16 еще росли! А это кое-что значит! Особенно «на работе в деревне»…

Две воспитанницы одиннадцати и двенадцати лет принесли около 14 бидонов бензина для хозяйского мотора. Он весь сиял от счастья! на следующий день был праздник, другие воспитанники принесли из Кондуар-Виля, расположенного в семи километрах от нас, целую корзину куличей, эклеров и вафель! буханки хлеба разных сортов и аперитивы! И более того, ко всеобщему удовольствию они принесли с собой оплаченные счета!.. Это был высший пилотаж! Они все оплатили! Наши дорогие ловкачи! Деньги они теперь добывали прямо в деревне!.. Они ведь не валяются на полях!.. По правде говоря, мы были довольны! Но мы не успели даже толком прийти в себя. Наша репутация была и без того сильно подмочена. А подобные махинации всегда оставляют следы…

Через два дня за большим Гюставом и маленькой Леон явились жандармы… Их увезли в Бовэ… Протестовать было бесполезно… Они попались на бумажнике! Это специально подстроили! Настоящая западня!.. В конторе все подтвердилось!.. целых четыре свидетеля! Отрицать было невозможно… И договориться тоже… Оставалось только разыграть удивление, возмущение… и ужас! Что и было сделано.

* * *

Через четыре дня был арестован наш кудрявый малыш Люсьен!.. По самому обыкновенному доносу!.. За клетку с курами!.. На следующей неделе они явились за Филиппом Стеклянным Глазом… Но против него не нашлось достаточных улик, и они были вынуждены нам его вернуть. Настоящий погром! Мы чувствовали, что тяжелые на подъем мужики решили теперь окончательно разгромить наше предприятие… Они нас всех ненавидели!.. Они угрожали сжечь наш дом вместе со всем его содержимым!.. Тут был замешан эта сволочь Эзеб… Лучше всего нам было затаиться, как крысам! Они не желали больше разговаривать с нами…

Толстуха приняла на себя первый удар восставшего населения… Она пошла на рынок в Перзан… Ей хотелось немного поторговаться и продать корзину прекрасных ворованных яиц… Но не тутто было! Они проведали об их происхождении… И стали невменяемы! Они просто обезумели от злобы и желания отомстить!.. Она едва унесла ноги! За ней гнались двое… Она вернулась на хутор со-

всем расстроенная! И сразу же приготовила себе большую чашку настойки, что-то вроде отвара, из вербены, мяты и небольшого количества водки… Она очень пристрастилась к крепким напиткам. Особенно к водке… Иногда она использовала ее в лечебных целях!.. Это хорошо ей помогало. Эта смесь употреблялась многими акушерками того времени… Лучшее средство для сиделок…

Мы все собрались вокруг нее, обсуждали наши дела… и возможные последствия… На столе стояли бутылки… Вдруг вошел комиссар… И сразу же начал орать на нас. Он запретил нам выходить из дому.

— За вами придут в конце следующей недели! Довольно комедий! Наше терпение лопнуло! Вас достаточно предупреждали!.. В субботу вы все отправитесь в округ! Вопрос с вами решен!.. Если я еще раз увижу хоть одного из ваших шпанят… Если он еще раз покинет хутор… Они все будут немедленно засажены в тюрьму! Немедленно! Ясно?.. Понятно?..

Материалов у прокурора на руках хватило бы уже, кажется, на двадцать лет каторги… Куртиалю! Мадам! И мне! Доказательства найдутся! Совращение детей!.. Распущенность!.. Всевозможные махинации! Нарушение условий договора…

Поддельные налоговые декларации… Посягательство на общественную нравственность… Грабеж! Мошенничество! Ночное воровство!.. Хранение краденого несовершеннолетними!.. В общем, там был полный букет! Этот бригадир нам ужасно надоел!.. Мадам де Перейр сначала, конечно, немного растерялась, но вскоре почувствовала себя намного лучше… Она не проронила ни звука!.. А потом вскочила, как мужчина! И пошла прямо на него… Она вдруг вся выпрямилась… и преисполнилась такого пылкого и бурного негодования, так раздулась от гнева, что комиссар невольно дрогнул… перед ее атакой!.. Он ничего не понимал!.. И только хлопал глазами. Она буквально впилась в него взглядом… и мгновенно опровергла все его обвинения! Этому грязному легашу подобное и в голову не могло прийти… Она сама обвиняла его в том, что он лично спровоцировал мужиков на беспорядки!.. Организовал всю эту омерзительную Жакерию! И должен ответить за это… Он был поражен! Ошарашен! Сломлен и в нерешительности топтался на месте… Преисполненная презрения и ярости, она выражала ему свое негодование… Он пытался защищаться… Но ему нечего было сказать в ответ… Она отправилась за своей шляпой… И

гордо пошла прямо на него, в гневе она напоминала кобру!.. Она заставила его отступить... она буквально вышвырнула его за дверь. Он бежал как трус. Он сел на свой велосипед и зигзагами поехал по дороге... Его маленький красный фонарик еще долго мелькал в ночи... Мы смотрели ему вслед... Он так и не смог поехать прямо, все продолжал вилять.

* * *

Камилла, одна из наших воспитанниц, девочка себе на уме, тремя днями позже попалась в саду священника в Ландрезоне, мерзкой дыре по ту сторону леса. Она вынесла с кухни сыр пармезан, раков и две бутылки терновой настойки… Она взяла все, что могла… и еще церковные сосуды… Из массивного серебра!.. Это было хуже всего! Ее застукали на месте преступления!.. Они все бросились за девчонкой… И схватили ее на мосту… Малютка больше к нам не вернется! Ее заперли в Версале!.. Почтальон, этот ужасный змей, конечно, не упустил случая и специально пришел, чтобы нам все это рассказать… Он даже нарочно сделал крюк!.. Положение наше становилось крайне тяжелым… наша вольтижировка… Не нужно было обладать чрезмерной прозорливостью, чтобы понять, что рано или поздно все ребята из нашего фаланстера влипнут… Они попадутся один за другим, даже если будут соблюдать осторожность и выходить только по ночам…

Мы стали ограничивать себя в еде и старались

соблюдать все предосторожности… У нас осталось лишь немного маргарина и масла, и совсем не осталось сардин, которые мы так любили… Как только кончился тунец и сардины, началось наше жалкое существование… Мы больше не жарили картофель!.. Мы сидели за ставнями… и наблюдали за окрестностями… Мы боялись, что в сумерки нас подстрелят крестьяне… Время от времени они появлялись… Вооруженные винтовками, они проезжали мимо наших окон на велосипедах. У нас тоже была винтовка, старый дробовик с двумя бойками… и еще полицейский пистолет… бывший хозяин фермы оставил нам это оружие… Они висели на гвозде в кухне, за занавесом над очагом.

Де Перейр как-то вечером, когда делать было нечего и выходить тоже нельзя, достал старую винтовку… и начал ее чистить… продел при помощи бечевки в отверстие фитиль… и прочистил оба ствола бензином… чтобы привести в порядок гашетку… Я почувствовал, что наступает осадное положение.

* * *

У нас оставалось только семеро воспитанников… четыре мальчика и три девочки… Мы написали родителям и предложили им забрать их у нас… в связи с тем, что в нашем сельскохозяйственном опыте были допущены некоторые просчеты… и непредвиденные обстоятельства вынуждают нас временно отослать нескольких учеников…

Но эти чертовы родители даже не потрудились ответить! Они совершенно обнаглели!.. Они были вполне довольны, что их избавили от лишних забот… Мы поинтересовались у ребят, не хотят ли они, чтобы их устроили в благотворительное заведение… В главный округ города, например?.. Услышав про это, они ощетинились против нас так агрессивно и так яростно, что в какой-то момент я даже подумал, что дело кончится дракой… Они ничего не хотели слушать… Мы сразу же уступили им… Этим соплякам дали слишком много воли и независимости, чтобы их теперь можно было ввести в рамки!.. Фасоль! Улитки! Им было безразлично, в чем ходить и что есть…

Главное, чтобы их не трогали!.. Они даже не пытались ничего понять!.. Они не особенно вникали в обстоятельства!.. Можно было сколько угодно объяснять им, что жизнь так устроена… что у нас у всех есть обязанности… что порядочные люди соблюдают законы… и что в конце концов… если таскать все направо и налево, то об этом обязательно узнают!.. и это кончится очень плохо… Но они плевали на наши жалкие бредни… Мы им казались отвратительными… просто какими-то жуткими тараканами! Они ничего не воспринимали… Даже не слушали… Дивная «Новая раса»… Дюдюль, младший из группы, снова отправился за яйцами… Раймонд больше на это не решался… Он слишком вырос… Этот маленький сопляк Дюдюль был настоящим исчадием ада… Мы все тряслись… молились… все время, пока его не было… чтобы он вернулся целым и невредимым… Он принес голубя, которого мы тут же сожрали сырым вместе с перьями… Этот Дюдюль ориентировался в деревне лучше, чем охотничья собака!.. Его невозможно было обнаружить и в двух метрах… часами он просиживал в укрытии, чтобы стибрить яйца из-под несушки… Без шнурка! без веревочки!.. Просто двумя пальчиками… Чик! Чик! он демонстрировал нам свое мастерство…

Высший пилотаж… «Смотри, я вытащу у тебя десять монет!..» Действительно, ничего невозможно было заметить.

* * *

За неделю нам разбили два окна… Крестьяне на велосипедах нарочно проносились мимо, как смерч… Наше положение все время ухудшалось… Они то исчезали, то появлялись снова… Их злоба становилась невыносимой… Однако мы вели себя смирно!.. Мы старались не отвечать! А следовало бы… Ответить на их провокации хорошим залпом в задницу! Наши воспитанники больше не высовывались… Они выходили лишь на рассвете, на часик или два, пока темно… или самым ранним утром, чтобы все же увидеть немного света… Крестьяне в округе завели псов на всех участках… и спускали с цепи этих жестоких и бешеных чудовищ!..

Ко всему прочему, наши башмаки не выдерживали путешествий по ужасным каменистым тропинкам… Это была настоящая пытка!.. Даже хорошо натренированные малолетки часто получали ранения… Ранним утром их лохмотья, особенно под ноябрьским дождем, напоминали примочки! Они кашляли все сильнее… Эти маленькие канальи, несмотря на всю свою вы-

носливость, не были защищены от бронхита!.. Они проваливались по самые ягодицы в борозды на вспаханном поле!.. Начавшиеся холода окончательно доконали их… Без башмаков уже не обойтись!.. Можно отморозить себе ноги… На нашем плато часто дул сильный ветер, случались ураганы… Они приходили с севера!.. Вечером мы хорошо согревались, но в комнате можно было задохнуться из-за большого количества дыма… Он шел из-под вытяжного колпака!.. Дрова сильно отсырели, уголь же отсутствовал уже несколько недель… Дым был невыносим… и мы гасили костер!.. Чтобы потушить пламя окончательно, заливали раскаленные головни водой… Ребятам оставалось только спать…

Довольно часто около полуночи Куртиаль снова вставал… Он не мог заснуть… И отправлялся в сарай с фонарем осматривать свою систему… он запускал ее на несколько минут… Его жена вскакивала с соломы и шла за ним… Я слышал, как они переругиваются в глубине двора…

Потом они потихоньку возвращались… Она будила меня… И показывала мне картофель… О! Он был не слишком хорош! Тот, что рос «в волнах»… был гнилым… и имел отталкивающий вид!.. Черт побери!.. Она призывала меня в свидетели!.. Он

не очень-то увеличивался… Это было хорошо видно… Я не осмеливался слишком лезть со своими замечаниями… и своим мнением… но я не мог сказать ничего ободряющего. Источенные… сморщенные, грязные, гнилые… и, кроме того, полные червяков… Таковы были клубни Куртиаля!.. Этот картофель невозможно есть… Он не годился даже нам на суп… А ведь мы привередливостью не отличались… мадам де Перейр была абсолютно убеждена, что культуру загубили…

— И это, Фердинанд, он собирается продавать на Центральном рынке?.. Кому же?.. Это уж слишком! О! Какая наглость! Я спрашиваю!.. Где он найдет такого идиота, что купит подобные отбросы?.. Покажите мне этого кретина, и я пошлю ему корзину!.. О! Я хочу на него посмотреть!.. О! У него, наверное, нет глаз!.. Нет, подумать только! За кого он меня принимает?..

И в самом деле, столь тщательно выращенные клубни были просто омерзительны! А ведь за ними так ухаживали!.. Лелеяли день и ночь! Картофель был весь размокший, кишащий червями, личинками сороконожек и с отвратительным запахом! Просто тошнотворным!.. Несмотря на сильный холод… что само по себе было необыкновенно… и необъяснимо! Этот запах вызывал у

меня настоящее содрогание!.. Вонючая картошка… такое не часто можно встретить… Это был страшный удар судьбы…

— Тсс! Тсс! — сказал я ей. — Вы разбудите ребят!..

Она вернулась на опытные поля… Прихватив с собой фонарь… и лопату… Было восемь градусов… даже десять ниже нуля… Она находила самые червивые картофелины… и вырывала их одну за другой… Сколько могла! до самого рассвета…

* * *

Такое нашествие червей невозможно долго скрывать… Их было полно даже на поверхности земли… Гнили становилось все больше… Напрасно мы вырывали, выбрасывали и пропалывали… Все было тщетно… В конце концов, об этом узнали во всем районе… Вмешались портянки… Они выкапывали наш картофель! И относили образцы в префектуру, присовокупив к ним рапорт жандармов о наших странных действиях!.. А целые клубни, просто кишевшие личинками, они отсылали в Париж, директору музея!.. События принимали серьезный размах!.. Повсюду стали распространяться ужасные слухи, что мы стали виновниками возникновения сельскохозяйственной чумы!.. Причем совершенно новой… Неслыханного бедствия для овощеводов!..

Воздействием интенсивных волн, зловредных «индукций» и адским размещеием тысячи латунных цепей мы испортили землю!.. Вызвали Духа Личинок!.. Который сам по природе своей совершенно невинен!.. Мы вывели в Блэм-ле-Пти совершенно особый вид червей, очень злых и

набрасывающихся на любые посадки, растения и корни!.. даже на деревья! на запасы продовольствия! На хижины! Черви разрушают структуру борозды! Уничтожают молочные продукты!.. не щадят абсолютно ничего! Все пожирают, всасывают и поглощают… Они способны жрать даже лемеха у плугов!.. Они запросто заглатывают и переваривают камень, кремень для них почти как фасоль! Они уничтожают все на своем пути! На поверхности и в глубине!.. Будь то труп или картофель!.. Абсолютно все!.. И главное, зима им не помеха!.. Холод только придает им силы!.. Они распространяются в несметных количествах! по горам! долинам! и равнинам!.. со скоростью электричества!.. Благодаря воздействию нашей машины!.. Скоро все вокруг Блэм превратится в одно огромное гнилое болото!.. Отвратительное месиво!.. Обширную клоаку червей! Море кишащих личинок! Потом настанет очередь Перзан! А потом Салигон!.. Таковы были перспективы!.. Невозможно было предсказать, когда и чем это кончится!.. Найдется ли вообще какой-нибудь способ остановить надвигающуюся катастрофу!.. Нужно было сначала дождаться результатов анализов!.. Это вполне могло распространиться на все корни Франции!.. И уничтожить все деревни!..

Оставить одни булыжники!.. Наши черви способны сделать всю Европу абсолютно непригодной для земледелия… Превратить ее в бесплодную пустыню!.. О случившемся в Блэм-ле-Пти будут говорить еще очень долго… пройдут века… ведь о библейских ужасах помнят и по сей день…

И все это говорилось совершенно серьезно… Куртиаль же не преминул выложить все почтальону во время его очередного визита… Нашел, что говорить лишившемуся велосипеда озлобленному Эзебу. «Ей-богу, все это вполне возможно!» — ответил тот… Он ничего не привез. Этот ублюдок становился все более злобным… Выпивка у нас кончилась… И нам нечего было ему предложить… Он весь просто трясся от ненависти… Еще бы, 14 километров без выпивки! Возможно, это он нас сглазил!.. Он должен был ездить туда-сюда по дороге из Перзан по три раза в день! Только из-за нашей почты!.. Нам писали отовсюду, что мы могли поделать!..

Наша корреспонденция увеличилась в десять раз!.. Люди жаждали все знать… обо всем спросить!.. Кроме того, многочисленные анонимы буквально засыпали нас своими письмами!.. С тысячами оскорблений!..

— Пусть! Пусть! Их разум помутился!.. Взгляни

на все эти послания!.. В них больше червей, чем на всей нашей планете!.. А их, ты знаешь, хватает! Она буквально кишит ими!.. Хочешь, я тебе что-то скажу? А? Я тебе скажу… это все нужно вынести!..

* * *

Мы думали, что все же, если варить на тихом огне… тщательно ее почистить… смазать жиром… очень осторожно… старательно… Может быть, нам удастся достичь того, что, несмотря ни на что, нашу картошку можно будет есть… Но мы испробовали все кулинарные хитрости… Все было напрасно… Все превращалось в желатин на дне кастрюли… Через час… Или через полтора часа месиво превращалось в огромный пирог с личинками… и еще этот омерзительный запах… Куртиаль долго принюхивался к результату нашей стряпни…

— Это железистый гидрат алюминия! Запомни хорошенько это название, Фердинанд! Запомни хорошенько!.. Ты видишь эту разновидность мекония? Наш участок буквально набит им!.. Мне даже не нужен анализ!.. Осадки сернистых соединений!.. Это наш большой недосмотр! Иначе не скажешь… Взгляни на эту желтую корку… Я долго думал об этом!.. Эта картошка!.. Послушай!.. Что я тебе скажу… Она могла бы быть превосходным удобрением!.. Особенно с добавлением калия…

А калий, понимаешь ли ты? Это очень удачно! Калий! Он необычайно быстро образует соединение… Он переполняет все клубни!.. Взгляни, как они мерцают! Различаешь ли ты чешуйки? Оболочку каждого зародыша?.. Эти крошечные кристаллики?.. Зеленоватые?.. Фиолетовые? Ты их видишь?.. Достаточно ясно?.. Это, дорогой мой Фердинанд, перемещения гидролиза… А! Ну да! Ни больше… ни меньше!.. Результат наших излучений… Да, мой мальчик!.. Именно так!.. Теллурическая печать! Лучше не скажешь!.. Открой глаза! Смотри как можно внимательней! И больше ничего не надо! Другие доказательства совершенно не нужны!.. Доказательства? Вот они, Фердинанд!.. Вот они! и наилучшие!.. Именно то, что я и предсказывал!.. Это излучение не рассеивается, не преломляется!.. Все ясно! Конечно, я понимаю, что это слишком насыщенный алюминий! Еще одно небольшое несоответствие! Но это все преходящее!.. Преходящее! Все дело в температуре! Оптимальной для алюминия является двенадцать с половиной градусов… А! О! Запомни! Ноль! Пять! Это для нас очень важно! Ты меня понимаешь?..

* * *

Прошли еще две недели… Мы так урезали наш рацион, что теперь лишь раз в день варили суп… О том, чтобы выходить, не могло быть и речи… Шел сильный дождь… Деревня тоже вся вымерла… Зима придавила ее… Деревья гнулись под напорами ветра… Опустошив тарелки, мы быстро забирались в кучу соломы, чтобы сохранить тепло… И там лежали… целыми днями, прижавшись друг к другу… Не открывая рта… В полном молчании… Когда доходишь до такого состояния, даже огонь не согревает… Все ужасно кашляли. И похудели… Ноги стали как спички… Мы чувствовали необыкновенную слабость… не хотелось двигаться, жевать, вообще ничего делать… Голод — это не шутка… Почтальон больше не заходил… Он, должно быть, получил какие-то указания… Мы бы так не истощились, если бы у нас было масло или хоть немного маргарина… Зимой это просто необходимо! У Куртиаля в это время началось какое-то странное недомогание… Холод усиливался, а ели мы все меньше… У него началось что-то вроде энтерита и действительно

очень серьезного… Его мучили сильные боли в животе… Он корчился на соломе… Но это было не от еды!.. Он спорил с мамулей по поводу клизмы… Ставить ее?.. или не ставить?..

— Но у тебя ведь в животе ничего нет!.. — говорила она… — Как же тебе это может помочь?.. Колики просто так не начинаются!..

— Ну хорошо, однако, я уверен, что это пройдет! О! Черт… всю ночь меня выворачивало!.. Это сухие колики… как будто мне завязывают кишки в узел!.. О! Что ты на это скажешь!..

— Но это же от холода!.. Несчастный идиот!..

— Это вовсе не от холода!..

— Тогда от голода?..

— Но я не голоден!.. Меня скорее тошнит!..

— О! Ты сам не знаешь, чего ты хочешь!..

Он не ответил… и зарылся в свою подстилку… Он больше не хотел с ней разговаривать…

Он был вынужден забросить свои занятия сельским хозяйством… В сарае больше не осталось ни одного бидона бензина, чтобы запустить его машину…

Еще два дня прошло… в ожидании и прострации… Толстуха, забившись в угол и закутавшись в занавески, больше не сдерживаясь, стучала всеми своими зубами, ее била дрожь… Она залез-

ла на чердак, нашла еще несколько мешков… и сделала себе и ребятам что-то вроде камзола и толстых шотландских юбок, под штаны она напихала пакли!.. Это делало ее похожей на зулуса! Она сама находила себя забавной!.. Холод располагает к веселью!.. Чтобы согреться, она стала прихлопывать и прыгать… Вокруг массивного стола! Ребята тоже согревались, глядя на нее! Они приплясывали вместе с ней что-то вроде фарандолы!.. Они бегали сзади… и цеплялись за ее оборки… Она пела:

Дочка мельника с парнями
Так плясала до утра,
Что чулок свой потеряла,
Потеряла-а-а-а…[143]

Не часто приходилось видеть мамулю Куртиаль в таком настроении! Но момент был особый… Ей больше нечего было курить… Куртиаль забрал весь ее табак!.. Ей немного не хватало трубки… Ребята начали рвать ее тряпки… И толкнули ее в солому…

— Черт побери! Черт побери! Черт побери!

---

[143] Примечания: 143

«Дочка мельника» — народная французская песня, на мотив которой танцевали танец джигу.

Убирайтесь все… Выродки! Сопляки! Ублюдки! Сосунки! Воры! Бродяги! — кричала она, но это их еще больше развеселило…

— Куртиаль, ты слышишь меня?

Он не слышал… и только ворочал головой в своей дыре… Он стонал… Ворчал… Из-за своего брюха!.. Ребята запрыгнули на него, четыре мальчика и три девочки! Но он все равно ничего не отвечал нам.

Чуть позже мы стали волноваться, куда делся Дюдюль?.. Он ушел уже два часа назад… само собой разумеется, по своим делам… О! Мы все сильнее беспокоились за него!.. А он вернулся лишь к ночи… И с каким грузом!.. Все 12 километров! До вокзала в Перзан… Он бежал со всех ног! На грузовом перроне ему здорово повезло… феноменальная находка!.. Мешок с бакалеей!.. Он принес нам целую гору масла! Две связки сосисок!.. Три корзины яиц… свиные колбаски, конфитюр и еще тележку… Он спер все это перед камерой хранения, когда служащие отправились переводить стрелки… и немного погреться… Дюдюлю потребовалось не больше двух минут, чтобы все это спереть! Теперь нам не хватало только хлеба… Но это не помешало нам устроить грандиозную пирушку!.. Мы сразу же разожгли

огонь! Бросив в печку целое дерево!..

Де Перейр сразу же проснулся… Он встал, чтобы пожрать… Он ел с такой скоростью, что у него перехватило дыхание. Он схватился за живот обеими руками и время от времени выкрикивал: «О! Господи, Господи!..» Толстуха тоже не заставила себя долго упрашивать!.. Она так набила себе брюхо всего за несколько минут, что ей пришлось лечь. Она даже начала кататься по земле… Переворачиваясь с живота на спину… «О! Господи, Господи! Куртиаль! Вот так бы всегда! О! Как же я была голодна!» Ребята бегали на двор… Но, возвращаясь, они снова хватали куски… Собаку Дюдюля тоже так раздуло, что она выла смертным воем. Де Перейр повторял: «О! Дети мои! О! Дорогие крошки! О! Мои милые лапочки! О! Господи, Господи! Пора с этим кончать! О? Все прекрасно!..» Он был вне себя!.. «О! Господи! Пора!.. Прекрасно, прекрасно!..» Он больше ничего не мог сказать. Он никак не мог опомниться от чуда.

* * *

Наверное, было около пяти часов… Было еще совсем темно… Когда я услышал, как Куртиаль ворочается на соломе… Он встал… О времени я судил по состоянию камина… Огонь почти погас… Я сказал себе: «Готово, он не выдержал!.. Слишком холодно… Он пошел приготовить себе кофе… Вот дает!..» И действительно, он направился к кухне… Это было естественно… Я слышал, как он стучал чашками… Я не прочь был присоединиться к нему… и тоже выпить чашку… Но между мной и дверью храпели ребята… они лежали, прижавшись друг к другу… Я побоялся на них наступить… И остался в своем логове… Я не так уж дрожал… Меня защищала стена… На меня дуло гораздо меньше, чем на старикана. Я немного продрог, вот и все. Я ждал, когда он вернется с кофейником, чтобы окликнуть его… Но он все не возвращался… И продолжал там возиться… Я слышал, как он роется в инструментах… А потом я услышал, как открылась дверь на улицу… Я подумал: «Наверное, он пошел пописать?..» Я ждал, когда он вернется… Что-то вроде догадки промелькнуло у

меня в голове… Я даже хотел встать… Но потом снова уснул… И забыл обо всем.

* * *

Мне приснился кошмарный сон… я дрался с хозяйкой!.. Она пританцовывала… Я старался освободиться от нее… Она навалилась на меня… Всей своей тушей! Я никак не мог отцепиться!.. Ужасный шум! Ничего не видно!.. Она засыпала меня своими вопросами… Я пытался убежать, закрыться в спальне… Но эта баба продолжала цепляться ко мне!.. Она кричала все громче!.. Она дергала меня за уши… и не хотела меня отпускать… «Где же мой Куртиаль?..» Она вопила это на все лады!.. Она только что пришла с кухни… она искала кофе, которого не осталось ни капли!.. Она осмотрела все… Все сосуды были пусты!.. Этот бандит все высосал!.. изо всех чашек и кофейника… перед своим уходом… Он мне ничего не говорил?.. Ей хотелось все знать…

— Нет! Ни слова!..

— Куда он ушел?.. Не видел ли ты его во дворе?..

— Нет же!.. Нет!.. Я ничего не видел!..

Мезанж вскочила и затараторила, что видела странный сон!.. Хозяин Куртиаль катался верхом

на слоне!.. Момент был не самый подходящий для глупостей… Мы пытались вспомнить, что он говорил вечером… Он жрал за десятерых! Это мы помнили… Может, ему стало плохо?.. Он замерз во дворе?.. Мы терялись в догадках!.. Воспаление? Вместе с ребятами мы бросились на поиски!.. Перерыли всю солому… осмотрели все закоулки в доме… Все пристройки, два сарая и хижину для опытов… В доме его не было… Мы пошли через поле… осмотрели ближайшие окрестности… а потом дальше… Мы обшарили все овраги, все кустарники… Со стороны можно было подумать, что мы собираем ягоды на всем плато!.. Мы спустили собаку Дюдюля… Куртиаля по-прежнему нигде не было!.. Потом мы опять собрались вместе… Чтобы прочесать весь лес… Он часто там прогуливался… И тут один из ребят заметил, что высоко на воротах было что-то написано мелом… «Счастливо! Счастливо!» — большими заглавными буквами… Это был его почерк…

Старуха сначала ничего не могла понять… И только не переставала бормотать: «Счастливо! Счастливо!..»

— Что это значит?.. Но Боже мой! Он удрал!.. — Вдруг осенило ее!.. — Ему наплевать на меня!.. О! Честное слово! О! Счастливо!.. Надо же… Счаст-

ливо! Он посмел сказать это! Мне!.. Вот как он со мной разговаривает!.. О! скажи-ка! Какая наглость! О!.. — Она была вне себя. И в этом не было ничего удивительного!..

— Да, это ясно!.. Месье удрал!.. Смылся!.. Месье отправился на экскурсию… Отвалил в город! Отброс! Подонок! Это катастрофа! Счастливо!.. И все!.. И я должна этим удовлетвориться!.. Значит, это все, что я заслужила? А?.. Копаться в этом навозе?.. Я заварил кашу, а расхлебывать будешь ты, старая кляча!.. Выкручивайся, как хочешь!.. Счастливо!.. Такое возможно?.. Скажи мне, Фердинанд? Как ты считаешь?.. О! Вонючий козел!..

Ребята слушали ее вопли, разинув рты!.. Мне не хотелось подливать масла в огонь!.. Я дал ей немного остыть… Но про себя я думал… «Старику надоели мы все и эта картошка!.. Он смылся… И его не так скоро теперь увидишь!..» Я предчувствовал это… Я вспомнил его слова… И эти воспоминания терзали меня… О! Конечно, ему приходилось нелегко… Но все же, как он мог на это решиться?.. Сволочь… Оставить нас всех вместе?.. По уши в дерьме… Это было вполне в его духе… Он был скрытный, озлобленный, нелюдимый… как 36 медведей… Удивляться не приходилось… Я всегда был готов к этому. «Ме-

лочи не имеют значения!.. Они только омрачают жизнь!.. Все, что нужно, — это принять решение… Великое!.. Фердинанд! Великое! Ты слышишь меня?..» Я слышал… Все это были только слова… Если же он действительно решил покончить с нами, раз и навсегда!.. Это было подло!.. Ничего хорошего нам не светило!.. Как мы выпутаемся из этого!.. Старуха тысячу раз была права!.. Что нам теперь делать со всем его теллурическим хламом?.. Абсолютно нечего!.. Чтобы потом оказаться виноватыми в провале дела?.. Как мы сможем оправдаться? Мы здорово влипли… Еще он своей болтовней мог отуманить… как-то запутать этих дикарей!.. Но мы?.. Все было кончено.

* * *

Это казалось какой-то злой шуткой… Мы пытались что-то понять. Старуха понемногу успокаивалась… Ребята переворошили всю комнату… Они даже поднялись на чердак. И перевернули там все коробки… «Он вернется?.. Он не вернется?» — только и было слышно.

В Блэм не было подвала, чтобы можно было спрятаться, как в Пале… быть может, он был где-то далеко?.. Может, это всего лишь временный каприз?.. Причуда маньяка?.. Куда мы денемся с ребятами, если он больше не вернется?.. Когда старуха начинала думать об этом, к ней возвращалась слабая надежда… Она говорила себе, что это невозможно, он не настолько бессердечен… это всего лишь скверная шутка… он скоро вернется, несмотря ни на что… Мы начинали верить… Впрочем, поводов для этого у нас не было никаких… Только потому, что мы в этом очень нуждались…

Утро подходило к концу, было уже около одиннадцати часов, когда появилась эта скотина, почтальон… Я первым заметил его… Я смотрел

в окно… Он приблизился… но не зашел в дом… Он остановился у двери… И знаками показал мне, чтобы я вышел… что он хочет поговорить со мной… срочно… Я выскочил… Он подошел ко мне на крыльцо и взволнованно зашептал…

— Поторопись! Беги, погляди на своего старика!.. Он там на дороге за переходом Дрюв… у подъема на Салигон! Ты знаешь маленький деревянный мостик?.. Там он убил себя!.. Люди из Плака все слышали… Сын Артона и мамаша Жанна… Около шести часов… Из своего ружья… Они велели мне передать вам… Ты можешь его забрать, если хочешь… Я ничего не видел, ты понял?.. Они тоже ничего не знают… Они только слышали выстрел… И вот еще два письма… Оба для него… — Даже не сказав «до свиданья», он пошел вдоль стены… У него не было велосипеда, и он пошел прямо через поле… Я видел, как он дошел до верхней дороги, ведущей в Брион через лес.

* * *

Я тихо на ухо рассказал ей обо всем… так, чтобы ребята не слышали… Она выскочила за дверь… И понеслась во весь опор… Она побежала прямо по камням… Я даже не успел досказать… Мне пришлось успокаивать ребят… Они боялись, что что-нибудь случится!

— Не дергайтесь!.. Не высовывайтесь на улицу!.. Я догоню старуху!.. А вы пока поищите Куртиаля!.. Я уверен, что он еще здесь!.. Он где-то прячется!.. Он же не мог испариться!.. Переверните всю солому! Перетрясите все охапки!.. Он, наверное, там храпит! А мы сходим к жандармам!.. Они вызвали нас в Мелуар!.. Поэтому и почтальон приходил… Это очень срочно… Не бойтесь! Оставайтесь и ведите себя смирно!.. Мы вернемся через два часа… Со двора вас не должно быть слышно! Ни звука!.. Пошарьте на антресолях! Загляните в конюшню!.. В сундуках еще не смотрели!..

Ребята ужасно боялись легавых… На этот счет я был спокоен! Они ни за что не пойдут за нами! Они чувствовали, что тут пахнет жареным… Но в чем дело?.. Они не знали…

— Закройте хорошенько двери!.. — приказал я... И поглядел в окно... Мамуля уже была черт знает где!.. Я бросился за ней галопом... Мне было непросто ее догнать... Она неслась во весь опор через леса и поля! Наконец я настиг ее! Я едва переводил дыхание! Черт побери!.. Главное, не отстать от нее снова!.. Я попытался собраться с мыслями... так... прямо на бегу!.. В этой лихорадочной гонке... Меня стали одолевать самые гнусные подозрения... «Черт побери!» — сказал я себе!.. «Ну и олух же ты, парень! Это же настоящая хохма... Злая шутка!.. С этим мостиком через Дрюв!.. А ты и поверил! Это же бред! Подлая и наглая ложь!.. Мрачный розыгрыш и все!» О! Меня здорово накололи!.. Этот почтальон настоящая сволочь!.. Он вполне способен на такую пакость!.. А остальные антропофаги?.. Они тоже не внушали никакого доверия!.. На бегу мне пришло в голову... что наш папаша в это самое время, когда мы надрываемся и бежим за его трупом... Где он находится? Скорее всего, в «Пончике»... Жрет колбасу, запивая ее анисовой водкой!.. А нас просто одурачили! И в этом не было ничего удивительного... Ведь мы были простачки и идиоты!.. Провести нас не стоило большого труда!..

За широкой равниной... после размокших гря-

док начинался крутой подъем по склону холма… Когда мы поднялись на самый верх, нашему взору открылся весь окрестный пейзаж!.. Мы с хозяйкой дышали тяжелее, чем быки. На секунду мы присели на край насыпи, чтобы получше осмотреться… Бедняжка не очень хорошо видела… Но у меня-то было прекрасное зрение… От меня не укрылось бы ничего в радиусе двадцати километров. Оттуда, с вершины за рекой Дрюв, которая текла внизу… между мостиком и поворотом дороги… прямо там, посредине шоссе я заметил что-то вроде большого пакета… Ошибки быть не могло!.. Еще километра три мы шли по гравию… О! А потом, мгновенно… с первого взгляда!.. Я понял, кто это… По серому рединготу… и по желтым штанам… Мы ускорили шаги… Спустились со склона… «Идите! Идите! — сказал я ей. — Вы идите прямо!.. А я побегу вниз! По тропинке!..»

Я срезал большой кусок пути… и был внизу уже через минуту… там… прямо перед ним… Старик как-то весь скорчился и съежился в своих брюках… Но все же это был он!.. А головы и вовсе не было!.. Ее всю разворотило. Череп почти полностью снесло… Неизвестно куда!.. Он все еще держал ружье, сжимая его в руках. Два ствола были засунуты в рот и проходили сквозь всю

голову… Через все месиво… Куски мяса, лоскутья, слизь, бахрому… Большие сгустки крови среди волос… Глаз больше не было… Они выскочили… Нос как бы провалился внутрь… Осталась лишь дыра на лице… с осклизлыми краями, которую посредине затыкал сгусток крови… напоминавший кусок теста… кровь струями стекала по дороге… Особенно текло с подбородка, который превратился в настоящую губку… До самой канавы… образовались лужицы, схваченные льдом… Старуха теперь все хорошо рассмотрела… Она застыла на месте… не проронив ни звука! Первым очнулся я. «Отнесем его на насыпь», — сказал я. Мы встали на колени… и немного сдвинуло тело… Попытались его поднять, напряглись… Я потащил за голову… Поднять было невозможно!.. Все усилия были напрасны!.. Тело слишком примерзло… Уши просто припаялись!.. Все как бы срослось с гравием и льдом… Туловище еще можно было бы приподнять, потянув посильнее… Но не голову!.. Это была настоящая каша, которая составляла единое целое с булыжниками на дороге… Невозможно… Тело, согнутое буквой Z… ружье, проткнувшее голову, которое еще нужно было разрядить… а потом уже вытаскивать… У него ужасно свело ноги… ступни были загнуты

назад… Наверное, он бился в конвульсиях, пока не окоченел… Я осмотрелся вокруг… И заметил внизу ферму… Может быть, это ферма почтальона?.. Та самая, о которой он мне рассказывал?.. Плакэ? Я подумал: «Вот это место… Наверняка это она…» Я сказал старухе…

— Эй, оставайтесь здесь!.. Я схожу за людьми!.. Я сейчас же вернусь!.. Они нам помогут!.. Никуда не уходите!.. Наверняка это ферма Жанны!.. Они все слышали.

Я подошел к дому… И постучал в двери, а потом в ставни… Никого… Я снова постучал… обошел вокруг конюшни… Открыл калитку и вошел во двор… Я стучал!.. Орал… Никто не отвечал!.. Однако я чувствовал, что там были люди… Из трубы шел дым!.. Я начал трясти двери… Колотить в окна… Я готов был разнести все ставни, если никто не появится… Наконец показалась чья-то рожа… Это был сынок мамаши Жанны… от первого брака!.. Артон… Он был напуган… И только немного высунул свою рожу… Я объяснил ему, что мне надо… Какой-нибудь транспорт… О! Услышав это, мамаша тоже выскочила… и затряслась… Она была против… Она вдруг пришла в сильное возбуждение… Она не хотела об этом даже говорить!.. Она заткнула рот своему воню-

чему ублюдку… И запретила ему выходить!.. Черт возьми, он так и остался там!.. Рядом с матерью!.. Если я не могу убрать его с поля… Мне следует сходить за жандармами!.. «Они для этого и существуют!» Ни за что на свете Артоны не вмешаются в это дело… Они ничего не видели!.. Ничего не слышали! Они вообще не понимают, о чем речь!

Мамаша Перейр, поднявшись на край откоса, сверху наблюдала за нашими переговорами!.. Она испускала жуткие вопли!.. И ужасно шумела… Это было похоже на нее… Как только первое потрясение прошло, она больше не сдерживалась!.. Я показал этим двум дикарям на эту женщину в отчаянии!..

— Слышите? Или нет?.. Ужасная боль?.. Ведь не может же она оставить своего мужа так, в грязи!.. Чего вы боитесь?.. Это же не собака, черт возьми!.. У него нет бешенства! Это не теленок!.. У него нет язв!.. Он убил себя, только и всего!.. Это был вполне здоровый человек… Его надо хотя бы ненадолго укрыть под навесом! Пока за ним не придут!.. И пока нет машин… Они поедут прямо по его телу!.. Грязь им не помеха!..

По мере того как я настаивал, их сопротивление возрастало… «Ну нет! Только не это!.. — упирались они! — Конечно, они его не возьмут!.. Только

не к ним!.. Это уж никогда…» Они даже не хотели мне открывать… И предлагали мне обратиться к кому-нибудь другому… Они начинали меня злить… И я сказал этой лживой требухе…

«Хорошо! Хорошо! Валяйте! Мадам! Я вас понял!.. Вы отказываете! Это ваше последнее слово? Действительно? Очень хорошо! Хорошо! Просто замечательно! Но это вам выйдет боком! Учтите! Тогда останусь я! Ну да! Вот так! Я останусь здесь на восемь дней! На месяц! Я останусь здесь на столько, сколько понадобится!.. И пока за ним не придут, я буду орать!.. Я буду орать всем и всюду, что это вы!.. Вы все подстроили!» О! Они вдруг изменились в лице… О! Как они сдрейфили, черт побери!.. Они просто затряслись от страха!.. А я продолжал свои крики!.. О! Я не собирался отступать!.. Я готов был биться в эпилептическом припадке, только бы их получше достать!.. Настолько эти отбросы вывели меня из себя!.. Они уже сами не знали, как меня успокоить… Старуха издалека с насыпи продолжала кричать во все горло… Она хотела, чтобы я поторопился… «Фердинанд! Фердинанд! Ну ладно… Принесем горячей воды!.. И холщовый мешок!..» Единственное, на что согласились эти две сволочи… в конце концов… и то только из-за того, что я шумел и

не отходил от их ставень… это дать мне свою ручную тележку при непременном условии, чтобы я привез ее обратно в тот же день… причем тщательно вымыв и вычистив!.. протерев водой с хлоркой!.. Они настаивали на этом и без конца уточняли детали. Они повторили это мне раз двадцать!.. Наконец, я поднялся на холм с тележкой… Мне пришлось спуститься еще раз, чтобы попросить лопатку… все же надо было оторвать ухо… и разбить сгустки… Нам это удалось… Но тогда снова хлынула кровь, причем очень сильно… Его фланелевый жилет теперь превратился в сплошной сгусток желатина… серое стало красным… Но труднее всего было вытащить ружье… ствол прочно застрял в огромной пробке из мяса и мозга… все это как бы срослось через рот и череп!.. Нам пришлось вдвоем взяться за это… Она придерживала голову, а я тянул за приклад… Стоило только освободить мозг, как он стал сочиться еще сильнее… он капал, от него поднимался легкий пар… он был еще совсем теплым… поток крови хлынул через шею. Он прострелил себя насквозь… Он упал на колени… и так и рухнул, со стволом во рту… размозжив себе голову…

Вытащив ружье, мы перевернули его на спину… животом вверх… Но разогнуть его не удалось!

Он оставался согнутым буквой Z… К счастью, мы смогли уложить его между стойками тележки… Шея и месиво на месте головы немного мешали… Все это болталось у колеса… Старуха сняла свою юбку… и большую шотландскую накидку, чтобы получше упаковать голову… и с нее потекло поменьше… Но стоило нам сдвинуться с места… от толчков и ухабов… все снова потекло!.. Мы оставляли за собой кровавый след… Я старался ехать как можно тише… Я шел мелкими шажками… Останавливался каждые две минуты… На семь километров у нас ушло по крайней мере два часа… Уже издали я заметил жандармов… на лошадях… прямо перед фермой… Они ждали нас… Их было четверо, бригадир… и еще один в штатском, высокий, которого я не знал… Никогда раньше я его не видел… Мы продвигались буквально по сантиметру… Я больше совсем не спешил… Все же в конце концов мы приехали… Они видели, как мы подходили… во всяком случае, как только мы взошли на хребет плато… Они нас точно засекли… еще до того, как мы вошли в лес…

— Давай! Эй, хмырь, оставь свою тележку под навесом! И заходите сюда оба!.. Комиссар сейчас подойдет! Наденьте ему наручники! И ей тоже…

Они заперли нас в сарае, оставив у дверей жандарма.

* * *

Несколько часов провели мы на соломе… Я слышал, как толпа волновалась у фермы. Деревня была полна людей… Должно быть, они собрались отовсюду… Под навесом они уже побывали… Я слышал, как они спорили между собой… А комиссар все не приходил… Бригадир свирепо шастал туда-сюда… В ожидании правосудия ему хотелось показать свое усердие… Он отдавал приказы фараонам…

— Уберите всех любопытных! Проводите заключенных!..

Он уже допросил всех малолеток… Он вызвал нас к себе, а потом снова отправил в сарай… а потом опять вызвал… Он нас явно изводил, сволочь!.. Он лез вон из кожи… И грубо обращался с нами… Ему хотелось нас запугать!.. чтобы мы уселись за стол… и сразу же во всем признались ему!.. Ему все было ясно! Он говорил, что мы не имели права трогать тело! Одно это уже было преступлением! Мы не должны были прикасаться к нему! Оно должно было оставаться на дороге!.. Чтобы он мог это констатировать!.. А? Двадцать

пять лет каторги научат нас, как себя вести! Чертовы идиоты! О! Мы явно не нравились этому пидору!.. Под конец этот ублюдок начал строить самые гнусные домыслы!.. Он блеял, как козел!..

Как только мы вернулись, старуха стала совершенно невменяема. Вся в слезах она присела у двери, только икала и что-то жалобно приговаривала… Она обращалась ко мне…

«В это невозможно поверить, Фердинанд!.. Это уж действительно слишком!.. Это слишком тяжело, Фердинанд! У меня нет больше сил!.. Нет!.. Я больше не могу!.. Я не могу поверить! В то, что это правда, Фердинанд!.. Скажи?.. Это правда?.. Ты веришь, что это правда, скажи?.. О! Послушай, это невозможно!..» Она без конца твердила это… На нее нашло какое-то помрачение… Но когда один фараон, который обращался с нами как с дерьмом, опять обратился к толпе и она услышала его зычный голос… Это вывело ее из себя!.. Хоть она и была подавлена… Она вскочила!.. Подпрыгнула выше головы! Ужасный эффект!.. И ринулась, как зверь!..

— Позвольте! Позвольте! — вопила она… — Я не очень хорошо расслышала. Как вы сказали?.. — Она дышала ему прямо в лицо… — Как вы сейчас сказали?.. Это я его убила?.. Но вы пьяны, мой

мальчик!.. О! да вы наглец!.. Да в своем ли вы уме?.. Как?.. Это меня вы обвиняете?.. В смерти этого бандита?.. Этого нахлебника?.. Этого удавленника?.. Хорошо, это я запомню! О! За мою доброту!.. Мое терпение! Он высосал всю мою кровь!.. За всю жизнь он не сделал для меня ничего!.. Да это меня… Вы слышите?.. Это меня он всегда убивал!.. Этот вампир, именно так!.. Не сто раз!.. Не тысячу! Десять тысяч раз!.. Да вас еще не было на свете, когда он начал убивать меня!.. Я разрывалась ради него на части!.. Да! Выворачивалась наизнанку, я сидела неделями без еды, чтобы его только не увезли в Рюнжи!.. Вся моя жизнь, вы слышите?.. Загублена!.. Обманута!.. Это я! Да!.. Я сдохла… Да, вся моя жизнь была отдана этому говну!.. Но я сделала все, чтобы спасти его!.. Все!.. Все это знают!.. Спросите это у тех, кто это знает!.. Тех, что знали нас… Видели меня!.. Сходите в Пале Рояль!.. Сходите в Монтрту!.. Меня там знают!.. Там знают все, что я делала… Как я мучилась!.. Фердинанд может вам это подтвердить!.. Он молод, но все прекрасно понимает!.. Ради этого господина я делала невозможное!.. Чтобы он только не свалился в свою канаву!.. Невозможное!.. Чтобы избежать бесчестья!.. Но такова была его природа!.. Он опускался ниже, чем свинья,

стоило оставить его хотя бы на минуту! Он тонул в грязи! Он не был способен ни на что!.. Да! Я не боюсь это сказать!.. Мне нечего скрывать!.. Все это знают… Бессовестный! Черт побери!.. У него были все пороки!.. Все! Самые худшие! Даже вы, жандармы, еще слишком молоды, чтобы понять это!.. Вы слишком молоды, даже чтобы слушать об этом!..

Она смотрела на фараонов, она была вся растрепана, седые лохмы свисали ей прямо на глаза… Пот стекал по лицу… Пошатываясь, она отошла в сторону и села…

— Вы считаете это нормальным?.. Все, что вы сейчас мне сказали?.. и то, что со мной обращаются, как с проституткой?.. Вот моя награда!.. А если бы вы знали обо всех долгах!.. О! Вы этого не знаете! А как он со мной обращался!.. Тут дыра!.. Там дыра!.. И все их надо было заткнуть!.. И все время новые!.. Надрывайся!.. Тебе ведь больше нечем заняться!.. А он пускал всем пыль в глаза! Шарлатанство! Обман! Болтовня! Распущенность! Грязь!.. Так он и жил! Он был способен лишь на подлость! И больше ни на что! Ни на что!.. — Ее черты исказились от горя, она выкрикивала это, дергаясь в конвульсиях!..

— Это я! Я до конца сохраняла его дом! Если

бы не я, он был бы продан уже давно! Он не мог сдержаться!.. Этот гад воспользовался тем, что я свалилась больная!.. Что я была без сознания!.. И все растратил… Все пропил!.. Все разбазарил! Спросите у любого, правда это или нет! Ничего!.. Никогда!.. Он мне не дал! Ничего! Он просто не мог! Это было сильнее его!.. Ему необходимо было меня мучить… И все ради своих проституток! Ради своего желудка!.. Своих лошадей!.. Своих бегов! Болтовни!.. Пьянства!.. Я уж и не знаю, чего еще!.. Благородство!.. Он проявлял его только с незнакомыми!.. С кем угодно!.. Только бы сбежать!.. Ему на все было плевать!.. Если бы я сдохла, ему было бы все равно! Этого он всегда хотел! Вот… Так продолжалось тридцать лет!.. Тридцать лет я все это терпела!.. Тридцать лет — это не шутка!.. И теперь меня же и обвиняют!.. После всех моих мучений!.. После того, что я вынесла?.. Надо же! Это переходит все границы! — От этой мысли она опять пришла в исступление… — Как? Как? И Бог допустил такое? Он изуродовал себя… Он ушел!.. Он превратил себя в кашу! А я виновата? О? ля! ля! Но это уже слишком!.. Есть от чего сойти с ума! О! Подлость! О! Пусть все слышат, что этот грязный поганый ублюдок отравил мое существование!.. Но я-то хороша… Я-то с чем осталась!..

Держись крепче за перила, старая кляча! Не осталось ничего! Ни клочка! Одни долги! Долги! А ему наплевать! Хоть он все и промотал!.. Все! Он потерял все!.. Фердинанд это хорошо знает! Он свидетель!.. Он видел, как я сходила с ума, боролась, ломала себе голову до последней секунды!.. Чтобы он остался в Монтрту! Чтобы не ехать в эту грязную дыру! Он решил похоронить меня вместе со своей картошкой!.. Что оставалось делать?.. К несчастью, он был упрям!.. Это Фердинанд тоже хорошо знает!.. Я все растратила! Все потеряла ради этого шута! Этого старого развратника! Положение, карьеру! Специальность, друзей! Все!.. Мои родители!.. Никто больше не хотел нас видеть!.. Лишь какие-то шайки бандитов! Банды распоясавшихся хулиганов! Сбежавших из Шарантона[144]!.. Я потеряла все свое здоровье! Сперва операция! А за последние шесть месяцев я постарела на двадцать лет! До него у меня ничего никогда не было!.. Я даже не знала, что такое насморк!.. Я ела все! У меня был стальной желудок! Но неприятности! несчастья! Он всегда приносил одни неприятности!.. И они никогда не кончались! Стоило избавиться от одной…

[144] Примечания: 144

Сбежавших из Шарантона!.. — психиатрическая больница, называемая «Шарантон», находилась на территории городка Сен-Морис.

Хоп! Начиналось что-нибудь другое! Каждый раз совершенно неожиданное!.. Мое здоровье пошатнулось! Оно и понятно! Меня прооперировали, что поделать!.. У Пеана мне сказали: «Надо кончать с такой жизнью, мадам де Перейр!.. Это может кончиться очень плохо!.. Волнения! Заботы!.. Этого надо избегать!..» О! Куда там! С годами становилось все хуже!.. Все время ни минуты покоя… сплошные процессы! Предупреждения! Зеленые бумаги!.. Желтые бумаги!.. Должники у всех дверей! Преследования! Вот как я жила!.. Преследуемая день и ночь!.. Совсем как настоящая преступница! Ради него!.. Только ради него! Кто бы еще мог выдержать такое?.. Уже двадцать лет я не могу до конца выспаться! Если вы все хотите знать! Это абсолютная правда!.. У меня все отняли — сон, аппетит, сбережения!.. У меня случаются приливы, от которых я не могу стоять на ногах! Я не могу больше ездить на омнибусе! Меня начинает тошнить… Стоит мне пойти чуть побыстрее, даже пешком, у меня начинает рябить в глазах!.. А теперь мне говорят, что я убийца!.. Это уж слишком! Слушайте! Прежде, чем говорить такие вещи, взгляните сами!..

Она подвела к навесу четырех легавых и бригадира… Подошла к трупу и задрала на нем

штанины брюк…

— Вы видите его носки?.. Вы их хорошо видите? Так вот это у него была единственная пара… Второй в доме вы не найдете!.. Больше носков у нас нет!.. Ни у кого! Ни у Фердинанда! Ни у ребят! — Она задрала свои штанины, чтобы легавые смогли в этом убедиться!.. — Я сама хожу босиком!.. Ну! Посмотрите!.. Он все забирал себе!.. Себе одному… Все предназначалось лишь ему!.. Ему отдавали все, что у нас было! Он имел все!.. Всегда! Два дома!.. Газету!.. В Пале Рояле, Монтрту! Тысячи всевозможных приспособлений, адские машины!.. Сколько они стоили, знаю только я!.. Вы не поверите!.. Куча хлама! И все, чтобы удовлетворить свои амбиции! Об этом невозможно рассказать!.. О! Ему никто никогда не противоречил! О! Это не из-за этого он лишил себя жизни!.. Он был просто испорчен!.. Он весь прогнил! Именно! Прогнил!.. Ты хочешь электрическую машину?.. Очень хорошо, мой маленький! Вот она!.. Ты хочешь поехать в деревню?.. Очень хорошо!.. Мы поедем!.. Ты хочешь еще и картофель?.. Будет сделано!.. И так без конца!.. Никаких возражений, никаких склок! Месье нельзя было беспокоить!.. Ты хочешь Луну?.. Прекрасно, сердце мое, ты ее получишь… Все время новые

капризы! Новые увлечения!.. Шестимесячному младенцу такого не позволяют! У него было все, чего он хотел!.. Стоило ему только открыть рот! О! Это было моей большой ошибкой!.. О! Как же я наказана!.. О! Если бы я тогда знала! Когда я нашла его с размозженной башкой… Что мне теперь будут говорить! О! Если бы я это знала! Как я могу вам сказать! О! Разве привезла бы я его сюда?.. Я не знаю, как этот парень!.. Но я!.. Я, послушайте! Я! Я бы лучше сбросила его в овраг! Тогда вы бы не надоедали мне теперь!.. Там ему самое место! Сгнить в грязи! Это все, чего он заслуживает! Мне наплевать, я отправлюсь в тюрьму!.. Мне все равно! Мне там не будет хуже!.. Но, Господи! О! Господи! Нет! Все же! Это несправедливо!..

— Давайте! Давайте! Проходите сюда! Вы расскажете об этом потом! Сначала ответьте на вопросы! Довольно дискуссий! Вы утверждаете, что не видели раньше ружье, из которого он застрелился?.. Вы его захватили с собой? А парнишка его знал?.. Он воткнул его себе в голову? А? Так его нашли? Это вы вдвоем его вытащили?.. Как это произошло, как вы думаете?..

— Но я никогда не говорила, что не видела ружья!.. Оно было наверху, на чердаке… Все его видели!.. Спросите у ребят!..

— Давайте! Давайте! Не отвлекайтесь! Называйте мне имена, места рождения. Фамилия?.. Сначала жертвы!.. Дата, место рождения!.. Как его звали, в конце концов?.. Куртиаль? Как?.. А где это он родился?.. Известно? Чем занимался?

— Его звали вовсе не Куртиаль!.. — отреагировала она тут же! — И не де Перейр!.. Не Жан! Не Марэн! Он сам придумал это имя!.. Как и все остальное!.. Очередная фантазия! Ложь!.. Сколько лжи в нем было!.. Всегда! И везде!.. Его звали Леон… Леон Шарль Пюнэ… Вот его настоящее имя!.. Оно совсем другое, не так ли?.. И меня зовут Онорин Борегар, а не Ирен! Это он нашел мне другое имя!.. Ему хотелось все изменить!.. Но у меня есть доказательства! У меня они есть!.. Я говорю правду. Они всегда со мной!.. У меня есть мое свидетельство о рождении!.. Но сперва я найду его… Он родился в Виль-д'Аврэ в 1852-м… 24 сентября!.. Это день его рождения! Я поищу его там… оно в моей сумочке… Пойдем со мной, Фердинанд!..

Бригадир все записал… «Проводите заключенных!» — скомандовал он двум легавым… Мы сходили к тележке… и снова вернулись. Один из фараонов заорал из-под навеса:

— Нельзя ли его теперь внести?..

— Что внести?..

— Тело! Бригадир!.. Тут вокруг толпятся!

Он подумал… и сказал…

— Вносите! Несите его на кухню!

Они достали его из тележки… Тихонько подняли… и перенесли… Они положили его на плиту… Он по-прежнему оставался скорченным… Он никак не вытягивался… Старуха опустилась на колени, чтобы получше его рассмотреть. Она вся сотрясалась от сильных рыданий, слезы у нее текли ручьями… Она цеплялась за меня своими наручниками… Горе сломило ее… Можно было подумать, что она только сейчас заметила, что он превратился в кашу…

— О! О! Посмотри, Фердинанд!.. Посмотри! — она забыла про свидетельство о рождении и не хотела снова вставать… Она так и осталась сидеть.

— Но у него больше нет головы, Господи!.. У него нет головы, Фердинанд! Дорогой мой, дорогой мой! Твоя голова!.. Ее больше нет… — Она рыдала и валялась на полу перед жандармами… Она цеплялась за их сапоги… Она каталась по земле!..

— Плацента! Это плацента!.. Я знаю! Его голова!.. Его бедная голова!.. Это плацента!.. Ты видел ее, Фердинанд? Ты видишь? Смотри!.. А! О! О!.. — Она испускала сдавленные стоны…

— О! Вся моя жизнь!.. О! Вся моя жизнь!.. О! О!.. — Стоны становились все пронзительнее.

— Месье это сделала не я… Это не я!.. Я вам клянусь!.. Я клянусь вам!.. Вся моя жизнь была посвящена ему!.. Чтобы он был хоть немного счастлив! Чтобы он не жаловался!.. Он нуждался во мне!.. Денно и нощно… Я могу это точно сказать!.. Это не ложь! А, Фердинанд? Разве это не правда? Я пожертвовала всем! У него нет головы!.. Ах! Чего вы все от меня хотите?.. От него ничего не осталось! Счастливо! Счастливо!.. Он так сказал. Бедный любимый!.. Счастливо!.. Господи! Вы видели?.. Это написано!.. Это же он!.. Это написано его рукой! Это не я! Бедный, несчастный! Это не я!.. Это же очевидно!.. Не правда ли, это очевидно?..

Всем телом она распласталась на земле… И прижималась к Куртиалю… Она трясла и умоляла его… Она продолжала говорить с ним…

— Куртиаль! Я тебя прошу! Куртиаль… скажи мне! Скажи скорее, мой милый!.. Почему ты это сделал?.. Почему ты был так жесток?.. А? Скажи! Мой толстячок! Мое сокровище!.. — Она повернулась к легавым.

— Это она! Она! Это плацента! Это плацента!.. — Она опять впала в транс… И начала жевать свои

волосы… в комнате больше ничего не было слышно, так сильно она выла… Зеваки с интересом заглядывали в окно… Она кусала свои наручники и билась в конвульсиях на земле. Жандармы подняли ее силой и перенесли в сарай… Она так кричала, как будто ее проткнули насквозь… Она цеплялась за дверь… Падала… И снова бросалась в атаку. «Я хочу его видеть!.. Я хочу его видеть!.. — вопила она… — Покажите мне его!.. Они хотят его забрать!.. Убийцы! На помощь! На помощь! Мой малыш! Мой малыш!.. Не ты, Фердинанд! Не ты!.. Это не ты, мой милый! Я хочу его видеть! Сжальтесь!.. Я хочу его видеть!..» И так в течение часа. Им пришлось вернуться… и снять с нее наручники… Тогда она немного успокоилась… С меня их не сняли… Тем не менее я пообещал сидеть спокойно.

* * *

Днем на велосипеде появился еще один тип. Он специально приехал из Перзан… и передал бригадиру, что ни к чему нельзя прикасаться… прибудет прокурор, а не комиссар… как распорядился сам судебный следователь… Он также приказал нам подготовить документы ребят, они должны завтра рано утром уехать… Их ждали в Версале в приюте «Помощь подрастающему поколению»… Это тоже было в приказе!.. Ни одного из них не должно было здесь остаться после десяти часов утра!.. Два человека должны были специально приехать из Бовэ, чтобы забрать их от нас… и проводить на вокзал.

Все приказы зачитали ребятам, которые были во дворе, их нужно предупредить… наша жизнь закончилась… все перевернулось!.. Они ничего не могли понять… Они спрашивали, что они будут делать?.. Куда их увезут?.. Это серьезно?.. Я попытался объяснить им, что музыка кончена! Шарманка больше не крутится!.. Судья приказал закрыть нашу лавочку. И всю нашу «Новую расу» разогнать! Наше «излучение» тоже прикрыли, с

этим больше никто не хотел возиться!.. Эти люди не остановятся ни перед чем!.. Они безжалостны! И решительны! Все кон-че-но!.. Они возвращаются к своим родичам!.. Нужно их найти!..

Но для них это была какая-то китайская грамота!.. Они больше не чувствовали себя детьми… Они стали слишком эмансипированными!.. Они перестали понимать, что значит послушание!.. Было не слишком сложно собрать их пожитки!.. У них были лишь кости… И сверху брючки!.. Вроде обшивки… И еще несколько пар ботинок, которые они сперли, совсем неподходящие по размерам… Иногда они надевали только один… Чаще бегали босиком… Но все равно барахла оказалось не так уж мало… Тысячи гвоздей, крючков, ловушек, рогаток, шнурков, капканов… Целые наборы сетей, ножницы, веревки и еще бритвенные лезвия, привязанные к длинным палкам… и две пары клещей… Только у Дюдюля ничего не было… Он работал пальцами… Эти сопляки думали, что там, куда их увозили, все это может еще пригодиться… Они ничего не понимали!.. Я пытался им объяснить… Они ничего не принимали слишком близко к сердцу… Они видели старика с размозженной башкой. И слышали, как вопила старуха… за дверью… Но это их не пугало…

— Послушай меня! — сказал мне Дюдюль. — Я клянусь тебе, что в четверг вернусь!..

— Ты не знаешь их, сынок! — возразил я… — Откажитесь от своих фокусов! А то они запрут вас на замок на всю жизнь!.. У них ужасные камеры!.. Остерегайтесь! Оставьте свои затеи! И побольше молчите… Даже Мезанж, и та сдрейфила: «Фердинанд! Подумай! Черт возьми! Это просто, чтобы мы не видели похорон, нас увозят!.. Все это пустяки!.. Мы обязательно вернемся в воскресенье!.. Когда все это закончится!..» Я был бы только рад… Весь свой скарб они упаковали. Не обошлось без споров… Им всем была нужна резина… толстая, плотная… Они были спецами по птичкам!.. Они забрали с собой почти два мотка латуни… А она была довольно тяжелая!.. Но ее еще здесь было навалом, Господи!.. Целый сундук в сарае!..

Две дамы-сопроводительницы приехали раньше, чем мы думали… Они были вроде «сестер милосердия». Без чепчиков, но в серых закрытых платьях, обе совершенно одинаковые, в митенках… и со странными голосами, очень нежными и настойчивыми… Уже рассвело…

— Ну вот, дорогие дети… Нужно немного поторопиться… — сказала та, что потоньше… — Я надеюсь, что все вы будете умницами!.. И мы

благополучно доедем.

Они выстроили их в колонну по два… Один Дюдюль был впереди… Впервые они выстроились по порядку… Они спросили у всех имена…

— Теперь не нужно разговаривать!.. Вы очень умные детки!.. Как тебя зовут, крошка?..

— Мезанж-шлюшка!.. — ответила та. Впрочем, это была правда, ее все так звали. Они еще ничего не понимали… Пять мальчиков и четыре девочки. Дюдюль оставил нам своего пса… Он не хотел брать его с собой в Версаль… Вдруг колонна рассыпалась… Они забыли про мамулю!.. Она была в сарае… Они бросились обнимать ее… Немного слез… Все же расставание оказалось печальным… при таких ужасных обстоятельствах… Мезанж плакала больше всех…

— До свидания, Фердинанд!.. До свиданья! До скорого!.. — кричали они мне с другого конца двора… Дамы снова собирали их…

— Давайте, дети мои!.. Давайте!.. Давайте, девочки!.. — Они крикнули мне в последний раз уже с дороги: — До скорого, приятель! До скорого!..

Черт побери! Черт побери! Я понял. Возраст — это не шутки… Дети — совсем как годы, с ними никогда снова не встретишься. Собаку Дюдюля заперли вместе со старухой. Они плакали там

вдвоем. Старуха выла сильнее. Этот день действительно, я могу это определенно сказать, был одним из самых гнусных в моей жизни. Черт бы его побрал!

* * *

Как только ребята уехали, бригадир со своими людьми расположился в кухне. Они увидели, что я веду себя смирно, и сняли с меня наручники… Тело лежало рядом… Но ничего другого не оставалось, потому что назавтра ожидали приезда прокурора… «Как прикажут», — говорили они. Так комментировали это обстоятельство фараоны! Наконец они перестали на нас орать. К тому же они были голодны… Они осмотрели все шкафы… но не нашли ни куска… Им хотелось еще и выпить… Но вина не было… Снова разожгли огонь… В трубу лил дождь… И стало очень холодно. Февраль — самый короткий месяц и самый злой!.. Начало зимы было не столь суровым… Теперь она старалась взять свое… Эти легавые совсем не разговаривали между собой… В душе они все так и остались крестьянами… Они ходили вокруг… Я их хорошо разглядел… Они курили свои трубки… И сидели вокруг нашего стола… У нас было время рассмотреть друг друга… Лица у них утопали в жиру. Щеки заплыли полностью… на шее складки, доходившие до подбородка…

Они были здоровые и пузатые! особенно один, который был вдвое толще других… Они вполне могли обойтись без обеда! Их треуголки, сложенные грудой, составляли пирамиду посреди стола… На легавых были какие-то семимильные сапоги!.. Когда они поднимались все разом, гремя своими саблями, то производили такой грохот, что и не передать… Их все больше мучила жажда… Они отправились за сидром к старикам на краю хутора… Чуть позже, может, часам к восьми вечера, прибыл еще один тип… Он был из их казармы… Он принес им вина и небольшой паек… пять котелков… У нас осталось немного кофе. Я сказал, что мы можем и их угостить, если они позволят нам его смолоть. Они согласились. Старуха вышла из сарая. Они ее выпустили. Приступ гнева прошел. Этих колоссов очень угнетало, что у них больше нет еды! Всего один котелочек на каждого!.. И бутылка на пятерых!.. У мамули было сало, я знал это точно, небольшой запас… и еще в укромном месте чечевица, репа и почти полфунта маргарина…

— Я могу приготовить вам суп! — сказала она… — Теперь ребят здесь нет!.. Я могу накормить всех всем!..

Они согласились и были очень довольны… Да-

же хлопали себя по бедрам… А она периодически всхлипывала… У нас был большой котел!.. Он вмещал по крайней мере пятнадцать солдатских котелков… Принесли еще бутылку вина… Прямо из Перзан… Это послала жена бригадира. Бутылку принес мальчик вместе с письмом и газетой… Мы уселись рядом с ними… Все разделили поровну… Почти 24 часа у нас крошки во рту не было… Жандармы просили добавки… Мы опустошили весь чан… Сначала они говорили только между собой… Но постепенно оживились, с жадностью заглатывали пищу… Расстегнули свои мундиры… Один из пятерых… не бригадир, а тот, что был уже совсем лысый, казался любопытнее других… Он спросил у мамули, что делал умерший, каким ремеслом он занимался до того, как занялся сельским хозяйством?.. Это его интересовало… Она попыталась объяснить ему, но у нее не очень получалось… Она задыхалась на каждом слове… И заливалась слезами… Она сморкалась в тарелку… Чихала в перечницу… В конце концов все рассмеялись… У всех жгло во рту… она переборщила с перцем… О! Уа! Уф!.. Кроме того, в комнате было жарко… Огонь горел слишком сильно! Если ветер дул в одну сторону, то он обогревал нашу пещеру!.. Но стоило ему изменить направление,

как дым шел в дом!.. Все начинали задыхаться!.. В деревне всегда так…

Бригадир, сидя на краю скамейки, изнемогал от жары… Он сбросил свой мундир… Остальные сделали то же самое… Чиновники из прокуратуры приедут лишь завтра утром… Значит, беспокоиться нечего… Они все ломали головы над тем, почему удрал комиссар?.. Этот вопрос их сильно занимал… А особенно — почему сам прокурор?.. И почему так быстро?.. Должно быть, между канцелярией суда и префектурой произошла ссора… таково было общее мнение… А мы вправду влипли… Так я считал. Бригадир постепенно снова вернулся к своему обеду… Практически он один сожрал весь камамбер!.. Он делал себе огромные бутерброды! И запивал их красным!.. Кусок!.. Глоток!.. Кусок!.. Еще!.. Я смотрел на него… Он мне подмигивал… Он уже слегка захмелел!.. И стал совсем добрым… Он спросил у старухи просто так, совсем не грубо, абсолютно безо всякой задней мысли, что же делал ее Куртиаль до того, как они приехали в Блэм?.. Но она уже ничего не соображала. Она как бы впала в слабоумие из-за слез. И ответила ему: «Ревматизм!» Она была где-то далеко! Она опять начала бормотать… Слезы текли у нее по лицу… Она просила,

умоляла, чтобы ее оставили в кухне… рядом… еще ненадолго, немного посидеть с ним… Хотя бы до полуночи!.. У нас больше не осталось ни масла, ни керосина… только набор свечей!.. Ребята таскали их отовсюду, все время… когда они возвращались на ферму… Они приносили нам свечи всех размеров!.. У нас был выбор, старуха хотела поставить сразу две… Бригадиру надоело слушать ее нытье…

— Ладно! Ладно!.. И возвращайтесь побыстрее! Сразу же!.. Не зажигайте огонь!.. И не трогайте его… или я вас запру в сарае!.. Ну, давайте же!..

Она ушла… Через некоторое время, так как она не возвращалась, один из жандармов поднялся, чтобы посмотреть… «Что она там делает?..» — спрашивали они… Она стояла на коленях рядом с телом…

— Можно мне его накрыть?..

— О! Нет! — сказал ей легавый…

— Он меня не пугает, вы знаете! Но его лучше накрыть… Нельзя же везти его прямо так!.. Я не сдвину его! Я вам обещаю!.. Мне не нужно и дотрагиваться до него! Я только положу на него покрывало!.. Только это! И все!.. На него и на голову…

Мне было интересно, что она собиралась на

него положить?.. Простыни?.. Их не было… Их вообще не было в Блэм… Были одеяла, но от них остались одни лохмотья… они все истлели!.. Мы пользовались соломой!.. и спали одетыми… Жандарм не соглашался!.. Он хотел, чтобы она спросила разрешения у бригадира… Но бригадир уже храпел… Он заснул прямо за столом… Мы видели его через дверь… Другие фараоны тоже дремали…

— Подождите! Я сейчас… — сказал он в конце концов… — Не трогайте его, пока я не вернусь.

Но она не могла ждать…

— Фердинанд! Давай-ка! Поторопись, мой малыш! Поищи быстро в моей подстилке… Ты знаешь, на чердаке!.. Там, где моя солома!.. Поищи! Посмотри под ногами… Ты найдешь там большой кусок! Ты же знаешь! Кусок «Архимеда»! Ярко-красный! Он довольно большой, ты знаешь… Его хватит… Он закроет все!.. Принеси его мне! Сюда! Сейчас же!.. Я буду здесь!.. Поторопись!..

И действительно… Я мгновенно нашел его… Он сильно вонял каучуком… Это был тот самый кусок, что она спасла тогда вечером из-под обломков на месте катастрофы… Она развернула его передо мной… и расстелила его на земле… Это

был качественный материал. Только цвет сильно изменился… Оно больше не было ярко-красным, а стало каштановым… Она не захотела, чтобы я помог ей завернуть в него Куртиаля… Она сделала это сама. Нельзя было его особенно двигать… Она подсунула под труп ткань… И очень осторожно, надо сказать… Ткани хватило, чтобы завернуть все… Месиво головы тоже было закрыто… Бригадир видел, как мы это делали… Тот разбудил его… «Ну что, — кричал он издали. — Вы хотите его спрятать?.. Вы что, рехнулись?»

— Не ругайтесь, дорогой мой месье!.. Не ругайтесь!.. Я вас умоляю! Я сделала самое необходимое!.. — Она повернулась к нему, стоя на коленях. — Я не сделала ничего плохого!.. Ничего плохого!.. Посмотрите! Посмотрите на него сами!.. Он здесь… Поверьте мне!.. Поверьте мне! Я вас умоляю!.. Месье Инженер!.. — она вдруг стала его так называть…

— Месье Инженер. Он же летал на воздушном шаре! Вы-то не видели этого!.. Но вы можете мне поверить!.. Фердинанд-то его видел!.. Ты видел его, правда, Фердинанд! Как замечательно он поднимался!.. Ты помнишь, скажи, малыш?.. Скажи им!.. Скажи им, мой малыш!.. Они не верят мне… Пощадите! Милостивый Иисус!.. Я сотворю

молитву! Фердинанд! Месье Инженер! Святая Мария! Агнец! Небесный! Молитесь за нас! Фердинанд! Я тебя умоляю! Скажи же этим господам! Ты хочешь?.. Сотвори молитву! Скорее!.. Здесь!.. Это же правда? Во имя Отца и Сына! И Святого Духа! Ты знаешь, Фердинанд?.. Ты знаешь эту молитву?..

Она ужаснулась и закатила глаза…

— Ты не знаешь ее?.. Да ты же ее знаешь! Прости нам прегрешения наши!.. Давай! Вместе! Вот! Я прошу вас! Давай! Как я вас прошу!.. Повторяй, Боже мой!.. Маленький ублюдок!..

Тут она отвесила мне пощечину!.. Все уже умирали со смеху…

— О! О! Ты же ее знаешь!.. Ну же!.. Он поднимался, месье Инженер, он поднимался, это было чудесно!.. На 18 сотен метров!.. Я всегда поднималась с ним… Да… Я поднималась!.. Вы можете мне поверить!.. Это истинная правда!.. Я клянусь! Клянусь в этом!.. — Она попыталась перекреститься… И не могла… Она запуталась в лохмотьях…

— На водороде! На водороде! Уважаемые господа! Спросите любого!.. Это не ложь!.. — Она распростерлась вдоль его тела, улеглась рядом с ним и начала бормотать…

— Мой бедный любимый!.. Мой дорогой!.. Ни-

кто не верит тебе теперь!.. О! Это отвратительно!.. Никто не хочет тебе верить!.. Я не знаю, как им сказать?.. Я не знаю, что делать… Я уже не помню, как он поднимался?.. Я не знаю, сколько раз! Это я ужасная женщина!.. Я виновата во всем!.. Это я виновата, господин Инженер!.. О! да! О! Да! Я натворила столько зла!.. И ему я принесла одно зло! Он поднимался двести раз!.. Сто раз!.. Я уже не помню, любовь моя!.. Двести!.. Шесть!.. Шестьсот раз!.. Я не знаю!.. Я ничего уже не знаю!.. Это ужасно!.. господин Инженер!.. Триста!.. Больше!.. Гораздо больше! Я не знаю! — Она обнимала его через покрывало… и билась в конвульсиях… Куртиаль! Куртиаль! Я уже ничего не знаю!.. — Она сильно сжала себе горло и схватилась за голову… Она начала рвать на себе волосы, целыми клочьями, валяясь на земле… Она старалась вспомнить…

— 3000!.. 10 000! Иисус! 15!.. 18 сот метров!.. О Иисус! Фердинанд! Ты ничего не можешь сказать?.. Это слишком! Черт возьми!.. — Она запуталась в цифрах…

— Господа офицеры!.. Фердинанд!.. Господа офицеры! — звала она их… Во имя Неба! Это так, я знаю!.. — она приподнялась на локтях… — 222 раза! Это точно!.. 222!.. — и опять упала… — Черт

побери! Я больше ничего не знаю!.. Жизнь моя! Жизнь моя…

Легавым пришлось поднять ее… Они отвели ее в сарай… и закрыли за ней дверь. И там, оставшись одна, она постепенно успокоилась… и даже заснула… Позже мы с жандармами зашли взглянуть на нее. Она говорила с нами вполне разумно. Она полностью пришла в себя.

* * *

Мы прождали все утро… Старуха по-прежнему лежала на соломе… Она сильно храпела… Люди из прокуратуры пришли только к полудню… Судебный следователь, низенький толстяк, закутанный в меха, сюсюкал, и изо рта у него шел пар, то и дело он разражался сильным кашлем… Он вместе с рыжим чиновником вышел из своего ландо… У того фуражка была надвинута прямо на глаза. Это был судебный врач. Жандармы сразу его узнали.

Было действительно очень холодно. Они никак не могли согреться… Они прибыли прямо с вокзала в Перзан…

— Приведите их сюда! — приказал он жандармам, как только ступил на землю… — Приведите их в зал!.. Обоих! Женщину и этого засранца! Тело мы осмотрим позже!.. Никто его не трогал?.. Куда вы его положили?.. Принесите мне также оружие!.. Что произошло?.. Ружье?.. Свидетели?.. Есть свидетели?..

Через несколько минут подъехали еще две телеги… В одной были полицейские и легавые в

штатском… а в другой, побольше, были журналисты… Те сразу же засыпали нас вопросами… обо всем на ферме… об ее интерьере… окрестностях… Эти журналисты оказались гораздо более надоедливыми, чем все полицейские, вместе взятые. И гораздо более юркими!.. Им обязательно нужно было сфотографировать меня со вспышкой!.. И еще мамулю — во всех ракурсах… Она не знала, куда спрятаться!.. И была вынуждена остаться там, между двумя фараонами… Вокруг было столько народу, что невозможно было пошевельнуться… Прокурор был недоволен! Перед ним постоянно ходили какие-то люди!.. Он приказал легавым освободить всю территорию, и они немедленно к этому приступили… Всех вытолкали… Подходы были мгновенно очищены… двор тоже…

Тот, что сюсюкал, замерз и дрожал в своей шубе. Было видно, что он торопится поскорее все закончить. Он требовал, чтобы навели порядок… Его секретарь искал новое перо, так как сломал свое… Ему было неудобно на скамейке… Зала была слишком большая и сырая, а огонь совсем потух… Он хлопал в ладоши… Снимал свои перчатки и дул на руки. Сосал пальцы… Нос у него был аметистового цвета. Он снова надевал перчатки. Сгибался… и топал ногами… Он никак не

мог согреться… Все бумаги лежали перед ним… Стоило ему подуть, как они улетали… Секретарь тотчас прыгал за ними… Они ничего не писали… Им захотелось осмотреть ружье… Он сказал журналистам: «Раз уж вы здесь, сфотографируйте мне это ружье…» И обратился к бригадиру: «Расскажите мне все… Всю эту историю!..» Этот толстый выродок вел себя теперь совсем не так нагло, как с нами! Он скорее мямлил… По сути, он ничего толком не знал… Я сразу же это понял… Он вышел вместе с судьей, и они немного побродили по двору… Поговорив, они вернулись в зал… Шепелявый уселся… Настала моя очередь говорить… Я сразу же все рассказал… То, что я знал, конечно… Он не особенно меня слушал… «Как тебя зовут?» Я сказал: «Фердинанд, родился в Курбвуа». «Возраст?..» Я ответил. «А чем занимаются твои родители?» Я и это сказал… «Хорошо! — произнес он, — оставайся здесь. А вы?..» — обратился он к старухе.

— Расскажите мне о себе, да поскорее… — Он не мог усидеть на месте… И все время ходил туда-сюда… Он не чувствовал своих ног… Но он напрасно топал… Эта утрамбованная земля была как лед! Особенно такая сырая, как наша…

— О! Доктор! Мои ноги!.. Здесь, что ли, никогда

не топят?..

Дров больше совсем не было… Жандармы все сожгли!.. Он поторопил старуху с ее рассказом.

— О! Я совершенно уверен, что вы знаете не слишком много! Тем хуже! Тем хуже! Позже мы во всем разберемся!.. Отложим это до Бовэ!.. Давайте! Давайте! Уходим!.. Доктор, вы видели тело?.. Что вы об этом скажете?.. А? — Они удалились вдвоем, и все началось сначала… Они что-то обсуждали на кухне… Они находились там минут десять… потом вернулись…

— Вот, — сказал шепелявый… — Вы! Супруга! Жена Куртиаля! Нет! Де Перейр! Нет?.. Черт!.. Вы пока свободны!.. Но вам нужно будет приехать в Бовэ! Мой секретарь назначит вам время!.. Завтра я пришлю за телом!.. — Он повернулся к журналистам: «Возможно, это самоубийство! Вскрытие покажет. Вы все свободны. В общем, там посмотрим… А вы, — это было уже ко мне, — вы можете ехать! Уходить! Возвращайтесь к себе!.. К вашим родителям!.. Оставьте свой адрес в секретариате! Если вы мне понадобитесь, я вас вызову! Вот! Идите! Идите! Бригадир! Вы оставите здесь жандарма, не так ли?.. Одного! До завтрашнего утра! До приезда машины «скорой помощи»! Идем! Быстрее в секретариат! Идем! С

газетами все закончили? Выгоните отсюда всех репортеров!.. Здесь не должно быть никого, кроме семьи и дневального! Вот жандарм! На ночь! А вы не позволяйте никому входить… Ничего не трогать! Никому не выходить! Ясно?.. Вы меня поняли?.. Хорошо! Идем! Идем! Скорее!.. Скорее! В машину, доктор!..

Он все время топал ногами!.. Он дрожал рядом со своим ландо!.. Он больше не мог!.. Он явно околевал, несмотря на свою накидку и огромную козью шкуру, в которую он кутался с головой… И уже поставив ногу на ступеньку:

— Кучер! Кучер! Вы меня слышите? Езжайте быстрее!.. Остановитесь в Серданс! У маленькой лавки «Табак»!.. Что налево!.. После переезда! Вы же знаете, где это?.. О! Доктор! Никогда в жизни я еще так не мерз!.. Мне теперь и за месяц не отогреться!.. Впервые за эту зиму!.. О! Я не знаю, что бы я отдал за стакан грога! Вы не представляете!.. Я просто околел в этой хибаре!.. Вы видели этот ледник?.. Это невозможно! Снаружи даже лучше! Невероятно! О! Труп там должен хорошо сохраниться!..

Прежде чем они отъехали, он еще раз высунул голову из своего просторного пальто… И посмотрел на ферму… жандармы взяли на ка-

раул!.. Кучер хлестнул лошадей… и они вихрем умчались по направлению к Перзан!.. Легавые, секретарь и штатские больше ничего не ждали! Они рванули вслед за ними через пять минут… Журналисты вернулись… и еще немного фотографировали… Эти живчики все понимали! О! Они были прекрасно осведомлены!.. Во всех этих делах…

— Давайте! Давайте! — сказали они нам. — Не нужно с ними связываться… Вы здесь совершенно ни к чему!.. Все это — темный лес… Обычные формальности! Только для виду! Для формы! Вам нечего бояться! Они вас сразу же отпустят! Все это напускное! — Но старуха все равно расстроилась…

— Мы-то их немного знаем!.. Не в первый раз сталкиваемся с ними!.. Если бы у них были настоящие подозрения, они бы задержались гораздо дольше! И более того! Он бы вас просто забрал!.. О! Тогда бы он ни секунды не колебался! Его все знают. Будь у него хоть малейшее подозрение! Он бы вас ни за что не отпустил! О! К тому же был бы обыск! О! Не дай Бог вызвать у него подозрения! Он не из тех, что витают в облаках… О! У него мертвая хватка! С ним шутки плохи!

— Значит, месье, вы совершенно уверены, что

он не вернется?.. И это не только из-за холода?.. Может, он из-за этого уехал?..

— А? Ну глаза-то его не примерзли! О! Вы можете быть спокойны! Это просто смешно! Мы-то знаем! О! ля! ля! Можно выбросить это из головы! Он приезжал напрасно! О! Да! Наверное, это его разозлило! — Таково было общее мнение…

Они уселись в свою повозку… и уже начали обсуждать баб… Ехать им пришлось медленно… У них сильно трещали оси… И народу набилось слишком много… Там были даже журналисты, специально приезжавшие из Парижа… Все очень сожалели об этом путешествии… А так как старуха все продолжала приставать к ним с вопросами, в конце концов, они закричали все хором:

«Это не преступление!.. Трам! Там! Там!»

«Не преступление!.. Там! Там! Там!»

И затопали по полу ногами… Это их очень развеселило. Они затянули непристойную песню

про папашу Дюпанлу[145]... и уехали!

[145] Примечания: 145

...песню про папашу Дюпанлу — непристойная песня того времени, высмеивавшая господина Дюпанлу, занимавшего важный пост в церкви Франции во время Второй империи, влияние которого распространялось в основном на образование. Помимо прочего, было известно, что он выступал против обучения девушек в лицеях. Припев песни таков: «Ах! Ах! Ах! Что за свинья этот папаша Дюпанлу!»

* * *

Жандарм, оставшийся на карауле, нашел на хуторе возле водопойного желоба совершенно пустую хибару, куда он мог поставить свою лошадь. Ему понравилось это место… У нас в конюшне была настоящая свалка… Все пропиталось сыростью… И сквозняки свистели, как ураган!.. Его лошади там было плохо… Она шаталась и тряслась от холода!.. Он увел ее на новое место… А потом опять вернулся… незадолго до обеда… И сказал нам…

— Послушайте! Вы, бездельники! Можете вы посидеть спокойно?.. Я должен сходить в Тун!.. — Это был город по ту сторону леса Берло… — Мне нужно сходить за овсом! У меня в сумке его больше не осталось! Там живет моя свояченица… Она продает табак… Я останусь там, может быть, на ужин… И вернусь немного позже… но не позднее десяти часов… А вы оставайтесь тут! Только без шуток! У меня нет ни зернышка овса!.. А вообще-то, слушайте, я возьму с собой лошадку… У нее отвалилась подкова… Я зайду к кузнецу… И вернусь на лошади… Пораньше… Вы все поняли?

А?.. Вы никого не впустите? Вам все ясно?.. — Ему было явно скучно с нами… И хотелось отвалить… «Скатертью дорога!» — сказали мы… Он пошел мимо нас со своей лошадью на поводке… Я видел, как он удаляется… Приближалась ночь…

Мы сидели со старухой в полном молчании… Я дождался, пока совсем стемнеет, и вышел… за дровами… Я вырвал из ограды сразу три доски… И нащипал из них лучины… Но они сильно дымили… Они были слишком сырыми. Я сидел рядом со старухой… И был доволен, что мы наконец согреемся. До полного комфорта еще далеко! Приходилось жмурить глаза! Их резал едкий дым… После разговора с журналистами она пришла в себя… Но как будто была по-прежнему немного возбуждена.

— Что ты думаешь насчет легавых?.. Они ничего нам больше не скажут? Тебе не кажется, что они еще что-нибудь замышляют?.. Ты слышал, как они меня допрашивали?.. Ты же видел все… Прямо так, ни с того ни с сего! О! Что ты думаешь по этому поводу? А? Ну же! Говори!

— Какие такие легавые?..

— Вот еще! Как это — какие?..

— О! Бригадир — так это просто толстый козел!.. Как он сдрейфил! Перед этими чиновниками!..

Сразу же… Стал тише воды, ниже травы!.. Места себе найти не мог!.. Ему нечего было сказать!.. Он ничего не видел, этот фараон!.. И о чем ему было говорить?.. Журналисты же сказали… Вы сами видели!.. И они заметили… Они-то хорошо знают эту шарагу! Они бы нас предупредили… Шепелявый им не нравится… Это всего лишь предположение… Ерунда!.. И ничего больше!.. Они не ушли бы, как болваны… если бы считали, что могут нас забрать! О!.. Точно!.. Они были бы еще здесь! Это же очевидно!.. 42 против одного!.. Вы же сами слышали!.. Шепелявый! Когда он вышел?.. Что он сказал остальным?.. «Это самоубийство!..» И все! Это же яснее ясного! Врач тоже в этом убедился!.. Я слышал, как он сказал маленькому фараону: «Снизу вверх, друг мой! Снизу вверх» Это точно!.. Кроме шуток!.. И вот! Не нужно ничего придумывать!.. Хватит уже!..

— О! Действительно, ты прав! — тихонько ответила она мне… Но она по-прежнему не была уверена… Она не слишком мне доверяла…

— Как они его похоронят? Они сперва сделают вскрытие? А потом? Зачем? А?!. Ты не знаешь? Может быть, они хотят что-то найти?

— Этого я не знаю…

— Я бы хотела, чтобы его перевезли в Монтрту…

Но это слишком далеко… Потому они и увозят его в Бовэ… Значит, похороны будут там!.. Я бы предпочла воспользоваться «Похоронным бюро»… Я их попрошу об этом… Ты думаешь, они согласятся?

Этого я тоже не знал…

— Я думаю, сколько может это стоить в Бовэ?.. Просто в часовне?.. По самому низшему разряду?.. Наверняка не дороже, чем в другом месте. Ты знаешь, он не был религиозен, но все же… Его достаточно помучили! Немного почестей ему не помешает… Что они еще собираются с ним делать?.. Они, что ли, так не видят?.. У него ведь ничего нет в теле, у бедняги!.. Потому что все в голове… Это же видно с первого взгляда. Боже мой! Это просто ужасно… — Она опять начала хныкать…

— А! Фердинанд! Дорогой мой!.. Когда я думаю, что они могли предположить такое!.. О! О! Потом… Ты знаешь… Раз уж они здесь были… Они бы не стали особенно церемониться… А я! Мне! Мне все равно!.. Теперь… Но тебе? Ты понимаешь, что все кончено?.. Ты, мой бедный малыш, совсем другое дело… Тебе нужно защищаться!.. У тебя еще вся жизнь впереди!.. Тебе гораздо сложнее!.. Ты здесь ни к чему… Наоборот!.. Боже мой, наобо-

рот!.. Лучше всего, если бы они вообще оставили тебя в покое… Ты поедешь со мной в Бовэ?..

— Если бы я мог… я бы поехал… Но я не могу… Мне нельзя ехать в Бовэ!.. Этот шепелявый же сказал: «Вы должны вернуться к своим родителям!..» Он повторил это два раза!..

— О! Тогда не нужно нарываться на неприятности!.. Уходи, мой малыш! Уходи! Что ты будешь делать, когда вернешься?.. Ты опять будешь искать что-нибудь?..

— Ну да!..

— Мне тоже придется что-нибудь подыскивать для себя… Конечно, если они меня отпустят… О! Фердинанд! Стоит мне об этом подумать!.. — На нее нашло какое-то вдохновение… — Иди сюда… Я хочу тебе кое-что показать!.. — Она повела меня на кухню… Взобралась на табурет, по пояс залезла в какую-то отдушину и начала шарить в углу… Она отодвинула большой кирпич… Сверху посыпалась сажа… Она начала трясти еще один камень, сдвинула его… и вытащила… а из дыры она достала банкноты… и несколько монет… Я ничего не знал об этом тайнике… И Куртиаль, конечно, тоже… Там оказалось 150 франков и еще несколько монет по 5 франков… Она сразу же сунула мне билет в 50 франков… А остальное

опять спрятала…

— Я оставлю себе сто франков и монеты… А? Это мне пригодится на дорогу… и расходы на церковь… Если я пробуду там дней пять-шесть… Это же не может продлиться дольше?.. Мне хватит!.. Как ты считаешь?.. А ты? У тебя есть адреса?.. Ты помнишь всех своих хозяев…

— Я сразу же пойду к печатнику… — ответил я… — Я попытаюсь найти что-нибудь у него…

Она опять порылась в дыре, достала оттуда еще монету и дала мне… Потом она опять заговорила о Куртиале… но уже не так возбужденно…

— О! Знаешь, маленький мой Фердинанд!.. Чем дольше я об этом думаю… Тем больше я вспоминаю, как он тебя любил… Он, конечно, этого не показывал… Ты же его знаешь… Это было не в его характере… Не в его природе… Он не любил ничего показывать… Он не был подхалимом!.. Это ты хорошо знаешь… Но он все время думал о тебе… В самых критических ситуациях он мне часто это повторял!.. Всего восемь дней тому назад!.. «Фердинанд! Ты знаешь, Ирен, это человек, которому я доверяю… Он никогда меня не предаст!.. Он молод! Легкомыслен! Но этот парень умеет держать слово!.. Он выполнил свое обещание! И это действительно так, Ирен! А это

редко встречается!..» Я как будто слышу, как он это говорит!.. О! Он ценил тебя!.. Он был твоим самым искренним другом!.. Да! Поверь мне!.. И все же, бедняга! Порой он бывал подозрителен! Он видел слишком много горя!.. А как часто он ошибался! Двести тысяч раз!.. И просто глупо иногда!.. Да, он мог и разозлиться!.. Но никогда он мне не сказал ни одного плохого слова про тебя!.. Ни разу!.. Одни похвалы… Он хотел тебя отблагодарить… Но не смог!.. Жизнь была слишком тяжела… Но он мне говорил, когда мы беседовали с ним… «Подожди, наберись немного терпения!.. Я отблагодарю этого паренька!..» О! Он прекрасно тебя понимал… Ты не представляешь, как он хорошо к тебе относился…

— Я тоже, мадам, я тоже!..

— Я знаю, Фердинанд!.. Я знаю. Но ты — это совсем другое дело… Ты еще ребенок, к счастью!.. Ты еще не видел настоящего горя! Теперь ты видишь, как бывает в жизни… Это лишь начало… Тебе еще не понять…

— Он вас тоже любил… — сказал я… — Он мне часто говорил… Как он сильно к вам привязан и что без вас он просто ничто… «Ты видел мою жену?» — спрашивал он меня…

Я немного перегнул палку… Мне хотелось ее

утешить… И я делал все, что мог… Тут она превратилась в настоящий фонтан…

— Не плачьте, мадам! Не плачьте!.. Еще не время!.. Вам теперь нужно держаться… Еще не все кончилось… Вам еще предстоит беседа в Бовэ… Может быть, вам придется защищаться!.. Они не выносят слез… Вы же видели это!.. Мне тоже придется защищаться. Вы же сами сказали…

— Да! Ты прав, Фердинанд!.. Ох! Ох! Да, это правда… Я ненормальная… Я обыкновенная старая дура!..

Она старалась успокоиться… И вытерла глаза…

— Но ты же знаешь, он тебя очень любил… О! Я уверяю тебя, Фердинанд! Я говорю это не для того, чтобы доставить тебе удовольствие… Ты же это знал, не правда ли?.. Ты сердцем чувствовал, что у него внутри… несмотря на то, что иногда он был жесток… и суров с нами…

— Да! Да! Я знал, мадам!..

— А теперь, когда он убил себя… Это страшно! Ты понимаешь? Я не могу поверить в это!.. Это невероятно!.. — Она никак не могла отвлечься от этого…

— Фердинанд! — начала она снова… — Фердинанд! Послушай… — Она искала подходящие слова… И не могла найти… — О! Да! Он доверял

тебе, Фердинанд!.. И я доверяла… А ты ведь знаешь его, да? Не так ли? Он не верил никому…

Наши дрова уже почти не горели… Весь дом был в дыму. Они трещали… и постепенно гасли… Я сказал старухе: «Я схожу еще за дровами, надо растопить печку!» И отправился к сараю… Если там не найдется сухой вязанки, я собирался оторвать немного от внутренней перегородки… Я заглянул во двор… и на повороте, проходя у колодца, я посмотрел в сторону равнины… и заметил что-то движущееся, похожее на человека… «Не может быть, чтобы это был жандарм… Не мог же он так быстро вернуться?.. — подумал я. — Это просто кто-то шляется… Какой-нибудь налетчик… Ладно, — сказал я себе, — ему повезло!»

«Эй там! — закричал я… — Что вы здесь ищете, приятель?..» Он ничего не ответил… и убежал… Тогда я повернулся и даже не пошел к сараю… Мне в голову полезли всякие мысли… И я сказал себе: «Черт побери! Черт побери! Отступаем!..» Я быстро оторвал доску от забора… «Хватит!..» И побежал… Когда я вернулся… я спросил у старухи:

— Вы никого не видели?..

— Нет!.. Нет… — сказала она…

И как раз в этот момент, в окне напротив, в двух шагах от себя… я заметил физиономию,

которая на меня уставилась… сквозь стекло… чью-то здоровенную башку… Я видел шляпу… и шевелящиеся губы… Но не слышал слов… Я взял свечку, подошел и настежь распахнул окно… Вот это да!.. Я сразу же узнал его!.. Это же был наш каноник, Господи Боже мой!.. Флери!.. Это он!.. Сумасшедший!.. Точно!.. Черт побери!.. Откуда он взялся?.. Откуда пришел?.. Он что-то бормотал… Он буквально захлебывался… и жестикулировал!.. Он был счастлив снова видеть нас вместе!.. Своих друзей!.. Братьев!.. Он залез в окно… И оказался в комнате… Он не мог сдержать своего ликования!.. Он плясал!.. и прыгал вокруг стола… Старуха уже забыла и его, и его грандиозные планы!.. Небольшой провал в памяти…

— Это Флери!.. Смотрите же! Точно! Это Флери!.. Этот чокнутый Флери! Вы что, не видите?.. Посмотрите хорошенько!..

— О! Правда, честное слово!.. О! Это точно!.. О! Месье кюре!.. О! Извините меня!.. О! Значит, вы узнали? О! Ну да, это вы!.. О! Но я схожу с ума!.. О! Я вас!.. О! Но я вас узнаю! О! Я совсем вас не узнала!.. Вы еще не знаете, что произошло?..

Но подобные мелочи его не волновали!.. Он продолжал плясать! Прыгать!.. Скакать!.. Он не обращал на нас внимания… Он сделал большой

пируэт!.. И маленькими прыжками… пятясь назад… Вспорхнул на стол… Потом опять затрясся… и резко спрыгнул… Его сутана была вся в грязи… от подмышек… до ушей!.. О! Конечно, он только что с поля!.. Нам стало немного не по себе! О! Как он вырядился!.. Он весь был обвешан… принадлежностями пехотинца, по полной выкладке… две сумки! Два бидона! Три котелка! И вверху на ленте огромный охотничий рожок!.. Все это гремело при каждом его шаге… Он ни секунды не стоял на месте!.. Больше всего его нервировала шляпа… Она сползала ему на глаза… шляпа была большая, рыбацкая, похожая на тарелку… Но это было еще не все!.. Вся сутана была увешана орденами и медалями. Несколько орденов Почетного легиона. И еще тяжелое распятие, Иисус из слоновой кости, болтающийся на длинной цепи… И все это в грязи… Наш милый каноник обвешался таким грузом, что пот с него стекал ручьями… как из лейки… его сутана сзади вымокла вся сверху донизу… Она вся была в потеках…

Старуха хотела его успокоить… Она пыталась воздействовать на него убеждением… Это было ее любимое занятие… Я делал ей знаки… чтобы она не приставала к нему… может быть, он уйдет сам… не нужно только его волновать… Но она не

слушала меня… Она была счастлива, что снова его видит… Когда она загоняла его в угол, он рычал как зверь… Упирался в стену, наклонив голову, и готовился к броску… Он ничего не слушал… и, прижимая пальцы ко рту, показывал ей: «Тсс! Тсс!..» Он озирался не слишком доброжелательно… Он был явно затравлен, этот бедняга…

— Вы ничего не знаете, месье каноник?.. Я вижу, что вы не знаете!.. О! Если бы вы его видели!.. О! Если бы вы знали, что с ним стало!..

— Тсс! Тсс!.. Месье де Перейр?.. Месье де Перейр?.. — Теперь он требовал от нее ответа… — А? Месье де Перейр?.. — он схватил ее за плечи и сопел ей прямо в лицо… У него свело судорогой рот… Он так и остался перекошенным… И только постепенно пришел в нормальное положение…

— Но его больше нет, господин кюре!.. Нет! Его больше нет! Значит, вы ничего не знаете!.. Его нет здесь, бедняги!.. Его больше нет здесь, несчастного!.. Так вот в чем дело!.. Вам еще не сказали?..

— Скорее!.. Скорее!.. — он подталкивал ее…

— Но он же мертв!.. Его больше нет!.. Я же вам сказала… — Она заговорила более решительно…

— Я хочу его видеть!.. Я хочу его видеть!.. — Он стоял на своем… — Это очень срочно!.. Тсс! Тсс! Тсс! Скорее!.. Скорее!.. — Он снова на цыпочках

обежал вокруг стола! Заглянул вниз и еще в трубу… Он открыл оба шкафа… Вырвал у нас ключи… и открыл деревянный сундук… вывернул все петли… Он был вне себя… Он не выносил, когда ему перечат… у него дергались губы…

— Господин кюре!.. Господин кюре!.. Не делайте этого!.. — она пыталась его убедить…

— Фердинанд! Я умоляю тебя! Скажи господину кюре!.. Не правда ли, мой мальчик, он умер? Скажи это господину кюре!.. — она вцепилась в его сумку…

— Взгляните на дверь, там написано!.. Разве это неправда, Фердинанд? «Счастливо»…

Она цеплялась за его охотничий рожок… А он тащил ее за собой… Хозяйку, стол, стулья, тарелки!..

— Довольно! Довольно! Это наглость! Все обнаглели! Обнаглели все! Директор!.. «Самородок», Куртиаль! Вы слышите?.. Только он!.. Вы слышите меня?.. Он знает!.. Он все знает!.. «Самородок»! Там! Там!.. Я долго ждал этого момента!.. Он хочет меня немедленно видеть!.. Свидание!.. Свидание!.. — Он был вне себя от ярости… Она отскочила к стене… — Хватит! Довольно! Я хочу поговорить с ним!.. Мне никто не помешает! Кто?.. — Он задрал свою сутану… и начал рыться

во всех карманах… вытаскивал оттуда бумажки… крошки, обрывки газет… Он так и остался стоять на коленях, бормоча и пересчитывая… все свои бумажки, одну за другой… он их разглядывал… снова складывал… Он скатывал из них шарики…

— Тсс! Тсс! — начал он снова… (Он не хотел, чтобы мы двигались.) — Вот он!.. Это настоящий!.. Да? Ты видишь?.. Настоящий манускрипт фараона!.. Да!.. — он ущипнул меня. — Вот! Молодой человек!.. — он сунул мне в ладони… какой-то комочек!.. два комочка!.. — Господин Директор! Господин Директор!..

Черт побери! У него снова началось… Он опять вышел из себя!.. Сжался и вспрыгнул на стол… Он снова звал Куртиаля, и эхо вторило ему!.. Он схватил охотничий рог… и начал с силой дуть в него, потом раздались хриплые звуки, кваканье и хрипы!..

— Он придет!.. Он слышит меня! — Он повторял это раз десять или двадцать… Он схватил меня за костюм, плюнул мне прямо в лицо и тяжело задышал в ухо… от этого скота здорово воняло… Урывками, постепенно он все-таки рассказал, как он сюда попал… Он вышел во Ври-Контровер, на остановке «Департамент», в 22 километрах от Блэм! «Они» преследовали его, «они» — так говорил

он, приставая ко мне со своей болтовней.

— Тсс! Тсс!.. — опять заладил он… — Всесильные!.. Да! Да!

Он повернулся к окну… Чтобы посмотреть, не пришли ли они? Он спрятался под ставней… Потом опять подскочил… И начал осматривать все подходы… Он помочился в камин… И не застегиваясь… Опять вернулся к ставням… Должно быть, он увидел тех, всесильных… он засопел… захрипел, как кабан…

— О! О! — обратился он ко мне… — Никогда! Рр!.. Рр!.. Никогда!.. — он наклонился ко мне… замахал кулаками пред моим лицом…

Как сильно изменился этот тип после Пале Рояля… Каким он стал жестоким!.. Как будто в заключении его кормили скорпионами… Черт побери! Он стал просто невыносим!.. Как будто он выпил серной кислоты!.. Его было не остановить!.. Он ходил!.. Ползал по стенам!.. Угрожал… Вопил!.. Я и старуха уже ничего не говорили… Мы были окончательно поражены… Этот буйный кюре начинал сильно мне надоедать… Я бы с удовольствием успокоил его ударом сзади!.. Я приметил подходящий кол около окна… Он служил нам кочергой… Со здоровенным наконечником… и прекрасной чугунной ручкой… Ему

бы этого вполне хватило… Еще одно убийство… я знаком показал мамуле, чтобы она на секунду отошла… и прижалась к стене!.. Черт побери! Я бы предпочел все же, чтобы он сам замолчал… и мне не пришлось его трогать… Боже мой, черт бы его побрал!.. Какой он хилый!.. Скотина!.. Только бы этот грязный засранец перестал доставать нас… У него была мания… Он не верил тому, что ему говорили… Он был уверен, что от него прячут Директора… В конце концов, это было невыносимо… Я сказал старухе:

— Тем хуже! Довольно! Он не заткнется!.. Because! Я ему все же покажу…

— Не делай этого, Фердинанд!.. Не делай этого! Умоляю тебя!..

— Нет! Нет! Может, это его отрезвит… Тогда, может быть, он поймет?.. Этот грязный скот просто зациклился… именно на этом… потом мы вышвырнем его наружу!..

Он продолжал все переворачивать, всюду лезть!.. Он даже приподнял стол, который был тяжелый, как монумент!.. Он был сильным, сволочь!..

«Директор! Директор!.. — опять заблеял он… — Я отдал все! Я!..»

Он опять опустился на колени и начал целовать

распятие… Он несколько раз перекрестился… И снова впал в экстаз… Он развел руки в стороны. Он сам был распятым… А потом вдруг вскочил, как пружина… И пошел на цыпочках!.. Устремив глаза к потолку!.. Он опять начал все разбрасывать…

Она вцепилась в меня, она не хотела, чтобы я показывал… в кухне… Она делала мне знаки… «Нет! Нет!» С меня хватит… Я был сыт по горло.

— Иди сюда! — схватил я его за охотничий рог… и хоп! толкнул его к кухне… О! Грязный пидор!.. Он нам не верил!.. Нет!.. Он сам в этом убедится, скотина… Все психи одинаковы… Им нравится, когда им противоречат… «Давай! Давай! Иди, дубина!..» — Я пнул его в задницу!.. Ну, он у меня сейчас попрыгает!.. Теперь он сопротивлялся!.. О! Я тоже разозлился!.. Он упирался! И недовольно ворчал! Я тащил его в глубь коридора…

— Гоп ля!.. Захватите свечу, мадам, даже две… Нужно, чтобы он хорошенько все рассмотрел… Чтобы он все увидел… И отвязался от нас!..

Придя в кухню, я встал на колени… нагнулся… и ткнул его носом… прямо в тело, завернутое на земле в покрывало… Это он должен был понять… Я поставил рядом еще одну свечу…

— Ну что, ты хорошо рассмотрел? Отвечай,

козел?.. Ты больше не будешь к нам приставать?.. А? Это точно он?.. Ты узнаешь? Нет…

Он подошел… Принюхался… С опаской оглянулся… Поводил носом у его ног… лег… и начал твердить молитвы… Без остановки… А потом вдруг замолк… Посмотрел на меня… и опять начал свою молитву…

— Ну что? Ты видел? — спросил я… — Ты все понял, скажи, придурок? Ты успокоился теперь? Ты уйдешь?.. Ты исчезнешь, наконец, отсюда?..

Но он все не переставал сопеть над трупом… Тогда я схватил его за руку… и хотел оттащить его назад… Я хотел, чтобы он поднялся… А он вдруг опять впал в ярость!.. И ударил меня локтем!.. Прямо по колену!.. А, блевотина! А! Мне было очень больно!.. У меня прямо искры из глаз посыпались!.. А! Я чуть было не прибил его на месте… Этот грязный ублюдок разозлился!.. Я готов был раздавить этого таракана!.. Но старуха мне помешала… Она сделала это от чистого сердца… с самыми добрыми намерениями. Она пыталась привести его в чувство…

— Вы же видите, господин каноник! Вы же прекрасно видите, что он мертв!.. Вы нам доставляете лишние неприятности!.. Вот и все!.. Этого несчастного больше нет с нами!.. Жандарм нам

запретил!.. Он не хотел, чтобы сюда кто-нибудь заходил… Мы обещали!.. Из-за вас нас накажут!.. Обоих, Фердинанда и меня. Зачем все это?.. Вы же этого не хотите?..

Тем временем я решил: «Ну хорошо же, сучье вымя! Раз он не верит нам… Я покажу ему все… Раз ему недостаточно того, что он видел!.. Потом я выброшу его наружу!.. Он этого не выдержит!..»

Я приподнял угол покрывала… поднес свечу… и открыл все это великолепное месиво…

— Ты сам хотел посмотреть! Может быть, теперь до тебя дойдет…

Он тоже встал на колени, чтобы посмотреть… Я снова повторил ему:

— Ну что, старый хрыч? Ты идешь?.. — и потащил его… Он не двигался… Упирался… И не хотел уходить… Он с жадностью нюхал мясо…

«Гм! Гм!» — он раскраснелся!.. О! Пришел в дикое возбуждение… И впал в транс… Он трясся всем своим телом… Я хотел закрыть тело… Довольно!.. Но он вцепился в материю… О, изо всех сил! Он не хотел, чтобы я его закрывал!.. Он запустил свои пальцы в рану!.. Вцепился двумя руками в мясо… Он лез во все дыры… Рвал края!.. Рылся во внутренностях… И застрял! Его запястья попали между костей… Раздался хруст!.. Он пы-

тался высвободиться… И бился, как в ловушке… Что-то порвалось… Все вокруг было забрызгано мозгом и кровью!.. Отовсюду струилась какая-то жидкость!.. Наконец он вырвал свою руку… Эта каша попала мне прямо в лицо!.. Я ничего не видел… Действительно ничего!.. Я замахал руками!.. Свеча погасла!.. Он продолжал орать!.. О! Нужно было его остановить!.. Я не видел его!.. Вдруг я на него наткнулся!.. И набросился… Я был почти невменяем!.. ударил его!.. Он отлетел!.. И распластался по стене… Бум! Шмяк! Я кинулся было за ним… Но тут мне кое-что пришло в голову… Я затормозил и остановился!.. Надо быть поосторожнее!.. Черт побери!.. Не хватало только, чтобы он окочурился во время драки!.. Я протер глаза! И полностью пришел в себя!.. Необходимо, чтобы он сейчас же убрался отсюда. Я не хотел его больше видеть!.. Я ткнул его ногой в бок… Он слегка приподнялся… Так было даже удобнее! Я сильно ударил его прямо в рожу… Это окончательно привело его в чувство… Старуха вылила ему на башку целую миску ледяной воды… Он начал что-то бормотать и стонать… Казалось, все идет, как надо!.. Но вдруг он опять обмяк всем телом… Ах, зараза!.. Бум… Он растянулся и забился в судорогах… А потом совсем перестал шевелиться!.. О! Грязный

выродок!.. Так он недолго протянет!.. Я выглянул из дверей… А потом мы вдвоем перетащили его на обочину дороги… Мы не хотели, чтобы он оставался здесь… И нам его приписали в качестве бесплатного приложения!.. А если бы жандарм нашел его в доме?.. Да еще и без сознания?.. В нашем полном распоряжении! О! Это было бы славно!.. Мы бы здорово влипли!.. Вообще не нужно было, чтобы знали, что он здесь был!.. Ничего не знаем, никого не видели!.. Привет! Не на тех напали!.. О! На улице! Свежий воздух!.. Как раз то, что нужно тому, кто без сознания! Тем не менее он недовольно ворчал… И сопел в грязи… Мы быстро вернулись… и закрыли дверь на замок… Был сильный ветер… Я сказал старухе:

— Нам не нужно больше высовываться… Даже если он будет звать!.. Мы ничего не слышали!.. Когда придет тот легавый?.. Мы прикинемся идиотами, вот и все! Мы его не видели! Ничего не знаем!.. Вот!.. Если он его найдет, пусть сам с ним и разбирается!..

— Хорошо!.. — Она все поняла… Решено!..

Прошел примерно час!.. Может, немного больше… Я убирал на кухне… Старуха затаилась у огня…

— Не смотрите сюда, мадам!.. Не оборачивай-

тесь!.. Я сам все уберу!.. Наблюдайте за тем, что происходит снаружи!.. — Я снова уложил труп… Кое-как поправил подстилку… Кровь продолжала сочиться сквозь полотно… Я принес немного сена… И разбросал его повсюду… Кое-как вытер все лужи… Подложил ему солому под голову… как подушку… Но хуже всего было с брызгами!.. Пятна были даже на потолке… повсюду были прилипшие сгустки!.. Это было действительно паршиво!.. Я пытался соскоблить все это… Прошелся еще и губкой… Но следы все равно оставались… Тем хуже!.. Пора было с этим кончать!.. Я взял свечи!.. И вышел! Я и старуха сели рядом… и стали думать… О! хорошенькое дело!.. Ужас… Я снова вспомнил все это!.. А если жандарм заметит?.. Вдруг он узнает о драке?.. Ну и переделка! Что он будет делать?.. Особенно если найдет кюре без сознания на краю дороги!.. Это будет очень мило!.. Черт побери!.. Этот проклятый легавый все не приходил… Он, должно быть, обжирался у своей свояченицы!.. Невыносимое ожидание!.. Мы легли на землю!.. Положили немного сена… Я ничего не говорил… Я размышлял… Казалось, что ночь никогда не закончится!.. О сне и думать было нечего, настолько я был взволнован… Никогда я так не волновался… Вдруг я услышал

фанфары… Боже мой, черт бы его побрал!.. Так и есть! Это охотничий рог!.. Звуки доносились из долины… Не очень издалека! Я сказал себе: «Это он!.. О, грязный скот!» Я сразу узнал это кваканье! Опять все сначала! Он явится сюда!.. О! Пидор! О! Сука!.. Он разбудит все ураганы! Все бури и вихри!.. Своим проклятым рожком! Черт побери! Довольно! И тем не менее! Он дул в него изо всех сил!.. О! Какой концерт!.. О! О! Не каждый день встретишь такого кюре… О! Это какой-то маскарад! Бордель! Грязный обмылок!.. Подстилка для унитаза!.. Какие судороги! Я видел их собственными глазами!.. А теперь, Боже мой! Нет! Как это ни противно, но пусть уж лучше он булькает!.. Значит, он пришел в себя!.. Должно быть, он счастлив!.. Это доказательство того, что он не подох! А! Отброс! «О! Завывай! Завывай! Корявая жопа! Я бы сам сыграл тебе на тромбоне!..» О! Он неплохо восстановил дыхание!.. Татата! Татата! Ну и сволочь! О! Отвратительное кваканье!.. Вот опять! Было бы лучше, если бы он окочурился! Да! Приходилось это признать! Черт бы его побрал! Но было это отвратительно, как отрыжка! Как кишечные колики! О! Этот обер-егермейстер собирался нас окончательно довести своей музыкой!.. Он уже не останавливался!.. Ни на минуту!

Он дул все сильнее!.. Ошибиться было невозможно! Конечно, это был наш безумец!.. Его гудение продолжалось до полседьмого!.. Было уже раннее утро, когда в окно постучали… Жандарм!.. Он вернулся… Он пришел как раз вовремя… Сказал, что ночевал в Блэм… Рядом с лошадью… Он не смог подковать ее в Тун… было уже слишком темно… И он не нашел кузницу…

— Кто это играл на рожке у вас в долине? Всю ночь?.. Вы ничего не слышали?.. — спросил он у нас сразу же…

— Нет!.. На рожке?.. О! Нет!.. — ответили мы. — Мы ничего не слышали!.. Ничего!..

— Да, это как-то странно… А старики мне сказали…

Он открыл окно… Кюре был тут как тут. Он прыгнул, как козел… Он только и ждал этого момента… Он опять бросился на колени посреди комнаты… и снова начал: «Отче наш, сущий на небесах!.. Да придет царствие Твое!..» — твердил он…

Он все время повторял это… Как фонограф… Он бил себя в грудь кулаками!.. Весь дрожал… и прыгал!.. Он делал себе больно… но не останавливался ни на секунду… Он весь кривился от боли… гримасничал, как человек, которого мучат!..

«Да придет царствие Твое!.. Да придет царствие Твое!..» — вопил он все громче.

«Ну и ну!.. Ну и ну! — жандарм просто обалдел, увидев подобное… А! Да это штатский!..» Он не знал, что и думать… Это его просто ошарашило… Старухи в комнате не было, она готовила нам кофе… Зрелище было что надо!.. Этот святой Антуан продолжал молиться, когда нам внесли кофе… Он прыгнул на чашки… и хотел вылизать все!.. О! Он всей своей тушей упал на стол!.. И даже пытался сосать из носика кофейника!.. Он обжег себе всю рожу… И пыхтел, как паровоз… Жандарм живот надорвал от смеха…

«Я думаю, он сумасшедший, Господи!.. Только ненормальный!.. О! Это точно!.. О! Я вам говорю!.. Мне на это насрать!.. Мне все равно!.. Психи не по моей части!.. Мне до них нет дела!.. Пусть этим занимаются благотворительные учреждения!.. Но я думаю, что это не кюре… Он не похож!.. Откуда бы он мог взяться?.. Он сбежал, наверное?.. Из больницы?.. Но не с бала же?.. Он не пьян?.. Может, это маскарад?.. Но все равно, меня это не касается!.. Если бы это был дезертир, тогда другое дело! Тогда это было бы по моей части! Это была бы моя обязанность!.. Но у него не тот возраст, черт побери!.. Э! Папаша! Сколько тебе лет?.. Ты

не хочешь мне это сказать?..»

Тот ничего не отвечал… и продолжал вылизывать чашки…

— О! Да он ловкий! Он умеет пить даже носом! О! Скажи-ка! Эй, папаша!.. У него замечательный рожок… О! Просто прекрасная штука!.. О! Интересно, откуда он мог взяться?

* * *

Позже утром в нашу дыру хлынула настоящая армия любопытных! Я не мог понять, откуда они все взялись?.. В таком пустынном краю это было странно!.. Из Перзан?.. Никогда там не было столько народу! В Мелуар тоже!.. Значит, издалека… из других округов… из других деревень… Толпа была такой огромной, что выплескивалась на наше поле… Так их было много… Они все не умещались на пороге. Они бродили по окрестным полям, целых две насыпи обрушились под грузом людей… Им хотелось все видеть, все знать, все опрокинуть… Лил сильный дождь… Но это их совсем не смущало… Они продолжали оставаться здесь и копаться в навозе… В конце концов, они заполонили весь наш двор… Отовсюду слышались хриплые возгласы…

В первом ряду у наших окон образовалось что-то вроде каре из старушек! О! Это было очень мило… Они припали к нашим ставням, их было не меньше пятидесяти… Они каркали громче всех… Казалось, что кто-то скребет железом по стеклу!

Наконец, приехала обещанная «скорая помощь»… Впервые она выехала за пределы города… Шофер нам все рассказал… Большая больница в Бовэ только что ее приобрела… Сколько уже было поломок!.. Три прокола один за другим!.. И еще две утечки бензина… Ему нужно было поторопиться, чтобы успеть вернуться до ночи… Мы схватили носилки!.. Каждый взялся за ручку… Нельзя было терять ни секунды!.. С нами был и механик… его мотор мог остановиться… Его нельзя было выключать!.. Совсем! Ни на секунду! Было необходимо, чтобы он работал, даже когда машина стоит!.. Но из-за искр, которые постоянно сыпались из мотора, это было очень опасно… Мы ушли за Куртиалем!.. Кругом толпились люди… Они сильно теснили нас… Их было так много, на крыльце и в коридоре, что даже с помощью жандарма нам было очень трудно растолкать их… Мы быстро вернулись с носилками и поставили их на две специальные штанги внутри машины… Они поместились целиком… Мы задернули большие черные клеенчатые занавески… Все! Крестьяне замолчали и сняли свои фуражки… Все мужланы, молодые и старые, начали креститься… стоя по колено в грязи… Несмотря на сильный дождь… Они все бормотали свои молитвы… А сверху

так текло, Боже мой!.. Наконец, шофер «скорой помощи» поднялся на сиденье… Включил зажигание… Те! Пе! Тап! Те! Пе! Тап! Пе! Пе!.. Ужасные отрыжки!.. Мотор промок… Он фыркал изо всех трубок… Наконец что-то дрогнуло!.. Он поддался… Еще раз… И завелся… Машина развернулась и немного сдвинулась с места… А каноник Флери, видя, что эта штуковина отъезжает, сделал прыжок на целых сто метров!.. Он бросился за ней. Он выскочил на дорогу, делая головокружительные трюки… Он запрыгнул ей на крыло!.. Пришлось вмешаться нам! И стащить его силой! Он отбивался, как дикарь! Мы закрыли его в сарае!.. Но мотор, после того, как его остановили, больше не хотел заводиться!.. Пришлось всем вместе толкать машину до хребта плато… чтобы мотор разогрелся… Потом эта «скорая помощь» снова захрипела и заурчала… Дальше был спуск, почти целых три километра!.. О! Вот это спорт! Мы вернулись на ферму… и уселись на кухне… Немного подождали… Пока все люди устанут и разойдутся… Ясно, что смотреть больше было не на что… Но тем не менее никто не уходил!.. Те, что были без зонтов, устроились во дворе… и в сарае, и начали есть!.. Мы закрыли ставни.

Мы посмотрели, что еще среди наших ве-

щей могло бы нам послужить?.. Например, из одежды… Нужно сказать, что осталось немного! Старуха нашла шаль… и накрутила ее на свои брюки, которые тоже превратились в лохмотья, как и все остальное. Юбки у нее больше не было… Что касается пищи, то в глубине чана еще оставалось немного свиных шкурок, достаточно, чтобы накормить собачонку… Мы ее брали с собой на вокзал… К счастью, я обнаружил за платяным шкафом вельветовую куртку с костяными пуговицами!.. Настоящий костюм сторожа охотничьих угодий… Это ребята его стибрили… Они никому об этом не сказали…

У меня еще был свитер… но в куртке мне было теплее… Кроме того, я надел свои неизменные велосипедные штаны… С бельем же было совсем глухо!.. Ни одного лоскутка!.. Башмаки?.. Мои еще держались, носки у них были слишком узкие, и я их немного разбил… а сверху закрепил веревками… Они были мягкие, но холодные!.. Мамуля с трудом ковыляла в своих прорезиненных чунях… Они хорошо впитывали воду!.. С помощью веревок она обернула их старыми газетами… она хотела сделать себе настоящие сапоги, которые не болтались бы на ногах… Перзан был далеко!.. А Бовэ еще дальше… Манны небесной ждать не

приходилось!.. Мы приготовили себе немного кофе… Жандарм шел с нами… Он должен был нас сопровождать, он держал за уздечку лошадь, которая так и не была подкована! Кюре тоже хотел идти! Я бы предпочел, чтобы он остался! Лучше бы его запереть… Но как только он понимал, что его оставляют одного, он начинал ужасно шуметь… Значит, это был не выход! Предположим, что мы запрем его в доме… А он возьмет и разобьет все вдребезги?.. А если он убежит, этот одержимый?.. Залезет на крышу?.. Сорвется вниз с трубы?.. Сломает себе руки и ноги?.. Ну и кому от этого будет хуже?.. Кого тогда во всем обвинят?.. Конечно, нас!.. Нас ведь посадят в тюрьму!.. Сомневаться не приходилось!.. Я был вынужден открыть ему дверь… Он бросился ко мне… И стиснул меня в объятиях… А тут еще собачонка куда-то пропала… Мы потратили по крайней мере час на ее поиски… в сарае, в поле… Ее нигде не было… этой блохастой… Наконец она прибежала… И мы могли идти…

Все эти болваны на улице не сказали ни слова, когда увидели, что мы уходим… Они не успели и рта открыть! Мы пошли у них прямо перед носом… Они валялись во всех канавах… Итак, мы вышли на дорогу… Нельзя сказать, чтобы мы шли

бодро… Мы едва тащились… Бродяга не отставал от нас. Он скакал то там, то тут… Этого кюре очень интересовал наш маршрут… «А мы встретимся с Карлом Великим?..» — то и дело спрашивал он. Он не понимал того, что ему отвечали!.. Но он не хотел расставаться с нами… Отвязаться от него было невозможно… Прогулка его веселила… Он ковылял впереди с собачонкой… Скакал по обочине… Дул в охотничий рожок… Догнав нас, он присоединился к группе… Он бежал, как зебра… Под звуки трубы мы дошли до первых домов… и вошли в Перзан… Жандарм повернул налево… его задание было выполнено… Дальше мы должны были выпутываться сами… Он больше не нуждался в нашей компании… Ему было с нами не по пути… Мы пошли на вокзал… И тут же узнали расписание поездов… Тот, что отправлялся в Бовэ, уезжал черед десять минут!.. Через час был поезд на Париж… Ей надо было на другой перрон… Пришла пора прощаться… Мы ничего не сказали друг другу… Не давали никаких обещаний… Мы просто обнялись…

— А! Ну! Ты колешься, Фердинанд!.. — это она заметила мою бороду и пошутила!.. Она держалась молодцом. А в ее положении это заслуживало уважения… Она даже не знала, куда поедет… Я,

впрочем, тоже. Так приходилось расплачиваться за все наши несчастья!.. Это был конец!.. Впрочем, это можно было предвидеть… Ничего не скажешь…

Кюре, оказавшись на вокзале, как будто немного испугался… Он забился в угол… и следил за мной глазами… Он смотрел только на меня… выпучив свои глаза… Люди вокруг недоумевали, кто это такие?.. Он со своим рожком… и в диковинных брюках… И я в костюме на веревочках… Они не осмеливались подойти поближе… Вдруг продавщица табачного киоска узнала нас… «Да это сумасшедшие из Блэм!» — сказала она… Началась всеобщая паника… К счастью… подошел поезд на Бовэ… Это всех отвлекло… Толстуха устремилась вместе со всеми… Она перелезла через параллельную колею… И застыла в дверях с собачонкой Дюдюля… Она помахала мне рукой!.. Я тоже помахал ей!.. Когда поезд тронулся… Ее охватила невыносимая грусть. О! Какая гадость!.. Она вся скривилась, стоя в дверях… А потом… «Хрр!..» — вырвалось у нее из глотки… как у какого-то животного…

— Эрдинанд! Эрдинанд! — крикнула она еще раз… на весь вокзал… над толпой… и поезд скрылся в туннеле… Больше мы не виделись никогда…

Никогда… Потом я узнал, что она умерла в Салониках. Я узнал это в Валь де Грас в 1916 году. Она отправилась туда санитаркой на борту судна и умерла от какой-то заразы, я думаю, что это был сыпной тиф…

Итак, мы остались вдвоем с каноником на перроне, с которого отправлялись поезда на Париж. Он не мог понять, почему мы здесь… Но, к счастью, он больше не играл на своем рожке!.. Он боялся, что я брошу его по дороге… Как только подошел поезд, он заскочил в него вслед за мной… Он меня преследовал до самого Парижа… Я оторвался от него ненадолго при выходе из вокзала… Я заскочил в другую дверь… Но он сразу же догнал меня, собака!.. Окончательно я оторвался от него на улице Лафайетт… напротив аптеки… Я воспользовался сильным уличным движением… и запрыгнул на ходу в трамвай… Я вышел из него не сразу… На бульваре Мажента… Мне хотелось немного побродить в одиночестве… Подумать о своем будущем…

Я был очень странно одет… особенно для города… Люди с любопытством пялились на меня… Как раз в это время все выходили из магазинов и контор… Было около семи часов… Мой укороченный реглан шокировал их… Я уселся под дверью…

Самым необычным было мое пальто… а также просторные штаны, делавшие меня уродом! У меня не было возможности переодеться. Рубашки у меня не было! А брюки держались только благодаря животу!.. Шапки у меня тоже не было… А была маленькая кожаная кепочка Дюдюля… В деревне я надевал ее, но здесь это было невозможно… Я выбросил ее прямо там, за дверью… Вокруг было слишком много прохожих… и я не рискнул показаться на тротуаре в таком фантастическом наряде… Нужно было подождать, пока народ немного рассеется… Я смотрел на людей, идущих по улице… Больше всего меня поразили недавно появившиеся автобусы… без империалов… и новые машины-такси… Их было больше, чем фиакров, и они производили ужасный шум… Я уже отвык от сильного уличного движения… и оно меня оглушало… Меня даже стало подташнивать… Я купил себе рогалик и шоколадку… Пора было идти… Я засунул их в карман… Всегда, когда возвращаешься из деревни, городской воздух кажется тяжелым… Не хватает свежего ветра… Я думал, стоит ли мне возвращаться прямо в Пассаж?.. А если за мной придут легавые?.. Те… от шепелявого…

Поднявшись по бульвару Мажента, я снова

оказался на улице Лафайетт, мне оставалось теперь лишь спуститься, это не так уж далеко, улица Ришелье, потом Биржа… Нужно было идти вдоль фонарей… О! Дорогу-то я знал!.. Стоило повернуть направо, и я оказался бы в Шатле у продавца птиц… Набережная цветов, Одеон… Это по дороге к дяде… Найти койку на ночь было не так уж трудно… Это никуда не денется… Но как найти место?.. Вот что трудно!.. Где взять тряпки?.. Я уже начал думать об этом!.. И потом, куда мне обратиться?.. Я вышел из своего укрытия… Но вместо того, чтобы пойти по бульвару, свернул на маленькую улочку… И остановился около витрины. Я заметил крутое яйцо… очень аппетитное… и сказал себе: «Я его куплю!» Я пересчитал свои деньги… У меня еще оставалось семь пятифранковых монет, это притом, что я оплатил дорогу еще и кюре… Я очистил яйцо на прилавке и начал его есть… Но почти сразу же выплюнул его… Я ничего не мог проглотить!.. Черт побери!.. Все застревало в горле… Наверное, я заболел… Морская болезнь… Я снова вышел на улицу… перед глазами все качалось… Тротуар… газовые фонари… лавки… И я сам, конечно, шел, тоже шатаясь… Я заметил полицейского… поспешно… свернул в сторону… и скрылся в парадном… Мне

совсем не хотелось двигаться… Я сел на половик… И почувствовал себя немного лучше!.. Я сказал себе: «Что с тобой, идиот?.. Ты совсем обленился? Или у тебя нет сил идти дальше?» Я по-прежнему чувствовал тошноту… Улица пугала меня… когда я смотрел на нее… по сторонам… справа… слева… Все фасады были закрыты, все было темно!.. Черт побери!.. Это было ужасно… еще хуже, чем в Блэм!.. Ничего не поделаешь… У меня кололо все тело… особенно в животе… и в голове! Я уже все выблевал… О! Я не мог больше сдвинуться с места… Я так и застрял у витрины… Со мной было все ясно!.. Это не шутки… Я буквально прирос к стенке… Я вспоминал, как надрывалась бедная толстуха, чтобы мы не сдохли!.. В общем, в это трудно было поверить… Но черт побери!.. Теперь я остался совсем один!.. Она исчезла, Онорина!.. Черт побери!.. Все-таки она была добрая баба!.. И очень храбрая… Она нас надежно защищала… Мы все были обыкновенными шутами!.. Я был уверен, что больше ее никогда не увижу… Никогда!.. Вдруг мне стало ужасно тоскливо!.. Плохо!.. Я опять почувствовал тошноту… Я нашел подходящее место… И меня вырвало в канаву… Прохожие смотрели на меня… Мне нужно было трогаться… Я должен был идти.

Я остановился в конце улицы Сен-Дени… И не мог идти дальше… Я обнаружил закоулок, где можно было спрятаться… Когда я садился, мне становилось лучше… во время ходьбы меня тошнило… Когда у меня начинала кружиться голова, я смотрел вверх… Мне становилось немного лучше, когда я поднимал голову… небо было очень ясным… Я думаю, я еще никогда его так отчетливо не видел… Этим вечером меня вдруг поразило то… что я узнавал все звезды… В общем, почти все… Я знал их названия!.. Этот болтун достаточно надоедал мне со своими траекториями орбит!.. Странно, но сам того не желая, я их запомнил… Каниопа и Андромеда[146]… они все были там, на улице Сен-Дени… Над противоположной крышей… Немного направо был Возничий, он мигал почти рядом с Весами… Я узнавал их всех… Можно было ошибиться со Змееносцем… это уже было сложнее… Если бы не астероид, его можно было принять за Меркурий!.. Это замечательное занятие… А вот Водолей и Волосы путают почти

[146] Примечания: 146

Каниопа и Андромеда — большинство названий звезд и созвездий, перечисленных на этой странице, подлинные и достаточно широко известны. Они приведены, например, в «Популярной астрономии» Камилла Фламмариона, пользующейся огромным успехом со времени ее публикации в 1880 г., к которой Куртиаль так часто обращается. Однако нужно все же уточнить: звезда Канопус существует, но Каниопа — нет.

всегда… Пегаса тоже можно не узнать! Но в этот вечер ошибки не было!.. Это точно был Пегас! И слепой разглядел бы его… Даже Большая туманность Ориона была видна абсолютно четко… между треугольником и Ариадной… Все правильно… Единственный, исключительный шанс!.. В Блэм мы видели Орион только раз за весь год!.. А искали его каждый вечер!.. Этот маньяк увеличительного стекла был бы счастлив наблюдать все так четко… Он всегда был недоволен… Он издал руководство по «Ориентирам астероидов» и даже целую главу о Туманности Антиопы… Я никак не ожидал увидеть ее в Париже… где небо всегда подернуто какой-то грязной дымкой… Я помню, как ликовал Куртиаль в подобных случаях!.. Как он бормотал, сидя рядом со мной на скамейке…

— Ты видишь, малыш, ту, что дрожит?.. Это не планета… И не ориентир!.. Это всего лишь бродяга астероид!.. Ты слышишь меня?.. Будь внимателен!.. Бродяга!.. Возможно, через два миллиона лет из него что-нибудь выйдет! И тогда по нему можно будет ориентироваться!.. А потому не стоит тратить на него пленку!.. У тебя все равно ничего не получится… О! Это скверная вещь, мой мальчик… Это даже не комета… Не ошибись, воин!.. Звезды как проститутки! С

ними надо быть поосторожнее! О! Это тебе не маленькие безобразные карлики! Пойми! Кадр не должен длиться и десятой доли секунды! Они просто ужасны! О! Обманщицы! Будь осторожен! Эти таблички не нужны на «Блошином рынке»!.. Нет, дорогой мой!..

Я как будто снова слышал все его бредни!..

«Если ты смотришь на что-нибудь… Ты должен запомнить это навсегда!.. Не напрягай чрезмерно свой ум!.. Это только все портит… Старайся воспитать в себе инстинкт… Тогда можешь быть спокоен!.. Он тебя никогда не обманет!..» Я больше не напрягал свой ум… Ноги у меня стали совсем как ватные… И все-таки я шел… Наконец, я нашел еще одну скамейку… и оперся на ее спинку… Было действительно очень жарко… Мне казалось, что папаша здесь… с той стороны скамейки, он просто повернулся ко мне спиной… У меня начались галлюцинации… Я сам бормотал за него… То, что он обычно говорил… Мне необходимо было снова его услышать… Я хотел, чтобы он снова ко мне вернулся… Он сидел передо мной на скамейке!.. «Для мужчины главное — находчивость… Не думай все время только о пороке…» Он снова изрекал свои сентенции… Я вспомнил их все! Я говорил вслух!.. Прохожие

останавливались и слушали… Они, наверное, думали, что я пьян… Тогда я заткнулся… Но воспоминания окончательно овладели мной… Ими была забита вся моя голова… Я не мог поверить, что старый развратник умер… И тем не менее его тело с кашей вместо головы стояло у меня перед глазами… Все это месиво колыхалось… И заполняло всю дорогу!.. Черт побери! На обочине показалась ферма! Я вспомнил сына этой шлюхи, Артона… А лопата?.. А мамаша Жанна? А их тележка? Которую мы толкали вместе с мамулей!.. О! Скотина! Он был просто ужасен!.. Он все время всплывал в моей памяти!.. Я опять все вспомнил… «Смуту»… Намедни!.. Комиссара из «Бонз-Анфан»… бессмысленные излучения… гнусные досье… О! В общем, его постоянное вранье было невыносимо… Теперь этот пидор опять появился!.. Он был здесь, прямо передо мной, рядом со скамейкой… я чувствовал его запах… Он ударял мне в нос… Вот оно, присутствие смерти… Это когда начинаешь говорить за тех, кого нет. Я внезапно выпрямился… У меня больше не было сил… Я готов был закричать… Пусть меня запрячут в тюрьму… Я поднял глаза вверх, чтобы не видеть фасады… Их вид навевал на меня тоску… Мне всюду мерещилась его голова… на стенах,

в окнах… в темноте… Орион на небе исчез… У меня больше не стало ориентира в облаках… Но я опять нашел Андромеду… я был упрям… Я искал Каниопу… которая мигала рядом с Медведицей… У меня сильно кружилась голова… Но все равно я двинулся дальше. Я пошел к Большим Бульварам… И вернулся в Порт Сен-Мартен… Я едва держался на ногах!.. И шел зигзагами!.. Я это понимал… И ужасно боялся легавых!.. Они могли принять меня за пьяного!.. Перед часами я остановил фиакр… Он меня посадил.

— К дяде Эдуарду!.. — сказал я.

— Где он живет, этот дядя Эдуард?..

— Улица Конвента, 14!..

Если бы я продолжал шататься по улицам, меня бы точно прихватили… Это было слишком рискованно… А если бы легавые стали меня допрашивать… У меня уже заранее голова шла от этого кругом… Никогда бы я с ними не развязался… Езда в фиакре успокоила меня… Я немного пришел в себя… Дядя Эдуард был дома… Он был не слишком удивлен… и был рад снова меня видеть. Я сел за стол… и снял свой редингот… На боках у меня болтались какие-то бархатные лохмотья…

— Ты странно вырядился! — заметил он и поинтересовался, ел ли я?

— Нет! Я не голоден… — ответил я.

— Что, нет аппетита?

Он начал говорить… Рассказывать мне о себе… Последнее время он был очень занят. Он только что вернулся из Бельгии, где сумел провернуть очень важное дело! Наконец-то он всучил свой маленький разборный насосик консорциуму фабрик… Правда, не на очень выгодных условиях… У него тоже были «многочисленные» и «утомительные» тяжбы и разборки по поводу авторских свидетельств… Это было смешно!.. Мигрень и адвокаты были не в его духе. На вырученные деньги он хотел купить себе что-нибудь стоящее и независимое… например, механическое предприятие… по починке машин… Это всегда было выгодным занятием… Кроме того, можно брать у клиентов фонари и рожки… Это он тоже учел… Он собирался переделывать их на современный манер… На аксессуары из никеля и меди всегда был большой спрос… Нужно только не отставать от моды, и все постепенно наладится… а потом можно продавать втридорога!.. Вот это торговля! Он все предусмотрел и был уверен в себе… Его немного смущало помещение… Ему необходимо было еще подумать… Не совсем ясны были и условия… Были странные оговорки… «без две-

рей»… Они были в очень плохом состоянии!.. И требовали основательного ремонта!.. Переговоры еще продолжались… Однажды он уже наколол-ся… Создавалось что-то вроде ассоциации для владения заводом больших каретных принадлежностей… в ста метрах от Порт Ванв. Ничего не было сделано… Но контракт уже составлен… Его прихватили в последний момент… Он опасался подобных партнеров… И был прав!.. Он все взвешивал… Быть порядочным в наше время — это слишком большая роскошь!.. Да! Кругом одни жулики!.. Нужно действовать крайне осторожно! Конечно, по сравнению с окружающими его гангстерами он был простаком!.. Наконец, он рассказал мне все детали и подробности своего дела, и все, что произошло с нашего отъезда в Блэм до настоящего дня… Теперь наступила моя очередь рассказывать… И я не спеша к этому приступил… Он слушал меня довольно долго…

— А! Ну ладно! О! Довольно, приятель! Это уже слишком! — он совсем обалдел от этого… — А, ну это просто невероятно!.. А, тогда меня уже не удивляет, почему ты худой, как спичка!.. О! Вы развернулись!.. Черт побери! Это хороший урок! Ты видишь, друг мой! В деревне всегда так… Если ты живешь в Париже, здесь и нужно

оставаться!.. Мне часто предлагали гаражи в провинциях… Когда тебе рассказывают, это кажется заманчивым… Велосипедисты, всевозможные «представления»… Ты сам себе хозяин!.. Полная свобода!.. Гуляй!.. И все это правильно! Абсолютно! Поверь мне! Все дело в самой деревне! Ее надо знать! Нужно родиться в их свинарнике… А ты приезжаешь туда совершенно неподготовленным… и попадаешь в эти дебри!.. Вообрази, что там творится!.. Стоит тебе только там появиться, как на тебя все набрасываются!.. Ты всего лишь младенец по сравнению с ними!.. И тебя там сожрут!.. Ты обречен!.. Выгода?.. Черт побери!.. Ты не получишь ни гроша… Ты неопытен во всех отношениях… Что ты можешь им противопоставить?.. Ты не выстоишь и секунды… Надо жить там с самого рождения… Это лучше всего!.. Иначе ты будешь спотыкаться на каждом шагу!.. Что ты можешь там предложить?.. Велосипеда ты не изобретешь!.. У тебя даже нет одного шанса из ста десяти тысяч… А куда вы собирались ехать потом?.. Со своей сельскохозяйственной культурой?.. Надо же до такого додуматься!.. Вы, конечно, хотели как-то вывернуться… Вы сами себя погубили! Это очевидно!.. А, но послушай, друг мой, взгляни на себя, какой ты тощий! Это просто

невероятно!.. Ты любишь суп с тапиокой?.. — Он начал рыться на кухне… Наверное, было часов десять… — Тебе нужно срочно поправиться!.. Здесь ты отдохнешь! Это я тебе гарантирую!.. Тебе придется отложить свои планы!.. О! Никаких возражений!.. — он быстро осмотрел мой костюмчик… это его немного развеселило… мой комбинезон… и штаны с веревочками.

— Тебе нельзя оставаться в этих лохмотьях!.. Я поищу тебе штанишки… Погоди… Я найду тебе что-нибудь…

Он принес мне свой совсем новый костюм из шкафа… в прекрасном состоянии… и медвежье манто… Великолепный мех… «Ты наденешь пока это!..» И еще кепку с козырьком, кальсоны и фланелевую рубашку… Я снова был прекрасно одет!..

— Так ты не голоден? Совсем?..

Я бы ничего не смог впихнуть в себя… Я чувствовал недомогание… и довольно серьезное… У меня внутри все булькало… кроме шуток, мне было плохо!

— Что с тобой, мой мальчик?.. — он начал волноваться.

— Со мной ничего!.. Ничего страшного!.. — Я старался держаться бодро.

— Ты простудился?.. У тебя грипп!

— О! Нет… я не думаю… — ответил я. — Но если ты хочешь, дядя, как только ты закончишь есть… Мы, может быть, пройдемся?..

— О! Ты думаешь, что тебе это поможет?..

— О! Да! Дядюшка!.. Да, я думаю!..

— Тебя что, тошнит?..

— Да! Совсем немного, дядя!..

— Ну хорошо, я согласен!.. Пойдем прямо сейчас! Я поем позже!.. Ты знаешь, я в чем-то похож на твою мать… Срочно! Быстро! Не люблю проволочек!..

Он отложил еду, и мы тихонько дошли до кафе на проспекте… Там он захотел сесть на террасе… чтобы я выпил немного ментоловой… Он рассказывал мне о том о сем… Я спросил его, видел ли он моих родителей?..

— С момента, когда я уехал в Бельгию, прошло два месяца!.. Я заходил в Пассаж… С тех пор я их не видел!.. Тогда они ломали себе голову над твоими письмами!.. — добавил он. — Можно сказать, что они их разбирали по косточкам… Они не знали, что с тобой… Твоя мать сейчас же хотела к тебе ехать… А! Я ее переубедил… Я сказал, что у меня есть от тебя вести… Дела у тебя идут прекрасно… и у вас просто нет ни минуты из-за посевной!.. Она отложила путешествие на более

позднее время! Твой отец был все еще болен… Он несколько раз подряд пропускал работу этой зимой… Они оба боялись, что на этот раз его уволят. Лепрент — и тот не будет больше терпеть… И они его выгонят… Но они его все же восстановили в конце концов… Просто вычли те дни, когда его не было! Вообрази! Из-за болезни!.. И это компания, которая ворочает сотнями миллионов!.. Имеет повсюду отделения! Разве это не стыд?.. Разве это не ужасает?.. Вообще-то, это точно… чем они богаче, тем больше им надо… Они просто ненасытны, вот и все! Им всегда недостаточно!.. Чем больше у них роскоши, тем они становятся сволочнее!.. Компании — это мрак!.. Я это прекрасно вижу на примере своего маленького дела… Они все пиявки!.. и ненасытные!.. Они готовы высосать всю кровь!.. О! Это просто невообразимо!.. Совершенно точно… Ибо именно так и становятся богатыми… Именно так!..

— Да, дядюшка!..

— Слабый и больной может подыхать!..

— Да, дядюшка!..

— Это настоящая погребальная песня, малыш, запомни ее!.. и прямо сейчас!.. Опасайся миллиардеров!.. О! И потом, я забыл тебе сказать… появилось кое-что новое… связанное с их бо-

лезнями… Твой отец больше не хочет видеть врача!.. Даже Капрона, который не так уж плох! И в общем, довольно порядочный человек… Он не слишком драл за свои визиты… И твоя мать тоже не желает слышать о нем… Она полностью перешла на самолечение… И уверяю тебя, она продолжает хромать… Я не знаю, как она обходится… Горчичники! Горчичники!.. Все время одна горчица! Холодные! Теплые! Холодные! Теплые! А она ведь работает без остановки!.. Она разрывается на части!.. Ей нужно искать покупателей!.. Она уже нашла новых для своего Дома вышивки… болгарских кружев… Ты меня понимаешь!.. Твой отец, конечно, ничего об этом не знает… Ей нужно обойти весь правый берег… Она очень устает от этого… Если бы ты видел ее лицо, когда она возвращается… О! Нужно видеть его выражение! Это просто ужасно!.. Совсем как у трупа… Однажды я даже испугался!.. Когда наткнулся на нее на улице… Она возвращалась со своими коробками… Каждая по меньшей мере килограммов двадцать, я уверен! Ты слышишь, двадцать кило! На руках… Вся эта дребедень довольно много весит!.. Она даже не заметила меня!.. Усталость когда-нибудь убьет ее… С тобой будет то же самое, если ты не позаботишься о

себе! Поверь мне, друг мой! Во-первых, ты ешь слишком быстро… Твои родители говорили тебе об этом… И они были правы…

Возможно, это было так… В конце концов, все это было неважно… Во всяком случае, не очень… Я не хотел ему противоречить, заводить спор. Больше всего меня смущало то, что я не очень внимательно его слушал… Из-за колик… У меня выворачивало все внутренности… А он продолжал говорить со мной.

— Что ты теперь собираешься делать?.. Ты уже что-нибудь наметил?.. После того как ты поправишься?.. — Его тоже волновало мое будущее.

— О! Мой мальчик. Я тебе это говорю не для того, чтобы ты торопился!.. О! Нет же!.. Ты совершенно свободен! Сначала нужно все взвесить! Не суйся куда попало!.. А то опять нарвешься на что-нибудь! Нужно шевелиться, но без лишней спешки… Нужно быть внимательнее!.. Работа — это как еда… В первую очередь она должна приносить пользу… Подумай! Все взвесь! Посоветуйся со мной! Пощупай! Рассмотри! Там, здесь… И принимай решение, когда будешь полностью уверен!.. Тогда ты мне и скажешь… Ведь у нас не горит… Еще нет… А? Не надо лезть куда попало… только чтобы доставить мне удовольствие… Ра-

боту на какие-нибудь пятнадцать дней!.. Нет!.. Нет!.. Ты уже не мальчик… Еще одно загубленное дело… Ни к чему хорошему это не приведет!.. Ты испортишь свою репутацию…

Мы пошли домой… Мы сделали круг по Люксембургскому саду… И он опять заговорил о работе… его беспокоило, как я буду устраиваться… Возможно, в глубине души его тоже волновало, освобожусь ли я когда-нибудь от своих пагубных инстинктов… и каторжных настроений… Я слушал его разговоры. И не знал, что сказать… Я ничего ему не ответил… я действительно слишком устал, и у меня сильно болели виски… Я слушал его лишь краем уха… Когда мы дошли до бульвара Распай, я уже не мог идти прямо… и шел по тротуару, согнувшись… Он заметил это… Мы ускорили шаг… Я думал совсем о другом… Я был далеко… Дядя Эдуард надоел мне со своими прожектами… Я снова посмотрел наверх… «Ты знаешь, дядя, Паруса Венеры и Улей Звезд[147]»… Они как раз появились из-за облаков… Так называлась звездная пыль… «А Жертвенник?.. А Феникс[148]?..» Они появились одно за другим…

---

[147] Примечания: 147
Паруса Венеры, Улей Звезд — созвездия Южного полушария неба.

[148] Примечания: 148
Жертвенник и Феникс — созвездия Южного полушария неба.

белое и розовое… «Хочешь, я тебе их покажу?..» Дядя Эдуард когда-то знал все эти созвездия… Он даже знал весь небосвод от Треугольника[149] до Стрельца[150] и северную его часть наизусть!.. Он знал всего «Фламмариона»[151], не говоря уже о Перейре!.. Но он все забыл… Он больше не помнил ничего… Даже не мог найти Весы!..

— О! теперь у меня уже не то зрение!.. Я тебе доверяю! Можешь глядеть за меня!.. Я теперь даже не могу читать газету! Я стал так близорук, что и с одного метра не узнал бы планету! Будь я даже на небе, я бы ничего не разглядел! Я могу перепутать Солнце с Луной!.. Это же надо!

Он говорил все это, смеясь…

— А! Ну ничего… — сказал он. — По-моему, ты стал настоящим ученым… А, но ты силен! Ты делаешь успехи!.. Это не так плохо! Ты не слишком много там ел!.. Но зато поглощал всевозможные сведения!.. Ты просто переполнен знаниями!.. О! Все в порядке, мой юный друг!.. Твоя башка за-

---

[149] Примечания: 149

Треугольник — созвездие Северного полушария неба.

[150] Примечания: 150

Стрелец — зодиакальное созвездие.

[151] Примечания: 151

«Фламмарион» — имеется в виду «Популярная астрономия» Камилла Фламмариона.

бита до отказа!.. Не правда ли, мой птенчик?.. Но черт бы меня побрал, это же настоящая наука!.. О! Несомненно!.. О!

Я здорово рассмешил его… Мы снова заговорили о Куртиале… Ему хотелось знать, что было в конце… Он задал мне несколько вопросов…

— Чем все это закончилось? А?..

Я больше не мог выдержать этих разговоров!.. У меня начинало мутиться в голове… Почти как у старухи… Я больше не сдерживался и захныкал!.. Черт побери!.. Я слишком ослаб!.. Я продрог до костей… Хотя и был достаточно закален!.. Наверное, из-за сильной усталости…

— Но что с тобой? Мой бедный зяблик?.. Ты расстроен! Не нужно было тебя волновать!.. Я говорю о твоей работе, просто чтобы о чем-нибудь говорить… Я не придаю этому никакого значения. И тебе не нужно это делать! Не обращай внимания на эту болтовню!.. Ты же меня знаешь! Или ты не веришь своему дяде?.. Я говорил это совсем не для того, чтобы тебя расстроить!.. Ну послушай, дурачина, ты меня понял?.. Сейчас же прекрати плакать! Ты уже большой!.. Ну что, мой птенчик, ты еще не кончил?.. Мужчина не должен плакать!.. Ты можешь оставаться у меня столько, сколько захочешь!.. А там! Посмотрим!

Сначала тебе нужно прийти в себя. Я хочу видеть тебя сытым и здоровым! Ты должен как следует есть! Не следует бросаться куда попало! Ты согласен со мной?.. В таком состоянии ты не сможешь постоять за себя!.. Слабые и больные никому не нужны! Нужно набраться сил! И тогда тебе никто не страшен! Подходи по одному!.. Гарсон! «Что угодно, месье?» Гренки, пожалуйста… — Он изо всех сил старался меня утешить, но я никак не мог успокоиться. Слезы лились у меня в три ручья.

— Я хочу уйти, дядя!.. Я хочу уехать! Уехать далеко…

— Как уехать?.. Куда?.. В Китай?.. Еще дальше? Куда же?..

— Я не знаю, дядя!.. Не знаю!..

Из глаз капало все сильнее… Я встал… У меня перехватило дыхание!.. Как только я встал, я сразу же потерял равновесие… Ему пришлось меня поддержать… Когда мы вернулись домой, он был совсем растерян!.. И не знал, что еще сказать!..

— Ладно, мой толстячок!.. Ладно, мой мальчик! Забудь обо всем!.. Будем считать, что я ничего не говорил!.. Ты ни в чем не виноват, мой мальчик! Ладно! Ты тут ни при чем… Ты же знал Куртиаля!.. Это был необыкновенный человек!.. Превосходный ученый!.. В этом я нисколько не

сомневаюсь!.. Я сам всегда тебе это говорил… Я думаю, у него было доброе сердце!.. Но он был авантюристом!.. И заядлым, это факт! Конечно, он был одарен и прочее!.. Он пережил множество несправедливостей!.. Да! Конечно!.. Но сколько раз он оказывался на краю пропасти!.. О! Он не мог жить спокойно!.. Без катастроф ему было скучно!.. Во-первых, эти люди, играющие на бегах! Разве нет?.. Они сами ищут на свою голову приключений!.. Их уже никто не в силах изменить… Их можно только пожалеть. Они обречены… Ну что же! Прекрасно!.. Риск — дело благородное!.. Мне тяжело говорить об этом! О! Поверь мне, все это меня ужасно огорчает!.. Я всегда восхищался им… И даже чувствовал к нему искреннюю привязанность!.. Это был редкий ум!.. О! Я прекрасно это понимаю! И ценю!.. Я сам дурак, но это я хорошо понимаю… Но то, что он умер, а ты остался без крыши над головой и средств к существованию, здесь ни при чем!.. Ведь ты старался, просто из кожи вон лез!.. О! Ну нет! Это уж слишком! О! Господи! Нет!.. Ты не сможешь зарабатывать себе на жизнь в том состоянии, в котором теперь находишься! В твоем возрасте нельзя так перенапрягаться, просто тебе здорово не повезло!.. Но так же не будет всегда!..

Это же еще не конец, приятель!.. Ты еще увидишь много другого, дурья башка! Оставь слезы дамам!.. Пусть они себе икают!.. Они получают от этого большое удовольствие!.. Но ты же взрослый парень!.. Правда, ты взрослый, Фердинанд?.. Ты не станешь заливаться слезами?.. Хи! Хи! Хи!.. — Он слегка похлопал меня… Ему хотелось меня развеселить!..

— О! Бедный несчастный плакса!.. И в таком состоянии он приехал из деревни?.. Разбитый!.. Раздавленный!.. Сломленный!.. Ладно, мой птенчик!.. Утри свои слезы!.. Я не буду больше никогда говорить о твоем уходе!.. Ты останешься со мной!.. Тебе больше не нужно будет никуда устраиваться!.. Решено! Договорились!.. Теперь ты спокоен?.. Никогда больше тебе не придется искать себе место! Ты доволен теперь?.. Слушай, я возьму тебя в свой гараж! Может быть, это не лучший вариант, быть подмастерьем у собственного дяди… Но в конце концов наплевать!.. Здоровье важнее! На остальное наплевать!.. Остальное приложится! Здоровье! Это главное!.. Послушай, приятель, я сам буду воспитывать тебя! Но сперва я хочу, чтобы ты поправился!.. О! Да! Тебя угнетает необходимость искать себе место… Я это заметил еще у твоих родителей… Тебе нелегко: у тебя не тот

характер… Ты никогда больше не будешь этим заниматься… Это тебя пугает!.. Ты всегда будешь со мной… Ты не будешь больше обивать пороги… и искать себе место… О! нет! А? Я не могу!.. Не могу подобрать нужное выражение!.. Тебе не нравится ходить представляться незнакомым людям?.. Ладно! Это тебя пугает?.. Договорились!

— Нет, дядя! Это не совсем так!.. Я бы хотел уехать…

— Уехать! Уехать! Но куда?.. Ты от этого страдаешь, моя рыбка?.. Я совсем тебя не понимаю!.. Ты хочешь вернуться в ту дыру?.. И выращивать там морковь?..

— О!.. Нет! Дядя… Я не хочу этого!.. — Я хотел в армию…

— Вот о чем ты думаешь!.. О! Ну хорошо! Ладно! В армию? Куда?.. Зачем?.. Ты еще успеешь, мой птенчик!.. Всему свое время! Кто тебя торопит?.. Ты чувствуешь признание к военной службе?.. Это все же странно!..

Он смотрел на меня с участием! Ему казалось, что я сам не знаю, чего хочу… Он внимательно рассматривал меня…

— Это просто временное умопомрачение, мой зайчик… Так бывает, очень хочется помочиться!.. А потом это проходит!.. Ты ведь не хочешь быть

похожим на Куртиаля?.. Превратиться в чудака?.. О! А как же твои родители?.. О них ты подумал?.. Что они тогда запоют? О! Представляю, какую серенаду! А я должен буду выслушать!.. Они обвинят меня во всем! О! Постой!.. Мол, это я внушил тебе эти странные идеи! И ты рехнулся, как твой папуля!..

Он был очень подавлен. Мне захотелось ему все объяснить!.. Немедленно… Неважно, что!.. Неважно, как!..

— Но я ничего не умею делать, дядя. Я такой несерьезный, неразумный…

— Да нет, ты достаточно серьезен и разумен! Я тебя хорошо знаю… Нет! Ты вполне рассудителен!

Я перестал плакать.

— Нет! Я легкомысленный, дядя!..

— Ну нет! Нет! Мой птенчик!.. Совсем наоборот, маленький упрямец! У тебя ясная голова, поверь мне!.. Ты искренен! И доверчив!.. Он просто использовал тебя, старый мошенник! Разве ты этого не понимаешь? Это просто не укладывается у тебя в голове!.. Он здорово надрал тебя!

— О! Нет! Нет!.. — Я был ошеломлен… я не хотел, чтобы он продолжал.

Я умолял его выслушать меня… «Я всем при-

ношу только неприятности!..» — бормотал я. О! Тут меня вырвало!.. А потом я опять заладил свое… «Всегда всем я только мешаю… Это же очевидно!..»

— Ты хорошо все обдумал?..

— Да, дядя!.. Да, я клянусь тебе, я все обдумал!.. Я хочу уйти!.. Завтра… да, завтра…

— А! Но ведь не горит!.. А, летун!.. Отдохни еще! Так ведь не уезжают! Сломя голову!.. Контракт заключают не на один день!.. Это ведь на целых три года, мой друг!.. А это тысяча восемьдесят шесть дней… и плюс дополнительная служба!..

— Да, дядя…

— Ты же не виноват?.. Никто тебя не гонит?.. Никто тебя ни в чем не обвиняет!.. Разве тебе здесь плохо?.. Я никогда с тобой грубо не обращался?..

— Это я сам плохой, дядя… Я недостаточно серьезен. Ты просто не знаешь меня!.. Ты не знаешь!..

— А, ты опять за свое! Бедняга!.. Ты довел себя до такой степени!.. Что действительно можешь заболеть…

— Больше меня здесь ничего не держит, дядя!.. У меня как раз призывной возраст!.. Я хочу уехать!.. Я завтра уйду, дядя!..

— Зачем завтра, приятель! Зачем? Сейчас же! Слушай! Сейчас же! — Он явно нервничал… — О!

Какой же ты упрямый! Ну подожди хоть 15 дней! Или даже месяц! Хотя бы две недели, чтобы сделать мне приятное! А там посмотрим… впрочем, ты им и не нужен… в таком состоянии!.. Это я могу тебе сразу сказать… Ты просто испугаешь всех офицеров!.. Сперва тебе нужно отъесться! Это главное!.. А иначе они тебя выгонят как не годного!.. Представляешь?.. Они ведь не берут скелетов в солдаты!.. Тебе нужно набрать вес!.. Килограммов десять, по крайней мере! Ты слышишь?.. Поверь мне! Десять — для начала!.. Иначе!.. Все!.. Ты хочешь воевать? О! Но!.. О! Но!.. Ты же как соломинка!.. Кому нужен зуав, который едва держится на ногах!.. Ладно! Ладно! Потом! Ладно! Мой дорогой! Оставь эти вздохи!.. О! Хорошо! Им будет, над чем посмеяться!.. Они здорово позабавятся, увидев одну кожу и кости!.. В гвардию?.. О! Это будет нечто!.. Солдат Доходяга! Не хочешь ли в саперы? Куда ты пойдешь?.. Ты еще ничего не знаешь?.. Тогда что же ты решил?..

На самом деле мне было все равно.

— Я не знаю, дядя!

— Ты ничего не знаешь!.. Ты никогда ничего не знаешь!..

— Ты знаешь, я тебя очень люблю, дядя!.. Но я не могу здесь оставаться! Не могу!.. Ты очень

добр ко мне!.. Я не заслуживаю этого, дядя!.. Не заслуживаю!..

— Почему ты не заслуживаешь?.. Скажи, дубина?..

— Я не знаю, дядя!.. И тебе я приношу только огорчения!.. Я хочу уехать, дядя!.. Я хочу завтра же пойти и завербоваться…

— А! Ну тогда договорились!.. Я согласен! Ладно! Решено! Но скажи мне, какой план ты выбрал?.. Ведь у тебя же есть время!..

Он не принимал всерьез мои планы…

— Может быть, ты хочешь пойти в «группу захвата»?.. Ты ведь не создан для артиллерии?.. Нет?.. Я вижу это?.. А не хочешь ли ты тащить на себе 32 кило?.. Хочешь, сынок! Или ты хочешь, чтобы тащили тебя?.. Ты не понял?.. Налево! На караул! Раз! Два! Раз! Два!.. А учения?.. О! О! Ты шутишь!.. Вот твой участок!.. Ты должен здесь окопаться!.. Ты видел когда-нибудь такие участки?.. Ты знаешь, как это делается?.. Вокруг дерьмо? Грязь?.. А?.. Но ты же больше любишь звезды!.. А! Или ты решил изменить себе?.. Ненадолго же тебя хватает! Астроном? Астроном! Шагом марш к «Первому телескопу»! Полк Луны!.. Нет? Тебя не устраивает то, что я тебе описал?.. Тебе этого недостаточно!.. Я вижу, тебе все же

больше нравится «группа захвата»! Ты хороший ходок?.. У тебя будут водяные мозги, Боже мой!.. «Солдатские башмаки тяжелы![152] Солдатские башмаки!..» Тебе больше нравятся фурункулы на заднице?.. Хорошо! Тогда тебе лучше податься в кавалерию!.. В фуражиры! Господи!.. В матросики, это то, что тебе нужно?..

«Йо-хо-хо и бутылка рому!..»

Он сложил губы рожком: «Тратата! Татата!..»

— О! Не надо, дядя!.. Не надо!.. — он невольно напомнил мне того типа.

— Как ты чувствителен, бедняжка!.. Так ты собираешься сражаться?.. Подожди! Ты еще не все обдумал?.. Оставайся здесь!.. У тебя есть еще пять минут. Останься со мной еще ненадолго! На две, три недели!.. Пока все не прояснится!.. Или же на месяц!..

— Нет, дядя! Я хочу уйти сразу…

— Да! Ну и ну! Ты как твоя мать!.. Если тебе что-нибудь втемяшится в башку, возражать бесполезно!.. О! Я не знаю даже, что тебе еще сказать… А ты не хочешь стать кирасиром?.. С такой комплекцией, как сейчас, ты неплохо будешь смотреться на лошади! Ты просто утонешь

---

[152] Примечания: 152

«Солдатские башмаки тяжелы!..» — первые слова песни пехотинцев.

в своей кирасе!.. Ты будешь полковым призраком! Пики тебе будет не страшны!.. Вот это дело!.. О! Чудесная мысль! Но все же лучше бы тебе немного поправиться!.. Даже на призрак тебя не хватит!.. Бедняга, тебе не хватает по крайней мере десяти кило!.. Я не преувеличиваю!.. Всего десять кило! Тебя не устраивает такой расклад?..

— Нет, дядя!..

— Я так и вижу тебя в атаке!.. Нет, я ничего не вижу!..

— Да, дядя!.. Да, я согласен подождать…

— «Толстые братья!» Фердинанд!.. «Толстый брат»… Слезы кормилиц! Тень призрака! Гроза артиллерий! Семья должна гордиться тобой!.. Ты не пойдешь на флот… У тебя и так морская болезнь… Ну ты понимаешь?.. А что делал твой отец пять лет? Что он скажет?.. Он был в тяжелой артиллерии? В семье должны быть представители разных родов войск!.. Целая армия, мой друг!.. 14 июля на дому!.. А? Тратата! Татата!..

Войдя в роль, он надел свою кепку, она висела справа у зеркала над камином… Я до сих пор помню ее помпон, маленький и желтый, как цыпленочек… Он изображал в ней сражение…

— Вот, Фердинанд! Целая армия!.. — радостно резюмировал он. — А! Ну ладно!.. Все это шут-

ки!.. Ты продолжаешь настаивать на своем?.. У тебя еще нет договора?.. Или номера? Ладно, мой обозный солдатик!.. У тебя еще есть время!.. — Он тяжело вздохнул… — На глупости всегда хватит!.. Теперь ты слишком взволнован… Оно и понятно… Ведь ты рыдал, как Мадлэн… Наверное, ты хочешь пить?.. Нет?.. Ты не хочешь глоток кислого вина?.. У меня есть первоклассный кальвадос!.. Я приготовлю тебе с сахаром!.. Ты не хочешь?.. Может быть, ты хочешь попробовать домашнего вина?.. Я могу тебе подогреть!.. Или ромашки? Глоток анисовой?.. Дать тебе диванную подушку? Я вижу, что это необходимо!.. Для начала можно вздремнуть!.. Это будет самым разумным… Но что я говорю!.. Ты нуждаешься в десятичасовом отдыхе… Давай пошевеливайся!.. Мой дорогой племянник! Хватит распускать слюни!.. Достанем эту плащаницу!.. О! Несчастный старик!.. Наконец-то он отмучился! Тебе не слишком повезло в деревне! Клянусь тебе, я отношусь к тебе как к родному сыну… Оставайся всегда со мной!..

— Мне бы очень хотелось, дядя… Очень!.. Но это невозможно, поверь мне!.. Как-нибудь позже, дядя!.. Позже! Если хочешь! Сейчас я ни на что не способен… Ни на что!.. Скажи, дядя, ведь ты не хочешь, чтобы я уезжал?.. Обещай, что попро-

сишь разрешения у отца?.. Я уверен, он не будет возражать…

— Конечно! Конечно же!.. Я не хочу… — Он был немного смущен… — О! Ну и упрям же ты!.. О! Как ты упрям!.. Точь-в-точь, как Клеманс!.. Честное слово! Ты очень похож на нее! Тебе доставляет удовольствие мучить себя самого!.. Но армия, мой юный друг!.. Это совсем не то, что ты себе представляешь! Это гораздо тяжелее любой работы!.. Ты просто этого не понимаешь… Особенно в твоем возрасте!.. Другим уже 21 год! Это совсем другое дело!.. У тебя просто не хватит сил… И ты окажешься в плачевном состоянии…

— Я не знаю, дядя, но хочу попробовать!..

— О! Это настоящая мания!.. Ладно! Ладно! Пойдем спать! Утро вечера мудренее… Мне кажется, ты слишком устал… В твоем воспаленном мозгу рождаются бредовые идеи… Ты начинаешь заговариваться!.. О! Это они тебя довели… О! Тебе уже давно надо было вернуться! О! Они тебя здорово уделали!.. Эти мужики!.. О! Это они могут!.. Теперь тебя не переубедить! Ну хорошо, братец! Теперь я сам займусь твоим здоровьем… От меня ты никуда не денешься!.. Ты должен меня слушаться!.. Каждый день мучное!.. Масло! Мясо! И первое! И не какая-нибудь там маленькая котлетка!..

Каждое утро — шоколад!.. И еще большая ложка рыбьего жира! О! Но там посмотрим! Ну да, мой зайчик!.. Хватит болтать!.. Пошевеливайся! Пора в кровать!.. Все это чушь!.. Ты просто еще не пришел в себя! Я думаю… на тебя все это слишком сильно подействовало!.. В твоем возрасте еще рано копаться в себе!.. Брось думать об этом!.. Думай о чем-нибудь другом!.. И жрать — за четверых!.. За десятерых! Через восемь дней все пройдет! Наша фирма это гарантирует!..

Мы вытащили из шкафа постель… Раскладушка сильно скрипела… Она стала мне мала… Когда я попытался вытянуть ноги, я наткнулся на перекладину. Я бы предпочел лечь на полу… Мне положили еще и матрац… Я весь дрожал… Он закрыл меня одеялами… Но я продолжал трястись… Он навалил на меня целую кучу пальто… Все свои медвежьи шкуры… В шкафу их хватало!.. Но меня по-прежнему трясло… Я осмотрел стены комнаты… Она тоже сильно изменилась!.. Это была центральная комната, что с «Благовестом».

— Я больше не могу тебя кутать! А? Что скажешь, мой медвежонок? Не могу же я тебя задушить?.. Ты же сам видишь?.. Я тебя уже не вижу… Ну ладно! Будет еще черешневый ликер! Прозрачный!.. Сладкий! Ну ладно! Замечатель-

ный солдатик у меня вышел!.. Весь в одеялах… Ну ладно! Я готов рискнуть!.. А они мне устроят в Пассаже!.. О да! Дорогой мальчик! Сокровище мое!.. Я пущу в ход все свое красноречие!.. Погиб в расцвете сил! Пум! Кончено! О! ля! ля! Какое предательство! Мой император, зачем вы бросили их?.. Двор шумит!..

Мы вместе рассмеялись… Он отправился в свою комнату… И уже издалека сказал мне…

— Я оставляю дверь открытой!.. Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся, зови!.. Ты ведь болен… Я сразу же приду!.. Если у тебя опять начнутся колики, ты сможешь найти туалет?.. По коридору, налево!.. Ты не заблудишься!.. Ночник на столике… Можешь его не задувать… А если тебя снова будет тошнить… Может быть, тебе нужен ночной горшок?..

— О! Нет, дядя… Я схожу в туалет…

— Хорошо! Но когда будешь вставать, накинь пальто! Возьми любое из кучи! В коридоре прохладно… Чего-чего, а пальто здесь хватает!

— Хорошо, дядя!..[153]

---

[153] Примечания: 153

Последние слова романа были вычеркнуты Селином, когда он читал корректуру. Правда, потом он прислал записку своему секретарю Мари Канаваджиа и восстановил их: «Чего-чего, а пальто здесь хватает! — Хорошо, дядя!..». — Вот последние строчки. Л.-Ф. С.».